

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₁₄₎

весна — лето
2011

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

«Эдзо си» («Описание Эдзо») Хаяси Сихэя. Вступительная
статья и перевод с японского языка В.В. Щепкина 5

«Удзи сюи моногатари» («Рассказы, собранные в Удзи»), XIII в.
Вступление и перевод избранных рассказов со старояпонского
Д. Кикнадзе 18

М.И. Воробьева-Десятовская, С.Х. Шомахмадов.
Хотанская версия «Аджитасена-вьякарана-нирдеша-нама-
махаяна-сутры» из коллекции ИВР РАН 26

ИССЛЕДОВАНИЯ

И.И. Надиров. Аллат — «творец всего»? (по хатрийским
и пальмирским надписям) 42

А. Гасимова. Знакомство с мистериями небес
в древней Аравии (на англ. яз.) 55

И.С. Гуревич. «Пинхуа о веснах и осенях семи царств»
(七國春秋平話) и роман Юй Шао-юя (餘邵魚)
«Сказание об уделах Восточного Чжоу» (東周列國志傳) 65

Джорджо Мелони. Некоторые размышления о мань-
чжурской глагольной форме на *-habi* (на англ. яз.) 79

И.Т. Канева. К вопросу о неполных предложениях
в шумерском (на материале хозяйственных текстов) 86

Ж.С. Мусаэлян. Из истории курдского племени *мукри*
(1-я половина XV — начало XX в.) 94

Вал.В. Полосин. К интерпретации арабских текстов
на серебряном персидском талисмани из Эрмитажа 111

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2011

На четвертой стороне обложки:
Изображение *Atherurus tripartitus*
(в колл. N 122/925) работы
[Катсурагава Хокен, са 1820].
Краски, суми; трехслойная
японская бумага, 25,0430,9 см.
Совр. назв. *Pinellia tripartita*
Schott

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
Н.О. Хотинский
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2011
© Институт восточных рукописей РАН,
2011

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Имре Галамбош*. Тангутский перевод «Сада генерала»
Чжугэ Ляна (на англ. яз.) 131
- С.М. Якерсон*. «Завещание» Иехуды Ибн Тиббона (XII в.)
как руководство по светской еврейской каллиграфии 143
- Ю.Д. Михайлова*. Премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро
в политической карикатуре — к вопросу об особенностях
современной японской карикатуры 161
- В.М. Рыбаков*. «Подкуп избирателей по-тански»:
манипулирование общественным мнением как уголовное
преступление по законам китайской династии Тан 179

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- М.И. Воробьева-Десятовская*. Материалы Н.Ф. Петровского
в ИВР РАН 184
- Т.А. Черная*. Иконографическая коллекция доктора
Зибольда “*Flora japonica delineationibus*” 197
- К.Г. Маранджян*. Коллекция японских ксилографов
из собрания отдела Библиотеки Российской академии наук
при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН 220
- И.О. Волкова*. Литографированные издания
на урду в коммерческом каталоге 1874 г. издательства
Мунши Навал Кишора 239

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

- Воробьев-Десятовский В.С. (*Е.П. Островская*) 260
- Дулина Н.А. (*Т.Ю. Евдокимова*)
- Иванова Г.Д. (*В.Ю. Климов*)
- Розенфельд А.З. (*Ю.А. Иоаннесян*)
- Смирнова О.И. (*А.И. Колесников*)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- С.М. Прозоров*. Научное исламоведение в контексте
исламского образования в России 270
- И.В. Кульганек, Т.А. Пан*. 53-я сессия Постоянной
международной алтаистической конференции 279
- М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*.
Четвертые Востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 284
- Ю.В. Болтач*. Четвертые Доржиевские чтения
«Буддизм и современный мир» 287
- О.А. Воднева*. Ежегодная научная сессия ИВР РАН 290

РЕЦЕНЗИИ

- Украшение из постижений. I–III главы. Изучение пути махаяны
в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Перевод
с тибетского, предисловие, введение и комментарии
Р. Н. Крапивин. СПб.: Наука, 2010. 738 с. (*Ю.В. Болтач*) 296
- «Повесть о втором советнике Хамамацу
(Хамамацу-Тюнагон моногатари). Дворец в Мацура
(Мацура-мия моногатари)». Перевод, предисловие и примечания
В.И. Сисаури. М.: Изд-во «Наталис», 2010 г. 364с.
(*К.Г. Маранджян*) 297

IN MEMORIAM

- Акимушкин Олег Федорович (*А.А. Иванов, А.А. Хисматулин*) 300
- Боголюбов Михаил Николаевич (*О.М. Чунакова*) 304
- Кабанов Александр Михайлович (*К.Г. Маранджян*) 307
- Смирнова Ираида Анатольевна (*З.А. Юсупова*) 309

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

WRITTEN MONUMENTS OF THE ORIENT

1₍₁₄₎
spring – summer
2011

Founded in 2004
Issued biannually

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

“Description of Ezo” by Hayashi Shihei (Introduction,
Translation from Japanese into Russian by Vasily Shchepkin) 5

“Uji Shui Monogatari” (“Tales Collected in Uji”), 13th century.
Introduction and Translation from Classical Japanese
by Diana Kiknadze 18

M.I. Vorob'yova-Desyatovskaya, S.H. Shomakhmadov.
The Khotanese Version of the *Ajitasena-vyākaraṇa-nirdeśa-nama-*
mahāyāna-sūtra from the Collection of the Institute of Oriental
Manuscripts of the RAS 26

RESEARCH WORKS

I.I. Nadirov. Allat — the Creator of Everything 42

Aida Gasimova. Acquaintance with the Mystery of Heavens
in Ancient Arabia 55

I.S. Gurevich. “The *Pinghua* on the Springs and Autumns
of the Seven Kingdoms” and the Novel “The Legend
of the Kingdoms of the Eastern Zhou” 65

Giorgio Meloni. Some Remarks on the Manchu Verb Form *-habi* 79

I.T. Kaneva. Regarding the Question of Incomplete Sentences
in Sumerian (Based on Business Texts) 86

J.S. Musaelyan. On the History of the Kurdish *Mukri* Tribe
(first half of the 15th — beginning of the 20th century) 94

Val.V. Polosin. To the Interpretation of Arabic Texts
on a Silver Persian Talisman at the Hermitage 111

“Nauka”
“Vostochnaya Literatura”
Publishers
2011

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Imre Galambos*. The Tangut Translation of the *General's Garden* by Zhuge Liang 131
- Semyon Iakerson*. The "Ethic Will" of Judah ibn Tibbon as a Manual of Calligraphy 143
- Yulia Mikhailova*. Prime Minister Koizumi Junichiro in Political Cartoons: On Characteristic Features of Contemporary Japanese Cartoons 161
- V.M. Rybakov*. Tampering with the Voters in the T'ang Dynasty Manner: Manipulating Public Opinion as a Felony under the Laws of the Chinese T'ang Dynasty 179

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- M.I. Vorob'yova-Desyatovskaya*. Materials of Nikolay F. Petrovsky at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS 184
- T.A. Tchernaja*. Siebold's Collection of Botanical Illustrations *Flora Japonica Delineationibus* 197
- K.G. Marandjian*. The Collection of the Japanese Wood-block Prints from the Russian Academy of Sciences' Library of the Komarov Botanical Institute 220
- I.O. Volkova*. Urdu Lithoprinting Books in Munshi Naval Kishor's Commercial Catalogue 1874 239

HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN PERSONS

- Vorob'yov-Desyatovsky V.S., Dulina N.A., Ivanova G.D., Rosenfeld A.Z., Smirnova O.I. 260

ACADEMIC LIFE

- S.M. Prozorov*. Scholarly Islamic Studies in the Context of Islamic Education in Russia 270
- I.V. Kulganek, T.A. Pang*. 53rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference 279
- M.I. Vorob'yova-Desyatovskaya, Ye.P. Ostrovskaya*. The Forth Oriental Readings in Memory of O.O. Rosenberg 284
- Yu.V. Boltach*. The Forth Dorjiev Readings "Buddhism and Modern world" 287
- O.V. Vodneva*. Annual Scientific Conference at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS 290

REVIEWS

- Ornament of Realizations. Chapters I–III. Study of the Mahayana Way at the Gomang-datsan of the Drepung Tibetan Monastery. Translation from Tibetan, Preface, Introduction and Commentary by R.N. Krapivina. Saint-Petersburg, 2010. 738 pp. (by *Yu.V. Boltach*) 296
- Hamamatsu-chunagon Monogatari. Matsura-miya Monogatari. Translation from Japanese, Introduction and Commentary by V.I. Sisauri. Moscow, "Natalis", 2010. 364 pp. (by *K.G. Marandjian*)

IN MEMORIAM

- Akimushkin Oleg Georgievich (by *A.A. Ivanov, A.A. Hismatulin*) 300
- Bogoliubov Mikhail Nikolaevich (by *O.M. Chunakova*) 304
- Kabanov Aleksandr Mikhailovich (by *K.G. Marandjian*) 307
- Smirnova Iraida Anatolievna (by *Z.A. Yusupova*) 309

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Imre Galambos*. The Tangut Translation of the *General's Garden* by Zhuge Liang 131
- Semyon Iakerson*. The "Ethic Will" of Judah ibn Tibbon as a Manual of Calligraphy 143
- Yulia Mikhailova*. Prime Minister Koizumi Junichiro in Political Cartoons: On Characteristic Features of Contemporary Japanese Cartoons 161
- V.M. Rybakov*. Tampering with the Voters in the T'ang Dynasty Manner: Manipulating Public Opinion as a Felony under the Laws of the Chinese T'ang Dynasty 179

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- M.I. Vorob'yova-Desyatovskaya*. Materials of Nikolay F. Petrovsky at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS 184
- T.A. Tchernaja*. Siebold's Collection of Botanical Illustrations *Flora Japonica Delineationibus* 197
- K.G. Marandjian*. The Collection of the Japanese Wood-block Prints from the Russian Academy of Sciences' Library of the Komarov Botanical Institute 220
- I.O. Volkova*. Urdu Lithoprinting Books in Munshi Naval Kishor's Commercial Catalogue 1874 239

HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN PERSONS

- Vorob'yov-Desyatovsky V.S., Dulina N.A., Ivanova G.D., Rosenfeld A.Z., Smirnova O.I. 260

ACADEMIC LIFE

- S.M. Prozorov*. Scholarly Islamic Studies in the Context of Islamic Education in Russia 270
- I.V. Kulganek, T.A. Pang*. 53rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference 279
- M.I. Vorob'yova-Desyatovskaya, Ye.P. Ostrovskaya*. The Forth Oriental Readings in Memory of O.O. Rosenberg 284
- Yu.V. Boltach*. The Forth Dorjiev Readings "Buddhism and Modern world" 287
- O.V. Vodneva*. Annual Scientific Conference at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS 290

REVIEWS

- Ornament of Realizations. Chapters I–III. Study of the Mahayana Way at the Gomang-datsan of the Drepung Tibetan Monastery. Translation from Tibetan, Preface, Introduction and Commentary by R.N. Krapivina. Saint-Petersburg, 2010. 738 pp. (by *Yu.V. Boltach*) 296
- Hamamatsu-chunagon Monogatari. Matsura-miya Monogatari. Translation from Japanese, Introduction and Commentary by V.I. Sisauri. Moscow, "Natalis", 2010. 364 pp. (by *K.G. Marandjian*)

IN MEMORIAM

- Akimushkin Oleg Georgievich (by *A.A. Ivanov, A.A. Hismatulin*) 300
- Bogoliubov Mikhail Nikolaevich (by *O.M. Chunakova*) 304
- Kabanov Aleksandr Mikhailovich (by *K.G. Marandjian*) 307
- Smirnova Iraida Anatolievna (by *Z.A. Yusupova*) 309

«Эдзо си» («Описание Эдзо») Хаяси Сихэя

(вступительная статья и перевод с японского языка В.В. Щепкина)

Настоящая публикация является первым переводом на русский язык «Описания Эдзо» — главы из трактата «Сангоку цуран» («Общий обзор трех стран») японского мыслителя Хаяси Сихэя (1738–1793). Автор описывает географическое положение острова Хоккайдо, быт, одежду, пищу, лекарства, занятия и промыслы населявших остров айнов. Особый интерес представляют сведения о России, позволяющие понять степень и характер осведомленности японцев того времени о северном соседе. Кроме того, ценными являются приводимые автором сведения о степени освоения земель к северу от Японии на момент написания трактата.

Ключевые слова: Хаяси Сихэй, Эдзо, Хоккайдо, айны, «Сангоку цуран», российско-японские отношения, северные территории.

В японской коллекции Отдела рукописей и документов ИВР РАН за номером В-146 хранится рукопись, зарегистрированная в каталоге как «Описание Хоккайдо» (яп. *Эдзо-си* 蝦夷志) (Петрова, 1963, с. 92–93). Данное описание является извлечением из труда известного мыслителя Хаяси Сихэя (1738–1793) «Общий обзор трех стран с приложением карт и комментарием» («Сангоку цуран дзусэцу» 三国通覧図), который посвящен описанию трех соседних с Японией стран — Кореи, Рюкю и Эдзо. В разделе об Эдзо Хаяси Сихэй приводит данные о географическом положении острова Хоккайдо (сам он называет его страной Эдзо), а также ряда других территорий — Курильских островов, Камчатки и Сахалина. Особенно интересны приводимые автором сведения о России, позволяющие понять степень и характер осведомленности японцев того времени о северном соседе. Далее следует описание быта, обычаев, одежды, питания, лекарств, занятий и промыслов айнов. Хаяси Сихэй приводит также несколько исторических фактов, связанных с открытием Эдзо и уточнением географического положения этих земель. Красной линией сквозь все повествование проходит идея необходимости подчинения земель Эдзо Японии, недопущения прихода туда русских, разработки рудников на этих землях и т.д. Из всего сказанного следует, что название рукописи логичнее было бы перевести как «Описание Эдзо». Во-первых, под словом *эдзо* понимались не только земли, на которых проживали айны, но и сам этот народ — а Хаяси много внимания уделяет и описанию этого народа. Во-вторых, Хаяси хоть и акцентирует внимание на территории современного острова Хоккайдо, но описывает также и земли к северу от него, а Эдзо зачастую употреблялось как собирательное название всех расположенных к северу от Японии земель. И в-третьих, само название Хоккайдо во времена Хаяси не было распространено.

В конце рукописи приводится дата и место написания сочинения: 1786 год, Сэндай (яп. *Тэммэй рокунэн, Сэндай* 天明六年、仙台). Ниже приписано: 林子平述 (яп. *Хаяси Сихэй дзюцу* — «Изложил Хаяси Сихэй»). Сама рукопись является списком 1854 г., однако подпись переписчика отсутствует. На рукописи имеется печать

Библиотеки Императорского Русского географического общества с датой поступления рукописи — 15 мая 1881 г. под номером коллекции 683. Рукопись состоит из одной тетради в 20 листов. Текст написан тушью на ксилографически выполненных бланках, по 10 строк на странице.

Трактат «Общий обзор трех стран», частью которого является описание, был полностью переведен на французский язык еще в 1832 г. (Klaproth, 1832), по официальной информации — известным востоковедом Г.Ю. Клапротом¹. Известен также отдельный перевод описания Эдзо на голландский язык, выполненный Ф.Ф. Зибольдом² (Хаяси, 1979, с. 457–474). Настоящая публикация является первой попыткой перевода описания Эдзо на русский язык.

Хаяси Сихэй **Описание Эдзо**

Земли Эдзо лежат к северу от провинции Муцу³ и отделены от вершины Оома в Нанбу⁴ и от мыса Таппидзаки в Цугару лишь полосой моря⁵. Земли эти находятся в очень холодной местности, примерно между 43 и 51–52 градусами⁶ [северной широты]. Протяженность земли с юга на север составляет около 300 японских *ри*⁷, с востока на запад — около 100. Однако с востока на запад земля очень извилиста, с переменчивой шириной, например, в районе Исикари и Ибури ширина составляет всего 24–25 *ри*. Вся земля Эдзо делится на пять частей (70 *ри* земли Мацумаэ⁸ не входят в эти пять частей). Земля протяженностью 170–180 японских *ри* от Хараки до Киритаппу называется восточной частью. Всего в ней находится 51 населенный пункт (на языке Эдзо она называется Мэнаси Куру, *мэнаси* означает «восток», а *куру* — «деревня»). Земля протяженностью 80–90 японских *ри* между Киритаппу и Ураясибэцу называется северо-восточной, там всего семь населенных пунктов. Земля, огибающая бухту, протяженностью 140–150 *ри* от Ураясибэцу до Соя называется северной, там четыре населенных пункта. Земля протяженностью около 200 *ри* от Соя до Усубэти называется западной, там 41 населенный пункт (на языке Эдзо она называется Сиюму Куру, *сиюму* означает «запад», а *куру* — как и выше). Земля, которая тянется вдоль большой реки, соединяющей оба моря⁹, называется центральной. Там всего 13 населенных пунктов. Итого пять частей.

¹ Клапрот Генрих Юлиус (1783–1835) — известный в XIX в. востоковед. В 1804–1810 гг. работал в Императорской Российской академии наук, в том числе участвовал в посольстве в Китай, которое, однако, не было пропущено дальше Монголии. Согласно сведениям, приводимым Клапротом в предисловии к переводу, экземпляр трактата «Общий обзор трех стран» он обнаружил в ходе этой поездки в Иркутске. Однако существуют данные, ставящие под сомнение если не авторство, то, по крайней мере, сведения о времени и месте обнаружения трактата.

² Зибольд Филипп Франц фон (1796–1866) — немецкий естествоиспытатель и биолог. В 1823–1830 гг. находился в Японии, куда прибыл в качестве врача Голландской Ост-Индской компании.

³ Провинция Муцу 陸奥国 занимала территорию современной префектуры Аомори и части префектуры Иватэ.

⁴ Нанбу 南部 — одно из названий княжества Мориока (яп. 盛岡藩), располагавшегося на севере современной префектуры Иватэ и в восточной части префектуры Аомори.

⁵ Цугару 津軽 — территория западной части современной префектуры Аомори.

⁶ Согласно указанным цифрам, под землями Эдзо автор имеет в виду земли к северу от княжества Мацумаэ до южной оконечности Камчатки.

⁷ *Ри* 里 — мера длины, равная 3927 м.

⁸ Имеется в виду княжество Мацумаэ 松前藩, единственное располагавшееся на территории современного о. Хоккайдо и занимавшее его южную оконечность. Здесь и далее территория земель измеряется протяженностью береговой линии.

⁹ Вероятно, автор упоминает две из наиболее крупных рек Хоккайдо — Исикари и Токати.

Во все пять частей, описанные выше, приезжают японские корабли и активно ведут торговлю. В деревнях японцами, занимающимися торговлей, построены склады, которые называются *ундзёя*¹⁰, где ведется торговля с местными айнами. Кроме того, в рамках этой торговли незначительная часть продукции отправляется в дом Мацумаэ. Это называется *сасини*¹¹. Другими словами, это своего рода налог.

Выше я писал, что в деревнях есть склады *ундзёя*, где проводятся торговые сделки, однако люди, находящиеся там, все до единого простые торговцы, поэтому их обращение с коренным населением, насколько я слышал, безобразно. Очень бы хотелось, чтобы подобное обращение было запрещено и чтобы сами торговцы осознали необходимость вежливого и добродетельного отношения к местному населению для искренней покорности с их стороны.

В восточной части обитают так называемые «свои айны». Они, подобно вассалам, в начале каждого года приходят в Мацумаэ для ежегодного поклонения. Говорят, они всегда чрезвычайно почтительны.

В их землях нет письменности, нет денег и ценных вещей, нет зерна и шелка, нет железа и меди; они живут лишь тем, что добывают продукты моря, охотятся на птиц и зверей и питаются ими.

В их землях нет лекарств; в случае болезни они просто возносят молитвы. При этом они не знают каких-то конкретных богов для молитвы, а молятся просто небу.

Я все же думаю, что нельзя говорить о полном отсутствии лекарств; говорят, что с помощью двух лекарств, *икэма*¹² и абрикоса, они лечат боли в животе, резаные раны и т.д. Об этих двух лекарствах я напишу ниже, в разделе о продуктах.

В их землях нет ни хлопчатобумажной ткани, ни шелка; одежду они называют *ацуси*, для ее изготовления обдирают кору, похожую на лозу глицинии, и ткут грубым способом. Поверхность ткани похожа на соломенную циновку, а форма повторяет форму поясницы, а также есть рукава. [На нашем языке] она называется *дзиттоку*. Только такая одежда изготавливается собственно айнами. Также они используют шкуры зверей. Кроме того, в последнее время они часто одеваются в бывшие в употреблении одежды из Японии, Китая, Маньчжурии и Московии, из-за чего внутри одной семьи отцы и дети часто носят разную одежду. Отец носит японскую, сын одевается в *ацуси*, мать в китайскую, а дочь похожа на москвитянку. На самом деле они типичные варвары, не имеющие организации и порядка.

Если описать их страну одним словом, то это одна большая каменная гора размером сто на триста *ри*. Следовательно, вся земля их обрывиста, и в центральной части нет пахотных земель, где можно было бы заниматься выращиванием растений. Поэтому они живут лишь в 107 деревнях вдоль морского побережья (исключая деревни, расположенные на 70 *ри* от побережья Мацумаэ, и деревни горных айнов).

В северо-восточной части есть айны, живущие в горах. На языке айнов они зовутся *мэнаси*. Так как у них не распространены морепродукты, они выращивают бобовые, злаки, гаолян, куриное просо, однако в холодной местности продукция их труднообрабатываемых полей чрезвычайно скудна, ее хватает лишь на тех, кто обрабатывает эти поля, а на тех, кто занимается другими делами, зерна не хватает. Поэтому они иногда спускаются с гор к побережью и меняют звериные шкуры и другие продукты на рыбу. Однако ничего не известно о количестве их деревень или поселений.

¹⁰ *Ундзёя* 運上屋 досл. «дом, куда приносят налог».

¹¹ *Сасини* 差し荷 досл. «ноша, которую несут вдвоем на плечах».

¹² *Икэма* イケマ — цинанхум хвостатый (лат. *Cynanchum caudatum*), вид многолетних трав с вьющими-ся стеблями и гроздьями крупных плодов.

Говорят, что если в западной части, в районе Цуконо и Хатадзири, войти в горы и идти пешком два дня, то можно встретить деревни горных айнов.

К северу от страны Эдзо есть еще одна страна. Она отделена от северо-западной части Эдзо морским проливом шириной всего 6–7 *ри*. Эта земля называется остров Карафуто (настоящее название Тараикаи или Таракаи). Говорят, что на этом острове 21 деревня, а окружностью он 300 *ри*. Несмотря на эти сведения, пока никто своими глазами таких подробностей не видел. Однако в последнее время географы довольно подробно изучили Кунашир, и об этой земле, видимо, тоже в общих чертах знают. Эту землю нельзя назвать совершенно отделенным островом. Говорят, что это мыс, выступающий в море на юго-восток от земель народа *шивэй*¹³ и Восточной Татарии. Это можно понять, взглянув на карту. То, что Хакусэки-сэнсэй¹⁴ в своей карте всех стран обозначил как «носаку», и есть этот Карафуто. Места к северо-западу от него полны крутых гор и обрывистых утесов, отчего труднопроходимы, а к северо-западу от них есть земли под названиями Сантан и Мантиу. Над названием «Сантан» я еще не думал, а Мантиу — это должно быть Маньчжурия. И если подумать, от Карафуто до столицы Маньчжурии не так далеко. Согласно корабельным запискам Тоуэмона, который в годы Канъэй¹⁵ совершил путешествие из провинции Этидзэн¹⁶ к берегам Кореи, сначала он прибыл к побережью северной части Корейского полуострова, а затем оттуда 30 дней шел до столицы Маньчжурии по материковой дороге. Затем еще 30 с лишним дней до Пекина, затем еще 30 с лишним до столицы Кореи, а затем еще 12 до бухты Пусан, после чего вернулся на остров Цусима. Если считать, что в день он проходил по 7–8 японских *ри*, можно вычислить примерное расстояние, посчитав количество дней.

Из Карафуто в Эдзо для торговли привозят сапфир, орлиные перья (для стрел), курительные трубки, больших змей, произведения искусства, красивую шелковую одежду и т.д. Среди этого собственно на Карафуто добывается сапфир, орлиные перья добываются как на Карафуто, так и в Эдзо, курительные трубки привозятся из Татарии, но на всех них есть украшения в виде маньчжурских букв. Произведения искусства, шелковая одежда и змеи привозятся из Китая. Они попадают на Карафуто из Пекина через посредство Маньчжурии, а затем через Соя в Мацумаэ. Однако, поскольку в море между Эдзо и Карафуто большое количество подводных скал, а на материке тысячи обрывистых гор, сообщение между ними в обе стороны довольно сложно, поэтому широкомасштабной торговли между ними нет и они просто обмениваются товарами.

В море, что к востоку от Эдзо, есть 37 островов, о которых писалось в книгах и название которым «Тисима». Только два из них имеют сообщение с Эдзо, это Кунашир и Итуруп. Пройдя все эти 37 островов на восток, можно попасть в еще одну страну, Камчатку (айны называют ее Камсаска). Эта далекая земля также прилегает к землям Татарии, она окружает север Эдзо и простирается на восток. В годы Камбун по японскому исчислению¹⁷ императрица Московии, что в Европе, изъявила намерение, достойное великого и храброго человека, объединить под властью одного императора все пять континентов. Она установила порядок и отдала приказы, гласящие о том,

¹³ *Шивэй* 室韋 — народ монгольской или тунгусской группы, родственник киданям. Населял территории современной Маньчжурии.

¹⁴ Имеется в виду известный мыслитель и политический деятель рубежа XVII–XVIII вв. Араи Хакусэки (1657–1725).

¹⁵ Годы правления Канъэй 寛永 соответствуют 1624–1643 гг. европейского летоисчисления.

¹⁶ Провинция Этидзэн 越前国 — территория современной префектуры Фукуи.

¹⁷ Годы правления Камбун 寛文 соответствуют 1661–1672 гг. европейского летоисчисления.

чтобы дети и внуки, будущие после нее, не меняли ее порядка, продолжали увеличивать территорию страны и чтобы подвиг стал величайшим делом. В этом она видела предназначение императора. После этого день за днем и месяц за месяцем на посты назначались способные люди, постепенно они захватили земли вплоть до севера Татари и в конце концов в годы Гэмбун по японскому исчислению¹⁸ дошли до крайней восточной точки, мыса Камчатки. Теперь Московия простирается на три тысячи японских *ри*, государство назначает своих наместников, которые ведут государственные дела. Однако в тех землях нет зерна и шелка, поэтому, говорят, в качестве дани они берут одну звериную шкуру с одного человека. К востоку от Камчатки больше нет земель, которые можно было бы захватить, поэтому есть вероятность, что они вновь обратят взоры на запад и попытаются захватить Тисиму. На самом востоке Тисимы есть один большой остров Ракко¹⁹, называемый также Курухасэ («Курухасэ» — это другое название Камчатки, а поскольку остров Ракко близок к Камчатке, айны и этот остров по ошибке называют «Курухасэ»). Сообщают, что этот остров также уже прибран к рукам и люди Московии в последнее время в большом количестве там селятся. Этот остров служит им отправной точкой для торговых походов на Итуруп, что неподалеку от Эдзо (среди товаров есть соль, сахар, подобие алого сукна, всякого рода продукты южных морей — стоит подумать над тем, как товары южных морей попадают в эти земли). Однако истинное намерение их приходов для торговли вычислить сложно. Нет ли у них намерений поглотить Итуруп? Я слышал рассказы айнов, что на вопрос «Из какой вы страны?» эти люди отвечали «Из Оросия» (между прочим, слово «Оросия» — это измененное слово «Русия», а Русия — это название места столичного замка Московии, что-то вроде Эдо в Японии; поэтому мне кажется, что, когда айны спрашивают, из какой страны, те отвечают, что из Руси, а айнам слышится «Оросия»). Одежда их похожа на голландскую, а цвет у всех красный. Поэтому айны называют их *хорисии сиямо*. (Ношение красной одежды также является инициативой той императрицы; на языке айнов «красный» будет *хори*, «добрый» будет *сии*, а «человек» — *сиямо*, поэтому *хорисии сиямо* значит «красный хороший человек», и это слово означает подчинение этим красным людям.) Раз они уже захватили остров Ракко, то могут скоро расположить к себе и Итуруп, а если продвинутся еще дальше на запад, то придут уже на северо-восток Эдзо. Япония и Эдзо — это тесно прилегающие друг к другу страны, поэтому можно предположить и большее.

Айны отличаются глупостью и добротой. Русские при своих контактах с айнами не используют оружия, не проявляют зверства, а поскольку Эдзо страна холодная, они кормят их черным перцем, помогая преодолеть холод, дают им одежду на вате, оберегающую от холодного воздуха, а также кормят их сладким сахаром, поят крепким сакэ, тем самым ублажая их аппетиты, грохочут пушками, демонстрируя свое величие. Таким образом, они применяют искусство приручения варваров военными и словесными средствами. Фейт²⁰ рассказывал, что русские знают довольно много.

В землях Эдзо чрезвычайно много золотых рудников. Однако жители не знают, как их копать, поэтому они впустую стоят неразработанными. Также там много серебряных, медных рудников, а также мест, где на поверхность выступает золотоносный песок, таких как Куннуй, Унбэцу, Юубари, Сикоцу, Хаборо и т.д. Этот золотоносный песок находится не в расщелинах внутри речных вод, а тянется на 10–20 *ри* по поверхности земли. В Хаборо золотоносный песок выбрасывается на берег

¹⁸ Годы правления Гэмбун 元 соответствуют 1736–1740 гг. европейского летоисчисления.

¹⁹ В эпоху Эдо (1603–1867) островом Ракко японцы называли о. Уруп.

²⁰ Имеется в виду Аренд Вилем Фейт, директор голландской фактории в Нагасаки в 1775–1776, 1777–1779, 1780–1781 гг.

со дна моря, и говорят, после сильных бурь от северо-западного ветра 40 *ри* морского побережья приобретают золотой цвет. И все это золото и серебро никто не берет, оно остается лежать без надобности. И если мы не возьмем его сейчас, то потом его непременно возьмет Московия, а если возьмет Московия, то сколько ни кусай локти, будет уже поздно. Согласно слухам, некоторые, желая набрать золотиносного песка, остаются в Хаборо зимовать, но подвергаются ужасным холодам и непременно умирают, а если нет, то становятся больными или инвалидами, поэтому туда никто и не едет. И вот я думаю, если это правда, то все это чрезвычайно глупо и безрассудно. Если в Хаборо люди умирают от холода, то благодаря чему остаются живыми люди к северу от Хаборо? Смерть людей от холода возможна, если люди из теплых мест, приходя в места с холодным климатом, предварительно не защищаются от холодного воздуха. А если будет способ защиты, то не будет и смертей.

Среди продукции земель Эдзо много хорошего леса, особенно много туевика²¹. Также много хорошей древесины той же породы, что и туевик, под названием ель²². Раздвижные перегородки *сёдзи*, бочки, подставки из некрашеного дерева — все это делается из этого материала. Много и других способов применения. Также распространена сосна²³, и хоть она хуже ели, но все же тоже хорошее дерево. Кроме того, также много багряника, конского каштана, желтого дуба и т.д. Из трав есть съедобная хризантема, цветущая белыми цветами; лилия с черными цветами; гречишник, толщиной 6–7 *сун*²⁴ и высотой 1 *дзё*²⁵ и 5–6 *сяку*²⁶; мать-и-мачеха с толщиной стебля 6–7 *сун* и листьями размером около 1 квадратного *дзё*. Из горных зверей есть большие бурые медведи и небольшие обычные медведи. Бурые медведи нападают на людей и животных, обычные не нападают. Кроме того, поговаривают, что изредка встречается пунцовый медведь, красного, как алое сукно, цвета, быстрый, как молния, и появляется очень внезапно, хотя и редко. Те, кто его встречают, непременно заболевают; на самом деле это сказочное животное. Коровы и лошади есть только в землях Мацумаэ, а в землях Эдзо их нет. Из морских животных есть морской бобр, котик, выдра, тюлень, все они редкие. Из птиц есть сокол, островной коршун, орел, водяной орел. По этой причине производится много перьев для оперения стрел, бесподобных по своим свойствам. Из рыб есть лосось и сельдь, которые добываются в этой стране в большом количестве и составляют основной рацион местных жителей. Лосось добывают у морского побережья, в местах, где перемешивается соленая и пресная вода. В седьмую и восьмую луну, когда лосось идет вверх по течению рек в невиданных для других стран количествах, реку преграждают, не давая ей течь, и тогда-то и ловят рыбу голыми руками, после чего коптят на костре, сушат и вялят (такой способ называется *карасакэ*). Есть также сельдь. В местах ее скопления на поверхности воды выступает белая пена наподобие снега. В таких-то местах ее и накрывают сетью и ловят в огромных количествах, после чего сушат. Также у этой рыбы есть икра, которой очень много в ее животе, она добывается путем вскрытия. Два эти вида рыбы употребляются в пищу на протяжении всего года (в землях Эдзо невозможно выращивать зерновые, поэтому природа создает рыбу, предназначенную для пропитания людей; это воистину чудо природы). Помимо этих двух видов рыбы в большом количестве есть также трепанги и морские ушки, которые также употреб-

²¹ Туевик долотовидный (яп. *хиба* 檜葉) — вечнозеленое дерево семейства кипарисовых.

²² Ель аянская (яп. *эдзомацу* 蝦夷松) — вечнозеленое дерево семейства сосновых.

²³ Имеется в виду сосна пятиигольчатая (яп. *гоёмачу* 五葉松).

²⁴ *Сун* 寸 — мера длины, равная 3,03 см.

²⁵ *Дзё* 丈 — мера длины, равная 3,03 м.

²⁶ *Сяку* 尺 — мера длины, равная 30,3 см.

ляются в пищу. Китов в их землях также много, однако варвары не знают способов их ловли. Они лишь могут брать выброшенных на взморье китов, погибших от укусов рыбы *камикири*. По форме рыба *камикири* напоминает дельфина, она длинная и острая, похожа на гриву. Возможно, она относится к виду «рыба-меч». Говорят, что эти рыбы часто убивают китов. В восточных морях обитает огромная рыба под названием *окина*. Она чрезвычайно длинная и крупная. Говорят, она часто заглатывает китов. И хоть о ней говорят, нет человека, который видел бы ее целиком. Лишь изредка, когда она всплывает на поверхность, видны ее спина и плавник. Говорят, спина ее настолько большая, что напоминает горный остров. Когда приходит эта рыба, морское дно грохочет, словно гром, а киты разбегаются на запад и восток, и тогда и рыболовные суда понимают, что приближается *окина*, и спешно выходят к берегам. Таким образом, рыболовные суда в восточных морях все же иногда с ней встречаются.

Есть также рыба под названием *кинахо*. По форме она похожа на ската. Внутри ее есть кишечный жир. У варваров он считается деликатесом.

Среди красных хвостоклов встречаются довольно большие особи. Когда они изредка всплывают на поверхность, говорят, можно увидеть спины площадью 60–70 квадратных *дзё*. Однако это очень необычно. Видимо, странная земля порождает инородных существ.

О морской капусте в нашей стране все знают, поэтому о ней я не пишу.

Из лекарств у них есть *икэма* и абрикос, эти два средства варвары принимают во время болезней. Хоть у них есть лекарственные растения и помимо этих, пользоваться ими они не умеют. Одни говорят, что абрикос — это гриб, другие — что он произрастает среди больших деревьев кипариса глубоко в горах. Однако так это или нет, пока неизвестно. Для лечения спазмов, скоплений насекомых, тошноты, рвоты используют абрикос, для лечения ушибов, резаных ран, простуды, нарывов используют *икэма*. В последнее время и в нашей стране появились люди, которые осуществляют лечение с использованием этих двух средств. Говорят, что они очень хорошо лечат (*икэма* — это ползучее растение, которое произрастает, например, на горе Комагатакэ в Сэндай или на горе Никкосан в Симоцукэ²⁷).

Помимо этих двух лекарственных растений есть также борец, купена, коптис, морковь, бархат, однако они не знают способа их использования (борец используется в отравленных стрелах; для их изготовления нужно истолочь в жижу борец, красный перец и длинноногих пауков и замесить получившуюся массу на огне).

Справа я написал коротко о продукции. Вызывают сожаление две вещи: что не разрабатываются золотые и серебряные рудники и что не собирается золотиносный песок на поверхности земли. Когда же появятся те умельцы, что добудут золото и серебро в землях Эдзо?

23-го числа 12-й луны 12-го года правления Камбун²⁸ груженное рисом судно из провинции Исэ подняло паруса в местечке Тоба провинции Сима²⁹ и отправилось на восток. 24-го числа в час Обезьяны³⁰ подул сильный северный ветер, и судно понесло на юго-восток. Спустя девять дней и ночей ветер переменился на южный, и судно понесло в противоположную сторону, на северо-восток. Спустя семь месяцев судно проплыло несколько тысяч *ри*, о чем экипаж и не догадывался. От морского воздуха

²⁷ Провинция Симоцукэ 下野国 занимала территорию современной префектуры Тотиги.

²⁸ 9 февраля 1673 г.

²⁹ Современный г. Тоба в префектуре Миэ. Провинция Сима 志摩国 занимала территорию современного полуострова Сима в префектуре Миэ.

³⁰ Промежуток с 15 до 17 часов.

все почернели, уже не различали дни и месяцы, зная лишь, что проплыли сто с лишним дней. Поскольку ветер уже остановился, они взяли курс на юг, судно постепенно продвигалось, и через несколько дней внезапно увидели большую землю. Это был Итуруп. Они приблизились к берегу и взяли курс на юго-запад. Спустя восемь дней и ночей граница этой земли закончилась. На расстоянии 12–13 *ри* к юго-западу от этой земли виднелись горы. Там оказался еще один остров, это был Кунашир. Они снова приблизились к берегу и снова пошли на юго-запад, и через девять дней и ночей земля опять закончилась. На расстоянии 20 с лишним *ри* на запад снова виднелись горы, это был Ноцусабу на Эдзо. Оттуда через Токати на той же земле они прибыли в Мацумаэ. Мне кажется, что место, куда они приплыли сначала и где все почернело от морского воздуха, находится на границе ночной страны — туда они попали, проплыв к востоку от Камчатки. Было записано, что вдоль Итурупа и Кунашира они плыли восемь и девять суток. Получается, что это не клочки земли, какими они изображались с давних времен, а и тот и другой — довольно крупные острова, соизмеримые с Рюкю и Тайванем. А на картах, имеющихся в нашей стране, обозначены лишь их названия со слов самих айнов.

После того как Като Киёмаса³¹ захватил Корею, он вторгся в земли народа *урианхай*³² и сжег дотла их столичный замок, после чего поднялся на высокую гору и обратил свой взор на восток. И Киёмаса, и его воины сильно удивились, увидев там японскую гору Фудзи. Каибара Ацунобу³³, комментируя этот случай, сказал, что это была не Фудзи, а пик Каимон в Сацума³⁴. Согласно другим теориям, это гора Дайсэн в провинции Хоки³⁵. Я же считаю, что неправы ни те, ни другие. Это гора Риисири, которая находится в море к западу от побережья земли Эдзо³⁶. Если посмотрите общую карту трех стран, то увидите направление.

По словам моряков, низкие облака, которые называют «желтым драконом», свидетельствуют о близости гор. К западу от земель Эдзо простирается бескрайнее море, и других островов там нет. Однако к юго-западу от Хаборо, Уэбэцу и других мест на Эдзо изредка можно увидеть «желтого дракона». Мне кажется, это видны горы Кореи. Если проследить направление по карте, то в этом можно убедиться.

На памятном камне Цубо записаны расстояния пяти направлений. В том числе на нем высечено, что до границы земли Эдзо 120 *ри*. (Памятный камень Цубо — это привратный камень древнего замка Тага, развалины которого находятся сейчас в деревушке Итикава уезда Мияги в Сэндай; древний камень сохранился до наших дней.) В ту эпоху расстояние измерялось меньшим способом, один *ри* равнялся шести *тё*³⁷ (1 *тё* равен 60 *кэн*³⁸, 1 *кэн* равен 6 *сяку*). Таким образом, записанные на этом камне 120 *ри* в современных единицах составляют лишь 20 *ри*. А если так, то это место расположено в районе современного уезда Моно, прямо в центре княжества Сэндай. Здесь проходила древняя граница земли Эдзо. А так как нынешняя граница земли Эдзо протекает в районе города Кумаиси в Мацумаэ, это отстоит от развалин замка

³¹ Като Киёмаса (1562–1611) — японский полководец, *дайме*, первый глава княжества Кумамото.

³² Урианхай 兀良哈 — монгольский народ, проживавший к востоку от хребтов Хинган.

³³ Каибара Ацунобу (1630–1714), более известный как Каибара Экиэн, — японский конфуцианский мыслитель.

³⁴ Ныне это пик Каимон на полуострове Сацума в префектуре Кагосима. За схожесть со знаменитой горой его и теперь называют «сацумским Фудзи».

³⁵ Провинция Хоки 伯耆国 занимала западную часть современной префектуры Тоттори.

³⁶ Пик Риисири 利尻岳 расположен на одноименном острове в Японском море примерно в 20 км от северо-западного побережья Хоккайдо, к западу от города Вакканай.

³⁷ Тё 町 — мера длины, равная 109,09 м.

³⁸ Кэн 間 — мера длины, равная 1,81 м.

Тага на 1320 *ри* в старом измерении и 220 *ри* в новом. Таким образом, разница в расстоянии до границы земли Эдзо в древности и сейчас означает, что до годов правления Тэмпё-Ходзи³⁹ районы Дэва и Муцу⁴⁰ были землями, не подчинявшимися власти императора. Это означает, что в столице жителей этих провинций считали за настоящих варваров и обращались с ними как с иностранцами. Поэтому не прекращались походы на восток. В годы Тэмпё-Ходзи такие люди, как Эми Асакари⁴¹, наконец силой продвинулись до района современного уезда Моно⁴², усмирили население, построили город в уезде Мияги и под напором айнов перед воротами замка поставили памятный камень, на котором было написано, что расстояние до границы с землей Эдзо 120 *ри*. Тем самым они обозначили, что к югу от современного уезда Моно — Япония, а к северу — Эдзо. Это и была древняя граница Эдзо. Спустя сорок с лишним лет после обозначенных событий в годы Энряку⁴³, в правление императора Камму, усмиритель востока Сакануэ-но Тамурамаро⁴⁴ покорил большие площади варварских земель. В результате были подчинены обширные земли Нанбу до самого Цугару на расстоянии 840 *ри* по старому измерению, или 140 *ри* по новому, к северу от замка Тага. Теперь к югу от пролива простиралась Япония, а к северу — Эдзо. Это была граница земли Эдзо средней давности. Затем, спустя чуть более 670 лет, в 3-й год Какицу⁴⁵, в правление императора Гоханадзоно, Такэда Нобухиро⁴⁶ пересек море и вторгся в земли Эдзо и в итоге захватил земли на 420 *ри* по старому измерению, или 70 по новому, то есть современные земли Мацумаэ. Северная граница земель Мацумаэ была названа Кумаиси⁴⁷. От развалин замка Тага до Кумаиси по старому измерению 1320 *ри*, а по новому 220 *ри*. Здесь и проходит ныне граница между землями Эдзо и японской землей (получается, что со времен годов правления Тэмпё-Ходзи земли до границы Эдзо увеличились в 9 раз). Так постепенно открывались земли в глубине нашей страны, поэтому так сильно разнится положение границы Эдзо в древности и теперь. Сегодня люди не понимают значения этого, поэтому, читая надпись на камне Цубо, многие думают, что граница земли Эдзо очень близко. На самом же деле написанное свидетельствует о том, что современная граница Эдзо находится совсем не там, где была древняя.

Если рассматривать Кумаиси пределом японских земель, как это было сделано выше, то Эдзо нужно считать иностранным государством. Это мягкая, но правдивая позиция. Однако если подумать гораздо глубже, то пределом японских земель следует считать Соя, Сирануси⁴⁸ и остальной крайний север Эдзо. Это позиция, согласно которой Эдзо входит в территорию Японии. Каким же образом? В давние времена даже провинции Дэва и Муцу, не говоря уже о собственно земле Эдзо, не подчинялись власти императора, презирали императорский дом, и лишь благодаря доблести двух-трех полководцев земли эти были подчинены, и теперь 70 *ри* земли Эдзо — это

³⁹ Годы правления Тэмпё-Ходзи 天平宝字 соответствуют 757–764 гг. европейского летоисчисления.

⁴⁰ Территория современных префектур Аомори, Акита, Ямагата.

⁴¹ Эми Асакари (?–764), более известный как Фудзивара-но Асакари, — японский сановник эпохи Нара.

⁴² Современный г. Моно 桃生 на северо-востоке префектуры Мияги.

⁴³ Годы правления Энряку 延暦 соответствуют 782–806 гг. европейского летоисчисления.

⁴⁴ Сакануэ-но Тамурамаро (758–811) — японский полководец эпохи Хэйан. Хаяси Сихэй наделяет его титулом «усмиритель востока» 征東將軍, однако официально это звание впервые получил Фудзивара Тадабуми в 940 г.

⁴⁵ Годы правления Какицу 嘉吉 соответствуют 1441–1444 гг. европейского летоисчисления. В тексте имеется в виду 1443 год.

⁴⁶ Такэда Нобухиро (1431–1494) — японский полководец эпохи Муромати.

⁴⁷ Современный г. Кумаиси 熊石町 расположен у побережья Японского моря в южной части о. Хоккайдо.

⁴⁸ Соя 宗谷 — самый северный мыс о. Хоккайдо, Сирануси 白主 — южная оконечность о. Сахалин.

окраина нашей славной империи (то есть 70 *ри* земель Мацумаэ). Однако с тех пор варвары стали уважать развитые страны, среди них нередко заметно желание стать подданными такой страны. В подобном случае если проявить умение, то их обычаи изменятся, а сами они вскоре станут подданными развитой страны. Это проще простого. Мнения, поддерживающие такую позицию, были и раньше, однако из опасений неудовольствия они не были записаны.

В «Нихонги»⁴⁹ есть много записей об Эдзо. В частности, там написано, что в годы правления императрицы Саймэй⁵⁰ на Ётэй в Сирибэси⁵¹ был учрежден пункт управления. Я сомневаюсь, что упомянутый Ётэй действительно располагался в Сирибэси, ведь Сирибэси на Эдзо находится на расстоянии 70 с лишним *ри* от Мацумаэ в глубь острова. Если бы еще в годы императрицы Саймэй мы настолько владели Эдзо, что учреждали бы в этом месте пункт управления, то сейчас вплоть до Соя и Карафутто жили бы одни японцы. Однако от Кумаиси на западе и Сиокуби на востоке живут варвары, говорящие на другом языке. Еще большие сомнения возникают, если подумать о тенденциях письма того времени. Прошу прощения за возможную неправоту, но тогда люди могли за Сирибэси принять гору Цугару. Еще больше сомнений возникнет, если подумать о том, что спустя сто с лишним лет после правления императора Саймэй, в годы Тэмпё-Хоси, у замка Тага в уезде Мяги был установлен камень, на котором было высечено, что до границы земель Эдзо 120 *ри* (о различии расположения границы земель Эдзо в древности и сейчас было подробно написано выше).

Люди на Эдзо принадлежат схожему с нами типу. Однако в этой стране не знают плодов цивилизации. Даже в сейчас у них, как во времена сотворения мира, нет денег, зерна и шелка, письменности, церемониальных платьев, летоисчисления. Я слышал, что им нужны лишь еда и половые сношения. Очень интригует тот факт, что в этой стране не появляется мудрецов, которые бы учили других. Если подумать о началах любой из стран, то и Япония, и Китай, и Корея, и Голландия, хоть и являются сегодня цивилизованными странами, во времена сотворения мира были подобны сегодняшней земле Эдзо, но появлялись великие мудрецы, и благодаря просвещению на протяжении нескольких тысяч лет все мы стали цивилизованными странами. Нет сомнений, что если бы и в Эдзо появились мудрецы, то и эта страна постепенно стала бы цивилизованной. Однако этой убогой стране все никак не везет, и со времен сотворения мира там не появилось ни одного мудреца, а ждать их появления в будущем непозволительно. Поэтому ради их спасения принести просвещение и гуманность, начать производство и помочь в развитии должна соседняя страна. Это то, чему нас учат синтоизм, буддизм и конфуцианство. Более того, границы Эдзо близки, и если они будут относиться к Японии с уважением и доверием, если их немного обучить, то их обычаи сразу изменятся. Это должны усвоить даже моряки и торговцы, посещающие их земли.

В первый год Анъэй⁵² мне довелось разделить ночлег с одним человеком из Мацумаэ (его имя Рокубэ). Всю ночь напролет я расспрашивал его об Эдзо. Он рассказывал многое, в том числе то, что люди Эдзо любят Японию и многие хотели бы перенять обычаи нашей страны. Кроме того, он поведал, что в их землях много золотых и серебряных рудников, а также золотоносного песка. Также он слышал, что к ним

⁴⁹ Нихонги 日本記 — японский летописный свод 720 г.

⁵⁰ Императрица Когёку 皇極天皇, правившая в 642–645 гг., вторично взошла на престол в 655 г. под именем Саймэй 齊明天皇 и пребывала у власти до своей смерти в 661 г.

⁵¹ Гора Ётэй 羊蹄山, располагающаяся в районе Сирибэси 後志 на о. Хоккайдо.

⁵² Годы правления Анъэй 安永 соответствуют 1772–1780 гг. европейского летоисчисления. В тексте упоминается 1772 г.

иногда приходят подозрительные люди из страны под названием Оросия. После этого, в конце годов Анъэй, находясь в гарнизоне провинции Хидзэн⁵³, я отправился в Нагасаки, где встретился с голландцем по имени Аренд Вилем Фейт. Он рассказал мне, что земли Эдзо отделены от Японии лишь морским проливом, и хотя внешне это другая страна, если Япония попытается привлечь ее жителей на свою сторону, они сами захотят перенять обычаи развитой страны, и их жизненный уклад сразу изменится. А если уклад их изменится, то их земли полностью станут частью Японии. Обычаи Голландии и стран Европы в целом привлекают и заставляют подчиняться страны, расположенные на расстоянии десяти тысяч *ри* от них. Став частью нашей страны, эти земли будут долгое время помогать ее основной территории. Именно поэтому европейская Московия пересекла далекие северные моря и, поговаривают, имеет намерение заманить население Эдзо. Если основательно подумать над тем, что я говорю, то мы должны как можно быстрее приманить Эдзо к себе. Если не сделать этого быстро, то в будущем разбойники Московии непременно дойдут до этих земель. Тогда уже будет поздно, и нам останется лишь кусать локти. А ведь если хорошо подумать, то мы вполне можем изменить их нравы, поменять обычаи, ввести управление на всей их земле, добывать там золото и серебро, увеличить запас драгоценных монет, и 900 *ри* их земли станут уездом нашей развитой страны.

Однако с местным населением должны встречаться не обычные торговцы и моряки, а лишь те из них, кто обладает умением правильно разговаривать. Противно лишь то, что разбойники Московии могут достичь земель Эдзо раньше и воспрепятствовать приходу торговцев и моряков нашей страны. Если они попытаются воспрепятствовать, нам нужно будет быстро перебить всех красных разбойников, устранив источник бедствий, после чего мы сможем прекрасно их обучить, и их нравы сразу же изменятся, как я писал об этом выше, и даже на далеком Карафутто обычаи станут такими же, как в Мацумаэ. И тогда мы получим золотые и серебряные рудники, увеличим запас драгоценных монет и 900 *ри* земли составят еще один уезд Японии. Что может быть прекраснее этого? А каким великим делом это будет со стороны наших торговцев и моряков!

По словам голландца Фейта, северным странам захватывать южные гораздо легче, чем южным странам — северные. Почему так происходит? Если двнешься из северных земель в южные 5–7 дней, то и климат становится заметно теплее и продуктов становится больше, а если идти еще десять или двадцать дней, то будет еще теплее и еще больше продуктов. Из-за этого моральные силы для дальнейшего продвижения возрастают, и чем больше земель захватываешь, тем больше пользы получаешь. Именно поэтому Северу проще захватывать Юг. И наоборот, если двнешься из южных земель в северные 5–7 дней, то климат становится холоднее, продуктов становится меньше, а если идти еще десять или двадцать дней, то будет еще холоднее, а продуктов не будет совсем. Из-за этого моральные силы для дальнейшего продвижения иссякают, и даже если захватываешь земли, пользы от этого нет. Именно поэтому у южных стран нет желания захватывать северные. Вот почему голландцы захватили Яву, татары захватили Китай, а Московия — Татарию. Все они пришли с севера на юг. Я думаю, что отношение людей к этому вопросу должно заключаться в желании впервые опровергнуть эти слова. Мы должны возненавидеть устремления Московии по захвату Эдзо. Однако ждать такого захвата осталось недолго. Это те самые два листочка⁵⁴.

⁵³ Провинция Хидзэн 肥前国 занимала территории современных префектур Сага и Нагасаки.

⁵⁴ Осылка к японской пословице: «Оставишь два листочка [сейчас] — придется взяться за топор [в будущем] (両葉去らざれば斧柯を用うるに至る мороха сарадзарэба фука-о мотиуру ни итару).

О событиях, происходивших в этой стране в незапамятные времена, ничего не известно. Начиная со средних веков сведения об Эдзо появляются в большом количестве в «Нихонги» и книгах других стран, но все они беспорядочны, и многие из них трудно взять за основу. После этого, в годы Какицу, эти земли захватил клан Мацу-маэ и впервые были определены их границы, однако и тогда сведений о землях варваров было мало. После этого Минамото Кимми⁵⁵, хорошо изучив предмет, написал «Эдзо-си», создав тем самым первый обзор этой страны. Однако сведения о деяниях земель Эдзо в то время не отличались подробностью. Если мы увидим их теперь, то поймем, что в них было много упущений. После этого были написаны «Хоккай-дзуйхицу», «Эдзо-дзуйхицу»⁵⁶, но и в них было много повторов и упущений. В общих чертах об Эдзо можно узнать из этих трех сочинений, других подобных книг нет. Поэтому я и осмелился, основываясь на этих трех трудах, добавить к ним свои мысли, мысли Фейта о морях, путешествующих в эту страну, и, сопоставив различную информацию, переписал все начисто. Здесь уже много новых теорий, поэтому старые теории, в большом количестве имевшиеся в тех трех трудах, я здесь не приво-дил.

Люди из Кореи и Рюкю в разные времена приходили в нашу страну с подноше-ниями, поэтому их многие видели, и я не помещаю здесь их изображений. Что же до людей Эдзо, то их не видели даже люди из провинций Дэва и Муцу, не говоря уже об остальных. Поэтому я поместил здесь рисунки, изображающие в общих чертах этих людей, их одежды и утварь.

Что касается языка этой страны, я многое расспросил и узнал о нем, однако длина предложений не позволила всего записать, поэтому ниже я привожу лишь счет от одного до десяти⁵⁷: *синэппу, топпу, рэппу, инэппу, асикки, иван, арэван, тобэси, си-нэбэси, тоо*.

В стране Эдзо нет ни правителей, ни *дайме*. Они живут отдельными поселениями, и роль начальников выполняют старики, пользующиеся общественным доверием среди рода, они и распоряжаются делами. Поэтому главного у земли Эдзо нет. Более того, сами варвары — по характеру величайшие глупцы и добряки, все они хотят перенять обычаи развитых стран, они привязываются к ним, как дети к родителям. Если подумать над этим, когда наши торговцы и моряки придут в эту страну и начнут убеждать их перенять обычаи и нравы развитых стран, то, откровенно говоря, они завоюют преданность с их стороны. То, что для нас является спасением глупцов, для них самих будет казаться благим деянием. Есть еще много вещей, которые хоте-лось бы рассказать об этой стране, и слухов, о которых хотелось бы написать, но, предвидя недовольство, умалчиваю о них и на том заканчиваю.

Список литературы

Петрова О.П., Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 1. М., 1963.

Хаяси Сихэй дзэнсю (Полное собрание сочинений Хаяси Сихэй). Т. 2. Токио, 1979.

Klaproth J. San Koku Tsou Ran To Sets — Un aperçu général de trois royaumes. P., 1832.

⁵⁵ Имеется в виду Араи Хакусэки и его сочинение «Описание Эдзо» («Эдзо-си» 蝦夷志).

⁵⁶ «Хоккай-дзуйхицу» (Эссе о северных морях), «Эдзо-дзуйхицу» (Эссе об Эдзо) — сочинения, напи-санные в 1739 г. горным инженером Сакакура Гэндзиро (годы жизни неизвестны), который в 1736–1737 гг. исследовал рудники в землях Эдзо.

⁵⁷ Счет дается согласно японской транскрипции, сделанной Хаяси Сихэй.

Summary

“Description of Ezo” by Hayashi Shihei

(Introduction, Translation from Japanese into Russian by Vasily Shchepkin)

This publication is a translation of the “Description of Ezo”, which is an abstract from the “General Description of Three Countries” by Hayashi Shihei (1738–1793), a famous scholar of the Edo period. This description concerns geographical characteristics and boundaries of the lands north of Japan, as well as customs, clothes, food and activities of the Ainu who inhabited those lands.

**«Удзи сюи моногатари»
(«Рассказы, собранные в Удзи»), XIII в.**

Вступление и перевод избранных рассказов со старояпонского
Д. Кикнадзе

В данной публикации автор знакомит читателей с жанровой особенностью памятника японской повествовательной прозы жанра *сэцува* «Удзи сюи моногатари», XIII в., и представляет несколько ранее не переведенных на русский язык рассказов, характеризующих состояние простонародного буддизма на закате эпохи Хэйан, сосуществовавшего в повседневной жизни японцев с китайскими магическими практиками.

Ключевые слова: эпоха Хэйан, жанр *сэцува*, буддизм, амидаизм, мантическая практика Оммёдо, бодхисаттва Дзидзо, монах.

В настоящей статье хотелось бы познакомить читателя с памятником японской повествовательной прозы *сэцува* «Удзи сюи моногатари» («Рассказы, собранные в Удзи»)¹ и привести перевод нескольких рассказов, наиболее ярко иллюстрирующих это произведение.

Свои корни жанр *сэцува* обнаруживает в Древней Индии в виде *джатак* и Китае в качестве *сяошо*, откуда впоследствии он и проник в Японию благодаря просвещенным буддийским монахам-проповедникам в эпоху Нара (710–794). Под *сэцува* мы подразумеваем как сам жанр, так и рассказы, собранные в сборниках данного жанра. Зачастую это короткие истории, в которых заключается суть одной из сутр (чаще всего это популярная во времена распространения буддизма «Лотосовая Сутра»), или же такие основные постулаты буддизма, как: идея кармы, существование рая и ада, значение ритуала, важность соблюдения поста и творения милостыни, воздержание от греха, вырезание статуй будд и бодхисаттв и т.п. Рассказы ранних сборников *сэцува* написаны в дидактическом тоне, необходимом для успешного распространения буддизма в Японии, однако к середине эпохи Хэйан в жанре произошло разделение на «мирские» и «буддийские» истории, поэтому более поздние произведения стали утрачивать назидательный оттенок. К подобного рода *сэцува* и относится «Удзи сюи моногатари».

«Рассказы, собранные в Удзи» датируется XIII в. н.э., т.е. эпохой Камакура (1185–1333). Авторство произведения приписывается некоему пожилому аристократу, советнику Такакуни, который спасался от жары в тени храма Бёдоин в Удзи и со скуки расспрашивал прохожих и прихожан храма о том чудесном или ужасном, что им доводилось слышать. Результатом любознательности Такакуни и стали его записи, по-

¹ Удзи — городок в пригороде Киото. В эпоху Хэйан являлся летней резиденцией императора и знатных аристократов.

лучившие популярность при дворе и, уже в эпоху Камакура, дополненные другими аристократами — поклонниками жанра литературы *сэцува*.

«Удзи сюи моногатари» составлен на классическом японском языке *бунготай* и включает в себя 197 рассказов; автограф его состоял из 2 свитков, которые впоследствии были разбиты на 15 свитков для удобочтения и популяризации (Словарь литературы *сэцува*, 1969, с. 31).

Построение рассказов в «Удзи сюи моногатари» хаотично, не связано по содержанию друг с другом, на первый взгляд лишено какой-либо логической цепочки, классификации по темам, как в его великом предшественнике «Кондзяку моногатари»², XII в. Рассказы, вошедшие в сборник, представляют собой пеструю цепочку из самых разных историй — страшных и забавных, назидательных и легкомысленных, а то и вовсе срамных и глупых. К последним относятся реальные истории, произошедшие со столичными аристократами, имена которых открыто значатся в рассказах. Однако большая часть историй, особенно записанных после смерти Такакуни, перекликается со многими известными произведениями жанра *сэцува*, легендами старой Индии и Китая, а также текстами буддийских сутр.

Говоря о сюжетной организации рассказов памятника, стоит обратить внимание на пестрое, «мозаичное» выстраивание истории: с рассказом о достойном аристократе соседствует скабрёзная история, ревностный служитель Будды противопоставляется монаху-самозванцу, трудолюбивый ремесленник — воришке. Таким образом, в произведении ярко представлена социальная дифференциация того времени, разное духовное состояние и моральные устои общества. Как раз в такой уникальной компоновке рассказов «Удзи сюи моногатари», которая на первый взгляд кажется хаотичной и лишенной логики, и заключается его ценность.

«Рассказы, собранные в Удзи» — это бесценный источник по изучению состояния японского буддизма позднехэйанского периода, представлявшего собой невообразимую смесь из исконно японского синто, даосской магии, эзотерического буддизма и амидаизма. «Время, отражённое в произведении, было весьма непростым: буддийская церковь стала играть чуть ли не главную роль в духовной жизни населения, а каждая школа претендовала на звание носителя истинного вероучения. Ко всему прочему, 1052 год был назван первым годом наступления Последнего конца Закона Будды, согласно которому человечество вступало в последнюю и самую ужасную из кальп, когда, по учению Будды, в мире начались бы всякого рода беспорядки и катаклизмы. Население Японии бросилось искать спасение в молитве будде Амида и всемилостивом бодхисаттве Дзидзо» (Григорьева, 1993, с. 194–197). Неизбежным оказалось появление еретических проявлений амидаизма в виде массовых или единичных самоубийств.

Учитывая данную особенность источника, автор счел необходимым отобрать истории из «Удзи сюи моногатари», наиболее ярко отражающие духовно-интеллектуальное состояние позднехэйанского общества, степень восприятия буддийского вероучения, все возрастающую популярность мантических практик, несмотря на недовольство буддийской церкви.

В статье представлены ранее не опубликованные рассказы в переводе автора с классического японского языка *бунго* из памятника прозы *сэцува* «Удзи сюи моногатари», изданного в 1966 г. в серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» 50.

² «Стародавние повести» — крупнейшее произведение жанра *сэцува*.

Про монаха-самоубийцу

Свиток 11, рассказ 9

И эта история давно минувших лет. Был на этом свете отшельник, возжелавший свести счеты со своей жизнью, но сперва в храме Гидариндзи он в течение ста дней совершал церемонию покаяния. К месту тому стекалось невообразимое количество людей — они приходили из мест близких и дальних, да так заполнили собой дорогу, что для экипажей фрейлин, прибывших поклониться монаху, совсем не оставалось места.

На вид отшельнику можно было дать лет тридцать с лишним, был он худощав, глаза его были полуприкрыты, поскольку не желал ни на кого глядеть, губы же время от времени шевелились, возглашая имя будды Амиды.

По всей видимости, все это время одними губами он творил молитву-заклинание³. И все же иногда он, издавая легкий вздох, скользил взглядом по лицам в толпе, а люди из желания уловить его взгляд, еще больше теснились и отпихивали друг друга.

И вот, ранним утром того знаменательного дня отшельник наконец-то вошел в храм, другие монахи, явившиеся раньше, ждали снаружи, образовав многочисленную процессию. Наш отшельник же, переодетый в бумажную рясу и набедренную повязку, замыкая вереницу монахов, ехал в повозке. Губы его шевелились, но слов было не разобрать. На толпу он не глядел, а лишь время от времени из его груди вырывался тяжелый вздох. Люди, стоящие по обочинам дороги, осыпали его дождем из рисовых зерен, на что отшельник иногда реагировал так: «Прекратите, рис забивается в мой нос и глаза! Если вы так желаете проявить свою добродетель, то почему бы вам не насыпать зерна в бумажные мешочки и не отослать их в храм, где я пребывал прежде?!» Простолюдины благоговейно складывали руки и продолжали кланяться, а те, кто были сообразительней, недоумевали: «Отчего это он такую чепуху мелет? Собрался топиться, а говорит, чтобы рис послали в храм Гидариндзи, да еще жалуется на то, что рис забивается в глаза и нос!»

И вот, повозка с быками стала медленно продвигаться, а когда достигла конца Седьмого проспекта, то толпа горожан, пришедших поклониться самоубийце, превысила, наверное, число камней на побережье. Повозка свернула на берег реки, где ее и поставили на оглобли. Отшельник спросил, который час, ему ответили, что, должно быть, уже минул четвертый час. Самоубийца отвечал так: «Для перерождения пока еще слишком рано. Подождем еще немного». Тогда люди, пришедшие издалека, решили воротиться, и на берегу остались лишь самые любопытные, решившие наблюдать за действием до конца. Среди таковых был и монах, который все диву давался: «Неужели для перерождения есть строго установленное время?! Ничего не понимаю!»

Некоторое время спустя отшельник разоблачился до одной набедренной повязки и, обратившись лицом на Запад, вошел в воду, но не сумел правильно нырнуть, так как ему мешала веревка, привязанная одним концом к корме лодки, а другим вокруг его ступни. Тогда монах, его последователь, размотал веревку, но тот неудачно упал головой вниз и стал суматошно барахтаться и булькать. Некто до этого спустившийся с берега в воду, чтобы хорошенько наблюдать за ритуалом, схватил отшельника за руку и вытянул его на поверхность воды. Тот оттер лицо, сплюнул заглотанную воду, затем повернулся к своему спасателю с благодарно сложенными руками и вскричал:

³ Имеется в виду молитва-нэмбуцу, обращенная к будде Амиде. Считалось, что многократное повторение молитвы помогает перерождению в Чистой земле будды Амиды.

«Я глубоко тебе благодарен. Я вспомню о твоей милости в Раю!» — и бегом устремился на берег реки. Наблюдавшие за представлением и взрослые и дети бросились собирать на берегу камни и кидаться ими в удирающего «утопленника». А тот, все нагишом, в одной только набедренной повязке, сбежал вниз по течению, но там его нагнала толпа, и каждый запустил в него камнем, да так, что под конец голову ему и разmozжили.

Похоже, что это был тот же самый монах, который, как рассказывали, послал своему другу дыню из Ямато, а в сопроводительной записке написал следующее: «Святой, как-то раз попытавшийся утопиться».

Про то, как юная дама заказала удобочитаемый календарь⁴

Свиток 5, рассказ 7

Давным-давно юная супруга одного господина, попросив у знакомого бумаги, велела молодому монаху, что находился при том доме, составить для нее календарь на азбуке *кана*⁵, чтобы ей было удобно им пользоваться. Монашек тот счел просьбу госпожи за честь и принялся за дело. Поначалу он строго придерживался правил — обозначал дни так: «День поклонения Будде и *ками*», «Несчастливый день», «Счастли- вый день». Однако же устав под конец, он решил повеселиться и стал придумывать: «День воздержания от пищи» или же «День, когда нельзя вкушать то-то и то-то».

Даме поначалу показался тот календарь весьма странным, отличающимся от привычных ей календарей, но она не стала вникать в глубь изложенного и стала следовать каждому его предписанию.

Но вот настал день, по которому значилось следующее: «Запрет на испражнение». Написанное весьма ее смутило, но дама подумала, что на то есть своя причина, и стала следовать запрету. Затем под предлогом череды несчастливых дней вновь были обозначены дни запрета на испражнение. И так 2–3 дня! Бедняжка же больше не могла терпеть и, плотно придерживая зад обеими руками, причитала:

— Ах, что же делать, что же делать?!

Поговаривают, что несчастная так извивалась всем телом, что ненароком и обделалась!

Про Дзидзо и монаха Кано из горной пагоды Ёкава, что на Хиэйдзан

Свиток 5, рассказ 13

И это случилось давно. Некий монах по имени Кано Тиин, отличавшийся злым нравом, обитал в горной пагоде Кано, что на святой горе Хиэйдзан. Днями и ночами творил он гнусные дела, а храмовое добро использовал лишь себе на благо. В пагоде той был у него сан монаха-*сюгэ*⁶ — присматривающего за чтецами сутр. Отправился он как-то раз по делам в Главное ведомство храма, а когда проходил мимо пагоды,

⁴ Составлением личного календаря занимались мастера мантической практики *оммёдо* (Инь-Ян). Ежедневное пользование таким календарем и следование его предписаниям было обязательной практикой в обществе эпохи Хэйан.

⁵ Азбука *кана*, созданная в эпоху Хэйан на основе скорописных иероглифов, являясь облегченным видом письменности, считалась женским письмом, тогда как иероглифическое письмо *камбун* — сугубо мужским.

⁶ Епископ низкого ранга.

как он всегда это делал, то заприметил у ее подножия ветхую статую Дзидзо⁷, стоявшую среди всякого хлама.

Взглянул он мельком с благоговением на статую, а после, проходя время от времени мимо нее, взял за обычай снимать головной убор, преклонять голову, ходить взад-вперед в молитве и только после продолжать свой путь.

Некоторое время спустя этот самый монах Кано скончался. Узнал про то настоятель храма и с горечью вымолвил: «Кано был нечестивым монахом, посему дальнейшая его судьба предопределена — гореть ему в аду!» Всем бескрайне было жаль грешника.

Меж тем среди насельников прошел шепоток — статуя Дзидзо, стоявшая у подножия пагоды, исчезла! Предположили, что статую могли забрать на реставрацию, а в это же время настоятелю храма снилось, как будто он вопрошал — куда же подевалась статуя Дзидзо? На то некий монах отвечал, что бодхисаттва Дзидзо изволил удалиться вместе с нечестивцем Кано Тиин, чтобы вовремя вызволить его еще в тот день, когда тот угодил в самый нижний ад из всех Восьми адов.

Настоятель недоумевал — как же Дзидзо мог сопровождать в ад такого грешника, как Кано! Однако монах в его сне отвечал так: «Когда Кано проходил мимо пагоды, то всегда кротко смотрел на Дзидзо, а иногда даже возносил молитву».

Проснувшись, настоятель лично пожелал проверить увиденное: приблизился он к подножию пагоды, и что же видит — статуи Дзидзо как не бывало!

— «Ну и ну! Неужели и впрямь Дзидзо сопровождал монаха?!» — подумал настоятель. В ту же ночь ему вновь приснилось, как будто проходит он мимо пагоды, а статуя как стояла — так и стоит!

— «Не тот ли самый это Дзидзо, что исчезал на днях? Что же он возвратился?» — подивился настоятель.

— «Да ведь ходил он в ад вместе с Кано, спас его и обратно воротился. Вот, даже ноги себе обжег!» — отвечали люди, стоящие рядом со статуей.

Глянул сновидец на ноги Дзидзо — а они у него черные и обугленные!

Даже во сне настоятель не переставал дивиться увиденному.

Пробудившись, он в слезах поспешил к пагоде, чтобы лицезреть статую. И что же он увидел — из глаз Дзидзо капали слезы, а ноги и вправду были словно угли. Увиденное заставило преисполниться сердце монаха благодарности и сострадания. Нарывавшись подле статуи, настоятель распорядился перенести Дзидзо в пагоду.

Вот что мне рассказал один верующий: «Дзидзо сей и поныне там находится. В длину он всего-то 2 сяку⁸ и 5 сун⁹». Этот человек сам преклонял колени перед сей статуей.

Про Дзидзо из местечка Си-но-Мия

Свиток 5, рассказ 1

И эта история случилась давным-давно! В окрестностях дороги Ямасина, где протекала речка Си-но-Мия, было место, где собирались торговцы, известные под прозвищем *содэ-курабэ* — «махальщики рукавами»¹⁰.

⁷ Здесь и далее представлены рассказы о милости бодхисаттвы Дзидзо (санскрит — Кшитигарбха). Популярность бодхисаттвы пришлась на конец эпохи Хэйан в связи с идеей скорейшего и легкого спасения на фоне доминирующей идеи Конца Закона будды.

⁸ Сяку — ок. 30–33 см.

⁹ Сун — ок. 3 см.

¹⁰ *Содэ-курабэ* — тип торговцев низшего сословия в эпоху Хэйан. Держали руки в длинных рукавах одежды и числом взмахов снижали цену.

Бывший среди них человек низкого происхождения изготовил статую бодхисаттвы Дзидзо, но, так и не устроив церемонии «открытия очей»¹¹, поместил в большой ящик да поставил в дальнюю комнату, забыв о ней напрочь. Так и прошли 3–4 года в трудах и заботах...

Однажды ночью во сне привиделось ему, как прохожий с большой дороги позвал человека. «В чем дело?» — подумалось торговцу и он стал прислушиваться.

— «Господин Дзидзо!» — звал этот человек.

Тут, из самой дальней комнаты в доме раздался чей-то высокий голос: «Слушаю!»

— «Дело в том, что завтра император Тайсяку изволит устроить пиршество в честь Дзидзо. Не соблаговолите ли принять приглашение?» — вопрошал кто-то.

— «Желание прийти-то есть, но очи мои все еще не открыты — оттого и воздерживаюсь!» — отвечал голос из лачуги.

— «Ну пожалуйста, извольте прийти!» — настаивал на своем стоящий перед домом.

— «Как же мне прийти — ведь очи мои не видят!» — отвечал Дзидзо.

Тут сновидец пробудился в недоумении от столь странного сна и, дождавшись рассвета, решил пройти в дальнюю комнату. Оглядевшись по сторонам, он вспомнил о статуе Дзидзо и наконец вызволил ее из ящика.

— «Вот что я увидел во сне!» — воскликнул он пораженный и в великой спешке стал готовиться к церемонии «открытия очей».

Про слугу монаха Тада, что только вступил на путь служения Будде

Свиток 3, рассказ 12

И эта история случилась давным-давно. В услужении у Тада Мицунака был свирепый слуга-самурай. Убийство было его обычным занятием. Куда бы он ни пошел — в поле или горы, всюду брал с собой ловчую птицу, а о свершении буддийских обрядов нисколько не заботился.

Как-то раз, погоняя коня во время охоты, настиг он оленя. Приготовил стрелу, натянул тетиву, а на дороге, по которой он преследовал оленя, располагался буддийский храм. Проскакав мимо храма, внезапно оглянулся, а внутри же находился бодхисаттва Дзидзо! В левой руке он сжимал пойманную стрелу, в правой — соломенную шляпу-каса. Самурай же, не испытав ни малейшего благоговения, погнал скакуна дальше.

С тех пор прошло немало лет — самурай захворал, а несколько дней спустя умер в страшных муках. Попав в загробный мир, он был позван во владения Эмма¹². Вот что предстало его взору: множество грешников были истязаемы согласно тяжести содеянных ими грехов, а потому и способы наказания были весьма ужасными. И слуга, осознавая все свои грехи, рыдал о неизбежности пыток и горьких мук, но некому было ему помочь.

В это время явился некий монах. Безмолвно он дал совет: «Думаю, смогу тебе помочь. Поскорей возвращайся в мир живых — ты должен искупить свои грехи!» Грешника озадачили слова монаха: «Кто же так за меня просит?!» Монах так изволил отвечать: «Я — тот самый бодхисаттва Дзидзо, что пребывал в храме, на который ты

¹¹ Буддийская церемония «открытия очей» новой статуе будды или бодхисаттвы.

¹² Царь Загробного мира Эмма или Яма. Часто ассоциируется с бодхисаттвой Дзидзо.

взглянул мельком, когда проскакал мимо храма, преследуя оленя. Хоть твои грехи и наиболее тяжкие, благодаря той толике веры в меня я пришел тебе на помощь!»

Вняв сказанным словам, самурай воскрес. После этого он навсегда отказался от охоты и, поговаривают, стал почитать бодхисаттву Дзидзо.

Про пса регента и чудесной силе Сэймэя

Свиток 14, рассказ 10

В старые времена, когда строительство храма Ходзёдзи было завершено, стал туда ежедневно хаживать сам регент Фудзивара Митинага¹³. В те времена держал он белого пса, в котором души не чаял, и куда бы он ни ходил — повсюду брал его с собой. Как-то раз пес по обыкновению следовал за своим хозяином, но когда регент вознамерился выехать за ворота, пес преградил экипажу путь и поднял лай. «Что такое?» — подумал Митинага, вышел из кареты, решив пешком выйти за ворота, но тут пес вцепился зубами в подол его платья, мешая тому и шагу ступить. Тогда регент понял, что без особой причины пес не стал бы этого делать, велел принести низенькую скамеечку, уселся на нее и распорядился срочно доставить Сэймэя¹⁴. Тот не заставил себя долго ждать. Когда регент объяснил ему в чем дело, Сэймэй принялся за гадание, а спустя некоторое время доложил:

— На Вас наслана смертоносная порча — на дороге зарыт какой-то предмет. Если Вы переступите через него, случится ужасное. Собака Ваша наделена божественной силой, вот она и хотела Вам сообщить об опасности.

— Где же этот предмет? Погадай и откопай его! — велел регент.

— С радостью, государь, — ответил Сэймэй и принялся гадать, а спустя какое-то время указал на определенное место.

Место разрыли, глянули, а там оказались две глиняные чаши, сложенные вместе и скрепленные крест-накрест желтой бумажной лентой. Когда их открыли, то внутри ничего не обнаружили, разве что на дне чаши киноварью был выведен знак «—»¹⁵. Сэймэй был чрезвычайно поражен:

— Кроме меня никто не знает тайны этого гадания! Неужели это проделки мастера Дома?! Сейчас все узнаем! — с этими словами он вынул из-за пазухи листок бумаги, свернул его в виде птицы, нашептал магическое заклинание и подбросил в воздух. В следующее мгновение бумажная фигурка превратилась в белую цаплю и улетела в южном направлении. Сэймэй велел прислужнику узнать, куда же приземлится птица, сам же вошел в ветхий дом с двустворчатой дверью, что на пересечении линий Рокудзёбомон и Мадэнокодзи¹⁶. Хозяин того дома, старый гадатель, был тотчас же схвачен и доставлен ко Двору. На допросе он отвечал, что совершил такое, будучи подстрекаем Левым Министром, князем Акимицу.

— За такое преступление тебя бы следовало наказать со всей строгостью, да вот только не ты тут виноват. Впредь не смей совершать подобное! — так было сказано магу, а в наказание он был сослан на свою родину, провинцию Харима.

После смерти князь Акимицу перевоплотился в мстительного духа и насылал бедствия в окрестностях храма Ходзёдзи. Говорят, после того происшествия князя назы-

¹³ Регент при малолетних императорах, выдающаяся фигура в истории Японии.

¹⁴ Речь идет о Абэ Сэймэе — великом мастере практики *оммёдо*. В памятнике ему посвящены четыре рассказа.

¹⁵ Иероглиф «один».

¹⁶ Названия улиц-линий в столице Хэйан-кё.

вали не иначе как «Злобный Министр». А пса с тех пор стали баловать пуще прежнего.

Про то, как тот же епископ [Дзёкан]¹⁷ силой молитвы разрушил скалу на горе Хиэй

Свиток 2, рассказ 3

Давным-давно в западной пагоде монастыря Тысячерукой Каннон обитал епископ Дзёкан. Расположение сего храма было таково, что с его южной стороны можно было лицезреть вершину горы [Хиэйдзан]. На склоне с северо-западной стороны горы была большая скала. Своим видом она напоминала разинутую пасть дракона. Много монахов, обитавших на ее склонах, умерло, будучи в полном здравии. Вскоре [люди], не разумея причины, стали вопрошать: «И отчего они поумирали?!» Однако в это время прошел слух, что это все из-за той скалы — вот и назвали ее Скалой Ядовитого Дракона. И поэтому, стоило одному умереть, как следом погибали и другие. Так Западная пагода приходила все в большее запустение. А когда в монастыре Тысячерукой Каннон погибало много монахов, то оставшиеся в живых начинали хворать. Своим видом скала и впрямь напоминала огромную разинутую пасть дракона.

Епископ убедился в том, что людская молва оказалась правдой, и стал в течение семи дней и ночей совершать спасительный ритуал перед этой скалой. Лишь в ночь на седьмой день небо заволочли тучи, и двигались они с невероятной скоростью. Над вершиной горы Хиэйдзан зависли черные тучи, сокрывшие ее полностью. Вскоре небо прояснилось, рассвело, а когда глянули на вершину — оказалось, что Скала Ядовитого Дракона раскололась, да так, что и камешка от нее не осталось. Хоть после всего этого в Западной пагоде зажили люди, никакого зла им не делалось. Говорят, что монахи из Западной пагоды весьма чтят епископа Дзёкана вплоть до нынешних времен.

До чего же удивительная история!

Список литературы

Григорьева Т.П. Буддизм в Японии. М., 1993.

Сэцува бунгаку дзитэн (Словарь литературы *сэцува*). Сост., вступит. ст. Нагано Дзёити. Токио, 1969.

Удзи сюи моногатари (Рассказы, собранные в Удзи). Серия «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» 50. Сост., пер. со старояпон. и коммент. Кобаяси Мацуко, Масуко Кадзуко. Токио, 1996.

Summary

“Uji Shui Monogatari” (“Tales Collected in Uji”), 13th century.

Introduction and Translation from Classical Japanese by Diana Kiknadze

The article introduces selected stories from “Uji Shui Monogatari”, 13th century — a collection of Japanese narrative prose *setsuwa*. These short stories describe the status of popular Buddhism which coexisted with Chinese magical practices in daily life of the Japanese at the end of the Heian period (9–12th centuries). Previously these stories have not been translated into Russian.

¹⁷ Епископ высшего ранга Дзёкан был последователем школы Тэндай в начале эпохи Хэйан. Обладал небывалым магическим даром вызывания дождя и исцеления. В народе почитался как чудесник.

М.И. Воробьева-Десятовская
С.Х. Шомахмадов

**Хотанская версия
«Аджитасена-вьякарана-нирдеша-нама-махаяна-сутры»
из коллекции ИВР РАН**

В статье дан краткий очерк истории обнаружения и изучения двух версий «Аджитасена-вьякараны» — гилгитского и хотанского манускриптов (последний — рукопись SI 2085 из собрания ИВР РАН); авторы статьи знакомят читателей с ранее неизвестными широкому кругу исследователей заметками акад. С.Ф. Ольденбурга, касающимися изучения текста хотанской рукописи. Представлен новый вариант транслитерации манускрипта SI 2085.

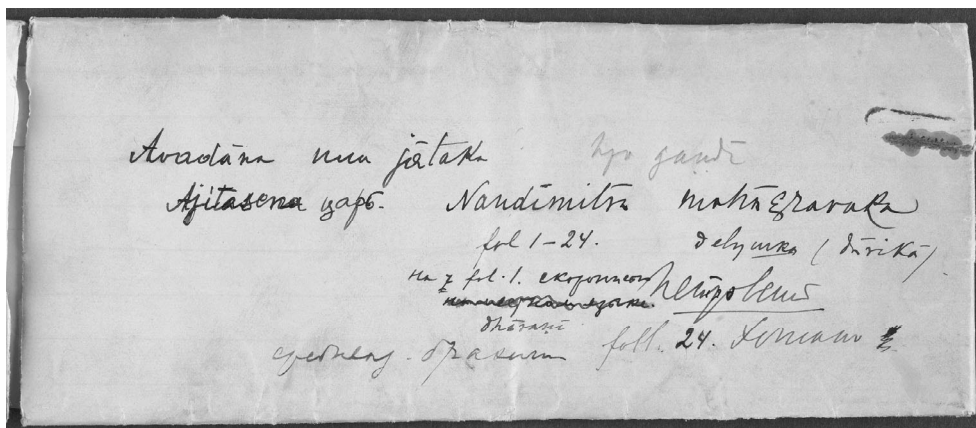
Ключевые слова: Н.Ф. Петровский, С.Ф. Ольденбург, рукописи, палеография, транслитерация.

Статья продолжает публикацию результатов исследования рукописи SI 2085 из коллекции Н.Ф. Петровского, хранящейся в ИВР РАН. В ранее опубликованной статье (Воробьева-Десятовская, Шомахмадов, 2010) обсуждался вопрос об основаниях атрибутирования рукописи как авадавы («Авадана о ганди (gaṇḍī)») (Памятники индийской письменности из Центральной Азии, 1990, с. 158). В качестве одного из доводов в сборнике «Памятники индийской письменности из Центральной Азии» приводился фрагмент бумаги, служившей оберткой для манускрипта, где академиком С.Ф. Ольденбургом собственноручно записано: «авадана или джатака про gaṇḍī» (Памятники индийской письменности из Центральной Азии, 1990, с. 158). В предыдущей статье авторы сообщали, что поиски данного документа результатов не дали.

Однако позже совершенно случайно нам удалось найти искомую обертку с ремарками, оставленными С.Ф. Ольденбургом. Внимательное знакомство с данной находкой позволяет сделать вывод, что заметки были сделаны в разное время, о чем свидетельствует использование в документе двух видов чернил — черных и синих, а также карандаша. Об очередности появления ремарок можно лишь догадываться, но, вероятнее всего, первой появилась заметка, представляющая собой краткий паспорт манускрипта: в правом нижнем углу лицевой стороны бумаги, служившей оберткой, стоит запись «Петровский. foll.¹ 24. Хотан». Затем или одновременно с этой записью в левом верхнем углу С.Ф. Ольденбург написал: «Avadāna или jāṭaka»; чуть ниже упомянуты основные персонажи повествования — царь Аджитасена и один из ближайших учеников Будды, архат, — махашравака Нандимитра.

Затем в число знаковых персонажей текста рукописи была включена девушка-прачка (dārikā), а также указана последовательность пагинации манускрипта (№ 1–24) и оставлена важная ремарка о наличии на оборотной стороне первого листа дхарани (dhāraṇī) — словесной формулы, которой носители традиции придавали значение магического заклинания, имевшего защитную функцию. Примечательно, что сперва

¹ foll. — обозначение мн.ч. от лат. folio — «лист [бумаги]».

Лицевая сторона оберточной бумаги для рукописи SI 2085 из коллекции
Н.Ф. Петровского с заметками акад. С.Ф. Ольденбурга

С.Ф. Ольденбург написал, что дхарани составлена на местном (хотано-сакском) языке, однако затем эти слова зачеркнул, определив, что текст «заклинания» составлен на санскрите. Необходимо подчеркнуть, что наличие дхарани является важной особенностью именно хотанской рукописи из коллекции Н.Ф. Петровского, поскольку в полном тексте гилгитской версии «Аджитасена-вьякараны» подобная вставка отсутствует.

Ремарки относительно девушки-прачки и защитной дхарани, расположенные по центру лицевой стороны, были сделаны, как мы полагаем, позже. В пользу этого может свидетельствовать тот факт, что запись сделана убористым почерком, который позволяет уместить записанное между двумя сделанными ранее заметками.

Вероятно, по причине механического дефекта пера, которым были сделаны записи черными чернилами, слова «Avadāna или jātaka», «Ajitasena царь» и «Nandimitra mahāṣravaka» для большей отчетливости были впоследствии обведены синими чернилами. Тогда же внизу по центру была сделана запись: «среднеаз. брахми», маркирующая таким образом тип шрифта, которым составлен текст рукописи.

И отдельно напротив слов «Avadāna или jātaka» уже карандашом записано «про gaṇḍī», что, вероятно, и дало основания атрибутировать текст рукописи SI 2085 из коллекции Н.Ф. Петровского как авадану о гонге (gaṇḍī). Однако мы полагаем, что проблема жанровой принадлежности текста манускрипта остается открытой, условясь дать рукописи «рабочее название» «Хотанская версия „Аджитасена-вьякараны“», рассматривая в качестве ориентира полный вариант текста, найденный в районе Гилгита в 1931 г.

Манускрипт был обнаружен совершенно случайно пастухом наряду со множеством других рукописей, хранившихся в основании буддийской ступы. Такой тип «захоронения» буддийского рукописного наследия весьма характерен для Центрально-азиатского региона. К сожалению, до ученых дошла лишь часть найденного, так как многие рукописи попали в руки охотников за древностями — «черных археологов», и дальнейшая их судьба неизвестна. Уцелевшие находки были доставлены в г. Шринагар (совр. столица штата Джамму и Кашмир), и только спустя шесть или семь лет

ученые смогли приступить к исследованию гилгитских рукописей. Результатом этой работы стало издание двухтомника «Гилгитские манускрипты» (Gilgit Manuscripts, 1939–1941), над созданием которого трудились такие индологи, как Н. Датт, Д. Литт, Д.М. Бхаттачарья, В.С.Н. Шарма, при активном участии Б.М. Баруа, В. Шастри, П.С. Багчи, А.С. Банерджи.

В первый том «Гилгитских манускриптов» вошла транслитерация «Аджитасена-вьякараны», выполненная на деванагари и сопровождаемая весьма скромным исследованием. Непосредственно над подготовкой рукописи к изданию работал Д.М. Бхаттачарья (Gilgit Manuscripts. Vol. I, 1939, p. ii). Необходимо констатировать, что труд Д.М. Бхаттачарьи по изданию гилгитской «Аджитасена-вьякараны», безусловно новаторский для своего времени и занявший достойное место в истории изучения буддийского рукописного наследия Центральноазиатского региона, не полностью удовлетворяет современным научным требованиям.

Д.М. Бхаттачарья не четко «копировал» текст рукописи, зафиксированный на пракрите — центральноазиатском брахми, предполагающем отличия от грамматики классического санскрита, а, скорее, излагал содержание манускрипта чистым языком древнеиндийской словесности. Пунктуация, не соответствующая тексту оригинала, пропуски некоторых акшар, а местами и целых коротких предложений — все это затрудняет изучение особенностей буддийской письменной традиции Центральной Азии.

Так, в транслитерации Д.М. Бхаттачарьи отсутствие в начале текста рукописи упоминания об Ананде при перечислении ближайших учеников Будды (что невозможно в принципе) сперва было воспринято нами как отличительная особенность гилгитской версии «Аджитасена-вьякараны» (Воробьева-Десятовская, Шомахмадов, 2010, с. 70). На самом же деле при изучении факсимиле манускрипта выяснилось, что фрагмент текста с предполагаемым упоминанием Ананды попросту утрачен ввиду дефекта самой рукописи, Д.М. Бхаттачарья никак не указал на данный факт. Вплоть до недавнего времени в распоряжении ученых находилась лишь эта версия транслитерации гилгитской «Аджитасена-вьякараны», предложенная Д.М. Бхаттачарьей².

В 2005 г. немецкий индолог-палеограф Клаус Вилле разместил на интернет-ресурсе GRETEL, подсае Гёттингенского университета, транслитерацию «Аджитасена-вьякараны», выполненную в 1939 г. Д.М. Бхаттачарьей, но уже воспроизведя ее латинским шрифтом, сохранив тем не менее прежние недочеты. Поэтому совершенно очевидна назревшая давно необходимость ретранслитерации гилгитской версии «Аджитасена-вьякараны».

В настоящее время параллельно исследованиям российских палеографов — специалистов в области изучения центральноазиатского буддийского письменного наследия два европейских санскритолога и специалиста в области среднеиндийской филологии Томас Круййсен (Thomas Cruijssen, Leiden University) и Винсент Турнье (Vincent Tournier, École Pratique des Hautes Études, Paris) под руководством известных специалистов — Джонатана Силка (Jonathan Silk) и Кристины Шерпер-Шпрауб

² В 1995 г. в Техасском университете Вильямом Брайаном Расмуссеном была защищена выпускная работа на степень магистра по теме «Аннотированная транскрипция и перевод гилгитской рукописи „Аджитасена-вьякарана-нирдеша-махаяна-сутры“» (Rasmussen William Brian. MA thesis “An annotated transcription and translation of the Gilgit manuscript of the Ajitasenavyākaraṇanirdeśamahāyānasūtra”). Запросы авторов данной статьи и японского буддолога С. Карасимы в библиотеку Техасского университета, где хранится выпускная работа В.Б. Расмуссена, с целью ознакомления с ней результатов пока не дали.

(Cristina Scherrer-Schaub) — трудятся, по словам В. Турнье, над переизданием англоязычного перевода «Аджитасена-вьякараны», который планируется снабдить кратким вступительным исследованием³. В качестве источниковой базы исследователи предполагают привлечь помимо гилгитской рукописи текст хотанской версии из коллекции Н.Ф. Петровского.

Очевидно, в последнее время в мировой санскритологии интерес к «Аджитасена-вьякаране» существен. Не вызывает сомнений и необходимость заново обратиться к хотанской рукописи из коллекции Н.Ф. Петровского — вновь транслитерировать рукопись с учетом последних тенденций в современной палеографической науке, переосмыслить перевод текста, опубликованный в 1990 г., снабдив исследование подробными комментариями, а также реконструкцией системы религиозно-философских представлений, отраженных в тексте рукописи. Безусловным преимуществом является возможность всестороннего сравнительного изучения хотанского и гилгитского манускриптов, что даст возможность исчерпывающе исследовать текст «Аджитасена-вьякараны», позволив тем самым полнее осветить особенности распространения буддизма в Центральной Азии.

В рамках данной статьи вниманию читателей предлагается новый вариант транслитерации хотанской рукописи № 2085 из коллекции Н.Ф. Петровского, хранящейся в ИВР РАН. Авторы по возможности сохранили в тексте различия языка рукописи с грамматикой классического санскрита.

Литература

- Воробьева-Десятовская М.И. Памятники письменности из Хотана // Пещеры тысячи будд: Российские экспедиции на Шелковом пути: к 190-летию Азиатского музея: каталог выставки. СПб., 2008. С. 47–117.
- Воробьева-Десятовская М.И., Шомахмадов С.Х. Проблема исследования неатрибутированной аваданы из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. М., 2010, № 1(13). С. 64–72.
- Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2 / Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г.М. Бонгард-Левина и М.И. Воробьевой-Десятовской. М., 1990 (Памятники письменности Востока. LXXIII, 2; Bibliotheca Buddhica. XXXIV).
- Gilgit Manuscripts. Vol. I–II. Ed. by N. Dutt. Srinagar (Kashmir), 1939–1941.

Summary

M.I. Vorob'yova-Desyatovskaya

S.H. Shomakhmadov

The Khotanese version of the *Ajitasena-vyākaraṇa-nirdeśa-nama-mahāyāna-sūtra* from the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

A brief outline of the history of the discovery and study of two *Ajitasena-vyākaraṇa*'s versions — Gilgit's and Khotanese manuscripts (the latter one is manuscript SI 2085 from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS) is given. Authors of this article introduce readers to the Acad. Sergey F. Oldenburg's short commentaries previously unknown to the wide range of researchers concerning the study of the Khotanese manuscript's text. There is a re-transliteration of the manuscript SI 2085 in this article.

³ Из личной переписки (октябрь, 2010 г.).

Транслитерация

Условные обозначения⁴

()	—	восстановленная акшара; если повреждена только часть акшары, реконструируемая часть выделяется курсивом
[]	—	поврежденная акшара
< >	—	пропущенная в тексте акшара
{ }	—	лишняя акшара, вставленная переписчиком по ошибке
..	—	акшара, которую не удастся прочесть
.	—	нечитаемая часть акшары, которую не удастся реконструировать
*	—	обозначение знака 'вирама' в рукописи
°	—	знак 'упадхмания' в рукописи
‘	—	знак 'аваграха' (в рукописи отсутствует, но в транслитерации реконструируется)
О	—	отверстие для брошюровки
	—	«данда» — обозначение пунктуации, присутствующей в рукописи (конец раздела или прозаической части)
	—	«двойной шад» — пунктуация рукописи
+	—	утраченная акшара

⁴ В транслитерации рукописи SI 2085 использованы символы, предложенные для международных изданий санскритских рукописных текстов Гёттингенским университетом. Впервые в отечественной палеографии такая система символов была использована в издании: Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятовской, Э.Н. Тёмкина. М., 2004 (Памятники письменности Востока. LXXIII, 3; Bibliotheca Buddhica. XL). С. 162.

Л. 1

RECTO 1. (si)(*ddha*)m* namaḥ sarvabuddhabodhisatvebhyaḥ | evaṃ mayā śru-
tameka(sm*im*) sama{m}ye bhaga[v.].. vā(stya) [vi]hara(t)
2. sma | jetavane anāthapiṇḍadasyārāme mahatābhikṣusamghena
sārdhamardha trayo[daśa]bhiḥbhikṣusahasraiḥ
3. tadyatha āyusmatā..Ojñātakaunḍinyena | āyusmatācamahānamnā |
āyu[ṣm]atācarevate[na] |
4. āyusmatācabatkuleṇa | ayusmatācaśāriputreṇa | āyusmatācānandena |
āyusmatācapūrṇe
5. na | maitrāyaṇīputreṇa | evaṃpramukhai aśi(tyā) śrāvakanayutaiḥ
.e+(rve)yenabha++yena..(ṛ)..++

VERSO 1. +taca.. āsanapāś..śamaśeṣaṃ nṛtsvājñeyajñāna careṇāvṛ.. .. ++ + ṣ.d.
.. m.t. .. ++++++++++
2. pāramitānāṃ samavāptiḥ maptiścogrābh. ..igāṇā(naṃ) ..daśānā{m}m
mu .yac.e(n*dh*)ra(t*na*)varāṇāmasa .ān .. taṃvade[ha]
[budhasu] + [piṭakāṃ] pra +++++
3. sārecchaisāgaṇaiḥ khinnamanaskāst(n). tā .au O [kṣa]loka
hitāyāścaghaṭatteḥ teṣaṃsamāṅghaṃ buddhasutānāṃ | yadeśe[ṣ]aṃ bhu-
mis[th]ānāṃ .. li +++++
4. || rna..yathā hilihili ..O [ma]hāghauri | gāddhāri mātā gāndhādrāviḍo
mātā drāviḍaṃ | [ḍaṃ]ḍakhukhaṃḍā + ha ha ha | hi hi hi
5. hi | hu hu hu hu | haladhamā | ..[dhama] ca ca ca ca | ci ci ci ci | cu cu
cu cu | [caṃḍa]caṃḍacapala śīghra śīghra | u.. +++++ jñā ++
6. ++++++ .ī .. ā .. [yā] [ma] hi .. rṇ.
+++++

Л. 2

RECTO 1. vihāraṃ tenopasaṃkrāntāḥ bhagavataḥ pādaśīrasābhivandyaḥ bha-
gava(*nta*)metadavocat dvā[triṃ] + [tibhiśc.] (bo)dhi[sa]
2. tva sahasraiḥ tadyathā sahaçittotpādadharmacakrapravartinā ca bodhi-
satvena mahāsatvena | a[ni]kṣiptadureṇa
3. ca bodhisatvena mahāsa[tve]Ona | maittreyeṇa ca bodhisatvena
mahāsatvena | avalokiteṣvareṇa ca bodhi
4. satvena mahāsatvena | mahāOsthāmaprāptena ca bodhisatvena
mahāsatvena | evaṃpramukhaiḥ (dva)[triṃ]śa(ti)bhiścabodhi
5. satvasahasraiḥ | te sarve yena bhagavāṃ ye ++[ṛ].. ..[naṃ] vihāraṃ
tenopasaṃ[krantaḥ] ++++ (.ā)dau śi[ra] +

VERSO 1. bh.vandyaḥ bhagavantametavocat* atha kha[.u] +
ā(*pū*)rvāhnakālasama[ye] ++ syapātra +++mādā
2. yacchāvastīṃ mahānagarīṃ piṇḍāya praviśat* atha bhagavāṃ
nāyusmantamānandamāma[tra]yabhe sma | ga
3. cchatvamānanda pātraṃ khkha [.i.m]O śikhaṃ ca mānayaḥ |
athāyusmānānandobhagavataḥ śru[tamā]treṇa kha{m}nkhkhā
4. rikaṃśikkaṃ bhagavataḥ mupaOnāmayāmāsaḥ |
athāyusmānānandabhagavataḥ kṛtāṃ .. lipuṭobhaga
5. vantaṃ gāthābhiradhyabhāṣataḥ yadā tvayā praviśati
piṇḍapā[ti]kovimocayeyam + (ha)vohi(pṛā)(ṇi)

Л. 3

RECTO 1. na uttāraye yaṃ bahavohi satvā narakabhay.jātijarāmah.bhayaḥ
saṃ[sā]raduḥkhā(*ka*) ++

2. mahābhayāvimocaye yaṁO ..valokaṇāyakaḥ
mahānubhāvovaradaḥṣiṇīya vimocayi(ṭvā) baha
3. vohi satvā saṁsāradu[ḥ]Okhākalilā mahābhayāvimocayitvā punareva
a[ga]mī || athā
4. yuṣmānānandobhagavataOḥ | imāṁ gāthā bhāṣitvā tuṣṇīsthītobhūt*
atha bhagavāṁ (cchrā)va(styāṁ) ma[hā]
5. + + + + .i[ca]re(sthi)tobhūt* sarve gavākṣatoraṇaniryūhakārannāmayā
... (ki) + + + +

- VERSO**
1. + + + + r.(bhū)vaṁ atha cchrāvastyomahānagaryaṁ mahāntaṁ
janakāyaṁsaṁsthi[taṁ] + + + + + ja
 2. nakāya saṁśayajātāO abhūvan* kohetuḥ kaḥ pratyayaṁ | yannagarasya
śubhanimi(ttaṁ) pradu(ṛa)[bhū]t*
 3. mādāyaṁ nagaraṁ bhasaOpralayaṁ syāt* atha tatra janakāye
anekavarṣasatasahasrikajīrṇo
 4. vṛddhomahallakaḥ puruṣosaṁO.th.tobhūt* atha sa puruṣastaṁ
janakāyaṁ samāśvāyannevamāha mābhāya
 5. bhokulaputrāho | asminneva pṛthivīpradeśe jetavanaṁ nāma vihā(ṛaṁ)
tatra śā..munirnā[ma]..[thā].o

Л. 4

- RECTO**
1. 'rhat samyaksambuddha vidyācaraṇasaṁpannaḥ
sugatolokaḥvidanu{n} <t> taraḥ puruṣadamyasārathi śā(stā) devānā
 2. ca manuṣyāṇāṁ buddhobhagavāṁO cchrāvastīm mahānagarīṁpiṇḍāya
prāviśat tasyāgamanakālasamaye idaṁ śu
 3. bhanimittamabhūt* atha (sa)O janakāyataṁ jīrṇakaṁ puruṣaṁ
kṛtāmjalayānyevamāha | yetasya bhaga
 4. vataḥ tathāgatasyārghataḥO samyaksambuddhasyāgamanakālasamaye |
idaṁ śubhanimittamabhūt* dṛṣṭamātra
 5. sya tasya tathāgatasyārghataḥ samyaksambuddhasya kīdṛśaṁ
puṇyābhisamskāraṁ bhavati | atha sa jīrṇakaḥ°[puruṣaḥ]

- VERSO**
1. taṁ janakāyaṁ bhagavataḥ guṇavarṇamudīraṇatayā
gāthābhiradyabhāṣataḥ yolokaṇā[tha]sya .. (nā)
 2. mu yaḥ śruṇe saṁsāraduḥkhāOd vinirmuktu sonaro apāyagāmī na
kadācibheṣyate | svargaṁ ca sogacchati śī
 3. ghrameva yolokaṇāthaOsyā hi nāmu yaśruṇe
dṛḍhapratijñobahukalpakoṭibhiḥ mahānubhāvossu
 4. gatomahātmanaḥ kalpānaOkotyaunayutānavicintayā sa bodhisatvosthi-
tagaṁgavālikānakadāci
 5. sogacchati durgatībhayaṁ yolokaṇāthasya hi nāmu yaḥ śruṇe apāyagāmī
na kadācibhe(ṣya)te |

Л. 5

- RECTO**
1. kalpānakotyaunayutā acintiyā rājā sa bhotī sata cakravartī
yolokaṇāthasya hi nāmu dhāraye[t*]
 2. yatkiṁcipūrvaṁ sada pāpuyaOt kṛtaṁ sarvaṁ kṣayaṁ yāsyati |
śīghrametat* śakropi devendrumahānubhāvokalpa
 3. nakotyaunayutārāci[n]tiOyā sukhāvantīm gacchati buddhakṣetraṁ
paryaṅkabaddhosada bodhisatvo | brahmasva

4. rosusvara maṁjughoṣaḥ bhaOvaṁti varṣāṇasahasrakoṭibhiḥ apāyagāmī
na kadācibheṣyati [|] yolo
5. kanāthasya hi nāmu dhārayet* || atha sa jīṇṇaka puruṣaḥ taṁ janakāyaṁ
bhagavataḥ guṇava(ṛṇa m) + + +

- VERSO*
1. yitvā tūṣṇīsthitobhūt* atha bhagavāṁ pūrveṇa nagaradvāreṇa
śrāvastyāṁ mahānagaraṁ praviṣṭobhū[t*] + ..
 2. ca nagaradvāre dvādaśakoṭyau padmānāṁ prādurabhavat* teṣu ca
padmeṣu dvādaśakoṭyau bodhisa[tv]āparya
 3. ṇkaniṣaṇṇā prādurabhūt*O kṛtāmjalayāḥ atha bhagavāṁ
praviṣṭamātreṇa śrāvastyāṁ mahānagarāt*
 4. navānatikoṭīnayutaśatasahasrāṇi satvāni sukhāvatyāṁ
lokadhātaupratiṣṭhāpitā | caturaśīti
 5. satvakoṭīnayutaśatasahasrā(ṇi) abhiratyāṁ lokadhātaurakṣobhyasya
tathāgatasya bu(dḍha)kṣetre prati(ṣṭhā)pi

Л. 6

- RECTO*
1. tāḥ atha bhagavāṁ anupūrveṇa nagaravalaṁvikasya dārika gr̥he
samāgatobhūt* atha bhagavaṁ naga
 2. rabalāmbikāyā dārikāyā gr̥he cakḥhikaṁ kaṭakaṭāpayāmāsuḥ atha sa
dārikātaṁ cakḥhīśabdaṁ śrutvā
 3. saṁśayaajātābhūt* koOhetukaḥ pratyayoyanmama gr̥he na
kadācipiṇḍapātikogṛhamāgacchet*
 4. atha sānagarabalaṁbikāO dārikā śunyāgāragr̥he niṣaṇṇā
asrukaṇṭhārūdanta parideva[nta .thi]tā
 5. bhūt* tiṣṇadhārā asīm gaveṣanti atha sādārikā śunyāgāragr̥he niṣaṇṇā
parideva[nta] a[śrukaṇ. .o]

- VERSO*
1. daṁtīgāthābhīradhyabhāṣataḥ || ahobata duḥkha daridrake gr̥he varaṁ
mama maraṇu na cāpi jīvi[t. k. cā]
 2. pi me kāryuna jīvītena yaOdyāivamāṁ duḥkhuśārīrapī(ḍi)tāṁ
komahyatṛaṇaṁ bhavate parāṇaṁ a(nā)tha bhū
 3. tovaṁmadyameta yadyaiOvahaṁjātu daridrake gr̥heḥ atha sādārikā
śunyāgāragr̥he parideva
 4. mānāgāthā bhāṣitvā tūOṣṇīsthitābhūt* atha śuddhāvāsakāyikodevaputra
antarīkṣagatasthito
 5. cittayanti sma | paśyatha bhagavaṁ
anekaḍṣkarakoṭīnayutaśatasahasracīṇacarita | sa śākyamuni

Л. 7

- RECTO*
1. stathāgataḥ nagarabalaṁbikāyā dārikāyā gr̥hesthi<to>bhūt* atha sa
śuddhāvāsakāyikodevaputra a
 2. nekaśatasahasramulyāṁ muOktāhāraṁ gr̥hītvā
śatarasabhojanapiṇḍakaṁ gr̥hītvā kāsikāni vastrāṇi
 3. yenagarabalaṁbikā dāOrikā tenopasaṁkrāminto abhūvat* atha sa
śuddhāvāsakāyikodevaputra
 4. nagarabalaṁbikādārikā evamāha | prāvara dārike | imāni kāsikāni
vastrāṇi idaṁ anekaśa
 5. tasahasramulyāṁ muktāhāraṁ imaṁ śatarasabhojanaṁ gr̥hṇīṣ.a bhaga-
vantamu(pa)nā [maya] + + + + +

- VERSO** 1. tāni kāsikāni vastrāṇi prāvaritvātaṁśatasahasramulyaṁ muktābhāraṁ
gr̥[hītvā śatarasabhojanapīṭa]
2. kaṁ gr̥hītvā yena bhagavāṁ tenopasaṁkrāṁntārupasaṁkramya
bhagavantamupanāmayati sma | atha bha[ga]vaṁ
3. tayānagarabalaṁbikāOyādārikā evamāha | pariṇāmaya tvaṁ dārike
yathā pariṇāmi
4. taṁ vipaśyīśikhiviśvabhukrakaOsundakanakamunikāśyapaṣaḍbhis
tathāgatairarhadbhi samyaksambuddhaipariṇāmi
5. taṁ | tathāpariṇāmayaḥ atostribhāvā antobhaviṣyati daridragṛhācaḥ ||
atha sādārikātaṁ piṇḍa

Л. 8

- RECTO** 1. pātaṁ pariṇāmayitvā bhagavantamupanāmayāmāsaḥ anena
piṇḍapātaḥśalamūle(nā) mākaści.s.
2. tvā daridragṛtherupapadyeyuḥ atha sānagaravalaṁbikā dārikātaṁ
piṇḍapātaṁ pariṇāmayitvā
3. bhagavantaṁ datvā svagr̥haṁOgamanamārabdhā atha bhagavāṁ naga-
ravalāmbikā dārikā evamāha
4. pratinivartatvaṁ dārike pūrvajātinidānaṁmanusmārayāmi tadahaṁ
parikīrtayiṣyāmi || atha sā
5. dārikā pratinivartyaḥ sarvāṁgapraṇipātena bhagavantaṁ
puratapratitāṁ atha sa nagaravalaṁbikā dā

- VERSO** 1. rikā bhagavantaṁ gāthābhīradīyabhāṣataḥ || avaśyame pūrvakṛtena
karmaṇāyenādyajā + + + + dari
2. drake gr̥he | karohi kāOruṇyu mamehi duḥkhitāyaya
istribhāvārupapannu nāyaka tvaṁ lo
3. kanātha jaravyādhi mocaOka vimocaye yaṁ mama duḥkhitāṁjagat*
kṛtaṁ hi nātha praṇidhiṁ capūrve |
4. yekecisatvā iha jāmbudvīpe tiṣṭhaṁti yevaidāśasu ddisāsu satvā hi sarve
sukhitaṁ kariṣye | sarve
5. cahaṁ mocayī duḥkhasāgarāt* trāṇaṁ bhavāmi śaraṇaṁ parāyaṇaṁ
vayaṁ nātha parimocayejaga(t*) +

Л. 9

- RECTO** 1. avaśyamepūrvakṛtena karmaṇā yenā ahaṁ jātu daridrake gr̥he trāṇaṁ
bhavāhī mamāgrasatvaḥ ahohinātha
2. jaravyādhimocaka trāṇaṁ bhavāhi guṇasaṁcitāgranacākariṣye punareva
pāpaṁ yadvedayāmi imivedanāni
3. kṛpaṁ janitvāmama agraOsatvā trāṇaṁ bhavāhi śaraṇaṁ parāyaṇaṁ
yekecisatvā iha jāmbudvīpe
4. nāmaṁ ca vaidhārāya paścakāOle parinirvṛtasya tanapaścakāle bhaviṣyate
śāsanavipralo(pāṁ) ya(tkiṁ)cipā
5. paṁ tadapūrva yat kṛtaṁ sarvaṁkṣayaṁ yāsyati śīghrametat* || atha
sānagaravalaṁ[kā dārikā] (bha)gava[ntaṁ]

- VERSO** 1. gāthābhāṣitvā punarapi svagr̥haṁgamanamārabdhāḥ atha bhagavāṁtaṁ
naga(ra)valaṁ[bikā dārikā] kala[vi]
2. nkarutasvaranirghoṣeṇa evamāha | pratinivartatvaṁ dārike
pūrvajātimanusmārayāmi tadahaṁ pari
3. kīrtayiṣyāmi | atha sāOdārikā pratinivartyaivamāha | parikīrtaya
lokavināyakaḍhyaḥ ya

4. tme kṛtaṁ pāpu sadā sudāruṇaṁ avaśyame pāpu kṛtaṁ sudāruṇaṁ
yenavayaṁ jātu daridrake gr̥he tvaṁ sā
5. rthavāhu iha sarvaloke | vimoceye māṁ iha i(s tṛi)bhāvā trāṇaṁ
bhavāhi śaraṇaṁ parāyaṇaṁ (kṛ)ta

Л. 10

- RECTO*
1. jña(haṁ) .itya bhavāmi nāyakaḥ saṁśrāvayeyaṁ imudharmanetrī nāsau
kadācīvrajate apāyaṁ saṁśodha
 2. yī karmu yathākṛtaṁ mayāO trāṇaṁ bhavāhi śaraṇaṁ parāyaṇaṁ
asaṁgajñānī varalokaṇāyaka va
 3. ndāmi nātha śaraṇaṁ kṛOtāmjalī || atha bhagavāntām dārikāṁ evamāha
| bhūtapūrvam dāri
 4. ke atīte dhvanirasaṁkhyayaiḥ O kalpaiḥ ratnaśikhirnāma tathāgatorthat
samyaksaṁbuddhaḥ vidyācaraṇasaṁpannaḥ su
 5. gatolokavidanuttaraḥ puruṣadamyasārathiḥ śāstā devānām ca
manuṣyāṇām ca buddhobhagavān* tenakhalu

- VERSO*
1. punaḥ samayena padmāvati nāma rājadhānirabhūvan* tenakhalupunaḥ
samayenanapadmāvatyām rāja
 2. dhānyām padmaprabhāsonāOma gr̥hapatirabhūt* tasya padmaprabhāsasya
gr̥hapatitvayādhītaramabhū
 3. van* tenakhalupunaḥ saOmayena grāmanagaranigamajanapadeṣu
piṇḍapātikobhikṣupiṇḍapā
 4. taṁ carati | tadā tvaṁgr̥hamāgatamabhūvan* tadā tvayā dārike
piṇḍapātaṁ gr̥hītvā gr̥hāniṣkrāntopu
 5. nareva praviṣṭobhūvan* na cāhaṁ vayaṁ muṇḍitaśirasyādhanyasya
piṇḍapātaṁ dāsyāmi | tenakarmopacaye

Л. 11

- RECTO*
1. na+yādārike dvādaśakalpasahasrāṇi punaḥ punaḥ daridragr̥he
duḥkhamanubhūtāni ekenatva
 2. yākuśalamūlena bodhivyāOkaraṇaṁ pratilapsyase yatvayā tasya
bhikṣorūpavarṇaliṁgasamsthānaṁ dṛṣṭvā bha
 3. viśyasi tvaṁ dārike anāOgate dhvaniracim̐tyairaparimāṇaiḥ kalpaiḥ
ttenakālena tenasamayena na
 4. garadhvajonāmatathāgatoO 'rhān*¹ samy-
aksaṁbuddhovidyācaraṇasaṁpannaḥ sugatolokavidanuttaraḥ puru
 5. ṣadamyasārathiḥ śāstā devānām ca manuṣyāṇām ca buddhobhagavaṁ
lokebhaveṣyasi || atha sādārikā bha

- VERSO*
1. gavantaṁ tṛpṛadakṣiṇīm kṛtyaivamāha | kīdṛśaṁ bhagavamama
buddhakṣetraṁ bhaviṣyati | yatraivāhaṁ buddhobhaviṣyā
 2. mi | bhagavānāha | apariOmitaguṇasaṁcayonāma sa buddhakṣetraṁ
bhaviṣyati | yādṛśācasāmukhā
 3. vatī lokadhātu | tādṛśasa buddhakṣetraṁ bhaviṣyati |
paryañkaniṣaṇṇārupapādukā bodhisatvā bha
 4. (vi)śyaṁti | idṛśosa buddhakṣetraṁ bhaviṣyati | atha sādārikātuṣṭa
udagrā āttamanāpramuditāprī
 5. ti[sau]manasyajātā svagr̥haṁ gamanamārabdhā || atha bhagavāntām
dārikā evamāha | tvaṁ dārike

¹ Правильно — 'rhat*.

Л. 12

- RECTO* 1. (sa)ptamedī(va)se kālaṁ kariṣyasi | kālaṁ kṛtvā pūrvasyāṁdiśi
magadhaviṣaye rājā ajitasenonāma tasya
2. rājñā ajitasenasya antaOḥ°purasahasramabhūt* tasya khalupunaḥ rājā
ajitasenasya devīputropra
3. jāsyasi | eṣa evataOva paścimaṁ garbhavāsaṁ bhaviṣyasi | atha
bhagavāṁ paścimakena nagaradvāreṇa
4. niṣkrāntoyena jetavanaṁ vihāraṁ tenopasaṁkrāntaḥ ||
athāyusmāṁnānandaḥ bhagavataḥ dūrataṁ drṣṭvā pādaḥ śira
5. sābhivandyaḥ tṛppradakṣiṇīkṛtya bhagavantaṁ gāthābhiradhyabhāṣataḥ
|| suvarṇavarṇaṁ varalakṣaṇār.taṁ (d vā)
- VERSO* 1. trimśatālakṣaṇadhāriṇaṁ mune | yadā tvayā āgatu
piṇḍapātikovimocayitvā iha sarvasatvā su
2. khena saṁsthāpayi sarvasatvā maitrībalaṁ sarvajjagatvayā kṛtaṁ sa
piṇḍapātaṁ caramāṇunāyakaḥ vimo
3. citaste jagatī bhayācaḥO yebodhisatvā iha jāmbudvīpe sarve ca mārگاṁ
tava darśayaṁti | parinirvṛ
4. tasya sada paścakāle dhāreOtu sūtraṁ imubuddhavarṇitaṁ |
parinirvṛtasya tava paścakālena bheṣyate śā
5. sanavipralopaṁ imaṁ nayaṁ dhāraya sūtraratnaṁ | athāyusmāṁnānando
imāṁ gāthāṁ bhāṣitvā bhagavantaṁ tṛ

Л. 13

- RECTO* 1. ppradakṣiṇīkṛtvā bhagavatontikesthāsīt* atha
bhagavānāyusmantamānanda māmaṁtrayate sma | gacchatvamāna
2. nda gaṇḍimākoṭayaḥ śrāvaOkā paribhokṣyaṁti piṇḍapātaṁ
athāyusmāṁnānandobhagavantametadavocat* || kī
3. dṛṣaṁ bhagavaṁ gaṇḍīśabdasyaO kuśalamūlaṁ bhaviṣyati |
bhagavānāha | śṛṇurānanda gaṇḍīśabdasya kuśala
4. mūlaṁ parikīrtayāmi | yakaścīrānanda gaṇḍīśabdaṁ śroṣyaṁti | tasya
paṁcāṇāṁtaryāṇi karmāṇi parikṣayaṁ yā
5. syaṁti | avaivartikāścabhaviṣyaṁti anuttaraṁ samy-
aksaṁbodhimabhisambotsyaṁte | ānanda āha | kīdṛṣaṁ bhagavaṁstaiḥ
- VERSO* 1. kuśalamūlamavaruptaṁ śṛṇurānanda yepaścimekāle paścimesamaye
mama parinirvṛta saddharmavipralo
2. pe vartamāne saddharmasyāntaO'rdhānakālasamaye
grāmanagaranigama janapadarājarāṣṭradhāniṣuye
3. satvāraṇyāyataneOṣu gaṇḍimākoṭanaśabdaṁ śroṣyaṁti |
namobuddhāyeti kariṣyaṁti | teṣāpaṁcāna
4. ntaryāṇi karmāṇi parikṣayaṁ yāsyanti | īdṛṣamānanda gaṇḍīśabdasya
kuśalamūlaṁ | athāyusmāṁnānandaśa
5. ntapraśāntena cittena gaṇḍimākoṭayate sma || atha tena gaṇḍīśabdena
sarve te mahāśrāvakāsannipatitā

Л. 14

- RECTO* 1. abhūvan* yathāyathā āsane niṣaṇṇāpiṇḍapātaṁ paribhumjate sma ||
atha tatraiva śrāvakamadhye nandimi
2. tronāmamahāśrāvakabhūt* saṁnipatitosamniṣaṇṇaḥ atha
bhagavāṁnāyusmantamānandīmitraṁ mahāśrāvakaṁ mā

3. maṇtrayate sma || gacchatvaṁ nandīmitra mahāśrāvaka pūrvasyāṁdiśi
magadhaviṣaye rājān. ajitasenasya
4. kalyāṇamitrāparicaryāṁ kuOruḥ atha nandīmitraṁ mahāśrāvakaṁ
bhagavantamevamāha | nabhagavaṁ śakṣyāmotāṁ pṛ
5. thivīpradeśaṁ gaṁtuṁ durāsādāte satvā te mama
jīvitādvavaropayīṣyāṁti | atha bhagavāṁ nandīmitraṁ mahāśrā

- VERSO*
1. vakaṁ mevamāha | na te satvāśakṣyaṁte | vālāgramapikaṁpāpayitum*
|| prāgeva jīvitādvavaropayitum*
 2. atha nandīmitromahāśrāOvakopratyūṣakālasamaye suvarṇavarṇaṁ
vastraṁ prāvaritvā yena pūrvasyāṁ
 3. diśi magadhaviṣayaṁ rājāOnaṁ ajitasenasya rājadhānimanuprāptobhūt*
atha rājā ajitasena
 4. siṁhāsanastha āmātyakotṭyaparivṛto
antaḥ°puraśatasahasrapuraskṛtamabhūvan* atha rājā ajitase
 5. nataṁ nandīmitraṁ mahāśrāvakaṁ dṛṣṭvātuṣṭa udagra
āttamanāpramudita prītisaumanasya jātobhūt* a

Л. 15

- RECTO*
1. tha rājā ajitasenamātyapreṣitamabhūt* gacchāyaṁ bhikṣurānayet* tadā
sāmātya yena nandīmitraṁ ma
 2. hāṣrāva(kaṁ) tenopasaṁkrāOntaḥ atha sāmātyataṁ nandīmitraṁ
mahāśrāvaka evamahāgaccha ma(hā) śrāva
 3. kabhikṣurājāte ājñāOpayati | atha nandīmitramahāśrāvakataṁ
āmā[tyaṁ] evamāha || mama rā
 4. jyena kiṁkāryaṁ mama rājyaṁ kiṁOkariṣyati | atha sāmātya yena rājā
ajitasena tenopasaṁkrāntaḥ taṁ rā
 5. jāna ajitasenamevamāha | na sa bhikṣutava pārśvamāgacchati || atha rājā
ajitasena paṁ[c]āmātyaśa

- VERSO*
1. tāni preṣitāni na ca sa bhikṣurājānaṁ ajitasena pārśvamāgacchet* atha
sa rājā(sva)kenaivātmabhāve
 2. na yena sa nandīmitraṁ mahāOśrāvakaṁ tenopasaṁkrāntaḥ
upasaṁkramya kṛtaṁjalaya evamāha || ā
 3. gacchabhobhikṣu mama rājaOdhānīm praviśaḥ atha rājā ajitasena
dakṣiṇena(ha)stenataṁ bhikṣuṁ gṛhyaḥ
 4. (sva)kaṁ rājadhānīpraviṣṭobhūt* atha rājā ajitasena nandīmitrasya
bhikṣosimhā[sa]naṁ dattamabhūt* atha
 5. rājā ajitasena bhadrapīṭhake niṣīditvā nandīmitraṁ
mahāśrāvakamevamā[ha] | kutratvaṁ bhikṣu[rā]gaccha

Л. 16

- RECTO*
1. si | kohetuḥ kaḥ pratyayaḥ atha sa nandīmitra mahāśrāvaka rājānaṁ
ajitasenamevamāha | yecabhikṣu
 2. pravrajitāte sarvebhaikṣāhārāḥ piṇḍapātāmapatarantiḥ paribhūṁjante ||
atha rājā ajitasenataṁ nandī
 3. mitraṁ mahāśrāvakamevaOmāha | paribhūṁjasva mamagṛhe
piṇḍapātaṁ ahaṁ teyāvajjīvaṁpiṇḍapātaṁ pra
 4. [dā]syāmi | yadistvaṁ bhikṣoOmamasvamāmsena
kāryaṁtantesvamāṁsaṁ dāsyāmi || atha nandīmitraṁ mahāśrāvakaṁ rā
 5. [jānaṁ] ajitasenaṁ gāthābhīradhyabhāṣataḥ || bhūṁjāmi tadbhojanu
yaddadāhi mṛṣṭānnapānaṁ rasapānamuttamaṁ |

- VERSO** 1. [kle] .ā hi nirmuktu tvayā bhaviṣyasi sudurlabhaṁ
labdhamanuṣyalābhaṁ sudurlabhaṁ śāsanu nāyakasya śraddhāpra
2. (sā)daṁ paramaṁ sudurlabhaṁ yeOśāsane pravrajitā ca bhikṣava |
sudurlabhaṁ śāsanu nāyakānaṁ sudurla
3. bhaṁ sugatavarasya darśanaṁ Onamostu te buddhamahānubhāva |
namostu te dharmamayaṁ mahāmune | namostu
4. te kleśavicakṣaṇāryaṁ | namostu te sarvajvarapramokṣaṇaṁ | namostu
te mārṅanidarśanāya | namostu te mā
5. rgapathasyadarśakam* namostu te bodhipathasyadarśakaḥ || atha
nandīmitraṁ mahāśrāvakaṁ rājānaṁ ajitase

Л. 17

- RECTO** 1. nasya bhagavantaṁ guṇavarṇaṁ mudīrayitvā tūṣṇīsthitamabhūt* atha
rājā ajitasenataṁ nandīmitraṁ mahā
2. śrāvakaṁ gāthābhipratyabhāṣataḥ || sudurlabhaṁ bhikṣu
tathaivadarśanaṁ | sudurlabhaṁ tasyabhaveya darśanaṁ su
3. durlabhāṁ śraddhutathaiva saṁO[ghe]ye bhikṣusaṁghasya
dadeyadānaṁ na tasya yakṣā na ca rākṣasāśca na preta
4. kuṁbhāṇḍa mahoragāśca vighnaṁ ca kurvaṁti kadācittēṣāṁ
yebhikṣusaṁghāya dadarṁti dānam* sudurlabhaṁ tasya
5. [ma]nuṣyalābhaṁ sudurlabhaṁ darśanubhikṣurājaṁ | sudurlabhaṁ
kalpaśatairacintiyaiḥ yoloḥkanāthasya hi nā

- VERSO** 1. mudhāraye | kalpāna koṭīnayutānacintiyā na sa jātugacche
vinipātadurgatiṁ | yo īdṛśaṁ paśya bhi
2. kṣurājaṁ na tasya bhotīviniOpātadurgatiṁ* yodṛśaṁ paśyati
bhikṣurājaṁ | kalyāṇamitraṁ mama mārgadarśako
3. yaṁ yaṁ sa āgati piṇḍaOpātikoyedāsyate asyahi piṇḍapātaṁ
muktātubheṣyaṁti | jarātuvyādha
4. yokleśā vinirmuktusadātubheṣyate | yetasya dāsyarṁti ha piṇḍapātaṁ |
atha sa rājā ajitasena nandī
5. mitraṁ mahāśrāvakaṁ guṇavarṇaṁ muddīrayitvā tūṣṇīsthitobhūt* atha
nandīmitro mahāśrāvaka rājānaṁ a

Л. 18

- RECTO** 1. jitasenamevamāha | evamestu mahārāja bhumjāmi piṇḍapātaṁ
tavagrhe || atha rājā ajitasena khā
2. danīyena bhojanīyenataṁ nandīmitraṁ mahāśrāvakaṁ saṁtarpayati
sma || atha <nandī>mitromahāśrāvaka rājā
3. naṁ ajitasenasyaivamāOha || kiṁtava mahārāja asmiṁ pṛthivīpradeśe
udyānabhūmirasti rājā
4. āha | asti mahāśrāvakaO udyānabhūmimamaramaṇīyaṁ suśobhanaṁ
nandīmitra āha | gacchāmyahaṁ mahā
5. rāja[taṁ] udyā[na](bhū)miṁ prekṣyā(mi) [rā]jā āha | gaccha
nandīmitra udyānabhūmiṁ prekṣasva | atha nandīmitro

- VERSO** 1. mahā[śrāvaka yena] rājā ajita[se]nasya udyānabhūmiṁ
tenopasaṁkrāntaḥ atha tatrodyaṇabhūmeye u
2. dyānaguṇā tesarve astītiOye grīṣmikā puṣkariṇyā te
śītalajalapariṇāyevārṣikā tenātyuṣṇa
3. nātīśītalajalapariṇOṇaḥ te ca puṣkariṇyā suvarṇasopānasaṁcchannāni
divyāni ramaṇīyāni |

4. yecajāmbudvīpakāni paribhogaguṇāṁnīte sarve astīti |
adhimuktakacāṇpakāśokamucilindapāṭalā su
5. manāsaugandhikāpuṣpāṇyastīti ||
yetiryagyaunigatāpakṣiṇaśukaśārikacakkravākamayūrakokilā

Л. 19

- RECTO**
1. dīnitenānārūtāni kurvaṁti sma || atha tatraiva udyānabhūme
suvarṇavarṇasuvarṇatuṇḍāsuva(rṇa)
 2. pakṣāsuvarṇapādāpakṣiṇāprādurbhūtāḥ tesarvebuddhaśabdaṁ
niścārayaṁti | atha nandīmitra mahāśrāvaka
 3. yena rājā ajitasena(sya) rājadhānī tenopasaṁkrāntaḥ atha rājā ajita-
senataṁ nandīmitraṁ mahā
 4. [śrā](va)kaṁ evamāha | āgatastvaṁ mahāśrāvaka dṛṣṭo udyānabhūmiḥ
tvayā nandīmitra āha | dṛṣṭvā mayo
 5. +++ .ūm. ra..(m̄)(yā) ..(śau)bhā(nā) atha nandīmitra mahāśrāvaka
rājānaṁ ajitasenaṁ gāthābhiradhyabhā

- VERSO**
1. +++ jaṁ[budv]īpe [pa]..[bho]gamā.ī
adhimuktakācāṇpakadhānuṣkārikā aśaukamucilinda tathaiva pāṭa
 2. + [sau]gandhikāśca sumanāOśca vārṣikā tada pāriyātrā nadīṭiranirmitā
suvarṇavarṇā sada pakṣiṇā
 3. mabhūt* mārḡaṁ ca te darśaO[yi] agrabodhaye
divyāmanojñāmadhurasvaraṁśca saṁśrāvayīṣyaṁti canityakā
 4. lam* atha nandīmitro mahā[śrā]vaka rājānaṁ ajitasenasya gāthā
bhāṣitvā tūṣṇīsthitobhūt* atha rājā
 5. a(ji)tasena bherīparāhanate sma || atha tena bherīśabdena sarvāstā
amātyā āgatātaṁ rājānaṁ aji

Л. 20

- RECTO**
1. tasenamevamāhu² | kasyārthemahārāja bhe(rīm) parāhatā || sa rājā āha |
hastirathaṁvā aśvarathaṁvā sa
 2. dyaṁ kṛtasyāt* ahaṁ udyānabhūmiḥ gamiṣyāmi | kīḍānārthāyaḥ ||
athate amātyakoṭyautaṁ vacanaṁ śrutvā śīghra
 3. mevataṁ hastirathaṁ aśvaraOthaṁ sadyaṁ kṛtavān* atha tena
kṣaṇalavamuhūrtamātreṇa rāja ajitasena
 4. (ye)na sā u(dyā)nabhūmiḥ tenopasaṁkrāntaḥ sa ca nandī(mi)tra
mahāśrāvaka tenaivopasaṁkrāntaḥ rājānaṁ aji
 5. ta[senasyaiva]mā[ha] | a(smiṁ) p[ṛ]thivīprade(śe) mahā[rāja mama]
(ku)ṭikākārāpayitavyā yatrāhaṁ [sa]nniṣa

- VERSO**
1. (pṇaḥ) .ava(gr)[ho]piṇḍapā[taṁ] par.(bho)ṣya(m) | atha rā[jā
ajita]sena nandīmitrasya mahāśrāvakasya evamā
 2. ha | kīḍṣītava kuṭikākārāpayitavyā nandīmitra āha | yādṛṣāmtava
mahārājacittotpādaśrāddhā
 3. prasādaṁ tāḍṣīkuṭikāO <ka>rāpayāḥ atha rājā ajitasena
jyeṣṭhāmātyasyaivamāha | asmiṁneva
 4. pṛthivīpradeśe kuṭikāṁ kārāpayāḥ atha jyeṣṭhāmātya rājānaṁ evamāha
| kīḍṣīmahārāja kuṭi
 5. kām kārāpayāmi | rājā ajitasena evamāha | tṛṁśadyojanāni dīrghēṇa
śadyaujanāni ūrdhvā

² Правильно — evamāha.

Л. 21

RECTO 1. yaṁ saptaratnāmayāṁ maṇimuktiṁ saṁcchāditāṁ kuṭikāṁ kārāya |
 atha sāmātyatāṁ kuṭikāṁ kārāpaya
 2. ti | saptaratnamayāṁ maṇi(mu)ktisaṁcchāditāṁ kārāpayitvā yena rājā
 ajitasena tenopasaṁkrāntaḥ
 3. rājānaṁ ajitasenasyaiOvamāha | kṛtaṁ mahārāja mayā kuṭikāṁ yādṛśī
 ājñaptaṁ rājā āha |
 4. [ta]traiva pṛthivīpra[deśe caṁ]Okramaṁ kārāpayitavyam* caturyo-
 janaṁ dīrghena dvau yojanāni vistāreṇa kā
 5. [rāpayi] + + + + + + + + jñāpayasi mahā rāja tathā karomi | tathā
 mātvena sa cakrama

VERSO 1. kṛta [ca].. .y.j. + + e.+v. + j.n. [vi]stāreṇa³ athā mātva | yena rājā
 ajitasena tenopasaṁkrā
 2. ntaḥ rājānaṁ gāthā .ira[dhya]O bhāṣataḥ kṛtaṁ mayā
 caṁkramusuṣṭhuśobhanaṁ ājñātvayāte yat kṛtapūrvameva
 3. ca satvāna moceprakṛtiṁO [śu]bhāśubhaṁ vimocaye prāṇina
 sarvametat* ahoṣulabdhā praṇidhiṁ kṛtaṁtva
 4. yāvimoṇayī sarva jagat sadevakaṁ praṇidhiṁ kṛtaṁ yatvayimīdṛśaṁ
 bhavet* dharmāṁ prakāśentimidharmabhāṇako
 5. niṣaṇṇusthitvā kuṭikācacaṁ name | ājñā kṛtāmetvayitādṛśaṁkṛta |
 sacaṁkramaṁ caiva kṛtaḥ^osuśobhanaṁ ma

Л. 22

RECTO 1. nīratnasaṁcchaditāṁ ca bhūmiṁ suśobhanāṁ kṛtu ayabhūmi īdṛśāṁ
 iti | atha rājā ajitasena ye
 2. na svakaṁ rājadhāniṁ tenopasaṁkrāntaḥ atha sa nandīmitra
 mahāśrīvāka prattinivartya tattraiva kuṭike niṣa
 3. ṇṇa vikiriṇaṁ nāma bodhiOsatvasamādhim samāpannobhūt* anyena
 keśā anyena nayanāni | anyena da
 4. ntā anyena grīvā anyena bāhūni | anyena hṛdayaṁ | anyena udaraṁ |
 anyena urūṁ | anyena jaṁghāni |
 5. anyena (pā)dāni samāp. .o bhūt* atha sa rājā ajitasena
 saptāhasyātyayenataṁ bhikṣuṁ napaśyate | atha rā

VERSO 1. jā jyeṣṭhaṁ kumārasyaivamāha | āgaccha putra gamiṣyāmitaṁ kuṭikaṁ
 yena sa bhikṣu tenopasaṁkramiṣyāmaḥ
 2. atha sa rājā sa putrayeOna sā kuṭhikā⁴ tenopasaṁkrāntaḥ abhūvat* atha
 sa rājā ajitasenataṁ
 3. bhikṣuṁ ātmabhāvaṁ khaṇḍaOkhaṇḍaṁ kṛtaṁ dṛṣṭvā saṁśayajātobhūt*
 saṁtrastaromakūpajātaḥ vastrāṇi pā
 4. ṭayati | paridevantorudantaḥ asrukaṇṭha putrasyaivamāha | ānetha
 putra tīkṣṇadhārā asim* ātmānaṁ
 5. jīvitād vyavaropayiṣyāmi | atha sa rājakumāraṁ praṁjaliṁ kṛtvā
 rājānaṁ gāthābhiradhyabhaṣataḥ || mā

Л. 23

RECTO 1. śokacittastva bhava nṛpendramāvedayaṁ vedanamīdṛśāni | ātmaghātaṁ
 karitvā tunirayaṁ taigami.y..

³ kṛta[caturyojanaṁ dīrghena dvau yojanānivistāreṇa].

⁴ Правильно — kuṭikā.

2. rauravaṃ narakaṃ cāpi gamiṣyasi sudāruṇam* dakṣiṇīyaṃ ayaṃ loke jaravyādhipramocakaḥ nāyaṃ ghā
3. tito yakṣairnabhūtairnaOca rākṣasai bodhisatvohyayaṃ loke sarvaduḥkha pramocakaḥ durlabhodārśanaṃ
4. asya bodhimārgasya darśakaOm* || kalyāṇamitraṃ [ā]yaṃ āsitavakāraṇamāgataṃ dakṣiṇīyaṃ ayaṃ lo
5. ke sarvasatvasukhāvahaṃ sarvajña pāramiprāpto lokanāthena preṣitaṃ dṛḍhavyadṛḍhasthāmaṃ lokanātha ma

- VERSO*
1. [ha]rṣiṇaṃ yonāmutasya dhāreti nāsau gacchati durgatiṃ apāyaṃ na gamiṣyaṃti svargalokopapattayeḥ || atha
 2. sa rāja kumāratāṃ piOturgāthāṃ bhāṣitvā tūṣṇīsthitobhūt* atha rājā ajitasena svakaṃ putraṃ e
 3. vamāha | kathaṃ tvaṃ kumāOrajanīṣe yadayaṃ bhikṣusamādhi samāpannobhūt* || atha sa rājakumāra
 4. evamāha | paśyatha mahārāja idaṃ bhikṣubodhisatvasamādhim samāpannaḥ sarvakleśavinirmuktaḥ bhavasāga
 5. rapāragaṃ sarvasatvahitārthaṃ ca mārgaṃ darśayate śubham* || atha sa rājakumāra rājānaṃ evamāha |

Л. 24

- RECTO*
1. ++ [ccha] (tā)..caṃkramaṃ gamiṣyāmaḥ atha sa rājā sa ca rājakumāra bahubhirdārakaśataisārdha[m] ye ++
 2. (caṃ)kramaṃ tenopasaṃkrāntau | O atha sa bhikṣutata samādhervyutthitaḥ rājānaṃ ajitasenasyaivamāha | ā
 3. gaccha mahārāja kiṃkaroṢi imasmiṃ sthāne | atha rājānaṃ bhikṣu dṛṣṭvāmauliṃpaṭṭaṃ ca rāja kumārasya
 4. dadāti tava rājyaṃ bhavatu dharmeṇa pālaye rājaṃ nādharmeṇa rājakumāra āha | bahūni asaṃkhye
 5. yāni rājakāryāṇi maya kṛtā[ni] | [na]kadācitṛptirāsīt* (ta)va tāta rājyaṃ bhavatu na mama rā

- VERSO*
1. jyena kāryaṃ na bhogena naiśvaryāmdhipatyena kāryaṃ tava rājyaṃ bhavatu tāta dharmeṇa pālaye nādharmeṇa rā
 2. jyamiti || atha rājāt*O yena sa bhikṣu tenopasaṃkrāntaḥ kṛtāmjalaya evamāha | sudurlabhaṃ da
 3. rśanutubhyamārṣa kṛtāmOjalim abhimukhunāyakānāṃ mokṣāgamaṃ darśanutubhyamārṣaḥ sudurlabhaṃ
 4. kalpaśatairacittiyaiḥ yedarśanaṃ dāsyati tubhyamārṣaḥ muktāsobheṣyati kalpakotibhiḥ {r}nasajātuga{r}<c>che
 5. ++.ātadurgatiṃ* yonāmadheyaṃ śṛṇute muhūrtaṃ rājā āha | niṣadya yugyatanāmaye.. ++

И.И. Надиров

Аллат — «творец всего»? (по хатрийским и пальмирским надписям)

В статье анализируются несколько арамейских надписей из Хатры и Пальмиры, датированных первой половиной II в. н.э., имеющих отношение, как показывает автор, к представлениям о древнеарабской богине Аллат. К известному ее эпитету у набатеев, «мать богов», приводимые тексты позволяют добавить еще один, «демиургический», говорящий о ней как о той, «кто создал все» (*bnṭ kwl*), по аналогии с ханаанским богом и другими богами, персонажами этиологических мифов. Дается обоснование такого толкования. Необычное качество Аллат–ИшшарБел может объясняться влиянием Вавилона и Ассирии на Северную Месопотамию и Сирию, а также и следствием развития синкретических качеств Аллат и Афины.

Ключевые слова: Хатра, Аллат, ИшшарБел, Афина, Иштар, Душара, «творец всего», Набатей, Ка'ба, демиург.

В древних мифологиях широкую известность приобрело выражение «творец земли» и «творец земли и небес», указывающее на демиурга. Достаточно назвать гимн египетскому Атону, запечатленному во время фараона-еретика Эхнатона (XIV в. до н.э.), или 103-й псалом Библии, в которых отражаются эсхатологические воззрения двух народов и которые поразительно напоминают друг друга (Коростовцев, 2000, с. 393). Качеством демиурга наделен и исламский Аллах, «творец небес и земли» (Коран, 6:101).

Восточные перипатетики, аргументируя мысль о совечности Бога и мира, настаивали на том, что мир не возник во времени, а вечно существует, как и Бог, являясь следствием его сущности. Так, по ал-Фараби, «творец – это макрокосм в ее единстве» (Ал-Фараби, 1347 г.х., с. 5). К созвучному выводу приходит и Ибн Сина: «Мир возник не по воле Бога, а в силу непреложной необходимости» (Ибн Сина, с. 24). Следовательно, согласно этим представлениям, мир так же вечно-сущ, как и абсолютное начало — Бог, ибо причина и следствие существуют всегда одновременно. Для суфиев Бог, кроме того что является источником всего сущего, означает и целостность мира, его гармонию. Среди идей мусульманской теологии о происхождении мира есть и креационистская концепция, яркими адептами которой были татарские религиозные мыслители XVIII–XIX вв. А. Курсави и Ш. Марджани, создавшие свои собственные теории по данному вопросу, которые, однако, полностью соответствуют кораническому «Создателю внове небес и земли».

В качестве творца земли (*qnh dy r'h*) между тем в надписях Пальмиры и Хатры (X23) фигурирует Бээлшмин. Глагол *qnu* для передачи идеи творения нового отражен практически во всех семитских языках. Однако в корпусе хатрийских и пальмирских

וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל
 וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹל יִשְׂרָאֵל

надписей наше внимание привлекли несколько текстов, ведущих речь о богине-«устроительнице всего», которую звали Аллат.

В ходе работы над монографией, посвященной истории и культуре Хатры (Нади-ров, 2009), обсуждались по тем или иным поводам надписи X34 и X35. Здесь наш анализ касается клаузулы *bnyt kwl*. Текст надписи X34 гласит:

1. *byrh 'dr šnt 446*
2. *šlmt' dy mrtbw kmrt[']*
3. *...[']šrbl bnyt¹ kwl dy 'qym*
4. *lh bd' brh br 'bdšb[t ']*
5. *br br' kmr' w' bdlbwš[']*
6. *'hwhy 'l hyyhwn w'j*
7. *hy' bnyhwn w' l hy' mn*
8. *dy rhyw lhwn šbw glp'*

1. В месяц март года 135.
2. Статуя Мартабу-жрицы
3. ...ИшшарБел, создательницы всего, которую поставил
4. ей Бара, ее сын и сын 'Абдушабты
5. сына Бары-жреца, и 'Абдулабуша
6. его брат, ради их жизни и ради
7. жизни их детей и ради жизни тех, кто
8. милостив к ним. Скульптор Шаббу.

Предлагается интерпретировать теоним богини ИшшарБел как «радость Бела» (Milik, 1967, p. 546–621).

Кроме названного предлагались разные восстановления теонима: «Место Бела», «Аишур-Бел», «Иштар Арбелы». Касаясь материала из Дура-Европос, отметим, что чтение собственных имен не бесспорно. Тем не менее они свидетельствуют о поклонении богу Иишшару. Например, Εἰσαρσας (Cumont, 1926, p. 446, No. 127, 7 — возможная гипокористика имени Иишшар-Шамш «(бог) Иишшар есть (бог) Шамш»; Αἰβδισαρσης, Ἀβδισσαρον «слуга Иишшара» (или «слуга Душары?»), TEAD VI, p. 255–256, No. 776 (наше чтение); Βαθισαρη «дочь Иишшара», TEAD V, p. 124. Б. Агзула предпочитает здесь видеть Аишшара-бога (Аишшара-господина), что также не исключается: в Пальмире (IP, 11, 66, 1–2) 'šr gny'; «охраняющий дух стени» (IP, 12, 41, 1; Aggoula, 1979, p. 115).

Толкование «радость Бела» может быть поддержано другой хатрийской надписью, X35, датированной 238 г. Вот ее текст:

1. *b'lw šnt 549 šlmt'*
2. *dy qymy brt 'bdsm'y' hmr'*
3. *'ntt nšr'qb spr' d brmryn*
4. *dy 'mrt lh 'šrbl btlh*
5. *w'yqymt lnpšh 'l hyyh w' l h[y ']*
6. *nšr'qb b'lh w'bs' 'hwhy [w' l hy'*
7. *dyr' klh gwyt' wbryt' dbrmrn wmn*
8. *dy rhyw lhwn kwlh*

¹ *bnyt* : cp. SEG VII, 26; Le Rider 286: Βηλτιβανναις. Grelot 467.

1. В сентябрь года 549 (= 238 г. н.э.) статуя
2. Каймай, дочери 'АбдСамайи—винодела,
3. жены Нишр'акаб—писца Бармарена,
4. о которой говорила ей 'Ишшарбел-дева,
5. и поставила она себе во здравие свое и во здра[вие]
6. Нишр'акаба, ее мужа, и 'Абсы, ее брата, и здравие
7. дома (храма) всего, изнутри и снаружи, Бармарена, и тех,
8. кто благодетельствован у них всех.

Надпись интересна по нескольким причинам. Во-первых, в ней впервые говорится о виноделии, поскольку она сделана под статуей *Qutu*, дочери винодела 'АбдСамайи (*h/hmr'*). Ср. *hmr* «вино»: RTP, 39, 526, 694–702. При этом, учитывая графическую близость *h* и *h̄*, возможно и другое толкование: *hmr'* — «погонщик ослов; караванщик», от араб. *himār* «осел, ишак»). Во-вторых, ИшшарБел названа *btlh* «девственница» (ст. 4), что относится и к Афине, и к Аллат. Под эпитетом ИшшарБел — *'šrbl* — «радость Бела» (Milik, 1972, p. 374) скрывается, вероятнее всего, Аллат, поскольку в условиях синкретических ассоциаций эллинистического Ближнего Востока неизбежно появляется пара Зевс (Бел) — Афина (Аллат).

Еще раньше связь с араб. 'ашар «радость, живость» увидел Ж. Старки (Schlumberger, 1951, p. 144), хотя отличие 'šr «радость» от 'šr «счастье, благополучие» выглядит необязательным. Кроме того, необходимо внести определенность в возникновение и другого имени. Термин 'tr (ханаанейское 'šr) дает 'tr в арамейском, откуда происходит 't(w)r «Аишур, Ассирия». Между тем имя бога Аишара в арамейских надписях Аишура передается через -s-: 'sr (No. 17071; Jensen no. 27–29) и однажды — в Хамре ('srybrk X141).

Наконец, здесь также подразумеваются два вида общины: «внутренняя» (*gywt'*) и «внешняя» (*bryt'*)².

Ж. Милик привлекает надпись из Ашшура 17449b: *dkyr... šdn' dy šr[k]t' šrbl [m]lkt' lt[b]* — «Да вспоминается... надзиратель³ синодии ИшшарБел-царицы добром» (Jensen-Andrae 1920, p. 19 и 27, No. 33). Ж. Милик восстанавливает третье слово: *šr[k]t* «сообщество», «компания», обозначающее среди арабов-христиан также и общину монастыря, соответствующую греч. *συνδοία* (Milik, 1972, p. 337–339). Бел — широко известный бог на Древнем Востоке, возглавлявший пальмирский пантеон и часто упоминаемый также в хатрийских надписях (здесь Белом был верховный бог Шамш), иногда отождествляется с Зевсом, главой греческих богов. Афина, богиня-девственница, была дочерью Зевса. В пальмирской ономастике *'šrbl* — это, вероятнее всего, эпитет Афины-Аллат, так как надписи сделаны в храме Аллат. Из того же пальмирского храма происходит надпись CD 37/76, в которой эпитет Афины Парфенос — «девственная» — приводится уже с именем Аллат (*btlt' 'lt*) (Drijvers, 1995, p. 111), и ей приносят жертвоприношения *msqyn* (лев. сторона, стк. 5–6). Здесь уместно напомнить, что в вавилонской религиозной традиции первоначальным титулом великой незамужней матери-богини было сочетание *belit ilāni*, но часто этот же титул сопровождал девственных богинь Иннины и Нинā, BL. 141. Напомним и то, что древне-

² Вполне закономерно предположение, что внутренняя община состояла из служителей непосредственно храма, а внешняя включала весь город, всех почитателей Бармарена. Если это так, то напрашиваются два вывода. Прежде всего, немалые средства, вложенные в строительство, говорят о состоятельности служителя храма Бармарена и его дома (*byth dnpšh*). Кроме того, существовавшая в городе община Бармарена (*dyr' dy brmryn*) предполагает наличие и других общин (*dyr'*), объединенных вокруг храмов.

³ Ср. араб. *sādin* «служитель (при храме)».

египетская богиня Исида, сестра и жена бога Осириса, в эпоху эллинизма (II в. н.э.) также получила функции богини мироздания. Описание мистерий Исиды дал в своем романе «Метаморфозы» (гл. IX) древнеримский писатель II в. Апулей.

Вместе с тем необходимо привести и другое толкование имени Ишшар. Согласно фонетическим транскрипциям арамейских слов в клинописных текстах, ассирийцы произносили теоним Иштар как Ишшар (State Archives of Assyria. Helsinki, 1987; Dalley, 1995, p. 145, Note 27). Английский ассириолог отметила, что эпитет «Бел» добавлялся к именам разных национальных богов или главных божеств крупных городов, однако только к тем, что вышли из Месопотамии. Возможно, данная точка зрения подтверждается тем, что в сирийском тексте о мученичестве Айтатахи упоминается некий жрец богини Арбелы Шарбел, и в данном теониме, похоже, Бел добавлен к имени богини, стянутому до формы Шар вместо Ишшар (Bedjan, 1968, 133; Peeters, 1925, p. 261–304). Добавим также, что в ассирийском первый гласный звук часто опускался, например в урартском царском имени Ишшар-дури/Шардури.

Однако данная версия, несмотря на девственное сходство двух богинь, противоречит тому факту, что и надпись X34 Хатры, и пальмирская CD37/76 сделаны в храмах Аллат. Нет никаких доказанных свидетельств идентичности представлений об Иштар и Аллат.

Надпись X34 сделана от имени жрицы Мартабу (*mrtbw kmrt*). Вероятно, храму Аллат в Хатре служили женщины. Напомним, что в набатейских надписях Аллат — «мать богов» (CIS 182, 183, 185: **אללת אם אלהיא**) (в ряде случаев Аллат именуется **אללת אלהתהם** «Аллат их богиня», как, например, в CIS II 182 из Салхада, Набатея, 65 г. до н.э., и трудно сомневаться, что первоначальное значение богини уходит глубоко в историю). При этом, согласно набатейским и хауранским надписям, Аллат была матерью бога Душары, однако оставалась девственной и незамужней (= *Приснодевой Марией*). Вероятно, такая ситуация создалась потому, что первоначально Аллат рассматривалась как богиня безбрачной любви, поскольку незамужняя и девственная богиня для древнего семита была бы явлением явно аномальным. Де Вогюэ видит в квадратной стеле из Салхата воплощение Аллат, а в подобной же стеле с надписью — воплощение Душары. Эта стела представляла собой черный прямоугольный камень, параллель и предтечу мекканской Ка'бы, и Душаре поклонялись в Петре именно как камню (*Suidas Lex. s.v. Θεός Ἀρης*). Кроме того, следует отметить, что в ат-Таифе Аллат обозначалась *четырёхгранной квадратной* стелой из белого камня (Yāqūt, 4, 337 и Qazwīni, 2, 65).

Епифаний описывает праздник, проводимый в Петре 25 декабря в честь *Χααβου* «девственницы» и ее отпрыска *Δουσσαρης*, «единственного сына господ» (Haer, p. 51).

Говоря о Ка'бе, возможно, следует привести и несколько историй, упоминаемых в Коране. Как отмечено еще М. Сидерским, некоторые из них имеют еврейское происхождение, особенно легенда о царице Савской, возле которой по приказу Соломона угод исполнял деликатные поручения (Коран, 27:20 и сл.) (Sidersky, 1933, p. 122 и сл.). Другие относятся к исконно арабской традиции: «Они говорят еще: это — вымыслы древних, которые он велел записать и которые читаются утром и вечером, чтобы он мог их запомнить» (Коран, 25:5) (пер. Д. Богуславского). Можно вспомнить, что Пророк Аллаха был неграмотным. Но ислам в основном сохранил в памяти представления о древних героях и предках. Между тем Мухаммад старался придать этим историям библейское поручительство, в особенности связанным с личностями времен Авраама. С такой точки зрения эти нововведения представляются отливками в столь же старых доисламских формах архетипа и повтора. Кроме того что Ка'ба, говорит Коран, есть священный дом Бога (Коран, 5:97) и древний храм (Коран,

22:29), это первый храм, возведенный для людей (Коран, 22:26, «мы указали Аврааму место святого дома»).

Слово *Хаафов* происходит от семитского корня **כעב** *ka'b* «куб», т.е. священный камень кубической формы как воплощение самого Душары или его богини-супруги (Аллāt). Набатеи поклонялись Матери и Сыну в форме камней. Ю. Велльхаузен (Wellhausen, S. 50) полагает, что жители Петры видели в Душаре бога, рожденного из камня, своего бетиля. Такой вывод, вероятно, поддерживается и тем, что его бетили в Гайа и Бостре носили собственные имена, как и его трон (**לְהַלְלָהּ**), именуемый **לְהַלְלָהּ**, о чем сообщает надпись CIS II, 350 из Кабр ал-Туркмана (Horsfield, 1938, p. 33 и Fig. LX, 1; Milik, 1959, p. 560). Вероятно и то, что набатейское имя *Зу-Шарā* есть эпитет Руды, родового, наследственного божества североаравийских племен (Teixidor, 1977, p. 88).

Следует напомнить, что это праздник 25 декабря, описываемый Епифанием, есть день зимнего солнцестояния, и он отмечался также у других народов, например финикийцами в Тире в честь Мелькарта или римлянами в честь Сола. Возможно, автор невольно поддался влиянию христианских идей о партеногенезе. По греческим надписям Душара идентифицируется с Дионисом-Вакхом (Hesych. s.v.), но, как обоснованно замечает Ю. Велльхаузен, богу кочевых арабов вряд ли могли поклоняться под первоначальным именем и образом Диониса, поскольку последний был богом оседлых и идолом земледельцев. Кроме того, среди исследователей до сих пор существует мнение, сложившееся более столетия назад, что Душара со временем ассимилировался с Дионисом и Баалом под влиянием ханаанейской и арамейской культур, и, поскольку, по некоторым источникам, Душара первоначально был солнечным богом, такую ассимиляцию нетрудно представить (Baethgen, 1888, p. 95). Сам же Душара в RES 1432 именуется «богом Mnbwt» (*dwšr' 'lh mnbwt*), тем самым обозначая границы своего влияния. Собственно, имя Душары значит «Владыка Шары» (араб. ذو شری), согласно Стефану Византийскому. Что касается имени Шарā, обозначающему какое-то место, то, по Ю. Велльхаузену (Wellhausen, S. 48), были три местности с таким именем, описываемые арабскими историографами как: а) болотистая почва, б) место, где обитают львы, и в) место с водой, деревьями и лесом. Названные местности рассценивались как подходящие для устройства сакрального участка *хима* или теменоса для бога, и Шарā, скорее всего, была именно такой территорией. Между тем, согласно толкованию Тримингема, Зу-Шара следует понимать как «тот, что из дождливых земель». Соответственно, Душара представляет только название бога, настоящее имя которого, вероятно, было *Ṿrotāl*.

Из текста Арриана ясно, что арабы знали кроме Диониса только Урана. Если вспомнить Геродота и сравнить его указание на Душару (= Диониса) и Уранию, почитавшихся арабами, то получается, что Урания за пять веков уступила главенствующее место Урану. Если это не простая ошибка пересказчика, что маловероятно, то перед нами трансформация огромного политико-религиозного значения: перемены в обществе были спроецированы на небесную твердь, и в небесной иерархии примерно на рубеже н.э. произошел переход от матриархата к патриархальному главенству. Вместе с тем вероятно и то, что этот процесс длился достаточно долго: по меньшей мере, в сер. III в. в Джазире Аллат была более влиятельной, а, следовательно, небесная чета Аллат–Аллах сохраняла приоритет женского божества.

Сказанное подкрепляется палмирской надписью из храма Аллат, согласно которой некий богатый купец сделал: а) из золота и серебра чашу (*mḥd'*) для Аллат, «его богини», б) из чистого золота (чашу) в честь Бела, Йархибола, Аглибола и Астарты и

в) серебряную чашу для жребия (*lhq*) в честь Баалшамина, Дурехлуна и для богини Белти (*wlbtly 'štr'*). Возможно, под Белти подразумевалась ал-'Узза, однако привлекает внимание следующая ниже фраза «жертвоприношения для девственной Аллат» (*msqyn lbtlt' 'lt'*) (Drijvers, 1995, p. 111). Вторым выводом, который можно сделать, опираясь на древнегреческие указания, является имплицитная характеристика двух известных Геродоту арабских божеств: Душара (Ороталт) был солярным богом, а Аллат (Алилат) — лунной богиней. Впрочем, со временем, как показывают недавние нумизматические находки из Млейхи (Восточная Аравия, II в. н.э.), Аллат, возможно, стала приобретать солярный характер, хотя, возможно, это относилось только к локальным ее проявлениям. М. Марактен делает интересное предположение, основываясь на сравнении материалов Геры, Делоса и Млейхи (Maraqten, 1996, p. 312). На некоторых монетах из Млейхи (II в. до н.э.), кроме того, после части *tym* появляется конечное *š*. Можно предположить, как М. Марактен, что мы имеем здесь дело с монограммой. Однако существует и иная возможность, связанная с тем, что конечное *š* может быть гипокористикой имени *šams*. «Поскольку многие народы в Северной и Центральной Аравии поклонялись богу Солнца Шамсу под именем Аллат, данная легенда представляет интерес относительно *Temallatos* из Герры не только из-за того, что *tymš* < *tymšms* имеет одинаковый смысл с *tym'lt*, но также в свете того факта, что один из алтарей, посвященных в Делосе Тематаллатосом, украшен солнечным гало» (Maraqten, 1996, p. 312).

О влиятельности Аллат говорит среди прочих и следующее наблюдение. Богине поклонялось племя *сакиф* (ветвь хавазин). Ей был посвящен храм в ат-Таифе: «Это было святилище в центре ат-Та'ифа, скрытое под покровом; здесь ей (Аллат. — И.Н.) приносили жертвы; сакифиты сделали храм подобием Ка'абы и поклонялись ему» (Ибн Шабба, II, с. 501–507). Иными словами, *сакифиты* построили храм Аллат, по форме напоминающий мекканскую Ка'бу.

Как утверждает традиция, идол богини был главной темой обсуждения между Мухаммадом и делегацией племени, прибывшей в Медину в месяц рамадан 9 г.х. Согласно сообщению Ибн Са'да (ум. 844), «они просили освободить их от разрушения изображений Аллат и ал-'Уззы (*sic lege!*) собственными руками, на что Мухаммад согласился» (Ибн Са'д, I, с. 313). Также описывается сцена торга, где поклонники Аллат просят оставить Аллат на один год (вар.: три года), однако Мухаммад отвергает это предложение (Ибн Хишам, IV, с. 184–185; Вакиди, III, с. 968). Вместе с тем его решительное возражение вызвала просьба об отмене земных поклонов (*пруку'*). В его ответе звучит слово *ат-мāгийа*, «эти идолы; непокорные», что комментируется как относящееся к Аллат и ал-'Уззе (Kister, 1979, p. 4, со ссылкой на Бағави, IV, 140). В действительности упоминание второй богини здесь явно излишнее и, скорее всего, трактовано неверно (Ибн Хишам, IV, 187: 'Абӯ Суфйāн и названный выше ал-Муғйра б. Шу'ба посылались для разрушения идолов (الطاغية). Слово *طاغوت* происходит, вероятно, от араб. «идол», «идолопоклонничество». Ср. талмуд. «заблуждение», мн.ч. «идолы»).

Страх перед могуществом богини отразился и в том факте, что в ходе переговоров с Мухаммадом глава *сакифитов* 'Абд Йāлил выразил опасение, что «если Аллат узнает, что племя хочет разрушить ее изображение, то убьет их семьи», на что 'Умар б. ал-Хаттаб заметил, что «это просто камень, который не может отличить тех, кто ему поклоняется, от тех, кто не поклоняется».

Здесь допустимо сравнение с эфиопскими иудействующими сектантами, поклонявшимися богине Санбат (Саббат) и делавшими ей приношения в виде мяса, напитков и благовоний. По сообщению Спенсера Триминхема, когда фалашского дабтару

спросили, как такое обожествление согласуется со Второй Заповедью, он ответил: «Мы боимся, что, если не будем служить Санбат, она лишит нас своей благодати, потому что она — богиня солнечного света, дождя, а также всех мирских удобств»; ср. Trimmingham, 1974. P. 20.

После своего возвращения из Медины делегаты посетили идол Аллат, перед тем как разойтись по своим домам.

Из арабских источников становится очевидным, что в храме Аллат имелась сокровищница *māl* или *ḫizāna*, где хранилось золото, оникс и драгоценности (Ибн Хишам, IV, с. 186). Согласно ал-Вакиди, чтобы открыть сокровищницу, потребовалось сделать яму в половину человеческого роста. Источник добавляет, что в Габгабе, где хранилась казна Аллат, были изъяты драгоценности, покрывало (ثياب), в дополнение к духам (طيب), золоту и серебру (ал-Вакидй, III, с. 972). Ибн Са'д (V, с. 504–505) и Ибн Хишам (IV, с. 187) оба показывают, что Мухаммад из этих средств выплатил прежние долги, оставленные убитыми сотоварищами, а также отложил часть на джихад. С разрушением храма и ее идола *сакиф* лишился одного из своих важнейших финансовых институтов, служивших племени, как можно догадываться, банком, где хранились расписки и залоги. В то же время ничто не мешает думать, что исламизация Ка'бы дала возможность курайшитам сохранить свой храм в Мекке, городе-конкуренте Та'ифа, соперничавшего в качестве финансового центра. О сокровищнице Ка'бы при исламе (например, при Омаре II) в качестве места хранения важных документов см.: ал-Азракй, II, с. 241. По переговорам Мухаммада и сакифитов см.: у Большакова (Большаков, 1989, I, с. 175), отмечающего, что делегация сакифитов оказалась единственной, не присягнувшей Мухаммаду.

Ее почитали в Салхаде и Хегре, однако для Хегры характерно, что Душара ставится уже перед Аллат (CIS II, 198), знаменуя смену главенства в паре. Возможно, здесь отражается тот факт, что в это время в обществе происходили значительные изменения в пользу патриархата, сильные настолько, что роль Душары становится более важной, чем роль его матери. Вероятно и то, что он становится ее мужем.

Итак, мы достаточно надежно можем говорить о тождестве Аллат и ИшшарБел.

В этой связи важным для нашего изложения является понимание словосочетания *bnyṭ klw*. Возможный перевод клаузулы — «строитель (ж.р.) всего» — подразумевает под словом «всё», очевидно, сам город Хатра или же именно этот крупный храмовой комплекс Аллат. Дело в том, что храмы в Хатре «возводились» богами, а помогали им в этом люди, те, кто оставил свои или племенные имена в строительных надписях, сохранившихся на стенах святилищ. Для этих целей используются два глагола ('qm и bn'). Так, согласно X38, ИшшарБел возвела ('qu[mt]) скульптуру старейшины Раб-байа. В X107 между тем следует:

1. ['n[n] br 'bygd 'br
2. gdy br ['bygd br kbyr[w
3. mn bny rpšmš 'drw
4. lšmš 'lh 'rb' 'bd
5. tbt 'byt ḥdy' 'ly'
6. sgyl ḥykl 'rb' dy bn'
7. brmrn⁴ lšmš 'bwhy 'l
8. ḥyw w' l ḥyy mn dy rhyṃ ly[

⁴ Ср. AAW. Bd. II. S. 201.

1. [А]на[н] сын АбиГада сына
2. Гаддайа сына [']АбиГада сына Кабира,
3. из бану РафШамш, помогли
4. Шамшу, Великому богу, творящему
5. добро (в) дом(е) радости высшей
6. Эсагиле, храме великом, который построил
7. *Bmtrun* для Шамша, своего отца, ради
8. жизни его и ради жизни тех, кто добр к[о мне...

Оставляя в стороне достаточно необычный формуляр надписи, обращаем внимание читателя на следующие ее элементы.

1) Для передачи идеи строительства храма Шамша (в нашем случае — Эсагилы) его божественным сыном Бармареном в тексте используется тот же глагол *bn'*, что фигурирует в надписи об ИшшарБел для передачи идеи творения и созидания.

2) В ст. 6 имеется в виду главный храм города *sgyl* (X191, X225, X244), что должно указывать на его связь с Эсагиллой (*sag-gil*, *Sag-gil-a-a* — Alter Orient und Altes Testament, S4 (1972). Р. 6, 2. и Idem. 89,15: «театр; дворец»). Здесь он называется также *hykl 'rb'* — «великий дворец» (*Hykl'* первоначально восходит к шумерскому EGAL — «большой дом», который в виде *ekallu* переняли аккадцы, а позднее — евреи и арамеи. См. ЕА 7,3).

3) В надписи перечисляется пять поколений: «[А]на[н] сын АбиГада сына Гаддайа сына [А]биГада сына Кабира из сынов РафШамша», что предполагает принадлежность данного лица к кровнородственной группе. Представители племени *bny rpšmš*, которые, судя по отчествам (например, *kbyr*), были арабами, помогли (*'drw*) в постройке «Дома радости высшей» (*byt hdy' 'ly'*) Эсагилы. Установлено, что этот главный храм Хатры был возведен в первой четверти II в.

Вторая версия толкования словосочетания *bnyt klw* предполагает, что имеется в виду не «строитель всего», а «строительница всего».

Алат чаще называлась «госпожа» (рабба). Ибн Шабба со ссылкой на Мусу б. 'Укбу и Зухри отмечает, что идол сакафитов назывался ар-рабба «госпожа», что, очевидно, было связано с табу на произнесения имени могущественной богини. Блестительница храма Алат назывались «хозяйкой святилища» (раббат-ал-байт): 'Абу Да'уд. Сунан. Т. 1–2. Каир, 1348/1928. I, 195 l.15. В этой связи привлекают внимание два факта из более ранней истории арабов, связанной с Хатрой: а) здесь управляющий храмом также назывался *rbyt' = rab bayta* (м.р.), и б) хатрийская надпись X35 посвящена *'l rbt 'mrh w'l mn ddhlh*, «госпоже его избранной и тем, кто ей поклоняется» (чтение по: Milik, 1972, p. 365). О женском демиурге упоминают уже шумерские письмена, где NIN-LIL также именовалась AN-NA «мать мира (или людей), создавшая тварей на свете».

Важно заметить, что в Угарите Эл в нескольких надписях назван титулом *bny bnwt*, что позволяет его толковать как «создатель творений». Однако в финикийских надписях встречается уже только *qny* «творец», хотя единственно в связи с «сотворением Земли». М. Лидзбарски в свое время поднял вопрос, что означает эпитет *marā 'olmā* (מֶרָא עֹלְמָא): «господин мира» или «господин вечности» (Lidzbarski, Ephemeris, I, 258; II, 297), но, как нам кажется, спор здесь неуместен, поскольку в понимании сирийских священников две идеи были неотделимы друг от друга, и одно выражение само по себе охватывало другое, и мир, таким образом, воспринимался вечным. В Пальмире также встречается титул «господин всего» מֶרָא כָּל (Lidzbarski, loc. cit.).

В Вавилоне титул «господин вселенной» был присвоен Шамашу и Хададу (см.: Jastrow, 1902–1907, p. 254, n. 10). Т. Нельдеке, касаясь данного вопроса, указал на следующее: «Несомненно, **עלם** прежде всего (долгое время) означало вечность и что значение „мир“ вторично. Поэтому пальмирское **מרא עלמא** следует понимать как „вечный господин“, что, несомненно, есть **אל עולם**» (Быт. XXI. 33). В библейско-арамейском вообще нет значения «мир», появившегося в более поздних частях Библии (Еккл. III.11). И, насколько мы можем судить, кроме того, в пальмирском слово **עלמא** всегда обозначало «вечность», например в частом выражении **שמח לעלמא** «радоваться вечности», например в частом выражении **לבריד מרא עלמא**. Вместе с тем пальмирское **כל מרא** вполне ясно указывает на то, что в выражении **מרא עלמא** видится также значение «Господина мира». Во всяком случае, сирийский перевод видит в еврейском **אל עולם** также «бога мира», т.е. налицо явное формальное отличие между *‘ālām*, St. abs. «вечность», и *‘ālmā* [*āl’mā*], St. Emph. «мир»⁵.

Следует предположить, что для древних арабов Хатры главным божеством, творцом всего сущего, была богиня Аллат. Возможно, в приведенных нами надписях отразилось представление населения Северной Месопотамии и Сирии о главенствующей в арабском пантеоне роли богини, которую неслучайно наделили эпитетом демиурга.

Обожествление женского начала, например Великой богини, объединяет несколько древних мифологий. Общеарабские богини Аллат, ал-‘Узза и Манат господствовали по своей важности над богами. Солярное божество Шамс считалось женским многими арабскими племенами. Луна, хотя часто воплощалось в мужском облике, представлялась и как женское небесное светило. Однако наиболее интересным в этой связи кажется то, что святыня Ка‘ба с самого начала возводилась как убежище для Черного камня, который считался символом Великой богини.

Само имя «Ка‘ба», традиционно возводимое к слову, обозначающему куб, более вероятно, восходит к арабскому كعب (كعبة: Kam. Dj. virginitas puellae) и, возможно, также к древнесемитскому QV’ (ср. евр. קבה «матка»). Отмечается, что граница, окружающая Черный камень, напоминает форму йони, а храм расположен на участке, по своей форме напоминающем яйцевидное тело.

Вместе с тем Иоанн (Мансур) Дамаскин (ум. 749), живший в столице халифата, связывает слово «Ка‘ба» со словом «Кубар», или звездой Афродиты. Другим символом Великой богини являлась полнолунная сфера, и именно лунная богиня была одним из божеств, которым была посвящена Ка‘ба. В доисламских и исламских трудах не раз отмечалось, что Луна управляла судьбами арабского народа. Например, переломная битва в карьере Мухаммада произошла в месте, называемом Бадр, что означает «полная Луна» (Frieling, 1978, p. 48).

Интересно отметить, что в Nabatees II–III вв. Душара ставился в надписях впереди Аллат. Вероятно, сказанное можно рассматривать и как отражение социальных изменений в обществе, которые указывают на постепенный переход от матриархата к патриархату.

Высшее место Аллат, известной и под другими именами, со временем займет Аллах, «единственный бог» мусульман (хотя он был известен и почитался до ислама и

⁵ Демиург — греч. «мастер». У Платона в «Тимее» и сам демиург — благо, и все порожаемое им есть всегда хорошее и прекрасное: «Космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин». И далее: «...следует признать, что наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения». Для сравнения, Гераклитов космос — это «мировой порядок», «тождественный для всех», причем в отличие от Платона этот порядок «не создал никто ни из богов, ни из людей».

фактически был возведен в высший ранг только за счет удаления всех прочих идолов из Ка'бы), но в значительно меньшей степени, чем его «половинка» — могущественная Аллат, богиня *par excellence*, «мать богов».

По хауранской надписи, Аллат — мать богов [(מ) אלת אם אלהי]. То же наименование богини в набатейской надписи CIS 2 185.

Согласно замечанию Лэнгдона, Аллат была вавилонской богиней земли и луны. Ее небесный супруг Аллах по своим функциям являлся не более чем осеменителем земли (Langdon, 1931, p. 5–19).

Сделанный вывод кажется значительно более вероятным, чем признание, что ИшшарБел есть искаженное ИштарБел и относится к богине Арбелы Иштар. В то же время «мать богов», в свою очередь, вполне могла восприниматься как «устроительница всего». Сказанное приводит нас к заключению, что в Хатре демиургом для местных арабов виделась именно богиня, а не бог.

Приведенные выше материалы позволяют сделать несколько предварительных выводов.

1) Для арабского населения Хатры, которое, судя по именам собственным, было здесь подавляющим, именно Аллат была верховной богиней, которая входила в число главных богов города ('lh' rb') вместе с триадой (Маран, Мартан⁶ и БарМарайн) и Бээлшминном, и именно с ней связываются представления местных жителей (арабов?) о «сотворении мира».

2) Развиваясь в тесном общении с великими культурами древнего мира (месопотамской, парфянской, эллинистической, римско-сирийской), культура Хатры постоянно испытывала их влияние и тем самым обогащалась. Однако ее основу составляло культурное наследие коренного древнего населения (по всей вероятности, ассирийцев, судя по специфическим культовым названиям), тех арамеизированных «осколков» месопотамской цивилизации, которая с первых веков н.э. начала тихо и бесследно исчезать, унося с собой и свою клинопись, и древние языки. Иначе было бы невозможно объяснить, что одна из главных святынь Хатры — храм Шамша — назывался Эсагила с недвусмысленной аккадско-шумерской этимологией. Культ Эсагилы, вероятнее всего, пришел в новый город Хатра не из Пальмиры, как это случилось с Апамеей и Дура-Европос, и не из Ашшура, где главный храм назывался Эшарра. Имя пришло из Вавилона, однако этого не скажешь о боге, к которому применялся эпитет Бел. Этим богом в Хатре был Шамш (см. надпись X107), между тем как в Ашшуре таким богом был местный Ашур. Что касается богини Ишшар, как показывает надпись X35, она воспринималась как эпитет арабской Аллат и не была связана с Арбелой.

3) Двойное тождество ИшшарБел с «создательницей мира» и с арабской богиней Аллат дает весомое основание предполагать, что Аллат представлялась местным арабам Джазиры не только как могущественная богиня (об этом свидетельствуют надписи, где она указана как адресат молитвы, а также как ближнее божество к главной триаде хатрийского пантеона), но и как богиня-демиург, та, что «сотворила все».

4) В свете сказанного можно говорить об этапе (возможно, впрочем, и относительно недолгом), когда в космогонических представлениях мир был создан богиней-матерью. Трансформация небесной политеистической иерархии, когда пантеон стал

⁶ В набатейских надписях имеются свидетельства культа двух сестер-богинь, «Marthana und Marthus», которые, если правильны принятые восстановления, почитались на довольно древнем этапе истории Набатеи и, очевидно, также были иностранными для местного арабоязычного населения, как и хатрийская триада для Джазиры.

возглавляться богом, имел, вероятно, такую последовательность: «мать—сын», «мать—муж», «жена—муж» и, наконец, «муж—жена». Неясная полиандрия «наирского» типа, проводившаяся по материнской линии, трансформировалась, по экономическим причинам, а возможно, и вследствие войн и женитьбы на пленных, в женитьбу «ба'алского» типа, проводившуюся уже по отцовской линии. В Коране явным отголоском доисламского паритета между парой бог—богиня является слово, использованное для обозначения жены и подруги Аллаха: *сахиб*⁷.

В виде оговорки следует отметить, что текстологические аспекты анализа надписей Хатры и Пальмиры II–III вв. позволяют предположить, что в них ведется речь хотя и об арабской богине Аллат, но в определенной степени это не совсем та Аллат, которую почитали арабы Хиджаза и Центральной Аравии. О разнице свидетельствуют, во-первых, разные формы изображения богини: для эллинизированной Сирии и Ирака (Джазир) характерным была статуя Афины Парфенос, а для Аравии — камень, чаще белый, с конусным или ровным завершением. Кроме того, в II–III вв. в Северной Месопотамии и части Сирии существенным было влияние Вавилона, что отразилось на местных пантеонах. Неслучайно одним из эпитетов Аллат является ИшшарБел — «радость Бела». Впрочем, сказанное отнюдь не отменяет того трепета, почтения и страха, который испытывали арабы перед ней, называемой в более позднее время Госпожой (*рабба*), о чем говорят истории в изложении Ибн Хишама, Ибн Са'да и ал-Вакиди.

Сокращения и sigлы

- X — Сигл для хатрийских надписей, по: *Vattioni F.* Hatra // *Supplemento n. 81 agli AION* — vol. 54. Fasc. 4. Napoli, 1994.
 AAE — *Arabian Archaeology and Epigraphy*. Copenhagen.
 AAW — *Altheim F., Stiehl R.* Die Araber in der Alten Welt. 5 Bd. B., 1964–1968.
 ARAM — *Periodical of ARAM Society for Syro-Mesopotamian Studies*, Oxf.
 IIP — *Inventaire des inscriptions de Palmyre* 1.
 MDOG — *Mitteilungen der deutschen Orientgesellschaft*.
 CIS — *Corpus inscriptionum semiticarum*.
 DISO — *Jean C.F., Hoftijzer J.* Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest. Leiden, 1965.
 RB — *Revue biblique*. P.
 RTP — *Ingholt H., Seyrig H., Starcky J.* Recueil des tessères de Palmyre. P., 1955.
 SEG — *Supplementum epigraphicum graecum*.
 TEAD — *The Excavations at Dura Europos. Preliminary Report*, I–IX, 1929–1952.

Литература

- Ал-Азраки*. Книга Та'рих Макка. Рукопись Института восточных рукописей, В 697.
Ал-Бағави. Ма'алим ат-танзил. Т. 1–4. Каир, 1380.
Большаков О.Г. История халифата. М., 1989, т. I.
Ал-Вāкиди. Китаб ал-мағāзи. Т. 1–3. Ed. M. Jones. L., 1966.
Ибн Са'д. Ат-табакат ал-кубра. Т. 1–8. Бейрут, 1380–88 / 1960–68.
Ибн Сина. Избранные философские произведения. М., 1980.
Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000.
Куртубй. Ал-Джами' ли-ахкам ал-кур'ан. Каир, 1387/1967 (reprint).
Надилов И.И. Хатра. Арабы между Парфией и Римом. СПб., 2009.
Ал-Фараби. Китаб ал-фусус. Хайдарабад, 1347 г.х. С. 5.

⁷ Коран, 6:101: «Как будет у Него ребенок, если не было у Него صاحбе?». Напомню, что кроме «друг, товарищ» данное слово обозначает и «хозяин, господин».

- Ибн Хишам*. Ас-сират ан-набавийа. Тахкик ас-Сакка, ал-Ибйари и Шалаби. Бейрут, 1391/1971.
Ибн Шабба. Та'рих ал-мадина ал-мунаввара. Тахкик Фахим Мухаммад Шалтут, н.п. [1399/1979]. Репринт, Бейрут, 1410/1990.
- Aggoula*, *Semitica* 29 (1979).
Baethgen F. Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte. B., 1888.
Bedjan P. Acta Martyrum et Sanctorum IV., reprint Hildesheim, 1968.
Cantineau J. Le Nabatéen. Vol. I–II. P., 1930–1932.
Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1922–23). P., 1926.
Dalley S. Bel at Palmyra and Elsewhere in the Parthian Period // *ARAM* 7, 1995.
Drijvers H.J.W. Inscriptions from Allat's Sanctuary // *ARAM* 7 (1995). P. 109–119.
Frieling R. Christendom en islam. de strijd om de mens. Rotterdam, 1978.
Grelot P. Documents araméens d'Égypte. P., 1972.
Jastrow M. Die Religion Babylonien und Assyrien, Bd. 1–2. Giessen, 1902–1907, I, P. 254, n. 10.
Jensen P., Andrae W. Aramäische Inschriften aus Assur und Hatra aus der Partherzeit // *MDOG* 60 (1920).
Kister M.J. Some reports concerning al-Ṭā'if // *JSAI* 1 (1979).
Krehl L. Über die Religion der vorislamischen Araber. Lpz., 1863.
Langdon S.H. The Mythology of All Races, Vol. V, Archeological Institute of America. Boston, 1931.
Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. P., 1965.
Maraqten M. Notes on the Aramaic script of Some Coins from East Arabia // *AAE* 7 (1996). P. 304–315.
Milik J.T. Dédicaces faites par des dieux // *BAH, CXCI*. P. 1972.
Milik J.T. Epigraphie et topographie Palestiniennes // *RB* 4, 1959. P. 550–576.
Milik J.T. Les papyrus araméens d'Hermoupolis et les cultes syro-phéniciens en Égypte perse // *Biblica* 48 (1967).
Peeters P. Passionaire d'Adiabène // *Analecta Bollandiana* 43 (1925), p. 261–304.
Qazwīni, Zakariā' b. Muḥammad b. Maḥmūd, Kitāb 'aja'ib al-maḥluqāt wa gharā'ib al-mawjūdāt — *El Cazwini's Kosmographie*, ed. F. Wüstenfeld, Bd. I/II. Göttingen 1849.
Schlumberger D. La Palmyrène du Nord-Ouest. Villages et lieux de culte de l'époque impériale. Recherches archéologiques sur la mise en valeur d'une région du désert par les Palmyréniens, suivi du recueil des inscriptions sémitiques de cette région (H. Ingholt, J. Starcky). P., 1951.
Sidersky M.D. Les origines des légendes musulmanes dans le Coran et dans la vie des Prophètes. P., 1933.
State Archives of Assyria. Helsinki, 1987.
Teixidor J. The Pagan God. Popular Religion in the Greco-Roman Near East. Princeton, 1977.
Trimingham J.S. Islam in Ethiopia. L., 1974.
Vogüé C.J.M. de, Syrie Centrale, 2 vols. (Vol. 2. Inscriptions sémitiques). P., 1877.
Wellhausen J. Reste Arabischen Heidentums. B.–Lpz., 1927.
Yāqūt, Mu'ḡam al-buldān. Ed. F. Wüstenfeld. Vols. 1–6. Lpz., 1866–1873.

Summary

I.I. Nadirov

Allat — the Creator of Everything

Based on the analysis of Hatra inscriptions Nos. 34 and 35 (dated 135 AD) and Palmyra inscription CD 37/36, this paper is dedicated to the cult of goddess Allat worshipped by ancient Arabs, bringing into focus, in addition to her function of the “mother goddess”, her aspect of the “demiurge” who “had created everything” (*bnyt kwl*) after the manner of the Canaanite God. The discovery of a prominent role of that goddess in the Arab pantheon of Hatra suggests a stronger Arab influence in the north of Mesopotamia than thought previously. It extended northward at least to the fortress of Hatra that was to be destroyed in 240 by Shapur I. Moreover, it is also probable that Allat was a Moon goddess for the Arabs of the time, and the principal deity at the Ka'ba in Mecca. Another discovery seems to corroborate the influence of Babylon (*sgyl*) and Assyria (*'šrb*) on Hatra, which is visible in several divine names on surviving local inscriptions.

Aida Gasimova

Acquaintance with the Mystery of Heavens in Ancient Arabia

This paper explores the significance of the ancient Arabian astrological views in the mental-spiritual life of pre-Islamic Arabs who divinized the celestial bodies, and endeavored to pierce the veils of the future by the study of motions and relative positions of the planets, the sun, the moon, the their interpretation in terms of human characteristics and activities. First, I discuss the echoes of ancient astrological views in Arabian religious-philosophic system, rituals and mysteries, and in their mythology. Arabs as the other Semitic peoples personified celestial bodies, gave them human characters and told stories about them. Building on these observations this paper aims to identify the traces of astrological notions in the early Arabian tradition — pre-Islamic poetry and early Muslim hagiography. Of particular interest for us is an important role of ancient Sabians in astrological views of pre-Islamic Arabs, particularly in *kāhin* practices.

Key words: Jahiliyya Arabs, astrology, Sabians, *kāhins*, divinations, mythopoetical images.

If there is ignorance related to pre-Islamic Arabia, this is ignorance and misunderstanding about the mental-spiritual life of the so-called Jahiliyya Arabs produced by misrepresentation of the corresponding Qur'anic verses (*'Āl 'Imrān* 154, *al-Mā'idā* 50, *al-Fath* 26, *al-'Aḥzāb* 33) and scarcity of information on the period under review. Living in a few steps away from the ancient civilizations, the Arabs, long before Islam were united and combined into a whole cultural system and familiar with the achievements of the ancient Egyptian and Babylonian mysteries — meditative trainings and esoteric healing practices, ancient Greek mythology and philosophy, as well as Zoroastrian, Christian and Judaic ideas and beliefs. Building on these observations, this paper will explore the important role of ancient Arabian astrological views in the mental-spiritual life of pre-Islamic Arabs who endeavored to pierce the veils of the future by predictions based on the movements of celestial bodies.

The close trade and economic connections of the Arabs with the other Semitic peoples gradually grew up into cultural relations and interactions with the Mesopotamian astrological and divinatory traditions. Arabian ships sailed to India, to the West and to Egypt, thus connecting the three biggest centers of ancient civilizations. The ships and caravans did not merely carry to Arabia merchandise and people, but also books, ideas and religious doctrines. The lack of language barrier also promoted this influence. The Arabs, Chaldeans, Assyrians, Ethiopians, Phoenicians and Copts understood each other easily, without the assistance of interpreters. The people of Arabia were to some degree affected by the civilization of these foreign nations, their trade and their ideas in general, but the influence of mythology and religion, as well as astrological notions also must have been considerable (See: Shumovsky, 1964, p. 56–64; Rezvan, 2001, p. 10, 24; Tisdall, 1905, p. 30).

It was natural that Jahiliyya Arabs' first philosophical speculations related to the perception of *time* were deeply astrological. Constant travels in the nighttime, when one had to be guided by the Moon and the most luminous stars cultivated the mind and attention towards the Heavenly bodies. By rising and setting of celestial bodies they determined the time.

Jahiliyya Arabs, especially, became intimate with the Moon. Watching the phases of the Moon, they observed their changeable character in accordance with constellations, and determined 28 phases of the Moon named *manāzil al-qamar* that corresponded to the notion of *naw'* ('*anwā'*). Each *naw'* had its name and characteristic features (Krachkovsky, 1957, p. 38).

Even the Arabian alphabet maintained the traces of ancient Arabian astrological views. According to *al-Fihrist*, 28 letters corresponded to the phases of the Moon. Arabic words can consist at most of seven letters with the complementary letters (*zawā'id*), in accordance with the number of the seven stars. Complementary letters (*zawā'id*) are twelve, they correspond to the twelve signs of the zodiac. The letters, which are assimilable with the *lām* of the definite article, are fourteen which is the number of the hidden lunar phases, the fourteen others are not assimilable, and correspond to the visible phases of the Moon. There are three vowels (*Ḥarakāt*) of inclination (*'I'rāb*), which correspond to three types of movement (*Ḥarakāt*): movement in the center, as that of the Fire; movement to the center as that of the Earth; movement on the center as that of the Heavens. Some scholars considered writing a spiritual geometry, which appeared through a material instrument, or said that writing's root goes back to the Spirit, although it emerges as a result of corporeal feelings (Ibn al-Nadīm, 1994, p. 21–22).

Ancient Arabian poetry and astrological notions

Pre-Islamic poetry as a faithful mirror reflected astrological notions. Personification of the Moon is observed in Jahiliyya poetry in the poem ascribed to *Ḥassān al-Sa'di*, in which the phases of the Moon are compared with the periods of human life from childhood to senility (Jayāwuk, 1977, p. 241), and later on, in Muslim tradition, the personification of months has been mirrored, according to Y. Bertels this derived inspiration from Zoroastrian mythology, where every month and every day had its patron among spiritual powers that are represented very frequently in human appearance (Bertels, 1965, p. 103–105).

Ancient Arabian mythological thought breathed the air of the desert life. Inhabitants of desert Arabia, who usually traveled nights to protect themselves from the Sun's burning rays and to find the way guiding by stars, had very developed astrological notions. They believed in the godhead of the sun, moon and stars. Some astral gods had their analogues and hypostasis in the mythological systems of the other Semitic peoples. Due to developed totemic notions of Jahiliyya Arabs, the astral gods, as a rule, had their holy animals. Thus, deer was a sacred animal for *Astar* — the goddess of Venus, wild sheep for *Almahak*, ox for some gods of the Moon (Lundin, 1980, p. 597).

Arabs, like other ancient peoples who personified celestial bodies, gave them human characters and told stories about them. There were mythic stories about the love affair between *Aldebarān* and *al-Thurayyā* (Pleiades), the enmity between *Suheyh* (Canopus) and *al-Jawzā* (Twins). According to a legend, *Aldebarān*, one of the stars in the Hyades group, fell deeply in love with *al-Thurayyā*, the fairest of the Pleiades stars. With the approval of the Moon, he asked for her hand in marriage (Khairt al-Saeh, 1085, p. 28–30). Some charming myths were invented about *al-Jady* (the North Star) and *Banāt al-Na'sh* (Ursa Major), *al-Shi'rā al-Yamaniyya* (Sirius) and *al-Shi'rā al-Shāmiyya* (Procyon) (Zeydān, p. 207). From mythopoetical point of view, of great interest is *al-Thurayyā* — the Pleiades. According to the ancient Greek mythology, combining seven stars, *al-Thurayyā* symbolized seven sisters (Takho-Qodi, 1982, p. 317). Jahiliyya Arabs believed the constellation of *al-Thurayyā* to bestow rain (*Shaikh Inayatullah*, internet version). In one of the versions of '*Imru' al-Qays*'s *mu'allāqa*, which is retained in *Dawāwīn al-Shu'arā' al-Sitta al-Jāhiliyyīn*, we see

the Pleiades — *al-Thurayyā* — tied by a linen rope to the top of the rock. This fragment is depicting the mythic star sparkling on the hub of the Universe — on the mythic mountain:

كَانَ الثُّرَيَّا عَلِقَتْ فِي مَصَامِهَا بِأَمْرَاسِ كَتَانٍ إِلَى صَمِّ جَنْدَلٍ

As if Thurayyā was bound to the rock with the linen ropes. (Dawāwīnu, 1968, p. 17)

By symbolical imageries mentioned in pre-Islamic poetry one could assume that Jahiliyya Arabs were aware of the archetypes of ladder and rope and accordingly of the myths about the ascension. In the *mu‘allaqa* of *Zuhayr ibn Abi Sulmā* (ca. 530–627), the ladder is a tool of rising to heavens in order to escape from the claws of death:

وَمَنْ هَابَ أَسْبَابَ الْمَنَآيَا يَنْلُغُهُ وَإِنْ يَرِقْ أَسْبَابَ السَّمَاءِ يَسْلُمُ

He who dreads the causes of death will be caught by them

Even if he ascend the heavens with a ladder. (Al-Zawzāni, p. 87)

The rope that ties together the earth and heavens is mentioned in a legend from the biography of *Zuhayr*. According to this legend, *Zuhayr* frequently heard from Jews and Christians that the coming of the Prophet of Allah was approaching. Once he dreamt that a rope was hanging down from the heavens and he vainly tried to catch it, but couldn't until the Prophet Muhammad came up and helped grasp the rope. When *Zuhayr* woke up he told this dream to his sons and persuaded them to adopt Islam (Filshtinsky, 1985, p. 151). In this story the rope seems to be a connecting link between the earth and heavens. In the Qur'an the rope symbolizes Islam (*Al 'Imrān* 103).

The cited below *beyt* from the *mu‘allaqa* of *'Imru' al-Qays* depicts a rope as a symbol of ascension:

فِيَا لَيْلَ مَنْ لَيْلٍ كَانَتْ نَجُومُهُ بِأَمْرَاسِ كَتَانٍ إِلَى صَمِّ جَنْدَلٍ

Oh, what a night! As if its stars are bound to the rock with the linen ropes. (Al-Zawzāni, p. 26–27).

In some mythological systems, the peak of the cosmic mountain reached the North Star. The rock in the *mu‘allaqa* of *'Imru' al-Qays* symbolizes the cosmic mountain. Beyond any doubt the linen ropes tying the rock with the stars are the means of ascension. It is not surprising that these symbolical images are used in the depiction of night, which alludes to the ignorance, evil and darkness. The rope tying the rock and star is the road to light and truth. In other words, genetic memory and ancient ideas about the initial union between the earth and heavens were expressed with the archetypes of rock (mountain), star and rope.

The burning interest is evoked by a *khavar* that before Islam there was a *hanif* in Mecca, who built on the outskirts of the city a very high staged tower with stairs, some kind of pyramidal tower, the so-called ziggurat where he communicated with God. This was *Wakī' ibn Salama ibn Zuhayr al-'Iyādī*. He usually went up the tower of this temple and “conversed” with God, after that he usually made predictions. People considered him to be the most truthful among all soothsayers. He always said his predictions on *saj'*. Therefore he was called *kāhin* (al-Jāhiz, *al-Bayān*, II, p. 109, Javād 'Alī, 1993, p. 504).

Another fragment of *'Imru' al-Qays's* poem runs as follows:

إِذَا مَا الثُّرَيَّا فِي السَّمَاءِ تَعَرَّضَتْ تَعْرِضُ أَثْنَاءَ الْوَشَّاحِ الْمَفْصَلِ

When the Pleiades appeared in the sky, they looked like a girdle decorated with precious stones. (Al-Zawzāni, 17).

Some beliefs connected with Sirius were mirrored in Jahiliyya poetry. Desert Arabs believed that Sirius was able to descend from the heavens to the earth and harm people, so

they dreaded even looking at this star and protected themselves against its rays. For this reason, a vagabond poet *al-Shanfarā* (d. about 510) who likened himself to a wolf took pride in looking at Sirius (Suleymanova, 2005, p. 306).

Myths connected with the Sun (*Shams*) also influenced poetry. According to ancient beliefs, the Sun was the divine land which was lost for human beings. By the use of magical and semi-magical means, an ancient man thought about the returning of his soul to this glorious land. Ancient man imagined that the ladder made from fairy arrows which had been shot to the heavens by a bow, could lead him to this glorious land (Spense, 2007, p. 76). Similar views existed among Jahiliyya Arabs too. Arabian soothsayers (*kāhins*) utilized in their mystic practices bow and arrow resembling the sun's rays (See: Ibn Hishām, 1936, p. 222). Al-Jāhiz points to some members of the *sh'uubiyyah* who, through misunderstanding the true meaning of these rites, criticized Arabs for misusing the staff, bow and spear. However, according to al-Jāhiz, the true sense of this use was much deeper. Thereby he alluded to the mystical destination of such attributes (Al-Jāhiz, vol. 3, p. 5–14). According to ancient views, the Sun was united by ropes with Earth. The poem of *Tamīm ibn Ubayy* reflects this recurring mythical motif:

وللشمس اسباب كأن شعاعها ممد حبال في خباء مطنب

The Sun has ropes. These are its rays which are like ropes for binding together the tents. (Quoted: Jayāwuk, 1977, p. 220).

There are some motifs in Jahiliyya poetry that indicate the belief in existence of a Supreme god which was the creator and superior to the Sun and other celestial deities. This belief is reflected in the poem of *'Addiy al-Kalbī*. (Al-Jāhiz, 2002, vol. 7, p. 256).

Ancient Arabs had a developed astrology and foretold the future by stars. The wide spread of astrology (i.e. divination based on celestial bodies) in Arabia suggests its Sabian roots. Such kind of predictions have been mirrored in the Jahiliyya poetry too. *Ṭa'abbata Sharraṇ* felt that he was guided by the Milky Way (Filshtinsky, 1985, p. 69). *'Abīd ibn al-'Abraṣ* mentioned "the Pleiades bringing evil fortune and good":

ولتأتين بعدي قرون جمّة ترعى مزارم أيكّة ولدودا
فالشمس طالعة وليل كاسف والنجم تجرى انحسا وسعود

*And there shall surely come after me generations unnumbered,
That shall pasture the precipices of Aikah and Ladud
And the Sun shall rise, and the night shall eclipse it,*

And the Pleiades shall circle bringing evil fortune and good (translated by Sir Charles Lyall) (*'Abīd ibn al-'Abraṣ*, 1913, p. 11).

Foretelling by stars is depicted in the famous *khutba* of *Quss ibn Sā'ida* who said that "there is *khavar* (account) in the heavens." (Ibn Kathīr, p. 214).

A meteorite (*shihāb*) is one of the most interesting mythopoetical imageries in Jahiliyya poetry. In all likelihood, they thought that the human race came down to the earth from the heavens with falling meteorites. Gradually these myths sank into oblivion, but their traces were engraved in Jahiliyya poetry. This motif runs through many pre-Islamic verses. This is how *'Imru' al-Qays* depicts a meteorite:

بينما المرء شهاب ثاقب ضرب الدهر مناه فحمد

Human being is like a sparkling meteorite. Fate strikes it and it is extinguished. (Quoted: Jayāwuk, 1977, p. 338).

Labīd indicates this idea as follows:

وما المرء الا كالشهاب وضوءه يحور رمادا بعد اذ هو ساطع

The man is nothing but meteorite. It sparkles just a second, then its brilliant light turns into ashes. (Quoted: Jayāwuk, 1977, p. 338)

All these verses contain unforgettable images which convey hidden reminiscences of ancient Arabian astrological views. Some astrological views retained the traces of ancient Semitic mythology that had arrived in Arabia, probably through the Jewish and Christian sacred books. We can state in conclusion that, indeed, mythopoesis of astral bodies was one of the richest sides of pre-Islamic poetry.

Sabianism, star worship and astrology in ancient Arabia

Yūsuf al-Sibā'ī Bayyūmī places emphasis on the influence of the Chaldean civilization on Arabian astrological views as a result of activity of Chaldean priests — Sabians in pre-Islamic Arabia. He states that they were remnants of Babylonian priesthood (Bayyūmī, 1958, p. 64). What were the characteristic features of Sabians in Arabia, and what sort of people represented Sabian tenets and practices? *Jorjī Zeydān*, while determining the roots of the institution of *kihāna* (Shamanic institution) in Arabia, states that it had been brought to Arabia by Sabians (Zeydān, 211). *Kāhins* were foretellers. As it appears from the scanty accounts of ancient Arabian *kāhins*, they were a mystical group and experienced ecstasy, even levitation in order to predict the events of the future.

On this point the *khavar* mentioned in the book of Ibn Hishām is very noteworthy:

There was the tribe Janb in Yemen which had a very famous kāhin. When the mission of the Messenger of God became perfectly clear to everybody, this tribe said to its kāhin: "Look, what could you say about the case of this man?" The people assembled at the foot of the mountain. The kāhin himself was on the alp. As soon as the sun raised he went down the descent and reclining to his bow continued to stay having turned his face toward the rising sun. After standing a time he began jumping. Then he said, "Hey people!! Allah gave Muhammad the blessing and made him his messenger. He had cleansed his heart from filth and inflated it with wisdom. But this man will not stay among you for a long time." Then he ascended the mountain (Ibn Hishām, 1936, p. 222).

We are not informed about the psychical state of *kāhins* and our feeble knowledge is surely unable to describe or suggest his feelings of communication with divinity. However the story on the whole — its whereabouts (mountain), some peculiarities (jumping), details connected with the attributes of mystical experience (bow) and at last the typology of similar practices gave us ample grounds to suggest that the case in point is ecstatic experience, i.e. spiritual ascension of an Arabian *kāhin*. The dominant concept in the mystical practice of a *kāhin* is mysticism of the solar myths; for spiritual levitation a *kāhin* uses the bow, which is considered the symbol of the Sun. On the other hand, it is noteworthy, that his levitation occurs at sunrise.

Sabianism as a religion has laid an emphasis on the oneness of God. Thus thoroughly monotheistic, it has also stressed the special magnitude of heavenly bodies. Sabians successfully connected star worship with monotheistic thought. As states *al-Rāzī*, by them God created the heavens and stars, and obliged human beings to worship stars and planets and take them as *qiblah*, because it was stars that conducted the good and evil, health and illness. They are the patrons that manage all the issues in the world (Fakhraddin al-Rāzī, 1988, p. 56). It seems Sabianism's star worship was a main point that explains its wide circulation among various nations.

Sacrificial ceremonies of Sabians were well related to their astrological views. *Al-Mas'ūdī* mentioned that Sabians made predictions during sacrifices. They slaughtered for this purpose a black bull and made divinations by its internals and agony motions (*al-Mas'ūdī*, 1303h, p. 264–265). In ancient mysteries, the ceremony of sacrifice was frequently used for the purpose of clairvoyance. This kind of clairvoyance named *extispicy* was in common practice in China and in South-Eastern Asia from times immemorial (See: Oppenheim, 1990, p. 163–167). It is said that Alexander the Great believed such divinations (Alexander and Caesar, LXXIII). This sort of foretelling had a wide circulation among Chaldeans as well (*Javād 'Alī*, p. 789, 803). Unfortunately, we have been given but scanty information about this kind of practice in Arabia (See: *al-Kalbī*, 1984, p. 21–22), though the available materials allow us to confirm its existence (See: *Ibn Khaldūn*, 1961, p. 184; *Ibn Hishām*, 1936, p. 224). The *khavar* mentioned in the book of *Dimashqī* tells us about Sabians who made predictions by the death convulsions of a sacrificed cock (*Dimashkī*, 1866, p. 56–57). The Sabians paid particular attention to the celestial bodies, especially to the Sun and it is not accidental that they foretold the future sacrificing a bull or a cock, both of which personified the Sun. The fact of motions, i.e. death convulsions is very noteworthy too. Death agony is a peculiar state between death and life. In contrast to their Mesopotamian colleagues, Sabian priests made predictions not by the lifeless organs of dead animals, but used these animals as mediators between the earthly and spiritual worlds; the state of agony is such a state when the spirit seemingly hesitates and vacillates between a body that it has not left completely yet and the world of spirits which it has not joined entirely. So, in a certain sense, it turned into a mediator between the corporeal world and the world of supernatural forces. According to *Ibn Khaldūn*, as this state was always considered to be an important moment for clairvoyance, certain tyrants and ruthless rulers organized executions of their prisoners to hear from their mouth predictions about vital questions (*Ibn Khaldūn*, 1961, p. 190).

It is noteworthy that Sabians sacrificed bull and cock for predictions. The two-horned bull and cock symbolized the deity of the Sun. In the ancient Egyptian pantheon the sacred bull is called Amon. It seems Amon had a counterpart in the ancient Yemen too, since some Yemenite kings claiming to have supernatural power took the alias *Dhū al-Qarnayn* (Who has two horns). M. Piotrovsky suggests that it was a Yemenite king that has been mentioned by the name *Dhū al-Qarnayn* in the Qur'an (Piotrovsky, 1989, p. 147). Apparently, the totem of bull had special significance in pre-Islamic Arabia. Sometimes the angels were imagined in the shape of bull (*Al-Jāhīz*, 2002. vol. 6, 220). For us all these accounts are very important to illustrate the ancient Yemen's connection with Sabianism, and with Sun worship in general.

To Sabians has been ascribed the building of some great temples dedicated to celestial bodies. In reality, Sabians worshipped not the celestial bodies themselves, but the spiritual powers that resided in them. On the other hand, it is said that they made difference between stars and planets and considered not the stars but planets the dwellings of spiritual powers. Nevertheless, they trusted in the existence of the One — “Creator and Ruler, Holy and Almighty, the Power and Greatness of whom is never reached” (*Islam Ansiklopedisi*, 1980, p. 9). Therefore their temples have been connected not only with the heavenly bodies, but also with abstract notions. In his “*Murūju al-Dhahab*” *al-Mas'ūdī* first mentioned the temple ‘*Illatu al-Ulā*’ (The First Cause). Then he wrote about *Haykal al-'Aql* (The Temple of Intellect), *Haykal al-Ṣūrat* (The Temple of Image), *Haykal al-Nafs* (The Temple of Soul). All these temples were in the form of circle. *Haykal al-Zuḥal* (The Temple of Saturn) was in the form of hexagon, *Haykal al-Mushtarī* (The Temple of Jupiter) in the form of triangle, *Haykal al-Mirrīkh* (The Temple of Mars) in the form of rectangle, *Haykal al-Shams* (The Temple of Sun) in the form of quadrangle, *Haykal al-'Utārid* (The Temple of Mercury) was

in the form of triangle with a rectangle inside, *Haykal al-Zuhrā* (The Temple of Venus) with a square inside, *Haykal al-Qamar* (The Temple of Moon) in the form of octagon (al-Mas'ūdī, 1303h, p. 263). By the testimony of *al-Shahristānī*, Sabians had the temples of the First Cause, of Intellect, Politics, Image, Soul, all these in the form of circle. The Temple of Saturn was in the form of hexagon, the Temple of Jupiter in the form of triangle, the Temple of Mars in the form of rectangle, the Temple of Sun in the form of quadrangle, the Temple of Venus in the form of triangle with a quadrangle inside, the Temple of Mercury in the form of triangle with a rectangle inside, the temple of Moon in the form of octagon (Al-Shahristānī, 1992, p. 363). This disposition towards geometrical figures appeared as a result of sacred meaning given to these configurations. This is the point where Sabianism coincides with Cabbalism.

It is noteworthy to point out the special astronomical significance of the Ka'aba, which was in the form of tetragon, like the temple of the Sun. According to Dr. Tisdall, the pre-Islamic cult of the Ka'aba was honored by ancient Sabians (Tisdall, 1905, p. 53). It became a pilgrimage shrine for them. M. Ruthven states that certain people regarded the Ka'aba as a temple dedicated to the Sun, Moon and the five visible planets (making up the mystical figure of seven, the number of circumambulations required for each *Tawāf*). The story that there were exactly 360 idols placed round the temple also points to an astronomical significance. Among the votive gifts said to have been offered to the idols were golden suns and moons (Ruthven, internet version). Medieval Arab sources contained information of some people from the Mudar tribe which honored the Ka'aba. *Ibn Hishām* says that long before Islam one of the clans of the *Mudar* tribe was called *ṣūfī* (*ṣufāt*, *ṣufwān*). The mother of the chieftain of this clan was childless, and she vowed that, if she bore a son, she would give him to the temple of the Ka'aba as a servant. The son — *Ghauth b. Murr* — was born and, keeping her vow, she gave him up to the Ka'aba. *Ghauth* and his progeny conducted the *Hajj* ceremony and pelted stones at the condemned. They usually stoned the condemned first, then after them other pilgrims began to throw stones (Ibn Hishām, 1936, p. 125). Most likely the so-called *Ṣufāt* were the worshippers of the Sun, because the above-mentioned *khabar* says that they did not throw stones until sunset. It is not known whether or not this group related to Sabians. However, there is another *khabar* where some mystical group from the Mudar tribe is mentioned. (see: Ibn al-Nadīm, 1994, p. 387). On the other hand, it is obvious that this group revered the Sun, which made them close to Sabians. It seems there were several sanctuaries in the form of rectangle called the Ka'aba, and that of *Najrān* was very famous too (Piotrovsky, 1985, p. 108–111). Unfortunately we have scant data about other temples of this name. On the other hand, their connection with Sabianism is unclear.

Sabians had a highly developed astrology. It seems they were the first astrologer-foretellers. They predicted the most important events in the spiritual life of humanity. It will be to the point here to remember an account from the Gospel of Matthew: The twelve verses describe how certain magians from the east were notified of the birth of a king in Judea by the appearance of a star. They brought gifts — gold, frankincense and myrrh — to the child Jesus. (*Matthew 2, 1–12*). There are different opinions about their ethnic origin. The term *magus* usually means priest-ignicolist, which leads to the suggestion that they came from Iran (Myths, 1980, p. 244). However, their concern with star-worship and astrology urged us to think that they were Sabians, and their gifts incline us to suggest that they were from Arabia (Moskalov, 2002, p. 15).

It is also significant that even the earliest references to the Magi in Christian thought claimed that they came from Arabia. *Justin* (AD 160) wrote in his Dialogue, “Magi came from Arabia”. In *The Epistle of Clement to the Corinthians* it is written that frankincense and myrrh are associated with “the districts near Arabia” (<http://www.btinternet.com/>).

Helmut Coester in *The Gospel Quotations of Justin Martyr* says that “at the time of the rising of the star, ‘the magi of Arabia’ who had learned from it (from the star about birth) came and worshipped him” (<http://books.google.com>). It should be noticed that if the gifts of the three wise men alluded to their being from Arabia, the magi’s prophecy by stars and guidance with it on their way to Bethlehem inclined us into thinking that they were *Sabians*.

It seems the Sabians first venerated the celestial bodies as means of proximity to God Almighty because of their being the dwellings of angels. It is noteworthy that Sabians’ prophet Hermes was portrayed as a semi-human semi-angel being, and was frequently identified with the angel *Metatron* (See: Gasimova, 2002, 50–55). Subsequently Sabians strayed from this monotheistic belief and fell into idolatry. Nevertheless, one can suggest an opposite opinion; they first venerated these bodies as idols, but then attributed to them such divine characteristics.

* * *

In this article I have briefly reviewed just some problems facing the researchers into Jāhiliyya Arabs’ astrological views. Considering impossibility of analyzing such an enormous problem within the bounds of one single article I would like to accentuate that spiritual life of pre-Islamic Arabian society, as well as their astrological notions, need comprehensive studies. In dealing with these problems the crucial difficulty appeared to be the scarcity of direct evidences that sometimes urged us to advance our opinions on the basis of circumstantial information. However, thorough studies of pre-Islamic outlooks would doubtless yield interesting results and contribute to a better understanding of their cultural interactions with the other Semitic peoples.

Bibliography

- Abū al-Ḥasan al-Mas‘ūdī*. *Murūj al-Dhahab*, vol. 1. Egypt, 1303h.
Al-Shahristānī. *Al-Milal wa al-Nihāl*. Beirut, 1992.
Al-Jāḥiḡ. *Al-Bayān wa al-Tabyīn* (Taḥqīq wa Sharḡ ‘Abd al-Salām Muḥammad Hārūn). Beirut (without date of publishing).
Al-Jāḥiḡ. *Kitāb al-Ḥayawān*, vol. 6, 7. Cairo, 2002.
Al-Zawzānī. *Sharḡ al-Mu‘allaqāt al-Sab‘i*. Beirut (without date of publishing).
 Ancient Christian Gospels, by Helmut Coester, <http://books.google.com>.
Bertels Y.E. Personification of the Months in Islam // *Bertels Y.E.* Sufism and Sufi literature, vol. 3. Moscow, 1965 (In Russian) (*Бертельс Е.Э.* Персонификация месяцев в исламе. — Суфизм и суфийская литература. М., 1965).
Dawāwīnu al-Shu‘arāi al-Sittati al-Jāhiliyyīn (Sharḡ wa tarḡīb. Abd al-Mit‘āl al-Suaydā), Cairo, 1968.
Fahruddīn er-Razī. *Tefsiri-i Kebir*, Mefatihul-Gayb. Ankara, 1988, vol. 3 (In Turkish).
Filshtinsky I.M. The History of Arabic Literature. Moscow, 1985 (In Russian) (*Фильштинский И.М.* История арабской литературы. М., 1985).
Gasimova A. Controversial Opinions about the Prophet Idris (Enoch) // *Philological issues*, Azerbaijan National Academy of Sciences, Institute of Literature. Baku, 2002 (In Azeri).
Hishām ibn Muḥammad al-Kalbī. *The Book of Idols* (Translated from Arabic into Russian by V. Polosin. Preface and comments by V. Polosin). Moscow, 1984 (Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах, перевод с араб., предисл. и примеч. Вл.В. Полосина. М., 1984).
<http://www.btinernet.com/~prgreetham/Wisemen/wmsoc3.html>.
Ibn al-Nadīm. *Al-Fihrist*. Beyrut, 1994.
Ibn Hishām. *Al-Sira al-Nabawiyya*, vol. 1. Egypt, 1936.
Ibn Kathīr. “Al-Bidāya wa al-Nihāya”, vol. 1. Cairo (without date of publishing).
Ibn Khaldūn. *Al-Muqaddima*. Beyrut, 1961.

- Islam Ansyklopedisi, X. Istanbul, 1980 (In Turkish).
- Javād 'Alī*. al-Mufaḍḍalu fī Tā'rikhi al-'Arab Qabla al-Islām, vol. 6. Baghdad, 1993.
- Khairī al-Saeh*. Fabled Cities, Princes & Jin from Arab Myths and Legends. Schocken Books, 1985.
- Krachkovsky I.Yu.* Geography of Arabs before the First Geographical Works // Selected Works, vol. 4. Moscow–Leningrad: Pub. House of Academy of Sciences, 1957 (In Russian) (*Крачковский И.Ю.* География арабов до первых географических откровений // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения, М.–Л., 1957), с. 37–64.
- Lundin A.* Yemeni Mythology // Myths of the Peoples of the World. Moscow, 1980 (In Russian) (*Лундин А.* Йеменская мифология // Мифы народов мира. I. М., 1980).
- Moskalov S.* What did Magi Bring to Jesus // Science and Religion. Moscow, 2002, I. I. *Москалов С.* Что принесли волхвы Иисусу // Наука и религия. 2002, I.
- Muṣṭafā 'Abd al-Latif Jayāwuk*. Al-Ḥayāt wa al-Mautu fī al-Shi'ri al-Jāhiliyyi. Baghdad, 1977.
- Myths of the Peoples of the World, vol. 1. Moscow, 1980 (Мифы народов мира. I. М., 1980).
- Oppenheim A.L.* Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization (Translated into Russian by M.N. Botvinnik and M.A. Dandamaev). Moscow: "Nauka", 1990 (*Оппенгейм А.* Древняя Месопотамия (пер. с англ. Ботвинника М.Н.). М., 1990).
- Piotrovsky M.B.* Historical Legends of the Qur'an. Moscow, 1989 (In Russian) (*Пиотровский И.М.* Коранические сказания. М., 1989).
- Piotrovsky M.B.* South Arabia in Early Middle Ages. Moscow, 1985 (*Пиотровский И.М.* Южная Аравия в раннее средневековье. М., 1985).
- Plutarch*. Alexander and Caesar. Selected Biographies, vol. 2. Moscow: Publishing House "Pravda", 1990 (In Russian) (*Плутарх.* Избранные жизнеописания. II. М., 1990).
- Rezvan E.A.* The Qur'an and Its World. St. Petersburg: Orientalia, 2001 (in Russian) (*Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб., 2001).
- Ruthven M.* Islam in the World. 1984 (Internet version).
- Shaikh Inayatullah*. Pre Islamic Arabian Thought. Lahore (internet version).
- Shamsaddin Dimaski*. Nukbatu al-dahr. St. Petersburg, 1866.
- Shumovsky T.A.* The Arabs and Sea. Moscow, 1964 (in Russian) (*Шумовский А.* Арабы и море (по страницам рукописей и книг). М., 1964).
- Spense L.* The Mysteries of Egypt, Secret Rites and Traditions. Moscow, 2007 (In Russian) (*Спенс Л.* Таинства Египта. М., 2007).
- "Sirius-Shi'ra in Islam and in the Beliefs of the Nations of Asia and Caucasus" // *Scholarly Researches*. Baku, 2005 (*Сулейманова С.* Сириус-шира в исламе и в поверьях народов Азии и Кавказа // Елми арашдырмалар, 2005).
- Takho-Qodi. "Pleiades" // *Myths of the Peoples of the World*, II. Moscow, 1982 (In Russian) (*Тахо-Годи.* Плеяды // Мифы народов мира. М., 1982).
- The Diwāns of 'Abid ibn al-'Abrās of Asad and 'Amir ibn Tufail, of 'Amir ibn Sa'a'a* (Trans. and notes by Sir Charles Lyall). Leyden: Brill, 1913.
- Tisdall C.* The Original Sources of the Qur'an. L., 1905.
- Yūsuf al-Sibā'ī Bayyūmī*. Tārix al-'adabi al-'arabiyyi, vol. 1. Egypt, 1958.
- Zeydān J.* Tārikhu 'Ādāb al-Lugha al-'Arabiyya, vol. 1. Cairo (without date of publishing).
- Zeydān J.* The History of Islamic Culture. Istanbul, 1971 (In Turkish).

Summary

А. Гасимова

Знакомство с мистериями небес в древней Аравии

Статья посвящена изучению значимости небесных светил в культурно-религиозной системе доисламских арабов, их астрологических мистерий и ясновидений. По мнению автора, особое значение небесных тел в мировоззрении джахилийских арабов возникло, в первую очередь, в результате важной роли планет и звезд в жизни жителей пустыни, предпочитающих путешествовать ночью, чтобы беречь себя от жгучих лучей солнца и найти дорогу по звездам. С другой

стороны, автор уделяет особое внимание влиянию общесемитских астрологических мифов. Центральное место в статье занимает исследование отражения астральных мифов и астрологических предсказаний в древнеарабской поэзии и раннемусульманской агиографии. В ходе работы исследуется особое значение культа Солнца в древнеарабских верованиях и поверьях, которое, прежде всего, выявляется в использовании оракулов связанных с Солнцем (лук, стрела и т.п.) в мистической практике провидцев — кахинов. Исследуется роль сабиизма в развитии астрологии в древней Аравии, дается краткая характеристика сабийских мистерий и ритуалов, которые носили яркий оттенок обожествления Солнца и других небесных тел.

И.С. Гуревич

**«Пинхуа о вёснах и осенях семи царств» (七國春秋平話)
и роман Юй Шао-юя (餘邵魚)
«Сказание об уделах Восточного Чжоу» (東周列國志傳)¹**

Статья продолжает тему «сопоставление языка идентичных по содержанию, но принадлежащих к разным жанрам и эпохам текстов» (предыдущие статьи — ППВ–10, 12). Настоящая публикация предлагает сравнение языковых параметров текстов «Пинхуа о вёснах и осенях семи царств» (XIV в.) и романа «Сказание об уделах Восточного Чжоу» (XIV–XVIII вв.), составленного Юй Шао-юем при династии Мин (1368–1644), затем переписанного Фэн Мэнлуном в конце Мин и еще раз пересмотренного Цай Юань-фаном уже при династии Цин (1644–1911). В основе романа лежат события, описанные в названном выше *пинхуа*. Выводы по результатам сопоставления: грамматические черты *байхуа* в романе весьма скудны даже на фоне небогатого таковыми текста *пинхуа*.

Ключевые слова: *пинхуа*, роман, семь царств, языковая структура, грамматические характеристики, *байхуа*, *вэньянь*.

Касаясь стандартного текста², указанного в названии статьи *пинхуа*, отмечаем, что он представляет собой «последний сборник» (*хоу цзи* 後集), что, естественно, предполагает существование несохранившегося «первого сборника» (*цянь цзи* 前集), о содержании которого мы узнаем из минского издания «Лего чжи чжуань» (列國志傳) («Сказание об уделах») (Чжэн Чжэнь-до, 1957, с. 702). Содержание первого сборника — это история убийства Пан Цзюаня (龐涓) как мести со стороны Сунь Биня (孫臏)³.

Пассааж аналогичного содержания, своего рода «присказку» (*жу хуа* 如話), находим и в начале рассматриваемого «последнего сборника», где говорится, что «государство Вэй возложило на Пан Цзюаня обязанности военачальника, и [он] повел войско на государства Хань и Чжао. Государства Хань и Чжао не могли ему противостоять и отправили посланника в Ци просить о помощи. Ци послало в качестве военачальников Сунь-цзы (孫子) и Тянь-цзи (田即); [они] повели войско на помощь государствам Хань и Чжао. Затем [войско Ци], соединившись с войском Хань и Чжао, в сражении с Вэй разгромило их полководца у подножия гор Малиншань (馬陵山)».

[Эти факты] подтверждаются «Стихами на историческую тему» [автора] Ху Цэна (胡曾. 咏史詩). В стихах говорится:

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-00260а, и Цзян Цзин-го, проект RG005-EU-07.

² Ниже при цитации использованного издания ЦГ указывается страница.

³ Сунь Бинь, Пан Цзюань — генералы, соперничавшие в военном искусстве и враждовавшие между собой.

Под вой ветра опадала листва в день девятого месяца.
 Гнали отощавших коней, [они] поодиночке преодолевали Малин.
 [И лишь] место отпечатков у дороги древних деревьев и насекомых
 сохраняет память о годах, когда военачальники громили врага.
 В ту ночь Сунь-цзы, осуществляя [свои] замыслы, захватил
 Пан Цзюаня, и
 тут же государство Вэй собрало [вокруг себя] правителей шести
 государств.
 Пан Цзюань же был казнен — месть была осуществлена за отрубание
 ступней [Сунь Биню]...

Таков зачин «последнего сборника». Основное же, что в нем изложено, — это то, как яньский Юэ И (樂毅) напал на Ци и как он состязался в хитрости с Сунь-цзы.

В грамматической структуре текста (подробно об этом см.: Гуревич, 2008, с. 102–118) обращаем внимание на относительное разнообразие (по сравнению с другими *тинхуа*) глагольных модификаторов: чаще других в этой функции встречается модификатор 得, который употребляется с различными глаголами, в том числе и с глаголами направления движения; отмечены также, хотя и значительно реже, результативные глаголы с показателем 着 (者) (Průšek, 1950)⁴. Глагольная форма, которая образовывалась в результате присоединения этой морфемы, имела значение состояния, возникающего в результате действия. Среди других модификаторов используются морфемы 住 ‘жить’, ‘останавливаться (на ночлег)’, 殺 ‘убивать’, 見 ‘увидеть’, 取 ‘брать’, 破 ‘разрушать’ и др.

Примеры.

聽得 (30, 35)⁵ — услышать
 聞得 (35, 41) — услышать (= узнать)
 知得 (26, 33, 35) — узнать
 退得 (5, 26) — отступить
 辦得 (65) — наладить, справиться (с чем-то)
 藏得 (30) — спрятать
 到得 (7) — дойти, прибыть
 去得 (14) — уйти (去不得 — не уйти);
 寫着 (14, 17, 42, 48) — написать
 寫着甚計來? (17) — ‘Какой план написан?’

退着 (42) — отступить

一百萬也索退着! (42) ‘Даже миллиону [необходимо] отступить (и в таком положении остаться)!’

騎着 (47, 65) — сесть верхом и сидеть

伯楊時年一百二十歲，騎着青牛出陣來 (65) ‘Бо Яну тогда было сто двадцать лет, верхом (оседлал и продолжал сидеть. — И.Г.) на темном быке [он] выехал из строя’.

接着 (61, 65) — поймать и держать

眾將出寨接着鬼谷 (65) ‘Все военачальники вышли из лагеря и схватили (и удерживали) Гуй Гу’.

⁴ Значение этого показателя в среднекитайском языке описано Я. Прушеком. Он считал, что в среднекитайском языке служебные морфемы 着 и 者 еще не различались, а существовавшую единую служебную морфему он условно передает как *-zhao*.

⁵ При цитировании текста ЦГ указывается только страница без названия источника.

睁着 (64) — раскрыть (глаза) и держать их раскрытыми
 咬着 (64) — стиснуть (зубы) и держать их стиснутыми
 四員將睁着眼, 咬着呀, 使槍弄斧... (64) '[Все] четыре генерала, держа глаза широко раскрытыми и стиснув зубы, сделали так, чтобы копья сработали как топоры...'

拿住 (17) — схватить, арестовать
 扯住 (17) — схватить
 捉住 (14, 27, 30, 31) — схватить
 攔住 (15) — преграждать дорогу, задерживать
 氣殺 (13) — страшно рассердиться, выйти из себя
 刺殺 (40) — заколоть
 望見 (17) — увидеть издалека
 收取 (48) — собрать, захватить
 咬破 (69) — прокусить

蘇代至近, 一隻手拿住孫子, 一隻手扯住田忌... (17) 'Су Дай приблизился, одной рукой удерживал Сунь-цзы, другой рукой схватил Тянь-цзи...'

...近前刺殺淖齒... (40) — '...приблизившись, [Ван Сунь-гу] заколол Нао Чи...'

收取齊竟七十城, 何以棄之? (48) — 'Если захватить семьдесят городов на цис-кой территории, как можно [потом] их покинуть?'

齊王聞之大喜, 即上城望見遠遠兵來... (17) — 'Услышав об этом, Ци-ван очень обрадовался и тут же, взобравшись на городскую стену и глядя вдаль, увидел, что далеко-далеко движется войско...'

...被先生咬破中指... (69) — '...господином [Гуй Гу-цзы] был прокушен средний палец...(?)'

В анализируемом тексте встречается конструкция, состоящая из глагола с модификатором (или без него) + 來/去, которые, будучи отделены от глагола, оказываются в конце предложения. Замечу: в этом случае 來 подчас трудно отличить от конечной частицы 來.

田忌在城上望見東南一隊兵, 撞過燕軍來。 (39) 'Тянь Цзи, глядя вдаль с городской стены, увидел, как на юго-востоке отряд воинов разбил яньское войско'.

寫着甚計策來? (42, 48) 'О каких замыслах [там] написано?'

今孫子已喪...掘孫子屍去。 (12) 'Теперь Сунь-цзы уже мертв... выкопай труп Сунь-цзы'.

В случае наличия в конструкции с 去 показателя 了 он может занимать позицию как непосредственно после основного глагола, так и после 去 (второй вариант встречается чаще).

熬魚脱了金鉤去, 擺尾搖頭更不回。 (42) 'Гигантская рыба сбросила золотой крючок, вильнула хвостом, помотала головой и больше не вернулась'.

遠遠乘勇, 飛騎便赴燕寨去了。 (54) 'Благодаря [своей] храбрости Юань Да [словно] летящая лошадь устремился в военный лагерь яньцев'.

孫子往雲夢山去了。 (19) 'Сунь-цзы отправился в горы Юньмэншань'.

Некоторые глагольные конструкции в обсуждаемом тексте представлены всего несколькими примерами: именно так обстоит дело с конструкцией, состоящей из двух глаголов, из которых второй — глагол 走; последний может быть оформлен на 了, а позицию между глаголами занимает дополнение со значением места:

吳廣大敗，齊王**奔**即墨**走**了。(29) ‘У Гуан потерпел сокрушительное поражение, и Ци-ван **бежал** в Цзимо’⁶.

В тексте исследуемого *пинхуа* среди глагольных образований, состоящих из двух или более морфем, проявляется тенденция к отдельному функционированию составляющих частей с инкорпорацией между ними дополнения (чаще со значением места), относящегося к обоим глагольным морфемам.

Касаясь препозиции дополнения, обнаруживаем, что употребление 將 характерно для случаев, когда сказуемое предложения выражено глаголом движения; если же препозиция маркирована с помощью 把, то глагол-сказуемое оформляется показателем 了:

...差使命假粧商人，**將**國書出城。(5–6) ‘...[Цзы Чжи] отступил от приказа, нарядил торговца, [и тот] с государственным мандатом покинул город’.

把齊王藏了。(30) ‘Ци-вана [они] спрятали’.

Если обратиться к глаголам с пассивным значением, то характерным для текста является глагол 被 с высокой частотностью использования; гораздо реже встречается глагол 遭 (как и 被, он имеет негативный оттенок); другие глаголы — 喫 (досл. ‘есть’) и 蒙 ‘удостоиться’ (привносит положительное значение) отмечены единичными употреблениями.

Наиболее распространенным вариантом конструкции, образованной глаголами с пассивным значением, является вариант неполной конструкции (полная представлена редкими случаями), когда незаполненной остается первая позиция, т.е. отсутствует имя перед пассивным глаголом. Присутствие пассивного глагола в этом случае лишь оказывает влияние на восприятие главного действия как приятного или неприятного в зависимости от использования того или иного пассивного глагола.

被燕兵捉住固存。(35) ‘(Случилось так, что) яньские воины **захватили** Гу Цуня’.

交你休來，今**遭**吾捉了，有何分說？(68) ‘[Я] велел тебе больше не приходить, теперь же я **захватил** [тебя]; какие еще могут быть объяснения?’

Интересно, что два примера с заполненной первой позицией отмечены не с широко используемым глаголом 被, а с глаголами 遭 и 喫:

...幾次即墨**遭**燕兵圍困... (37) ‘...несколько раз Цзимо **подвергался осаде** яньскими войсками...’

市被**喫**孫子說了幾句，遂下馬降齊。(6) ‘Сунь-цзы несколькими фразами обругал Ши Бэя (досл.: Ши Бэй **был обруган** Сунь-цзы), затем спешил и сдался Ци’.

Характерная черта обсуждаемого *пинхуа* — высокая частотность использования каузативной конструкции.

Среди показателей каузатива не просто преобладает, а «господствует» вариант написания 交; при этом немало примеров, когда используется и другой вариант написания — 叫; ни разу не встретился такой вариант написания, как 教, характерный для памятников южной группы; часто можно встретить и известный по предшествующим периодам показатель каузатива 令; а вот старый показатель 使 представлен лишь случайными примерами. В одном примере, который можно считать случайным, встретился характерный для современного языка показатель 讓.

⁶ В современном языке подобные глагольные образования являются результативными глаголами: так, разделенные глаголы 奔 и 走 в БКРС даются как единый глагол со значением «бежать стремглав» (БКРС. Т. 2, с. 979).

В полном варианте каузативной конструкции первую позицию занимает название инициатора действия (субъект конструкции), а после показателя каузатива стоит название исполнителя действия (объект конструкции).

我交換你去。(51) ‘Я просил призвать тебя уйти’.
伯楊交樂毅變陣。(75) ‘Бо Ян велел Юе И изменить построение войск’.

Полный вариант конструкции встречается довольно редко; в большинстве случаев незанятой оказывается позиция субъекта конструкции, в таком случае название инициатора действия определяется по предыдущей фразе:

鬼谷出陣，叫白起出陣。(74) ‘Гуй Гу вышел из строя, [он] велел [и] Бай Ци [также] выйти из строя’.

Иногда первая позиция не может быть восстановлена из контекста: это случается тогда, когда инициатор действия попросту отсутствует, а сама каузативная конструкция имеет значение косвенного повеления:

交敗將石丙出戰！(53) ‘Пусть разбитый военачальник Ши Бин вступает в сражение!’

В области **слов-заместителей** обращает на себя внимание активное употребление в качестве местоимения 1-го лица 俺 (35, 63, 64 и др.) — выступает в различных функциях, но чаще в притяжательной при терминах родства, по частоте не уступает 我. Многократно отмечено включающее местоимение 咱 (15, 18, 48, 52, 54, 71, 74 и др.); в отдельных случаях — в формах 咱每 (73), 咱每生 (77). Для 2-го лица используются 你 (35, 36, 53 и др.) и 您 (15, 36, 39, 54, 65 и др.); последнее употребляется как в обычном, так и в гонорифическом значении. В качестве вопросительного местоимения для не-лиц используются 甚 (16, 42, 47 и др.), 甚的 (60) и 甚麼 (15, 31, 42, 47).

Для ближнего указания в тексте многократно употребляется обычное для байхуа местоимение 這 (35, 49, 54, 58 и др.) и его форма 這裏 (49, 50) для обозначения места; для дальнего указания отмечено 那, в вопросительной форме ему соответствуют 哪裏 (30, 33), 在哪裏 (16) и 那得 (51). В тексте используются новые вопросительные местопредикативы 怎 и 怎生, а также невопросительный 恁 (51, 52, 57).

Из новых предлогов единичными примерами представлены 對 и 向:

其人對樂毅說了... (53) ‘Этот человек сказал Юе И...’
向東有一林... (30) ‘К востоку имеется [маленькая] роща...’

В анализируемом тексте используются оба маркера определения — 的 и 地 (второй, правда, в единственном примере):

都是假的。(53) ‘Все [это] ненастоящее’.
孫子，你認的吾麼？(60) ‘Сунь-цзы, ты меня узнаешь?’
[...孫子四人] 霍地變了旗號... (60) ‘[...Сунь-цзы и еще четыре человека] мгновенно изменили сигнализацию флагами...’

В тексте обследуемого *пинхуа* представлена счетная конструкция с классификатором. Используется такой набор счетных слов, как 隻 ‘штука’, 條 ‘ветка’, 疋 ‘штука’, 件 ‘предмет’, ‘вещь’, 柄 ‘рукоятка’ и др. Зафиксирован и общий, или нейтральный, классификатор 個, который, правда, встречается нечасто. Числительное с классификатором может занимать позицию как перед существительным, так и после него.

...五百條毒龍... (43) ‘...пятьсот (веток) ядовитых драконов...’
 [孫子]特來講和一件事。 (47) ‘[Сунь-цзы] прибыл специально согласовать одно (предмет) дело’.
 看這兩個勝敗如何? (14) ‘Посмотрим, каким будет исход битвы между этими двумя?’

Сочетание классификатора 個 с числительным — ‘один’ при опущенном существительном иногда могло выступать в качестве подлежащего:

一個是蕭古達, 一個是師叔... (16) ‘Один был Сяо Гу-да, один был дядюшка-наставник...’

В то же время в структуре счетной конструкции преобладает норма непосредственной позиции числительного перед существительным без какого-либо счетного слова:

二子 (39) ‘два сына’; 二三句 (38) ‘две-три фразы’; 子母二人 (37) ‘два человека — сын и мать’. В приведенных примерах обращает на себя внимание употребление 二 вместо ожидаемого 兩.

В тексте отмечены единичные примеры с суффиксом порядкового числительного 第, который мог оформлять числительное как со счетным словом, так и без него:

第一個獨孤... 第二個哀剛, 第三個李虎, 第四個解珍, 第五個馬良... (72) ‘Первый — Дугу... второй — Ай Да, третий — Ли Ху, четвертый — Цзе Чжэнь, пятый — Ма Лян...’

В тексте *пинхуа* шесть раз использован новый союз 並, который может соединять как два глагола или предикативных сочетания, так и два имени или два равноправных предложения:

四下伏兵並起。 (7) ‘[Они] повсюду устраивали засады и отходили’.
 齊王知之大怒, 令戰鄒后並太子。 (10) ‘Узнав об этом, Ци-ван очень разгневался, [он] повелел казнить супругу и наследника Цзоу’.

Характерная особенность языка текста в целом — его неоднородность: так, в диалоге Мэн-цзы с Правителем (с. 2) элементы *байхуа* просто отсутствуют; то же относится к надписи на мандате 表 (с. 3) и беседе Янь-вана с Сунь-цзы (с. 8). Максимум, что можно обнаружить на указанных страницах, — это некоторые грамматические черты, присущие языку эпохи Лючао. Тем не менее постепенно, начиная со с. 5, количество грамматических элементов, характерных для *байхуа*, нарастает. Наибольшая концентрация таковых обнаруживается в средней части текста (卷中) и на отдельных страницах последней, третьей части (卷下), где некоторые пассажи текста отличаются особой насыщенностью разговорными оборотами (с. 15, 49, 50, 51, 60).

Теперь обратимся к тексту сопоставляемого источника, т.е. к роману.

«Сказание об уделах Восточного Чжоу» — исторический роман, первоначально был составлен при династии Мин Юй Шао-юем 餘邵魚 (ок. 1566–?) по прозвищу Вэй Чжай (畏齋), затем в конце Мин был переписан Фэн Мэн-луном 馮夢龍 (1574–1646), а при Цин еще раз пересмотрен Цай Юань-фаном 蔡元放 (1736–1770).

В романе, состоящем из 108 глав, описываются события, происходившие в уделах (царствах) в период «Весен и осеней» (770–476 гг. до н.э.), а также во времена «Воюющих царств» (475–221 гг. до н.э.). Таким образом, роман охватывает события, происходившие на протяжении пятисот лет, — от заката Западного Чжоу (789 г.

до н.э.) до объединения царством Цинь шести царств. Последнее событие как раз совпадает с тем, о чем рассказано в «*Пинхуа* о вёснах и осенях семи царств».

В тексте романа использованы материалы из исторических сочинений: «Чунь цю» 春秋 («Вёсны и осени»), хроник «Чжань го цэ» 戰國策 («Планы Сражающихся царств»), хроники «Цзо чжуань» 左傳 («Комментарий Цзо»), «Го юй» 國語 («Речи царств»), «Ши цзи» 史記 («Записи историка») Сыма Цяня (II–I вв. до н.э.). Разрозненные исторические факты, заимствованные из названных источников, будучи аранжированы в хронологической последовательности, «переплавлены» в некое единство, представшее перед читателем как целостное историческое повествование.

Об истории текста (Сказание, с. 1–2. 出版說明 «Пояснения издателя»). Известно, что в эпоху Юань (1271–1368) существовал текст *хуабэнь* (話本), излагавший истории об уделах, или царствах⁷. Во время династии Мин, в период между годами правления 嘉靖 Цзя-цзин (1522–1566) и 隆慶 Лун-цин (1567–1572), некто Юй Шао-юй составил «Лего чжи чжуань» 列國志傳 («Сказание об уделах»). В настоящее время сохраняется издание годов 萬曆 Вань-ли (1573–1620). По свидетельству Сунь Кай-ди, отраженном в «Каталоге китайской простонародной прозы» (Сунь Кай-ди, 1982, с. 27–31), в конце минской династии Фэн Мэн-лун из Умэня 吳門 по прозвищу 猶龍 Ю Лун из рода 墨憨 Мо Хань, основываясь на исторических жизнеописаниях, переработал этот труд, используя некоторые распространенные в то время народные сказания вроде такого, как «Циньский Ай Гун сражается за сокровища в Линьтуне» (秦哀公臨潼鬪寶). Таким образом, он еще добавил материал и расширил повествование до ста восьми глав, превратив его в «Синь лего чжи» 新列國志, сокращенно: «Синь чжи» (新志) («Новое сказание об уделах»). Как указывает в «Каталоге китайской простонародной прозы» Сунь Кай-ди, предисловие (序) к «Новому сказанию об уделах» написал почтенный приверженец Дао из рода Сяо-я 小雅, что из г. Умэня. По прошествии значительного времени, при Цин, примерно в годы под девизом правления Цянь-лун (1736–1795), некто Цай Юань-фан по имени Ао (傲 или 鼻) по прозвищу «господин Ци Ду-мэн» (七都夢夫) или «хозяин Е Юнь» (野雲主人) из Молина (秣陵) предложил как исправленное «Дун Чжоу лего чжи» 東周列國志 («Сказание об уделах Восточного Чжоу»); последнее [в таком варианте] имеет хождение уже более двухсот лет и называется критическим изданием (*пин бэнь* 評本). Произведенная редактура была в основном правильной и необходимой, но не обошлось и без некоторых ошибок.

Что касается издания «Дун Чжоу лего чжи» 東周列國志, которое используется в предлагаемой статье, то в его основу положен переработанный текст «Син чжи», черновиком для которого послужили два цинских издания: одно из них было вырезано в *Шучэньшаньфан* 書成山房 («Кабинете-хранилище книг»), другое — в *Цзинлуньтан* 經綸堂 («Зале государственной мудрости»).

Другие позиции в «Пояснениях от издателя» сводятся к тому, что при просмотре главы за главой удалялись критические оценки по поводу имевшихся длиннот, сокращались примечания, предисловия, некоторые пояснения, географические карты, способы чтения. Кроме того, к сверке было приобщено ксилографическое издание «Синь лего чжи» 新列國志 из собрания г-на Чжэн Чжэнь-до. Сверка и редактирование проводилось с особой тщательностью, хотя сведение воедино двух текстов, именуемых «Пинь бэнь» 評本 и «Ле чжи» 列志, таило в себе ряд трудноразрешимых моментов.

То, что используемое издание носит название «Дун Чжоу лего чжи» 東周列國志, является неким компромиссом, требующим определенных пояснений: текст с дан-

⁷ Имеется в виду рассмотренное выше «*Пинхуа* о вёснах и осенях семи царств».

ным названием принадлежит труду Цай Юань-фана, но текст Цая включает в себя и труд Фэн Мэн-луна, который носил название «Синь легу чжи» 新列國志. Издатели рассматриваемого текста, включив в него элементы из труда Фэн Мэн-луна, сочли возможным в порядке редактирования изменить предыдущее название на последующее, и поэтому в качестве редакторов фигурируют два имени — Фэн Мэн-лун и Цай Юань-фан.

О характере языка обсуждаемого романа можно будет судить на основании подробного анализа языковой структуры 1-й главы (с. 1–8) с привлечением данных других глав, в частности глав 72 (с. 659–669), 88 (с. 835–844), 95 (с. 904–911), дополненных недостающими примерами из других частей текста.

Анализ языка первой главы романа. «[Поверив] ложным слухам, чжоуский Сюань-ван опрометчиво убил [Ду Бо]. Сановник Ду изошренно требует справедливости» (周宣王聞謠輕殺。杜大夫化厲鳴冤).

Наблюдаемые обычно существенные различия в языке между повествовательными пассажами и диалогами или просто прямой речью абсолютно нехарактерны для обсуждаемого текста, на первых трех страницах которого встречается крайне мало черт раннего *байхуа*; только начиная с четвертой страницы можно отметить отдельные служебные слова и конструкции, которые буквально какими-то неожиданными вкраплениями используются как в **повествовательной части**, так и в **прямой речи** персонажей.

Так выглядят некоторые примеры подобных «вкраплений».

他夫妻两口，住在遠鄉，趕著日中做市，上城買賣。(4) ‘Эта (досл.: их) супружеская пара (пара ртов) — жили [они] в далеком уезде — спешила попасть к дневным торгам, направляясь в город торговать’.

...有一婦人，抱著幾個箭袋，正是箕草織成的，一男子背著山桑木弓十來把，跟隨於後。(4) ‘...какая-то женщина несла в руках несколько колчанов для стрел, они действительно были сплетены из травы, [что идет на] веяльные плетушки, мужчина нес на спине около десяти луков, [изготовленных] из горного тутового дерева, он следовал за [женщиной]’.

«...賞布帛各三百匹; » (4) ‘«...какой-то человек преподнес триста кусков материи»’.

司市官... 引著一般胥役，一面曉諭，一面巡遶。(4) ‘Смотритель рынка... привел особого рода рассыльного, [тот] и разъяснял, и надзирал’.

«昨日北門有個婦人，違禁造賣桑弓箕袋，拿到即時決了» (5) ‘«Вчера у северных ворот появилась какая-то женщина, она запретила заниматься покупкой колчанов для лука из тутового дерева, [он] схватил [ее, и] сразу [все] решилось»’.

走到曠野無人之處，落了幾點痛淚。(5) ‘[Он] добрался до безлюдного пустынного места и пролил немного слез скорби’.

(При этом рядом с показателем перфекта 了 используется старое 已:

方知妻子已死。(5) ‘Только тогда он узнал, что жена его уже умерла’.)

...原來是一個女嬰... (5) ‘...оказалось, это была новорожденная девочка...’

宣王命將此女斬訖。(5) ‘Сюань-ван велел эту женщину казнить’.

...將此女嬰抱裹，抱於懷中。(5) ‘[Мужчина] сверток с новорожденной положил за пазуху’.

吾王若殺了杜伯，臣恐國人將妖言傳播... (6) ‘Если мой правитель убьет Ду Бо, то опасаясь, что злостная клевета распространится...’

...忙將杜伯扯住... (6) ‘...срочно Ду Бо схватили...’
 ...將本地戶口，按籍查閱，觀其人數之多少... (2) ‘...население данной местности заносят в проверочные книги, [чтобы] выявить число [проживающих] людей...’

На страницах первой главы встречается показатель препозиции дополнения 將 (примеры см. выше), но ни разу не встретилось 把, при этом отмечен пример с показателем 拿, употребление которого началось не ранее эпохи Цин (Ван Ли, 2000, с. 268–269).

В примерах, приведенных выше, показаны те немногочисленные разнородные элементы, присущие раннему байхуа, которые использованы в рассматриваемой главе и зафиксированы как в повествовательных пассажах, так и в прямой речи. Если упорядочить отмеченные в обсуждаемой главе служебные слова, то можно сказать, что для ближнего указания наряду со старым 此 в отдельных случаях используется 這 — иногда в сочетании с числительным, но ни разу в форме 這個 — отдельно же классификатор 個 встречается в составе счетной конструкции. Значительно чаще используется местоимение дальнего указания 那⁸. Редкими примерами представлены отдельные счетные слова (口 ‘рот’, 匹 ‘штука’). Единственным примером ограничивается использование двусложного возвратного местоимения 自己 ‘сам’, двумя примерами представлен заместитель числительного 多少 ‘много’; из глагольных показателей встретились 了 (чаще) и 著 (примеры приведены выше). Двумя употреблениями в одной фразе исчерпывается использование конструкции невозможности осуществления действия — 到不得. Пятью примерами на всю главу представлен оформитель определения 的, обычно же в этой функции в тексте используется старое 之. В виде единичных примеров отмечены послелоги 裏 ‘в’ и 邊 ‘около’. Как уже упоминалось выше, препозиция дополнения, конструкция довольно употребительная в анализируемом тексте, маркируется показателем 將. В четырех случаях отмечен пассивный глагол 被. В ряде случаев используются повторы: 個個, 人人, 每每, 區區, 草草, 對對, 遠遠.

Продолжим список примеров на перечисленные выше грамматические явления.

宣王吃這一驚... (7) ‘Сюань-ван испугался этого...’
 這一場打圍，好不熱鬧！ (7) ‘Это (площадь) охоты, и ужасно шумно!’
 那時城中百姓，無不遵依... (4) ‘Тогда весь народ в городе [действовал] в соответствии с приказом...’
 那男子叫聲... (5) ‘Тот мужчина закричал...’
 那女子全無懼色... (5–6) ‘У той женщины вид был вовсе не испуганный...’
 乃是一個草蓆包兒... (5) ‘А это был какой-то завернутый в циновку сверток...’
 他夫妻兩口... (4) ‘Эта (досл.: их) супружеская пара (пара ртов)...’
 ...賞布帛三百匹... (4) ‘«...[какой-то человек] преподнес триста кусков материи»’.
 ...原來是一個女嬰。 (5) ‘...оказалось, это была новорожденная девочка’.
 但聞一聲啼哭... (5) ‘Когда только слышали звук плача, [оказалось, это была новорожденная девочка]’.
 宣王大叫一聲... (8) ‘Сюань-ван закричал (один звук)...’
 ...大笑三聲... (6) ‘...[та женщина] засмеялась (три раза); (досл.: три звука)...’
 ...且喜自己脫禍... (5) ‘...при этом обрадовался, что сам избежал беды...’
 觀其人數之多少... (2) ‘Выявить число проживающих людей...’

⁸ Употребление этой морфемы, лишенное смысловой нагрузки, часто избыточно. Такое употребление отмечено в текстах пинхуа. См.: Гуревич, 2008, с. 23.

獲禽多少, 盡數獻納... (7) '[Кто] сколько захватит, все целиком пожертвует...'
 宣王雖說勤政, 也到不得武王... 雖說中興, 也到不得成康時... (1) 'Хотя говорят, что Сюань-ван старательно управлял государством, но не достиг [в этом] У-вана... хотя говорят было процветание, но [и здесь] он не достиг периода Чэна и Кана...'
 那年長的答曰... (2) 'Тот, который старший, отвечал...'
 再說那賣桑木弓的男子... (5) 'Снова скажем о мужчине, который продавал лук из тутового дерева...'
 宣王自誅了賣桑弓箕袋的婦人... (5) 'Сюань-ван сам покарал женщину, которая продавала колчан для лука из тутового дерева...'
 是杜伯的好友... (6) 'Это был близкий друг Ду Бо...'
 ...千軍隊裏騎飛輪。 (8) '...помчались колесницы тысячного войска (досл.: в тысячном войске)'.
 ...來到清水河邊。 (5) '...мужчина подошел к реке Циншуйхэ'.
 已被流水漂去矣。 (4) '[Новорожденную] уже унесло течением реки'.
 羊被鬼吞... (4) 'Баран был поглощен душой умершего...'
 ...被司史官劈面撞見... (4) '[...не успели они войти в город], как встретились в упор со смотрителем рынка...'

В тексте 72-й главы («Тан Гун-шан, жертвуя собой, сбегает от отцовских трудностей. У Цзы-суй, переодевшись, переходит заставу Чжаогуань»), содержание которой связано с событиями из жизни известного героя древности, окруженного легендами, — У Цзы-суй⁹, на все 10 страниц из элементов и конструкций, свойственных *байхуа*, обнаруживаем 13 употреблений глагольного показателя 了, один случай использования маркера определения 的 и также единственный пример, где употреблено возвратное местоимение 自己. В одном случае отмечено счетное слово к глаголу, образованное от самого глагольного корня; встретился один пример, в котором использован глагол с пассивным значением 蒙.

Приведем несколько примеров:

伍員拜了伍尚四拜。 (659) 'У Юань поклонился У Шану четырежды (досл.: четыре поклона)'.
 進了草堂, 伍員再拜。 (665) 'Войдя в жилище отшельника, У Юань снова поклонился'.

東皋公乃坐勝於上, 自己與伍員東西相對。 (665) 'Тогда Дун Гао-гун посадил Шэна наверх, а сам стал обсуждать ситуацию (?) с У Юанем'.
 ...適纔稟過遠將軍, 蒙他釋放來的。 (667) '...как раз тогда[я] подал прошение генералу Вэю, и случилось так, что он [меня] спрятал' (的 в этом примере можно толковать как подчеркивающее).

Таким образом, язык рассмотренной главы (напомню: ее сюжет связан с героем древности У Цзы-суйем) крайне беден грамматическими словами и конструкциями *байхуа*. Объяснение этого лежит в самом сюжете этой главы, который базируется на исторических источниках, написанных на древнекитайском языке, а если иметь в виду тексты Сыма Цяня, то с редким использованием отдельных служебных элементов, которые утвердились позднее, в языке эпохи Лючао. Для иллюстрации предло-

⁹ Сведения об У Цзы-суйе содержатся в целом ряде исторических источников: достаточно назвать такие, как «Ши цзи» Сыма Цяня, «Цзо чжуань», «У Юэ чунь цю» («Вёсны и осени [княжеств] У и Юэ»), «Люй-ши чунь цю» («Вёсны и осени господина Люй»). Сюжет об У Цзы-суйе был чрезвычайно популярен в произведениях песенно-повествовательных жанров китайской простонародной литературы, и прежде всего в жанре *бяньвэнь* (Собрание дуньхуанских бяньвэнь, 1957, с. 1–31; Гуревич, 1961, с. 24–35).

женного тезиса целесообразно было сравнить характеристики языка текста обсуждаемой главы с биографией У Цзы-сюя (伍子胥列傳), изложенной Сыма Цянем в «Записях историка» (Записи историка, 1956, с. 207–216), и фрагментами *бяньвэнь* об У Цзы-сюе¹⁰.

Так, если в тексте Сыма Цяня практически отсутствуют служебные слова, принадлежащие разговорному языку, если не считать одного-двух употреблений наречия 復 ‘снова’, ‘опять’, то в тексте означенной *бяньвэнь* изредка встречаются отдельные служебные элементы (местоимение 3-го л. 他, связка 是, глаголы с пассивным значением 被 и 蒙, глагольные показатели 了 и 得, послелог 裏, наречие 偏偏 ‘повсюду’, союз 雖是 ‘хотя’, единичный пример случайного использования маркера определения 的, редкие счетные конструкции с классификатором или названием меры: 一隻, 一枚, 一雙, 一甌 ‘чашка’, единичные примеры со счетным словом к глаголу — 大哭 三聲 ‘трижды громко зарыдал’), но именно изредка, и процент их гораздо ниже, чем в других текстах того же жанра (Гуревич, 1985, с. 96–101). Характер языковой структуры и в этом случае определяется опорой текста *бяньвэнь* на исторические источники, относящиеся к VI–I вв. до н.э., при этом используется в основном **и язык этих источников**. Но так как время создания текста *бяньвэнь* — конец эпохи Тан (X в. н.э.!), то отдельные элементы живого языка танского времени не могли не просочиться в ткань текста, как ни сопротивлялся этому тот, кто этот текст создавал.

Обратимся к главе восемьдесят восьмой, в которой говорится, что «Сунь Бин, притворившись безумным, избежал беды. Войско Пан Цзюаня потерпело поражение при Гуйлине».

Так же как и в главе 72-й, чаще других встречается глагольный показатель 了 (藏了, 離了, 辭了, 喪了, 退了, 認了, 押了, 探了, 懷了 и др.). В отличие же от ранее рассмотренной главы здесь встречается ряд примеров, в которых используется маркер определения 的, оформляющий в некоторых случаях подчеркивающую конструкцию (是...的):

龐涓布的陣法 (836) ‘Дислокация войск, расставленная Пан Цзюанем’.

孫子病症是幾時發的? 是夜來發的。 (839) ‘В какое время случилась болезнь Сунь-цзы? Случилась ночью’.

龐涓乘車觀看, 正是孫臏初到魏國時擺的“顛倒八門陣” (842) ‘Из [своей] повозки Пан Цзюань наблюдал действительно расположенный Сунь Бинем, только что прибывшим в княжество Вэй, [порядок войск под названием] «опрокинутые восемь входов»’.

...豎的旗上, 俱有軍師‘孫’字。 (843) ‘...вертикально на знамени был [начертан] целиком иероглиф *сунь* — [фамилия] военачальника’.

В тексте анализируемой главы также отмечены единичные случаи использования двусложных наречий (正是 ‘действительно’, ‘в самом деле’; 原來 ‘оказывается’), случайные примеры с классификатором 個, показателем порядкового числительного 第, счетного слова к глаголу (大叫一聲 ‘громко крикнул один раз’).

Даже те немногие примеры, которые приведены выше, дают все же представление о большей приближенности к разговорному языку пассажей рассматриваемой главы, которые этими примерами представлены, по сравнению с текстом главы 72, рассмотренной ранее. Это довод в пользу того, что язык романа неоднороден.

Рассмотрим 95-ю главу, в которой повествуется о том, как Юэ И уничтожил княжество Ци, а Тянь Дань с помощью огненных быков разрушил княжество Янь. Боль-

¹⁰ [伍子胥變文] // Собрание дуньхуанских *бяньвэнь*. С. 1–31.

шая часть этой главы (с. 904–909), посвященная изложению хитросплетений политических интриг, использует исключительно *вэньянь*, и только на последних неполных двух страницах, где как раз идет речь об операции с «огненными быками», повествование обретает большую эмоциональность, а язык несколько «оживляется» за счет немногочисленных служебных слов и конструкций, условно говоря (!), разговорного языка, подобных нижеследующим:

單乃使人收取城中牛共千餘頭... (910) '[Тянь] Дань тогда послал человека изъять в городе всего более тысячи (голов) быков...'.

...呆呆的只等田單出降。 (910) '...[яньские генералы] тупо только и ждали появления Тянь Дая'.

真個人人逃竄，個個奔忙... (910) 'Все люди действительно пустились в бегство, все сбивали [друг друга] с ног...'.

...一發膽都嚇破了，脚都嚇軟了... (910) '...как только возник [грохот], все до смерти перепугались, у всех ноги подкосились (досл.: обмякли)...'

那一夥壯卒，不言不語... 雖只五千個人... (910) 'Эта группа воинов ни слова не сказала... хотя их было всего лишь пять тысяч человек...'.

此是後話。 (911) 'И это были последние слова'.

Итак, притом что о языке романа в целом можно сказать, что он использует в основном и главным образом грамматические нормы *вэньяня* с очень незначительными вкраплениями элементов *байхуа*, тем не менее в разных главах соотношение между *вэньянем* и *байхуа* неодинаковое. Можно предположить, что эти различия определялись тем, насколько сильна была «зависимость» создателя текста и последующих редакторов от исторических источников и степени популярности этих источников как таковых. В этом смысле весьма показателен язык главы на сюжет об У Цзы-сюе.

Если сопоставить языковую структуру романа с таковой в «*Пинхуа* о вёснах и осенях семи царств», характеристика которого дана выше, — текста, не самого близкого к разговорному языку в своем жанре, то можно утверждать, что язык *пинхуа* тем не менее отличается более разнообразным набором грамматических характеристик *байхуа*, чем язык романа.

Позволю себе обратить внимание на обстоятельство, которое имеет опосредованное отношения к предлагаемой статье: обсуждаемый роман не значится в перечне текстов, рекомендованных проф. Люй Шу-сяном для использования в качестве материала-источника при выполнении исследований по исторической грамматике китайского языка (Люй Шу-сян, 1955, с. 195–202).

Выводы, которые вытекают из анализа языковой структуры романа «Сказание об уделах Восточного Чжоу», явно свидетельствуют о том, что роман не является тем материалом, на основе которого можно проследить процесс становления разговорного языка *байхуа*. Таким образом, наши выводы вполне согласуются с тем, что Люй Шу-сян не включил в свой рекомендательный список текстов, отражающих историю становления *байхуа*, означенный роман.

* * *

Если сравнивать характер языковой структуры трех романов — «Возвышение в ранг духов» (Гуревич, 2009, с. 131–141), «Троецарствие» (Гуревич, 2010) и «Сказание», то ближе всего нормам раннего *байхуа* соответствует языковая структура первого из трех названных текстов; значительно меньше элементов разговорного языка в

романе «Троецарствие», и редкими, случайными примерами представлены таковые в «Сказании».

Список сокращений

БКРС — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.

Сказание — «Сказание об уделах Восточного Чжоу».

ЦГ — «Пинхуа о вёснах и осенях семи царств».

Список литературы

Источники

七國春秋平話 *Qī guó chūn qiū pínghuà* (Пинхуа о вёснах и осенях семи царств). Шанхай, 1955.

東周列國志. 馮夢龍, 蔡元放編. 上下冊. *Dong Zhou lie guo zhi*. Shang, xiace. Feng Meng-long, Cai Yuan-fang bian («Сказание об уделах Восточного Чжоу». Т. 1–2). Пекин, 1957.

Литература

Большой китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.

Гуревич И.С. Еще раз о бяньвэнь... (заметки) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по Танскому Китаю), 1983–1985. М., 1985. С. 96–101.

Гуревич И.С. Историческая грамматика китайского языка. Язык прозы на байхуа периода Сун-Юань (пинхуа). СПб., 2008.

Гуревич И.С. К вопросу о жанре небуддийских бяньвэнь (на материале бяньвэнь об У Цзы-сюе) // Дальний Восток. М., 1961. С. 24–35.

Гуревич И.С. «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» и роман «Возвышение в ранг духов» (предварительные мысли) // Письменные памятники Востока 1(10). М., 2009. С. 131–141.

Гуревич И.С. «Пинхуа по истории Трех царств» (三國志平話) и роман «Троецарствие» (三國演義): сравнение языковой структуры текстов // Письменные памятники Востока 1 (12). М., 2010.

Průšek J. Quelques remarques sur les aspects en chinois // Archiv Orientální. 1950. Vol. 18, No 1–2.

敦煌變文集. 王重民等編. 上下冊 *Dunhuang bianwen ji*. Wang Chong-min deng bian. Shang, xiace (Собрание дуньхуанских бяньвэнь / Сост. Ван Чун-мин и др. Т. 1–2). Пекин, 1957.

呂叔湘. 漢語語法論文集 *Lu Shu-xiang*. Hanyu yufa lunwen ji (Люй Шу-сян. Сборник статей по грамматике китайского языка). Пекин, 1955.

史記選註. 司馬遷原著 *Shi ji xuan zhu*. *Sima Qian yuan zhu* (Записи историка. Избранное с комментариями. Оригинал Сыма Цяня). Пекин, 1956. С. 207–216.

孫楷第. 中國通俗小說書目 *Sun Kai-di*. *Zhongguo tongsu xiaoshuo shumu* (Сунь Кай-ди. Каталог китайской простонародной прозы). Пекин, 1982.

王力. 漢語語法史. *Wang Li*. Hanyu yufa shi (Ван Ли. Историческая грамматика китайского языка). Пекин, 2000.

鄭振鐸. 插圖本中國文學史 *Zheng zhen-duo*. *Chatu ben Zhongguo wenxue shi* (Чжэнь Чжэнь-до. Иллюстрированная история китайской литературы). Т. 1–4. Пекин, 1957.

Summary

I.S. Gurevich

“The *Pinghua* on the Springs and Autumns of the Seven Kingdoms” and the Novel “The Legend of the Kingdoms of the Eastern Zhou”

The paper proposed should be considered one more step in the investigation of the problem of comparing grammatical structures of texts identical in topic but different in genre and epoch.

In the paper in question grammatical structures of the “The *Pinghua* on the Springs and Autumns of the Seven Kingdoms” (14th century) and a number of fragments of the novel “The Legend of the Kingdoms of the Eastern Zhou” (16th–17th centuries) based on the *pinghua* are being carefully studied.

The result of examining the grammatical structure of the texts mentioned is as follows: with respect to the new function words, though the text of the former (*pinghua*) is rather poor, in the grammatical structure of the latter (novel) they occur still less frequently, in a few rare cases.

Giorgio Meloni

Some Remarks on the Manchu Verb Form *-habi*

The aim of this article is to clarify the meaning and uses of the *-habi* form of Manchu verbs. This form indicates a completed action when the actual meaning of the verb is that of a completed action; if the verb used indicates an ongoing action or a state, its use compares to that of present tense in most European languages. *-habi* and *-ha bihe* forms compared reveal a tense opposition¹.

Key words: Manchu language, Manchu verb, Manchu grammar, Tungusic, Altaic.

The Case

Scholars of the Manchu language and culture know well, as Gertraude Roth Li says, that there is no *definitive study of Manchu verbs* (Roth Li 2000, p. 358). The existing Manchu grammars in various languages have so different approaches to and explanations of the same problems as to be sometimes confusing if not altogether contradictory. In fact, while trying to make sense of the use of the *-habi* form, some uses of it made me wonder how they would conciliate with what the grammar manuals say. In the various grammars it is listed as *present tense* (Aisin Gioro 1983, p. 204), as *remote past* (Ji 1986, p. 139), as *imperfective* (Roth Li, p. 358), just to cite a few of the most recent. I will spare the reader the list of the ways it has been treated starting from Verbiest (1623–1688), and get to the subject.

Test case: *-ha*, *-ra* forms

These two forms are opposed by Sinor 1949 with *-ha* meaning the completion of an action (*aspect accompli*, *ibid.*, p. 150), and *-ra* the non-completion of an action (*aspect inaccompli*, *ibid.*, p. 150). This is easily proved:

1. *tacire niyalma*
study (imperfective) person
'student';
2. *taciha hafan*
study (perfective) officer
'learned scholar'.

Here *tacire* and *taciha* act very much like present and past participles of the verb *tacimbi* (*to study*) respectively, and in fact may have the corresponding form in translation like in this case (in fact, if we look at the etymology of the term *student* we will find that it is the present participle of the latin verb *studere*, *to study*). In other cases the translation might

¹ Acknowledgments: I am grateful to Prof. Giovanni Stary and Prof. Tatiana Pang for their support and precious answers to my questions.

need to use other terms, but still confirming their imperfective/perfective (here in the strict sense of incomplete/complete) meaning, these are Sinor's examples:

3. yabure niyalma
travel (imperfective) person
'traveller';
4. foloho bithe
print (perfective) letter
'printed book'.

I wanted only to highlight these aspectual properties to prompt the reader to keep them in mind for a better understanding of what follows. I will now start the discussion of the main topic.

The *-habi* form

Although this form is labelled quite differently, most scholars agree in saying that the conveyed meaning is that of an action completed in the past (in the words of Roth Li 2000, p. 359: *the action is completed in the past but influences the present*).

It seems to me that this definition does not fit very well the following examples taken from Tulišen's *Diary*:

5. babade aldaka sere moo banjihabi (p. 22)
everywhere (locative) gold-peach call (imperfective) tree grow
'everywhere grow gold-peach trees';
6. jugūn-i unduri alin alarame banjihabi (p. 99)
road (genitive) along mountain low grow
'along the road there are low mountains';
7. dergi amargi baru eyehebi (p. 34)
east north towards flow
'[the river] flows in north-east direction';

To me it does not seem correct to consider the flowing of a river as a completed action.

I agree that making paragon between very different languages to analyze the morphology of a given language might in some cases complicate things ever further, but I will nonetheless take the risk and eventually demonstrate that it can help to better understand this *-habi* form, and especially helpful is the way we translate this form into European morphologically bulimic languages.

In the first half of the 19th century, Gabelentz, while warning the reader that the grammatical terms of the European tradition he used to describe Manchu could only very partially correspond to the actual meaning in Manchu, explained the *-habi* form as being similar to French (and I would add English, Italian and so on) *passé composé*, having the *-ha* form acting as a past participle and *-bi* as the present tense of *bimbi* (*to be*), an auxiliary verb (Gabelentz 1832, p. 91). Then the author says this form has to be translated sometimes as a *passé composé* and sometimes as *present*, but does not tell us if there is a rule to this different way of translating it. In fact I think there is, and it is very important for a proper classification of this form; I will enunciate it now and show some examples afterwards.

The *-habi* form has to be translated as *passé composé* (well, not necessarily, but it is some sort of past with perfective meaning) when the action described by the verb is one that is meant to be concluded, like a single action, but not necessarily a single action, and there is no reference to other posterior actions related to it; it translates as present if the

action described by the verb is continued, similar to a state. Examples 5, 6, and 7 belong to this second case. A similar use follows:

8. bi ubade tehebi
I here (locative) live
'I live here'.
Let's now see how they compare to these:
9. bi bithe be arahabi
I letter (accusative) write
'I have written a letter'.
10. bi, geli [name] be ilanminggan cooha belhebuhebi (Nian 1971, p. 78)
I, also [name] (accusative) three thousand soldiers prepare
'I also let [name] prepare three thousand soldiers';
11. bi [*omissis*] be dangsede ejehebi (Nian 1971, p. 84)
I [*omissis*] (accusative) records record
'I reported [*omissis*] in the records'.

It is clear from these examples, that these actions can only be understood as completed in the past, something was done in the past (I wrote a letter) and the result of the action (the letter) is right in front of my eyes. But examples (5–8) can only be understood as a present state, and the action that caused it is not really taken into consideration.

While analysing these forms, I was tempted to see a division in transitive (for completed action) and intransitive (state) in this use, but was soon contradicted by these examples (all in Tulišen (圖麗琛) 1983) where *tarimbi* (cultivate) is clearly a transitive verb:

12. jugūn-i dalbade gemu usin tarihabi (p. 31)
road (genitive) side (locative) all field cultivate
'along the road [they] cultivate fields'.
13. [list of furniture] bi, [list of animals] be ujihebi, [list of cereals] be tarimbi. [list of vegetables] bi, cahin-i muke be jembi, (p. 28)
[list of furniture] is [list of animals] (accusative) raise [list of cereals] (accusative) grow
[list of vegetables] iswell (genitive) water eat
'there are [list of furniture] they raise [list of animals] they grow [list of cereals] there are [list of vegetables] they drink water from the well'.

This is probably the most interesting example. As we can see, *-habi* and *-mbi* forms are used with the same meaning of a persistent state. What is very interesting is, in cases like (12), there is no explicit subject, whereas in cases like (13) the subject is explicit (a few lines before) and as we can see both *-mbi* and *-habi* forms have an explicit accusative (*be*). This makes (12) sound more like "there are" (bi) "cultivated" (tariha) "fields" (usin), or a kind of impersonal form, but discussing this would already be off topic. What is important is that *-mbi* and *-habi* forms are here used with the same meaning.

Let us now see how *-ha* and *-habi* forms are related.

-ha vs -habi forms

Scholars all agree that *-habi* forms can only be used as predicate, at the end of a phrase, whereas *-ha* forms can be used both nominally and as predicates. The problem arises when they are used in apparently exactly the same way, and it is difficult to ascertain why one or the other has been used. Let's see an example (Tulišen (圖麗琛) 1983, p. 21–22; geographical names are in boldface or small caps for reasons explained right below):

14. **tula** birai sekiyen, **gentei han** alin-i wargi ergi ci eyeme tucifi, wargi baru eyeme, **hanggai han** alin ci eyeme tucike **orgon** bira de **dosika**, GENTEI HAN alin-i dergi ergi ci eyeme tucike bira be HERULUN sembi, dergi baru eyeme genefi HULUN omo de **DOSIKA**, HULUN omo ci eyeme tucike bira be ERGUNE sembi, dergi amargi baru eyeme genefi SAHALIYAN ULA de **DOSIKABI**, **orgon** bira jebdzundamba hütuktu-i tehe burung han alin, tusiyetu han-i nuktere babe šurdeme wargi amargi baru eyeme genefi **selengge** bira de **dosikabi**.

Tula river (genitive) source, Gentei Han mountain (genitive) West side from flow (-*me* form) exit (-*fi* form), West towards flow (-*me* form), Hanggai Han mountain from flow (-*me* form) exit (-*ha* form) Orgon river (locative) enter (-*ha* form), Gentei Han mountain (genitive) East side from flow (-*me*) exit (-*ha* form) river (accusative) Herulun call (-*mbi* form), East towards flow (-*me* form) go (-*fi* form) Hulun lake (locative) enter (-*ha* form), Hulun lake from flow (-*me* form) exit (-*ha* form) river (accusative) Ergune call (-*mbi* form), East North towards flow (-*me* form) go (-*fi* form) Sahaliyan River (locative) enter (-*habi* form), Orgon river Jebdzundamba Hütuktu (genitive) live (-*he* form) Burung Han mountain, Burung Han mountain, Tusiyetu Khan (genitive) pasture (-*re* form) place (accusative) around West North towards flow (-*me* form) go (-*fi* form) Selengge river (locative) enter (-*habi* form)

The source of the River Tula flows out of the West side of Gentei Han Mountain, flows westwards and enters the River Orgon which originates from Hanggai Han Mountain; the River flowing out of the East side of Gentei Han mountain is named Herulun, flows eastwards and enters Lake Hulun, the River flowing out of lake Hulun is named Ergune, flows towards North-East and enters the River Amur; the River Orgon goes around Burung Han Mountain where lives Hutuktu Jebdzundamba and around the places where Khan Tusiyetu pastures, flows towards North-West and enters the River Selengge.

The general rule in the Manchu language, by which suffixes are added only to the last word of the phrase if more than one word requires it, is said to apply to the *-bi* in *-habi* too (Gabelentz 1832, p. 93). The above example seems to contradict this, but in fact here *-bi* closes semantically related blocks of text (marked by boldface and smallcaps). The text describes two rivers originating from the same mountain. The River Tula originates from the west side of Gentei Han Mountain and flows into the River Orgon which originates from the nearby Hanggai Mountain; this part is closed by *dosika* because the description only stops momentarily to continue the description of the rivers that generate from the same Gentei Han Mountain; so from the east side of Gentei Han Mountain generates the River Herulun flowing towards east and into Lake Hulun; here *dosika* is used again because the description continues from Lake Hulun, from which generates the River Ergune, which flows eastwards and into the River Amur; here *dosikabi* is used because this block of description is finished, and the first block restarts from the River Orgon which, after going through this and that place, flows into the River Selengge, and here is the final *dosikabi* which closes this block of text.

The way the final *-bi* is related to the previous *-ha* forms is not at all self-evident, and this has led Zhao Zhiqiang to deny any semantic function to *-bi* found in *-habi* forms. He cites (between many other texts) the Manchu translation of the poem *Lu'e* (often misspelled as *Liao'e*) from the *Book of Odes* (section *Xiao Ya*) as a proof of the fact that the presence or the absence of *-bi* does not make any difference (Zhao 2002, p. 11). As cited by Zhao Zhiqiang (only the first eight verses) it does seem that *-bi* is kind of useless, but if analysed with the whole poem, I think that the use of *-bi* has the same rule as above, that is it closes semantically homogeneous blocks of text.

Chinese	English	Manchu
蓼蓼者莪 匪莪伊蒿 哀哀父母 生我劬勞	Long and large grows the e; It is not the e but the hao. Alas! alas! my parents, With what toil ye gave me birth!	ler ler serengge empi sembi <u>he</u> dule empi waka suiha <u>oho</u> koro koro ama eniye mimbe ujifi suilame jobo <u>ho</u>
蓼蓼者莪 匪莪伊蔚 哀哀父母 生我勞瘁	Long and large grows the e; It is not the e but the wei. Alas! alas! my parents, With what toil and suffering ye gave me birth!	ler ler serengge empi sembi <u>hebi</u> dule empi waka hamgiya <u>ohobi</u> koro koro ama eniye mimbe ujifi suilahai nimekule <u>hebi</u>
瓶之罄矣 維罍之恥 鮮民之生 不如死之久矣	When the pitcher is exhausted, It is the shame of the jar. Than to live an orphan, It would be better to have been long dead.	tampin untuhun oci damu malu-i girucun kai simeli irgen-i banjirengge aifini bucere de isirakū kai
無父何怙 無母何恃 出則銜恤	Fatherless, who is there to rely on? Motherless, who is there to depend on? When I go abroad, I carry my grief with me;	ama akū oci erturengge akū eme akū oci akdarangge akū kai tucici jobocun be tebumbi
入則靡至	When I come home, I have no one to go to.	dosici ba baharakū gese kai
父兮生我 母兮鞠我 拊我畜我 長我育我	O my father, who begat me! O my mother, who nourished me! Ye indulged me, ye fed me, Ye held me up, ye supported me,	ama oci mimbe banjibuh <u>abi</u> eme oci mimbe uji <u>hebi</u> mimbe biluša <u>ha</u> imbe erše <u>hebi</u> mimbe mutubu <u>ha</u> mimbe hūwašabu- <u>habi</u>
顧我復我 出入腹我 欲報之德 昊天罔極	Ye looked after me, ye never left me, Out and in ye bore me in your arms. If I would return your kindness, It is like great Heaven, illimitable,	mimbe tuwašata <u>ha</u> imbe bargiya <u>habi</u> tucici dosici mimbe tebeliye <u>hebi</u> kesi be karulaki seci dergi abkai hese mohon akū <u>ohobi</u>
南山烈烈 飄風發發 民莫不穀 我獨何害	Cold and bleak is the Southern hill; The rushing wind is very fierce. People all are happy; Why am I alone thus miserable?	julergi alin colgorok <u>o</u> colgorok <u>kobi</u> dara edun šeo šeo sembi niyalma sain akūngge akū ainu mini teile jobošombi
南山律律 飄風弗弗 民莫不穀 我獨不卒	The Southern hill is very steep; The rushing wind is blustering. People all are happy; I alone have been unable to finish [my duty].	julergi alin sekehuri sekehuri ni dara edun hoo hoo sembini niyalma sain akūngge akū ainu mini teile dube akū ni

The English translation is taken from *The Chinese Classics*, 1871, p. 351–52, with some minor formatting changes; the poem is divided into six *zhang* (stanzas). An analysis of its formal aspect shows clearly how the *-ha* and *-habi* forms work. The first *zhang* has *-ha* form because every single verse corresponds semantically to the ones in the second *zhang*. These first two function as a sort of introduction to the main part of the poem. In the fourth *zhang* single verbs have *-habi* form, where there are two, the first has *-ha* form. The first verse of the fifth *zhang* shows us the same mechanism of the first two *zhang*, but within a

single verse instead of expanding into two verses. Therefore it seems to me clear that the previous *-ha* forms are in fact meant to be *-habi* forms.

Tense opposition: *-habi* vs *-ha bihe* forms

In opposing *-habi* and *-ha bihe* forms, their tense-indication function becomes quite clear. Examples (8) and (9) may be written with the *-ha bihe* form:

15. *bi ubade tehe bihe*
I here (locative) live did
'I had lived here', 'I used to live here';
16. *bi bithe be araha bihe*
I letter (accusative) written had
'I had written a letter'.

The *-ha bihe* form is used to describe either a state that existed in the past or an action that happened before another, therefore this form is often preceded by phrasings like *tere fonde* ("at that time") and similar. It will be clearer with a couple of examples:

17. *daci wei harangga bihe*, *ne ejen bisire akū* (Nian 1971, p. 69)
formerly who (genitive) belong did, now master there is there is not
'formerly, whom did they belong to, do they have a master now?'
18. *neneme suweni gurun-i mi k'o lai menigurun de genehe de, murin tarin-i arbuša ha bihe* (Tulišen (圖麗琛) 1983, p. 11)
formerly your country (genitive) Nikolaj my country (locative) go (perfective) (temporal), not properly behave
'formerly, when your country's Nikolaj went to my country, he did not behave properly';
19. ...*bithe unggihe bihe*, *te [omissis] bana-i nirugan be suwaliyame benjihebi*, (Nian 1971, p. 73–74)
letter sent was, now [omissis] place (genitive) map (accusative) together send
'[was said in the] letter that was sent, now I have sent the [omissis] together with a map of the place'.

And very often, as in examples (17, 19), the text goes on telling what was in the past, and then starts telling about the present situation with *te*, *ne* (now) etc.

In theory, the form *-ha bihe* should follow the same rule of dropping *bihe* in case there were more than one consecutively, but I could not find any example presenting such a case, so I can regretfully only speculate on this.

Conclusions

The *-habi* form indicates either an action concluded in the past (I have written the letter, the letter is here ready; I have sent the letter, the letter is on its way to you), or a present state which does not necessarily refer to a traceable action in the past (the river flowing). It is paralleled by the *-ha bihe* form which indicates either a state in the past that afterwards changed, or an action performed in the past, often in relation to another action performed after it.

If a sentence should require many *-habi* forms, only the last of a semantically homogeneous block of text will have the "full" *-habi* form, the preceding will drop the *-bi*; the same *might* apply to the *-ha bihe* form, but there is no evidence to that effect so far.

The purpose of this article was to make clear the uses of the *-habi* form, which I hope to have achieved. The Manchu language deserves a renewed joint effort for an overall rationalization of its grammatical system. Until then, I find less misleading using, like I did in this article, very “cold” terms like “*-habi* form”, “*-ra* form” and so on instead of tense labels found in European languages.

Literature

- Aisin Gioro Wulaxichun* 爱新觉罗乌拉熙春. Manyu Yufa 满语语法. Neimenggu Renmin Chubanshe 内蒙古人民出版社, 1983.
- Gabelentz H.* Éléments de la grammaire mandchoue. Altenbourg, 1832.
- Ji Yonghai* 季永海. Manyu Yufa 满语语法. Minzu Chubanshe 民族出版社, 1986.
- Nian Gengyao* 年羹尧. Nian Gengyao Zouzhe Zhuanji 年羹尧奏摺專輯. Ed. by Gugong Wenxian Bianji Weiyuanhui 故宮文獻編輯委員會. Taipei, Guoli Gugong Bowuyuan 國立故宮博物院, 1971.
- Roth Li Gertraude.* Manchu. A Textbook for Reading Documents. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000.
- Sinor Denis.* Le verbe mandjou // Bulletin de la Société de linguistique générale, vol. 45, 1949, p. 146–155. Now in: *Denis Sinor.* Essays in Comparative Altaic Linguistics. Bloomington, Indiana: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1990.
- The Chinese Classics with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes. Trans. by James Legge, vol. 4.2. London: Trübner & Co., 1871.
- Tulišen* 圖麗琛. Manhan Yiyulu Jiaozhu 滿漢異域錄校注. Ed. by Zhuang Jifa. Taipei, Wenshizhe Chubanshe 文史哲出版社, 1983.
- Zhao Zhiqiang* 赵志强. Manyu dongci guoqushi xinjie 满语动词过去时新解 // Manchu Studies 满语研究, vol. 1, 2002, p. 9–15.

Summary

Джорджо Мелони

Некоторые размышления о маньчжурской глагольной форме на *-habi*

Цель этой статьи — выяснить значение и употребление маньчжурского глагола на *-habi*. Эта форма глагола обозначает совершенное действие; если же употребляемый глагол обозначает поступательное действие или состояние, то эта форма глагола употребляется как настоящее время большинства европейских языков. Формы на *-habi* и *-ha bihe* противопоставлены по времени.

И.Т. Канева

К вопросу о неполных предложениях в шумерском (на материале хозяйственных текстов)

Стремление к максимальной экономии языковых средств, особенно характерное для хозяйственных текстов, привело к широкому распространению в них предложений с неназванными членами. Опускание подлежащего обусловлено его отражением с помощью специальных показателей в сказуемом. Пропуск сказуемого связан с превращением полных предложений в формулы. Появление предложений с неполными словосочетаниями вызвано опущением повторяющихся членов в цепочке структурно однотипных словосочетаний.

Ключевые слова: шумерский язык, грамматика, синтаксис, предложения с неназванными членами.

Специфика хозяйственных текстов, а именно стремление к максимальной экономии языковых средств и, как следствие этого, частое использование схем при их составлении обусловили присутствие в них большого количества предложений с неназванными членами.

В исследуемых здесь хозяйственных текстах старошумерского периода, изданных Й. Бауэром (*Bauer J. Altsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch. Rome, 1972*, в дальнейшем AWL), представлены предложения с неназванными подлежащими¹, предложения с неполными словосочетаниями и предложения, превратившиеся в вид формул.

Опускание подлежащего чаще всего наблюдается во вставных предложениях. Предложения этого типа соотносятся, как известно, либо с отдельным членом основного члена предложения, либо со всем его содержанием.

В исследуемых текстах широко представлены случаи, когда вставное предложение соотносится с отдельным членом основного и этот член выполняет во вставном роль подлежащего.

Здесь возможны два варианта:

I. Поясняемый член основного (он же — подлежащее вставного) повторяется во вставном.

1. 2 u₈ 8 udu-nitah 60 ud_x udu ú-rum PN₁-dumu-kam PN₂ sipa-da e-da-sig₇ [AWL 103] «2 овцы, 8 баранов, 60 коз (скот — собственность имярека₁, ребенка) у имярека₂, пастуха, находятся».

В этом примере во вставном предложении udu ú-rum PN₁-dumu-kam (udu ú-rum PN₁-dumu-ak-am) «скот — собственность имярека₁, ребенка» содержатся дополнительные сведения о скоте, перечисленном в основном. В качестве его коррелята и подлежащего во вставном предложении используется слово udu «бараны», получающее в подобном контексте обобщающее значение «скот».

¹ Термин «подлежащее» употреблен здесь для простоты изложения, так как в шумерском как языке эргативного строя представлены два вида подлежащего: субъект (имя в абсолютном падеже в абсолютной конструкции предложения) и агенс (имя в эргативном падеже в эргативной конструкции предложения).

2. 1 áb-ama áb ú-rum PN₁-ka-kam (PN₁-ak-ak-àm) ... PN₂ dam-gàr unug^{ki}-ta mu-sám [AWL 96 I 1–II 3] «одну дойную корову (корова — собственность имярека₁)... имярек₂, торговец, из Урука купил».

Здесь во вставном предложении в качестве коррелята поясняемого слова áb-ama «дойная корова (букв.: корова-мать)» и подлежащего употреблено слово с более общим значением ама «корова».

II. Поясняемый член основного (подлежащее вставного) остается неназванным во вставном. Этот тип предложений наиболее распространен в исследуемых текстах.

3. X... ku₆ ku₆-gán-ka-gal-kam (ku₆-gán-ka-gal-ak-am) PN mu-de₆ [AWL 139 II 2–5] «X... рыб (это — рыбы (арыков) поля Ганакагаль, букв.: рыбы (арыков) поля Ганакагаль есть-они) имярек принес».

Здесь во вставном предложении не названо подлежащее ku₆ (поясняемый член основного). В нашем контексте в качестве его замены можно было бы ожидать либо личное, либо указательное местоимение 3-го л. мн.ч. класса неодушевленных. Личное местоимение 3-го л. мн.ч. класса неодушевленных в шумерском, скорее всего, отсутствовало. Что касается указательного местоимения «это» со значением обобщенного указания на предшествующее или последующее сообщение, то оно засвидетельствовано только в поздних литературных текстах: *ne un-kú* [LE, p. 56:121] «когда он это съел». В рассматриваемых здесь текстах оно не встречается. При переводе отсутствующее подлежащее передается указательным местоимением «это».

В приведенных примерах во вставных предложениях сказуемые — составные именные, состоящие из имени существительного (вместе с зависимыми от него словами) и энклитической глагольной связки.

Глагольная связка в шумерском представляет собой спрягаемые глагольные формы, образованные от глагола *me* «быть», утратившие обязательный для спрягаемых форм префикс ориентации. Связка выполняет предикативную функцию и служит носителем категории лица и числа.

Функционирование связки в подобном качестве иллюстрируется примерами, в которых употребление разных форм связки зависит от лица и числа подлежащего. В приведенных выше примерах именные сказуемые оформлены связкой 3-го л. ед.ч. /am/. Использование именно этой формы связки в примерах 1 и 2 обусловлено тем, что, судя по контексту, подлежащие вставных предложений относятся к именам класса неодушевленных единственного числа, а в примере 3 подлежащее выражено именем в коллективном множественном числе, которое выражается формой единственного числа.

В примере, приведенном ниже, во вставном предложении в роли подлежащего выступают лица, упомянутые в основном. Они не повторяются во вставном и не заменяются личным местоимением 3-го л. мн.ч. класса одушевленных, хотя таковое в шумерском представлено. Именная часть сказуемого оформляется глагольной связкой 3-го л. мн.ч. /meš/, утратившей на исходе слова конечный /š/.

4. 3 kuš... 4 kuš... PN₁ 1 kuš... PN₂ sipa-anše-me šu-a bí-gi₄ [AWL 115 I 1–III 1] «3 кожи... 4 кожи... имярек₁, 1 кожу... имярек₂ (они — пастухи ослов, букв.: пастухи ослов они-есть) вернули».

Неполноту вставных предложений, состоящую в отсутствии в них подлежащего, можно объяснить таким образом тем, что подлежащее, выраженное личным или указательным местоимением, находит отражение в сказуемом вставного предложения посредством соответствующего личного показателя в виде связки.

Следует сказать, что в шумерском языке опущение членов предложения, выраженных личными местоимениями, является синтаксической нормой.

Самостоятельные личные местоимения в функции подлежащего, «прямого» или косвенных объектов употребляются в шумерском только в тех случаях, когда надо подчеркнуть, что действие совершается именно этим лицом или направлено на него. В остальных случаях они опускаются, поскольку лицо подлежащего, «прямого» или косвенных объектов отражается в сказуемом, ср., например: ^dutu inim ga-ra-ab-du₁₁ (ga-er-a-b-du₁₁) [GLL 21] «Уту, позволь, я скажу тебе слово!». В этом предложении не получили словесного выражения личные местоимения: 1-го л. ед.ч. m̄a-e, выступающее в роли агенса, 2-го л. ед.ч. в дательном падеже za-e-ra — в роли косвенного объекта. Они отражены в спрягаемой глагольной форме ga-ra-ab-du₁₁: местоимение m̄a-e — с помощью префикса наклонения просьбы или пожелания ga-, который, употребляясь только с глагольными формами 1-го л., выполняет одновременно и функцию показателя агенса; местоимение za-e-ra — посредством пространственного инфикса дательного падежа 2-го л. ед.ч. -e-ra-. «Прямой» объект — имя inim «слово» — отражается в глаголе в виде форманта -b-.

Опущение подлежащего, упомянутого в ближайшем контексте и отраженного в спрягаемой глагольной форме с помощью соответствующего личного показателя, наблюдается и в наших текстах.

5. 2 kuš-udu-sig-ur₄-ra... PN₁ sipa- udu-sig-ka-da na ba-da-ri PN₂ nu-banda šu-a bí-gi₄ [AWL 114 I 1–III 1] «1 шкуру длинношерстной стриженной овцы... (она пала у имярека₁, пастуха длинношерстных овец) имярек₂, управляющий возвратил».

В этом примере во вставном предложении PN₁ sipa- udu-sig-ka-da na ba-da-ri «она пала у имярека₁, пастуха длинношерстных овец» не названо подлежащее, совпадающее с поясняемым словом основного предложения udu «овца». Опущенное подлежащее находит отражение в спрягаемой глагольной форме na ba-da-ri < na ba-da-ri-0 в виде нулевого личного показателя.

6. 1 udu-sig maš-da-ri-a-ni ba-gar PN [AWL 174 I 5–II 3] «1 длинношерстная овца (она установлена в качестве налога) (получена от) имярека».

Здесь подлежащее вставного предложения, совпадающее с поясняемым членом основного, не получает словесного выражения, а отмечается в спрягаемой глагольной форме ba-gar < ba-gar-0 с помощью соответствующего личного показателя (нулевого).

7. X še gu₄-kú gur-sag-gál gán...-šè ba-de₆ Y še gán...-šè ba-de₆ Z še 2 kam-ma-ka gán...-šè ba-de₆ X₁ še ki-sum-ma...-šè ba-de₆ še gu₄-kú LAK₄₈₃-si-ga-šè PN sag-apin-ke₄ ba-de₆ [AWL 14 I 1–III 5] «X гуров фуражного зерна для быков для такого-то поля он унес. Y (гуров) зерна для такого-то поля он унес. Z (гуров) зерна вторично для такого-то поля он унес. X₁ (гуров) зерна для лукового огорода на таком-то поле он унес. Фуражное зерно для быков при вспашке имярек, пахарь, унес».

Здесь представлен ряд структурно однотипных предложений с однородными сказуемыми и подлежащими. Подлежащее PN sag-apin-ke₄ «имярек, пахарь» общее для всех предложений, названо только в последнем, в остальных оно как повторяющийся член опускается. Отсутствие подлежащего обычно в таких случаях компенсируется наличием в спрягаемой глагольной форме его личного показателя. В нашем примере в глагольной форме ba-de₆ (ba-n-de₆) личный показатель 3-го л. ед.ч. класса одушевленных /n/ не получил графического выражения.

Дополнительной функцией связки (и это отмечается многими исследователями шумерского языка) является выражение коммуникативных категорий — фокуса, эмфазы и т.п. Представляется, что в приведенных выше и далее именных вставных предложениях роль связки не ограничивается только выражением предикативной функции, а что она используется также и как средство выделения того имени, которое она оформляет.

В исследуемых текстах засвидетельствован и иной способ передачи сообщений об объектах деловых операций — посредством имени (вместе с зависимыми от него словами), употребленном в функции приложения.

8. X *gig gig-nutun gán-...-šè* PN *sag-apin-na-ke₄ šu ba-ti* [AWL 19 I 1–II 3] «X (гуров) пшеницы, семенной пшеницы для (имя собственное) поля, имярек, пахарь, забрал».

В этом примере для передачи сообщения о статье расходования пшеницы используется сочетание с ведущим членом в виде имени существительного *gig* «пшеница», выступающим в роли приложения.

Тот факт, что информация, передаваемая именем в роли приложения, носит более нейтральный характер по сравнению с той, что передается именем, оформленным связкой, демонстрирует, как нам кажется, следующий пример.

9. X *še gur-sag-gál še-ba lú-šuku-dab₃-ba Y še-ba gemé dumu igi-nu-du₈ šà-dub-didli Z še-gar-sá-du₁₁-kam X₁ še-gar-anše-bir-ka* [AWL 51 I 1–II 2] «X гуров зерна, зерновая выдача людей, поставленных (на) кормление, Y (гуров зерна²), зерновая выдача рабынь, (их) детей, подсобных рабочих(?) (и перечисленных на) отдельных табличках, Z (гуров зерна) есть зерновая поставка для регулярных приношений, X₁ (гуров зерна) зерновая поставка для тягловых ослов».

Здесь данные о статье расходования зерна передаются сочетаниями *še-ba* «зерновая выдача» (букв.: зерно-выдавать) и *še-gar* «зерновая поставка» (букв.: зерно-поставлять) с зависимыми от них словами. Эти сочетания употребляются в функции приложения. Исключение составляет сочетание *še-gar-sá-du₁₁-kam* (*še-gar-sá-du₁₁-ak-am*), снабженное энклитической глагольной связкой /am/.

Оформление этого сочетания связкой и как следствие этого превращение его в составное именное сказуемое, а конструкции *Z še-gar-sá-du₁₁-kam* — в предложение свидетельствует, по всей вероятности, о стремлении составителя текста выделить таким способом эту важную в коммуникативном плане, часть высказывания³.

В упрощенно-обобщенном виде разницу в характере информации, передаваемой рассмотренными здесь конструкциями, употребленными в разных синтаксических функциях, можно, пожалуй, передать так:

— Приложение:

X гуров пшеницы, семенной пшеницы для поля, имярек забрал.

— Полное именное предложение (перечисление):

X гуров пшеницы — это семенная пшеница для поля.

— Именное вставное предложение:

X гуров пшеницы (это — именно семенная пшеница для поля) имярек забрал.

Приведем еще один случай с именным вставным предложением с неназванным подлежащим.

10. X *še gur-sag-gál še-nam-RI.HU PN₁ RI.HU-e tu-de₆-a-am₆ PN₂ ugula-uru PN₃ sag-apin-ra e-na-sum* [AWL 13] «X гуров ячменя (это есть тот самый ячмень для разведения птиц, который имярек₁, птичник, принес) имярек₂, староста селения, имяреку₃, пахарю, дал».

² Здесь и далее названия исчисляемого объекта и меры как повторяющиеся члены однотипных структур опущены.

³ Следует отметить, что приведенный только что пример — часть хозяйственного документа с перечислением количества израсходованного зерна. В тех же случаях, когда речь идет не только о перечислении, но и о действиях, совершаемых с зерном, сочетания типа *še-gar-sá-du₁₁-kam* превращаются в именные вставные предложения с неназванным подлежащим, т.е. *X še-gar-sá-du₁₁-kam* «X гуров зерна есть зерновая поставка для регулярных приношений» превращается в *X še-gar-sá-du₁₁-kam PN tu-de₆* «X гуров зерна (это есть зерновая поставка для регулярных приношений) имярек принес».

Здесь в именном вставном предложении *še-nam-RI.HU PN₁ RI.HU-e mu-de₆-a-am₆* «это есть ячмень для разведения птиц, который имярек₁, птичник, принес» также не названо подлежащее *še* «ячмень», совпадающее с поясняемым членом основного. Отсутствующее подлежащее отражено в именном сказуемом посредством связки /am/.

Составное именное сказуемое *še-am₆* раздвинуто за счет включения в его состав двух определений к слову *še*. Одно — имя существительное *nam-RI.HU* «птицеводство» в генитиве (согласный /k/ показатель генитива /ak/ отпал на исходе слова, гласный /a/ поглощен предшествующим гласным). Другое — придаточное определительное *RI.HU-e mu-de₆-a* «который имярек, птичник, принес».

Можно сказать, что именное вставное предложение приобретает здесь форму выделительной конструкции типа клефта. В нем, как и в этой конструкции, присутствуют указательное местоимение «это»*, глагол «быть» (в нашем случае — глагольная связка), выделяемое имя (*še* «ячмень») и придаточное определительное. Информацию, которую с помощью этого предложения хотел сообщить составитель текста, пожалуй, можно передать как «именно этот ячмень принес имярек, птичник».

В исследуемых текстах обнаружены именные предложения с неназванным подлежащим, которые по содержанию и структуре совпадают с именными вставными. Однако они, в отличие от последних, располагаются не в середине другого, а на его исходе (если сообщают новые сведения о члене этого предложения) или в конце документа (если передают данные о содержании всего текста).

Вставные предложения в других языках, как известно, могут располагаться в конце основного. Вынос их на подобную позицию в некоторых случаях может быть связан со стремлением автора подчеркнуть таким способом значимость содержащейся в них информации. Имеем ли мы здесь дело с подобным явлением или эти предложения следует рассматривать не как вставные, а как самостоятельные, решить трудно. Знаки препинания, с помощью которых выделяются вставные предложения в других языках, в шумерском отсутствуют, и поэтому понять, как воспринимали эти предложения сами составители текстов, нет возможности.

Приведем примеры:

11. X *ku₆...* Y *ku₆... níg-šám-ma-še PN₁ dam-gàr ba-de₆ ku₆-gán-...-kam PN₂ šu-NA-e mu-de₆* [AWL 135 III 3–V 4] «X таких-то рыб, Y таких-то рыб в качестве товара имярек₁, торговец, забрал. Это есть рыбы (арыков) такого-то поля. Имярек₂, рыбак, принес их».

Предложение *ku₆-gán-...-kam* (*ku₆-gán-...-ak-am*) по структуре и содержанию аналогично именному вставному. Подлежащее, совпадающее с поясняемым членом предшествующего предложения, остается здесь неназванным. Оно находит отражение в сказуемом в виде глагольной связки, выполняющей роль его личного показателя.

12. X *zíz [sá-]du₁₁-am₆* Y *še še-gar-gu₄-udu-kam Z zíz bar-bé gál-am₆ é-mí-kam* [AWL 47 II 1–6] «X (гуров) эммера — это регулярное приношение, Y (гуров) ячменя — это поставка ячменя для быков (и) баранов, Z (гуров) эммера — это экстренный расход. Это все — (расходы) хозяйства Эми».

В этом примере в предложении *é-mí-kam* (*é-mí-ak-am*) подводится итог, а именно сообщается, что все поставки были проведены из (хозяйства) Эми. Это предложение именное. В роли неназванного подлежащего выступает весь предшествующий контекст. Именная часть сказуемого (сочетание *é-mí* в генитиве) в результате оформления глагольной связкой получает значение предикативного посессива.

* В предложении не названо, но выражено в сказуемом посредством связки.

В именных предложениях с неназванным подлежащим, которые находятся на исходе документа и соотносятся со всем его содержанием, именная часть составного именного сказуемого часто бывает выражена глагольным именем в виде корня, снабженного показателем номинализации /a/.

13. X še gur-sag-gál... PN₁ sipa-gu₄-ra PN₂ nu-banda... e-na-ta-gar 2-kam-ma gar-ra-am₆ (gar-a-am) [AWL 30] «X гуров ячменя... имяреку₁, пастуху быков, имярек₂, управляющий, поставил. Это есть вторая *поставка*».

Здесь в качестве именной части сказуемого используется глагольное имя gar-a «поставка», образованное от глагола gar «поставлять».

Обнаружены случаи с именной частью сказуемого, выраженной целым предложением, которое благодаря оформлению спрягаемой глагольной формы данного предложения (находится на его исходе) суффиксом номинализации /a/ получает статус имени.

14. X zú-lum PN₁ Y zú-lum Z níg-dù-a^{giš} hašhur PN₂ 2-kam-ma-ka nu-kiri_x-ke₄ šu-a bí-gi₄-a-am₆ [AWL 91] «X (гуров) фиников — имярек₁, Y (гуров) фиников... Z ящиков яблок — имярек₂. Это есть *то, что садовники вторично возвратили*».

Стремление к экономии языковых средств, характерное для исследуемых текстов, приводит к превращению полных предложений в вид формул. В приведенном ниже примере 15 полное двусоставное предложение «X рыб имярек доставил» сократилось до формулы «X рыб — имярек», а в примере 16 предложение «X гуров зерна имярек получил» превратилось в формулу «X гуров зерна — имярек».

15. X ku₆... Y ku₆... PN₁ X₁ ku₆... Y₁ ku₆... PN₂ 1 de₆-a-am₆ ku₆-banšur-ra-kam iti-...-a šu-NA-ab-ba-[ke₄]-ne mu-de₆ [AWL 136 I 1–III 7] «X каких-то рыб, Y каких-то рыб — имярек₁, X₁ каких-то рыб, Y₁ каких-то рыб — имярек₂. Это — *первая доставка*. Это — рыбы для пиршественного стола. В месяце таком-то морские рыбаки (их) *доставили*».

Конструкция X ku₆ PN₁ и ей подобные восходят к полному двусоставному предложению X ku₆ PN-e mu-de₆ «X рыб имярек доставил». Восстановление сказуемого mu-de₆ основывается на том, что в предложении, расположенном сразу после этих строк, операция, производимая названными здесь лицами, характеризуется как доставка (de₆-a), а далее в тексте говорится, что эти рыбы были доставлены (mu-de₆) рыбаками в таком-то месяце.

Для подтверждения правильности восстановления можно привести схожий по содержанию контекст, в котором сказуемые сохраняются, а имя собственное, производитель действия, стоит в эргативном падеже.

16. X ku₆... ku₆-gán-ambar-kam PN₁ šu-NA-e mu-de₆ PN₂ nu-banda é-ki-šál-la-ka i-de₆ [AWL 142 I 1–II 5] «X рыб (это — рыбы (каналов) поля (по имени) Ганаамбар) имярек₁, рыбак *доставил*. Имярек₂, управляющий, в (хранилище) Экишаль (их) *доставил*».

17. X zíz-bar₆-bar₆ gur-sag-gál... PN₁ Y zíz-bar₆-bar₆... PN₂ sag-apin-me iti-...-a PN₃ nu-banda é-ki-šál-la-ta e-ne-ta-gar [AWL 18] «X гуров белого эммера... — имярек₁, Y (гуров) белого эммера... — имярек₂. Они — пахари. В такой-то месяц имярек₃, управляющий, из (хранилища) Экишаль им поставил».

Здесь конструкции X zíz-bar₆-bar₆ gur-sag-gál... PN₁ и Y zíz-bar₆-bar₆... PN₂ восходят к полному двусоставному предложению X zíz-bar₆-bar₆ gur-sag-gál... PN šu ba-ti «X гуров эммера имярек *получил*». Опущенные сказуемые šu ba-ti могут быть восстановлены с помощью другого, аналогичного по содержанию документа с полными двусоставными предложениями.

18. X še gur-sag-gál še-numun-še PN₁ ú-du-anše-ke₄ šu ba-ti Y gig gig-numun gán-...-še PN₂ šu ba-ti PN₃ nu-banda iti-...-a é-...-ta e-ne-ta-gar [AWL 16] «X гуров ячменя в качестве посевного ячменя имярек₁, пастух ослов, *получил*. Y (гуров) пшеницы в качестве

семенной пшеницы для поля такого-то имярек₂ получил. Имярек₃, управляющий, в таком-то месяце из хранилища... им поставил».

Основное содержание наших текстов — перечисление объектов деловых операций и производимых с ними действий. Использование при перечислении структурно однотипных сочетаний обусловило опущение в них повторяющихся членов.

19. *X še gur-sag-gál bappir-kas-kal še-bal-bi Y bappir-kas-gíg PN₁ lú-bappir-ra PN₂ nu-banda... e-na-sum* [AWL 58] «*X гуров ячменя (для) сусла крепкого пива, включая утруску, Y (гуров ячменя для) сусла черного пива имяреку₁, пивовару, имярек₂, управляющий... дал*».

В этом примере от сочетания *Y še gur-sag-gál*, состоящего из числительного, названия исчисляемого объекта и меры объема, осталось только одно числительное. Опущение других его членов оказалось возможным благодаря тому, что они названы в ближайшей однотипной конструкции *X še gur-sag-gál*.

20. *X sa-ZI.Z[1.Š]Ē ku₆ 1 de₆-a-am₆ Y 2-k[a]m-ma de₆-a-am₆ Z 3-[ka]m-ma de₆-a-am₆ ... PN šu-NA mu-de₆* [AWL 141 I 1–III 3] «*X каких-то рыб* — это есть первая доставка, *Y (каких-то рыб)* — это есть вторая доставка, *Z (каких-то рыб)* — это есть третья доставка... имярек, рыбак, доставил».

Здесь из трех аналогичных по структуре сочетаний: числительное — исчисляемый объект, полностью выписывается только первое. В двух других название исчисляемого объекта как повторяющийся во всех трех сочетаниях член опускается.

21. *1 maš-sig maš-da-ri-a sanga-^dgá-tùm-du₁₀ 1 maš-lugúd-da PN₁ sanga(?)pa-sír-ra 1 maš-sig sanga-dug-ru PN₂... ba-ra* [AWL 170 I 1–II 5] «*Одного слабого козленка, налог жреца (богини) Гатумду, одного маленького козленка, (налог) имярека₁, жреца(?) (поселения) Пазир, одного слабого козленка, (налог) жреца (святилища) Дугру, имярек₂... увел*».

В этом примере при перечислении козлят для передачи сведений об их назначении используются генитивные сочетания *maš-da-ri-a sanga PN-(ak)* «налог жреца такого-то», употребленные в качестве приложения. Из всех этих сочетаний полностью выписывается только то, с которого начинается перечисление. В остальных повторяющийся член сочетаний, а именно определяемое *maš-da-ri-a* «налог», опускается.

Квалификация сочетаний как генитивных подтверждается — несмотря на отсутствие на письме показателя генитива /ak/ (гласный /a/ поглощается предшествующим гласным, а согласный /k/ отпадает на исходе слова) — следующим примером с аналогичной по содержанию и структуре генитивной конструкцией. В ней благодаря оформлению имени в генитиве энклитической глагольной связкой /am/ показатель генитива сохраняется.

22. *1 gir-mu-1 maš-da-ri-a PN dub-sar-kam (dub-sar-ak-am) ensí... mu-na-gin* [AWL 169 I 1–II 2] «*Одну телку-однолетку (это — налог имярека, писца) к правителю... он привел*».

Итак, в исследуемых текстах широко представлены предложения с неназванными членами. Отсутствие подлежащего, выраженного личным местоимением, является для шумерского синтаксической нормой, поскольку оно находит отражение в сказуемом с помощью соответствующего личного показателя.

Опущение сказуемого связано с превращением полных предложений в формулы. Неназванное сказуемое легко восстанавливается либо из контекста, либо с помощью другого документа, аналогичного по содержанию и структуре, но содержащего полное предложение.

Появление предложений с неполными словосочетаниями вызвано опущением повторяющихся членов в цепочке структурно однотипных словосочетаний.

Список сокращений

AWL — *Bauer J.* Altsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch. Rom, 1972.

GLL — *Kramer S.N.* Gilgamesh and the Land of the Living // *Journal of Cuneiform Studies*. I. 1947. 3–46.

LE — *Wilcke C.* Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969.

Summary

I.T. Kaneva

**Regarding the Question of Incomplete Sentences in Sumerian
(Based on Business Texts)**

In business texts sentences with unnamed parts are widespread. The subject is omitted because it is expressed by a special marker in the predicate. The absence of the predicate is caused by transformation of complete sentences into formulas. The emergence of sentences with incomplete word combinations is caused by omission of recurrent parts in a string of word combinations of the same structural type.

Ж.С. Мусаэлян

**Из истории курдского племени *мукри*
(1-я половина XV — начало XX в.)**

Статья посвящена исследованию крупнейшего курдского племени Юго-Восточного Курдистана — *мукри*, территория расселения которого — Мукринский Курдистан — вдоль ирано-иракской границы на ее стыке с границей Турции. Родословная правителей *мукри* восходит к племени *мукрийе*, обитавшему в районе Шахризур, ранее входившему в шахризурскую группу *бабан*. Появившись в районе Соуджбулака (Мехабада), курды *мукри* вместе с племенем *биябас* образовали в XV в. большую и мощную племенную федерацию, расширили занятую ими территорию и упрочили свое положение. В XVII–XVIII вв. вдоль границы Ирана и Османской империи возникло и просуществовало крупное полунезависимое феодальное владение «сердара *мукри*» с центром в Соуджбулаке. Рассматриваются структура племени и его лидеры, хозяйственный и общественный уклад, прослеживаются экономические и политические отношения, дается описание жилища, одежды, некоторые данные о фольклоре и литературе.

Ключевые слова: племя, союз племен, семейства, сердар, ханзаде, бекзаде.

Мукри, мокри — наиболее значительное курдское племя, область расселения которого — Мукринский Курдистан (Курдистане Мукриан) — расположена в Юго-Восточном Курдистане вдоль ирано-иракской границы у ее стыка с границей Турции (севернее расположения *горанов, кельхоров, сенджаби и баджилани*). С юга и с запада Мукринский Курдистан¹ непосредственно примыкает к основным курдским районам Ирака и Ирана, на северо-западе граничит с Турецким Курдистаном; лишь на северо-востоке и востоке с ним соприкасаются районы с некурдским, главным образом тюркоязычным населением. Племя *мукри* занимало также западную часть Иранского Азербайджана к юго-востоку от Маку (область обитания племени *джалали*) между Араратом, Харки Орамаром и Джуламерком — на востоке; р. Аракс, Котур в низовьях Хойя и оз. Урмия — на западе и к югу.

В XVIII–XIX вв. *мукри* обитали на большой территории к югу от оз. Урмия до Сенне (Арделана), включая Мериван, Ушну, Бокан, Сердешт, Саккыз, Бане, Солдуз²;

¹ В Мукринском Курдистане проживало также давно осевшее здесь племя *дебокри*, представлявшее собой, как писал В.П. Никитин, «вероятно, коренных жителей, покоренных мукри, пришедших позднее как завоеватели» (Никитин, 1964, с. 252).

² В старые времена Солдуз был, как и Ушну, несторианским епископством, но в начале XX в. христиан осталось мало (в Негеде и др.). Во время русско-персидской войны 1828 г. из Закавказья в Персию перешло племя карапахов, которому Аббас-Мирза отдал Солдуз. Карапахи явились в числе 800 семей и застали в Солдузе 4000–5000 семей курдов и тюрков (племени *мукаддам*). Постепенно земли перешли в руки шиитов карапахов и курды остались в 10 деревнях: Гылван, Балыхчи, Карна, Бейрам-буга, Алиава, Пеяджик, Вазна, Кяризе, Джиртава и Копекли; лишь отчасти в начале XX в. они жили в дер. Чияне, Мамед-шах, Негеде, Бегюм-кала, Шейх-Ахмед, Маммиенд, Кяхризе и Тазекенд. В этот период всех курдов (*мамаш*, мукри и др. племена) насчитывалось до 2000 дворов.

на западе — равнина Лахиджан и далее — до Сулеймании, Киркука, Мардина, Дияр-бакыра, Эрзурума, Еревана и Ванского озера, занимая территорию в горном районе, отделенном озерами Ван и Урмия. На север от оз. Ван и Баязида до Маку, в каза Махмуди и Абага (санджак Хаккари), в водораздел рек Махмудие и Хошаб курды мукри переселились из Персии. Племя мукри обитало на северо-востоке от Мосула, на востоке и юго-востоке от Равандуза. Мукринский Курдистан лежит на торговом пути из Ирана в Ирак, что обуславливает его тесные экономические связи с Северо-Западным Ираном и Ираком. Столь же значительны его этнические, культурные и политические связи с соседними курдскими районами. На протяжении всей средневековой истории в этническом составе населения Мукринского Курдистана неоднократно происходили существенные изменения. В край последовательно вливались с запада и юго-запада курдские племена, а с востока — тюрко-монгольские. Они подчиняли себе существовавшее здесь ранее местное население, как оседлое, так и кочевое, частично вытесняли аборигенов за пределы края и образовывали более или менее независимые феодальные владения.

Оседлое племя мукри заселяло собственно Соуджбулак, или Мукринский Курдистан. Сюда относились округа: 1) окрестности Соуджбулака (Мехабада); 2) Шехри-веран — между Соуджбулаком, Солдузом и оз. Урмия; 3) Ахтечи — по дороге из Соуджбулака в Миандоаб по р. Татаву; 4) Бехи — по дороге из Миандоаба и Соуджбулака в Саккыз; 5) Гоурук-Соуджбулакский — по самым верховьям р. Татаву и его двух более южных истоков (речка Кгалу). Этот район занимал юго-восточные отроги гор Куртак, отделяющие Бане от Мукри (перевал Кели-хан); 6) округ Каралар.

К началу XX в. в окрестностях Соуджбулака половина племени *мукри* (5000 семей или 30 000–35 000 человек) совершенно утратила родовое устройство и деление на племена и занималась земледелием, признавая власть правителя Соуджбулака. Комплектовала полк (500 всадников). Другая, бо́льшая половина (ок. 6000 семей, или ок. 40 000 человек) сохраняла родовое устройство, кочевой образ жизни и делилась на мелкие племена, постоянно враждующие между собой и с соседями. Правитель Соуджбулака не мог собрать с них подати. Они уходили в Турцию и оттуда совершали набеги. Чтобы удержать племя от перехода в Турцию, правительство обложило *мукри* небольшой податью (20 000 туманов в год). Тогда они платили подати персидскому правительству и не враждовали с другими племенами.

Курды мукри рассказывают легенду как доказательство их самого чистокровного курдского происхождения: в провинции Авшар в окрестностях Саин-Кала (северная часть территории *мукри*) находятся руины под названием Тахте Сулейман, остатки древнего Шиза — столицы Мидии, где парфяне потерпели поражение от Антония. Как писал известный русский ученый В.П. Никитин, «исторически, однако, Тахте Сулейман может происходить от имени Сулейман-шах Абу, который господствовал в Курдистане в XIII в.» (Никитин, 1964, с. 254).

Уже в VII в. на территорию Мукринского Курдистана перекочевали курдские племена *шуль* и *раванд*. В IX–XII вв. в крае появились и другие курдские племена. Тогда возникли несколько местных курдских династий. В XIV в. пришедшие сюда курдские племена были частично покорены, а частично оттеснены на запад племенами тюрко-монголов, подчинивших себе территорию Мукринского Курдистана.

Большинство курдских племен появились в Мукринском Курдистане в 1-й половине XV в., постепенно вытесняя тюрко-монгольские племена. Первыми пришли сюда племена *бильбасов* и *кевалисов*. В 1446 г. в край вторглись мукринцы. По сведениям Шараф-хана, родословная правителей мукри восходит к племени *мукрийе*, обитавшему в районе Шахризур, ранее входившего в шахризурскую группу *бабан*. Он же

свидетельствует, что первые правители *мукри* свое происхождение связывали с бабанскими правителями. Один из потомков последних, по имени Сайфаддин, был человеком хитрым и коварным. Его часто называли «макри» (по-перс. «хитрый») или «макру» («[истина], ведома Аллаху»). Племена, собравшиеся под началом Сайфаддина и включавшие в себя отряды из аширата *бабан* и других племен Курдистана, стали именоваться *мукри*. Возможно, как пишет О.Л. Вильчевский, «первоначальным толчком к объединению послужила нехватка пастбищ в районе Шахризур» (Вильчевский, 1958, с. 181).

Племя *мукри*, родственное шахризурским *бабанам*, во главе с Сайфаддином появилось к югу от оз. Урмия в районе Соуджбулака в XV в. в конце господства туркменских племен *кара-коюнду* (1410–1468) и *ак-коюнду* (1468–1502). Курды *мукри* и *бильбас* в XV в. образовали большую и мощную племенную федерацию. Объединенные в союз, они быстро расширили занятую ими территорию и упрочили свое положение в Центральном Курдистане. Они отняли у тюрок *джибуклу* округ Дерьяс — нынешний Шехриверан (Шахвейран), в 11 км от современного Мехабада, а затем постепенно начали расширять свои владения — заняли округа Дола-Барик³, Ахтечи, Эль-Тамур и Солдуз (курд. Сундус). Сайфаддину никто не смог оказать сопротивление.

После установления в Иране господства кызылбашей глава новой династии шах Исмаил Сефеви (1502–1524) несколько раз безуспешно пытался силой покорить Мукринский Курдистан. Между этим племенем во главе с сыном Сайфаддина Сарумом и войсками шаха Исмаила Сефеви происходили неоднократные сражения, и кызылбаша терпели поражение. Шах Исмаил пытался разбить курдов Мукри с помощью кызылбашского племени *шамлу*, однако и эта попытка оказалась тщетной. Правда, эта победа и для мукринского предводителя оказалась пирровой, и вскоре он вынужден был признать власть сефевидского правителя.

Эмиром этого племени после Сарума султан Сулейман назначил его внука Амира, который ревностно оберегал ашират, неизменно покорный и послушный султану Сулейману.

В 1583 г., в четвертом поколении после Сайфаддина, Амир-бек получил от султана Мурада III управление обширной территорией, населенной курдами, охватывавшей Мосул, Шахризур, Эрбиль и т.д. до Мераги (на восток от оз. Урмия). При сыне его Хейдер-хане *мукри* овладели также округами Мераге (в начале XX в. часть Турджана), Аджери и Лейлан (по правому берегу р. Джагату), г. Миандоаб и крепостью Сару-Курган (ок. Мераги).

В 1593–1594 гг. округ Мераге по приказу эмира эмиров Багдада Хизр-паши был отобран у племени *мукри* и передан племени *махмуди*. Между *мукри* и племенем *махмуди* происходили сражения, а в это же время часть улусов *махмуди* направилась в Солдуз (Шараф-хан Бидлиси, 1967, с. 340–343).

После того как в XV в. курды *мукри* и *бильбас* образовали большую и мощную федерацию, расширили занятую ими территорию и упрочили свое положение, мукринские бекзаде стали играть все большую роль при дворах османского султана и иранского шаха. Шах Аббас I опирался на курдов, составлявших большую часть его вооруженных сил, и назначил множество мукринских бекзаде на высокие командные посты. В 1624 г. он разбил турок в крупном сражении благодаря поддержке курдов *мукри*, составлявших ядро его армии. Позже воинственные и смелые *мукри* составили ядро армий в походах Надир-шаха и Фатх Али-шаха.

³ В начале XX в. на берегу оз. Урмия располагался округ Дол, окруженный с запада горами. Отрог, ограничивавший с севера Дол от Барандуза, назывался Кашка-гедик. По-видимому, округ Дол соответствовал тому Дола-барик, который в XV в. был занят курдами *мукри*.

Почти в течение двух столетий (XVII–XVIII вв.) вдоль границы Ирана и Османской империи существовало крупное полунезависимое феодальное владение «сердара мукри» с центром в Соуджбулаке — Мукринский Курдистан, номинально входившее в состав иранской монархии и разделявшееся на значительное количество более мелких владений курдских феодалов. Правящие круги Ирана и Турции не раз пытались подчинить их, однако *мукри* всегда оказывали упорное сопротивление (курдский эпос, историк Сефевидов Искандер Мунши, а также восточные и европейские источники сохранили многочисленные свидетельства о попытках иранского и турецкого правительств подчинить себе Мукринский Курдистан и многочисленные факты сопротивления этому мукринцев).

Население Мукринского Курдистана составляли в основном курды *мукри*, входившие в крупный союз племен *бабан*, во главе которого первоначально стояли бекзаде *мукри*, представлявшие собой военную дружину племени *мукри*. Глава их являлся полунезависимым владельцем края (сердар мукри). Когда они ослабели в конце XVIII в., власть захватили *дебокри*, глава которых унаследовал титул и власть сердара *мукри*. Когда ослабели и *дебокри*, среди мукринских племен началась борьба за переход власти сердара *мукри* к главе более сильного племени. Ашират был покорен правителем Бабана Пир Будаком. Это ханство или княжество, формально числившееся в составе Ирана, в свою очередь, делилось на небольшие владения более мелких курдских феодалов.

Мукринские ханы принадлежали к пяти семействам, восходящим к Баба-эмиру, или Баба-миру. Однако живет предание о происхождении их от полулегендарного Будака-султана. Легенда гласит: некогда в Турецком Пишдере в деревне Деришмане жил Факы-Ахмед, который из-за притеснений *бильбасов* ушел в Константинополь, поступил на службу к султану и сражался с неверными. Однажды он захватил рыцаря, оказавшегося девушкой по имени Кеган, взял ее в жены, у них родились два сына — Баба-Сулейман и Будака-султан: к первому возводят свое происхождение сулейманийские *бабаны*, ко второму — мукринская знать.

В.Ф. Минорский дает следующую родословную семейства Баба-мири:

```

Будака-султан
|
Абдулла-бек и 7 братьев
|
Мустафа-бек
|
Ахмед-бек
|
Тамир-хан
|
Фаррох-хан
|
Мустафа-бек
|
Мухаммед-султан

```

(Минорский, 1915, с. 463).

Сердар из рода Баба-мири — вождь *мукри* Азиз-хан упоминается в истории каджаров. Деятельность его развернулась при Мухаммед-шахе (1834–1848) и Насред-

дин-шахе (1848–1896). Он действовал в Тавре с несколькими другими знатными курдами, отправившимися туда в момент примирения Будах-хана с каджарами. Затем после успешного выполнения дипломатической миссии (переговоры в Герате) он в начале правления Насреддин-шаха стал военным правителем Тегерана. В Зенджане принял меры против восстания бабидов. Организовал в Тегеране по приказу шаха службу порядка, которую несли *мукри* из Мехабада, *кельхоры* из Керенда и *афшары* под командованием его сына Али-хана, за что был произведен в генералиссимусы иранской армии. Позднее из-за интриг был обвинен в заговоре с русскими и англичанами в целях объявления Курдистана независимым от Ирана. Азиз-хан Сердар был генерал-губернатором Азербайджана, основал деревню Сердар-ава, много сделал для поднятия земледелия в Соуджбулаке. Умер в 1868 г.

К семейству сердаров принадлежал Сайфадин-хан, о способностях и талантах которого подробно писал Ж. де Морган (Morgan, 1895, S. 39–40). Мухаммед Хусейн-хан Сердар — губернатор Соуджбулака — был убит при нашествии турок в декабре 1914 г. Его сын Али-хан обучался в Московском кадетском корпусе.

Ко второму семейству Баба-мири принадлежал Шейх Али-хан Шуджауль-мемалик. Его дед — Керим-хан, отец — Меджид-хан, брат — Мир-Паша-хан, старший сын — Мамед Али-хан. 18 владений Шейх Али-хана в округе Ахтечи за долги его отца перешли в половинное пользование русских подданных Назарбековых.

К третьему семейству Баба-мири мукринских ханов принадлежали внуки Рустембека в Ахтечи и Бехи.

К четвертому семейству Баба-мири принадлежали сыновья Мамед Эминбека в Турджане.

К пятому семейству Баба-мири принадлежало потомство Феридун-хана, бывшего во времена Надир-шаха правителем в Хамадане. В 1911 г. представители семейства жили в дер. Ялава (Ядабад).

Кроме пяти семейств Баба-мири мукринских ханов в Соуджбулаке был известен еще род казиев — судебно-духовных лиц. Их глава Кази Феттах был вызван в Тегеран по настоянию русских за его оппозицию Назарбековым и жил там как заложник. При нашествии турок в 1905 г. Кази Феттах собрал ополчение для сопротивления им.

Сердар был очень богат, он являлся одним из крупнейших земельных собственников края. В начале XX в. сердар *мукри* имел свою резиденцию в Бокане. Старший хан *мукри* являлся наследственным предводителем всех курдских ополчений края, начальником его обороны.

Племя пользовалось большой известностью благодаря своей доблести и могуществу своих сердаров, или правителей, которые на протяжении веков управляли Соуджбулаком. Помещики племени разделялись на ханзаде (более знатные роды) и бекзаде (менее знатные, более мелкие роды). В полукрепостной зависимости от них находились крестьяне райет.

Бекзаде начала XX в. свое происхождение связывали с именем одного из потомков бабанской династии Будах-хана, жившего в конце XVIII — начале XIX в. Он имел большое влияние среди вождей *мукри*. За справедливость его называли «Второй Ануширван». До прихода к власти каджарской династии он поддерживал *зендов* во главе с Керим-шахом, а после восшествия на престол Фатх Али-шаха был признан эмиром *мукри*. Будах-хан дважды участвовал в походах Аббас-мирзы против *бильбасов*, объединяясь с правительственными войсками, посланными Аббас-Мирзой, наследником трона и правителем Азербайджана.

На службе у каджаров находились и другие знатные *мукри*, например Меджид-хан, имевший чин серхенга (полковника) и у которого было около 30 больших селений, и Исмаил-ага Дебокри, есаул при дворе иранского шаха.

В союз племен *мукри* помимо собственно *мукри* и *дебокри* входили родственные им *бильбасы*. Ранее иранские *бильбасы* платили главам *мукри* 1000 туманов в год, но к началу XX в. они вышли из зависимости и сами стремились стать во главе мукринского союза. К числу бильбасских племен, вошедших в состав *мукри*, относятся: *ма-маш*, *мангур*, *тиран*, *геурик*.

Есть все основания предполагать, что племена, населявшие долину рек Татаву и Джагату и их притоков, ранее всех других соседних курдских племен перешли к оседлому образу жизни и что земли Шехриверана принадлежали ранее *мукри*. Сохранилась купчая крепость на селения Шехриверана, по которой в XVIII в. потомки Будак-султана отчуждали свои земли по долине низовий р. Соуджбулак родоначальникам племени *дебокри* по низким ценам.

Склонные к оседлости и более спокойные по характеру, чем *бильбасы*, *мукри* к середине XIX в. осели большей частью в селениях, где имели постоянные жилища. Только летом они отправлялись на кочевья, где располагались в черных шатрах возле деревень. В районах оседлости — Лахиджане (округ Соуджбулака), Вазне, Наалейне, Дешт-Мерге и Теркеше (Сердешт), Соуджбулаке в начале XX в. имели пашни и луга. В районе Соуджбулака занимали 297 деревень.

Главные земледельческие районы Мукринского Курдистана — Саин-Кала, Шахиндедж, Миандоаб, Солдуз, Саккыз, Лахиджан, Ахтечи, Ушну, Бехи и др. Земледельческая продукция этих районов полностью удовлетворяла местный рынок и частично вывозилась в другие районы Ирана и соседние с Мукринским Курдистаном районы Ирака. Пахотные земли делились на равнинные, требующие искусственного орошения посредством отводимых от рек каналов, и горные, не орошаемые искусственно. По берегам рек имелись заливные поля, отводимые под культуры однолетних растений; посев озимых на них был невозможен из-за позднего схода воды. Земли в Мукринском Курдистане совершенно не удобрялись, за исключением огородов и участков, предназначенных под выращивание табака.

Основными земледельческими культурами являлись: пшеница (до 5 различных видов), ячмень трех видов, один из которых использовался для пивоварения; кукуруза, горох, фасоль, чечевица. В изобилующих водой районах Солдуза, Шехриверана и Ахтечи культивировался рис, однако не очень высокого качества. В районах Миандоаба, Солдуза, Ушну, Шехриверана и Мехабата получила распространение культура сахарной свеклы, переработка которой производилась на Миандоабском сахарном заводе. Из технических культур в крае были распространены посевы хлопчатника, табака, клещевины и кунжута. Крестьяне сажали хлопчатник преимущественно для собственного потребления, но к началу XX в. эту культуру стали выращивать на продажу. Табак продавался на рынке и в значительном количестве вывозился за пределы края — на табачные фабрики Тегерана и Тебриза.

Огородные и плодовые культуры произрастали в районах, прилегающих к Мехабату. Из огородных культур культивировались огурцы, дыни, арбузы, помидоры, капуста, свекла, лук, чеснок, редька, репа, картофель. Из плодовых деревьев были распространены яблоня, груша, вишня, черешня, слива, абрикос, персик, шелковица, инжир, гранат, фисташка, грецкий орех, миндаль. Виноград разводили до 20 различных столовых и технических сортов. Из него изготавливали сгущенный сок, служивший для приготовления сладостей, и несколько сортов изюма и кишмиша. Производили и сухофрукты, из Мехабата их вывозили в основном в Тебриз.

В северо-восточной части Мукринского Курдистана обильные травой заливные луга низовой Симинруда («Серебряная река», известная под названием Татаву-чай), с теплым климатом, весьма умеренной зимой с незначительным снеговым покровом, представляли собой прекрасные пастбища, дававшие оседлому населению заниматься скотоводством. В основном разводили мелкий рогатый скот — овец и, значительно реже, коз. Из крупного рогатого скота разводили коров, а в Приурмийской низменности — буйволов. В качестве транспортных и тягловых животных держали волов, мулов и верблюдов. Местная порода лошадей — «мукри» (арабская полукровка, отличавшаяся от арабской лошади большей сухостью и несколько меньшим ростом) была приспособлена к жизни в горах и на равнинах.

Скотоводство составляло основное занятие курдов *мукри*, обитавших в горных районах, избилующих альпийскими пастбищами. Сюда они откочевывали на время с весны до глубокой осени, передвигаясь вслед за своими стадами по веками выработанным маршрутам и проводя зиму в глубоких долинах и ущельях. При горном кочевании годичный маршрут перекочевки не превышал обычно нескольких десятков километров.

Для удобства выпаса скота каждую весну племя разбивалось на кочевые общины — «обá», или «вар», размер которых определялся размером пастбища и количеством принадлежащего членам общины скота. Скот членов кочевых общин сводился в несколько общинных стад по виду скота — дойные овцы, молодняк, крупный рогатый скот, лошади и т.д. Для выпаса скота вся община нанимала пастухов. Члены общины кочевали вслед за передвигавшимися с пастбища на пастбище стадами. Доевание, стрижку, приготовление молочных продуктов и шерстяных изделий каждое домохозяйство производило отдельно. Во главе кочевых общин стояли наиболее зажиточные кочевники, к которым переходило не только руководство всеми делами кочевой общины, но и фактическое владение общинными землями. Завладев пастбищами, они перекладывали на остальных членов общины все расходы по аренде земли и найму пастухов, таким образом бесплатно выпасая лично им принадлежавший скот.

В Лахиджанском Кандиле пасли стада турецкие и персидские *мукри*. М. Вагнер писал: «Только среди мукринских курдов на юге оз. Урмия я видел искусных и опытных наездников, которые не уступают арабам в выезде лошадей» (Wagner, 1852, S. 239). *Мукри* занимались также продажей скота.

Среди кочевников *мукри* и частично среди оседлого сельского населения было развито производство ковров, паласов, «чуvalов» (ковровые мешки), «хурджинов», «джиджимов» (сорт декоративной шерстяной ткани), в основном изготавливавшихся для внутреннего потребления и лишь в незначительном количестве на продажу.

Ковры Мукринского Курдистана, как и ковры соседнего Арделана («сенне»), пользовались заслуженной славой среди богатой и разнообразной ковровой продукции Ирана. Они отличались своеобразием узора и хорошей техникой исполнения. Вследствие добавления к овечьей шерсти небольшого количества козьей и верблюжьей, на ощупь они отличались некоторой жесткостью. Ворс ковров ровный и в старых экземплярах отличался бархатистым блеском. Рисунок центрального поля состоял из крупных стилизованных цветов различной формы и расцветки, соединенных между собой короткими стеблями, идущими в диагональном направлении. Фон синий, кайма узкая с мелким цветным узором на более светлом фоне.

В Мехабаде и Саккызе было сосредоточено производство седел, уздечек, ремней, патронташей для курдов-кочевников. Округ Бане славился войлочным производством — изготовлением кошм, войлочных курдских шапок («кулав») и войлочных безрукавок («пестек»).

Главный город племени *мукри* — Соуджбулак находится к югу от оз. Урмия. Соуджбулак (по-курдски — Саблах), что значит «холодный источник», лежит на высоте 4272 футов над уровнем моря (впоследствии был Реза-шахом переименован в Мехабад).

Около Соуджбулака *мукри* появились поздно, около XV в. Здесь сохранилось немало тюркских названий мест. В XVII в. образовалось феодальное владение с центром в Соуджбулаке. Оно занимало район от Соуджбулака до Саккыза и Бане, по персидско-турецкой границе до Лахиджана. В правление шаха Аббаса (1587–1629) вождь конфедерации *мукри* Ширбак превратил в XVII в. небольшую деревушку Соуджбулак в свою резиденцию, и через 100 лет, в царствование Надир-шаха (1736–1747), Соуджбулак уже был цветущим городом. Наиболее крупными из числа городов Мукринского Курдистана являлись следующие:

1) Бокан — городок, расположенный неподалеку от правого берега р. Симинруд. Находясь на пересечении дорог, ведущих из Тебриза в Сенне, Керманшах и в Ирак, Бокан имел большое значение в качестве перевалочного пункта транзитной торговли. В городе было более 600 домов, четыре караван-сарая, базар с 200 лавками, две суннитские мечети и баня. Население составляло более 3000 курдов и евреев (в начале XX в.). При Каджарах Бокан принадлежал губернатору Соуджбулака, Мухаммед Хусейн-хану, сердару *мукри*.

2) Сердешт — город в юго-западной части Мукринского Курдистана близ ирано-иракской границы. В городе было в начале XX в. 650 домов, базар со 150 лавками, два караван-сарая, пять мечетей и баня. Численность населения — свыше 2000 курдов, армян и айсоров.

3) Шахиндедж (Саин-Кала) — городок расположен на правом берегу Зеринруда. В нем 2500 домов, 10 караван-сарая, базар с 200 лавками, шиитская мечеть и несколько бань. Численность населения более 3000 курдов, персов, армян, айсоров и евреев. Большинство — шииты, в том числе последователи шиитской секты ахл-и хакк.

4) Саккыз — город, расположенный в верхнем течении Зеринруда, на запад от Вана. В нем около 2000 домов, 4 караван-сарая, базар с 600 лавками, 8 мечетей и 5 бань. Численность населения — около 12 000, в основном курдов, а также евреев, айсоров и армян. Саккыз долгое время был столицей курдской династии саккызских бекзаде, возводивших свой род к Марванидам.

5) Бане (по-курдски Барожа, т.е. «восточный склон горы») — небольшой городок около ирано-иракской границы, расположенный на р. Бане (притоке р. Киверу). В Бане около 900 домов, 2 караван-сарая, базар с 200 лавками, 10 мечетей и 3 бани. Население — более 4000, главным образом курдов, а также евреев и армян. Бане располагался на пересечении путей из Мукринского Курдистана в Ирак и являлся важным торговым пунктом.

6) Негд, или Негеде, — небольшой городок недалеко от южного побережья Урмийского озера на левом берегу р. Чуме-Баизова, притоке Гадыр-чая, административный и торговый центр округа Солдуз. В городе было более 500 домов, базар с 50 лавками, больница, небольшая шиитская мечеть и дворец карапапахских ханов, резиденция которых находилась в Негеде. Численность населения — более 1000, главным образом карапапахов, курдов, евреев и армян.

7) Ушну — городок на р. Гадыр-чай между Негеде и Резайе, несколько западнее этих пунктов. Раскинут по обоим берегам Гадыр-чая. Через реку в центре города перекинут мост, соединяющий обе половины базара, лавки которого расположены и на мосту. В городе более 700 домов, базар с 200 лавками, мечеть, бани и дворец ханов племени *зерза*. Численность населения — около 3500 человек, главным образом курдов. Подобно Бане, Ушну — крупный центр по торговле Мукринского Курдистана с Ираком. Через город шли дороги от побережья Урмийского озера в Ирак.

В начале XIX в. в Соуджбулаке насчитывалось 12 000–15 000 человек племени *мукри*, в Ушну — 300 семей; в середине XIX в. в Соуджбулаке, Азербайджане насчитывалось 15 000 домов. В конце XIX в. численность составляла примерно 10 000 семей (60 000 человек). Наблюдался небольшой рост населения из-за постигших племя *мукри* бедствий (чума, холера, войны и др.). В начале XX в. в районе Соуджбулака насчитывалось примерно 60 000 человек; в Ушну — 800 семей; в районе Урмия — Соуджбулак — 50 000 семей. В Персидском Курдистане *мукри* занимали 30 деревень, примерно 30 000 семей (примерно 150 000 человек).

Общая численность населения мукринского союза составляла до Первой мировой войны свыше 300 000 человек, к концу 30-х годов в результате военных действий между курдами и турками, действовавшими совместно с правительственными войсками, их численность упала до 90 000. В начале XX в. общая численность населения Мукринского Курдистана составляла 300 000–400 000 человек при площади 15 000 км². Численность городского населения — 50 000–60 000, т.е. 15%. Из числа сельского населения на долю оседлых приходилось 150 000–200 000 человек, на долю кочевников — 100 000–140 000 человек.

По сведениям середины XIX в., жилища курдов *мукри* на пути из Эмирабада к Соуджбулаку на холме Таштепе имели жалкий, грязный вид — наполовину врытые в землю глиняные постройки, с плоскими соломенными и тростниковыми кровлями, лишенные деревьев и садов.

В начале XX в. в центре селения находился помещичий дом («кала»), хорошо укрепленный и окруженный высокой стеной. Нередко он располагался на холме и господствовал над местностью. Около ворот помещичьего дома, вокруг небольшой площади, располагались лавки и чайхана. От площади во все стороны расходились улицы, одна или две из которых вели на проезжую дорогу. Если в селении не было помещичьего дома, то иногда все оно было обнесено стеной, с крепкими запирающимися на ночь воротами.

Дома в курдских селениях на низменностях строили из сырцового кирпича, реже из камня, с плоскими крышами, с окнами, выходящими не только во двор, но и на улицу. По внешнему виду дома было трудно судить о зажиточности владельца. Внутри дом состоял из одной или нескольких комнат; в последнем случае одна из них служила для приема гостей.

В теплое время года пищу готовили на очаге во дворе. Внутреннее убранство комнат состояло из циновок, войлоков и ковров. Для хранения одежды, посуды и предметов домашнего обихода служили шерстяные мешки, деревянные лари, сундуки и ниши в стенах. К дому примыкал двор с несколькими строениями, служившими хлевом, конюшней, сараями и амбарами. Двор обносили глинобитной или сложенной из камня стеной с крепкими деревянными воротами. На крышах и стенах домов сушились лепешки кизяка, почти единственного вида топлива в безлесных районах. Большие пирамидальные кучи кизяка стояли у каждого дома.

В горных лесных районах юго-западной части Мукринского края курды *мукри* жили в примитивных землянках или даже шалашах из древесных ветвей, выстланных внутри сухими листьями. В середине был устроен примитивный очаг из камней, вокруг которого в холодное время грелась вся семья, размещавшаяся тут же на ночь.

Основной вид застройки полукочевых курдов — землянка, глубоко врытая в склон горы. Группы таких землянок по горному склону около источника составляли малоприметную деревню. Центральная часть землянки служила зимним помещением для скота. Вокруг находились жилые комнаты. Скот проходил в хлев через жилое помещение. Соблюдались планировка шатра. В переднем правом углу — очаг. Вдоль зад-

ней стенки складывались ковры, паласы, кошмы, одеяла и прочие домашние принадлежности. Середину пола застилали камышовой циновкой, поверх которой клали кошму или ковер.

Проходило несколько десятков лет, пока вокруг такой деревни возникали сады и огороды, запруда перегораживала горную речку и возникала мельница. Однако еще долгое время жители селения не порывали с элементами кочевого быта, и на крышах их землянок можно было видеть столбы шатров, в которые курды переселялись весной.

Кочевое курдское население проводило в землянках лишь несколько зимних месяцев. С ранней весны до поздней осени, во время кочевания, курды жили в черных шатрах. Тент шатра делался из нешироких полос ткани типа паласной (0,50–0,75 м), выделяваемой из грубой козьей шерсти с добавлением конского волоса. Отдельные полосы сшиты в полотнища, скрепленные застежками в виде деревянных запонки. Тент наброшен на столбы, врытые в землю и укрепленные шерстяными веревками. У большинства курдов шатры односкатные, с открытой передней стороной, и тент наброшен на несколько рядов постепенно понижающихся столбов. У мукринских курдов шатры двускатные. Все свое имущество кочевники хранили в различного рода сумках из ковровой и паласной ткани, приспособленных для выючения на осла, лошадь, верблюда или быка. Продовольствие хранилось в мешках из шерстяной ткани и в бурдюках.

В середине XIX в. К. Боде дает описание костюма курда из племени мукри: он состоял из абá, плаща с белыми и черными полосами, и огромной пестрой чалмы с бахромой, спадающей на плечи. При этом мукринец имел кривую саблю, пистолеты, кинжал за поясом, а в руке — копье (Боде, 1854, с. 33).

Н. Зейдлиц добавлял: головной убор *мукри* — красные турецкие фески, обернутые большими пестрыми платками и тонкими полосками черного, красного и белого цвета, называемыми «фите». Платье широкое, называемое «абá», верхнее платье с белыми и коричневыми полосами (Зейдлиц, 1858, с. 61).

В 80-е годы XIX в. А. Аракелян отмечал, что рубаха и штаны курда племени *мукри* шились из белого грубого холста («джави») (Аракелян, 1904, с. 12).

Э. Сон так описывает костюм северных *мукри*, живших к югу от Урмии в конце XIX в.: «Они носили на голове широкий платок из полосатого шелка — красного, белого и голубого, обшитый бахромой и элегантно завязанный на красной шапочке. Широкие сгибы собраны в перевязь, а длинная бахрома спадала в причудливом беспорядке.

Одежда состояла из широкого жилета и накидки с широкими рукавами. Поверх надевалась куртка — расшитая и подбитая мехом в зависимости от имущественного положения ее владельца. Более низкие по происхождению курды мукри надевали широкие шаровары, в которые на марше они засовывали полы своей развевающейся одежды. На талии они носили пояс с большими серебряными пряжками. За поясом носили не только кинжалы, но пару медных или с серебряной насечкой пистолетов. Тут же свешивались пороховницы, мешочки для пуль. Поверх набрасывался плащ или абá (белый, черный, коричневый или полосатый) из верблюжьей шерсти, застегивавшийся на груди и живописно развевавшийся сзади.

Курды мукри, не носившие войлочных колпаков, заменили остроконечную белую шапку невысокой зеленой из бархатной ткани с маленькой жесткой кисточкой торчащей наверху. Небольшая шапочка обвязана вокруг шелковыми платками с бахромой. По цвету платки различны: полосатые с мелким цветочным рисунком. Бахрома падала на лоб, придавая мукринцу свирепый вид, закрывая обе стороны лица. Они

носили персидскую „кабу“, короткую, не доходящую до колен тунику, а поверх часто носили „сердари“, или сюртук из бархата ярких цветов со складками.

Женщины мукри из Сенне славились своими большими тюбанами, представлявшими большую массу цветных шелковых платков, завязанных сбоку узлом. Они любили носить серьги, браслеты, ряды золотых монет на лбу являлись украшением одежды. Женщины носили „сердари“ или „чарухиче“ — тяжелую одежду, набрасываемую на одно плечо» (Сон, 1917, с. 53–56).

В.П. Никитин так описывает городской костюм богатой мукринской женщины Мехабда: «Он состоял из широких штанов из парчи, белой рубашки, на которую надевали другую шелковую цветную рубашку, доходящую до лодыжек, а поверх нее — блузку, также из парчи, с длинными рукавами с манжетами у кистей рук. На ноги надевали красные сафьяновые сапожки с помпонами, на голову повязывали шелковый пестрый платок» (Никитин, 1964, с. 159–160).

Наиболее полное описание мужского костюма курдов *мукри* дал О.Л. Вильчевский: костюм состоял из широкой рубахи с длинными рукавами, невысоким стоячим воротником и разрезом посередине груди; спереди рубаха застегивалась петлями на пуговицы, сделанные из связанного узелком шнура. Рубахи шили из хлопчатобумажной ткани преимущественно белого цвета. Широкие штаны из той же ткани стянуты у щиколоток (к этому времени курды перестали выделять домотканые материи и перешли на дешевую хлопчатобумажную ткань фабричного производства).

Поверх рубахи надевали «милтан» — широкую куртку из шерстяной материи с длинными рукавами, без воротника, с широкими запахивающимися полами, но открытую на груди. В рукава куртки вставлялся углом длинный и широкий лоскут той же ткани, из которой сшита рубаха; лоскут заворачивался поверх обшлага куртки и образовывал широкую белую полосу от кисти почти до локтя, или же его затыкали в рукав, и тогда он свешивался вниз. Белые обшлага должны быть безукоризненно чистыми. Иногда милтан заменяли запашным кафтаном с разрезами на подоле и с длинными разрезными рукавами («чекбан» и «каба»). Чекбан шили из шелковой, шерстяной или хлопчатобумажной ткани и иногда подбивали ватой. На груди, рукавах и воротнике чекбана зажиточные курды вышивали узоры золотыми и шелковыми нитками. Чекбан носили мужчины старшего поколения. Кафтан (чекбан) опоясывался длинным куском шерстяной, шелковой или бумажной ткани, длина которой доходила до 10 м, пояс обматывался в 5–6 оборотов, перекрещивавшихся каждый раз спереди; в зависимости от племенной принадлежности расцветка пояса — белая, серая, зеленоватая, черная, но почти всегда полосатая или в цветочек. Ткани привозили из Турции и Ирака. За пояс затыкали 1–2 кинжала, револьвер или пистолет, кисет с табаком, кошелек и т.д.; иногда по сторонам пояса прикрепляли небольшие кожаные мешочки. Патронташ, надеваемый либо через плечо крест-накрест, либо вокруг пояса, как у племен *зерза*, *харки*, полностью вытеснил наблюдавшийся еще А. Араке-ляном кожаный пояс с отделениями для пуль, пороха, пистолетов и ружейных принадлежностей.

Зимой и при верховой езде надевали еще и шаровары («шальвар»), очень широкие и собранные у щиколотки, часто обшитые шелковым шнурком. У пояса к шароварам пришивалась полоса из легкой ткани, в которую пропущен «очкур». Шаровары надевали под пояс поверх милтана или чекбана и затягивали очкуром.

Куртки и шаровары шили из шерстяной ткани домашнего производства или покупной; цвет материи серый, серо-зеленый, песочный, коричневый или черный. Зимой поверх куртки носили «чуху» или «шабек» — род короткого кафтана с короткими рукавами; его шили из специально изготавливаемых в Ираке тонкой шерстяной мате-

рии и тонкого сукна разных цветов. Поверх всего этого, в особенности отправляясь в путь, курд надевал войлочную безрукавку («пестек»), предохранявшую спину от давления винтовки и защищавшую от ударов холодного оружия и пуль на излете. Распространены «абá» — род войлочной бурки — и «джуба» — надеваемый внакидку тулуп, расшитый понизу шелками.

Мукринские курды носили шерстяные чулки белого цвета, иногда с узорами, кожаные туфли с острыми носами. При верховой езде надевали «сах» — белые войлочные ноговицы на пуговицах, расшитые шелками или высокие кожаные сапоги кавказского типа.

Поверх остроконечной войлочной тюбетейки, украшенной кистью, курды племени *мукри* голову обматывали чалмой из мосульского фуляра (муслина) или хлопчатобумажной ткани с бахромой, свисающей на лицо и предохраняющей глаза горца от снежной болезни. Цвет чалмы — серый, белый, песочно-желтый, зеленоватый, черный, чаще не одноцветный, а полосатый, например серый с черными полосами; иногда на ткани имелся мелкий цветочный узор; важно, чтобы расцветка чалмы не была очень яркой. Форма тюбетейки, способ завязывания чалмы, а также их размеры и цвет различались в зависимости от принадлежности к определенному племени и даже роду и служили как бы отличительными признаками.

Походный костюм («лыбасе сафари») *мукри* приближался к костюму *пиранов*: он состоял из куртки или кафтана черного цвета, заправленных в черные шаровары, а также из черной чалмы с обязательной длинной бахромой и пояса того же цвета; только ворот рубахи и обернутые вокруг рукавов лоскуты выделялись своей белизной. Походный костюм курды надевали во время путешествия по территории племен, отношения с которыми были напряженными. Походный костюм носили также делегаты, посланные племенем к другому племени для переговоров о помощи или перемирии. Убийство или оскорбление курда в походном костюме считалось одним из тягчайших преступлений, за которое отвечало все племя виноватого.

Женщина иранских *мукри* носила широкую рубаху из грубой хлопчатобумажной ткани и широкие шаровары, стянутые у щиколотки. Рубаха и шаровары цветные (голубые, синие, зеленые). Рубаху носили поверх шаровар. Часто рубаха имела разрезы по бокам. Поверх рубахи надевалась просторная длинная кофта из шерстяной или хлопчатобумажной ткани разного цвета с широкими рукавами. Пояс к кофте из хлопчатобумажной ткани, обычно более светлой расцветки. Сверху на плечи набрасывался большой кусок хлопчатобумажной ткани, конец которой завязывался на шее и спускался вдоль спины. Женщины ходили большей частью босиком и лишь в холодную погоду зимой надевали шерстяные чулки и кожаные туфли.

Головным убором женщины племени *мукри* служил овальной формы кусок шелковой (реже хлопчатобумажной) ткани, который придерживался широкой домотканой тесьмой; тесьма проходила под подбородком и соединялась с материей на висках серебряными или медными пряжками. Сверху надевался кисейный платок, обычно белого цвета, завязанный узлом под подбородком. Поверх платка наматывалась небольшая черная или цветная чалма.

Форма головного убора у девушек и замужних женщин имела ряд различий, так же как отличался по своей форме и цвету головной убор различных племен (Вильчевский, 1958, с. 196–199).

Подавляющее большинство мукринских курдов — мусульмане-сунниты. Однако в их религиозных верованиях заметно сложное и своеобразное переплетение мусульманства и различного рода доисламских представлений: с одной стороны, ортодоксального суннизма, с другой — мусульманского сектанства. В Иранском Курди-

стане большим авторитетом пользовались у племени мукри накшбандийские муршиды⁴.

Следы древних верований сохранились у мукринских курдов в виде культа камней, священных деревьев и т.п. Сведения об этих остатках древних культов в Мукринском Курдистане весьма невелики. По словам А.А. Аракеляна, пробовавшего в Мукринском Курдистане долгое время, «курды весьма суеверны... Везде у них можно встретить, особенно на больших дорогах, неплодоносные деревья, на которые приезжие и пилигримы навязывают куски разных тряпок. Каждый курд, давший какой-либо обет или имеющий какое-либо желание, став на колени перед этим деревом, завязывает узел, и с этого момента он убежден, что обет исполнится и молитва его принята. Молодые девушки и молодые люди, как и новобрачные, часто отправляются на пилигримство к таким деревьям. Кроме этих деревьев, местами пилигримства служат могилы шейхов и маленькие леса плодоносных деревьев; курды никогда не трогают этих деревьев, но едят плоды тут же в лесу и ничего не берут с собой, т.к. считается святотатством брать на дом не только плоды, но и маленькую ветку, даже сухую, или листья этих деревьев, и нарушать это правило никто не решается. Это дало повод другим народностям говорить, что курды боятся деревьев этих священных лесов больше, чем самого Аллаха. Ежегодно курды собираются несколько раз в этих лесах или в местах пилигримства, остаются там несколько суток: пьют, едят, танцуют, организуют турниры и часто празднества эти оканчиваются битвой и кровопролитием» (Аракелян, 1904, с. 21–22).

Такого рода священных рощ, деревьев, камней, могил, источников в Мукринском Курдистане много. Некоторые из них, например расположенный между Лахиджаном и Равандузом зиарет⁵ Шейх-Балак, пользуются известностью во всем Курдистане. Все они в такой же мере увешаны тряпочками, ленточками и другими подношениями верующих, в какой увешаны амулетами сами курды, их дети, их скот. Амулеты, предохраняющие от глаза, болезней, ранений, кражи и других несчастий изготавливались шейхами и дервишами. По своей форме и материалу амулеты весьма разнообразны — от грубо отточенных кусков дерева, камня или металла с простейшими изображениями и надписями до специальных металлических коробочек с вложенными внутрь текстами молитв и заговоров. Обычно амулеты делались достаточно заметными в расчете на то, что враг или нечистая сила обратят на них внимание; однако в тех случаях, когда действие амулета должно было носить тайный характер, например приворожить кого-нибудь, амулет делался незаметным.

Племя *мукри* отличалось храбростью и смелостью. Мукринцы прослыли лихими наездниками. Выставляли 5000 всадников, сохраняя нужное число для охраны селений и стад.

Английский майор Г. Роулинсон, занимавший командные посты в шахской армии, сообщал в 1839 г., что многие жившие в пограничном районе Солдуз курды-*райет* под меняющимся турецким и персидским правлением потеряли свои внешние национальные черты и не отличались от турецких и персидских крестьян. В отличие от сохранявших большую самостоятельность аширетных курдов *мукри*, не повиновавшихся ни персам, ни туркам, курды-*райет* подвергались особенно жесткой эксплуатации со стороны турецких и персидских феодалов.

Регулярных частей курды не выставляли.

Мукри держались в постоянной военной готовности из-за соседства с племенем *биябас*, с которым имели общее происхождение и являлись ветвями одного племени

⁴ Накшбандийа — суфийское братство; муршид — духовный руководитель, наставник.

⁵ Святое место, место поклонения святым.

(как писал В.П. Никитин, оба племени принадлежали к *бебе (бабан)*, с которым у *мукри* были частые стычки, см.: Никитин, 1964, с. 252).

Шах Аббас, Надир-шах и Фатх Али-шах полагались на *мукри* в своих военных предприятиях. Самый влиятельный — шах Аббас опирался на курдов, составлявших большую часть его вооруженных сил. Он назначал их на высокие командные посты в своих войсках и одержал множество побед, особенно на западе, благодаря им. Так, в 1624 г. в крупном сражении нанес поражение туркам. Большая часть его войск состояла из курдов *мукри*. Для этого племени в иранской армии существовали постоянные привилегии.

Мукри оказывали содействие в восстании Ахмед-паши в 1835 г. в Равандузе. Увлекаемые своими вождями и духовенством *мукри* быстро поддавались настроению, враждебному шиитам и персидскому правительству. В начале 30-х годов XIX в. отряды Мир Мухаммеда — правителя Равандуза — во главе с Мурад-беем начали проникать в Лакиджан и районы, населенные курдами *мукри*, не встречая особого сопротивления. Для укрепления тыла на завоеванных территориях Мир Мухаммед начал строить крепости, восстанавливать полуразрушенные укрепления. В конце XIX в. большая часть *мукри* бросила свои жилища и примкнула к восстанию Обейдуллы.

Племя *мукри* сыграло большую роль в борьбе с турецкими войсками, пытавшимися оккупировать эти районы в 1905–1906 гг., а также в Иранской революции 1907–1911 гг., особенно в образовании революционных энджуменов (советов) в таких курдских городах, как Мехабад, Саккыз и др. В 1908 г. племя участвовало в восстании в пограничных районах Ирана.

Во время зимнего наступления русской армии в 1916 г. племена центральной части Иранского Курдистана — *мукри* и *бекзаде*, понесшие тяжелые потери, массово переходили на сторону России. В июле 1918 г. некоторые вожди мукринских курдов района Соуджбулака выдвинули идею провозглашения независимого Курдистана под британским покровительством. В декабре 1918 г. шейх Махмуд согласился на британский протекторат в обмен на создание под его управлением автономного курдского государства с включением в него всех курдов Мосульского вилайета и части Ирана (Юго-Восточного Курдистана).

После окончания Первой мировой войны мукринские курды активно участвовали в антииранском движении курдов племени *шеккак*, предводительствуемых Исмаилом Симко. Сердар *мукри* командовал Соуджбулакским участком против персидских войск.

Осенью 1929 г. произошло восстание *мукри* в Азербайджане. В 30-е годы иранская администрация окончательно упрочила свои позиции, после того как Реза-шах послал против мукринских курдов карательные войска.

В годы Второй мировой войны создались благоприятные условия для самоуправления курдского района. В 1942 г. были созданы органы местного самоуправления. В январе 1946 г. в Мукринском Курдистане была провозглашена Курдская автономная республика с центром в г. Мехабаде, просуществовавшая до 1947 г.

С конца 1941 г. на обширной территории Мехабадского губернаторства и примыкавших к нему земель, населенных курдами *мукри*, независимом от иранской администрации, начали складываться свои формы государственности. Во главе Мукринского Курдистана стоял глава союза племен *мукри*, выполнявший одновременно функции Мехабадского губернатора. Первоначально это звание принадлежало главе племени *дебокри* Али-ага Хаджи ал-Хани-заде Эмир Асаду. Однако в августе 1942 г. обнаружилось, что он, сомневаясь в прочности установленной курдами власти, начал переговоры с иранским правительством. Ему пришлось покинуть Мехабад, сложив с себя звание главы союза племен *мукри*. После этого началась борьба между *дебокри*

и *мамами* за проведение на освободившийся пост своего кандидата. Результатом ее было ослабление значения главы союза племени *мукри* и переход фактического руководства Мукринского Курдистана к наследному казию (духовному судье) Мехабада (род казиев всегда играл важную роль в политической жизни племен союза *мукри*) Казии Мухаммеду, занимавшему также должность мехабадского градоначальника. Особенно усилилась роль Казии Мухаммеда после того, как его брат Садре Казии был избран депутатом от Мехабада в меджлис 14-го созыва (осень 1943 г.).

У мукринцев существовал обычай родовой взаимопомощи. Каждый член племени имел право на материальную и моральную поддержку со стороны всех своих сородичей. Если у крестьянина не хватало муки до нового урожая, члены его племени были обязаны с ним поделиться; если у кочевника был украден или пал скот во время эпизоотии, он имел право на помощь со стороны сородичей. Они же по мере сил стремились помочь при свадьбах или похоронах. Курды-помещики вне зависимости от того, какими бы тяжелыми поборами ни облагали они своих сородичей-крестьян, считали обязательным помогать им в случае их полного обнищания. Но уже в 1-й четверти XX в. этот обычай исчез.

Все родичи обязаны были защищать жизнь и честь любого из членов своего рода всеми средствами вплоть до кровной мести. Межплеменная помощь — важная черта взаимоотношений между дружественными и союзными племенами.

Одновременно с Ноурузом ежегодно справлялся праздник «ложного эмира», запрещенный при Реза-шахе. Вот как описывает его Ж. де Морган, наблюдавший его в 90-е годы XIX в.: «Из старых обычаев мукри я хочу еще упомянуть праздник ложного эмира, который совершается в Соуджбулаке ежегодно весной. Население города назначает эмира, или правителя, который обладает всей полнотой власти в течение трех дней и может совершать всякие сумасбродства.

Как только эмир избран, он выбирает своих министров, своих мирза, своего фераш-баши (дворецкого), набирает гвардию и с большой пышностью отправляется в сопровождении всего населения к настоящему правителю, чтобы объявить последнему об его отставке. Часто этот праздник давал повод для волнений, жители Соуджбулака пользовались случаем, чтобы избить настоящего правителя. Поэтому в настоящее время ложный эмир всегда сопровождается солдатами и представителями правителя, который уполномочен препятствовать ему переходить грань шуток. Ложный эмир правит в течение трех дней. Он разбирает наиболее забавные дела, налагая наказания на виновных, однако в штрафах, которые он налагает, один динар (тысячная часть крана) считается за кран и таким образом штраф в сто туманов на самом деле равняется одному крану; платят штрафы, веселятся; это время карнавала у иранцев.

Ранее празднование ложного эмира протекало более занятно, чем в наши дни: все курды приезжали одетые в доспехи, с длинным копьём в руках, однако сейчас, несмотря на большую декоративность этих доспехов, они уступили место ружьям и праздник много потерял в своем блеске.

Несмотря на мои разыскания по этому поводу, я не мог узнать происхождение этого обычая. Он очень древний, отвечали мне, — отцы наших отцов получили его в наследство от своих отцов и дедов. Как бы то ни было, праздник очень любопытен и подобного рода выборы главы не имеют аналогии в стране» (Morgan, 1895, p. 39–40). В 1934–1939 гг. этот обычай «ложного эмира» был упразднен.

Этот обычай, как пишет О.Л. Вильчевский, под названием «мира-миран» («мир над миром») в 40-х годах XX в. бытовал среди городского и оседлого населения Мукринского Курдистана. Близкий к празднику «ложного эмира» обряд «ложного паши», по сообщению академика И.А. Орбели, был широко распространен среди курд-

ского и армянского населения некоторых районов Турции и Закавказья (Орбели, 1982, с. 51–53). Аналогичные праздники встречаются и у других народов.

Мукри говорят на южнокурдском диалекте. Как писал В.П. Никитин, «мукри претендуют на то, что их диалект самый древний. Но его древность, вероятно, не превосходит другие курдские наречия, хотя прекрасно сохранившиеся старинные формы позволяют брать его в качестве образца при сравнении с другими» (Никитин, 1964, с. 251). Э. Сон считал, что «мукри говорят на языке, который больше всего приближается к языку авесты самого Зороастра» (Сон, 1917, с. 79). Диалекту *мукри* посвящено специальное исследование известных курдоведов И.А. Смирновой и К.Р. Эйюби.

Богат фольклор мукринских курдов: песни, сказки, эпос (сказание о Рустеме, о златоруком хане, «Мам и Зин» и др.). Первым крупным поэтом из числа авторов, писавших на своем родном диалекте, был один из представителей мукринской знати — Абдулла-бек Адаб (псевдоним — Мисбах ад-Диван — «Светоч собрания»). Он родился в 1859 г. в дер. Эрминибулак около Соуджбулака, умер в Тебризе в 1916 г. Диван его был издан в 1936 г. в Равандузе Хусейном Хузни Мукриани. Он занимался также рисованием, каллиграфией, музыкой, знал арабский, персидский, турецкий, французский языки. В стихах Адаба воспеваются красота, любовь, природа и радости жизни. Его стихи, обладающие высокими художественными достоинствами, сыграли важную роль в развитии курдской литературы, особенно в районе Мехабада, где у него появилось много последователей.

Хусейн Хузни Мукриани, называемый «курдским первопечатником», еще юношей покинул родной Мехабад, работал наборщиком в Сирии, а затем обосновался в Равандузе, где создал первую курдскую типографию и цинкографию. Он написал большое количество работ по истории Курдистана, и в частности, солидный труд по истории его родного Мукринского Курдистана.

В годы Второй мировой войны, особенно в период существования автономной демократической области Иранского Курдистана, центр литературы на южном диалекте курдского языка переместился в Мехабад. В 1942–1946 гг. здесь помимо журнала «Ништеман» («Родина») выходила газета «Курдистан» (орган Демократической партии курдов), в литературном отделе которой печатались произведения курдских авторов и переводы произведений современной мировой литературы. В этот период творил крупнейший народный поэт Мукринского Курдистана Абу ар-Рахман Хажар (1920–1998), сборник стихов которого был издан в Тебризе в 1945 г.

В первые годы Второй мировой войны Кази Мухаммед написал пьесу «Салахеддин», повествующую о борьбе курдского народа с крестоносцами. Летом 1942 г. пьеса была поставлена в Мехабаде на любительской сцене. Пьеса и ее постановка — первые попытки создания курдского театра.

Список сокращений

БЧ — Библиотека для чтения. СПб.

ВИРГО — Вестник Императорского Русского географического общества. СПб.

ИКОИРГО — Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис.

МИВ — Материалы по изучению Востока. СПб.

Список литературы

Аракелян А.А. Курды в Персии // ИКОИРГО. 1904, т. XVII, № 1.

Боде К. Путевые заметки. Из Исфагана в Гамадан. Из Гамадана в Тегеран // БЧ. 1854, т. 123, отд. III.

- Вильчевский О.Л. Мукринские курды: (Этногр. очерк) // Переднеазиатский этнографический сборник. М., 1958.
- Зейдлиц Н. Путешествие вокруг озера Урмия // ВПРГО. 1858, ч. 22, № 3 (отд. 5).
- Минорский В.Ф. Сведения о населении некоторых пограничных турецко-персидских округов // МИВ. 1915, вып. 2.
- Никитин В. Курды: Пер. с фр. / Вступ. ст. И.О. Фаризова. М., 1964.
- Орбели И.А. Фольклор и быт Мокса. М., 1982.
- Сон Э.Б. О курдах и их стране / С англ. перевел и снабдил примеч. и прил. В.П. Никитин, упр. Рос. вице-консульством в Урмии. Урмия, 1917.
- Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме: Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. I. М., 1967.
- Эйюби К.Р., Смирнова И.А. Курдский диалект мукри. Л.: Наука, 1968.
- Morgan J. de. Mission scientifique en Perse. T. 2. P., 1895.
- Wagner M. Reise nach Persien und dem Lande der Kurden Bd. 2. Lpz., 1852.

Summary

J.S. Musaelyan

On the History of the Kurdish *Mukri* Tribe (first half of the 15th — beginning of the 20th century)

The article is a study of the biggest Kurdish tribe of South-Eastern Kurdistan — the *Mukri*. The tribe inhabits an area on the border between Iran and Iraq where it joins the Turkish frontier, also known as “Mukri Kurdistan.” The genealogy of the Mukri rulers goes back to the Mukriyyih tribe, which was settled in the region of Shahrizoor and was formerly part of the Shahrizoori tribe of *Baban*. Having appeared in the region of Soujbulak (Mahabad) the *Mukri* Kurds formed a tribal federation with the *Bilbas* tribe in the 15th century, expanded the territory they inhabited and consolidated their position. In the 17th–18th centuries there emerged and existed along the border between Iran and the Ottoman Empire a big semi-independent feudal domain of “the *serdar* of Mukri” with its centre in Soujbulak. The article deals with the tribal structure (*serdar* of Mukri, five *families*, *xanzadih*, *bekzadih*, *kurds-ra'yet*), their leaders, the social and economic structure, and traces their economic and political relations. It also contains information about the towns of the tribe, the number of their inhabitants, the description of their houses and clothing and provides some data on their folklore and literature.

Вал.В. Полосин

К интерпретации арабских текстов на серебряном персидском талисмани из Эрмитажа

Памяти О.Ф. Акимушкина

Данная статья является *вторым* специальным обращением к серебряному изделию иранского происхождения, хранящемуся в Эрмитаже (инв. № ИР-2016) и вошедшему в специальную литературу как талисман XVI в.

Изделие представляет собой серебряную пластину, на обеих сторонах которой в оригинальном порядке размещены шесть расхожих в мусульманской среде текстов, а также имя владелицы этого предмета в качестве седьмого текста. Комплексный анализ предмета показывает, что атрибуты талисмана перемешаны на пластине с аксессуарами завуалированного послания неизвестного мужчины к женщине. В настоящей статье заново издаются арабские тексты, анализируется архитектура этого остроумного — то ли шуточного, то ли серьезного — послания, подтверждается (метрологически) иранское происхождение этого артефакта, называется способ, которым можно раскрыть инкогнито автора этого необычного послания, и, наконец, предлагается в качестве одного из возможных претендентов на авторство шах Ирана 'Адил (1747–1748), с неизбежной в этом случае передатировкой артефакта с XVI на XVIII в.

Ключевые слова: Адил, шах Ирана; аят ал-курси, басмала, Коран, метрология, печати, стих о троне, талисман, Фатима-Султан, Эрмитаж.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

А.А. Ахматова

«Мне ни к чему одические рати...»

Собирая материалы о магических знаках, я не мог не обратить внимание на талисман, опубликованный в 1982 г. А.А. Ивановым (Иванов, 1982, с. 73–74). Удовлетворительные фотографии, набор текстов исключительно на арабском языке, а также приведенный автором размер диаметра круглого талисмана (8,8 см) позволяют мне принять участие в исследовании опубликованного предмета, хотя я и не являюсь историком иранского искусства.

Прежде всего мне хотелось бы теперь повторить издание арабских текстов этого талисмана, используя новые технические возможности (компьютерный двуязычный набор и др.), которых у нас еще не было в 1982 г. Кроме того, возвращение к этим надписям позволяет предложить иное прочтение нескольких мест, оставшихся неясными при первой публикации. Но, как это бывает с незаурядными источниками, корректировкой эпиграфического материала дело не ограничивается, потому что в данном предмете обнаруживаются и другие содержательные информационные поля. Однако, прежде чем наслаивать на первую публикацию новые ассоциации, остановимся на текстах, которыми следует, может быть, пополнить корпус надписей, циркулировавших в ремесленной среде. Наличие предыдущей, первой публикации дает при этом возможность изменить

Рис. 1

форму подачи текстового материала, приспособливаясь к новым дидактическим задачам и предпочитая простому повтору обогащение его в меру открывшихся для этого возможностей.

Общий вид обеих сторон талисмана, представленный читателям в первой публикации, показан ниже (рис. 1) на репродукции начала статьи А.А. Иванова, где можно прочесть также и общую оценку исследуемого артефакта¹.

Обилие арабских текстов и их замысловатое расположение на небольшой площади талисмана — это первое, на чем останавливается внимание исследователя. И то и другое показано ниже в двух таблицах. Они идентичны по содержанию, но имеют отчасти разные задачи в данной статье. В первой из них (рис. 2) воспроизведены все тексты на языке оригинала с одновременным указанием на их местоположение на серебряной пластине, а также и на последовательность их чтения, поскольку она не очевидна. Вторая таблица (рис. 3) предлагает те же тексты в переводе на русский язык и с той же самой топографической привязкой их к пластине и порядку их чтения. Эта таблица показывает уровень понимания арабских текстов пишущим эти строки, но в то же время она расширяет и круг лиц, которым данная статья может

¹ Полный текст статьи А.А. Иванова с удовлетворительным воспроизведением обеих сторон талисмана есть в Интернете (<http://annals.xlegio.ru/islam/small/irantal.htm>).

принести пользу. Намного опережая разбор этих текстов, отмечу, что если бы ювелир выбрал для данного изделия иной набор текстов или же просто иное их расположение, то пластина, на мой взгляд, из произведения высокого искусства вполне могла превратиться в скучный образец средневекового ремесла и суеверия.

Общее число текстов на талисмানে — семь, но два из них — 2-й и 3-й — отчего-то фрагментированы, а их части (четыре у 2-го текста и две у 3-го) размещены на пластине порознь². Это обстоятельство вызывает естественный интерес, удовлетворяя который мы вынуждены будем переменить для начала прежнее (см. рис. 1) представление о лицевой и оборотной сторонах исследуемой пластины.

Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)	Лицевая сторона (концентрические окружности)	Порядок чтения текстов на лицевой стороне
3	2	1
(4) الله ولا سواه ولا يعبد إلا إياه * (5) ناد علياً مظهر العجائب تجده عوناً لك في النوائب كل هم وغم سينجلي بولابتك يا علي يا علي يا علي	(1) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ * (2/1) {اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ الْحَيُّ الْقَيُّومُ لَا تَأْخُذُهُ سِنَةٌ وَلَا نَوْمٌ لَهُ مَا فِي السَّمَاوَاتِ وَمَا فِي الْأَرْضِ}	<u>1-й круг</u> I
(6) الملك لله تعالى	(2/4) بِمَا شَاءَ وَسِعَ كُرْسِيُّهُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضَ وَلَا يَئُودُهُ حِفْظُهُمَا وَهُوَ الْعَلِيُّ الْعَظِيمُ * (3/1) الله وبه ثقتي	<u>2-й круг</u> IV
III (2/3) وَلَا يُحِيطُونَ بِشَيْءٍ مِنْ عِلْمِهِ إِلَّا	(2/2) مَنْ ذَا الَّذِي يَشْفَعُ عِنْدَهُ إِلَّا بِإِذْنِهِ يَعْلَمُ مَا بَيْنَ أَيْدِيهِمْ وَمَا خَلْفَهُمْ	<u>3-й круг</u> II
(7) صاحبته فاطمة سلطان بنت منصور خواجه	(3/2) وبه نستعين	<u>4-й круг</u> V

Рис. 2

Более всего кажется необъяснимым дробление 2-го текста на четыре части и то, что начало этого текста и его окончание находятся на одной стороне пластины (оборотной ли?), а связующая эти концы часть текста размещается почему-то на другой (лицевой ли?). Для лицевой стороны изделия такая композиция вряд ли подходит.

Текст, о котором идет речь, заимствован из Корана и воспроизводит полностью 256-й³ стих из второй его суры (Коран, 1963, 2:256(255)). Это главный текст на

² В упомянутых таблицах они пронумерованы арабскими цифрами, заключенными в скобки: второй текст — 2/1, 2/2, 2/3 и 2/4, а третий — 3/1 и 3/2.

³ По другому счету — 255-й.

Порядок чтения текстов на лицевой стороне	Лицевая сторона (концентрические круги)	Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)
1	2	3
(1-й круг) I	(1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердно- го! * (2/1) «Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему при- надлежит то, что в небесах и на земле.	(4) Аллах! Нет никого, кро- ме Него, и только Ему по- клоняются! * (5) «Призови Али-чудотворца! В нем найдешь ты себе опо- ру в беде. Все заботы и горести уйдут прочь при твоём покровительстве, о Али, Али, Али!»
(2-й круг) IV	(2/4) того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю и не тяготит Его охрана их, – поистине, Он – высокий, великий!» * (3/1) Аллах! В него я верую	(6) Вся власть у Аллаха Всевышнего!
(3-й круг) II	(2/2) Кто заступится пред Ним, иначе как с Его по- зволения? Он знает то, что было до них, и то, что бу- дет после них,	III (2/3) а они не постигают ничего из его знания, кроме
(4-й круг) V	(3/2) и на него мы уповаем!	(7) Владелица сего Фатима-Султан, дочь Мансура ходжи

Рис. 3

данном артефакте: среди всех других он единственный, имеющий сакральное происхождение, все остальные порождены верующими, адептами ислама. Но тогда его законное место — на лицевой стороне пластины, т.е. той, что с концентрическими кругами. Ну, хотя бы, скажем, только своим началом. Но уж, конечно, никак не крохотным отрезком⁴, выхваченным из *середины* этого стиха⁵.

⁴ Текст 2/3 в таблицах на рис. 2 и 3.

⁵ Шесть слов из пятидесяти (статистика по электронной версии Корана) — 32 слова *до* этого фрагмента и 12 — *после* него. О других аргументах см. ниже.

Последовательность чтения текстов на этой, лицевой (рис. 2) стороне — перепрыгивание через кольцо в кольцо — тоже необычна. Она придает изделию налет занимательности, может быть, даже и игривости, так как это «перепрыгивание» включает еще и прыжок текста с лицевой стороны на оборотную и возврат на лицевую для еще одного, уже последнего, перепрыгивания. Для коранического стиха, при отсутствии у нас других таких примеров, это может показаться вольностью.

Такой же вольностью, но уже другого порядка, а именно нарушением вкуса, могли бы показаться и небольшие тексты $3/1$, $3/2$ и 4. При чтении они не без труда вычлениаются в курсивной арабской вязи, не без труда же и прочитываются (здесь имеется в виду, конечно, чтение по опубликованной фотографии). И все эти усилия только для того, чтобы обнаружить набор расхожих благочестивых формул? Именно их расхожий характер и краткость наталкивают даже поначалу на мысль, что содержательно-го текста оказалось мало для задуманной для него «клеточной» структуры и писец-каллиграф просто спасал положение, используя данные формулы в качестве заполнителей пространства.

Чтобы читатель мог, не повторяя нашего труда, следить за дальнейшим повествованием, пришлось *число* текстов (их всего семь) и *последовательность их расположения* на сторонах талисмана обозначить в таблицах *арабскими* цифрами. При этом нумерация фраз, подвергшихся дизайнерской фрагментации, записана в виде дроби ($2/1$, $2/2$, $2/3$, $2/4$ и $3/1$, $3/2$), где числитель показывает порядковый номер текста, а знаменатель — порядковые номера его фракций, разбросанных по талисману. Что касается порядка *чтения* текстов, то для трех первых он специально обозначен *римскими* цифрами, но иногда требуется оглядка и на *арабскую* нумерацию. Для лучшего понимания ситуации, которое потребует читателю несколько позже, представлены также две дизайнерские схемы, обе — четырехчастные (рис. 4), в которые «вбивались», как в прокрустово ложе, тесно — иногда в два этажа — написанные тексты исследуемого артефакта (ср. с рис. 5a — лицевая сторона, рис. 5b — оборотная).

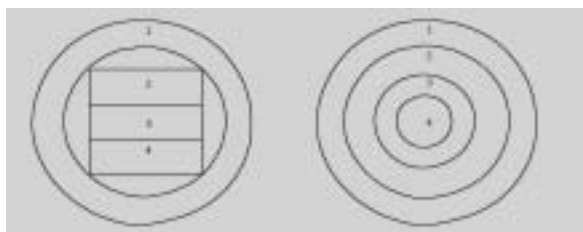

Рис. 4

Рис. 5a.

Лицевая сторона

Рис. 5b.
Оборотная сторона

Есть более простой способ определить лицевую сторону талисмана, чем тот, что был указан выше. Он универсален и известен давно. Вот, например, одна из подсказок еще из XIX в.: «Мусульмане... с глубоким, сердечным убеждением приписывают ей (басмале. — *В.П.*) сверхъестественную силу **отверзать** врата рая для верующих при вступлении их в обитель блаженства, **запирать** двери ада, **прогонять** от мохаммеданина все злые ухищрения сатаны. Не сказав *бисмилля*, мохаммеданин не возьмет крупинки хлеба в рот, не проглотит капли воды, **не положит рукú на дело свое**» (Саблуков, 1884, с. 17). Другая подсказка, того же времени: «Во имя Бога Милостивого Милосердного (т.е. басмала. — *В.П.*). Мусульмане... считают долгом произносить ее про себя всякий раз, как что-либо начинать, напр. перед отходом ко сну, перед вставанием с постели, перед принятием пищи, перед тем как садиться на лошадь или в телегу и т.д.... Этою формулой мусульмане начинают также главы Корана, письма и книги; снабжают ею также разные предметы домашнего обихода: печати, перстни, пряжки поясные и пр.» (Катанов, 1904, с. 10–11). Эти констатации не то чтобы неизвестны теперь, но они забываются, если о них долго не напоминают практические потребности или, на худой конец, справочники⁶.

Рис. 5c

⁶Так случилось, к примеру, со справочником «Ислам. Энциклопедический словарь» (М., «Наука», 1991; составитель словника С.М. Прозоров). В нем вообще нет статьи о *басмале*.

В данном случае именно *басмала* является тем элементом в дизайне талисмана, который дает следующий, после 1982 г., импульс к продолжению исследования, начатого публикацией А.А. Иванова. Этот постулат подкрепляется еще и тем, что *басмала* размещена в *первой* четверти *первого* круга на этой стороне пластины (рис. 5с).

Коль скоро этой фразой (текст № 1 на рис. 2 и рис. 3) кладется *начало всякому* делу (у нас — вербальной информации артефакта), то уже следующий за ней коранический стих действительно дает исследователю достаточное основание полагать это ювелирное изделие талисманом.

Этот стих (на пластине он воспроизведен, как уже говорилось, полностью) широко известен среди мусульман, даже имеет у них собственное название — «Стих о троне» (*āyat al-kursi*), и многие знают его наизусть⁷. Мусульманская традиция относит его к так называемым «охранным» (или «оградительным») стихам Корана (*āyat al-hifz*; их там несколько) (Резван, 1991, с. 16) и наделяет его свойствами оберега (Hughes, 1897, p. 27).

Об этом стихе существует старинное предание. Будто бы Али, двоюродный брат пророка Мухаммада (и впоследствии четвертый праведный халиф), слышал, как Мухаммад говорил в своих проповедях: «Тому, кто повторяет *стих о троне* после каждой молитвы⁸, ничто не помешает войти в рай, кроме [длительности его] жизни». И еще одно: «Кто бы ни произносил этот стих, входя в спальню, того бог обезопасит вместе с его жилищем и домом его соседа»⁹. Таких хадисов достаточно, чтобы придать предмету, который мы исследуем, магический смысл: «Храни меня, мой талисман...». Упоминание во втором предании «дома соседа» неслучайно и не мешает такой трактовке. Оно намекает на пожары, легко перебрасывавшиеся от дома к дому, от соседа к соседу и составлявшие общую для них угрозу и беду¹⁰. Так что магическая составляющая очевидна, но она все-таки довольно искусственна. Охраняет ведь стих Корана или, вернее, его произнесение, а не предмет, который лишь напоминает об этом своему **владельцу**, конкретно на нем и названному в нашем случае¹¹. Об этом будет еще речь ниже.

* * *

Итак, лицевая сторона пластины содержит оградительный стих Корана, который мусульманину рекомендуется прочитывать не менее пяти раз на день. Но что это за блажь такая — ювелир заставляет читателя, словно девочек, играющих на улице в «классики», скакать по тексту из клетки в клетку?

⁷ Последнее имеет иногда (как, например, в данном случае) немалое значение: знатокам благодаря априорному знанию текста необязательно *вчитываться* в нарочито сложно-декоративную вязь арабского письма. Они могут распознать стих по любым двум-трем словам и после этого идти по тексту с подсказкой наготове.

⁸ Молитвы мусульманину положено совершать пять раз в сутки.

⁹ Предание приводится в сочинении «Мишкат ал-масабих» (книга 4, с. 19, ч. 3). В его основе лежит сочинение «Масабих ас-сунна» («Лампады традиции») имама Хусайна ал-Багави (ум. в 510/1116 или 516/1123 г.х.), которое в 737 г.х. отредактировал шейх Валиуддин, добавив дополнительные главы к каждому разделу и давший этой редакции название «Мишкат ал-масабих» («Ниша лампад»). Позже, в эпоху императора Акбара, Абдулхакк перевел это сочинение на персидский, сопроводив перевод комментарием (Hughes, p. 353).

¹⁰ Вероятно, именно из-за страха перед пожарами «стих о троне» размещали и на таких предметах, как, например, латунный подсвечник (Земное искусство, с. 100).

¹¹ Имя владельца на артефакте говорит о заказном (штучном) характере этого изделия. К сожалению, в настоящее время я не могу сказать, известны ли другие талисманы или амулеты с именем конкретного владельца.

Конечно же, нелинейный характер записи стиха на пластине обращает на себя внимание. При чисто утилитарном предназначении оберега линейная последовательность текста функциональнее — она проще для чтения и дешевле в изготовлении. Но, повторимся, текст этот обычно знали наизусть, а сам талисман, как уже сказано, был именовым, т.е. заказным или подарочным. Тут его особенности могли иметь индивидуальную мотивировку.

Скачкообразное движение текста по пластине напоминает серию цирковых кульбитов¹² — передний кульбит, сразу после него — боковой кульбит и тут же, без передышки, задний кульбит (возвращение читающего на лицевую сторону пластины).

«Перепрыгнем» вместе с дизайнером с лицевой стороны пластины (текст № 2/2 в ячейке II см. рис. 2 и 3) на оборотную и задержимся на тексте № 2/3 в ячейке III, удерживая в памяти начало данного текста. Получается фраза [«Он знает то, что было до них, и то, что будет после них,] **а они не постигают ничего из его знания, кроме...**». Закончим эту фразу, но «не по правилу», т.е. не возвращаясь на лицевую сторону, а просто спустившись на нижележащую строчку: «...**кроме... владелицы сего [предмета], Фатимы-Султан, дочери Мансура-ходжи**».

Предлагаемое чтение — это единственно возможное объяснение перескока текста с одной стороны на другую и обратно. Перескок не отменяет нормативного прочтения коранического стиха, следовательно не является кощунством. Но он позволяет использовать маленький фрагмент коранического стиха как иносказание, в котором через литературную цитату раскрываются какие-то черты личности неведомой нам Фатимы-Султан. Перескок в данном случае — это троп, маскирующий собой комплимент Фатиме, заслуженный ею или нет, но очень сильный.

В русском переводе читатель может заметить, что перескок с коранического текста на «профанный» сопровождается грамматическими нестыковками: «**Владелица** сего — **Фátима**» (автономное чтение последнего, седьмого текста талисмана) и «**кроме владелицы**¹³ сего — **Фátимы**» (чтение того же текста при подключении его к предшествующему, кораническому тексту). Для арабского текста этой проблемы не существует, потому что все слова в нем не огласованы, т.е. при одинаковом написании читать падежные окончания здесь можно двояко, получая при этом две грамматически правильные фразы. Это хоть ненамного, но все же подкрепляет наше представление о предназначении перескока текста с одной стороны талисмана на другую. Этим формалистическим приемом в тексте, на определенном его участке, могут запускаться семантические изменения (для иного его чтения и понимания).

Альтернативой предлагаемому объяснению «перескока» как сознательного художественного приема может быть, как кажется, только просчет каллиграфа или гравера, заметивших выпадение части текста только после изготовления матрицы для отливки лицевой стороны талисмана. Это почти невероятно, хотя аналоги таких пропусков текста и способов их компенсации встречаются, например, в арабских рукописях. Но оригинал текста, предназначенного для отливки его в металл, проходит несколько этапов работы с ним, и невнимательность на одном из этапов может быть замечена на следующем. Против какой бы то ни было ошибки в нашем случае убедительно говорят различные свидетельства высокой и явно просчитанной синхронизации в движении текстов во всех кольцах, несмотря на разницу в их длинах.

¹² Кульбит: в цирке — акробатический трюк; переворот через голову вперед (передний кульбит), назад (задний кульбит) или в сторону (боковой кульбит). Кульбит выполняется с места, а также прыжком с разбега (википедия).

¹³ Арабица не знает заглавных (прописных) букв ни после точки, ни для имен собственных, поэтому «Владелица» и «владелица» пишутся одинаково.

* * *

Итак, мы приняли первое из двух возможных объяснений перескока коранического стиха с лицевой стороны талисмана на обратную. Признав перескок особым художественным приемом, мы должны принять и завуалированное существование комплимента Фátиме, который внедряется в талисман этим приемом, а также и существование человека, который все это придумал для нее. Тем более что он оставил на талисмани и другие, более прямые свидетельства своей реальности.

Я предлагаю ниже анализ всех семи текстов, которые размещены на эрмитажной пластине. Из этих семи только один, самый последний (это имя владелицы талисмана), не несет никакой религиозной символики и не пронизан никаким религиозным чувством. Но при этом суммарный смысл этих текстов имеет вполне, как мне кажется, светский характер, чем-то аналогичный любезной записке на подарке какого-то мужчины женщине, названной на пластине владелицей талисмана.

О *басмале* как о сопровождении всякого начинания у мусульманина уже говорилось выше. Приведу из арабских рукописей несколько разных фраз, которыми также и переписчики рукописей начинали рукописные книги:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِاللَّهِ تَقْتِي¹⁴
 بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ الْعَوْنُ وَالْعَصْمَةُ¹⁵
 بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ نَسْتَعِينُ¹⁶
 بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ تَقْتِي¹⁷
 بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ اسْتَعِينُ¹⁸

После *басмалы*, обязательной также и в их деле, переписчики *иногда* добавляли к ней то или иное благочестивое выражение. За неимением другого термина назовем здесь этот тип *составной басмалы* басмалой с «прикладом». Разница между собственно басмалой и «прикладом» к ней состоит в том, что первая означает решимость начать работу «во имя Бога», а вторая содержит надежду на то, что Бог не оставит переписчика без своей поддержки, или даже просьбу о такой поддержке. В трех из пяти приведенных примеров *басмала* сопровождается точно таким же «прикладом» выражений, которые мы встречаем и на талисмани (они выделены жирным шрифтом и подсветкой). Одно из них — «на Него полагаюсь **я**» (وبه تَقْتِي)¹⁹ — написано от первого лица и тем самым выводит нас на анонимного автора уже рассмотренного выше комплимента — прямо от того места (от текста № 2/3)¹⁹, где он сформировал свой комплиментарный каламбур, к тому месту (к тексту 2/4), где он закончил писать сакральный текст и дал нам знать об этом местоимением первого лица (см. рис. 6а и 6б).

В двухчленной *басмале* переписчик рукописи первой ее частью стандартно выражает свою благонамеренность, а второй — вариативно выражает надежду на помощь Бога в начатом труде вплоть до его благополучного, с божьей помощью, завершения. После этого он копирует нужный текст и завершает свою работу колофоном, в котором упоминает среди прочего, что работа — слава Богу²⁰ — подошла к благополучному завершению, окончена. Таков был формуляр для всякого письменного документа (в самом широ-

¹⁴ Schoeler G., 1990, Abb. 48.

¹⁵ Schoeler G., 1990, Abb. 50.

¹⁶ Perho I, 2003, p. 26, 89, 92, 102, 105, 132, 136, 144, 147, 158, 197, 214, 233, 237, 240, 328, 333, 340, 351.

¹⁷ Perho I, 2003, c. 81, 117, 120, 250, 283.

¹⁸ Perho I, 2003, c. 261.

¹⁹ Эта конструкция похожа на выражение **أحاطهم به علما!**

²⁰ Варианты: **تَمَّتْ الْكِتَابُ بِعَوْنِ الْمَلِكِ الْمُهَيَّمِ الْمَعْبُودِ الْوَهَّابِ** (Perho, 2003, p. 27), **تَمَّتْ الْكِتَابُ بِعَوْنِ الْمَلِكِ الْوَهَّابِ** (Perho, 2003, p. 48).

ком понимании этого слова). Этого же формуляра придерживается и создатель талисмана. Но он просто раздвинул части двучленной *басмалы* и поместил между ними «стих о троне» (документ), сохраняя стиль и дух трехчастного формуляра. Начинает собственно *басмалой*, а заканчивает упомянутым придатком к ней, потому что текст был коротким, работа не заняла много времени и, с божьей помощью, завершена без приключений. Двучастная *басмала* разделилась поэтому надвое и своими частями обозначила начало и конец скопированного коранического текста. Но вторая часть *басмалы*, оторвавшись от первой, потеряла общее для них подлежащее, поэтому перед ней пришлось снова поставить имя Бога. Таким образом, на нашем артефакте мы выделяем «стих о троне» как самодостаточную для талисмана часть (рис. 6а и 6б), оформленную, согласно рукописному формуляру, *басмалой* и подобием колофона (они выделены в рисунках жирным шрифтом). Отметим это новое понимание пояснением к переводу: «Во имя Аллаха! [...] Аллах! На Него полагаюсь я!», т.е. Аллах не воспрепятствовал намерению раба своего и позволил ему закончить *первую часть* задуманной им работы — записать *оградительный стих* Корана.

В таблицах на рис. 6а и 6б видно, что текст, которому артефакт обязан репутацией талисмана, весь находится на лицевой стороне серебряной пластины. Лишь очень небольшой фрагмент его был перенесен на оборотную сторону пластины, но мы выяснили, что это было сделано в угоду будущей владелице этого предмета, и только. На лицевой стороне осталась лишь одна ячейка с текстом, который мы еще не объяснили. В таблицах на указанных рисунках (V «шаг» при чтении, в 4-м круге) она пуста, так как для ее содержания на лицевой стороне артефакта нет *пока еще* мотивации. Но к магическим свойствам талисмана она, к слову сказать, отношения и не имеет. Да и «форма, композиция (круги и квадрат)» (Иванов, 1982, с. 73) тут, в сущности, тоже ни при чем, не в них магия²¹. Они потребовались по другим причинам, к рассмотрению которых мы теперь и переходим, повернув талисман к себе его оборотной стороной.

Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)	Лицевая сторона (концентрические окружности)	Порядок чтения текста на лицевой стороне
З	(1) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ (2/1) اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ قَسَمٌ لَقَدْ جِئْتُم بِآلِهَةٍ غَيْرَ اللَّهِ لَا يُغْنِي عَنْكُمْ إِلَهُ مَا فِي السَّمَاوَاتِ وَمَا فِي الْأَرْضِ (2/4) بِمَا شَاءَ وَسِعَ كُرْسِيُّهُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضَ وَلَا يَئُودُهُ حِفْظُهُمَا وَهُوَ الْعَلِيُّ الْعَظِيمُ (3/1) اللَّهُ وَهُوَ الْعَلِيُّ	1-й шаг I 2-й шаг IV
III (2/2) وَلَا تُحِيطُونَ بِشَيْءٍ مِنْ عِلْمِهِ إِلَّا	(2/2) مَنْ ذَا الَّذِي يَخْلُقُ حَبَّةَ ارَّةٍ بِإِذْنِهِ يَعْلَمُ مَا بَيْنَ أَيْدِيهِمْ وَمَا خَلْفَهُمْ	3-й шаг II
		4-й шаг V

Рис. 6а

²¹ Фигура «квадрат, вписанный в окружность» принадлежит к общему художественному фонду исламского прикладного искусства и встречается: 1) на именных печатях (см. ниже рис. 7d); 2) на монетах: ильханидских, каджарских, джелаиридских, йеменских (Al-Bakri, 1973, pl. 1, no. айн-2912, мим-син, мим — № 2759, pl. 3 — мим-син, № 13608, pl. 4, мим-син, мим, № 939 и мим-син, № 15066); كنوز, 1985, с. 370 № 442, с. 371 № 443–447, с. 372 № 448–450 (концентрические круги, как на лицевой стороне талисмана), с. 373 № 457, с. 374–375 № 458–467, с. 376 № 468–471 (квадрат, вписанный в окружность, как на оборотной стороне талисмана); 3) в иллюминациях рукописей и литографий, в том числе и Коранов (Земное искусство, с. 147, № 62; L'Art du livre arabe, 2001, p. 96–97, no. 63 et no. 64).

Порядок чтения текстов на лицевой стороне	Лицевая сторона (концентрические круги)	Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)
1	2	3
(1-й круг) I	(1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! * (2/1) «Аллах — нет божества, кроме Него, живо- го, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадле- жит то, что в небесах и на земле.	
(2-й круг) IV	(2/4) того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их, — поистине, Он — высокий, великий!» * (3/1) Аллах! На Него полагаюсь я!	!
(3-й круг) II	(2/2) Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них,	III (² /3) а они не постигают ничего из его знания, кроме
(4-й круг) V		

Рис. 6b

Перевернуть талисман *результативно* можно, оказывается, по-разному. В первой публикации (рис. 1) пластина повернута так, чтобы максимально эстетично показать *начало* рифмованной речевки (текст № 5), которая идет по кругу во внешнем кольце. Но при этом три текста, находящиеся в квадрате, вписанном в круг, попадают в положение «вверх ногами». В настоящей, повторной публикации (рис. 5b) за основу взято нормативное (для чтения!) положение как раз этих трех текстов, которые находятся во вписанном квадрате. При этом смещается, конечно, и круговой текст и началом для чтения служит теперь не речевка, а текст № 4 из того же кольца. Он представляет собой парафраз *шахāды*²² (кстати, первые слова в тексте № 2/1 на лицевой стороне талисмана тоже парафраз *шахāды*). Его функция здесь — обозначить *иерархию смыслов на этой стороне* талисмана, в отличие от *басмалы*, которой начиналась, по нашему допущению, еще не высказывавшемуся, работа над артефактом как единым документом. Такая дифференциация как бы предупреждает, что артефакт содержит в себе не один, а два документа. Они достаточно автономны друг от друга,

²² аш-Шахāда («свидетельство») — первое и важнейшее положение исламского символа веры, выражаемое формулой *Ла илаха илла Ллаху ва Мухаммадун расулу Ллахи* («Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — посланник Аллаха») и содержащее два первых догмата ислама (Халидов, 1991, с. 296).

хоть и связаны между собой. Одна из таких связей — «перескок» с одной стороны пластины на другую — была рассмотрена выше. Сейчас рассмотрим и другие.

Первый документ (коранический стих) завершился, как сказано двумя абзацами выше, подобием колофона в рукописях, т.е. самопредставлением писца, в котором, однако, вопреки правилам вместо своего имени писец почему-то поставил личное местоимение «я». Кто же он такой — этот «я»? Есть ли возможность раскрыть его инкогнито и снять этим определенную неловкость стиля? Мне кажется, что она есть.

Обратимся к схемам на рис. 4. На них показано, что на обеих сторонах артефакта — при полном несходстве графления их на «формы и композиции» — имеет место их полная согласованность в числе ячеек для текстов (по четыре там и там). Мы уже могли видеть выше, что текст 2/2, находящийся в *третьей* ячейке лицевой стороны талисмана, продолжается на оборотной стороне в *третьей же* ее ячейке. Далее текст переходит во *вторую* ячейку лицевой стороны и заканчивается там словами человека, который не назвал своего имени, но оставил все же впечатление, что он — реальное действующее в данном артефакте лицо. Нет ли, по той же логике, более конкретных сведений об этом лице в одноуровневой (т.е. *второй*) ячейке оборотной стороны? Предполагаем, что есть.

Основания тут такие. В жизни активной части средневекового населения были довольно широко распространены личные (именные) печати и, соответственно, их изготовление. В этой области художественного ремесла складывались конкурировавшие между собой формы, каллиграфические стили, стандарты содержания. Поскольку в данной статье интерпретируется целый набор фраз-клише, которые годились на все случаи жизни и соответственно этому употреблялись (в том числе и на печатях), то и для текста № 6 нам удалось найти в прошлом мусульманского искусства такое применение, которое согласуется с общей художественной стилистикой нашего артефакта.

Среди личных (именных) печатей большую группу составляют такие, в которых на рабочую поверхность выносились два-три элемента: 1) девиз или мотто, 2) имя владельца печати и 3) год изготовления печати. Последний элемент был, строго говоря, избыточным, потому что печать и ее владелец совместно и одновременно представляли себя в обществе, так что дата на печатях часто служила лишь эстетическим целям, заполняя собой пустоту на рабочей поверхности печати и на ее оттисках. В качестве мотто выбирались благочестивые и богоугодные фразы вроде العظمة والقدرة لله («Величие и мощь у Аллаха»), المتوكل على الله («Уповающий на Аллаха»), العزة لله («Аллаху — слава») и др. Точно таким мотто на печати мог быть и текст № 6: الملك لله: «Вся власть у Аллаха Всевышнего!»²³. Кроме типологической пригодности его для именной печати следует принять во внимание местоположение текста № 6 на талисмани. Это 2-я ячейка оборотной стороны. А на такой же 2-й ячейке, но на лицевой стороне талисмана, возникает *из текста* новое (после владелицы) действующее лицо, интригуяюще не названное конкретно. Соположение ячеек настораживает и настраивает на поиск дополнительной информации.

Можно, конечно, не трогать пока вторую ячейку оборотной стороны талисмана и приостановиться на второй ячейке лицевой стороны (тексты 2/4 и 3/1), куда нас неизбежно вело чтение коранического стиха. Но отсюда, однако, можно сделать на этой же стороне пластины только один-единственный шаг — к тексту 3/2 как остатку «по-

²³ В Коране нет словосочетания الملك لله تعالى (текст № 6), но его смысл встречается там неоднократно в другом оформлении, например: الله له ملك السموات والأرض («Аллаху принадлежит власть над небесами и землей») — сура 9:117(116)), والله ملك السموات والأرض («И Аллаху принадлежит власть над небесами и землей») — сура 24:42(42)), وله الملك («Ему принадлежит власть») — сура 6:73), 22:55(56)), الملك يومئذ لله («Власть тогда — у Аллаха») — сура 22:55(56)), т.е. упомянутое словосочетание все-таки восходит к этому первоисточнику.

добия колофона» и его завершению²⁴. Сделав его, мы полностью расстаемся с лицевой стороной талисмана, так как все тексты на нем теперь уже прочитаны. Значит, пора все-таки переходить на обратную сторону талисмана с его текстами, хотя здесь остается еще при чтении некоторая неувязка с местоимениями в двух частях единого как будто бы колофона: «(3/1:) Аллах! В него **я** верую (3/2:) и на него **мы** (мы все? или кто-то с кем-то? — В.П.) уповаем!»). Но позже и эта неувязка найдет объяснение.

Вернувшись на обратную сторону талисмана, мы увидим, по порядку: уже рассмотренный выше парафраз *шахады*, стихотворную речевку, смысл и назначение которой достаточно раскрываются ее текстом, и, наконец, то самое мотто, от рассмотрения которого отказались было, но теперь просто вынуждены рассмотреть и его. На этой стороне талисмана оно является единственным еще не истолкованным местом.

В границах данного артефакта тексту № 6 («Вся власть у Аллаха Всевышнего!») не представляется возможным подобрать иную функцию, чем быть намеком на имя автора «серебряного послания» — намеком через воспроизведение *мотто* его личной печати²⁵. Такие мотто вместе с личным именем человека придавали печатям определенную индивидуальность, которая в какой-то мере сродни паспорту в наше время или отпечатку пальца²⁶. Этот парный признак²⁷ индивидуума открывал возможность метонимически называть одно через другое, что, вероятно, и имеет место в данном случае. Это соображение подкрепляет собой связь — пока что еще только предполагаемую — двух текстов с разных сторон талисмана (№ 3/1 и № 6) между собой. Реальность такой связи подчеркивается тоже, между прочим, и закадровой реальностью самого анонима, заявившего о себе, словно нарочно, как раз в предшествующей фразе личным местоимением «я».

Несколько печатей с мотто показаны на рис. 7a²⁸, 7b²⁹ и 7c³⁰. Они дают достаточное представление о структуре текстов на личных печатях у мусульман, чтобы «примерить» ее теперь к трем строкам квадрата, вписанного в круг³¹ на оборотной стороне талисмана. Если на первой из строк находится действительно мотто с печати человека, который укрывается за местоимением «я», то на следующей строке *должно было бы* стоять его имя (об этом см. ниже), а на третьей — год изготовления печати (на нашем артефакте как на произведении искусства, переполненном намеками и околичностями, датирующим признаком вместо даты вполне может служить имя Фатимы, современницы этого человека).

²⁴ Ср. выше с переменными фразами в двучленных басмалах в примеч. 17 («...в Него я верую») и 16 («...на Него мы уповаем»).

²⁵ Если это действительно воспроизведение мотто, то намек все же не надо рассматривать как слишком уж прозрачный и прямолинейный. Он довольно хорошо «тонет» в целой серии других коротких фраз талисмана, типологически неотличимых от рассматриваемой.

²⁶ В серьезных ситуациях для идентификации личности нужны были, правда, еще и свидетели.

²⁷ Реально на индивидуальность печати работали и другие, кроме мотто и имени собственного, признаки: форма и размер печати, стиль арабского письма, наличие орнаментальных деталей и т.п.

²⁸ المتوكل على الله الملك الصمد * محمد محسن ملا ابن نياز محمد * 1192 («Уповающий на Аллаха, Вечноцарствующего, * Мухаммад-Мухсин, мулла, сын Нийаза-Мухаммада; 1192 [г.х.]»).

²⁹ عبدہ کمال الدین بن احمد * الوائق الملك الصمد * («Твердый! Царственный! Вечный! * Раб его — Камал ад-Дин ибн Ахмад») [б.г.].

³⁰ لا اله الا الله الملك الحق المبين * عبده عباسقلي * («Нет Бога, кроме Аллаха, Вседержителя, Ясной истины! * Раб его — Аббас-кули [б.г.]»).

³¹ Может быть, легче представить себе оправданность предложенной ассоциации, поглядев на оттиск печати с похожей структурой текста (рис. 7d). По четырем сторонам квадрата, в сегментах круга, расположены тексты, которые мы называем в данной статье «мотто». Читать его надо, начиная с правого от квадрата сегмента, затем — вниз, затем — налево и, наконец, в верхнем сегменте, куда вписана ударная часть мотто. Оттиск печати содержит следующий текст: * يا أحد يا صمد * ان أولئنا أخطأنا * يا حي يا قيوم *

Рис. 7а.

Печать с легендой: «Уповающий на Аллаха, Владыку, Вечного. * Раб его Мухаммад-Мухсин, мулла, сын Нийаза-Мухаммада³² * 1192 г.х.» (ИВР РАН, арабская рукопись В 2119, л. 17b)

Рис. 7б.

Печать с легендой: «Непоколебимый! Царящий! Вечный! * Раб его Камал ад-Дин ибн Ахмад»³³ (ИВР РАН, арабская рукопись В 703, л. 1a)

Рис. 7с.

Печать с легендой: «Нет бога, кроме Аллаха, Вседержителя, Ясной Истины!»³⁴
* Раб его Аббас-кули» (ИВР РАН, арабская рукопись В 999, л. 1a)

³² المتوكل على الله الملك الصمد * محمد محسن ملا ابن نياز محمد * 1192

³³ الوائق الملك الصمد * عبده كمال الدين بن احمد

³⁴ لا اله الا الله الملك الحق المبين * عبده عباسقلي

Рис. 7d

Что же касается второй, главной для искомого имени строчки, то я предлагаю во второй раз изменить *ее чтение*. В первый раз «вольность» ее прочтения³⁵ выявила скрытый под арабской *неогласованной* вязью комплимент Фátиме (см. об этом выше). Теперь переогласовкой всего лишь одного слова в этой же фразе — *منْ علمه* (мин ‘илмихи) на *منْ علمه* (мин ‘аламихи) — мы получаем вариант этой фразы, говорящий именно об имени человека, который пользуется в нашем артефакте личным местоимением «я»: «...а они [никто] не постигают ничего из **его имени**, кроме владелицы сего Фátимы-Султан...».

Если талисман задумывался как сюрприз для Фátимы, то понятна ли ей была эта игра слов? Подсказкой ей мог быть, конечно, широкий контекст ее взаимоотношений с нашим анонимом. Но подсказкой могла быть и рифмованная речевка с именем Али (текст № 5), если это же имя носил и наш аноним. Эта версия ничем не доказывается, но по крайней мере она поддерживается взаимной соотнесенностью (случайной ли?) текстов в круге и текстов в квадрате на этой стороне артефакта. Троекратное «О, Али!», которым *заканчивается* речевка (*второй* текст в круге!), нависает прямо над горизонталями квадрата, где называются некоторые вышеупомянутые атрибуты анонима (рис. 2 и 3), и накрывает своей «сенью» три четверти длины строк в квадрате. В этом заключается их формальная связь. На последнюю четверть строк приходится всего одно слово «Аллах!» (начало текста № 4, которым для смотрящего *концептуально* открывается обратная сторона талисмана). Здесь — связь сущностная. Надо понимать это так: текст № 4 — это формулярная корректность, что-то вроде второй *басмалы начинания*, повторять *басмалу* нельзя, но имитировать подобающую ей (*басмале*) функцию начинания — красивый ход. Но этим ходом автоматически поднимается и статус троекратного «О, Али!». Мужское имя Али соплагается таким ходом с якобы-басмалой, что привлекает к нему дополнительное, повышенное внимание.

В результате такой распланировки на обратной стороне талисмана возникает цельный осмысленный текст. Он включает: якобы-басмалу как показатель начала этого нового текста; совет хозяйке талисмана обращаться в трудные минуты к Али, двоюродному брату пророка Мухаммада (а может быть, и к прямо не названному

³⁵ Она заключалась в прочтении текста № 7 как продолжения текста № 2/3, при этом переогласовывались только падежные окончания — с именительного падежа на винительный.

дарителю талисмана, окажется он тезкой этого халифа); имя дарителя, прикрытое до времени кивком на Фátиму и на мотто его печати, а также и имитацию типа его печати самой трехстрочной структурой квадрата; адресат подносимого талисмана (имя героини события). Это целое лирическое отступление, отличающее данный артефакт от нормативного представления об аятах-оберегах. Аноним посвятил его собственной персоне и некой Фátиме, *прервав для этого уже начатый им было на аверсе «колофон»-концовку к талисману*³⁶ в стандартном его понимании. Когда это отступление исчерпано, он возвращается на лицевую сторону талисмана, чтобы эффектно, в центральном круге, закончить колофон (и с ним — все, что было написано до того) одной, как у Мастера в романе М. Булгакова, фразой «и на Него мы полагаемся»³⁷, вложив в это «мы» все то, что сказано и подразумевалось в лирическом отступлении. Глагол своим множественным числом уже включает в колофон и Фátиму. Этот нюанс бесспорен, так как он предусмотрен общим дизайном артефакта. Клеточная дислокация текстов подчеркивает этот нюанс тем, что имя Фátимы стоит в *четвертой* ячейке оборотной стороны талисмана, а «мы полагаемся» — в *четвертой* же («прошальной») ячейке лицевой стороны талисмана. Такое соположение текстов на разных сторонах талисмана мы уже наблюдали, разбираясь с появлением в одном из текстов личного местоимения «я».

* * *

Филологический «пэчворк» — так за неимением другого термина можно сейчас назвать комбинацию из расхожих текстов, культурологических стереотипов и популярных в искусстве геометрических шаблонов, которая представлена на серебряном талисмане из Эрмитажа. На макроуровне художественная совместимость этих трех банальностей в исследуемом артефакте столь высока, что побуждает проверить ее безупречность также и на микроуровнях, т.е. в отдельных деталях.

Разработать такой сложный сюжет, как на талисмане, рядовому мастеру серебряных дел было бы не под силу. Его разработчиком мог быть только высококультурный и образованный человек, свободно ориентирующийся во всевозможных реалиях своего времени. Был ли таким сам заказчик подарочного талисмана или у него был под рукой соответствующего уровня Мастер, нам не известно. Но заказчиком в любом случае был богатый и влиятельный человек с хорошим вкусом. Он скрыл свое имя, но оставил некоторую возможность — в том числе и для современных исследователей — раскрыть свое инкогнито. Для того чтобы реализовать эту возможность, нужно время и новые формы и приемы исторического источниковедения, в том числе и невербального источниковедения, которым в востоковедении не пренебрегают только, как кажется, искусствоведы. В данном случае нужно время, чтобы покопаться в коллекциях мусульманских печатей, обращая внимание среди них на такие, что содержат искомое мотто «Все — во власти Божией». И то же самое поискать также в *оттисках* владельческих печатей на арабских, персидских и турецких рукописях, опираясь на нашу версию о переносе этого девиза на исследуемый талисман именно с личной печати.

Велика вероятность, что искомого человека звали именно Али. Содержательная мотивированность всех семи текстов, держащаяся на их композиции и на искусстве намек, подсказывает это частное решение. *Так*, а не по-другому звать неизвестного автора талисмана было бы лучше для сюжета, воплощенного в артефакте. Инкогнито,

³⁶ То есть к «Стиху о троне».

³⁷ По-арабски эта фраза укладывается в два слова: «ва-бихи наста'ин».

одна из важных находок разработчика сюжета, этим не раскрывалось бы, так как в речевке с именем Али последний был заведомо всем известен прежде всего как историческое лицо из далекого прошлого³⁸. А случайное (ой ли?) совпадение имен не портит, а красит сюжет. Оно даже вдвойне украшает сюжет из-за имени хозяйки талисмана, Фатимы, — ведь у Али из речевки женой была Фатима (дочь Пророка). Эта супружеская пара тоже очень популярна у мусульман, так как только от нее происходят все — и отошедшие в мир иной, и еще живущие — потомки Пророка. Параллель с этой парой, будь на то реальное основание, уж точно обогатила бы сюжет.

Эти параллели — необязательные, но возможные — ведут исследователя еще глубже в сюжетные особенности талисмана. Так, обе стороны талисмана открываются текстами разными, но в определенном отношении однопорядковыми: они связаны с двумя главными героями ислама (Мухаммадом³⁹ и Али). Каждый из них открывает собой самостоятельную «страницу» талисмана, как бы олицетворяя этим параллелизмом две ветви ислама (суннитскую и шиитскую), и каждая из этих страниц претендует на роль оберега! Все это очень важно для раскрытия инкогнито заказчика или автора талисмана.

Место изготовления талисмана было определено как шиитский Иран еще в первой публикации исследуемого артефакта (Иванов, 1989, с. 73–74). Эта историко-искусствоведческая локализация подтверждается теперь, как было обещано в начале настоящей статьи, и *метрологически*: диаметр талисмана (88 мм) кругло укладывается в старинную *иранскую* меру длины, составляя 16 ша'ират (1/9 часть)⁴⁰ исфаханского локтя в 798 мм (Хинц, 1970, с. 64 под словом «зар'»). Происхождение талисмана, несомненно иранское, заставляет обратить внимание на такую тонкость в отмеченном выше параллелизме сторон артефакта, как старшинство «суннитской» параллели над параллелью «шиитской». До сих пор можно было думать об идеологической паритетности сторон (лицевой и оборотной). Инвентаризация серии признаков позволила заметить суннитский уклон в персидско-шиитском артефакте. Он проявил себя не только в сдвиге на оборотную сторону артефакта речевки с обращением к Али-чудотворцу⁴¹, очень популярной среди шиитов. Обе части «колофона»⁴² разработчик дизайна поместил на лицевую, «суннитскую» сторону талисмана. Напротив, именем

³⁸ Этот Али погиб во время междоусобий в Халифате в январе 661 г. (Большаков, 1998, с. 88).

³⁹ Его имени, кстати, нет на талисмани, но оно присутствует незримо в стихе из Корана. Имени заказчика на талисмани тоже нет, но оно незримо присутствует здесь: то ли в намеке на знаменитое тезоименитство с Али, то ли через мотто на печати (может быть, редко встречающееся), то ли через догадливость одной только владелицы талисмана.

⁴⁰ 16 ша'ират = 88,67 мм; разница с опубликованным промером (менее миллиметра) считается несущественной.

⁴¹ О степени распространенности этого текста говорит немалое число артефактов, на которых он встречается: на каламданах или пеналах (Земное искусство, с. 126–127 № 33), на кашкүлях, т.е. чашах дервишей (Земное искусство, с. 160, № 76 и 77), и др. На минарете соборной мечети Хайдарханы в Багдаде тоже был раньше этот текст — с чуть измененной концовкой: «...благодаря твоему пророчеству, о Мухаммад, и твоему правлению, о Али, о Али, о Али, о Али!» (al-Naqshbandi., 1973, p. 251); на рис. 8 воспроизводится чертежная реплика этой надписи квадратным — как и на мечети куфическим письмом, заимствованная из упомянутой статьи ал-Накшбанди. Это к вопросу об умении мусульман «читать» замысловато выполненные, но популярные в народе тексты; об этом говорилось в начале нашей статьи. Вероятно, неслучайно к этой речевке привлекалось в свое время внимание и в справочнике по исламской нумизматике (Codrington, 1904, p. 95). Между прочим, на вышеупомянутой мечети в Багдаде выложен, но в другом ее месте и почерком *сульс* также и коранический «стих о троне» (al-Naqshbandi, 1973, p. 247), так что оба текста вполне сочетаются друг с другом.

⁴² Он-то и содержит в себе личное местоимение 1-го лица («в него я верую»), чем выдается существование конкретного лица, заказавшего изготовление талисмана для будущей его владелицы. Иными словами, колофон содержит в себе указание на уникальность, несерийность, штучность изучаемого изделия.

Рис. 8

владелицы этого изделия, Фатимы-Султан, заканчивается («запечатана») «шиитская» сторона талисмана. Сделано это, конечно же, в первую очередь в соответствии со здравым смыслом: именем хозяйки заканчивалась *оборотная, последняя* сторона изделия. Но эта *последняя* сторона все же была при этом «шиитской» стороной. При скачкообразном движении текстов можно было, вероятно, придумать при желании для хозяйки и другое место. Но само имя ее, двойное (по обычаю тюрок и персов), говорит о том, что здравый смысл и религиозные предпочтения могли находиться тут просто в согласии друг с другом.

Что касается главного в артефакте лица — его безымянного инициатора, то по совокупности косвенных признаков его можно, как сейчас представляется, признать не персом, а этническим арабом, жившим в Иране, возможно даже одним из многочисленных потомков Пророка, проживавших в разных местах мусульманского мира, в том числе и в Иране. В генеалогиях этих потомков⁴³ тоже можно поискать нашего Инкогнито, предварительно идентифицировав его с кем-то через легенды на антикварных печатях, имеющих в своем составе мотто «Все — во власти Всевышнего!». Трудно угадать, что дадут предлагаемые поиски, особенно среди печатей, сохранившихся до нашего времени. Но основание для оптимизма уже есть. Это печать иран-

⁴³ Да и в биографических справочниках иного рода.

ского шаха 'Адил-шаха Афшара (1160–1161/1747–1748) — его звали 'Али-Кули-хан (Босворт, 1971, с. 230), а мотто на его печати — الملك لله («Вся власть — у Аллаха») — почти идентично искомому, в нем недостает лишь третьего слова (эпитета Аллаха).

Таким образом, в списке претендентов на роль Инкогнито уже появляется первое имя. Вместе с принятием к рассмотрению этого претендента слабеет (но не отменяется) гипотеза об «этническом арабе», так как попытки «положить конец давней шиитско-суннитской розни между Ираном и Турцией» (Босворт, 1971, с. 231) были решительно предприняты еще при предыдущем шахе, и следы заметной толерантности на талисмানে получают в этом достаточное объяснение. Но такое объяснение ведет к передатировке талисмана с XVI в. на XVIII, и в этом последнем и придется, если возникнет такая необходимость, искать также и других претендентов на роль нашего Инкогнито.

* * *

Вопрос о Фатиме-Султан остается открытым. Кем она была для анонимного дарителя? Матерью, сестрой, супругой, невестой или — возможно — даже возлюбленной? Было ли дарение частным поступком или оно «протоколно» сопровождало какую-то другую акцию? Имя шаха Ирана, первым и при этом нечаянно оказавшимся в поле зрения исследователя⁴⁵, усиливает интерес к этой стороне дела⁴⁶. Талисман из Эрмитажа — редкий исторический документ, свидетельствующий о столь личных и тонких отношениях мужчины и женщины в старом мусульманском обществе. Возможно, он побудит кого-то не только отыскать в письменных памятниках фигурантов нашего повествования, но и собрать вообще материалы на эту деликатную тему, имеющиеся в письменных источниках.

Список литературы

- Большаков О.Г. История Арабского халифата. Т. III. Между двух гражданских войн. 656–696. М., 1998.
- Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П.А. Грязневича. М.: Наука, 1971.
- Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. Под общей редакцией М.Б. Пиотровского. СПб., 2000.
- Иванов А.А. Иранский серебряный талисман XVI в. // Сообщения Гос. Эрмитажа. 47. Л., 1982, с. 73–74.
- Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
- Катанов Н.Ф. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежащих А.А. Сухареву и А.Т. Соловьеву. Казань, 1904.
- Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1963.
- Резван Е.А. Айя // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991, с. 16.
- Саблуков Г. Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения. Казань, 1884.

⁴⁴ Полностью легенда на этой печати такова: الملك لله * بنده شاه ولايت علي (Rabino, p. 53–54, т.е. «Вся власть — у Аллаха* Его раб — шах Ирана Али»).

⁴⁵ Сведения о печати этого шаха были обнаружены мной, когда вся статья уже была написана.

⁴⁶ Если эта атрибуция Анонима подтвердится, то от шуточной трактовки «послания» придется, пожалуй, отказаться, потому что Фатиме предлагается в нем (по-видимому, всерьез) сделать выбор между земным покровителем (шахом) и магическим потенциалом коранического стиха. На артефакте как бы два талисмана сразу — один на лицевой стороне пластины, другой — на оборотной.

- Халидов А.Б.* Шахада // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991, с. 296.
- Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Перевод с немецкого Ю.Э. Брегеля. М., 1970.
- Achmatowa A.* Poem ohne Held. Poeme und Gedichte russisch und deutsch. Lpz., 1982, S. 89 (пер. Райнера Кирша).
- L'Art du livre arabe.* Du manuscrit au livre d'artiste. Sous la direction de Marie-Geneviève Guesdon et d'Annie Vernay-Nouri. P., Bibliothèque nationale de France, 2001.
- Al-Bakri, Mahab D.* Jala'irid Coins in the Iraq Museum. — Sumer. A Journal of Archaeology and History in Arab World, vol. XXIX, 1973, Nos. 1&2, p. 229–244, 4 pl.
- Codrington O.* A Manual of Musulman Numismatics. L., 1904 (Asiatic Society Monographs, vol. 7).
- al-Naqshbandi U., Al-Haider Khana Mosque.* Location and Architecture // Summer. A Journal of Archaeology & History in Arab World. Vol. XXIX, nos. I&II. Baghdad, 1973, p. 245–256, ill. (на араб. яз.).
- Hughes Th.P.* A Dictionary of Islam. L., 1896, p. 27 (Ayatu'l-kursi).
- Perho Irm.* Catalogue of Arabic Manuscripts. Codices Arabici Arthur Christenseniani. Copenhagen: Det Kongelige bibliotek, 2003.
- Rabino di Borgomale H.L.* Coins, Medals and Seals of the Shahs of Iran (1500–1941). [Cambridge], 1945, p. 22–24.
- Schoeler G.* Arabische Handschriften, Teil II, Abb. 48. 1985 كنوز الفن الاسلامي. جنيف

Summary

Val.V. Polosin

To the Interpretation of Arabic Texts on a Silver Persian Talisman at the Hermitage

The artifact under discussion is a silver plate with six charitable texts and the name of its owner which are written in an unusual order on both sides of the plate. A complex analysis of the object shows that the talisman attributes are mixed with the secret message of an unknown man to the named woman. The author of the article republishes the Arabic texts, analyses the architectonics of this witty message, proves by means of metrology the Iranian origin of the artifact. He also suggests the method for identifying the author of the message and names 'Adil, the Shah of Iran in 1747–1748, as one of the possible pretenders to the authorship. Being accepted, this supposition would require a revised dating of this artifact — the 18th century instead of the 16th.

Imre Galambos

The Tangut translation of the *General's Garden* by Zhuge Liang¹

The Tangut collection of the British Library includes an incomplete manuscript of a Tangut version of the *Jiangyuan* (The General's Garden), a Chinese military strategy text ostensibly written by Zhuge Liang in the 3rd century AD. The authenticity of the text has been repeatedly called into question, and since none of its known editions precede the Ming dynasty, modern scholars believe it to be a late forgery. The discovery of a Tangut translation, however, demonstrates that the text existed as far back as the 12th century. This paper offers a few additional observations regarding the Tangut manuscript. The first issue raised here is the connection of the translation with extant Chinese editions, and whether we can learn anything about the edition used by the translator. Second, the paper points out the significance of the red marks that appear next to several characters on the manuscript, as these could help us to determine whether we are dealing with the translator's autograph or a subsequent copy in a longer line of transmission. Third, since the manuscript is damaged and all lines are incomplete, the original line length is reconstructed in order to see how much of the Tangut text is missing and how close the translation was to the Chinese original.

Key words: Tangut manuscripts, Zhuge Liang, General's Garden, Stein Collection, British Library, edition history, codicology.

Among the Tangut material recovered by Sir M. Aurel Stein in 1914 in Khara-Khoto, and housed today at the British Library, there is a manuscript that has been identified as a translation of the Chinese military treatise *Jiangyuan* 將苑, or the *General's Garden*. A work ostensibly written by the celebrated strategist Zhuge Liang 諸葛亮 (181–234) from the period of Three Kingdoms, it has been largely neglected in the Chinese philological tradition because it was suspected of being a later forgery. The discovery of a Tangut version, however, reveals that at least in the 12th century the text already existed and was considered significant enough to be included among the works translated in the Xixia Empire.

The manuscript in question is Or. 12380/1840. It was first studied in 1962 by Eric Grinstead who pointed out that this was the first non-Buddhist text identified in the Stein collection of Tangut manuscripts (Grinstead, 1962, p. 35).² Besides making a number of impor-

¹ An early version of this paper was originally presented at the conference "The Tangut Language and the Religions and Cultures of the Northern China in the Age of the Xixia" in December 2009, organized at Academia Sinica and Fuguang University. I would like to express my gratitude to the comments of those present, especially Kirill Solonin of Fuguang University and Guillaume Jacques of CNRS. I am also grateful to Viacheslav Zaytsev of the Institute of Oriental Manuscripts at St. Petersburg for his valuable corrections and suggestions.

² The timing of Grinstead's study is interesting, as it came out shortly after the publication of Nevskij's *Tangut-skaja Filologija* (Nevskij, 1960). This debt was duly acknowledged by Grinstead at the end of his article. With regard to how learning Tangut was possible in Britain in the early sixties, it is perhaps not inappropriate to recount here that, while browsing through the Tangut manuscripts at the basement of the British Library, I found a small box with, Tangut flashcards on it. Each card contained a Tangut character cut out from a printed book (most likely Nevskij's dictionary), and whenever the character was identifiable, the English translation was written underneath it. This was Grinstead's study tool while working on the Tangut material as Assistant Keeper in charge of the Chinese collections at the British Museum.

tant observations with regard to the Tangut text in comparison with its Chinese original, Grinstead also published a photograph of the last eleven lines of the manuscript, where the last line also included the title of the work, which was, of course, crucial for identifying the text. Almost forty years later, Professor Ksenia Kepping did a more detailed study of this manuscript and came to the conclusion that the Tangut version was not a word-for-word translation but rather an adaptation for Tangut readers (Kepping and Gong, 2003, p. 23). She also identified “an indigenous Mi-nia nomenclature” for neighbouring peoples based on the four cardinal directions.

In this paper I would like to make a few more observations regarding the Tangut version of the *General's Garden*. Far from trying to present a comprehensive study, I merely would like to see what additional information can be uncovered about the manuscript. The first topic of my interest is the connection of the Tangut translation with the Chinese original, or rather, the different extant editions of the original. Second, I would like to draw attention to the significance of the red marks that appear next to several characters in the manuscript, as these could help us to determine whether we are dealing with the translator's autograph or a subsequent copy in a longer line of transmission. My third topic concerns the number of characters per line: since the manuscript is damaged and all lines are incomplete, I reconstruct the original line length. This is significant because it allows us to have a better assessment of how much of the Tangut text is missing and thus how close the translation was to the Chinese original.³

1. Relationship of the manuscript with Chinese editions

There are a number of military works traditionally attributed to Zhuge Liang, the eminent strategist of the period of Three Kingdoms, although some of these have been suspected to be later forgeries. The work called *Jiangyuan*, or the *General's Garden* is one of these doubtful works, and consequently there has been relatively little scholarly attention paid to it. None of the surviving editions of the text precedes the Ming dynasty, and the Tangut translation clearly represents the earliest extant version. While this is in no way a proof that Zhuge Liang was its real author, it verifies the existence of an edition dating as far back as the Song dynasty. Accordingly, a Chinese edition must have been already in circulation at the time, and this was used as the basis for a Tangut translation.

One of the advantages of discovering the Tangut manuscript is, of course, that we can learn more about the history of the text in its original language, Chinese. As the earliest extant version it has the potential to tell us more about the Chinese edition from which the translation was made. This is important because the Tangut version can be used to approximate a Song edition of the Chinese text, which could in turn help us create order among the ones available to us today. As to the date of the translation, Kepping convincingly suggested the twelfth century, the period when translations of most military texts were performed in the Tangut state (Kepping, 2003, p. 22).

Of the extant editions the most popular one is that compiled by the Qing scholar Zhang Shu 張澍 (1781–1847).⁴ His work, titled *Zhuge Zhongwu hou wenji* 諸葛忠武侯文集 (“Collected writings of the Loyal and Martial Lord”) was the basis for the modern edition

³ Black and white images of the Tangut *General's Garden* have been published by Shanghai guji chubanshe (Xie and Wood, 2005), although there are a number of details that cannot be seen in this publication. Among these are the red dots in the text, the edges of the original manuscript in contrast with the backing paper added by modern conservators.

⁴ Zhang Shu's name is well-known in Tangut studies because he was the one who first reported the Liangzhou bilingual stele from 1094. See Dunnell, 1996, pp. 109–111. His year of birth differs according to the sources, some give it as 1776, others as 1781.

by Zhonghua shuju.⁵ Zhang himself worked from earlier Ming and Qing prints, using several works to collate his own edition which is now reputed to be one of the most reliable ones and is effectively used as the authoritative text⁶. Beside putting together a completely new edition, Zhang also preserved as commentary some of the variant readings from earlier works. At the beginning of his work, he writes:

《隋書·經籍志》，諸葛亮《將苑》一卷。又按《中興書目》，《將苑》一卷，凡五十篇，論爲將之道。李夢陽曰即《心書》也。今仍改稱《將苑》。案焦竑《經籍志》作《心書》，陶宗儀《說郛》又作《新書》，皆誤。

The “Jingjizhi” chapter of the *Suishu* lists the *Jiangyuan* by Zhuge Liang in one *juan*.⁷ Moreover, the [Song dynasty bibliography called] *Zhongxing shumu* also lists a *Jiangyuan* in one *juan* and a total of fifty sections, asserting it to be “the way of the general.” Li Mengyang (1472–1529) claimed that this was in fact the *Xinshu* (“Book of the Heart”). Now I still changed the title to *Jiangyuan*. Jiang Hong (1541–1620) in his [*Gushu*] *Jingjizhi* calls it *Xinshu* (“Book of Heart”), while Tao Zongyi (fl. 1360–1368) in his *Shuofu* uses the name *Xinshu* (“New Book”) but in this both of them are mistaken.

Accordingly, Zhang believed that the three titles of *Jiangyuan*, *Xinshu* 心書 and *Xinshu* 新書 all referred to the same work, and that the correct title was *Jiangyuan*, or the *General's Garden*. The discovery of the Tangut version confirms Zhang's assumption, as in the last line we have the title 蕤蕤薹薹，which could be roughly translated as *The Book of the General's Grove* 將軍森林本. Obviously, this is the same title as *Jiangyuan*, since the word *yuan* 苑 in fact generally represents a kind of forest-like garden. Naturally, this does not mean that the text did not have other titles beside this, but this is at least a conclusive proof that during the 12th century the title *Jiangyuan* was in use.⁸

A version of the text was preserved under the title of *Xinshu* 新書 as part of Tao Zongyi's *Shuofu* 說郛. This version is also often referred to in Zhang Shu's comments to his own edition, although his references do not always match the editions of the *Shuofu* we have today.⁹ Another relatively early edition available to me at the time of writing this paper was the Ming woodblock edition of 1563, originally edited by Lan Zhang 藍章 (1453–1526).¹⁰

The above are the three editions I shall use in my paper, abbreviating them the following way:

- 1) ZS (Zhang Shu's edition published by Zhonghua shuju);
- 2) SF (Tao Zongyi's *Shuofu*);
- 3) LZ (Lan Zhang's edition from the Ming dynasty woodblock prints).

⁵ *Zhuge Liang ji* 諸葛亮集, 1960.

⁶ While this is in fact a commonly held view, one should also keep in mind that, from the point of view of textual criticism, there is no such thing as the most reliable text, especially if it has been created by correcting and “reconstructing” earlier editions.

⁷ In reality, the *Suishu* contains no such work. Of the three works of Zhuge Liang included in this bibliography, only one listed as consisting of one *juan*, namely, *Lun Qian-Han shi yi juan* 論前漢事一卷 (On the affairs of the Former Han, in one *juan*), which appears among the different editions of the *Hanshu* 漢書.

⁸ The last character in the Tangut title is 𠂔, which is commonly used in the sense of ‘root,’ ‘basis’ but also means ‘book’ (Kychanov, 2006, p. 697). In his transcription of the last page into Chinese, Grinstead uses the character 根 but, considering the possible meaning of the title (Grinstead, 1962), 本 is no doubt a better choice.

⁹ I was fortunate to be able to consult an early Qing edition of the *Shuofu* from the 3rd year of Shunzhi 順治 (1646) at Princeton University Library but found the same discrepancies with Zhang Shu's comments as in more modern editions. (My special thanks to Dr. Martin Heijdra, Daniel J. Linke and other library staff at Princeton for their kind help.) This suggests that Zhang Shu was working with yet another edition of the *Shuofu*, which remains to be identified.

¹⁰ *Zhuge Kongming Xinshu* 諸葛孔明心書.

Even a superficial comparison of these editions reveals that at times they differ considerably, showing that it would be impossible to talk about the text of the *General's Garden* in abstraction without referring to a particular edition. Naturally, other editions not represented here may also carry their peculiarities and a comprehensive study would also have to account for these. For the purposes of the current paper, however, these three editions shall be sufficient. While we have no information as to what edition the Tangut translator was using, it is certain that it was none of these. Therefore, it is useful to compare the translation to places where these three Chinese editions show the most obvious variation, as this would allow us to assess these differences in light of the Tangut version. Below are a few examples.

At the very end of Section 26 of the Chinese text,¹¹ ZS and SF write the phrase “thus whomever he faces, he will know no enemies” 則所向者無敵. In contrast with this, LZ has the character 當 (‘to encounter; to oppose’) in place of 向, a difference that is insignificant in terms of the general meaning of the phrase yet helpful for tracing the textual history of the passage. The Tangut version in this place has the character 𐰇𐰺 (‘to turn to; to face’), which matches the Chinese character 向. This affiliates the manuscript with ZS and SF, but not LZ.

However, the Tangut version of the same section also shows a number of obvious dissimilarities with the Chinese, a fact that is evident even though the larger part of the text is missing or illegible. For example, this section discusses the potential energies of Heaven 天勢, Earth 地勢, and Man 人勢. In the part where the text explains the potential energy of Earth, the Tangut version begins with a statement with the characters 𐰇𐰺 which are the Tangut equivalent of the Chinese *yinyang* 陰陽. Yet neither this concept nor anything that could be even loosely linked with it appears in any of the Chinese editions. In fact, the part corresponding to how the Chinese text continues here only appears in the Tangut manuscript at the top of the next line, revealing that the Tangut version contains some interpolated phrases at the missing end of the line where the manuscript is damaged.

In Section 27 of the Chinese version, Zhang Shu comments that, in one of the editions he consulted, the character 議 in the phrase “they conferred with each other through brave competition” 相議以勇鬪 was written as 陳 (‘to line up’). The Tangut version clearly has the character 𐰇𐰺 (‘to discuss’), matching the Chinese characters 言議. Therefore, the Song edition used for the translation in this place obviously had the character 議 and not 陳.

Towards the end of Section 32 of the Chinese version, the ZS edition says, “When the enemy is across a ravine, separated by water, the wind is strong and darkness obscures visibility, it is advantageous to strike from the front and back at the same time.” 踰淵隔水，風大暗昧，利以搏前擒後. There is an obvious discrepancy between the three Chinese editions in the following phrase:

風大暗昧 (ZS)

風火暗昧 (SF)

風火暗 (LZ)

It is clear that alternation of the characters 大 and 火 reflects a graphical mistake because the two graphs are visually quite similar to each other.¹² While the concept of ‘wind and fire’ in the above context makes less sense than ‘great wind,’ this is precisely the variant

¹¹ The sequence and numbering of sections in the Chinese editions does not match the Tangut version. A table of Chinese vs. Tangut section numbers appears in Kepping and Gong, 2003, p. 18.

For the sake of convenience, I shall use the Chinese section numbers as a form of referencing parts of the text.

¹² The mixing of these characters in manuscripts was not an uncommon case. For example, in the Dunhuang manuscript P. 2529 from the Pelliot collection in Paris in the line “in the monastery there is a tooth of the great Pratyeka Buddha” 寺有大辟支佛牙 the character 大 is erroneously written as 火, forming a meaningless phrase “fire Pratyeka Buddha” 火辟支佛. The same confusion can also occur in modern scholarship, as Gábor Kósa discusses the persistent misreading of the phrase 火海 (‘sea of fire’) as 大海 (‘great sea’) in the Manichaean manuscript *Traité* (Kósa, forthcoming).

that appears in the Tangut version of the text (𐰇𐰆𐰏, i.e. 火風), thus linking it with SF and LZ, but not ZS. A version of the same sentence is also found in the *Liutao* 六韜 (3/27), another well-known Chinese text on military strategy, where this phrase appears as “when there is strong wind and it rains heavily” 大風甚雨者, and this variant corroborates that the character 火 (‘fire’) in the SF and LZ editions is most likely a mistake.

In fact, because the phrase “wind and fire” is probably a mistake that crept into the text during the process of its transmission, it is a particularly useful example for tracing the history of editions. While it does not occur in ZS, we know that this edition is relatively new and was compiled by Zhang Shu around the 1830s or 1840s by evaluating earlier editions; therefore it is likely that the error of writing ‘fire’ instead of ‘great’ had been introduced into the text much earlier, and Zhang Shu simply corrected this in his edition, perhaps without textual antecedents, simply on the basis of philological judgment and the experience that these characters are often mixed up. In fact, the presence of the same erroneous reading in the Tangut version is an indication that this mistake had been introduced into the text during or before the Song.¹³

The above examples show how the Tangut version can help us reconstruct some of the Song text used for the translation. Needless to say, there might have been other editions already at this time but we can only make assumptions regarding the version used by the Tangut translator. Still, this would be the earliest edition of which we have any information, predating the oldest extant Chinese edition by several centuries. In addition, these examples also confirm that none of the consulted editions aligns perfectly with the translation.

At the same time, since we do not have the Chinese edition used for making the translation, we should be very careful when judging the quality or nature of the translation. As an illustration to this point, consider the following example. One of the things Professor Kepping discussed in her article on the *General's Garden* is the Tangut translation of a sentence in the part matching Section 22 of the Chinese text. The Chinese sentence went 夫以愚克智，逆也 which she rendered into English as “It is known that when a silly one overcomes a wise one, it is [as if to] go against the current.” She was especially interested in the word *ni* 逆 (‘to go against the current’), appearing in the Tangut as 𐰇𐰏. ¹⁴ The Chinese equivalent for this Tangut character is usually *fu* 福, and less frequently *xing* 幸, both meaning ‘good fortune.’ Based on the analysis of this Tangut character in other texts, Professor Kepping suggested that it should be understood in this context as ‘supernatural,’ i.e. it is against nature when folly overcomes wisdom. She used this example to show that the Tangut translator did not simply translate the Chinese original but created “an adaptation of the text for Minia readers” (Kepping, 2003, p. 19).

The above line of thought, however, is entirely based on ZS which is the only edition where the character 逆 occurs in this place. In contrast, the same sentence is written in both SF and LZ as 夫以愚克智，命也 (“now when folly overcomes wisdom, it is fate”). Thus the character in question is written as *ming* 命 (‘fate’), which is not that far from the ordinary, non-mystical meaning of the Tangut word 𐰇𐰏 (‘good fortune’), transforming the sentence into “now when folly overcomes wisdom, it is [simply a matter of] luck”.¹⁵ Therefore

¹³ The same phrase is quoted in the work *Dushu jishu lue* 讀書紀數略 by Gong Mengren 宮夢仁 (1623–1713) as 風火暗昧, that is, matching SF.

¹⁴ The right side Tangut character 𐰇𐰏 (‘good fortune’) in the manuscript is written with an extra horizontal dash on the top. This does not occur in Kychanov’s dictionary or in the current font, but appears as a variant in Nevskij’s dictionary (Nevskij, 1960, vol. 2, p. 129).

¹⁵ Peng Xiangqian 彭向前 does not see a contradiction here, noting that the word *ming* 命 (‘fate’) “is, of course, supernatural” (Peng, 2009, p. 94). It is clear from Kepping’s argument, however, that she was not aware that some Chinese editions have the word *ming* 命 (‘fate’) in this place, and she was trying hard to explain how the word *ni* 逆 (‘to go against the current’) could be linked with the Tangut 𐰇𐰏 (‘good fortune’).

it seems more likely to me that the Chinese version used for creating the Tangut translation had the character 命 in this place, as it shows a simpler and less strained connection with its Tangut counterpart.¹⁶

2. Red marks next to characters

Another issue I would like to look at is the presence of the red marks next to some characters in the manuscript. In Section 32 of the Chinese version, the phrase already referred to above says, “[when there is] wind, fire and darkness” 風火暗昧 (based on SF). The second half of the phrase appearing in the Tangut translation is not ‘darkness’ 暗昧 as in the Chinese editions, but 𐰇𐰏, in which the first character stands for the word ‘fog’. For the second character Kychanov (2006, p. 234) gives the meaning ‘mist; be dimmed; dark; gloomy’, which resonates well with Li Fanwen’s (1997, p. 1076) gloss of ‘dark, gloomy’.¹⁷ Kychanov (2006, p. 236), however, glosses the compound word consisting of these two characters as to ‘wrap by fog’, while Li (1997, p. 1076) as 晦霧 (‘gloomy and misty’). Thus, while this second understanding of the compound word is closer in meaning to the Chinese word *anmei* 暗昧 (‘darkness’) which stands in the corresponding place, it nevertheless includes, on account of its first character 𐰇, the connotation of ‘mistiness’. Yet on a practical level the concept of wind and mist together is clearly not a very successful one. Perhaps this is the reason why this compound word is marked with two small red marks, one next to each character.¹⁸

Similar red marks appear in other parts of this manuscript, yet their precise meaning is yet to be demonstrated. It is possible that they represent a notation by an editor who checked the text after its completion, a possibility corroborated by the short colophon at the end of the manuscript, the legible portion of which says “The Book of the General’s Grove; finished; edited and copied by...” 叢叢叢叢, 叢, 叢... (將軍森林本, 畢, 校寫...)¹⁹ Unfortunately, the line is damaged farther down, concealing the name of the person who edited and copied the manuscript.

Kepping (2003, p. 21) saw the phrase “edited by” at the end of the manuscript as an indication that the Tangut version was an adaptation, i.e. it was edited rather than translated. This would, of course, mean that the editor was in fact the translator, which I believe to be improbable. My own contention is that the editing referred to at the end of the manuscript had to be a separate process from the translation. Kepping correctly pointed out that the same word 𐰇 (‘to edit’) was also used when writing the phrase 𐰇𐰏 (‘royally edited’) after the name of the Tangut emperor in translations of the Buddhist Canon, indicating that the translation was checked and corrected by the emperor. Naturally, we cannot claim that the emperor himself put together an adaptation of the Canon for Tangut readers. Instead,

¹⁶ We should also note that the ZS version of this phrase where the character 逆 occurs is by no means a defective one, as it is much more balanced with the following phrase which says 以智克愚, 順也 (“overcoming folly with wisdom is as if to go along with the current”). A better reading, however, does not necessarily prove the priority or authenticity of either version.

¹⁷ The Chinese gloss provided by Li here is 暗也 (‘darkness’), which, in contrast with Kychanov, has no immediate connotation of ‘fog’ or ‘mistiness.’

¹⁸ As mentioned above, a parallel sentence is also found in the *Liutao*, only there in the place of the word *anmei* 暗昧 (‘darkness’) we have the phrase *shen yu* 甚雨 (“it rains heavily”). This shows that the important meaning in this place is that there is minimal visibility, and not whether this is caused by fog, darkness or rain. While this is significant from the point of view of understanding the intended meaning of a text, the comparison of parallel versions of the same sentence is still a meaningful technique of textual criticism.

¹⁹ The last Tangut character is only half visible and is added here based on Kepping’s suggestion (Kepping, 2003, p. 17).

the word 覈 ('to edit') in both contexts more likely refers to checking a finished translation made by someone else. The fact that the completion of a round of checking is recorded in a colophon shows the importance attached to that particular text. It was not simply a hastily performed rendition but a careful translation which was subsequently also thoroughly checked, presumably against the original. In light of the above, I would argue that the "adaptation" theory is unlikely for the Tangut version of the *General's Garden*, and the apparent differences in comparison with the Chinese text are the result of the translator having used an edition not available to us today.

Going back to the word 'fog' marked with red dots, the fact that both characters were marked shows that whoever added the dots intended to identify whole words, rather than individual characters. As a counter-example, however, we can point out that in the case of the compound word 洩瀦 ('irrigation ditches') that appears earlier in the same section, only the second character is marked. Evidently, the scope and nature of these red marks awaits further research. Trivial as they seem, the implications of determining what they stand for goes beyond strictly palaeographic considerations. If we could demonstrate that they were undoubtedly signs of an editor or corrector then we would also be able to determine whether the manuscript was a copy or the translator's autograph.

In his monograph on the Tangut book, Terent'jev-Katanskij (1981, p. 34) discusses the red marks used by readers for the purpose of emphasis.²⁰ These marks range from dots and short dashes to longer vertical lines "underlining" an entire row. The reason why I think that in this case the red dots were not applied by a reader is twofold. First, there are only a few red dots in the manuscript, less than ten for the surviving part, which makes it improbable that this was a reader's copy. Secondly, we have a colophon stating that this particular manuscript copy was edited by someone. We know from medieval Chinese manuscripts that the colophon usually was not copied together with the text but that, as a rule, it referred to the very copy to which it was appended.

It is possible that an editor marked certain characters as mistakes or omissions, and this would not have any bearing on the authorship of the translation. But in the case of the word 'fog' we have a clear example when the correction pertains not to the individual characters (i.e. calligraphic or orthographic issues) but words (i.e. content). We can also be certain that the word 'fog' here is not an accidental redundancy because in this context it is used in place of the Chinese word for 'darkness,' even though it is a somewhat unfortunate way of conveying the meaning of dimness or obscurity when describing windy weather. Therefore if the Tangut word for 'fog' was indeed marked by a subsequent editor as not being the best lexical choice in this context, that would mean that this manuscript was probably the translator's autograph, rather than a copy of an earlier copy. In contrast with this, if it was merely a copy of an already existing translation, the editor would have had no reason — or at least much less justification — to comment on the content the way he apparently did in our case. Considering the great attention paid to the calligraphy in the manuscript, I suspect that this was a final clean copy which was then proof-read by an editor.

3. Line length

The Tangut *General's Garden* is incomplete. The beginning of the manuscript, presumably containing the first half of the text, has been torn off. In addition, the lower part of the scroll is also damaged, as a result of which the end of the lines is missing throughout the entire text. Consequently, we do not know the number of characters per line, which makes

²⁰ I am grateful to Viacheslav Zaytsev for alerting me to this reference.

it difficult to judge the accuracy of the translation, since we do not know how much Tangut text was there originally.

In the Tangut manuscript of the *General's Garden* the longest number of characters per line is 15 but it is clear that there used to be more text where the line breaks off. After its arrival in London, the manuscript was backed by modern conservators and rolled up as a scroll. The conservators obviously had no way of knowing the original line length and used the surviving measures of the manuscript for backing. As a consequence, the scroll in its current format gives the impression that the lines are supposed to have been about 17 characters long, even though most of them carry only 11–16 characters. In other words, the backing creates the illusion that it reproduces the scale of the original scroll while it is simply based on the longest surviving lines.²¹ In reality, however, the lines must have been longer and the original scroll was wider than it is today. This also means that it is uncertain how much of the original text we are missing, and when we cannot match part of the Chinese original with the translation, it could simply be because a portion of the translation is missing. Therefore, it would be essential to determine the width of the original scroll, as it would give us a better idea how much of the translation is extant today and whether phrases missing from the Tangut version have been torn off or were never there in the first place.

Fortunately, we can reconstruct the number of characters per line by aligning portions of the Chinese and Tangut texts with each other. That the number of characters per line is more or less consistent throughout the manuscript can be surmised on the basis of other Tangut manuscripts where the length of lines remains relatively stable, with minor deviations, throughout the entire document. The even calligraphy of the *General's Garden* also corroborates our hypothesis that the lines used to be of equal length. The part of the text suitable for reconstructing the original line length comprises a series of short phrases in Section 34 of the Chinese text. Zhang Shu's edition reads the following way:

主孰聖也？將孰賢也？吏孰能也？糧餉孰豐也？士卒孰練也？軍容孰整也？戎馬孰逸也？形勢孰險也？賓客孰智也？鄰國孰懼也？財貨孰多也？百姓孰安也？

Whose lord is more sagely? Whose general is more worthy? Whose administrators are more able? Whose provisions are richer? Whose soldiers are better trained? Whose weapons are more orderly? Whose cavalry horses are swifter? Whose terrain is more hazardous? Whose visitors and guests are wiser? Whom its neighboring states are afraid of? Whose financial and material means are better? Whose common people have a more comfortable life?

The above portion of text consists of twelve short segments identical in structure: N+孰+A+也. The same structure can be easily identified in the Tangut translation where it appears as N+𐰇𐰆+A (N+孰△+A). In the Chinese transcription of the Tangut text, I follow Lin Ying-chin's 林英津 (e.g. Lin, 1994) practice, and use the triangle △ to mark the particle *kɿ* 𐰇𐰆 which does not have a direct Chinese equivalent. Used together with *liɛ* 𐰇𐰆, it forms the relative pronoun *liɛ kɿ* 𐰇𐰆 (‘whoever’). This is somewhat different from the Chinese original where the individual segments in this sequence are presented as questions, a fact that is also clearly marked by the presence of the 也 interrogative particle at the end of each segment.

In the parallel segments, the nouns can consist of one or two characters, while the adjectives are always represented by a single character. Accordingly, in the Tangut each segment consists of four or five characters. Based on this knowledge, we can safely reconstruct the

²¹ An added difficulty when dealing with the text is that, in the black and white photographs of the *Yingcang* edition, even the edges of the backing paper are not visible, leaving the reader in complete ignorance of the dimensions of the manuscript.

structure of the missing Tangut text for segments which are at least fragmentarily preserved in the manuscript. In the aligned Chinese-Tangut text in Table 1, such missing but reconstructed characters are marked with a dot above.²²

No.	Chinese	Tangut (in Ch. chars)	Tangut
1	主孰聖也	1 主孰△聖	主孰△聖
2	將孰賢也	2 將孰△善	將孰△善
3	吏孰能也	4 糧孰△有	糧孰△有
4	糧餉孰豐也	5 軍孰△	軍孰△
5	士卒孰練也	孰△ *	孰△ *
6	軍容孰整也 ²³	3 孰△能	孰△能
7	戎馬孰逸也 *	6 軍器孰△善	軍器孰△善
8	形勢孰險也 *	則孰△固 *	則孰△固 *
9	賓客孰智也 *	二軍孰△ *	二軍孰△ *
10	鄰國孰懼也	10 孰△懼	孰△懼
11	財貨孰多也	11 買賣孰△厚	買賣孰△厚
12	百姓孰安也？	12 庶民孰△安	庶民孰△安

Table 1. Alignment of Chinese and Tangut parallel phrases from Section 34. The first column shows the Chinese text according to the Zhang Shu edition; the second, a Chinese transcription of the Tangut text; finally the third is a Tangut transcription of the original text. The numbering follows the Chinese text, while the numbers next to the Tangut segments identify with which Chinese line they correspond. An asterisk (*) on the right side marks segments which cannot be immediately identified as having a counter-part in the other language.

There are three unaligned segments in each language, marked with an asterisk, and our inability to identify them at least partly results from missing several characters in the Tangut version. Thus in Line 5 (according to the Chinese count) in the Tangut (主孰△聖: 主孰△) could obviously be matched to one of the three Chinese segments. Then the Tangut segment in Line 9 (二軍孰△: 二軍孰△) could potentially refer to Segment 7 in the Chinese version (戎馬孰逸也). It is the segments in Line 8 (Chinese 形勢孰險也 “whose terrain is more difficult” vs. Tangut 則孰△固 “whose rules are firmer”) that do not seem to match and it is likely that the Tangut version goes back to a lost Chinese edition.

The aligned segments show that their sequence is not identical in the two languages. For example, in the Tangut version the phrase “whose officials are more able” 吏孰能也 appears not as Segment 3 but as 5, before the phrase “whose arms are more in order” 軍容孰整也. Also, Zhang Shu comments that in one of the editions he consulted, the phrase “whom its neighboring states are afraid of” 鄰國孰懼也 is omitted. However, since the character 懼

²² In the course of this comparison, I disregard the other parts of this section, which do not belong to this set of structurally identical segments.

²³ Zhang Shu notes that one of the Chinese editions has the character 器 in place of 容, thus forming the word *junqi* 軍器 (‘weapons’) which matches the Tangut version (軍器).

(懼 ‘to be afraid of’) appears at the beginning of the fourth line of the Tangut version of this section, we can be certain that the Tangut translation used an edition where this phrase was present. Therefore, regardless of the fact that some phrases have been moved around, the beginning and end of the two sets remain perfectly aligned, as is their number and length.

Nevertheless, rather than reconstructing each segment in the Tangut translation and identifying its Chinese counterpart, in this place I am more interested in establishing the fact that, despite the missing characters from the Tangut version, originally this part also consisted of twelve segments, just like the Chinese one. Based on the available information, we can reconstruct this part of the Tangut manuscript, including the length of lines the following way:

Line 1		𐰇𐰏𐰚
		𐰇𐰏𐰚
Line 2	𐰇, [𐰇]𐰇𐰏𐰚𐰚, 𐰇𐰏𐰚𐰚, 𐰇𐰏𐰚𐰇, 𐰇𐰏𐰚𐰇, 𐰇𐰏	
	聖, [詔]將𐰇𐰏𐰚, 糧𐰇𐰏𐰚, 軍𐰇𐰏𐰚, 𐰇𐰏𐰚𐰇, 𐰇𐰏	
Line 3	𐰇𐰚, 𐰇𐰚𐰏𐰚𐰚, 𐰇𐰏𐰚𐰚, 𐰇𐰏𐰚𐰇, 𐰇𐰏𐰚	
	𐰇能, 軍器𐰇𐰏𐰚, 則𐰇𐰏𐰚, 二軍𐰇𐰏𐰚, 𐰇𐰏𐰚	
Line 4	𐰇, 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚, 𐰇𐰏𐰚𐰚。	
	懼, 買賣𐰇𐰏𐰚, 百姓𐰇𐰏𐰚。	

The character 𐰇 (詔 ‘edict’) in square brackets as the second character of Line 2 is a scribal mistake²⁴ and is marked with a little cross on its right side indicating that it should be deleted.²⁵ Still, I keep it in the transcription because it occupies a full space and should be counted when calculating the number of characters per line. In the above reconstruction there are two full lines, Lines 2 and 3. In the current reconstruction, Line 2 has 20 characters, and line 3 has 19. Knowing that the Tangut nouns in these segments can consist of one or two characters, a feature especially apparent towards the second half in this sequence, we can safely assume that, in Line 3, we probably have an extra character. In concrete terms this would be the missing noun in the segment “whom its [neighboring states] are afraid of” (𐰇𐰏𐰚𐰚: 𐰇𐰏𐰚𐰚). Because the final character of this segment matches the Chinese version we can be safe in assuming that the noun at the beginning of the section very likely also matches the Chinese word *linguo* 鄰國 (neighboring states), and this would have also been a compound word written with two characters in the Tangut. Accordingly, Line 3 of the Tangut version originally consisted of 20 characters, just like Line 2. Based on the above line of reasoning, we can conclude that the Tangut manuscript originally had 20 characters per line.

Bibliography

- Dunnell Ruth W. *The Great State of White and High: Buddhism and State Formation in Eleventh-Century Xia*. Honolulu: University of Hawai’i Press, 1996.
- Grinstead Eric. “The General’s Garden, a Twelfth-Century Military Work.” *The British Museum Quarterly*. vol. 26, no. ½ (Sep., 1962), p. 35–37.
- Kepping Ksenia and Gong Hwang-chen. “Zhuge Liang’s ‘The General’s Garden’ in the Mi-nia Translation”. In: Ksenia Kepping, *Last Works and Documents*. St. Petersburg: Omega, 2003, p. 13–23. Also available as a PDF online at http://www.kepping.net/pdfs/works/Zhuge_Liang.pdf (accessed September 20, 2010).
- Kychanov Evgenij I. *Tangut Dictionary: Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary*. Kyoto: Faculty of Letters, Kyoto University, 2006.
- Kósa Gábor. “Correction in the Chinese Manichaean *Traité*.” In: Imre (Galambos ed.). *Chinese manuscripts through the Ages*. Budapest: Department of East Asian Languages, ELTE. (Forthcoming).
- Li Fanwen 李範文. *Xia-Han zidian* 夏漢字典. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1997.

²⁴ The nature of the error is quite obvious if we compare the mistaken character 𐰇 (詔) with the one immediately after it: 𐰇 (將). The two differ from each other only in their left side components. That the mistake was caught immediately during the act of writing the manuscript is revealed by the fact that the correct character was written beneath the mistake in full size, showing no sign of subsequent insertion.

²⁵ The cross sign is a common deletion mark in Tangut manuscripts, it also occurs several times in the *General’s Garden*. At the same time, while the notation for correcting scribal mistakes is otherwise similar to that used in the Chinese tradition (flipping reversed characters, inserting omitted characters, etc.), the use of the cross sign is particular to Tangut manuscripts. See also Kepping and Gong, 2003, p. 17.

- Lin Ying-chin* 林英津. *Xiayi 'Sunzi bingfa' yanjiu* 夏譯《孫子兵法》研究. (English title: Research on Sun-tzy Ping-fa in Tangut.) Taipei: Institut of History and Philology, Academia Sinica, 1994.
- Liutao* 六韜. Song edition of the *Wujing qishu* 武經七書 from the Seikado Bunko collection in Tokyo. Facsimile published in *Xu gu yi congshu* 續古逸叢書 38, vol. 89. Edited by Zhang Yuanji 張元濟 et al. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1922–1957.
- Nevskij Nikolaj A.* Tangutskaja filologija: Issledovanija i slovar' v dvukh knigakh. Moskva: Izdatel'stvo Vostochnoj Literatury, 1960.
- Peng Xiangqian* 澎向前. "Xiayi Hanji jiaokan jiazhi juyu" 夏譯漢籍校勘價值舉隅. *Ningxia Shifan xueyuan xuebao* 寧夏師範學院學報, (2009) vol. 30, no. 4, p. 92–99.
- Terent'jev-Katanskij.* Knizhnoe delo v gosudarstve Tangutov. Moskva: Nauka, 1981.
- Xie Yujie* 謝玉杰 and Frances Wood 吳芳思 (eds.). *Ying cang Heishuicheng wenxian* 英藏黑水城文獻 (Documents from Khara-Khoto in the British Library). Shanghai: Shanghai guji, 2005.
- Zhuge Liang* 諸葛亮. *Zhuge Liang ji* 諸葛亮集. Beijing: Zhonghua shuju, 1960. Second edition 1974.
- Zhuge Kongming Xinshu* 諸葛孔明心書. Written by Zhuge Liang 諸葛亮, edited by Lan Zhang 藍章. Edition of 1564. *Zhongguo zixue mingzhu jicheng* 中國子學名著集成 (072), Zhenben chubian 珍本初編, Taiwan, 1978.

Summary

Имре Галамбош

Тангутский перевод «Сада генерала» Чжугэ Ляна

В тангутском фонде Британской библиотеки хранится фрагмент рукописи тангутского перевода *Цзянь юань* («Сад генерала») — китайского военного трактата, авторство которого традиционно приписывается китайскому полководцу и государственному деятелю эпохи Троецарствия (III в.) Чжугэ Ляну. Аутентичность китайского текста неоднократно оспаривалась. Некоторые исследователи полагают, что этот текст представляет собой более позднюю подделку, поскольку самые ранние издания, дошедшие до нас, — это ксилографы эпохи Мин. Находка тангутской версии трактата доказывает, что он существовал уже в XII в.

Настоящая статья посвящена нескольким вопросам, связанным с тангутской рукописью и переводом. Во-первых, рассматривается связь тангутского и китайского текстов, возможность определения редакции, с которой был сделан тангутский перевод. Во-вторых, уделяется внимание функции красных точек-помет, стоящих в тангутской рукописи рядом с некоторыми иероглифами. Автор полагает, что эти знаки могут характеризовать рукопись как автограф переводчика или одну из его копий. Поскольку нижняя часть тангутской рукописи не сохранилась, то затрагивается и вопрос об определении числа иероглифов в столбцах тангутской рукописи, что даст возможность оценить объем утраченного текста.

С.М. Якерсон

«Завещание» Иехуды Ибн Тиббона (XII в.) как руководство по светской еврейской каллиграфии¹

Отличительной чертой переписки сакральных иудаистических сочинений профессиональными переписчиками в Средние века являлась строгая фиксация самой формы записи текста. Правила переписки были сформулированы в Талмуде и в более поздней религиозно-правовой литературе. Однако мы практически ничего не знаем об отношении к письму в среде просвещенных еврейских гуманистов, сочинявших и копировавших тексты для собственных нужд. Важнейшим свидетельством их отношения к искусству письма является «Завещание» знаменитого переводчика с иудео-арабского языка на иврит Иехуды Ибн Тиббона (XII в.). В «Завещании» впервые дается определение еврейской каллиграфии и формулируются основные эстетические критерии «красивого почерка». Анализу этих аспектов сочинения посвящена данная статья.

Ключевые слова: каллиграфия, сефарды, почерк, евреи, еврейские рукописи.

עט אני חסדך אספר / כי כך מלאה ימיני
הון וכבוד ועל לשונך / אלקמה כ-ל-ג-ביר לשוני
Перо, я поведаю милость твою, ведь ты мне
в десницу вложило
и славу и злато. И нем стал язык в сравненье
с великой сей силой
Шмуэль ха-Нагид²

Научные дисциплины, занимающиеся описанием и учетом сохранившихся экземпляров и фрагментов еврейских средневековых книг и документов, а также изучением производства рукописей и их бытования в читательской среде, находятся сегодня на безусловном подъеме: изданы новые и переизданы с современными научными дополнениями некоторые классические каталоги, опубликованы фундаментальные труды по еврейской кодикологии и книговедению и альбомы еврейских иллюминированных рукописей, факсимильные изображения многих рукописей и документов или сведения о них доступны в on-line режиме пользователям Интернета и т.д.³. Однако отдельные, исключительно важные аспекты еврейской письменной культуры в

¹ Данная публикация является частью первого этапа (серия статей) комплексного исследования и комментированного перевода на русский язык этого памятника. В рамках этого этапа уже опубликована статья «Книговедческие аспекты „Завещания“ Иехуды Ибн Тиббона» (Якерсон, 2010).

Осуществление данного проекта было бы значительно затруднено без спонсорской поддержки Р. Сассона, К. Шишкова и В. Котляра. תבוא נדבת ידם על הברכה — Да будет их щедрость благословенна.

² רבי שמואל הנגיד, עמ' 272, תתקנ"ד

³ С моей точки зрения, наиболее важными современными работами в перечисленных областях являются: Beit-Arié & Sirat, 1972–1986, Beit-Arié, 1981, Narkiss, 1992, Richler, 1994, Idem 2001, SMHS, 1987, Idem, 2002, Codices, 1997–2006, Sirat, 2002. Библиографию работ по данной тематике см.: Якерсон, 2008, с. 258–264. Из ресурсов Интернета прежде всего следует выделить сайты: The Codicological Data-Base of the Hebrew Palaeography Project (sfardata.nli.org.il) и The Friedberg Genizah Project (genizah.org).

Средние века до сих пор остаются малоизученными. В частности, исследователям гораздо больше известно о приемах профессиональных переписчиков и декораторов, чем о традиции письма простых ежедневных потребителей текстов, которые копировали или сочиняли их для своего частного пользования.

Каково было отношение к письму в среде еврейских интеллектуалов Средневековья? Старались ли они писать красиво? Существовали ли какие-либо эстетические критерии письма? Образно говоря, воспринимали ли средневековые евреи почерк как «зеркало души»? На эти и подобные им вопросы частично отвечают сами сохранившиеся рукописи и документы: стиль письма, беглость или, наоборот, устойчивость почерка, приемы выравнивания левого края строки, используемые графические элементы и т.д. могут многое сказать исследователю. Тем не менее прямых свидетельств отношения просвещенных иудеев к красоте письма практически не существует.

Счастливым исключением из этого правила и, собственно, уникальным в своем роде свидетельством, фиксирующим отношение к письму в среде еврейских интеллектуалов в средневековой Европе, является «Этическое завешание» (название условное) Иехуды Ибн Тиббона. Анализу тех частей документа, которые так или иначе возвращают нас к проблеме «светской» каллиграфии, и посвящена данная статья⁴.

Прежде всего несколько слов об авторе и данном сочинении.

Иехуда бен Шаул из рода Ибн Тиббонов, или Тиббонидов (יהודה בן שאול אבן תיבון), родился около 1120 г. в Андалусии (мусульманской Испании), вероятнее всего в Гранаде. Очевидно, именно здесь он вырос и получил традиционное для просвещенных членов еврейской общины образование, включавшее изучение еврейского и арабского языков, иудаистической традиции, философии и дисциплин естественно-научного цикла. Логично предположить, что он, как и многие его собратья, был вынужден бежать из Андалусии около 1146–1148 гг., в период начала ее завоевания Алмохадами. Нам неизвестны все перипетии его, возможно, долгого странствия, но зрелые годы жизни Иехуды Ибн Тиббона прошли в Южной Франции, в Нижнем Лангедоке или, если точнее, в знаменитом центре талмудической учености, городке Люнеле. Первое упоминание о нем как об обитателе Люнеля обнаруживается в записках знаменитого

⁴ Важнейшей составляющей иудаистической традиции является переписка отдельных библейских текстов (в первую очередь Пятикнижие или Торы) в виде свитков, использующихся при публичном богослужении в синагогах или являющихся частью ритуальных предметов (свитки вкладываются в *мезузы* и в *филактерии*). Переписка свитков строжайшим образом регламентирована и прописана до мельчайших подробностей в соответствующих «руководствах» — трактатах Вавилонского Талмуда и в более поздней галахической литературе. Переписчик сакральных текстов (*софер стам*, ивр. סופר סת"ם) должен был обладать соответствующей квалификацией, критерии оценки которой лежали частично и в области эстетики письма. Совокупность навыков переписчика сакральных свитков с определенным акцентом на эстетической составляющей письма можно назвать, по остроумной характеристике современного израильского *софера* Авраама Борщевского, «кошерной», или «сакральной», каллиграфией (Борщевский, 2008).

Частично правила переписки сакральных свитков и критерии оценки «сакральной» каллиграфии распространились и на библейские тексты, переписываемые профессиональными писцами в форме кодексов, специализировавшимися, как правило, на копировании объемных фолиантов (Библия, Талмуд, молитвенники и галахические компендиумы) или кодифицированных сборников текстов (самый яркий пример — Пасхальная агада). Сохранилось достаточно примеров профессиональной еврейской каллиграфии, которые в сочетании с образцами книжного декора и иллюминации являются исключительными рукописными шедеврами. Однако подавляющее большинство книг и документов (прежде всего частных писем) создавались все же не профессиональными писцами, а непосредственными участниками интеллектуального процесса, т.е. людьми, переписывающими те или иные тексты для себя или, по крайней мере, для своих личных нужд (о традиции использования и бытования свитков в иудаистической практике см.: Якерсон, 2008, с. 69–81).

Термин «светская каллиграфия» употребляется в рамках данной статьи как антоним термину «сакральная каллиграфия».

путешественника Вениамина из Туделы⁵, называющего среди уважаемых граждан города, в частности, «врача рабби Иехуду, сына Тиббона сефарда» (Марголин, 1881, с. 9).

Хлеб насущный Иехуда Ибн Тиббон добывал как врач и купец, а в истории культуры остался как библиофил и родоначальник переводческой школы Тиббонидов⁶. Умер Иехуда Ибн Тиббон в Люнеле около 1190 г.⁷ По сути дела, информации совсем немного, но достаточно, чтобы вписать его в историко-культурный контекст региона и эпохи.

Вениамин из Туделы совершенно не случайно, упоминая Ибн Тиббона, отметил, что он сефард. Для него это не просто свидетельство происхождения последнего, это «ключевое определение» — сефард, т.е. представитель совершенно особой и оригинальной ветви еврейской культуры, сформировавшейся в мусульманской части Испании и Португалии и в регионах, находившихся в культурной зависимости от метрополии (прежде всего в Северной Африке). Точных данных о появлении евреев на Пиренейском полуострове нет. Во всяком случае, еврейское присутствие в Испании к началу периода владычества вестготов (414 г.) совершенно очевидно⁸. Завоевание Испании мусульманами (711 г.) было активно поддержано еврейским населением. На завоеванных территориях евреи наравне с христианами получили статус *зимми*, т.е. «покровительствуемой группы», члены которой платили особый налог, но пользовались полной внутренней автономией (как в религиозной, так и в правовой сфере), не подвергались религиозным гонениям (насильственной исламизации) и не были ограничены в видах деятельности⁹. Свободное участие в экономической, политической и культурной жизни процветающего региона достаточно быстро принесло свои плоды — появились выдающиеся политические деятели¹⁰, возникла совершенно оригинальная духовная и светская литература, расцвели науки, усовершенствовалась религиозно-правовая система и т.д.

Закат эпохи культурного и экономического процветания Андалусии начался с захвата ее войсками североафриканской берберской империи Альморавидов (1090–1145 гг.) и продолжался при жизни Иехуды Ибн Тиббона, когда Андалусию захватили войска пришедшей на смену Альморавидам берберской династии Альмохадов (1146–1172 гг.)¹¹. Развитие культуры в целом, а тем более культуры чужеродной при

⁵ Вениамин из Туделы (XII в.) — знаменитый еврейский путешественник, оставивший подробные путевые заметки *сефер ха-маса'от* («Книга путешествий»), ивр. ספר מסעות о своем многолетнем путешествии по Ближнему Востоку и странам Средиземноморья. Записки Вениамина из Туделы являются важнейшим источником по еврейской истории, содержат также много важных общеисторических наблюдений.

⁶ Переводчиками стали четыре поколения Тиббонидов: Иехуда, его сын Шмуэль (которому и посвящено «Завещание»; ок. 1165 — ок. 1230), внук Моше (ок. 1244 — 1283) и правнук Яков (ок. 1236 — 1306). К племени этих переводчиков следует отнести и зятя Шмуэля Ибн Тиббона Якова Анатоли (ок. 1194 — 1256). См. подробно: Robinson, 2005.

⁷ Биографические сведения восстанавливаются из текстов самого Ибн Тиббона, из предисловий к его работам и, в частности, из текста данного завещания, а также из кратких упоминаний в работах его современников и преемников. См. о нем также: Robinson, 2005, p. 199–204.

⁸ Об этом периоде еврейской истории см. подробно: Katz, 1937.

⁹ О статусе «покровительствуемых» (христиан, иудеев и зороастрийцев) в мусульманских странах см. подробно: Мец, 1966, с. 38–58.

¹⁰ Самыми яркими примерами сановников-евреев являются: дипломат и придворный врач халифа Абд ар-Рахмана III Хасдай Ибн Шапрут (ок. 915 — ок. 970) и главные визири Гранады Шмуэль ха-Нагид и его сын Иехосаф (см. о них примеч. 21).

¹¹ Я указываю период постепенного завоевания отдельных частей Андалусии Альмохадами. Альмохады контролировали те или иные части Пиренейского полуострова вплоть до середины XIII в. Последние крупные оплоты Альмохадов, Кордова и Севилья, были завоеваны христианами соответственно в 1236 и 1248 гг. По сути, это прекратило существование их империи. Испания практически полностью стала христианской. Исключение составляет Насридское княжество в Гранаде, просуществовавшее вплоть до 1492 г.

правлении фанатичных мусульманских завоевателей стало невозможным. Очевидно, именно события этого периода заставили Ибн Тиббона, как и многих других его соплеменников, искать приюта на чужбине.

Бегство Иехуды Ибн Тиббона «от Исмаила к Исаву» можно и должно рассматривать не только в рамках его личной биографии, но и гораздо шире — в общем контексте еврейской истории. При жизни Ибн Тиббона внутренние «весы» еврейской культуры постепенно начали склоняться в сторону Европы и центры национальной культуры стали перемещаться с мусульманского Востока на христианский Запад. Уже к концу XII — началу XIII в. существовали крупнейшие очаги еврейской учености в Провансе, Франции, христианской Испании, Италии и, конечно, Германии. Таким образом, все больший процент еврейского населения оказывался вне арабоязычного мира и, соответственно, над важнейшим пластом многовековой еврейской культуры на иудео-арабском языке нависла угроза забвения. Сегодня это просто невозможно себе представить, как невозможно и переоценить значение данного культурного слоя для еврейской цивилизации в целом.

В середине XII в. еврейская община города Люнеля в Нижнем Лангедоке считалась одной из самых образованных и богатых в регионе. Иехуда Ибн Тиббон начал свою переводческую деятельность именно в Люнеле под непосредственным влиянием главы общины рабби Мешуллама бен Иакова (по просьбе которого сделал свой первый перевод¹²). Вот сохранившиеся переводы Иехуды Ибн Тиббона:

- Бахья Ибн Пакуда (втор. пол. XI в.). «Сефер ховот ха-левавот»¹³ («Книга обязанностей сердец», ивр. ספר חובות הלבבות);
- Саадья Гаон (882–942) «Сефер 'эмунот ве-де'от» («Книга верований и мнений», ивр. ספר אמונות ודעות);
- Иехуда ха-Леви (не позднее 1075–1141). «Сефер ха-кузари» («Книга Кузари», ивр. ספר הכוזרי);
- Шломо Ибн Габироль (1021/22–1052–55). «Тиккун мидот ха-нефеш» («Улучшение свойств души», ивр. תיקון מדות הנפש) и «Мивхар ха-пениним» («Избранные жемчужины», ивр. מבחר הפנינים);
- Иона Ибн Джанах (пер. пол. XI в.). «Сефер ха-рикма» («Книга формообразования», ивр. ספר הרקמה) и «Сефер ха-шорашим» («Книга корней», ивр. ספר השורשים).

Следует особо подчеркнуть, что все эти сочинения без преувеличения составляют «золотой фонд» классической еврейской литературы на иудео-арабском языке. Их появление на доступном европейским евреям языке оказало колоссальное влияние на дальнейшее развитие культуры. В первую очередь это касается непосредственно провансальского еврейства (хотя, вероятно, в не меньшей степени и французского, и ашкеназского), интересы которого были сфокусированы на осмыслении сугубо галахической стороны иудаизма. Философия, этика, грамматика и лексикография библейского языка оставались вне поля зрения и мудрецов. Поэтому переводы вышеуказанных сочинений на иврит не просто обогатили еврейскую культуру христианской Европы. В определенной степени они задали вектор ее дальнейшего развития. Оригинальные сочинения Иехуды Ибн Тиббона, помимо исследуемого текста, не сохранились. Сочинение не имеет единого названия. В преамбулах к сохранившимся рукописям переписчики называют его *мусар* («назидание», ивр. מוסר), *'иггерет ха-мусар*

¹² Он пишет об этом в предисловии к переводу сочинения Бахьи Ибн Пакуды «Ховот ха-левавот».

¹³ Здесь и далее опускаются оригинальные названия сочинений на иудео-арабском языке и приводятся их переводы на иврит.

(«назидательное послание», ивр. אגרת המוסר), сам автор называет его *мусар 'ав* («отцовское назидание», ивр. מוסר אב) или просто *цавва'а* («завещание», ивр. צוואה).

Текст «Завещания» известен сегодня в четырех списках различной степени сохранности:

- Bodleian Library в Оксфорде. Часть сборника. Л. 15–21. Полный текст¹⁴.
- Stadt- und Universitätsbibliothek во Франкфурте-на-Майне. Часть сборника. Л. 7–12. Фрагмент текста.
- Biblioteca Mediceo-Laurenziana во Флоренции. Часть сборника. Л. 38–51. Полный текст.
- Biblioteca Palatina в Парме. Часть сборника. Л. [40]–[41]. Фрагмент текста¹⁵.

Микрофильмы всех вышеупомянутых списков имеются в фондах Института микрофильмированных рукописей в Иерусалиме (Institute of Microfilmed Hebrew Manuscripts, ИМНМ). Комплексное исследование списков показало, что самым ранним и наиболее полным является оксфордский список из Бодлеянской библиотеки. Данное исследование базируется в первую очередь на его тексте и учитывает незначительные различия с остальными версиями.

Краткое кодикологическое описание Оксфордского списка

Рукопись в составе конволюта. Sine loco et anno. [Circa 1300]. Пергамен. 100 листов: л. 1a, 21б, 55б, 56, 57a, 60, 61, 100b — чистые. Переплет цельнокожаный, XIX в. (?). Шифр: Mich. 50.

«Завещание» переписано на л. 15 verso–21 recto. Писец: Йоав (יואב). Текст переписан итальянским полукурсивом. Почерк переписчика более мелкий и более беглый, чем почерки, которыми переписаны другие части конволюта. Количество написанных строк не соответствует общей разлиновке листов на 30 строк, т.е. переписчик Йоав использовал «шаблонно» разлинованные листы, но не ориентировался на заданные разлиновкой размеры.

Размеры (по л. 17 verso)

Длина	Ширина	Разлинованное поле для письма	Кол-во строк текста	10 строк текста ¹⁶
179 мм	127 мм	123×86 мм	33 строки	38 мм

Фрагмент не датирован. По косвенным палеографическим (почерк), кодикологическим (структура тетрадей, приемы разлиновки листов и обработки пергамента) и филологическим признакам фрагмент можно датировать с большой долей вероятности **концом XIII — началом XIV в.**¹⁷

Колофон писца на л. 21 recto (стк. 383–391):

¹⁴ Neubauer, M DCCC LXXXVI, P. 765. N 2219/3; Beit–Arié, 1994, suppl. to no. 2219.

¹⁵ Richler, 2001. N 1570.

¹⁶ Измерение производится от верха первой строчки до верха 11-й строчки.

¹⁷ Можно отметить, что в наиболее компетентном тезаурусе еврейских датированных и косвенно датированных рукописей Sfar Data фрагмент датируется 1300–1325 гг. Terminus post quem (ранней границей) датировки может служить использование в колофоне завершающей эвлогии השם כבודך («Почитание Твое, Господь», л. 21 recto, стк. 391), которая характерна исключительно для итальянских рукописей и зафиксирована впервые в рукописи 1275 г.

נשלמה שבח לאל יי על ידי יואב א'ימ'ן¹⁸ השם ישים תכליתו בכלל יש' לטובה ויזכהו להיות מן הנכתבים לחיי העולם הבא' אמן ואמן אמן' למען שמך ייי תחיני בצדקתך תוציא מצרה נפשי ובחסדך תצמית אויביי והאבדת כל צוררי נפשי כי אני עבדך כבודך השם

Перевод: «[Сочинение] завершено. Слава Господу Богу. [Переписано] мною, Йоавом, Боже, спаси же душу мою. Господь возведет окончательно весь Израиль ко благу и удостоит его быть среди записанных к жизни¹⁹ в будущем мире. Аминь. И аминь, аминь. Во имя Имени Твоего, Господь, дай мне жизнь. В справедливости Своей спаси из беды душу мою и в милости Твоей истреби врагов моих и уничтожь всех притеснителей души моей, ибо я раб Твой²⁰. Почитание Твое, Господь».

Итак, перед нами небольшое сочинение средневекового интеллектуала. В оксфордской копии оно содержит 14 страниц обычного формата in-folio. Как и любое сочинение этого жанра, оно, естественно, полно житейской мудрости, подкрепленной большим количеством цитат из сочинения Шмуэля ха-Нагида «Бен-Мишлей» («Сын [книги] Притч», ивр. בן משלי²¹), а также профессиональных советов одного переводчика другому и одного врача другому и т.д. Сочинение корректно назвать «Этическим завещанием», так как в нем ничего не говорится о практической стороне раздела имущества. Основное сокровище, которое Иехуда Ибн Тиббон завещает сыну, — это книги и наставления по их хранению и копированию.

Каллиграфии не уделено какое-то отдельное, специальное место в «Завещании». Что может показаться странным, так как многим вопросам отводится конкретный фрагмент текста и они разбираются автором лишь один раз²². Ибн Тиббон возвращается к теме письма несколько раз в разных местах сочинения. Сведя вместе все, что относится в сочинении к каллиграфии, я попытаюсь сосредоточиться на анализе этих аспектов и сформулировать основные эстетические критерии отношения к письму просвещенного средневекового иудея, жившего на стыке культур мусульманского мира и христианской цивилизации.

Иехуда Ибн Тиббон не готовил сына к профессии писца или профессионального переписчика. Почерк, как отчасти и опрятная одежда и манера держаться, является для него «визитной карточкой» человека, внешним показателем его образования, воспитания и социального статуса. В арабской культуре обучению каллиграфии уделялось особое внимание²³. Иехуда Ибн Тиббон показывает нам, что такое же значение придавалось каллиграфии и у образованных евреев Андалусии, и эти представления они принесли с собой в места нового проживания. С одной стороны, это может показаться вполне тривиальным и естественным следствием общего сближения этих

¹⁸ Аббревиатура: אה יי מלטה נפש' («Боже, спаси же душу мою», Пс. 116:4).

¹⁹ Из данного пассажа можно сделать вывод, что рукопись была переписана в преддверии Судного дня (Йом ха-киттурим, ивр. יום הכפורים), так как в этот день, по представлениям иудеев, Господь окончательно решает, будет ли записан человек на грядущий год в Книгу жизни (Сефер ха-хайим, ивр. ספר החיים).

²⁰ Псалмы 143:11–12.

²¹ Шмуэль ха-Нагид (993–1056) — выдающийся поэт, галахист, экзегет, грамматист, лексикограф, государственный деятель и полководец, глава еврейских общин Андалусии. Шмуэль ха-Нагид является первым крупным светским поэтом Испании и самым ярким из еврейских политических деятелей Средневековья (визирь и главнокомандующий, а де-факто — полноправный правитель Гранады). После кончины Шмуэля ха-Нагида его титулы и власть перешли к старшему сыну — Иехосафу ха-Нагиду (1035–1066).

Несмотря на то что Шмуэль ха-Нагид воспринимался при жизни и в последующих поколениях как один из самых выдающихся представителей плеяды еврейских поэтов «золотого века» в Испании, предпочтение его сочинений непосредственно библейскому тексту (в первую очередь из книги «Притч») является знаменательным фактором, исключительно важным для понимания формирования литературного вкуса эпохи.

²² Например, об отношении к жене, родственникам и т.д.

²³ О значении каллиграфии для арабской культуры см., например: Халидов, 1985, с. 122–140.

культур в данный период и активного влияния на евреев арабской культурной традиции. С другой стороны, мы практически не имеем прямых свидетельств об этом и тем более текстов, в которых достаточно точно сформулированы эстетические критерии еврейской каллиграфии. Более того, сохранилось исключительно мало датированных и косвенно датированных ранних сефардских рукописей, т.е. рукописей, которые могли бы служить для нас наглядным пособием или «палеографическим ориентиром» в изучении сефардской почерковой традиции этого периода²⁴.

Основной принцип каллиграфии

Так называемое квадратное еврейское письмо (ктав мерубба', ивр. כתב מרובע)²⁵ развилось на основе арамейского алфавита и постепенно заменило бытовавшее до него и в определенный период параллельно с ним палеоеврейское письмо²⁶. Варианты квадратного письма повсеместно использовались профессионалами для переписки свитков, библейских кодексов, молитвенников и галахических компендиумов²⁷. Тем не менее подавляющее большинство текстов, охватывавших такие активно развивающиеся в Средние века области письменной культуры, как экзегетика, гомилетика, светская наука (в первую очередь медицина, астрономия, филология и философия), художественная литература, юриспруденция и частная переписка, переписывались вариациями почерков, постепенно развившихся из квадратного письма.

²⁴ Самой ранней датированной рукописью, переписанной сефардом (но вне региона Сефарад, на Ближнем Востоке), является хранящийся в РНБ (Шифр Евр II В 115) фрагмент библейской рукописи 994 г. (Codices, 1997–2006, Tome I, N 13; SMHS II, N 3).

Самой ранней рукописью, переписанной в Сефарде, является хранящаяся также в РНБ (Шифр Евр-Ар. I 2440) рукопись грамматического содержания на иудео-арабском языке, переписанная в Валенсии в 1119 г. (Codices, 1997–2006, Tome III, N 57; SMHS II, N 67).

В базе данных Палеографического проекта зафиксировано всего шесть сефардских рукописей XII в. (SfarData, № OR 015, OC 296, OR 016, OG 150, OD 266, OB 025).

²⁵ Название дано в соответствии с внешним видом большинства букв: они выписаны без наклона и имеют квадратную форму. Буквы квадратного письма приблизительно одинаковы в длину и ширину, вертикальные и горизонтальные линии букв образуют углы в 90 градусов, и они могут быть вписаны в условный квадрат. Именно это письмо является наиболее древним, восходящим непосредственно к формам арамейского письма.

²⁶ Об эволюции еврейского письма см., например: Yardeni, 1997. В виде краткой справки можно отметить, что квадратное еврейское письмо возникло на базе арамейского алфавита приблизительно в IV–III вв. до н.э. В предшествующий длительный период еврейской истории (от эпохи Судей до разрушения Первого Храма и Вавилонского плена, т.е. с XI по VI в. до н.э.) жители Иудейского и Израильского царств использовали другое письмо, развившееся непосредственно из финикийского (в научной терминологии — «палеоеврейское письмо»). Наиболее ранним из сохранившихся примеров данного письма является так называемый календарь из Гезера (*luah gazer*; ивр. לוח גזר) — небольшая надпись (7 строк; 111×72 мм) периода царствования царя Соломона (X в. до н.э.) с перечислением последовательности сельскохозяйственных работ. Надпись многократно публиковалась.

С V–IV вв. до н.э. палеоеврейское письмо сосуществует с общерегиональным арамейским письмом, из которого формируется непосредственно еврейское письмо. В течение достаточно длительного периода оба вида письма для записи текстов на иврите существовали параллельно, хотя узус палеоеврейского письма имел тенденцию к сужению: оно употреблялась или как сакрализованное, или как сугубо национальное, в отличие от общерегионального «международного». Например, в палеоеврейской графике выписывалось сакральное имя Бога (тетраграмматон, יהוה) в текстах, записанных уже квадратным письмом (примерами чему являются многие кумранские свитки), чеканились легенды на монетах периода династии Маккавеев (152–37 гг. до н.э.) и даже периода восстания Бар-Кохбы (132–135 гг. н.э.). Во II в. н.э., после поражения восстания Бар-Кохбы, палеоеврейское письмо было окончательно вытеснено квадратным алфавитом. Однако история бытования палеоеврейского письма не закончилась, оно, в незначительно измененном виде, существует и сегодня как самаритянское письмо.

²⁷ В средневековых текстах квадратное письмо называли также «ктав 'ашури» (ассирийское письмо; וכתב אשורי), не делая, таким образом, различия между арамейским алфавитом (реальным ассирийским письмом) и развившимся из него еврейским.

Самым ранним типом письма является письмо, возникшее на Ближнем Востоке²⁸, но наиболее распространенным и каллиграфически сложным типом письма является сефардское письмо. Этот тип письма был изначально распространен в Испании, Португалии, Провансе и Нижнем Лангедоке, Марокко, Алжире и Тунисе. Однако в дальнейшем, вследствие естественной и вынужденной миграции сефардов²⁹, он распространился по территории Османской империи и укоренился в Западной Европе (в странах Леванта, в Италии, Франции, Нидерландах, Англии, Германии и пр.). Уникальным представляется тот факт, что носители данного типа письма сумели не просто сохранить свой стиль в местах нового проживания, но в отдельных регионах превратили его в доминирующий. Так произошло, например, в христианской Испании, где сефардский тип письма, похожий на арабскую вязь и сформировавшийся в значительной степени под влиянием арабского письма, не только поглотил местные варианты письма, но даже усилил свои отличительные черты. А дальнейшая миграция сефардов создала почву для его существования практически повсеместно. В результате именно сефардское письмо в последней трети XV столетия легло в основу стандартизирующейся формы шрифтов первопечатных книг³⁰ и, как результат этого процесса, превратилось в современный стандартный израильский шрифт.

Иехуда Ибн Тиббон писал сефардским письмом, и можно с уверенностью сказать, что так же писали его сын Шмуэль и все остальные Тиббониды. Какие же критерии благородного письма формулирует автор «Завещания»?

Основным критерием «добротности» письма является преемственность почерковой традиции: писать так, чтобы твое письмо невозможно было отличить от письма твоего учителя (т.е. исключить индивидуальные черты письма), — значит писать очень хорошо.

והלא ראינו בנו של ר' ששת והוא בן י"ב שנים כתיבתו דומה לכתיבת רבו ר' פטור וכאלו היא בעצמה

Перевод: «Ведь ты видел сына р. Шешета³¹, которому 12 лет, а почерк у него так похож на почерк его учителя р. Патура, что [кажется], будто это он и есть» (стк. 54–55)³².

Данное замечание исключительно важно для понимания развития еврейского письма и, соответственно, научных критериев его изучения в рамках современной еврейской палеографии: именно этот принцип подражательности как основы письма объясняет тот факт, что еврейское средневековое письмо отличалось исключительной консервативностью. Формы букв практически не изменялись в геохронологическом срезе, т.е. их изменения происходили крайне медленно и мало зависели от географи-

²⁸ Самой ранней датированной рукописью, переписанной на Ближнем Востоке, является знаменитый Codex Babylonicus Petropolitanus (Петербургский вавилонский кодекс) — рукопись «Поздних Пророков» с вавилонской вокализацией и акцентами, большой и малой масорой (Sine loco [Восток], тишрей 1228 года [по эре контрактов] (сентябрь–октябрь 916 года), хранящаяся в РНБ (Шифр: Евр. I В 3). См.: Harkavy & Strack, 1875, p. 223–235; Codices, vol. I, № 3; Якерсон, 2008, № 56, 69, 71.

В виде глоссы можно отметить, что современная палеография выделяет пять основных геокультурных зон, в которых сформировалось пять основных типов еврейского средневекового письма: 1) Восток (мизрах, מזרח). Включает следующие современные регионы: Йемен, Египет, Палестину, Сирию, Восточную Турцию, Ирак, Персию, Узбекистан; 2) Сефарад (ספרד), см. выше в тексте; 3) Ашкеназ (אשכנז). Включает Центральную и Северную Францию, Англию, Германию и Восточную Европу; 4) Италия (איטליה); 5) Византия (ביזנטיון). Включает Западную Турцию, Балканский полуостров и Крит (Beit-Arié, 1981, p. 17).

²⁹ Трагически известные изгнания евреев из Испании в 1492 г., Португалии в 1496 г. и Прованса в 1501 г.

³⁰ После нескольких попыток печати литерами, копирующими различные типы письма (ашкеназский в Пиове ди Сакко, итальянский в Болонье, Мантуе и Ферраре и т.д.), первопечатники-ашкеназы, выходцы из Германии, в небольшом итальянском городке Сончино начали печатать книги шрифтами, копирующими сефардское квадратное письмо и сефардский полукурсив. Именно эти шрифты используются и сегодня.

³¹ См. о нем в конце статьи.

³² Здесь и далее номера (№) строк указаны в соответствии с Оксфордским списком.

ческого перемещения носителей того или иного почерка³³. Этот же подход подкрепляется и другим постулатом — помни, что настоящий устойчивый почерк вырабатывается многолетней практикой и ежедневными тренировками:

אמר אלי והלא יספיק אם ילמד אות אחת לשנה

Перевод: «Сказал мне [учитель каллиграфии. — С.Я.]: ведь будет достаточно, если он выучится [писать правильно] одну букву в год» (стк. 53).

בני קבל עליך לכתוב עלה אחת בכל יום

Перевод: «Сын мой! Прими себе [за правило] копировать по листу ежедневно» (стк. 108–109).

Можно отметить, что лишь в «Завещании», насколько я могу судить, указана и оплата учителя-каллиграфа:

הלא תזכור שהייתי נותן למשכיל ר' יעקב בן הנדיב ר' עובדיה רבך שלשים דינר זהב בכל שנה

Перевод: «Вспомни-ка, что я платил просвещенному р. Якову, сыну благородного р. Овады, учителю твоему, по тридцати золотых динаров каждый год» (стк. 51–52).

Сегодня невозможно (или, по крайней мере, мне не удалось) точно определить стоимость золотого динара, самой распространенной монеты мусульманского мира, широко использовавшейся и за его пределами, в Люнеле середины XII в. Однако можно отметить, что это были «приличные деньги». В частности, С. Гойтейн указывает, что месячное жалование среднего служащего общины, по документам Каирской генизы, составляло 2 динара, а высококвалифицированного каменщика с 7-дневной рабочей неделей — 4 динара³⁴, а О.Г. Большаков отмечает, что прожиточный минимум семьи из двух взрослых и троих детей составлял около 1,5 динара в месяц³⁵.

Практические советы по каллиграфии

В средневековом сефардском письме, помимо уже упоминавшегося квадратного письма, четко различаются также полукурсивное и курсивное письмо³⁶. С некоторой долей условности можно отметить, что в практической сфере Ибн Тиббоны и их просвещенные современники в подавляющем большинстве случаев должны были пользоваться этими двумя последними видами письма.

Сефардское полукурсивное письмо (ктав бейнони, כתב בינוני)³⁷ имеет приблизительно такую же структуру большинства букв, но их форма менее строгая — возможен на-

³³ Именно поэтому почерк может сказать нам больше о происхождении его носителя, чем о времени и тем более месте написания того или иного письменного памятника.

³⁴ Goitein, 1967–1988, Vol. 3, p. X.

³⁵ Большаков, 1984, с. 210.

³⁶ Например, в восточном письме такую четкую границу провести гораздо сложнее, и можно говорить скорее о двух видах — квадратном и полукурсиве. Факсимиле разнообразных видов восточного письма см. SMHS, I.

³⁷ В раввинистической, христианско-гебраистической и в старой научной литературе для обозначения этого вида письма (и различных стадий его развития) можно встретить и другие названия: *ктав мерубба* 'ל-*мехеца* (полуквадратное письмо, כתב מרובע למחצה) или *хацц мерубба* 'ל-*мехеца* (כתב מרובע), *ктав рахут ле-мехеца* (полукурсивное письмо, כתב רהוט למחצה), *ктав раббани* (раввинское письмо, כתב רבני), *ктав раши* (письмо Раши, כתב ראשי), *ктав бе-хацц кулмос* (письмо в полпера, כתב בקצי, קולמוס), а также различные еврейские формы, образованные от арабского вида письма *mashk*. Этот термин укоренился как в ашкеназских (в формах: משקוט, משקוט, משקוט, משקוט, משקוט, משקוט), так и в сефардских источниках (в формах: משקוט, משקוט, משקוט, משקוט, משקוט, משקוט). О происхождении различных терминов для обозначения полукурсивного письма и непосредственно о происхождении термина *к'тав бейнони* см. подробнее: SMHS, I, p. 10–12.

Интересно отметить, что сефардское полукурсивное письмо называлось самими сефярдами также «провансальским» (פרובанסלי), см.: SMHS, II, примеч. 2.

клон, очертания букв становятся более округлыми (неряшливыми?), и число штрихов в написании каждой буквы сокращается. Буквы такого письма сложно вписать в условный квадрат. Курсивное письмо (ктав рахут, כתב רהוט) отличается тем, что количество штрихов, необходимых для написания буквы, сокращается в нем до минимума, нередко до одного штриха, буквы сужаются, письмо становится более беглым, с ярко выраженной тенденцией лигатурного написания букв или их отдельных элементов или вписывания одних букв в другие. Сефардское курсивное письмо объективно является самым сложным для дешифровки, сегодня его чтение требует специальной палеографической подготовки.

Какие же критерии образцового сефардского письма формулирует в наставлении Ибн Тиббон?

והשתדל להיטיב כתיבתך כפי יכולתך ואל תרגיל להיות כתיבת אותיות קצרות ומובלעות זו בזו אך הרגל עצמך לעשותם ארוכות ומרוחות ועומדות. ואל תבליע היוד בין אות לאות כאשר אתה רגיל אך עשה אותה בקו היושר. ומנא'וי³⁸ ומנאי הכתיבה והכתב שיהיו הלמדין ארוכות למעלה וצואריהם נטוי על קו היושר וכן הקופין והכפין והגון הארוכה שיהיו שוקיהן למטה ארוכים³⁹ ושיוין⁴⁰ ומן הזרזות בכתיבה שאם יתקבצו למדין או נונין או קופין או כפין בשטה אחת שלא תהיה אחת קצרה מחברתה ולא ארוכה מחברתה

Перевод: «Старайся улучшить свой почерк, по мере сил своих. И не привыкай писать так, что буквы становятся короткими и залезают одна на другую. А приучай себя выписывать их длинными, „просторными“ и стоящими [по отдельности]. И не вписывай букву „йод“ в пространство между другими буквами, как ты обычно делаешь. А пиши ее четко и прямо. Еще одним признаком красоты письма являются буквы „ламед“, удлиненные в верхней части, „шей“ которых вытянуты по прямой линии вверх. Так же „бедр“ [т.е. нижние части. — С.Я.] букв „коф“, „каф“ и „нун“, уходящие ниже строки, пусть будут длинными и одного размера. И о беглом письме: [помни], что, если на одной строчке повторяются несколько раз буквы „ламед“, или „нун“, или „коф“, или „каф“, нельзя, чтобы одна оказалась короче или длиннее другой» (стк. 154–160).

И далее:

שים דעתך שיהיו ישרות וערך כל אחת מהנה אל חברתה שיהיו שולל תהיה אחת עולה למעלה ואחת יורדת למטה.

Перевод: «Обрати внимание на то, чтобы строчки твои были ровными. И чтобы длина строк была одинаковой. И чтобы не получилось, что одна из них поднимается вверх, а другая опускается вниз» (стк. 163–164).

В этих пассажах следует выделить рекомендации общего и более частного характера. Общие рекомендации вызваны стремлением к гармонизации текста (т.е. уравновешенному соотношению всех компонентов текста в пространстве строки и листа в целом). Прежде всего необходимо соблюдать пропорции равнозначных элементов различных букв, правильное соотношение между буквами в слове и выверенное расстояние между словами в строке⁴¹. В первую очередь это касается длины выходящих

³⁸ Переписчик спутал порядок букв в слове, отменил его графически (надстрочной чертой) и рядом написал его заново правильно. Вариант написания в списках из Франкфурта-на-Майне и Пармы: ומנאי.

³⁹ Франкфурт-на-Майне: ישרים («прямые»); Парма: פשוטים («простые»).

⁴⁰ Франкфурт-на-Майне: ושיוין למטה («и одинаковые снизу», т.е. равной длины).

⁴¹ В средневековом еврейском письме не использовался перенос слов, и поэтому требование одинаковых по длине строк в границах одного листа было не просто выполнить. Использовались различные приемы выравнивания строки: изменение формы букв (т.е. расширение или сужение определенных элементов буквы); использование графических элементов (как правило, волнообразные или прямые линии в сочетании с

вниз за строчку элементов букв «коф» (ק) и конечных «нун» (ן) и «каф» (כ), но в общем относится и к остальным 24 знакам еврейского алфавита⁴².

Однако гораздо более интересными и важными являются практические каллиграфические советы Иехуды Ибн Тиббона. Сефардское письмо, как уже отмечалось выше, развивалось на базе восточного еврейского письма под непосредственным влиянием арабской каллиграфической традиции. Формирование сефардского полукурсивного и курсивного письма происходило непосредственно в период Тиббонидов или несколько ранее. Иехуда Ибн Тиббон перечисляет те приемы письма, которые, по его мнению, свидетельствуют о «дурновкусье» пишущего. Но именно они с течением времени превратятся (а может быть, и уже превратились в период написания «Завещания», но у нас нет этому достаточных доказательств) в характернейшие признаки изящества сефардских курсива и полукурсива. Именно в сефардском письме маленькая по размеру буква «йод» практически всегда будет вписываться в пространство соседних букв, да и вообще все буквы будут тяготеть к слитному написанию, «налезая одна на другую». Это можно видеть практически во всех образцах курсивного и полукурсивного сефардского средневекового письма⁴³. Что же получается? В XII в. активно развивается тип сефардского письма, формирующиеся отличительные черты которого категорически не нравятся носителю высокой культуры. Интересно понять, что же служило в глазах Иехуды Ибн Тиббона образцом истинного возвышенного стиля? С моей точки зрения, таким образом в его глазах является восточный тип письма, распространенный в основных «старых» центрах еврейской культуры. То есть тот тип, от которого, собственно, и отпочковалось, превратившись в самостоятельное, сефардское письмо. В письме, как в зеркале, отразились более глобальные культурные явления, о которых кратко упоминалось выше. Великие достижения сефардской еврейской культуры выросли на почве достижений культуры «старого света» — знаменитых центров еврейской учености Ближнего Востока, Багдада, Фустата, Алеппо, Иерусалима и др.

Как я уже отмечал, в восточном письме доминировали квадратный и полукурсивный (в данном случае даже скорее уместно его определение как «полуквадратного») типы письма, в которых каждая буква выписывалась отдельно, и одним из главных эстетических критериев красоты письма была форма буквы «ламед» с преувеличенно удлиненной верхней частью («шеей»), вытянутой по прямой линии вверх.

Об инструментах письма

Помимо каллиграфических навыков пишущего, красота письма зависит от качества трех вещей — инструмента для письма, чернил и писчего материала. Для письма использовали калам, заостренный стебель тростника или камыша, или птичье перо. Использование тростника или камыша характерно для Востока, а птичьего пера (предпочтительно гусиного), соответственно, для Запада. Хронология замены калама на птичье перо в Европе до сих пор является спорным вопросом в истории латинской

точками, отдельные буквы или их части); повторение текста (например, запись одной или нескольких букв первого слова следующей строки в конце предыдущей и т.д.). Как правило, в границах одной рукописи или даже одного листа комбинированно использовались различные приемы выравнивания строк. См. об этом подробнее: Якерсон, 2003, с. 67–70.

⁴² Всего еврейский алфавит состоит из 22 букв, 5 из которых имеют особую форму записи на конце слова.

⁴³ Самым репрезентативным образцом разновидностей сефардского письма является уже неоднократно цитировавшийся второй выпуск *Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts (SMHS II)*, который включает факсимиле 146 образцов переходных, полукурсивных и курсивных почерков XI–XVI вв.

палеографии, и ее периодизация колеблется от VI в. (Люблинская, 1969, с. 30) до XII в. (Добиаш-Рождественская, 1987, с. 50). Понятно, что процесс этот был постепенным. От инструмента в работе писца зависело многое: правильная заточка определяла толщину линий, одинаковое наполнение графических знаков чернилами и даже скорость письма. Для письма тростниковым или камышовым инструментом характерны линии одной толщины, для гусиного пера характерным является сочетание тонких и толстых линий (особенно для ашкеназского письма). Вероятнее всего, в период Тиббонидов в Испании и Южной Франции также могли использоваться оба вида перьев⁴⁴.

Чернила должны были соответствовать определенным стандартам: они должны были крепко держаться на поверхности материала, но и не должны были проедать его. Работа с рукописями наглядно показывает, что изготовление таких чернил было совсем непростым делом — во многих бумажных рукописях листы насквозь «проедены» чернилами, а в пергаменных, в свою очередь, чернила частично утрачены, чаще — на мясной стороне. Чернила могли сохраняться в виде порошка (сухие чернила) и в жидком виде. В еврейской литературе зафиксировано немало рецептов чернил⁴⁵.

Можно добавить, что в сефардских рукописях нередко использовались чернила с добавлением серебра или золота.

Материалами для писания в исследуемый период являлись пергамен и бумага. Никакого специального «еврейского» рецепта для изготовления этих материалов или их выделки и обработки для письма не существовало, и еврейские книги, как и все другие, создавались согласно существовавшей в данный период и в данном регионе технологии⁴⁶.

Секрет изготовления так называемой китайской (по месту изобретения) бумаги стал известен на Ближнем Востоке в VIII в. и в рекордно короткие сроки распространился по необъятным территориям Аббасидского халифата и вне его пределов. Бумага стала наиболее доступным и распространенным видом писчего материала на Востоке⁴⁷. Однако прошло еще несколько столетий, прежде чем было налажено производство бумаги в Европе. Начало этого процесса датируется второй половиной XII столетия⁴⁸.

⁴⁴ Например, Добиаш-Рождественская приводит интересные свидетельства авторов VI и XII вв. (Исидора Севильского и Петра Почтенного) о соседстве калама и птичьего пера (Добиаш-Рождественская, 1987, с. 50).

В принципе, общие очертания букв сефардского курсивного и полукурсивного письма говорят в пользу того, что для записи использовалось камышовое перо, но точных доказательств этого нет.

⁴⁵ См., например, рецепты чернил (с переводом на рус. яз.) из «Мишне Тора» (Повторение закона, משנה תורה) Маймонида: Якерсон, 2003, с. 63; idem, 2008, с. 93.

⁴⁶ О технологии обработки пергамена и об изготовлении бумаги см. подробнее: Якерсон, 2003, с. 37–42.

⁴⁷ На сегодняшний день самая ранняя датированная арабская бумажная рукопись — 848 г. (хранится в районной библиотеке в Александрии; была обнаружена М. Бейт-Арье, по Beit-Arié, 1999, p. 44); самая ранняя еврейская датированная бумажная рукопись: Якуб ал-Киркисани (אלקרקסאני). «Китаб ал-анвар ва-л-маракиб» («Книга огней и вышек»; כתאב אל־אנאר ואל־מראקב). Фустат (פוסטאט). 1006 г. 78 л. Бумага. Хранение: РНБ. Шифр: Евр-Ар I 4520 (Codices, 1997–2006, Vol. I, N 16). Подчеркнем, что имеется в виду именно рукопись (78 л.), а не фрагмент (самый ранний датированный фрагмент (4 л.) старше на год и хранится в CUL, Шифр T-S 8 Ca 1; Codices, 1997–2006, Vol. I, N 15).

О значении производства восточной бумаги для распространения книжной культуры на территории Аббасидского халифата см. также (Халидов, 1985, с. 163–165).

⁴⁸ Хронология начала производства бумаги в Европе в рассматриваемый нами период выглядит следующим образом: Испания — 1151 г., Италия — 1276 г., Франция — 1348 г., Германия — 1390 г., Швейцария — 1411 г., Польша — 1491 г., Англия — 1494 г., Австрия — 1498 г., Богемия — 1499 г. (Hunter, 1978, p. 473–480).

Иехуда Ибн Тиббон не дает нам рецептов чернил и не оставляет правил заточки перья, однако он совершенно точно осознает всю важность правильного выбора инструментов и материала. Он пишет:

ויפה כתבך וכתיתבך והטיב מלאכת קולמוסיך והדיו אשר תהיה כותב בו יהיה טוב במראה ואגרתך תהיה טובה מאד כפי יכלתך אלא אם תכתוב בעת שלא יזמן לך אחת מאלה ובשעה דחוקה ובדבר נחוץ כי יפי הכתב בכתיבה ויפי הכתיבה בקולמוס ובאגר ודיו ויפי כתב האגרת מורה עלי יקרת הכותב

Перевод: «Улучшай свой почерк и свое письмо. И тщательно затачивай перо и следы, чтобы чернила, которыми ты пишешь, хорошо смотрелись. И чтобы написанное тобой было очень красивым в меру сил твоих. Если только ты будешь [вынужден] писать по срочному делу в ту пору, когда у тебя не окажется того или другого [должного качества]. Ибо красота письма в почерке, а красота почерка в пере, писчем материале и чернилах, а красота почерка письма указывает на важность пишущего» (стк. 150–153).

Во всех сохранившихся списках сочинения употреблены понятные термины для обозначения пера (*кульмос*, ивр. קולמוס) и чернил (*д'йо*, ивр. דיו). Сложнее обстоит дело с определением «писчего материала». В Оксфордском списке употреблен этимологически непонятный термин *'gr* (אגר), который в контексте изложения безусловно обозначает материал для письма. Этимологический словарь Бен-Иехуды указывает существительное *'ger* в значении «бумага» (Бен-Иехуда, т. 1, с. 49, стлб. 2), но дает ссылку на употребление этого слова лишь в нашем сочинении. В списке, хранящемся во Франкуфрте-на-Майне, сомнительное и непонятное переписчику слово אגר пропущено: ויפי הכתב [ב] בקולמוסים ובדיו («А красота почерка в перьях и в чернилах»). Во флорентийском варианте текста оно заменено на понятное слово «кожа» (*'or*, ивр. עור), которое в данном контексте, безусловно, обозначает пергамен.

Об арабской каллиграфии

Переводчик с иудео-арабского языка, конечно, должен быть начитан и в оригинальных арабских текстах. Однако, по мнению Иехуды Ибн Тиббона, этого не достаточно, он должен также владеть важнейшим инструментом арабской культуры, «ключом» к сердцам ее ценителей, а именно арабской каллиграфией. Об этом совершенно недвусмысленно сказано в «Завещании». Он пишет:

גם כתיבת הערבי שהחלות ללמוד אותה היום שבע שנים ועוד הייתי מפיס אותך עליה ולא רצית לעולם שמוע אלי ואתה יודע כי הגדולים שבעמנו לא הגיעו אל הגדולה והמעלות הרמות כי בכתיבת הערבי כבר ראית משספר הנגיד ז"ל מן הגדולה שהגיעה אליה בעבורה באמרו. עט אני חסדך מספר וכול' ומה שהגיע בנו אחריו גם כן מן הגדולה בה גם בארץ הזאת אתה רואה כי הנשיא ר' ששת ז"ל הגיע בה אל העושר והכבוד גם במלכות ישמעאל ובה יצא מכל חובותיו ועשה כל הוצאותיו הגדולות ונדבותיו

Перевод: «...Так же [обстоит дело] с арабским письмом, которому ты начал обучаться семь лет тому назад. Я упрасивал тебя заняться [им], а ты ведь не хотел прислушаться ко мне. Хотя ты и знаешь, что наши выдающиеся мужи не достигли бы величия и высокого положения, если бы [не их познания] в арабском письме. Тебе же известно, что поведал блаженной памяти ха-Нагид о величии, которого он достиг благодаря этому. Он говорил: „Перо, я поведу милость твою“⁴⁹ и т.д. Так же и сын его после него достиг величия этим. Да и в этой стране, ты же видишь, что ха-Наси рабби Шешет, да будет память его благословенна, достиг этим богат-

⁴⁹ Полный текст стихотворения приведен в виде эпиграфа к данной статье.

ства и почета, так же как и в мусульманском королевстве, где он рассчитался со всеми долгами и осуществил свои большие расходы и пожертвования» (стк. 45–51).

В тексте приведены два примера — из прошлого и из настоящего. Прежде всего это пример из жизни главного литературного авторитета автора, Шмуэля ха-Нагида (см. о нем примеч. 21). Он является, если так можно выразиться, хрестоматийным. То, что бежавший из Кордовы в период нашествия берберов (в 1013 г.) и потерявший все Шмуэль ха-Нагид начал свою головокружительную карьеру в Гранадском королевстве благодаря блестящему знанию арабского языка и виртуозному владению арабской каллиграфией, упоминается в важнейшем еврейском историографическом сочинении Средневековья — трактате современника Иехуда Ибн Тиббона Авраама Ибн Дауда⁵⁰ «Сефер ха-каббала» («Книга преемственности», ивр. ספר הקבלה)⁵¹:

ומגדולי תלמידיו היה רב שמואל הלוי הנגיד בר' יוסף הידוע אבן נגרילה מקהל קורטובה היה תלמיד חכם מן המשכילים הגדולים ועוד היה בקי בספרי הישמעאלים ובלשונם ומאשר כח בהם לעמוד בהיכל המלך. והיה רוכל מפרנס את עצמו בצער עד שהיו ימי חירום בספרד לאחר שנספקה מלכות בני אבן אבי עמאר וגברו סרני פלשתים. ונדלדלה מדינת קורטובה וברחו יושביה יש מי שברח לסרקוסטה ועוד זרעם שם עד היום. ויש מי שברח לטוליטולה וזרעם ניכר שם עד היום. ור' שמואל הלוי זה ברח למלאקה והיה יושב בחנות והוא רוכל. והיתה חנותו סמוכה לחצר אבן אלעריף סופר המלך חבוס בן מאכס מלך פלשתים בגראנטה. והיתה שפחת הסופר מפייסת ממנו וכותב ספרים לאדוניה המשנה אבו אל קאס בן אלעריף, והיה רואה ספריו ותמה מחכמתו. ולקץ ימים נשאל משנה זה אלעריף ממלכו חבוס לשוב לביתו למלאקה ושאל את אנשי ביתו מי היה כותב לכם הספרים הבאים אלי. אמרו לו יהודי אחד סמוך לחצר מקהל קורטובה הוא כותב לנו. מיד צוה הסופר והריצו אליו ר' שמואל הלוי. ואמר לו אין אתה ראוי לשבת בחנות אל תסור ממני ימין ושמאל. ונעשה סופרו ויועצו והוא היה יועץ המלך

Перевод: «Среди его [рабби Ханоха⁵². — С.М.] выдающихся учеников был рав Шмуэль ха-Леви ха-Нагид сын рабби Иосефа, известный как Ибн Нагрела из общины Кордовы. Он был одним из самых образованных законоучителей и также был знатоком писаний измаильян и их языка и в силу этого он [добился] положения при царском дворе. А был он мелким торговцем⁵³, с трудом кормившим себя. Пока не наступили тревожные времена в Андалусии, после того как закончилось царство сынов Ибн Ави Амара и одержали верх цари берберов⁵⁴ и пришел в упадок Кордовский халифат. И спасались бегством жители его. Были те, кто бежал в Сарагосу, и потомки их и поныне там, а были те, кто бежал в Толедо, и потомки их заметны там и сегодня. А этот рабби Шмуэль ха-Леви бежал в Малагу, и там у него была лавка, и он был мелким торговцем. А лавка его была

⁵⁰ Авраам бен Леви Ибн Дауд (1110, Кордова — ок. 1180, Толедо; акроним РаБад; רבבד) — историк и философ. Основным сочинением Ибн Дауда является вышеупомянутая историческая хроника «Сефер ха-каббала», которая до сегодняшнего дня считается важнейшим источником по истории евреев Сефарада. Как философ Ибн Дауд был последовательным аристотельянцем, во многом предвосхитившим философские заключения Маймонида (о его философской концепции см.: Сират, 2003, с. 221–241).

⁵¹ Еврейский текст цитируется по изданию: Cohen, 1969. Перевод мой. — С.Я.

⁵² Рабби Ханох бен Моше из Кордовы (ум. 1014 г.) — испанский талмудист, сын выдающегося раввинского авторитета и главы иешивы Кордовы рабби Моше бен Ханоха (ум. ок. 965 г.). После смерти отца возглавил кордовскую иешиву, воспитал плеяду учеников и продолжил начатую отцом борьбу за освобождение евреев Андалусии от Вавилонской гегемонии в области галахи.

⁵³ В ориг. רוכל — мелкий торговец в розницу. Возможно, Ибн Дауд имел в виду более узкое значение слова, соответствующее его пониманию в библейских переводах (Септуагинте и Вульгате) 6-го стиха 3-й главы Песни песней — торговец пряностями. Ср.: Дьяконов, Коган, 1998. С. 282.

⁵⁴ В ориг. סרני פלשתים — воеводы филистимлян.

неподалеку от дворца Ибн Ал-Арифа, визиря⁵⁵ царя Хаббуса, сына Махсана⁵⁶, царя берберов в Гранаде. И служанка визиря упрасивала его, и он писал [за нее] письма ее господину второму [лицу в государстве] Абу ал-Касим Бен Ал-Арифу. И когда тот видел эти записи [т.е. изящество, с которым они написаны. — С.Я.], то поражался мудрости [писавшего] их. Через какое-то время царем Хаббасом было велено этому визирю Ал-Арифу вернуться к себе домой в Малагу. [Вернувшись,] он спросил своих слуг, кто писал для них те письма, которые он получал. Ответали ему: „Один еврей, [торгующий] рядом с твоим дворцом, выходец из Кордовы, он писал для нас“. Тотчас приказал визирь привести к нему рабби Шмуэля ха-Леви. И сказал ему: „Негоже тебе сидеть в лавке. Не отходи от меня ни на шаг“. И сделался он его секретарем и советником. А он [визирь] был советником царя».

Сын Шмуэля ха-Нагида, Иехосаф, отмечал в своем предисловии к Дивану отца, который он составлял (и это предисловие, очевидно, было известно Иехуде Ибн Тиббону), что он с малых лет занимался переписыванием книг, и прежде всего отцовских сочинений⁵⁷. То, что в его обучении уделялось особое внимание искусству письма и всячески поощрялось переписывание текстов, видно, в частности, на примере стихотворения, присланного Иехосафу отцом по случаю получения переписанного им материала⁵⁸:

<i>Прозаическая прамбула:</i> И в отрочестве он [отец] наказывал мне переписывать и обещал вознаграждение за каждую [скопированную] книгу, и я послал ему то, что переписал, и он написал мне:	[Оригинал, иудео-арабский яз.]: וכלפני אן אנסך פי צבאי וועדני עלי כל כראסה בצלה ובעתת אליה מה נסכת פכתא אלי [Перевод на иврит]: וצוני להעתיק בנעורותי והבטיחני על כל מחברת מתת ושלחתי אליו מה שהעתיקתי וכתב אלי
Переписанное тобой прекрасно, как оправленный сапфирами изумруд,	פתיבתך מהדרת / פכרית מספרת ⁵⁹
И столбцы выровнены, как вышивка на плаще,	נטוריה מישורים / כמו רקמה ב־אֶדְרֶת
И приятны для глаза [ровные строки], как первые плоды,	ונחמדים לעינים / כמו פגי מבכרת
И их запах ⁶⁰ как аромат мирры, воскуряемой пред невестой ⁶¹ ,	וריקמו כריח מר / עלי כלה מקטרת
Пиши, читай и сердце к вере обращай ⁶² .	כת ב וקרא ושים לבך / לדת ארון וכפרת

⁵⁵ В ориг. סופר — писец. В данном значении «секретарь» (эквивалентно арабскому термину *kاتب*), «верховный писарь» или визирь — одно из самых влиятельных лиц в иерархии чиновников мусульманского мира, часто — второе лицо в государстве.

⁵⁶ Хаббус ибн Максан (годы правления 1019–1038) — эмир Гранады из династии Зиридов.

⁵⁷ Например, сборник сочинений отца «Бен-Т^схиллим» был составлен им в возрасте восьми с половиной лет. См. предисловие Иехосафа к «Бен-Т^схиллим» (Hanagid Shmuel, 1966, с. 1, 337).

⁵⁸ *Idem*, с. 34. Размер: ха-марнин (המרנין).

⁵⁹ Вариант: מסדרת («упорядоченный»), *Schirman*. Hebrew Poetry in Spain and Provence, Vol. 1, Part 1, p. 119.

⁶⁰ Письма опрыскивали ароматизированной жидкостью (духами) со стойким душистым запахом. Мотив ароматизированных книг повторяется в нескольких стихотворениях Шмуэля ха-Нагида, ср., например: Hanagid Shmuel, 1966, א, с. 41 (ובלבונה מקטרת / מאדמת במי כרם ובלבונה מקטרת) «В письмеце, к крыльям [голубки] прикрепленном, красноватом от шафрана вод и источающем аромат ладана») или *idem*, р. 23 (ספרים מריחים, источающие благоухания книги/письма).

⁶¹ Ср.: Песнь песней, 3, 6.

⁶² Дословный перевод «и обрати свое сердце к Закону, [хранящемуся] в ковчеге [накрытом] покрывалом». Ср.: Исход 25, 21.

И коли будешь продолжать [переписывать], то и я увеличу твое вознаграждение [за этот труд].	וְאִם תוֹסִיף – לְךָ אוֹסִיף / מְחִיר הַרְבֵּה וּמִשְׁכָּרְךָ
Иехосаф — твои письма [начертаны] пером железным ⁶³ , и послание,	יְהוֹסָפָת, אִם כְּתִבְתָּמוֹ / בְּעֵט בְּרִזָּל וְאַתָּה -
написанное тобой, отпечталось в самой глубине моей души ⁶⁴ .	מִקְרָב אֶת נְחֹרוֹת עַל / כְּבֹדִי, לֹא בִיּוֹתְרָה
Любовь к тебе прочно укрепилась в сердце моем, [стала] его достоянием ⁶⁵ .	וְלֶךְ אֶהְיֶה לְקִיר לְבִי / וּמִוֶּרְשִׁי מִקְרָבְךָ
И [пусть] мое тебе назидание явно, но любовь моя скрыта [в сердце] ⁶⁶ .	וְתוֹכְהִתִּי מִגִּלְיָה לֶךְ / וְאַהֲבָתִי מִסְתָּרָה

Ха-Наси рабби Шешет бен Ицхак — одни из наиболее влиятельных, известных и образованных евреев христианской Испании второй половины XII в. Ученый, поэт и щедрый меценат, он был придворным медиком и казначеем королей Арагона Альфонса II (Alfonso, 1157–1196, годы правления: 1162–1196) и его сына Педро II (Pedro, 1174–1213, годы правления: 1196–1213). Традиционно еврейские сановники такого ранга выполняли и деликатные дипломатические поручения правителей. В частности, рабби Шешет неоднократно выполнял дипломатические миссии в Андалусии. Так что его пример закономерен: владение понятийным аппаратом арабской культуры, в котором каллиграфии отводится очень важная роль, необходимо для удачного ведения дел в арабоязычном мире и среди представителей или ценителей этой культуры за его пределами.

Говоря о принципах арабской каллиграфии, Иехуда Ибн Тиббон не распространяется о них подробно, а лишь советует копировать достойные, «классические» образцы текстов:

בחר מספריך הערביים ספר אחד שתהיה כתיבתו נאה בעיניך והשתדל לדמותה ולחקותה כי הנשיא רבי שמואל לא למדהו אדם כתיבת הערבי אך לקח כתב אחד מכתבי הסופרים החשובים והשתדל לכתוב כדמותו וטרה עד שעלה בידו

Перевод: «...выбери себе из арабских книг одну, письмо которой кажется тебе особенно красивым, и постарайся скопировать [этот почерк] и научиться подражать ему. Ибо ха-Наси рабби Шмуэль [Шмуэль ха-Нагид. — С.Я.] ни у кого не учился арабской каллиграфии, а взял одно из написанного выдающимися мастерами и постарался его скопировать. И трудился, пока у него не получилось» (стк. 301–303).

Определение каллиграфии

Логическим завершением этого исследования может служить определение каллиграфии, которое в сжатой форме возвращает нас к основному тезису автора — в основе искусства каллиграфии лежит тщательное копирование существующих образцов письма. Он пишет:

כי הכתיבה היא צורה מן הצורות ובעיון ובהתבוננות יוכל אדם לחקותה ובהרגל

⁶³ То есть добротнo, «на века». Ср.: Иов 19, 24.

⁶⁴ Дословно в ориг. «в печени моей, а не в сальнике». Ср.: Исход 29, 13.

⁶⁵ Употребление этих выражений ср.: Иеремия, 4, 19 (קירות לבי); Иов 17, 11 (מורשי לבבי).

⁶⁶ По: Притчи 27, 8.

Перевод: «Ибо письмо — это форма из форм, и с внимательностью, наблюдательностью и привычкой каждый сможет ее скопировать» (стк. 56).

И далее, в несколько измененном варианте:

... כי הכתיבה כאשר אמרתי לך היא צורה מן הצורות וכל אשר יזהר אדם בתיקונה תראה נאה יותר

Перевод: «...Ибо письмо, как я уже тебе говорил, это [такая] форма из форм, в которой, чем аккуратнее человек в ее воплощении, тем прекраснее она будет выглядеть» (стк. 162–163).

Общий вывод

Иехуда Ибн Тиббон, воспитанный в традициях еврейской культуры Андалусии, уделяя особое значение «светской» каллиграфии как показателю культуры пишущего. В своем «Завещании» он дает определение каллиграфии («подражательное» искусство, основанное на точном копировании работ старых мастеров) и формулирует основные эстетические критерии красивого письма, которые возвращают нас к образцам устойчивого квадратного и полуквадратного письма Ближнего Востока.

Список литературы

- Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII–XIII в. Социально-экономические отношения. М., 1984.
- Борищевский А. Азбучные истины кошерной каллиграфии. Иерусалим, 5769/2008.
- Добиаши-Рождественская О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Издание третье, дополненное. М., 1987 (История книжного искусства. Монографии и очерки).
- Дьяконов И.М., Коган Л.Е. [перевод]. Ветхий Завет. Плач Иеремии, Экклесиаст, Песнь Песней. Перевод и комментарии И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана, при участии Л.В. Маневича. М., 1998.
- Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969.
- Марголин П. Три еврейских путешественника XI–XII ст. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахий Регенсбургский. Еврейский текст с русским переводом. Перевод, примечания и карты П. Марголина. СПб., 1881.
- Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
- Сират К. История средневековой еврейской философии. Иерусалим–Москва, 2003.
- Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
- Якерсон С.М. Еврейская средневековая книга. Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. М., 2003.
- Якерсон С.М. К истории переписки ранних еврейских библейских кодексов (по материалам собрания РНБ) // Религиоведение. 2005, № 2. С. 61–71.
- Якерсон С.М. Еврейские сокровища Петербурга. Свитки, кодексы, документы. СПб., 2008.
- Якерсон С.М. Книговедческие аспекты «Завещания» Иехуды Ибн Тиббона // *Studia Anthropologica*. Сборник статей в честь М.А. Членова. Под ред. А.М. Федорчука и С.Ф. Членовой. М.–Иерусалим, 2010. С. 89–101.
- Beit-Arié M. Catalogue of the Hebrew Manuscripts in the Bodleian Library. Supplement of Addenda and Corrigenda to Vol. 1 (A. Neubauer's Catalogue). Completed under the Direction of Malachi Beit-Arié. Edited by R.A. May. Oxf., 1994.
- Beit-Arié M. Hebrew Codicology. Tentative Typology of Technical Practices Employed in Hebrew Dated Medieval Manuscripts. Jerusalem, 1981.
- Beit-Arié M. Quantitative Typology of Oriental Paper Patterns // *Bibliologia. Elementa ad librorum studia pertinentia*. No. 19. Brepols, 1999. P. 41–53.
- Beit-Arié M., Sirat C. Manuscrits médiévaux en caractères hébraïques portant des indications de date jusqu'à 1540. Part I–III. Jerusalem–Paris, 1972–1986 (Comité de Paléographie Hébraïque) (текст парал. на фр. и ивр. яз.).

- Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes. Tome I–IV. Brepols, 1997–2006 (Monumenta Palaeographica Medii Aevi... Series Hebraica).
- Cohen G.D.* [Ed.]. A Critical Edition with a Translation and Notes of the Book of Tradition (Sefer ha-Qabbalah) by Abraham Ibn Daud. L., 1969 (The Littman library of Jewish civilization).
- Goitein S.D.* A Mediterranean Society. The Jewish Communities of the Arab world as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza. Vol. 1–5. Economic Foundations. Berkeley–Los Angeles 1967–1988.
- Hanagid Shmuel.* Divan Shmuel Hanagid (The Collected Poetry of Samuel the Prince, 993–1056). BEN TEHILIM (The Son of Psalms) Prepared on the Basis of Manuscripts and Early Prints with Introduction, Commentary, Source References, Variants, Lists, Indices, Vocabulary and Bibliography by Dov Jarden. Jerusalem 1966.
- Harkavy A., Strack H.L.* Catalog der Hebraischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Offentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Erster und Zweiter Theil. S.-Pb.–Lpz., 1875 (Catalog der Hebraischen und Samaritanischen Handschriften der Kaiserlichen Offentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Band 1).
- Hunter D.* Papermaking: The History and Technique of an Ancient Craft. 2 ed. N. Y., 1978.
- Katz S.* The Jews in the Visigothic and Franklin Kingdom of Spain and Gaul. Cambridge [USA], 1937.
- Narkiss B.* Hebrew Illuminated Manuscripts. [3th ed.]. Jerusalem, 1992 (на яз. иврит).
- Neubauer Ad.* Catalogue of the Hebrew Manuscripts in the Bodleian Library and in the College Libraries of Oxford. Oxf., M DCCC LXXXVI.
- Richler B.* Guide to Hebrew Manuscript Collections. Jerusalem, 1994.
- Richler B.* [Ed.]. Hebrew Manuscripts in the Biblioteca Palatina in Parma. Catalogue. Edited by Benjamin Richler. Palaeographical and Codicological Description Malachi Beit-Arié. Jerusalem, 2001.
- Robinson J.* The Ibn Tibbon Family. A Dynasty of Translators in Medieval “Provence” // *Be’erot Yitzhak*. Studies in Memory of Isadore Twersky. Ed. By Jay M. Harris. Cambridge, 2005. P. 193–217.
- Schirman J.* Hebrew Poetry in Spain and Provence. Jerusalem, 1954.
- Sirat C.* Hebrew Manuscripts of the Middle Ages. Edited and Translated by Nicolas de Lange. Cambridge, 2002.
- [*SMHS 1*] Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts. Vol. I. Oriental and Yemenite Scripts. Compiled by Malachi Beit-Arié in Collaboration with Edna Engel and Ada Yardeni. Jerusalem, 1987.
- [*SMHS 2*] Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts. Vol. II Sefardic Script. Compiled by Malachi Beit-Arié and Edna Engel. Jerusalem, 2002.
- Yardeni A.* The Book of Hebrew Script. Jerusalem, 1997.
- רבי שמואל הנגיד. יוצא לאור על-פי כתבי-יד וספרי דפוס בצרוף מבווא, הערות ומפתחות על-ידי ש. אברמסון. תל-אביב, תש"ח.

Summary

Semyon Iakerson

The “Ethical Will” of Judah ibn Tibbon as a Manual of Calligraphy

This publication deals with the masterpiece of Judah Ibn Tibbon (12th century), a famous mediaeval intellectual and translator from Judeo-Arabic into Hebrew. The publication focuses on one aspect only — on the Hebrew secular calligraphy. All the author’s remarks on the subject collected together let us reconstruct his understanding of the rules of the proper writing and the necessity of studying calligraphy for a mediaeval Jewish intellectual.

Ю.Д. Михайлова

Премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро в политической карикатуре — к вопросу об особенностях современной японской карикатуры

Статья ставит вопрос о возможности использования политических карикатур как материала для исследований на основе анализа карикатур на бывшего премьер-министра Японии Коидзуми Дзюнъитиро за июль–сентябрь 2005 г., когда он боролся за законопроект о реформе почтовой системы. В статье делается вывод о том, что в отличие от телевидения, которое стремится создать привлекательный образ политиков, политические карикатуры в силу своих жанровых особенностей смотрят на политиков более критически. Однако в послевоенном японском обществе, где преобладают ценностные установки на согласие и конформизм, политические карикатуры утратили функцию сатиры и стали средством развлечения. Их ирония относится только к стилю поведения политиков, но не к сущности проводимой ими политики. В этом смысле японские карикатуры «вписываются» в современный политический стиль «перформанса».

Ключевые слова: японская политическая карикатура, театрализация политики, почтовая реформа, Коидзуми Дзюнъитиро.

Введение

Политические карикатуры редко используются при изучении и исследовании Японии. Тем не менее они порой содержат информацию, которую трудно получить из материалов исторических архивов, оценок экспертов и даже на основе опросов общественного мнения. Через карикатуры можно увидеть мгновенную реакцию на политические события на уровне повседневности, по-новому взглянуть на те или иные исторические и современные процессы.

В последнее время мы наблюдаем такое явление, как изменение политического стиля (*restyling of politics*), и это, как нам представляется, имеет отношение к настоящему и будущему жанра политической карикатуры. Изменение политического стиля видится прежде всего в том, что рациональная аргументация вытесняется эстетизацией, а политические деятели, стремясь завоевать поддержку масс, все активнее заимствуют технологии театрального представления. В этом им охотно помогает телевидение, сосредоточиваясь при показе политического процесса на персоне, личности политика. Последние же принимают стиль поведения, свойственный звездам массовой культуры¹. Это явление воспринимается разными людьми по-разному (Simons, 2003). Одни сетуют на деградацию интеллектуальности и засилье низкопробной культуры. Другие признают, что в наш век, отягощенный информацией, визуальное упрощает процесс познания и люди все чаще и чаще вынуждены мыслить

¹ Считается, что начало участия телевидения в формировании образов политических лидеров приходится на время Р. Рейгана и М. Тэтчер.

образами. Третьи видят в распространении телевизиальности новые возможности для развития демократии. Так, английские исследователи Дж. Корнер и Д. Пелс пишут: «Там, где политика достигает высокого уровня театрализации, предлагая зрителям увлекательные сюжеты и яркие личности, а не идеологическое противостояние... политический интерес и энтузиазм избирателей значительно возрастают» (Corner and Pels, 2003, p. 2).

Политическая карикатура находится как бы на стыке двух культур — массово-развлекательной и интеллектуально-критической. Когда в середине XVIII в. карикатуры стали появляться в газетах, их задача состояла прежде всего в том, чтобы высмеивать власти предрассудки, и нередко они играли роль катализатора политических дискуссий. Достаточно вспомнить, что карикатуры Шарля Филиппона и Оноре Домье на Луи-Филиппа обладали настолько острой сатирической направленностью, что они не только запрещались цензурой, но их авторы подвергались тюремному заключению. В авторитарных государствах политическая карикатура стала важной частью пропаганды, использовалась как средство борьбы с внутренними и внешними врагами. В то же время «смеховой арсенал» карикатуры черпался во многом из массовой культуры балаганов, уличных представлений, повседневных шуток, анекдотов, комических стишков.

В настоящее время некоторые карикатуристы и критики, особенно в США, предупреждают наступление конца века газетных политических карикатур, которые до сих пор были средством выражения политического мнения (Davies, 2004; Danjoux, 2007, p. 245; Hayden, 2005, p. 137). Это отнюдь не означает, что люди перестали любить и ценить карикатуры. Наоборот, они часто считаются самым интересным материалом в газетах. Однако в связи с большим разнообразием средств массовой информации газетам приходится бороться за свое место на рынке СМИ с бесплатным и кабельным телевидением, радио и Интернетом. Молодежь получает сейчас свое первое крещение в политике скорее через Интернет, чем через газеты, как это бывало раньше.

Другая проблема состоит в том, что в связи с коммерциализацией в наши дни все-го и вся газеты стали одной из разновидностей «товара», а читатели — «покупателями». Как считает американский карикатурист Мат Дэвис, обладатель высшей журналистской награды — Пулицерской премии за 2004 г., в основе работы хороших профессионалов-карикатуристов всегда должны лежать гнев и недовольство тем, что происходит (McClure, 2004, p. 11). Другими словами, ирония и сатира должны быть незаменимым оружием карикатуристов. Однако в наш век политической корректности сфера допустимых символов чрезвычайно сузилась. Персонаж карикатуры может указывать на какие-либо недостатки читателей, которые в то же время являются покупателями газет, что может отрицательно сказаться на репутации газеты и числе ее подписчиков. Редакторы предпочитают публиковать «менее обидный и острый материал», особенно когда речь идет о внутренней политике и когда затрагиваются местные проблемы.

Упомянутое выше изменение политического стиля, всеобщая телевизиальность и интернати́зация также не могут не влиять на политические карикатуры не только с точки зрения необходимости соревноваться с телевидением или Интернетом, но и с точки зрения изменения самого стиля и содержания карикатур.

Нам уже приходилось писать о становлении жанра политической карикатуры в Японии периода Мэйдзи (1868–1912), когда этот жанр, как и другие культурные явления того времени, вобрал в себя черты развлекательных картинок предшествовавшего периода Эдо (1600–1868) и искусства карикатуры, пришедшего в Японию с Запада (Михайлова, 2009). В первой половине периода Мэйдзи в связи с подъемом

Движения за свободу и народные права карикатуры стояли в оппозиции к правительству, и казалось, что только «острословие и сатира могли говорить людям правду» (Duus, 2001, p. 229). Однако по мере укрепления авторитарной власти карикатуры утратили свой критический пафос и переориентировались на поддержку правительства. Следует подчеркнуть, что иллюстрированные журналы (*гахо дзасси*), где в то время, как и в газетах, обычно публиковались карикатуры, стали оказывать особенно сильное влияние на общество потому, что они использовали новые для Японии технические средства — сначала литографию, потом печатный станок и ротационную печатную машину. Как носители информации, распространявшейся в массах, иллюстрированные журналы были, пожалуй, не менее важны для формирования японского национального государства, чем железные дороги и почтовая система (Mikhailova, 2008, p. 156). В период Тайсе (1912–1925) карикатуры стали неотъемлемой частью японских газет. До Второй мировой войны в Японии, так же как и в Советском Союзе, газетные карикатуры широко использовались в целях официальной пропаганды. Однако были и художники, принадлежавшие к Движению пролетарской культуры, которые продолжали традицию критической карикатуры.

В последнее время в Японии произошло изменение термина, которым обозначаются политические карикатуры. Если раньше они именовались *фусига*, т.е. «сатирическая картинка», то сейчас принято название *сэйдзи манга*, что означает «комическая картинка на политическую тему», причем обычно при этом имеется в виду карикатура, состоящая из одной картинки, — *хитокома манга*. Очевидно, за изменением термина стоит и изменение характера самой карикатуры. Ибараги Масахару, один из немногих исследователей современной политической карикатуры в Японии, задается вопросом, может ли картинка, состоящая из одного черно-белого рисунка с подписью, передать все многообразие современного мира, где параллельно сосуществуют разнообразные ценности (Ибараги, 1997, с. 8).

Попробуем разобраться в том, что представляет собой современная японская политическая карикатура, как она изображает политический мир, существуют ли какие-либо общие свойственные ей характерные черты, какое влияние на нее оказывает усиление позиций массовой культуры, как отражается на ней коммерциализация и господство новых средств массовой информации. Не менее важно посмотреть, какую дополнительную информацию о современной Японии можно получить через политические карикатуры. В центре внимания настоящей статьи находятся карикатуры на японского премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро, взятые из трех главных японских газет — «Асахи», «Ёмиури» и «Майнити», за период времени, ограниченный июлем–сентябром 2005 г., когда Коидзуми задался целью провести — и провел — через парламент законопроект о приватизации японской почтовой системы. Чтобы понять, почему мы выбрали именно данный период, нужно совершить некоторый экскурс в политику Коидзуми Дзюнъитиро.

Политика Коидзуми: реструктуризация экономики и популизм

Коидзуми Дзюнъитиро был незаурядным явлением на японском политическом небосклоне начала XXI в. Занимая должность председателя Либерально-демократической партии (ЛДП), а следовательно, и премьер-министра Японии в период с 2001 по 2006 г., он смог приостановить процесс экономической рецессии, в которой Япония находилась с начала 1990-х годов, в некоторой мере осуществить либерализацию экономической системы, придать большую гибкость рынку труда и повысить поку-

пательский спрос (Рамзес, 2007, с. 22–24). Чтобы осуществить все это, ему понадобилось вступить в борьбу не только с оппозиционной Демократической партией Японии (ДПЯ), но и со своей же партией, где у него было не так уж много сторонников, и постоянно искать себе поддержку со стороны общественного мнения, притом что за 50 с лишним лет господства ЛДП с ее опорой на представителей так называемых «укорененных интересов»² население страны в целом потеряло интерес к политике.

Почтовая реформа

Коидзуми стал премьер-министром в 2001 г., когда на фоне длительной экономической стагнации общественное мнение отвернулось от ЛДП. В последней, отчаянной попытке вернуть былую популярность партия избрала своим председателем Коидзуми, который не принадлежал ни к какой из партийных фракций. У этого амбициозного политика, который к тому времени предпринял уже две неудачные попытки занять место премьер-министра, были и свои цели. Он позиционировал себя как сторонника реструктуризации экономики и изменения ее в сторону большей ориентированности на открытую конкуренцию. К этому его подталкивали и США, заинтересованные в проникновении американских компаний на японский рынок. «Козырной картой» Коидзуми стала приватизация почтовой системы. Надо сказать, что почтовая служба Японии представляет собой довольно уникальное учреждение — наряду с осуществлением обычных функций почты она исполняет роль сберегательных банков и страховых агентств. Так повелось начиная с периода Мэйдзи, когда в условиях первоначального накопления капитала правительство обязало население откладывать сбережения на почтах. Эти средства шли на субсидирование развития промышленности и стали фактически вторым бюджетом страны. Такая практика еще более укрепилась в послевоенный период быстрого экономического роста. Государственная почтовая система стала одним из крупнейших банков мира с активами более 300 трл. иен (3,2 трл. долларов), пользовавшимся в силу своей надежности в качестве государственного учреждения большой популярностью среди населения, особенно сельского. Достаточно сказать, что на почтовые накопления приходится 30% всех личных вкладов и 40% суммы страхования жизни (Finance and Economics, 2007, p. 77). С другой стороны, почтмейстеры, обладающие большим влиянием на местах, являются одной из важных групп поддержки ЛДП. Другими словами, приватизация почтовой системы означала, по замыслу Коидзуми, создание более открытого для конкуренции рынка и нанесение удара по «укорененным интересам» ЛДП.

Разговоры о необходимости приватизации почтовой системы начались в 1990-х годах, как раз когда Коидзуми был министром почт и коммуникаций, но встретили сопротивление со стороны бюрократов из министерства почт и коммуникаций. Однако в 2003 г., учитывая изменившуюся ситуацию на рынке, они решили, что приватизация в некоторой степени может быть им выгодна, хотя они не выражали готовности принять ее полностью (MacLachlan, 2006, p. 1–18). Коидзуми был не тем человеком, который мог пойти на уступки и добиваться согласованности мнений и действий, т.е. следовать укоренившимся в ЛДП обычаям. Ситуация накалилась к лету 2005 г., когда до ухода в отставку Коидзуми оставалось чуть менее полутора лет.

Премьер-министр продемонстрировал полное пренебрежение мнением членов ЛДП, открыто угрожая распустить нижнюю палату парламента, если его законопро-

² В основном это жители сельских районов или «привилегированные компании», которым партия постоянно оказывала финансовую помощь в обмен на их поддержку.

ект о приватизации почтовой системы не будет одобрен. 5 июля 2005 г. законопроект прошел голосование в нижней палате, притом что 37 членов ЛДП выступили против. Однако 8 августа верхняя палата его отвергла при 22 голосах против. В ответ Коидзуми предпринял весьма неординарные действия. Он распустил нижнюю палату и назначил всеобщие выборы в парламент на 11 сентября. Фактически выборы должны были стать общенациональным референдумом по вопросу о приватизации почтовой системы. Более того, премьер-министр отказался поддержать от лица партии тех представителей ЛДП, которые в нижней палате проголосовали против его законопроекта. Вместо них он направил в избирательные округа этих «повстанцев» альтернативных кандидатов, получивших прозвище «киллеров» (*сикаку*). Среди них было несколько женщин, и их стали именовать *ку-но ити*. Так в Японии издавна зовутся «женщины-ниндзя», поскольку черты, составляющие иероглиф «женщина», можно прочесть как состоящие из двух знаков азбуки катакана — *ку* и *но* и иероглифа *ити* (один). Эти кандидаты не имели большого политического опыта, но зато являлись известными в стране личностями. Так, министр окружающей среды Коикэ Юрико некогда работала телеведущей, а Сацуки Катаяма, бюрократ из министерства финансов, была ранее «мисс Токийского университета».

Японские избиратели положительно откликнулись на действия Коидзуми. В голосовании 11 сентября 2005 г. ЛДП одержала беспрецедентную победу и набрала 296 из 480 мест в нижней палате парламента, причем в выборах приняло участие 67,5% избирателей по сравнению с 59,9% на предыдущих (Рамзес, 2007, с. 36). Фактически это означало победу самого Коидзуми. Его противники были вынуждены ретироваться. В октябре парламент одобрил тот самый законопроект, который он отклонил двумя месяцами раньше. Средства массовой информации прозвали такие политические кульбиты «театром Коидзуми», а наиболее циничные из них открыто заявили, что, хотя Коидзуми и хотел осуществить почтовую реформу, больше всего он хотел показать себя «революционером» и поднять рейтинг своей популярности (Kabashima, 2007, p. 83).

Политические технологии

Коидзуми удалось провести желаемую им политику отнюдь не потому, что он откликнулся на требования обыкновенных японцев. Электорат в целом вряд ли хорошо разбирался в сути предлагавшихся им реформ. Считается, что главная причина успеха премьер-министра лежит в образе, который ему создало телевидение. От других политиков Японии Коидзуми отличался специфической внешностью, театральным стилем поведения и умением общаться с массами, используя для этого СМИ, прежде всего телевидение (Envall, 2008, p. 237–238). К формированию своего образа и поддержки со стороны общественного мнения Коидзуми прикладывал немало усилий.

Внешность премьер-министра выгодно подчеркивала его контраст с большинством японских официальных лиц. Достаточно сказать, что прическа Коидзуми — копна длинных завивающихся волос серого цвета — напоминала львиную гриву, за что он и получил прозвище «Лев». Коидзуми одевался обычно в светло-серые костюмы, носил галстук цвета бирюзы, создавая тем самым образ «элегантного премьер-ра». Во время встреч с лидерами зарубежных государств он нередко переодевался в «национальную одежду». Так, во время визита в Иорданию, он катался на верблюде в пустыне, надев на голову арабский головной убор; перед президентом Бушем он вы скакивал на лошади в костюме средневекового самурая. В Монголии он упражнялся

в национальном виде спорта, стрельбе из лука. Особый энтузиазм японской публики вызвал выпуск диска с песнями Элвиса Пресли в исполнении самого Коидзуми. Премьера можно было видеть танцующим танго с Ричардом Гиром или на стадионе среди болельщиков бейсбола, любимого вида спорта японцев, запросто покупающим себе порцию лапши (The curtain draws on...). Все это постоянно транслировалось по телевидению, заполняло страницы глянцевого журналов и Интернет-сайтов, в том числе сайта японского правительства под названием Cabi-netto, где была специальная колонка под названием «Сердце Льва». Журналисты имели свободный вход в резиденцию премьер-министра, он давал интервью массовым газетам, например спортивным, участвовал в телевизионных ток-шоу. За время своего пятилетнего премьерства он провел 174 встречи с жителями городов, посещал малые и средние предприятия.

Особенно важно отметить, что в отличие от предшествующих японских политиков он обладал способностью делать заявления, которые как нельзя лучше соответствовали особенностям телевидения. Как пишет японский исследователь политики Коидзуми — Утияма Ю, «премьер-министр Коидзуми предпочитал пафос логосу; он был тем премьером, который своими популистскими методами взывал к чувствам избирателей. Методы его популистских технологий, а именно упрощенный, понятный и захватывающий чувства каждого человека разговорный стиль, акцентирование противоречий между хорошим и плохим, использование информационных технологий смогли пробудить у многих людей интерес к политике» (Утияма, 2007, с. 210). В свою очередь, и Коидзуми был находкой для СМИ, которые начиная с выборов 2001 г. подчеркивали, что ЛДП нужен свободный от фракционных трений лидер, открытый к общению с народом.

Одним из программных заявлений Коидзуми была фраза о том, что он хочет «изменить ЛДП и изменить [тем самым] Японию». Парадоксально, что действия Коидзуми, пришедшего к власти на волне общественного недовольства ЛДП, невольно стимулировали поддержку этой партии, поскольку он был ее лидером. Здесь, правда, следует учитывать, что перед Коидзуми премьер-министром был Мори Ёсиро, популярность которого упала почти до нуля по причине целого ряда его необдуманных высказываний и действий³.

В целом политический стиль Коидзуми можно определить как своего рода популизм, который направлен против интересов укоренившихся элит и апеллирует непосредственно к «народу», используя в том числе и личную харизму. Способы проведения законопроекта о почтовой реформе как раз и явились наилучшим примером популистской стратегии Коидзуми, где его склонность к театрализации политики раскрылась в высшей степени.

Образ Коидзуми в карикатурах

В общей сложности мною было собрано 97 карикатур, относящихся к выборам 2005 г. и опубликованных в трех главных газетах Японии за период с июля по сентябрь 2005 г. Из них Коидзуми фигурировал в 65 карикатурах (хотя не обязательно как главный персонаж), но для настоящей статьи была отобрана примерно половина

³ Например, на встрече с лидерами синтоистских организаций Мори заявил, что Япония — «страна богов, а император является ее центром», что выглядело как попытка вернуть императору абсолютную власть. А когда в феврале 2001 г. американская подводная лодка потопила японское рыболовное судно «Эхимэ-мару», Мори, получив это известие, продолжал спокойно играть в гольф, что вызвало отрицательный резонанс в стране.

Илл. 1

карикатур, 11 из которых приводятся в иллюстрациях к статье. Мной намеренно не проводилось сопоставление карикатур с газетными статьями, так как в японских газетах, в отличие, например, от американских, карикатуры не являются иллюстрациями к статьям. Были также проведены четыре интервью с художниками-карикатуристами: Накамура Коити, Токоро Юкиёси, Ямада Син и Уно Камакири.

Одной из первых работ на тему «почтовой реформы» летом 2005 г. стала карикатура Хари Сунао «Проба меча на предстоящих выборах», опубликованная в газете «Асахи» (илл. 1). Она появилась 3 июля, т.е. еще до проведения голосования в верхней палате. В центре картинке мы видим Коидзуми, с решительным выражением лица замахивающегося мечом на куклу из соломы. Он изображен в виде самурая, тренирующегося в военных искусствах. На груди у него написано «приватизация почты», а меч называется «мечом роспуска». Здесь присутствует игра слов, поскольку по-японски слова «меч» и «право» (имеется в виду право роспуска парламента) звучат одинаково как *кэн*. Как следует из надписи, кукла из соломы обозначает настроенных против почтовой реформы депутатов парламента — членов ЛДП. В древности соломенные куклы использовались в погребальных обрядах — их укладывали в могилу вместе с умершим. Позднее такие куклы стали выполнять роль заклинаний от болезней и прочих неприятностей. В современных фильмах ужасов они символизируют страх. В дополнение к таким отрицательным коннотациям на данной карикатуре соломенная кукла нарисована стоящей на подставке и выглядит как музейный экспонат. Все вместе, видимо, означает, что партийная система, установленная в Японии в 1955 г. и при которой власть почти неизменно находилась у ЛДП, уже устарела и стала своего рода проклятием для страны, а суть жеста Коидзуми может трактоваться как намерение уничтожить ее.

Рядом с Коидзуми изображен секретарь кабинета министров Хосода Хакуноскэ с небольшим мечом в руках. В старину во время обряда харакири во избежание мучительной смерти самурая его ассистент наносил таким мечом решающий, смертельный удар своему господину. Вдали за действиями премьера с опаской наблюдают депутаты парламента.

Хотя в принципе право премьер-министра распускать нижнюю палату парламента при уведомлении об этом императора гарантировано 7-й статьей конституции, намере-

ние Коидзуми прибегнуть к его осуществлению вызывало далеко не однозначную реакцию в обществе, о чем и свидетельствует метафора меча, использовавшаяся затем и в других карикатурах.

Если на рассмотренной карикатуре газеты «Асахи» Коидзуми выглядит как самурай, как боец, одержимый скорее благородными намерениями и готовый пойти даже на самоубийство ради обновления политической системы, а ЛДП характеризуется как консервативная партия, то на других карикатурах его действия скорее высмеиваются как способные причинить вред ему самому. Так, на карикатуре, опубликованной в «Асахи» 9 августа, т.е. на следующий день после роспуска нижней палаты, Коидзуми ударяет мечом по значку членов парламента, имеющему форму хризантемы. Однако меч загибается и бьет в грудь самого премьер-министра.

На карикатуре того же художника, помещенной в «Асахи» 11 августа, Коидзуми показан как несущийся в стремительном полете вперед кентавр, вооруженный мечом в виде знака почтовой реформы и поражающий им не только противников, но и разрубающий свое собственное тело на две части. Отрубленная задняя часть, очевидно, символизирует ЛДП. На других карикатурах можно было видеть Льва-Койдзуми, бросающего с горы под откос ЛДП, изображенную символически в виде ее логотипа⁴, или самого премьер-министра, катящегося на машине, от которой убежало колесо, в пропасть. Подпись к первой гласила: «Сбросит ли Лев-Койдзуми в пропасть свою любимую партию» (Яку, 2005, с. 3), а подпись ко второй поясняла: «Убежавших-то не жалко, но, к сожалению, нет замены» (Ямада, 2005, с. 3). Отвалившееся колесо обозначает здесь депутатов, проголосовавших против законопроекта о приватизации почты. Таким образом, карикатуры как бы выражали опасение, что Коидзуми рубит сук, на котором сидит, и спрашивали: может ли политик существовать без поддержки партии, не слишком ли это опрометчиво? Художники явно иронизировали над действиями премьер-министра.

На карикатуре Нисимура Коити, опубликованной в газете «Майнити» за 9 августа, критика Коидзуми выражена более остро при использовании той же метафоры меча. Называется она «Умопомешанный Его Высочество занимается фехтованием на мечах» (илл. 2). Здесь Коидзуми изображен как даймё, т.е. феодальный князь периода Токугава, размахивающий мечом и требующий в неистовом крике «роспуск нижней палаты парламента!». Однако мы видим, что лезвие меча поломалось, сам даймё изнурен тяжелой борьбой и истекает потом, а взор его помутился. Карикатура утверждает, что действия премьера привели к расколу партии, образовался вакуум власти и в результате скопилось множество других более важных, чем почтовая реформа, законопроектов. Из здания парламента выбегают обеспокоенные депутаты, крича: «Он сошел с ума! Он поступает опрометчиво!» Нисимура Коити осуждает такие действия премьер-министра, как осуждали их в действительности многие политики и бюрократы, несогласные с неолиберальными планами Коидзуми (Mare, 2005). Как объяснил сам художник в интервью автору данной статьи, он хотел показать, что политика Коидзуми завела его в тупик и выход из этого затруднительного положения он нашел только в такой крайней мере, как роспуск парламента⁵. Уже упоминавшийся выше Ибараги Масахару также полагает, что изображение «Умопомешанного Его Высочества» выражает критику Коидзуми за его неспособность или нежелание учитывать мнения других (Ибараки, 2007, с. 172–173).

⁴ Логотип ЛДП трактуется как изображение людей, наслаждающихся свободной жизнью в лучах солнца.

⁵ Интервью с Нисимура Коити 15 октября 2005 г.

Илл. 2

В газетных статьях и карикатурах роспуск нижней палаты также сравнивался с «репрессиями годов Ансэй (1854–1859), *ансэй-но тайгоку*», т.е. преследованиями со стороны *родзю*⁶ Ии Наоскэ тех даймё, которые были против подписанного им договора с Америкой об открытии страны без одобрения на то императора. Хотя такая историческая параллель интересна для историков Японии, большинство современных японцев хоть и знают выражение *ансэй-но тайгоку*, но не могут конкретно объяснить его смысл, поэтому, возможно, что метафора была мимо цели.

Иронию над действиями Коидзуми в вышеприведенных карикатурах можно, по-видимому, объяснить существующими в Японии представлениями о функциях премьер-министра, среди которых важной считается умение достичь согласия между различными политическими группировками. Коидзуми же продемонстрировал склонность к самостоятельной политике и конфронтации с ЛДП, что впоследствии в научных кругах было названо тенденцией к «президентализации власти» (Krauss and Nyblade, 2005). Именно эти черты, с одной стороны, делали его отличным от других политиков и могли привлекать к нему обыкновенных избирателей. С другой стороны, в японском обществе преобладают общественные ценности, основывающиеся на согласии и гармонии, и мир ценится гораздо больше, чем трения и раскол. Поэтому склонность Коидзуми к реформам и новациям, его явная самогероизация не обязательно должны были восприниматься положительно, а могли вызывать и осуждение.

Другие карикатуры высмеивали «перформативность», театральный характер действий премьер-министра. Например, Яку Мицуру изобразил Коидзуми и Катаяма Тораноскэ,

⁶ В номенклатуре периода Эдо *родзю* был вторым по важности лицом после сёгуна. Именно в руках *родзю* часто находилось реальное управление страной.

Илл. 3

Илл. 4

генерального секретаря секции ЛДП в парламенте, как бы стоящими на сцене в луче прожектора (илл. 3). Коидзуми одет в летнее кимоно, расписанное узором в виде знака почты. Он обмахивается веером, на котором написано слово «приватизация», и поет популярную песню «Цикада, цикада, лети ко мне, тут вода слаще, там вода горче!», а рядом с ним стоит коробочка, в которой уже бьется несколько цикад. Подпись гласит, что таким образом Коидзуми привлекает «промежуточные слои». Эта сценка напоминает часто проводимые в Японии, особенно в праздничные дни, каким и является праздник *о-бон* в середине августа, концерты, на которых исполняются так называемые *инака ута*, японский аналог российским «старым песням о главном». Вероятно, среди слушателей «концерта» немало таких, кто откладывал свои сбережения на почте в течение многих лет — их-то и старается привлечь премьер, они-то и названы здесь несколько иронично «промежуточными слоями».

Карикатуры газеты «Ёмиури», где одним из художников-карикатуристов является Уно Камакири, создавали совсем другой образ Коидзуми. Так, на карикатуре, опубликованной 10 августа, т.е. через 2 дня после эпохального решения о роспуске нижней палаты, Коидзуми был изображен в виде разъяренного рычащего льва, возлежащего поверх трех иероглифов, обозначающих ЛДП, а надпись гласила: «Шатается, шатается» (илл. 4). Здесь, как нам кажется, показаны сила и мощь премьера, его умение подмять под себя противников. На карикатуре без названия от 17 августа, где Коидзуми склонился над доской в *сёги* (японские шахматы), премьер-министр нарисован как умудренный опытом стратег, тщательно просчитывающий политические ходы (илл. 5). Карикатура появилась как раз в те дни, когда Коидзуми «засылал» альтернативных кандидатов-«киллеров». Одни фигуры на доске *сёги* выглядят как почтовый знак, а другие обозначены иероглифом «сопротивление», причем по количеству первых больше, чем вторых. Премьер-министр как будто замышляет очередную комбинацию, рассчитанную на увеличение числа своих сторонников. Образ Коидзуми производит здесь несколько мрачное, если не зловещее впечатление.

31 августа, когда предвыборная кампания достигла большого накала, на карикатуре под названием «Опасный момент — победа или поражение» Коидзуми был изображен как бы закидывающим лассо, петля которого выглядит как значок членов парла-

Илл. 5

Илл. 6

мента, т.е. хризантема (илл. 6). В другой руке он держит знак почты. Коидзуми окружен своими противниками: старейшинами ЛДП Камэи Сидзука и Ватанабэ Тамискэ, а также Окада Кацуя, который в то время был главой ДПЯ. На сей раз это он, кто держит меч под названием «пенсионная реформа», являвшуюся насущной политической проблемой, выдвинутой Окада в качестве основного пункта своего предвыборного манифеста. Сторонники премьер-министра — Коикэ Юрико, ставшая одним из «киллеров»-ниндзя, и генеральный секретарь ЛДП Такэбэ Цутому ретировались на задний план. Сложившаяся ситуация кажется опасной и напряженной. Коидзуми выглядит озабоченным, но не теряющим чувство достоинства; его лицо прорезали глубокие морщины, глаза полужакрыты, а фигура кажется массивной и тяжелой. Здесь он вовсе не молодой и резвый лев-боец, бросающийся в необдуманную атаку, а скорее стратег, принимающий решение.

Завораживает своим таинственным видом образ Коидзуми на карикатуре «Магия Коидзуми» (илл. 7). Она появилась 6 сентября, за пять дней до выборов. Коидзуми изображен как фокусник в мантии и шапке из двух хризантем, которые, как уже указывалось, являются значками членов парламента. Фокусник шурует на сковородке, сделанной в виде почтового знака, выпекая избирательные бюллетени. Причем в иероглифе *хё* (избирательный бюллетень) нарочито выделена та часть, которая по начертанию совпадает с почтовым символом.

Таким образом, в отличие от карикатур «Асахи», где Коидзуми изображался как молодой, энергичный и дерзновенный боец, в «Ёмиури» он выглядит искусным и умудренным опытом стратегом, мастером политической интриги. Его образ таинственен и многозначителен. Однако невольно встает вопрос: а не смеется ли художник над такой величественностью?

В моем интервью с Уно Камакири художник уклонился от прямого ответа на вопрос о том, каким он хотел показать Коидзуми, сказав: «Образ таков, каким он видится читателям», но все же пояснил следующее: он считает всех политиков выдающимися личностями, ибо, по его мнению, только выдающиеся люди могут быть политиками;

Илл. 7

Илл. 8

он убежден, что политики занимают положение, которое дает им возможность «управлять миром»⁷. Пожалуй, такая точка зрения наиболее четко выражена в карикатуре от 2 августа 2005 г., где Коидзуми изображен в костюме космонавта, парящим над миром и с высоты полета наблюдающим за мирской суетой. Образ космонавта здесь, по-видимому, был навеян тем, что 25 июля Ногуты Сокити, пятый по счету космонавт Японии, отправился в космический полет.

Обратимся теперь к газете «Майнити». В этой газете многие карикатуры публикуются в рубрике под названием *кэйсэйсай миндзюцу*, которая выходит по субботам. Такое название заимствовано из китайских классических книг и означает: «Управляя страной, помогай народу». Рубрика появилась в газете в 1998 г. стараниями художника, члена редакции «Майнити» района Кансай, Ёкота Сиги, который выступил с инициативой публиковать карикатуры профессиональных карикатуристов на экономические и социальные темы. Новаторским здесь было обращение именно к экономической тематике (Asono, 2008). Раздел, судя по откликам читателей Интернета, где карикатуры тоже публикуются, пользуется популярностью (*Кэйсэйсай миндзюцу*). 13 августа 2005 г. в этой рубрике была помещена карикатура под названием «Борьба без чести и гуманности» (илл. 8). Название происходит от фильма режиссера Фукасака Киндзи, сделанного на основе романа Иибоси Коити и рассказывающего про вражду между группировками якудзы (японской мафии) в послевоенной Хиросиме. Фильм был выпущен в 1973 г. и пользовался большой популярностью, так что его даже прозвали «японским крестным отцом» по аналогии со знаменитым американским фильмом. В отличие от многих предшествующих фильмов о якудза, которым было свойственно изображать японских мафиози как рыцарей, помогающих бедным людям, данный фильм показывал мрачный и циничный мир мафии, где борьба между кланами,

⁷ Интервью с Уно Камакира по электронной почте от 24 октября 2010 г.

Илл. 9

казалось, не имеет конца. На карикатуре мы видим Коидзуми в центральной роли, целящегося из пистолета и вопрошающего: «Ты за или против». Разумеется, имеется в виду почтовая реформа. В виде кадров старой киноплёнки изображены лица как яростных противников премьера по ЛДП, вроде Камэи Сидзука и Ватануки Тамискэ, которые в процессе предвыборной кампании организовали даже новую партию Кокумин синто, и лидера оппозиционной ДПЯ Окада Кацуя, так и более нейтральные фигуры типа Аоки Микио, длительное время занимавшего пост секретаря фракции ЛДП в палате советников, и даже сторонника Коидзуми Танабэ Цутому. Художник как бы хочет сказать, что для Коидзуми существует одно мерило ценностей — отношение к почтовой реформе. В верхней части карикатуры помещена рекламная надпись «2005.09.11. Скоро на экранах!», т.е. день национальных выборов в нижнюю палату парламента рекламируется как кинофильм. К тому же бросается в глаза совпадение по датам с атакой террористов на торговый центр в Нью-Йорке. Может быть, в последнем сравнении и была некоторая доля преувеличения, но сопоставление предвыборной борьбы с некогда популярным фильмом представляется довольно удачным приемом.

Интересной частью карикатуры является на первый взгляд не очень заметная надпись на пиджаке премьера, которая по-японски звучит как *куурубидзу* (от англ. cool business). Дело в том, что летом 2005 г. министерство окружающей среды, стремясь к сокращению отрицательных эффектов глобального потепления, объявило кампанию под вышеуказанным лозунгом. Служащим кампаний предписывалось ходить в учреждения в легкой одежде без галстуков для того, чтобы им было прохладно (cool), а температуру кондиционеров запрещалось поднимать выше 28 градусов охлаждающего режима. Поэтому на карикатуре сам Коидзуми нарисован без галстука. Такое «ново-

Илл. 10

Илл. 11

введение» (а само это слово и по-английски, и по-японски звучит как *cool*) широко обсуждалось в обществе, но не принесло ожидаемых результатов, хотя бы потому, что деньги на рекламу кампании превысили сэкономленные от понижения температуры, все служащие должны были потратиться на новую одежду, к тому же многие еще и заболели. Если учесть, что министром окружающей среды была Коикэ Юрико, ставшая по указанию Коидзуми «киллером», то не трудно догадаться, что вся компания по приватизации почтовой системы также оценивается на карикатуре как дело шумное, но малоперспективное.

Другим примером карикатур «Майнити» является картинка под названием «Театр Коидзуми», помещенная в той же рубрике «Управляя страной, помогай народу» (илл. 9). Здесь высмеиваются практически все участники представления, развернувшегося в стране в августе–сентябре 2005 г. Сам Коидзуми с непреклонным выражением лица катит коляску под названием «почтовая приватизация». По пятам за ним следует некто Хориэмон. В действительности это Хориэ Такафуми, возглавлявший в то время Интернет-кампанию Live Door. Он выделялся своей прической ёжиком и весьма нахальным взглядом, а прозван был Хориэмоном за схожесть с персонажем детских манга, толстым котом Дораэмоном. Хотя во время выборов 2005 г. Хориэ формально был независимым кандидатом, он всецело поддерживал Коидзуми и противостоял ветерану ЛДП Камэи. Возможно, нарисованная здесь детская коляска намекает на возраст Хориэ. В верхней части карикатуры мы видим пять женщин-ниндзя, о которых уже упоминалось не раз. Такэбэ Цутому, нарисованный в центре картинки, размышляет, станет ли он «киллером» (*сикяку*) или провалится (*сиккяку*). Игра слов создает дополнительный комический эффект. Окада, председатель ДПЯ,

озабочен, какая роль ему достанется — главная или второстепенная, а уже упомянутые Камэи и Ватануки недоумевают, являются они положительными или отрицательными персонажами. Зритель на переднем плане предупреждает: «Оценка будет в день голосования».

Еще одной находкой «Майнити» является публикация комических рисунков, как бы ограниченных рамкой телеэкрана и соответственно называющихся «Телевидение в одну картинку». По структуре они во многом похожи на описанную выше карикатуру «Театр Коидзуми».

Следует, однако, отметить, что осмеянию в японских карикатурах подвергалось в основном поведение и способ действий политических деятелей, но вопросы сущности политики как таковой почти не ставились. Так, практически во всех из рассмотренных нами карикатурах фигурировал знак почты, что являлось подтруниванием над одержимостью Коидзуми одной единственной идеей — приватизацией почтовой системы. Тем не менее карикатуры никогда не задавались вопросом о том, нужна ли сама эта реформа. Некоторым исключением из общего правила является работа Ямада Син, где Коидзуми изображен прикованным железной цепью к огромной гире, на которой стоит надпись «Государственный долг в 780 триллионов», а из уст премьера раздается все та же песенка «приватизация-приватизация», что по-японски звучит как *мин-мин-минэйка*. Тем самым художник вопрошает, может ли приватизация почты помочь Японии сократить государственный долг, являющийся самым большим в мире, но ответ на этот вопрос повисает в воздухе (илл. 10).

Возможно, в «эпоху Коидзуми» обыкновенные японцы и стали проявлять больший интерес к политике, но, безусловно, и политики осознали важность создания собственного образа, о чем остроумно заметил Токоро Юкиёси в одной из своих карикатур (илл. 11). 16 сентября 2005 г., когда Коидзуми имел все основания праздновать победу, появилась его карикатура, на которой премьер был изображен стремительно летящим в небе на метле, тогда как проигравшие члены ДПЯ, включая нынешнего премьера Кан Наото, сгребают мусор, приговаривая: «Надо бы очиститься от тех образцов, которые стали причиной нашего поражения».

Заключение

Из рассмотренных в статье карикатур видно, что, во-первых, политика Коидзуми, а точнее, его способ проведения реформы почтовой системы вызывал далеко не однозначно положительную реакцию со стороны японского общества. Многим она виделась как покушение на те ценности, на которых покоятся современное благополучие и спокойная жизнь японцев. Во-вторых, если телевидение пыталось представить Коидзуми как популярного в массах и заботящегося о народе премьера, то на карикатурах видно, что главным объектом его внимания были другие политики и отношения с ними, а также собственная персона премьера. В-третьих, карикатуры показывали, что стиль поведения политика действительно значит сейчас больше, чем ее суть.

Таким образом, если следовать логике о том, что «персонализация» и эстетизация составляют сущность современного политического стиля, все более принимающего форму перформанса, а политики превращаются в актеров, то следует прежде всего отметить, что личность политика всегда занимала главное место в политических карикатурах. В этом смысле скорее телевидение может «поучиться» у политической карикатуры. Однако в отличие от телевидения, которое стремится представить политиков как привлекательных личностей, особенности жанра политической карика-

туры состоят в обратном, т.е. в том, чтобы обнаружить недостатки тех, кто вершит политику, и показать ту или иную проблему под новым, критическим углом зрения, используя для этого средства гротеска, иронии и сатиры. В этом смысле жанр карикатуры в принципе находится в противоречии с тенденцией к эстетизации, к сглаживанию противоречий.

Думается, что изображение Коидзуми в качестве самурая, мафиози или стратега развенчивает его как «супергероя» — прием, свойственный карикатурам вообще. Однако делается это японскими карикатуристами скорее с легкой иронией, чем со злым сарказмом. Только отдельные работы, такие как «Умопомешанный Его Превосходительство» или «Борьба без чести и гуманности», несут запал истинной сатиры. Процесс телевидизации политики также не остался незамеченным карикатуристами, что видно из работ, в которых политический процесс уподоблялся телевизионному шоу. Но и здесь ирония не доходит до гротеска, она не режет словно «бритва обоюдоострая», как это имеет место в американских или английских карикатурах. По-видимому, в этом также проявляется тенденция к конформизму и согласию, свойственным японцам.

В связи с этим небезынтересны наблюдения ряда исследователей о том, что «японцы — это люди, которые задают вопрос „как“, но не „почему“. Вопрос „почему“ считается антиобщественным и может создать неловкую ситуацию... Поэтому политики не чувствуют ни стыда, ни вины за процветание коррупции, а ищут только *технические возможности* [выделено мной. — Ю.М.] продлить свою жизнь в политике» (Тамамото, 2003, р. 201, 203). Вместе с тем в Японии, так же как и во всем мире со времени окончания холодной войны, присутствует стремление уйти от идеологии в сторону развлечений и игры, поэтому и японские карикатуры, как выразился хороший знаток их истории Симидзу Исао, хотят больше позабавить и рассмешить, чем высмеять (Симидзу, 1991, с. iii). Но такая тенденция проявилась в японских карикатурах не без влияния особенностей послевоенной истории, в том числе и нежелания задумываться над прошлым.

Наиболее интересными нам кажутся те карикатуры, в которых политические сюжеты обыгрываются посредством обращения к образам поп-культуры, в частности таким, как женщина-ниндзя, часто появляющаяся в анимации и манга, к кинофильмам или явлениям повседневной жизни, вроде уподобления деятельности Коидзуми бесполезной по сути кампании *кууру бидзу*. И наоборот, изображения предвыборной кампании в виде спортивных поединков лидеров партий, будь то борьба сумо или бокс, или тонущего в воде проигравшего политика являются довольно затасканными метафорами, которые вряд ли могут привлечь читателя, поэтому мы и не стали приводить их в качестве примеров. Совершенно очевидно, что сейчас, как и всегда, поп-культура обогащает карикатуры и делает их более смешными.

С точки зрения изобразительных средств можно сказать, что в современных японских карикатурах присутствуют две тенденции. Одна выражена в стремлении художников довести до совершенства и многозначности *хитокома манга*, используя в том числе жанр *нигао-э* (букв. «похожие лица»), оставляя рисунок без подписи. Трудности этого приема состоят в необходимости объяснить в одной картинке сложный политический контекст просто и понятно. Однако, по мнению Токоро Юкиёси, именно рисунки в жанре *нигао-э* могут дать возможность «раскрыть черты характера человека, обладающего властью»⁸. Такую тенденцию можно наблюдать в приведенных выше рисунках Уно Камакири. По мнению других художников, сейчас

⁸ Интервью с Токоро Юкиёси 15 октября 2005 г.

более перспективны политические карикатуры, состоящие не из одного, а из целой серии рисунков, снабженных притом пояснительным текстом⁹. Недавно такие карикатуры Нисимура Коити появились на страницах влиятельного общественно-политического журнала «Сэйрон», выпускающегося издательством Кэйдзай симбунся. В этом случае политическая карикатура приближается к столь популярным в Японии комиксам¹⁰.

Японские карикатуристы признают, что в принципе все преимущества у телевидения, но пока среди них нет безработных; карикатуры публикуются в центральных и префектуральных газетах на одной из первых страниц, регулярно проводятся выставки работ художников. Вместе с тем Интернет открывает новые возможности для популяризации карикатур, когда художник может непосредственно вступать в контакт со зрителем без посредничества газет. Однако индивидуальных сайтов профессиональных художников-карикатуристов в Японии пока немного. Возможно, все это косвенно говорит о востребованности жанра политической карикатуры в современном японском обществе в том виде как он есть, и без этого популярного жанра трудно представить себе мир политики.

Список литературы

- Михайлова Ю. Политическая карикатура Японии периода Мэйдзи: к проблеме формирования канона. Японская мозаика. СПб., 2009. С. 148–166.
- Рамзес В. Коидзуми завершает свою миссию // Япония эпохи Коидзуми. Оценки и перспективы. М., 2007. С. 19–80.
- Asono Akihiko. «Кэйсэйсай миндзюцу» Ёкота Сиги. Maimai kurabu ([Рубрика] Ёкота Сиги «Управляя страной, помогай народу. Клуб Майнити симбун»). [https://my-mai.mainichi.co.jp/mymai/modules/weblog_isono108/details.php?blog_id=927] (доступ 31 октября 2010 г.).
- Ибараги Масахару. Мэдэа-но нака-но манга (Манга в средствах массовой информации). Киото, 2007.
- Ибараги Масахару. Сэйдзи манга-но сэйдзи бунсэки (Политический анализ политических карикатур). Токио, 1997.
- Кэйсэйсай миндзюцу (Управляя страной, помогай народу). [http://mainichi.jp/select/biz/keiseisaimin/] Минна-но сэйдзи (Политика для всех). [http://seiji.yahoo.co.jp/guide/manga/top.html]
- Утияма Ю. Коидзуми сэйкэн. «Патосу-но сюсё» ва нани-о каэта-но ка? (Правление Коидзуми. Что изменил «пафосный премьер-министр?»). Токио, 2007.
- Яку Мицую. Соситэ Коидзуми район ва айсуру то «тихиро-но тани»-ни цукиотосу но ка (Сбросит ли Лев Коидзуми в пропасть свою любимую партию? // Асахи симбун. 07.08.2005. С. 3.
- Ямада Син. «Сакэта тайя» ня мирэн-га най га, кавари-но най но га дзяку-но танэ (Негодную шину не жалко, но другой, к сожалению, нет). Асахи симбун. 20.08.2005. С. 3.
- Corner J., Pels D. Introduction // Media and the Restyling of Politics: Consumerism, Celebrity and Cynicism. L., 2003.
- Danjoux I. Reconsidering the Decline of the Editorial Cartoon // Political Science & Politics. 2007. Vol. 40, No 2, April. P. 245–248.
- Davies M. Are We Witnessing the Dusk of a Cartooning Era? // Nieman Reports. 2004. Vol. 58, No 4, Winter. P. 6–8.
- Duus P. Presidential Address: Weapons of the Weak, Weapons of the Strong — The Development of the Japanese Political Cartoon // The Journal of Asian Studies. 2001. Vol. 60, No 4, November. P. 65–997.

⁹ Интервью с Нисимура Коити 15 октября 2005 г.

¹⁰ Примеры комиксов на политические темы можно найти на Интернет-странице: Минна-но сэйдзи (Минна-но сэйдзи).

- Enval H.D.P.* Exceptions That Make the Rule? Koizumi Junichiro and Political Leadership in Japan // *Japanese Studies*. 2008. Vol. 28, No 2, September. P. 227–242.
- Finance and Economics: Return to Sender; Japan's Failed Postal Privatization // *The Economist*. L., 2010. Vol. 395, No 8676, April 3. P. 77.
- Kabashima I., Steele G.* The Koizumi Revolution // *Political Science and Politics*. 2007. Vol. 40, January. P. 79–84.
- Hayden J.* A Review of Drawn to Extremes: The Use and Abuse of Editorial Cartoons by Chris Lamb // *Newspaper Research Journal*. 2005. Vol. 26, No 2/3, Spring. P. 137–138.
- Krauss E.S.; Nyblade B.* 'Presidentialization' in Japan? The Prime Minister, Media and Elections in Japan // *British Journal of Political Science*. 2005. No. 35. P. 357–368.
- MacLachlan P.* Storming the Castle: The Battle for Postal Reform in Japan // *Social Science Japan Journal*. 2006. Vol. 9, No 1. P. 1–18.
- Mare J.* Japan: Koizumi Goes Postal // *Green Left Weekly*. 2007. September 7. [<http://www.greenleft.org.au/node/36114>]
- McClure L.* The Cartoonist's Edge // *Career World*. 2004. Vol. 33, No 2, October. P. 11–12.
- Simons J.* Popular Culture and Mediated Politics: Intellectuals, Elites and Democracy // *Media and the Restyling of Politics: Consumerism, Celebrity and Cynicism*. L., 2003. P. 171–189.
- Tamamoto M.* Ambiguous Japan: Japanese National Identity at Century's End // *International Relations Theory and the Asia Pacific*. N. Y., 2003. P. 191–212.
- The Curtain Draws on "Koizumi Theatre". [<http://www.orange.mu/kinews/afp/people/136088/the-curtain-draws-on-koizumi-theater.html>] (доступ 6 ноября 2010 г.).

Summary

Yulia Mikhailova

Prime Minister Koizumi Junichiro in Political Cartoons: On Characteristic Features of Contemporary Japanese Cartoons

The article claims the usefulness of political cartoons as an object of research. It is based on cartoons mocking the former Japanese prime minister Koizumi Junichiro which appeared in newspapers during July–September 2005 when he struggled for the bill on the postal reform. The article examines the characteristic features of contemporary Japanese political cartoons arguing that in contrast to television which aims to create attractive images of politicians, cartoons, by virtue of the genre itself, look at them more critically. However, in the post-war Japanese society where consensus and conformism prevail, political cartoons have lost their function of satire and serve as a means of entertainment. Their sarcasm refers only to the behaviour of politicians, but not to the essence of politics. In this sense, Japanese political cartoons fit well into the contemporary political style characterised by performance and attention to persona.

В.М. Рыбаков

**«Подкуп избирателей по-тански»:
манипулирование общественным мнением
как уголовное преступление по законам китайской династии Тан**

Статья посвящена анализу и интерпретации одного сложного и весьма существенного для понимания традиционной китайской правовой мысли уголовного предписания танского Кодекса «Тан люй шу и». В данном предписании устанавливаются наказания для чиновников, пытавшихся при отсутствии реальных управленческих успехов и заслуг побудить подведомственное население противозаконным образом устанавливать в свою честь незаслуженные хвалебные каменные стелы или, вводя в заблуждение вышестоящие инстанции, отправлять наверх петиции с просьбами о такой установке.

Ключевые слова: государство и право, идеология бюрократии, борьба с коррупцией.

Танское уголовное право выделяло шесть основных типов имущественных преступлений, так называемые «шесть присвоений». Это были: грабеж, кража, взятка, приведшая к нарушению закона, взятка, не приведшая к нарушению закона, получение имущества в сфере полномочий и незаконное присвоение (*цзо цзан* 坐贓).

Это шестое присвоение в самом Кодексе определяется так: чиновник, который в силу ограниченности своих служебных возможностей не имеет власти, достаточной для оказания давления на тех, кто ему подчинен или подконтролен, получает некое имущество в связи с исполнением им своих служебных обязанностей.

Данный вид присвоения наказывался наиболее легко из всех шести. В зависимости от стоимости присвоенных материальных ценностей наказание могло колебаться от минимума в двадцать ударов легкими палками до максимума в три года каторги.

Это очень интересный вид присвоения, и на самом деле разработанная для него шкала наказаний применялась отнюдь не только к чиновникам и отнюдь не только к ситуациям реального получения незаконной выгоды. Это был универсальный способ наказания виновников перемещения имущества не тогда и не туда, когда и куда оно должно было бы переместиться, если бы его движение было абсолютно правомерным.

Например, если с каких-то семей был взыскан налог, который не полагалось взыскивать (потому ли, что данной местности было даровано освобождение из-за стихийного бедствия, или индивидуально — из-за того, что эти семьи переселились недавно из малоземельных густонаселенных областей в новые места, или налог был самоуправно завышен властями), виновный государственный служащий, даже при том что излишек пошел в казну, нес наказание по статье о незаконном присвоении. Он не проявил никакой личной корысти, он не обогатился и не нажился за чужой счет. Более того, он вроде бы принес дополнительный доход государству. Но квалифицировался он как виновник незаконного присвоения и в соответствии с его величиной наказывался, будто сам присвоил незаконно взысканный налог. И точно так же

наказывался он за присвоение, если по закону обязан был взыскать налог, но оставил его или какую-то его часть у налогоплательщиков.

Этот пример как нельзя лучше показывает, что тот, кто обвинялся по статье о незаконном присвоении и должен был получить по ней наказание, совсем не обязательно совпадал с реальным получателем присвоенного.

Человеческое тщеславие — вещь вполне понятная, в сущности — простительная и, по большому счету, неизбежная и даже необходимая для человека, который отдает жизнь государственной службе и, стараясь исполнять ее как можно лучше, честно и бесхитростно озабочен вдобавок ко всему еще и тем, чтобы его достоинства и успехи оказались замечены начальством и стали известны потомкам.

Однако для всего существовали узаконенные процедуры. Сначала обращались в округ, оттуда отправляли доклад в Правительствующий надзор, там проводили разбирательство, о результатах которого направляли докладную записку императору, тот выносил решение, и если оно оказывалось положительным, приступали к увековечиванию памяти героя.

Тип служащих, о которых идет речь в статье, охарактеризован в тексте так:

Находящиеся на должностях старшие чиновники (*цзайгуань чжанли* 在官長吏). Имеются в виду начальники (*чжангуань* 長官) и чиновники более низкого уровня во всех столичных и провинциальных учреждениях, осуществляющие общее управление (*линътун* 臨統) тем, что им подведомственно (*собу* 所部)¹.

А суть их преступных деяний, за которые в данной статье назначаются наказания, описана так:

«Не смог наставить [подведомственных] на путь добродетели и выровнять церемонии, изменить нравы и преобразить обычаи, так что в действительности его служебная деятельность не имеет [благих] последствий. Но произвольно излагал собственные заслуги, возвеличивая и приукрашивая их пустыми, [не соответствующими действительности] словами, и тем подбил подведомственных самоуправно поставить [себе] хвалебную памятную стелу. Наказание — один год каторги. Подведомственные, поставившие хвалебную памятную стелу, подлежат ответственности как соучастники.

Тот же, кто побудил людей произвольно превозносить свои достоинства и обратиться вверх с прошением [о разрешении поставить себе памятную стелу], наказывается 100 ударами тяжелыми палками»².

Отметим, что речь здесь идет о наказании самих чиновников, которые, вместо того чтобы реальной службой на благо страны и народа заслужить поощрение начальства и благодарность грядущих поколений, пытались правдами и неправдами обмануть судьбу и выбить такое поощрение либо такую благодарность не результатами деятельности, а деятельностью на результат.

Легко заметить, однако, что наказания не были суровыми.

Но положение менялось, если в деле оказывалась замешана материальная выгода.

К сожалению, именно здесь Кодекс оказывается огорчительно лаконичен.

В основном тексте статьи:

«Если присвоение [наказывается] тяжелее, наказание определяется за незаконное присвоение (*ю цзан чжун чжэ цзо цзан лунь* 有贓重者坐贓論)».

¹ Тан луй шу и. Ст. 134. См. также: Уголовные установления Тан, 2001, с. 82.

² Там же; о преступной дезинформации императора см.: Тан луй шу и. Ст. 368. См. также: Уголовные установления Тан, 2005, с. 321.

В разъяснении к основному тексту:

«Имеется в виду, что, если из расчета [стоимости] присвоение наказывается тяжелее, чем исходное преступление (*цзи цзан чжун юй бэньцзуй* 計贓重於本罪), выносят приговор, следуя присвоению (*цун цзан эр дуань* 從贓而斷)³.

Сразу можно понять одно: наказание за исходное преступление — это либо один год каторги за самоуправную установку стелы в честь местного честолюбца, либо сто ударов тяжелыми палками за дезинформацию вышестоящих инстанций относительно его успехов и достоинств. Оба этих наказания, мы помним, предназначены исключительно для самого чиновника, подбившего на то или иное из этих действий своих подведомственных.

Но что имеется в виду под присвоением? И для кого предназначено наказание за него?

Текст Кодекса бывает порой избыточно подробен, а бывает, что существенные вещи он оставляет за кадром, словно они сами собой разумеются. Возможно, для тогдашних юристов так оно и было. Но нам сейчас приходится туго.

Например, У. Джонсон в своем переводе танского Кодекса понял текст так, что в этой фразе имеется в виду стоимость незаконно поставленной стелы. Без сомнений и без комментариев он пишет прямо в тексте своего перевода: «...the calculated value of illicit goods (id est, the stone monument)...»⁴, т.е. «подсчитанная стоимость незаконно-го имущества, т. е. каменного памятника...».

При такой трактовке получится, что тщеславного чиновника следовало наказывать уже не одним годом каторги, а тяжелее, в тех случаях, когда стоимость незаслуженной стелы превышала ту, при которой по шкале незаконных присвоений полагался один год каторги.

Сразу встает масса вопросов. Имеется в виду стоимость стройматериалов или стоимость труда, затраченного на постройку? Или их сумма? А если трудились рабы, а не призванные на работы свободные, как надлежало подсчитывать стоимость стелы в таком случае?

И кто нес ответственность по статье о незаконном присвоении? Чиновник, которому поставили стелу? Но почему, ведь он только подбил ее ставить, но не сам же он полностью оплачивал ее строительство? Ее ставили, как сказано в статье, подведомственные. Почему он отвечал в соответствии со стоимостью монумента? А если речь идет об имущественной ответственности поставивших стелу подведомственных, как следовало делить эту ответственность между ними?

Кроме того. Судя по тексту, вероятность возникновения неких незаконных присвоений равно относится и к ситуации постройки стелы, и к ситуации неправомерного обращения наверх с прошением. Однако вторую из них трактовка У. Джонсона просто замалчивает и тем самым исключает. Почему?

Но даже если предположить, что тут равно имеется в виду и направление наверх незаслуженных дифирамбов, стоимость каких объектов тогда надлежало бы подсчитывать? Бумаги и туши? Сколько же надо было их извести, чтобы их стоимость могла стать сопоставимой со стоимостью каменного монумента?

Куда естественнее предположить, что и во фразе относительно незаконных присвоений речь идет об активности самого тщеславного чиновника, пытающегося любыми средствами добиться установки стелы или хотя бы отправки прошений о раз-

³ Тан луй шу и. Ст. 134. См. также: Уголовные установления Тан, 2001, с. 82.

⁴ The T'ang Code, p. 103.

решении ее поставить. И это он, наш честолобец, пытается материально подбодрить подчиненных или подконтрольных людей на противоправные действия. Подачками, подарками, взятками — назвать это можно как угодно.

Но тогда надо ответить на новый вопрос: на кого или на что указывает короткая формулировка *ю цзан чжун чжэ* 有賊重者? Формально ее можно понять и как «если имелся тот, кто получил присвоение, наказуемое тяжелее, чем...», и как «если имело место присвоение, наказуемое тяжелее, чем...».

Казалось бы, первый вариант более приемлем. Тогда, предположительно, все встает на свои места: если среди тех, кто противозаконно ставил стелу или отправлял неправомерное прошение об ее установке, был кто-то, получивший за эти действия от тщеславного чиновника столь щедрые подношения, что их стоимость достигла урочной величины, такой человек наказывался как совершивший незаконное присвоение — исходя из стоимости того, что получил.

Но почему тогда ничего не говорится о трансформациях наказания самого чиновника? О какой-то зависимости полагавшегося чиновнику наказания от того, просто уговорами добился он угодных ему действий подведомственных людей или, что заведомо хуже, деньгами играя на их низменных чувствах, на прямой корысти? О какой-то зависимости полагавшегося чиновнику наказания от величины совершенного им подкупа?

Остается предположить, что и в тех случаях, когда говорится о присвоении и соответствующем ему наказании, превышающем в случае постановки стелы один год каторги, а в случае посылки прошений — сто ударов тяжелыми палками, в фокусе правовых предписаний находится также сам честолобец. Именно к нему относится термин «присвоение». Именно он должен был быть наказан соответственно его стоимости в тех случаях, когда она, эта стоимость, обеспечивала превышение наказания над одним годом или над ста ударами.

Картина на первый взгляд получается парадоксальной — и в то же время абсолютно логичной. Наказание за незаконное присвоение получал человек, который не только не обогатился, напротив, он обеднел на ту сумму, согласно которой ему должен был быть вынесен приговор. Но из-за его действий эту сумму присвоили другие. Преступник истратил деньги или ценности на то, чтобы побудить подведомственных людей совершить неправомерные действия — и согласно полной, суммарной стоимости того, что он истратил на подкуп, он получал наказание, как если бы присвоил эту сумму сам.

Сколько чиновник потратил на то, чтобы добиться незаконных действий подведомственных ему людей, на столько он и был виноват. На сколько он обеднел, пытаясь удовлетворить свое тщеславие, на столько и проявил корысти.

Похоже, перед нами не что иное, как уголовная статья за «подкуп избирателей», совершенный с использованием «административного ресурса». Конечно, с поправкой на эпоху.

Список литературы

- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999; цзюани 9–16. СПб., 2001; цзюани 17–25. СПб., 2005; цзюани 26–30. СПб., 2008.
- Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотекасерия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
- The T'ang Code. Transl. with an introd. by W. Johnson / Vol. II: Specific Articles. Princeton, 1997.

Summary

V.M. Rybakov

Tampering with the Voters in the T'ang Dynasty Manner: Manipulating Public Opinion as a Felony under the Laws of the Chinese T'ang Dynasty

The article analyses and interprets one of the T'ang Code instructions, which is difficult for understanding but rather essential for the comprehension of Chinese legal thought. The given instruction sets the punishments for the officers who lack the actual administrative success and merits, but who try to induce the subordinate population to build illegally laudary monuments in their honor which they never deserved, or to send petitions with requests for such installations.

М.И. Воробьева-Десятовская

Материалы Н.Ф. Петровского в ИВР РАН¹

Статья посвящена Николаю Федоровичу Петровскому (1837–1908), генеральному консулу Кашгара (Восточный Туркестан, в настоящее время — Синьцзян). Петровский проработал в Кашгаре с 1882 по 1903 г. Археолог, историк, политик, он принес большую пользу России, участвуя в «Большой Игре» и оберегая интересы России. Напряженные отношения между Россией, Англией, Китаем и Афганистаном, сложившиеся во второй половине XIX — начале XX в., борьба за обладание территориями Средней Азии, Тибета, небольших государств к северу от Индии, опасения Англии утраты владычества в Индии получили в политике название «Большая Игра». Он внимательно следил за движениями Англии, стремившейся расширить свои владения в Восточном Туркестане. Но главная задача, которая была поставлена перед Петровским Академией наук, состояла в исследовании памятников древности, их описании и нанесении на карту. Петровскому Институт восточных рукописей РАН обязан своими коллекциями индийских, хотанско-сарматских, тибетских, тохарских и других рукописей, созданных народами, проживавшими на территории Восточного Туркестана с глубокой древности. Коллекция памятников искусства первых веков нашей эры была доставлена в Государственный Эрмитаж (около 3000 единиц хранения).

Ключевые слова: Кашгар, Хотан, памятники письменности, артефакты.

Николай Федорович Петровский родился в Москве 30 ноября 1837 г. в семье военных. Этим был обусловлен и его выбор учебного заведения: он поступил во второй Московский кадетский корпус и закончил его. Интересы тянули молодого офицера на Восток, переходя из одного ведомства в другое, он все ближе и ближе продвигался к Средней Азии, а затем — к Центральной. В 1858 г. началась его первая служба — поручик в Астраханском гренадерском полку. Однако военная служба продолжалась недолго. Через год мы видим его репетитором русского языка в Александровском кадетском корпусе. В следующем году он совсем покинул военную службу — литература, экономика, этнография, археология, политика интересовали его значительно больше. Чин младшего офицера ставил его в трудное материальное положение. Приходилось жить на съемных квартирах. Офицеры играли в карты, пьянствовали. Напротив, языки, в том числе восточные, и наука занимали большую часть времени Петровского. Хорошо образованный, знакомый с историей России на Востоке, он начал писать статьи и книги. В то же время он сменил службу в нескольких ведомствах: в министерстве финансов, министерстве иностранных дел. В 1865 г. Н.Ф. Петровский женился и поступил на службу в Государственный контроль. В 1870 г. он был назначен агентом Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве. В работе он отличался особой тщательностью. Служба проходила в основ-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История изучения буддизма в материалах и документах 1900–1920-х гг. Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН», проект № 10-01-00252а.

ном в Ташкенте, куда к тому времени переехала и его семья. Ему поручали сбор торговых и разведывательных сведений. Так, в 1872 г. его послали в Бухару, только что присоединенную к России. Результатам поездки он посвятил интересную и полезную во всех отношениях статью «Моя поездка в Бухару. Путевые наблюдения и заметки» (Вестник Европы, 1873, с. 209–248). Важным было и другое его исследование: «Шелководство и шелкомотание в Средней Азии. Отчет Министерству Финансов Агента в Туркестанском Генерал-губернаторстве» за 1874 г. К книге было приложено обозрение туземного хозяйства и той пользы, которую может принести торговля со Средней Азией. Прямо Петровский пишет об этом в 1873 г. в своем отчете в министерство финансов, который так и называется: «Материалы для торговой статистики Туркестанского края».

Одной из важных работ Петровского, знатока персидского и арабского языков, которые он изучил за 10 лет работы в Средней Азии, стал справочник «Древние арабские дорожки по средне-азиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Пособие для разыскания древних путей и местностей», вышедший в Ташкенте в 1894 г. В предисловии к справочнику Петровский отмечает важность исследований Средней и древней Азии как с исторической, так и с археологической точки зрения. Он пишет: «Со времени занятия русскими этих местностей, составляющих ныне наши среднеазиатские владения, немало лиц, посещавших их и живущих в них, занималось в разных отношениях их изучением. В недавнее время область исследований, именно археологических, сравнительно с другими, забытыми и отставшими, начало которых было положено прекрасными трудами покойного И.И. Лерха (об этом см.: Лерх, 1870), стала более, чем прежде, обращать на себя внимание и проявлять себя в раскопках и описаниях остатков древности» (Петровский, 1894, с. 1).

Далее Петровский отмечает, что археологические раскопки в Средней Азии пока еще очень незначительны и производились не специалистами, а случайными путешественниками, которые, однако, понимали всю важность этих работ. Даже без археологических раскопок путешественникам было ясно, что эти места связаны с древностью и здесь располагались стоянки или остановки на караванных путях. На картах оставалось довольно много таких свидетельств. Таким образом, была создана канва, и притом довольно обширная, в том числе и в трудах арабских ученых, сведения которых были собраны. Лучшим собранием следует считать труды А. Ширингера, которые сопровождалось приложением в виде 16 карт. Труд был переведен на русский язык, к сожалению, без карт. Старожил Ташкента г. Шварц на основании свидетельств греческих писателей и своих путешествий воссоздал путь по Туркестану Александра Македонского.

Книга Н.Ф. Петровского содержит много полезных сведений о Средней Азии. Он был первым, кто подробно описал пути, которыми пользовались в древности, и основные точки продвижения арабов по Средней Азии.

К сожалению, работа Петровского в Туркестанском округе была малоизвестна его современникам. Об этом пишет и Ольденбург С.Ф. в некрологе «Памяти Николая Федоровича Петровского». Он пользовался сведениями, полученными от одного из полковников, работавших в разведке Восточного Туркестана, А.Д. Калмыкова. Но этого было недостаточно. 1 июня 1882 г. Н.Ф. Петровский был назначен Консулом Кашгара. Консульство было только что открыто. В 1886 г. его великолепная работа была отмечена Туркестанским генерал-губернатором, и он получил звание Генерального консула. Состав миссии следующий: генконсул с семьей (жена и сын), секретарь Лушт, врач и конвой из 50 казаков. С этого времени связь Н.Ф. Петровского с науч-

ным миром, и особенно с С.Ф. Ольденбургом и В.Р. Розеном, стала постоянной и заложила основу коллекции рукописей из Восточного Туркестана. Среди них были фрагменты рукописей на санскрите, на хотано-сакском языке, на тохарском Б, на уйгурском, на тибетском языках. В основном Петровский покупал рукописи у местного населения. Большую часть коллекции составляют санскритские и хотано-сакские рукописи.

Кашгарское консульство благодаря характеру Петровского, справедливо относящемуся к местному населению, отличалось от всех других местных консульств. Он так описывал его: «Кашгарское консульство далеко не похоже на все другие консульства: это нечто вроде и полицейского участка с почтовой конторой, и камеры судьи, и места, где нередко занимаются делами серьезного политического характера» (Памятники индийской письменности из Центральной Азии, 2004, с. 346). Н.Ф. Петровский был прекрасным политиком. В сложные времена, когда произошло нападение на Памирский пост, отношения с Англией, Китаем и Афганистаном становились все более напряженными, Петровский проявил глубокие познания в «Большой Игре», строго следил за попытками ослабить российскую политику в Средней и Центральной Азии и испытывал стыд за грубые и неверные шаги российских войск на этой территории. Он выступал защитником местного населения от несправедливости и больших налогов, которые им приходилось платить местным баям. Однако Туркестанский генерал-губернатор был недоволен деятельностью русской администрации на вновь присоединенных территориях. Так, в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН хранится секретное распоряжение Туркестанского генерал-губернатора начальнику Памирского отряда. Хотя распоряжение адресовано не генералу Петровскому, но оно показательное для характеристики политики России в Средней и Центральной Азии. Приведем выдержки из этого распоряжения: «В текущем году (май 1903 г.) Бухарское правительство намерено приступить к сбору податей с населения Памирских бекств. Размеры податей и сборов, выработанные бывшим начальником Памирского отряда <...> местной бухарской администрацией и утвержденные Министерством Иностранных Дел и Военным, по возможности низкие и не должны лечь тяжелым бременем на население. Если подати будут увеличены, местным жителям будет очень трудно платить эти сборы. Самый способ взимания их бухарскими властями легко может вызвать неудовольствие среди населения <...> Вашему Высокоблагородию надлежит зорко следить за всем ходом этого дела и сообщать о нем Политическому Агенту нашему в Бухаре, особенно в случае несправедливости или притеснения со стороны бухарских чиновников». Вмешиваться в дела бухарской администрации не следует (АВ ИВР РАН. Ф. 115, оп. 1, № 131).

Петровский не нарушал распоряжений Туркестанского генерал-губернатора. Именно правильное поведение консула в сложной политической ситуации и помощь местному населению привели к тому что, оно выражало желание поскорее перейти под власть Белого Царя. Во всех сложных ситуациях Петровский старался поддерживать авторитет России.

В 1885 г. Петровский представил царскому правительству «Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского о делах за последние годы». Интересны вопросы, которые он затронул в нем: «1) Краткий обзор Восточного Туркестана. 2) Административное устройство, управление, подати, повинности. 3) Земледелие, промыслы и естественные богатства. 4) Отчет о торговле Восточного Туркестана. 5) Торговля с Россией, Малым Тибетом, Бадахшаном и другими малыми странами» (Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXII, 1886, с. 1–61).

В Архиве восточных рукописей РАН хранятся докладные записки и письма Петровского, которые в основном использованы в этой работе. Больше всего Петровский беспокоился о том, что Россия может потерять выгоду от торговли с соседними странами.

В Архиве востоковедов хранится Записка «К вопросу о соперничестве русских и английских мануфактурных товаров на рынках Средней Азии» (АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15). Захват Англией Читрала и приближение англичан к границам России Петровский воспринимал особенно болезненно. Он видел, что английские товары постепенно вытесняли российские с рынков Центральной Азии, и сам был готов принять участие в торговых операциях.

Мы уже упоминали, что Институт восточных рукописей РАН обязан своей богатой коллекцией прежде всего Петровскому, а его работой по собиранию этой коллекции руководили ученые Азиатского музея. В Архиве востоковедов Института восточных рукописей хранится переписка Петровского с С.Ф. Ольденбургом, бароном Виктором Романовичем Розеном и другими учеными. В этих письмах Петровский описывал памятники древности, которые он разыскал сам в Кашгаре и о которых специально расспрашивал жителей Кучи. Он использовал помощь местных жителей, которые хорошо знали и окрестности, и легенды, распространенные в Восточном Туркестане. Это были первые сведения, полученные в России, а из России они стали достоянием ученых на Западе.

Приведем отрывки из переписки Петровского и Розена. Розен в письме от 1 декабря 1892 г. сообщил Петровскому, что Восточное отделение Императорского Русского археологического общества, заслушав сообщение Ольденбурга С.Ф., постановило обратиться к Петровскому за разъяснением следующих вопросов:

«1. Имеются ли в Консульстве или не могут ли быть получены путем расспросов сведения об остатках древности в Куче или иных местностях Кашгарии?

2. В какой мере отдельное лицо или же экспедиция, направившаяся для археологических изысканий в Кучу, могут рассчитывать на то, что китайские власти и население не станут препятствовать им в работе?»

Петровский ответил: «В ответ на предложенные мне вопросы имею честь сообщить нижеследующее:

1. Сведения об остатках в Восточном Туркестане древностей — несторианских, буддийских и всяких других собираются мною давно. О первых из них я не получил до сего времени ничего положительного, даже не слыхал и преданий, которые можно было бы отнести к несторианству. Все, если не считать одной местности верстах в 30 к северо-востоку от Кашгара, где есть развалины, носящие название Биби-Мариам (на картах: Бу-Миргам), связанные с преданием о Богородице; но таких местностей, как Вы изволите знать, в Средней Азии много, и утверждать, что предания о них занесены несторианами, едва ли возможно. Памятники буддийские существуют во всем Восточном Туркестане, и кажется, есть основания предполагать, что они найдутся даже на Памирах, если название местности Сума-таш (у озера Яшиль-Куль) объяснять монгольским словом сумэ — молитвенный храм (об этом см.: Позднеев, 1887). Все памятники немусульманского времени обыкновенно приурочиваются в рассказах туземцев к древнейшим временам Дакиануза или Афросиаба. В Куче и его окружении этих памятников очень много: в горах, недалеко от дороги, есть остатки древних зданий из тесаного камня; есть, кажется, ступы, а также и другие развалины. Сам я там не был, но с целью проверить сведения прежних времен, упоминавшиеся в трудах Иакинфа, Риттера и Григорьева, я расспрашивал приезжавших оттуда ту-

земцев и наших мусульман. Судя по их рассказам, можно, кажется, заключить, что те древние башни без окон и дверей, которые находятся в окрестностях этого города, должны быть не чем иным, как ступами. Находка господина Боуэра близ Кучи рукописи была совершенно случайной. Боуэр показывал ее в Кашгаре секретарю консульства Я.Я. Лютшу, и сей последний написал об этой находке полковнику Певцову (или Роборовскому?) с целью обратить их внимание на кучинские древности, когда экспедиция на обратном пути будет проходить эту местность. При сем я высылаю купленный мною года два назад в Кашгаре листок, написанный на неизвестном мне языке, который похож на листы книги Боуэра². Ввиду желания Отделения осведомиться об этих древностях, я счел своим долгом послать в Кучу знающего этот город и его окрестности смышленого туземца, поручив ему доставить мне сведения: где, в каких местах и какие, по внешнему виду, находятся там древности. Вместе с тем я дал ему 25 рублей на случай покупки какой-нибудь из вещей из этих развалин.

Если кто-либо из местных жителей будет предлагать более ценные находки, я буду приглашать их в Консульство в Кашгар.

Под самым Кашгаром мне известны и мною осмотрены два памятника древности, из которых один — буддийский, а другой, вероятно, буддийский. Я намерен в ближайшее время подробно исследовать и описать эти памятники. Первый из означенных памятников — развалины сильно поврежденной ступы, упоминаемой, согласно В.В. Григорьеву, еще Птолемеем (Григорьев, 1871, с. 36), — находится верстах в трех от Кашгара на северной стороне города за рекой Туменем, протекающей многими рукавами между городом и возвышенной местностью (лессовая почва), оканчивающейся крутым, почти вертикальным, уступом. На возвышенности, саженях в трехстах от уступа, лежат означенные развалины. Со стороны города развалины виднеются в виде кургана. Местность, где находятся развалины, могла бы быть названа ровною, если бы ее поверхность не была изрыта вглубь. Большие и малые щели были размыты водой, как это обычно бывает с лессовыми почвами. Ступа, как можно судить по ее теперешнему виду, имела форму не цилиндрическую, а усеченного конуса, а может быть, и двух цилиндров, из которых верхний рассыпался и частично закрыл нижний. Вокруг ступы обведен ров (теперь неправильной формы) глубиной в 3–4 сажени. Основание ступы находится на дне этого рва. Сложена ступа, полностью или частично, из кирпича неправильной формы, похожего на куски обожженной глины. Кирпича правильной формы мне найти не удалось. Окрестная местность несомненно была застроена, судя по остаткам кирпичей и глины. Ступу, как мне рассказывали местные жители, пытались разрыть китайцы в прежнее, до якуб-бековское время, но нашли ли в ней что-нибудь — неизвестно».

Другой памятник древности находится верстах в пятнадцати к северу от Кашгара на большой дороге, ведущей из этого города в селение Артышь. Н.Ф. Петровский писал об этой местности: «Есть два Артыша — Нижний (астын) и Верхний (устюн). Оба они очень древние. Позволю себе заметить, что оба эти Артыша очень подходят к тем двум *Birsgan*'ам, которые указываются у A. Sprenger'a (*Post u Reiserouten des Orients*, S. 24) по дороге из Узгенда в город Хакана *Taghorghoz*'ов. До сих пор я еще не получил списка Кентов, т.е. кварталов или частей этих двух поселений. В названиях Кентов (всегда очень многочисленных даже в небольших селениях) ближе всего следует искать следов древности: наименований древних оседлых жителей и племен»

² Этот листок попал в конце концов в Азиатский музей, в руки. С.Ф. Ольденбурга, и был опубликован им как одна из первых находок из Восточного Туркестана. Книга Боуэра была опубликована Р. Хёрнле в «*Indian Antiquity*», XXI, 1892. Транскрипция, факсимиле и перевод на английский язык с примечаниями были опубликованы им же в Калькутте, в 1893 (примеч. М.И. Воробьевой-Десятовской).

(АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15; об этом см. также: «Описание Восточного Туркестана», перевод о. Иакинфа. СПб., 1829, часть II, с. 143). Памятник обнаруживается тремя отверстиями в форме окон или дверей в уступе горного отрога; сажень в полтора от этих отверстий он продолжается к северу за селение Артыш и далее. Памятник называется туземцами «учма-раван», Н.Ф. Петровский описывает его так: «Я полагал было, что первое слово следует читать **Уч**, т.е. „три“, так как самих отверстий три; но туземцы объясняют название иначе: „учма“ значит разлетающийся, рассыпающийся; дорогу узкую, трудную по осыпающейся местности, называют учма-юг. Другие жители называют так „абрикос“ (из селения Исфара в Фергане), который в сушеном виде рассыпается на зубах (местное название учма-кандак). Следовательно, согласно толкованию туземцев, название это должно обозначать „осыпающийся или трудный вход“» (АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15). «Горы, где находятся отверстия, шириною в несколько десятков сажень; сзади отверстий, т.е. за горами, находятся глубокие овраги; по берегу одного из них тянутся³ как будто остатки или основание стены или вала. О местах этих существует предание о том, что в помещении с тремя отверстиями жила китайская царица. Подробности об этой царице неизвестны. При осмотре памятника и окрестностей я сначала готов был предположить, что отверстия эти — остаток подземного помещения, находящегося в кремле бывшего здесь некогда города или крепости, и что осыпавшаяся гора, оторвав часть этого помещения, сделала видимыми двери его комнат; но осмотрев местность, я не смог найти признаков входа в помещение, а один из сопровождавших меня конвойных казаков вскарабкался по веревочной лестнице, чтобы посмотреть внутрь отверстий, и сообщил мне, что за отверстиями находится комната с двумя дверями и что посредине комнаты сидит болван. Все это казак видел мельком, потому что лестница качалась и была очень ненадежна. Вероятно, что этот памятник подобен тому, о котором упоминается в сочинении В.В. Григорьева (Григорьев, 1873, с. 140). Это, очевидно, один из буддийских памятников. О других памятниках древности в Восточном Туркестане, неизвестного происхождения, известно тоже очень много, но ни один из них не исследован. Не говоря уже о тех, которые погребены под песками Такла-Макан (Григорьев, 1873, с. 162)⁴. Иногда сильный ветер сметает верхний слой песка, и тогда обнаруживаются развалины домов и крепостей. Местные жители очень интересуются такими случаями и стараются успеть осмотреть эти развалины, чтобы разыскать старинные вещи. Я позволю себе указать, для примера, на несколько таких местностей, представляющих, по моему мнению, высокий исторический и археологический интерес. Недалеко от Яркенда, почти у самого предела песков, находится древнее поселение, носящее название Татар-Кишлак. Окрестная местность, почти до Хотана, называется татар-заамин, т.е. „татарская земля“. Н.Ф. Петровский характеризует эту местность следующим образом: «Древние жилища Тохаров находились в 900 ли от Хотана на восток, и высказывается предположение, что народ этот ушел из своих прежних поселений из-за песчаных бурь, засыпавших всю местность. Тамашек (*Centralfsiatische Studien*, I. S 38) пишет, что „unter den Tokhara's mongolische Elemente vorhanden gewesen“. В „Vocabulary of Proper Names in Chinese and English“ Porter Smith'a (Shanghai, 1870, P. 11) под словом Ho-si сказано: „Tangut or Tocharia, a region to North of Kokonor and NW of Shensi; the country of Uigurs“. В китайских известиях Тухара называется Тухоло. Не слышится ли это название в первом слове Такла-Макан? (см. Словарь Lenker'a „Nafe-nombnil“, S. 904a). А в горах „татарской зем-

³ Против отверстий тянутся также горы, в середине каменистого ложа — долина.

⁴ Здесь В.В. Григорьев опирается на сведения, собранные Сюань Цзаном.

ли“ из пупка серны добывают мускус, который называют ‘нафаи-хотан’ или ‘нафаи-татар’. Татары нашего времени никогда там не были.

Относительно второго Вашего вопроса я считаю себя обязанным сообщить, что я весьма сомневаюсь, что не только местные Китайские власти Кашгарии, но и Пекинское Правительство разрешило отдельному лицу или экспедиции производить в Кашгарии правильные раскопки древностей и воспользоваться найденными в них вещами. Пользуясь настоящим случаем, я позволяю себе доложить Отделению, что каким бы то ни было способом, используя сведения, полученные от случайных путешественников или местных жителей, было бы необходимо для Отделения сделать общий обзор и самое краткое описание памятников и местностей, интересных в археологическом отношении, обозначив на карте, где они находятся. Такой обзор или археологическая рекогносцировка могли бы заключаться, во-первых, в посещении местностей, которые упоминаются в сочинениях древних путешественников и географов и ныне существуют под теми же названиями⁵, а во вторых — в осмотре мест и памятников, о которых никаких сведений до сих пор не имелось.

Название местностей в Восточном Туркестане (как и вообще в Средней Азии) зависит преимущественно от следующих признаков:

а) от их конфигурации (например, Тенги-Тар, узкое темное ущелье); б) от растительности, наиболее характерной для данной местности (например: Арамитан, Урамитан — род тала; Каинды — березовая роща; Арпалык — ячменные поля и пр.); в) от цвета воды и почвы, их качества, от находящихся в земле полезных ископаемых (Кара-су, Ак-су, Шур-булак — горький от наличия селитры); Ключ, Лагизлык — болотистое место; Курга-шин-кане — свинцовые копи пр.; г) от зверей, птиц, насекомых, встречающихся в данной местности (Урдаклик — утиное болото; Чумалик — обилие муравейников); от названия племени или рода, жившего в этих местах ранее или в настоящее время (Саидлар — племя сеидов); е) от занятия жителей и внешнего вида поселения. Есть много других названий, происхождение которых неясно, или видоизмененные названия: например, старая крепость между Кашгаром и Ошем носит название Нагара-Чалды, что проживающие здесь киргизы переводят как „Барабан пробил“. Такие местности несомненно древние, и почти всегда в окрестностях их находятся развалины.

Путешествие по Восточному Туркестану одного лица или экспедиции, которые не собираются делать раскопок и вывозить что-нибудь из страны, мне кажется, не встретит сопротивление Китайских властей. Необходимо только испросить разрешение от Пекинского Правительства. Экспедиция должна быть снабжена достаточными средствами, ибо местные чиновники всегда готовы поживиться за счет чужеземцев» (АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15).

Сам Петровский составил 2 карты Восточного Туркестана, делая упор на обозначение дорог, которые приведут от одного места до другого, и дни, которые потребуются для этого перехода. Карты хранятся в Рукописном отделе Института восточных рукописей РАН.

Петровский проработал Генеральным консулом Кашгара до 1903 г. Затем по состоянию здоровья он покинул Кашгар и последние годы жизни провел с семьей в Ташкенте. За 20 лет, которые Петровский проработал в Восточном Туркестане, он сделал для российской науки важнейшие открытия не только в области археологии и составления карт древнейших памятников, но также собрал коллекции рукописей I–IX вв. н.э. и

⁵ Сошлюсь на ту же книгу Шпренгера: весьма много указанных там названий городов и селений существуют под теми же наименованиями и по сие время.

памятников искусства. После смерти Петровского родственники по его завещанию передали в Азиатский музей оставшиеся у него фрагменты рукописей и артефакты.

В собрании Института восточных рукописей РАН в общей сложности хранится более 500 фрагментов из Кашгара, Хотана, Кучи и других провинций Восточного Туркестана. Наряду с этим Петровский собрал значительную коллекцию мусульманских рукописей, которую также передал в Азиатский музей. В период 1880–1890 гг. Петровский переслал С.Ф. Ольденбургу около 300 фрагментов индийских рукописей, которые были опубликованы в «Записках Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества» (Ольденбург, 1894, с. 47–67).

К сожалению, С.Ф. Ольденбург был очень занят и не смог опубликовать все фрагменты, присланные Петровским. Однако следы работы над ними остались. В Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН остались транслитерации, написанные рукой Ольденбурга. Поскольку наша коллекция рукописей очень интересовала и российских, и зарубежных ученых, к Ольденбургу не раз обращались с просьбой привлечь к работе над рукописями других ученых. Ольденбург был не против предоставить возможность работать над фрагментами двум выдающимся ученым: А. фон Сталь-Гольштейну и Н.Д. Миронову. Первый в 1926 г. опубликовал транслитерацию «Кашьяпапариварты» (*Staal-Holstein A., von. The Kāṣyapaparivarta, a Mahāyānasūtra of the Ratnakūṭa Class. Ed. in the Original Sanskrit, in Tibetan and in Chinese. [Shanghai]*), Миронов издал фрагмент «Дхармапады» на тохарском языке Б из коллекции М.М. Березовского (Миронов, 1909–10, р. 97–112). В 1919 г. Миронов эмигрировал в Китай. Там он продолжал работать над фрагментами «Лотосовой Сутры» — «Саддхармапундарики-сутры», одной из самых значительных находок в Хотане. Другой важной находкой в Хотане была рукопись на хотано-сакском языке — «Сакская рукопись Е», или “The Book of Zambasta”, практически прекрасный учебник по буддизму (Emmerick, 1968).

После смерти Ольденбурга, тяжелого времени репрессий и Великой Отечественной войны за центральноазиатские рукописи долго никто не брался. Специалист появился только в 1954 г. Молодой талантливый ученый Владимир Святославович Воробьев-Десятовский составил инвентарную книгу рукописей из коллекции Петровского, написал обзор этих рукописей, занимался одновременно санскритскими, хотано-сакскими и тибетскими материалами. Фонду еще раз не повезло. Воробьев-Десятовский скончался в 1956 г. Остались его ученики, молодые и неопытные. Тем не менее работа над фрагментами продолжилась. Вышло три тома «Памятников индийской письменности из Центральной Азии» (1985, 1990 и 2004 гг.). Над рукописями работали Г.М. Бонгард-Левин, Э.Н. Темкин и М.И. Воробьева-Десятовская. Работа над центральноазиатскими рукописями продолжается. К ней подключились японские ученые проф. Сейхи Карасима и Тамай.

Значительный вклад в создание существующих ныне и у нас, и за рубежом коллекций восточнотуркестанских памятников искусства внесли археологи-любители и коллекционеры из числа служащих европейских (в большинстве случаев русских и английских) дипломатических миссий и консульств, работавших в Синьцзяне.

В архиве Петровского сохранились несколько писем зарубежных ученых, которые просили у него помощи, чтобы посетить Восточный Туркестан и воспользоваться его знаниями. Два из этих писем написаны выдающимся английским ученым Аурелем Стейном. Стейн несколько раз посетил Восточный Туркестан и написал три тома с подробным описанием всего, что он сумел увидеть. Его книги до сих пор остаются лучшими из всего написанного в Англии (Stein, 1921, 1928). Петровский оказывал ему постоянные услуги.

Одновременно с Петровским в Восточном Туркестане работал шведский ученый Свен Гедин. Ученые подружились, обменивались фрагментами рукописей, полученными сведениями. Так, долгое время один из хотано-сакских фрагментов, найденных Свеном Гедином, при описании его коллекции, сделанном Х. Бэйли, считался утерянным. Между тем он входил в состав коллекции Петровского. Местные жители, заметив интерес ученых к рукописям, организовали их подделку. Таких подделок оказалось много и в коллекции Петровского, и в коллекции Свена Гедина. При сравнении этих подделок оказалось, что одинаковые фрагменты хранятся и у нас, и в коллекции Свена Гедина. Очевидно, ученые поделили найденные материалы. В Шведском Королевском архиве сохранились копии писем Свена Гедина, посланные Петровскому. С. Розен, хранитель архива Свена Гедина, до сих пор не опубликовал их. Письма написаны мелким почерком на старофранцузском языке.

Англия пожалела денег для создания в Восточном Туркестане самостоятельного консульства. Но она имела здесь агента, который постоянно наблюдал за делами в Кашгаре и других областях. Англия все время опасалась, как бы Россия не предъявила претензий на Индию. Разведывательные сведения о политике России в Центральной Азии постоянно шли в Лондон. Там была создана так называемая «Голубая Книга», в которой фиксировались все сведения, касающиеся «Большой Игры». Во времена Петровского английским агентом в Восточном Туркестане был Мак-Картней. Дружеских отношений между Петровским и Мак-Картнеем, очевидно, не было. Но им часто приходилось встречаться на приемах, когда Восточный Туркестан посещали западные археологи и другие гости. К Петровскому все посещавшие Восточный Туркестан западные ученые относились с большим уважением и пользовались его советами и помощью. По всей вероятности, Мак-Картней также высоко ценил деятельность Петровского. В качестве доказательства можно привести богатый подарок, который Мак-Картней преподнес Азиатскому музею, — две очень ценные рукописи на санскрите и на хотано-сакском языке.

Чрезвычайно ценные коллекции были собраны работниками Российского консульства в Кашгаре Н.Ф. Петровским, Л.Я. Лютшем, С.А. Колоколовым. Материалы собирали также три наши археологические экспедиции — Д.А. Клеменца, М.М. Березовского и С.Ф. Ольденбурга. Материалы доставляли в Азиатский музей также урумчинские консулы Н.Н. Кротков и С.В. Соколов. Больше всего русскими дипломатами и учеными было сделано в 1898–1915 гг.

Хранящееся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа большое, насчитывающее свыше 3000 предметов, собрание хотанских древностей, известное также как «коллекция Петровского», или «Йотканская коллекция», собиралась Н.Ф. Петровским в течение 20 лет (1882–1902) (Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 2000, с. 226–227). В письме В.Р. Розену Н.Ф. Петровский сообщает о способе комплектования своей коллекции и вероятном происхождении ее материалов: «...археологические предметы, входящие в коллекцию, приобретаются через агентов из местных жителей, происходят они с территории селения Баразан, где находятся преимущественно в русле арыка, размывающего почву древнего городища» (ЗВОРАО, 1882, 1883). Изделия из обожженной глины, найденные в Йоткане — местности, которую Петровский упоминает как Баразан, по названию расположенного рядом современного селения, — составляют значительную часть всех известных нам как русских, так и зарубежных собраний хотанских древностей.

С.Ф. Ольденбург в некрологе Н.Ф. Петровского отмечает, что он умел при обследовании страны указывать на важное и нужное, показывать его. Петровский написал пособие для тех, кто отправляется в Среднюю и Центральную Азию, — «Наставле-

ние и программы вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии. Составил Н. Петровский. Консул в Кашгаре (на персидском языке). Издание военно-учетного Комитета Главного Штаба» (Ольденбург, 1911, с. 1–8).

Н.Ф. Петровский был первым, кто заставил ученых обратить внимание на научные сокровища Восточного Туркестана. Из упомянутой выше брошюры мы можем понять, что дипломат и ученый был прекрасным политиком. Ему понятны были не только направления движений восточных стран, рядом с которыми он находился, но и политика Запада по отношению к России. Кажется, что его роль в «Большой Игре» и налаживании торговых и политических отношений России с восточными соседями еще не оценены по достоинству. Теперь, когда документы с грифом «секретно» возможно изучать в различных архивах, многое становится ясным и личность первого консула Кашгара Николая Федоровича Петровского может наконец предстать перед нами в новом свете (см., например: *Петровский Н.Ф. Туркестанские письма*. М.: Памятники исторической мысли, 2010).

Санскритские рукописи в коллекции Н.Ф. Петровского

Характеризуя нашу коллекцию с точки зрения палеографии, мы сразу же должны отметить, что только 10 рукописей (одна из них состоит из 16 фрагментов, в остальных — по одному фрагменту) написаны вариантами северотуркестанского (или наклонного, по старой традиции) брахми. Во всех остальных использованы варианты южнотуркестанского (или вертикального) брахми. Письмо многих из наших рукописей обнаруживает сходство с гильгитскими разновидностями брахми. Лишь немногие незначительные по размеру фрагменты, для переписки которых использовался пальмовый лист или береста, написаны кушанским брахми или ранними вариантами посткушанского брахми.

Обратимся теперь к содержанию рукописей. Кажется вполне очевидным, что в буддизме во второй половине I тыс. н.э. начали происходить значительные сдвиги и на первое место вышла Ваджраяна. В ваджраянских текстах прослеживаются два субстрата: местные народные верования и культы и брахманские и добрахманские заговоры-обереги индийского происхождения. Значительную часть текстов в коллекции Петровского составляют дхарани — заклинания и мантры. Мы обнаружили 34 списка, которые содержат до 200 фрагментов, включающих различного рода заклинания. Среди этих фрагментов большинство относится к сутрам «Пяти защит». В них получил отражение культ пяти тантрических богинь-матерей, каждую из которых персонифицирует блок определенных магических формул. В нашей коллекции представлены три группы магических формул: обращение к Махамаюривиджняраджни — «Великой Паве, царице заклинаний» (4 списка), к Махасахасрапрамардинивидьяраджни (5 списков) и к Махапратисаравидьяраджни (4 списка). Всего обращения к этим трем богиням занимают 13 различных списков, более 100 фрагментов. Мантры направлены на помощь женщинам, детям, больным и немощным.

К этой группе сутр примыкают также тексты, содержащие беседу Будды с военачальником якшей Манибхадрой, всего 25 фрагментов. Большинство из них было издано С.Ф. Ольденбургом. Недавно один из фрагментов был отождествлен как заключительная часть «Нагаропама-сутры». Фрагменты этой же сутры были найдены в Германии, Англии и Франции. Из них удалось составить полный текст сутры (Bongard-Levin, Boucher, Fukita, Wille, 1996). Это хинаянские тексты,

употребляемые монахами, проживающими в лесу, чтобы отогнать ракшасов и прочих злых духов.

В английской и немецкой коллекциях сохранились фрагменты дхарани, которые в нашей коллекции найдены целиком. Это прежде всего популярные «Сумукханама-дхарани». В дхарани 22 и 23 листа потхи. Мы храним 4 списка, два из которых изданы.

К текстам, в основе которых также лежат дхарани, относится «Буддханама-сутра». В коллекции Петровского 5 списков этой сутры — всего около 30 листов и фрагментов. Три из них учтены в сводной работе Оскара фон Хинюбера (*Dharanis aus Zentralasien*, 1987–1989, р. 231–249). Три изданы М.И. Воробьевой-Десятовской и Г.М. Бонгард-Левиным (*Памятники индийской письменности*, с. 277–292). В коллекции Хёрнле и Годфрея Клаус Вилли недавно нашел еще 3 фрагмента этой сутры. В Дуньхуане найдены многочисленные китайские тексты сутры, многие из них — с цветными иллюстрациями. Дуньхуанский фрагмент с цветными иллюстрациями хранится также в собрании Петровского. Тангутские тексты «Буддханама-сутры» с цветными иллюстрациями оказались в коллекции Государственного Эрмитажа.

Наконец, в коллекции Петровского хранятся 12 списков неидентифицированных дхарани (всего 25 листов). Часть из них была опубликована С.Ф. Ольденбургом. Таким образом, дхарани представляют самую значительную часть коллекции Петровского, что явно свидетельствует о популярности этих текстов в южных оазисах Восточного Туркестана во второй половине первого тысячелетия н.э.

На втором месте по количеству листов и фрагментов стоит «Саддхармапундарика-сутра», или «Лотосовая Сутра». В нашем собрании представлены 27 её различных списков⁶. Среди них представлены обе версии сутры, известные в настоящее время: «центральноазиатская» и «непальско-гильгитская». Фрагменты центральноазиатской версии явно преобладают. В коллекции Петровского хранится самый полный из известных список «Лотосовой Сутры». Первоначально в полном списке содержалось около 450 листов. В нашем собрании найдены 399 листов, причем 324 из них имеют сплошную пагинацию. В других хранилищах мира обнаружено всего 56 листов этого списка, 12 листов до сих пор не найдены. Нельзя не отметить особую популярность «Лотосовой Сутры» в Хотане, где санскритские списки заказывались донаторами-саками. Об этом свидетельствуют колофоны и приписки на сакском языке, которые обнаружены в рукописи Петровского.

На третьем месте по количеству фрагментов в коллекции Петровского стоит «Праджняпарамита-сутра». В нашем собрании фрагменты и целые листы из 24 различных списков этой сутры. Большинство из них — фрагменты «Аштасахасрика-праджняпарамиты» или «Праджняпарамиты из 8 тысяч шлок». Аналогичный санскритский текст был обнаружен в Гильгите; он отличается от «Праджняпарамиты в 8 тысяч шлок» и, как кажется, ближе к «Праджняпарамите в 25 тысяч шлок».

На основе проделанного нами анализа можно предположить, что в южных оазисах Восточного Туркестана во второй половине I тыс. н.э. получили распространение три

⁶ В недавно изданной монографии Клаус Вилле опубликовал список фрагментов «Лотосовой Сутры», хранящихся в коллекции Петровского. К сожалению, этот список оказался неполным, поскольку Вилле не учел последнюю публикацию российских ученых (см.: Бонгард-Левин Л.М. и др., 2004; *Fragments of a Manuscript of the Saddharmapuṇḍarikāsūtra from Khadaliq*. Ed. by Klaus Wille. Soka Gakkai. Tokyo, 2000 (Lotus Sūtra Manuscript Series 3). Список рукописей и фрагментов из коллекции Петровского опубликован на с. 161–162. Клаус Вилле опубликовал также другую очень полезную таблицу: «Concordances: Kashgar MS — Other Central Asian MSS», р. 168–183. Ему удалось учесть полистно все найденные в настоящее время части текста «Лотосовой Сутры». См. ук. соч., с. 159.

важнейшие школы буддизма: Ваджраяна, махаянская школа «Лотосовой Сутры» и махаянская школа «Праджняпарамиты».

Коллекция Петровского показывает, что наибольшей популярностью в Восточном Туркестане пользовались так называемые «малые» сутры из цикла Праджняпарамиты — «Ваджраччхедика» и «Хридая-сутра».

Что касается остальных сутр коллекции Петровского, то они не отождествлены. Причиной этого является тот факт, что они представляют собой маленькие фрагменты.

Особый интерес представляют два почти полных текста авада: «Шардулакарнаваданы» и «Аджитасенавьякарана-аваданы». С.Ф. Ольденбург подготовил эти авада-ны к изданию, но не успел осуществить задуманное. Отрывки из «Шардулакарнаваданы» издал Хёрнле. С.Ф. Ольденбург написал рецензию на это издание и сравнил текст рукописи Хёрнле с текстом нашей рукописи. Фрагмент, опубликованный Хёрнле, относился к астрологической части авада. С.Ф. Ольденбург показал, что мы имеем дело не с астрологией, а с авада, которая, в свою очередь, является частью «Дивьяваданы». Прделанное нами сравнение показало, что «Дивьявадана» содержала другую, более краткую версию «Шардулакарнаваданы». Сравнение «Аджитасенаваданы» из Гильгита с нашим текстом позволило установить, что оба текста переписаны с одного источника, в них повторяются те же ошибки.

Среди махаянских сутр коллекции Петровского важную роль играют отрывки из двух сутр: «Махапаринирваны» и «Кашьяпапариварты». «Махапаринирвана», очевидно, была одной из ранних махаянских сутр. В коллекции собирателя Скоена хранятся рукописи, недавно обнаруженные в той части Афганистана, которая в прежние времена составляла часть Индии, а именно Гандхару. Американский ученый Ричард Саломон определил среди этих рукописей несколько фрагментов «Махапаринирваны», написанных письмом кхароштки на пальмовых листьях. Кхароштки как вид письма в Центральной Азии, так же как и в Индии, вышел из употребления в III в. н.э. Некоторые китайские переводы буддийских сутр, очевидно, были сделаны с пракритских рукописей, написанных письмом кхароштки. Ричард Саломон установил, что тексты из коллекции Скоена отличаются по содержанию от текстов рукописей из коллекции Петровского. По всей вероятности, они были переписаны раньше, чем махаянские тексты из коллекции Петровского. Рукописи, аналогичные рукописям Петровского, были открыты также в собрании рукописей Англии. Рукописи, опубликованные Вальдшмидтом, содержали хинаянскую версию. Один лист из хинаянской версии хранится и в коллекции Петровского.

«Кашьяпапариварта» сохранилась в коллекции Петровского полностью и была издана японским ученым Карасимой и М.И. Воробьевой-Десятовской (Seishi Karashima, Noriyuki Kudo, Vorobyova-Desyatovskaya, 2002).

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

ЗВОРАО — Записки восточного отделения [Императорского] Русского археологического общества, СПб.

Список литературы

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Под ред. Б.А. Литвинского. Архитектура, искусство, костюм. М., 2000.

Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. II. СПб, 1873.

- Григорьев В.В. О скифских народах саках. СПб., 1871.
- Лерх И.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.
- Миронов Н.Д. Из рукописных материалов экспедиции Березовского в Кучу // *Melange Asiatique*. 14. St. Petersburg, 1909–10.
- Ольденбург С.Ф. Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф.Петровского // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII; 1899. Т. XI.
- Ольденбург С.Ф. Памяти С.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1911. Т. XX.
- Ольденбург С.Ф. О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1909. Т. XIX, C/XXV–XXVII.
- Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И., Темкин Э.Н. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. М., 2004.
- Петровский Н.Ф. Древние арабские дорожки по среднеазиатским местностям. Таш., 1894.
- Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887.
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXII. СПб., 1886.
- Bongard-Levin G., Boucher D., Takamichi Fukita, Willee K. The Nagaropamasutra: An Apotropaic Text from the Samyuktagama. A Transliteration, Reconstruction, and Translation of the Central Asian Sanskrit Manuscripts. Göttingen, 1996.
- Dharanis aus Zentralasien // *Indologica Taurinensia*. XIV (1987–1989).
- Emmerick R.E. The Book of Zambasta. Oxford University Press, 1968.
- Stein A. Sand-buried ruins of Khotan. London, 1903.
- Stein A. Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1–5. Oxf., 1921.
- Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Exploration in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. 1–4. Oxf., 1928.
- Karashima Seishi, Noriyuki Kudo, M.I. Vorobyova-Desyatovskaya. The Kaśyapaparivarta. Tokyo, 2002.
- Stael-Holstein A. Von. The Kāśyapaparivarta, a Mahāyānasūtra of the Ratnakūṭa Class. Ed. in the Original Sanskrit, in Tibetan and in Chinese [Shanghai].
- Waldschmidt E. Das Mahāparinirvāṇasūtra. Text in Sanskrit und Tibetisch, verglichen mit dem Pāli nebst einer Übersetzung der chinesischen Entsprechung in Vinaya der Mūlasarvādīns. T. I. 1950.

Summary

M.I. Vorobieva-Desyatovskaya

Materials of Nikolay F. Petrovsky

at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

Nikolay Feodorovich Petrovsky (1837–1908) was the Russian consul-general in Kashgar, in Central Asia, from 1882 until 1902. Being a Russian General, he was very severe but just man. He was very interested in collecting materials on the history of Central Asia. Manuscripts and their fragments, artifacts, description of ancient ruins were collected by him on the instruction of the Asiatic Museum of RAN in St. Petersburg. The Academician S.F. Oldenburg guided his work. The bulk of his manuscript collection, e.g. manuscripts in Sanskrit, Khotanese Saka, Tocharian language B, Tibetan, Sogdian, Petrovsky donated to the Asiatic Museum in St. Petersburg. Now they are kept at the Institute of Oriental Manuscripts, RAN. This Institute has a very big manuscript collection from East Turkestan — about 500 items. This is a merit of Petrovsky.

Petrovsky was a talented archaeologist, historian, philologist, and politician. He commanded much respect among the local population. It was a reason why they wanted to pass into the power of the White Tsar. Petrovsky actively took part in the so-called Great Game in which he strictly observed Russian interests.

Т.А. Черная

Иконографическая коллекция доктора Зибольда “*Flora japonica delineationibus*”

В статье раскрывается история создания уникальной ботанико-иконографической коллекции *Flora japonica delineationibus*, составленной одним из первых исследователей Японии доктором Филиппом Францем фон Зибольдом. Особое внимание уделяется факторам и обстоятельствам, определившим специфику иллюстраций и особенности состава иконографии, благодаря которым она приобрела непреходящую научную, художественную и историческую ценность.

Ключевые слова: Филипп Франц фон Зибольд, Япония, научно-художественная ботаническая иллюстрация, Кавахара Кэйга.

I. История создания коллекции и ее бытование при жизни Зибольда

В Санкт-Петербурге, в Библиотеке Ботанического института РАН им. В.Л. Комарова хранится замечательное «восьмитомное» собрание из 1054 изображений японских растений под названием *Flora japonica delineationibus*, что можно перевести как *Флора Японии в иллюстрациях* или *Рисованная японская флора*¹. Создателем этой выдающейся коллекции является один из первых европейских исследователей Страны восходящего солнца, немецкий врач и натуралист Филипп Франц фон Зибольд (1796–1866) (илл. 1).

На протяжении 40 лет, буквально с первых месяцев пребывания в Японии и вплоть до конца отпущенного ученому жизненного срока, *Flora delineationibus* являлась для Зибольда неотъемлемой частью жизни. Около двух третей коллекции были собраны исследователем в период его первого японского визита (1823–1829), но и по возвращении в Европу он продолжал пополнять и совершенствовать иконографию, активно использовал её материалы в научной работе, заботился о дальнейшей судьбе коллекции. В результате неустанных трудов доктору Зибольду удалось создать уникальное собрание изображений и одарить потомков подлинным памятником культуры.

Иллюстрации, составившие *Рисованную флору*, обладают двуединой научно-художественной природой и представляют интерес не только как ботанические и ботанико-исторические документы, но и как произведения изобразительного искусства. В свою очередь, круг интереса к собранию расширяют исключительные условия его создания, «рождение» коллекции в изолированной стране в самом начале активного приобщения Японии к достижениям западной культуры и цивилизации. В силу всех

¹ Siebold Ph. Fr. *Flora Japonica delineationibus ac picturis illustrata cura Ph. Fr. de Siebold*. В 8 т. (Коллекция изображений японских растений, собранных Зибольдом в 1823–1862 гг.). 1054 рис. 9,3–46,0×12,7–65,6 см, бумага, краски, тушь, карандаш.

Далее для краткости мы будем именовать коллекцию *Flora delineationibus* или *Рисованная флора*.

Илл. 1

Внешний вид «томов»-футляров *Flora japonica delineationibus*

этих обстоятельств ботаническая иконография Зибольда стала полем творческого взаимодействия разных областей человеческой деятельности, разных исторических пластов общественного развития и разных культур.

Рисованная флора органично вписалась в научный контекст мировой и японской ботанической науки, однако многогранное содержание коллекции не позволяет «заточить» её в отдельной специализированной сфере. Множество самых разнообразных, иногда, казалось бы, неожиданных, но вполне органичных *первоначальных* взаимосвязей глубоко укоренили иконографию в плоти современной ей эпохи. Коллекция сохранила и донесла до нас многоцветную ауру своих создателей, спаянную воедино и обогащенную духовной энергией Зибольда. Она впитала вещество и дух своего времени, уловила и запечатлела биение его пульса и предстала перед потомками необычной летописью, записанной пленительными «письменами» ботанического искусства. Однако ботаническое изложение истории требует пояснений, а «волшебный кристалл» иллюстрации при рассмотрении прошлого следует поворачивать разными гранями и под разными углами. При этом одним из обязательных направлений является знакомство с целями и обстоятельствами создания коллекции, без знания которых *Рисованную флору* невозможно оценить по достоинству.

Немного о предыстории собрания

Появление в Европе в первой трети XIX столетия обширной коллекции достоверных изображений японских растений стало долгожданным событием и для ученых, и для широкого круга любителей ботаники. Собрание Зибольда открывало новые горизонты в познании растительного мира далекого архипелага, на протяжении столетий остававшегося неразгаданной загадкой. Самоизоляция Японии от внешнего мира более двух веков (вплоть до революции Мэйдзи 1868 г.) делала страну недоступной для иностранцев. На ее территорию допускались лишь китайские и голландские тор-

говцы, поставлявшие «экзотические» товары, предназначенные для верхних слоев японского общества. Привилегированные иностранцы проникали на острова через строго контролируемый «просвет в занавеси», необходимость которого определялась не только и, быть может, не столько интересами торговли, сколько возможностью получения властями полезной информации.

Единственным местом в Японии, куда в соответствии с жесткой регламентацией разрешался допуск иностранных торговых судов, был порт Нагасаки. Однако и здесь чужестранцы существовали на особых условиях, нарушение которых было чревато большими неприятностями и даже могло поставить под угрозу жизнь виновного и связанных с ним людей. Наиболее суровым ограничениям подвергались европейцы, которые являлись носителями христианской веры, по мнению правительства, угрожавшей национальной безопасности страны. «Красноволосые варвары» были тщательно изолированы в гавани Нагасаки на крошечном искусственном островке Дэсима, который с 1641 г. служил резиденцией для голландской Объединенной Ост-Индской компании. Здесь, в стесненном пространстве, вмещавшем всего несколько жилых, складских и подсобных помещений, и протекала жизнь европейцев. Круг общения обитателей островка был настолько жестко лимитирован, что даже из экипажа голландских судов на Дэсима не допускался никто, кроме капитана. С японской стороны посещение миссии и контакты с иностранцами были возможны только для строго подконтрольных официальных фигурантов, в число которых, не считая слуг, преимущественно входили переводчики и торговые посредники. Иногда, по обоснованной надобности, дэсимский поселенец мог «в установленном порядке» оформить специальное разрешение и в виде исключения на короткий срок² оставить пределы острова. Однако свобода счастливец, на законных основаниях покидавшего факторию в окружении свиты сопровождения, стоила немалых денег³ и была регламентирована временем, местом и заявленной целью. Возможность более основательного знакомства со страной пребывания появлялась только у «избранных» обитателей Дэсима, сопровождавших главу миссии («капитана») во время официального визита ко двору сёгуна⁴. Однако путешествие в Эдо (Токио), которое в благоприятные для торговли времена совершалось ежегодно, с 1792 г. происходило всего один раз за четырехлетний период. Таким образом, существование на острове оказывалось сродни томительному тюремному заключению, однообразную скуку которого весьма выразительно характеризовал Карл Петер Тунберг (1743–1828), сказавший: «Заживо сходит в могилу европеец, осужденный на житье в этом уединении» (Путешествие по Японии, 1854, с. 170).

Жить на Дэсима было нелегко, но, чтобы попасть на этот дважды закрытый островок, ученому-натуралисту нужна была не только сильнейшая личная мотивация, но и большая удача. Достаточно вспомнить пионера научного изучения Японии, немецкого врача Энгельберта Кемпфера (1651–1716), который достиг Японии после семилетних странствий по территории Европы, России, Ирана, полуострова Индостан и его портовым городам. В конце концов судьба привела путешественника на остров Ява, в Батавию, которая играла роль «столицы» голландских колониальных властей в Юго-

² Не более чем на 24 часа и без возможности ночлега вне острова.

³ Так, Хендрик Дёфф (Hendrik Doeff, японское имя Dōfu, 1777–1835), возглавлявший голландскую торговую миссию с 1804 по 1817 г., сообщал Николаю Петровичу Резанову (1764–1807), главе русского посольства в Японию в 1804–1805 гг., что выход в город лично для него, Дёффа, стоит 16 талеров, а с оплатой обязательного сопровождения доходит до 400 талеров (*Военский К.* Русское посольство, с. 226).

⁴ По регламенту этим счастливым шансом могли воспользоваться только сам «капитан», его секретарь и доктор.

Восточной Азии. Отсюда Кемпфер и попал в главный порт своего жизненного предназначения, в «таинственную Японию», где в качестве врача голландской миссии прожил два года — с сентября 1690 по ноябрь 1692 г. По счастливому стечению обстоятельств любознательному доктору удалось дважды побывать в Эдо и собрать весьма обширную и разнообразную информацию, среди которой нашлось достойное место и для ботаники. В 1712 г. после выхода *Amoenitatum exoticarum*, единственной прижизненной публикации первооткрывателя, европейцы познакомились с описаниями примерно пяти сотен японских растений и увидели 28 весьма привлекательных изображений, в числе которых были, например, «портреты» таких «звезд» растительного мира, как японская камелия (*Camellia japonica*), гингко (*Ginkgo biloba*) и др.⁵

Работа Кемпфера долгое время была для Запада основным источником сведений о растениях Японии, и только спустя 85 лет после ее появления европейцы получили качественно новую ботаническую пищу, добытую Карлом Петером Тунбергом. Этот второй европейский исследователь «Страны благодатных осеней», подобно Кемпферу, был врачом⁶, но, в отличие от предшественника, он жил уже в другую научную эпоху. Шведскому доктору посчастливилось быть учеником и последователем своего великого соотечественника, реформатора «естественной истории»⁷ Карла Линнея (1707–1778), идеи которого воодушевили Тунберга на получение второй (ботанической) профессии. В итоге на Дэсима прибыл не только квалифицированный доктор, но и профессиональный деятель новой ботаники. Заметим, что исследователь отправился в Японию при финансовой и идейной поддержке группы голландских любителей ботаники и имел определенные ботанические цели.

Обогнув на голландском паруснике западное побережье Африканского континента, судовой врач Тунберг добрался до мыса Доброй Надежды, где сделал запланированную остановку, продлившуюся три года (1772–1775). Этот длительный срок, по всей вероятности, был рассчитан на то, чтобы попасть на Дэсима именно в тот год, когда представительство голландской миссии должно было совершить путешествие ко двору сёгуна. Наконец в августе 1775 г. ученый прибыл в голландскую факторию, где ему предстояло пробыть до ноября 1776 г. и за это сравнительно недолгое время совершить четырехмесячную поездку в Эдо.

К моменту прибытия Тунберга жизнь голландцев в Японии практически не изменилась. Крошечная миссия, насчитывавшая в то время всего шесть членов⁸, по-прежнему существовала в условиях строгой изоляции, воздвигавшей многочисленные, порой непреодолимые препятствия на пути научных исследований. Так, на Дэсима ботаник был «отлучен» от природы и с растительным миром вынужден был «общаться через переводчиков», которых он *расспрашивал* о растениях и через посредство которых приобретал некоторые живые образцы. Случалось, что исследователю приходилось извлекать интересующие его экземпляры в процессе «изучения» травы и сена, доставляемых на остров как корм для скота. Разумеется, пополнение набора лекарственных средств являлось весомой причиной, по которой *доктор* мог получить (и получал) разрешение для сбора растений в ближайших окрестностях Нагасаки. Однако из-за необходимости оплачивать лиц сопровождения подобные

⁵ Отметим, что часть описанных Кемпфером японских растений имела китайское происхождение, примером чему может служить упомянутый *Ginkgo biloba*.

⁶ Заметим, что помимо торговцев врачи были представителями единственной профессии, принадлежность к которой давала право на проживание в голландской фактории.

⁷ Под названием «естественная история» в Европе того времени объединялись естественные науки.

⁸ Количество жителей фактории колебалось в разные годы. Так, во время визита Зибольда на Дэсима проживали 12 человек.

экскурсии на природу были для него (как впоследствии и для Зибольда) событием исключительным. По существу, ботанику удалось самостоятельно пополнить гербарий только во время путешествия ко двору сёгуна, когда в лесистой местности на горе Хаконэ у него появился повод выйти из паланкина «для облегчения труда носильщиков». Прогуливаясь по обочинам дороги, он наконец-то приобщился к флоре, не откорректированной руками трудолюбивых крестьян, успешно борющихся с сорняками на возделываемых землях. Естественно, что такого рода исключения не решали проблему доступа к объектам. По всей вероятности, после шестнадцати месяцев упорной работы исследователь осознал, что доступные ему методы добывания информации перестают быть продуктивными и дальнейшее пополнение ботанических данных становится все более и более проблематичным. В результате он счел нецелесообразным продолжать свое «сидение на Дэсима» и вернулся в Европу, чтобы заняться обработкой и обнародованием уже добытых сведений.

В 1784 г. Тунберг опубликовал свою *Flora Japonica*, в которой представил более восьми сотен описаний японских растений⁹. Новая работа существенно расширила масштаб ботанических исследований региона, но ее главное преимущество состояло в использовании нововведений Линнея, и в том числе — правил номенклатуры, действительных по сей день. По этой причине книга шведского ученого положила начало профессиональному изучению растительного мира Страны восходящего солнца и непосредственно вошла «в копилку» современной науки. К сожалению, в издание были включены всего 39 невыразительных черно-белых иллюстраций, которые не давали представления о живых объектах.

Труд Тунберга был огромным достижением на пути познания растительного царства Японии, но он подразумевал продолжение и чем дальше, тем настойчивее его требовал. Между тем десятилетия сменяли друг друга, а новые герои не появлялись. Сведения, собранные Кемпфером и Тунбергом, при всей их важности относились к прошлому и были уже совершенно недостаточны. К тому же в XIX в. мировые часы пошли значительно быстрее и жизнь во всех ее областях начала изменяться невиданными темпами. Развитие науки ускорялось, объем информации стремительно возрастал. Экономическая и политическая картина мира решительно менялась, и перемены требовали от государств постоянного внимания и многих усилий для сохранения и продвижения собственных интересов. Нидерланды, пережившие в начале века бурный и опасный период своей истории, стремились к укреплению и развитию особых отношений с Японией, длившихся к тому времени около двух столетий. Голландское правительство придавало огромное значение объективному и всестороннему изучению страны-партнера и ее просвещению относительно достоинств западной цивилизации. Руководствуясь этой позицией, метрополия активно побуждала колониальные власти на Яве к содействию своим намерениям. В подобных обстоятельствах давно убыточная дэсимская торговая фактория приобретала статус важного политического форпоста королевства, а крошечный островок получал шанс стать родной качественно нового этапа отношений между Японией и Западом.

Однако в сложной обстановке закрытой страны возможности решения многотрудных и разноаспектных задач были крайне ограничены. В частности, любые планы властей должны были исходить из того, что на Дэсима нельзя послать команду исследователей, а потому решение проблемы зависело от появления неординарной «универсальной» личности, наделенной многими достоинствами. В факторию требовался особенный доктор, разносторонне образованный и высокоодаренный, соче-

⁹ В их число вошли описания примерно 370 новых для науки видов.

тающий страстную увлеченность наукой и преданность делу, человек предприимчивый и коммуникабельный. Час Филиппа Франца фон Зибольда пробил.

**Первый визит Зибольда в Страну восходящего солнца.
Несколько слов о просветительской, исследовательской
и коллекционерской деятельности доктора**

Немец по национальности, уроженец Вюрцбурга, Зибольд происходил из семьи заслуженных врачей-ученых, несколько поколений которых с энтузиазмом отдавали свои силы на благо обществу, медицине и естествознанию. Следуя семейной традиции, Филипп Франц в 1820 г. блестяще завершил университетское образование и стал доктором медицины, хирургии и акушерства. Тогда же он начал собственную практику в пригороде Вюрцбурга, где проработал около двух с половиной лет, получив прекрасные отзывы местных властей. Успешная врачебная карьера Зибольда была очевидна, но молодой человек обладал неутолимой тягой к исследовательской работе и душой первопроходца, которой было тесно в обжитом уюте «цивилизированной Европы». Кипучая натура жаждала новых знаний и впечатлений. По его собственному признанию, Зибольд был одержим мечтой побывать «в единственной стране, в самом дальнем уголке, куда проникли дети Европы» (цит. по: Путешествие по Японии, 1854, с. 8). Стремясь к исполнению этой мечты, Филипп Франц, поддержанный двумя немецкими научными обществами¹⁰, поступает на голландскую колониальную службу. По рекомендации друга семьи Франца Харбаура¹¹, генерального инспектора военно-медицинской службы в Нидерландах, Зибольд в 26 лет получает завидный пост военного врача и чин майора¹². Основанием для такого назначения была безупречная репутация семьи и несомненные достоинства кандидата. Харбаур полагал, что государство выиграет, принимая на службу этого многообещающего молодого специалиста¹³.

Окрыленный светлыми надеждами, Зибольд, принявший на себя функции судового врача, ступает на борт фрегата «Юная Адриана» («Jonge Adriana») и через пять месяцев плавания прибывает на Яву с рекомендательными письмами Харбаура и немецких ученых, а также с прекрасными отзывами капитана. После личного общения с вновь прибывшим доктором¹⁴ глава колониальных властей Голландской Ост-Индии барон ван дер Капеллен (1778–1848) пришел к убеждению, что «[господин Зибольд] будет нашим вторым Кемпфером и Тунбергом»¹⁵, и назначил его в торговую миссию на Дэсима¹⁶. Впервые научно-исследовательская работа по изучению Японии рассматривалась как государственная задача: Зибольд направлялся в страну и как врач, и как естествоиспытатель¹⁷. Этот путь

¹⁰ Die Senckenbergische Naturforschende Gesellschaft (Frankfurt am Main) и Keiserlich Leopoldinisch-Carolinische Akademie der Naturforscher (Leopoldina). Первоначально франкфуртское общество предполагало поездку Зибольда в Бразилию.

¹¹ Franz Joseph Harbaur (?–1824), доктор медицины.

¹² На всю голландскую Ост-Индию было четыре врача такого ранга.

¹³ «...der Staat mit ihm einen großen Gewinn macht» (цит. по: Körner H., 1967, S. 362).

¹⁴ После перенесенного приступа ревматизма Зибольд для восстановления здоровья по приглашению барона провел три недели в загородной резиденции генерал-губернатора в Бутензорге.

¹⁵ Отзыв, переданный Зибольдом дяде, пастору Лотцу (письмо от 21.06.1823. Цит. по: Körner H., 1967, S. 364).

¹⁶ После банкротства в 1798 г. Объединенной Ост-Индской компании фактория на Дэсима находилась под прямым управлением генерал-губернатора.

¹⁷ Вспомним, что в свое время для Кемпфера изучение Японии было исключительно личным делом, а Тунберг отправился на Архипелаг при поддержке группы частных лиц.

открывал для начинающего ученого захватывающие дух перспективы. «Мне удалось то, чего я хотел. Теперь мой удел или смерть, или счастливая уважаемая жизнь», — так писал Зибольд своему дяде Лотцу 15 апреля 1823 г.¹⁸ В августе того же года, после интенсивных приготовлений в Батавии и последующего полуторамесячного плавания¹⁹, Зибольд появился в гавани Нагасаки, на самом пороге неведомого.

Интересно, что путешествие немецкого натуралиста имело очень большие шансы закончиться до его вступления на берег, прямо на борту судна. Дело в том, что японские переводчики, участвовавшие в досмотре пришедших из Батавии судов, сразу обратили внимание на акцент и ошибки доктора: Зибольд подпал под подозрение как возможный шпион. К счастью, «языковые особенности» новоявленного голландца были удачно объяснены тем, что он «яма-оранда», т.е. «нидерландский горец» (!). Опасную ситуацию удалось разрядить, и ученый был допущен на Дэсима, где ему предстояло прожить шесть незабываемых лет.

К моменту приезда Зибольда в Японию со времен Тунберга прошло почти полстолетия. Эти годы принесли ощутимые изменения во многих областях знания, ориентированных на *рангаку*²⁰. Прежде всего, были сделаны большие успехи в изучении голландского языка, что, в свою очередь, значительно способствовало прогрессу в японском естествознании и медицине. В стране сформировался и ощутимо расширился круг людей, получавших новую информацию из переводных книг и голландских изданий. Для многих интеллектуалов новые естественнонаучные дисциплины становились предметом глубокого личного интереса, нередко перераставшего в страстное увлечение. Медики и знатоки растительного мира стремились к освоению западной ботаники, и уже появились люди, имевшие некоторое представление о системе Линнея²¹. Натуралисты из числа интересующихся *рангаку* ощущали насущную потребность «живых» контактов с западными коллегами и мечтали получать нужные им знания «из первых рук». В свою очередь, в правящих кругах и среди чиновничьей элиты все больше осознавалась практическая польза и необходимость освоения и распространения в Японии европейских достижений. Все эти благоприятные изменения, как и заинтересованная поддержка голландских властей, заметно улучшали положение Зибольда по сравнению с условиями, в которых работали его предшественники.

В то же время требования к доктору как «человеку европейской науки» возросли многократно. Деятельность Зибольда должна была соответствовать новым задачам и ожиданиям общества, и надо признать, что он успешно отвечал на запросы времени, с энтузиазмом помогая Востоку и Западу познавать мир и связывать его воедино. В Стране восходящего солнца доктор органично влился в ряды передового научного сообщества, закладывавшего фундаментальные основы новой Японии. Более того, фигура образованного европейского натуралиста служила своеобразным магнитом, к

¹⁸ “Es ist mir gelungen, was ich wollte. Meiner harrt itzt entweder der Tod oder ein gluckliches ehrenvolles Leben” (цит. по: Körner H., 1967, S. 364).

¹⁹ Следует заметить, что плавание на парусных судах от Явы до берегов Японии было далеко не безопасным. Так, в 1775 г. только по счастью Тунберг оказался на борту именно того из двух кораблей, которому удалось добраться до места назначения. Из-за жесточайших штормов второе судно не дошло до Японии и было вынуждено встать на ремонт в китайском порту. Что касается Зибольда, то буквально за несколько дней до прибытия в Нагасаки доктору также пришлось пережить беспощадную бурю, испытавшую предел его физических возможностей.

²⁰ Слово *рангаку* фактически являлось термином, обозначавшим науки, приходящие в Японию с Запада через посредство голландцев.

²¹ Например, ботаник из Овари Мидзутани Сугэроку (1779–1833), поразивший Зибольда правильными линнеевскими названиями, записанными в двух томиках собственноручных иллюстраций. Эти томики Мидзутани подарил доктору 29 марта 1826 г. при встрече в Мия, произошедшей на пути голландской миссии в Эдо (Siebold, Ph. Fr. 1897. Vol. 1, S. 169).

которому стремились активные деятели японской науки. Зибольд интенсивно занимался наукой и просветительством, и вокруг исследователя создавалась творческая атмосфера, в которой ученый играл роль сильнейшего катализатора созидательных идей и процессов, исходивших из сферы *рангаку*.

Вскоре после приезда доктор получил разрешение обучать нескольких японских врачей, но остров был неподходящим местом для встреч и занятий. Ученики должны были «маскироваться» под ассистентов переводчиков, число которых весьма быстро достигло нескольких десятков. Дальнейшее увеличение этой «толпы» становилось нереальным, а потребность местных специалистов в обучении у «голландского» коллеги возрастала в геометрической прогрессии. Выход из положения нашли уже в 1824 г., когда Зибольд под японским именем купил через посредника небольшой участок земли в долине Нарутаки. Здесь были построены два школьных здания, необходимые подсобные помещения и заложен сад для выращивания лекарственных растений. В Нарутаки доктор еженедельно читал лекции по медицине и естественным наукам и проводил показательные операции, особенно интересовавшие японских медиков. Обучение осуществлялось на основе европейских стандартов, и, получая новые знания, японцы впервые знакомились с западной методикой преподавания, в корне отличной от традиций восточной школы²². Думается, что опыт Нарутаки стал убедительным примером, на практике показавшим пользу образовательных учреждений *рангаку*.

Преподавательская работа требовала сил и времени, но кроме неё Зибольд интенсивно занимался медицинской практикой. Дважды в неделю он принимал пациентов в домах известных переводчиков Нарабаяси и Ёсио, которые не одно поколение специализировались на «врачебной» тематике. В народе и среди коллег успешная медицинская деятельность оставила заслуженную память о Зибольде как о пионере западной медицины.

Однако важнейшей задачей доктора оставалось всестороннее изучение Японии, и эту задачу исследователь решал с невиданным до него размахом. Для остального мира страна все еще сохраняла покров тайны²³, и, несмотря на заслуги предшественников, доктор ощущал себя и во многом действительно оставался первооткрывателем. Эта позиция определяла общую стратегию научной деятельности Зибольда, ту широту интересов, которая делала ученого «жадным» до всего японского, будь то материальные предметы, данные наблюдений или изустные сведения. Положение первопроходца как бы возвращало исследователя в прошлое и неизбежно ставило его в ряд энтузиастов-универсалов «допрофессионального» естествознания, закладывавших фундаменты специализированных дисциплин.

Тематическая широта коллекций Зибольда поразительна, однако не меньшее впечатление производит объем и разнообразие форм собранных им материалов. Так, например, для ботанических целей исследователь «заготавливал» засушенные, заспиртованные, зарисованные и живые растения, а также их части. За время своего первого визита доктор собрал и доставил в Европу 12 тысяч гербарных образцов японской флоры, документирующих около «2000 видов»²⁴, коллекцию растительного

²² Первые западные преподаватели были официально приглашены в Японию для чтения лекций в Токийском университете только в 1877 г.

²³ В 1835 г. (!) генерал-майор Людвиг фон Вельден (Ludwig von Welden), посетивший в Лейдене выставку этнографической коллекции Зибольда, писал в известном немецком ботаническом журнале (Flora. Jarg. 18, Bd 2, N 39, S. 668), что до сего времени японцы были известны на Западе примерно так же, как обитатели Луны.

²⁴ Зибольд назвал эту цифру в сентябре 1828 г. в записке, которую подготовил в помощь Генриху Бюргеру (Henrich Bürger, ca 1804–1858), остававшемуся на Дэсима для продолжения коллекционной деятельности своего предшественника и руководителя. В настоящее время документ хранится в Национальном гербарии Нидерландов (NHN).

материала, законсервированного в араке, собрание древесины, семян, клубней, луковиц и живых «экзотов». Благодаря исследователю европейские ботанические сады получили возможность разведения примерно 130 японских видов и разновидностей, новых для западной садоводческой культуры. Выдающийся коллекционер обогатил научные учреждения Европы множеством ценных японских рукописных сочинений и публикаций «растительной тематики». Что касается ботанической иконографии, то, не говоря уже о создании уникальной *Flora delineationibus*, Зибольду удалось «добыть» десятки манускриптов и ксилографов иллюстративного характера.

Такие убедительные результаты вызывают глубокое уважение к масштабной личности коллекционера, работавшего в сложнейшей обстановке. В наши дни трудно даже представить, какими проблемами в условиях старой Японии могла быть чревата для чужестранца-исследователя самая безобидная рабочая ситуация, например наблюдение и сбор растений в природе. Даже для Зибольда с его невиданной свободой сохранялись все те же бесчисленные барьеры, регламентирующие действия натуралиста и препятствующие доступу к объектам. Так, следуя в Нарутаки или к месту приема пациентов по одним и тем же городским улицам, доктор вряд ли мог рассчитывать на обилие флористической информации. Что касается выходов на природу, то они могли совершаться только в ближайших окрестностях Нагасаки, что, по сути дела, заставляло Зибольда повторять пути, пройденные его предшественниками. Кроме того, как уже говорилось, ботанические экскурсии были очень дорогостоящими²⁵, и подобного рода «платный доступ» к объектам, как и непосредственная покупка материалов, решительно «успокаивал» коллекционную деятельность ученого.

В принципе финансовый вопрос был одним из важнейших в ряду многих практических проблем, стоявших перед Зибольдом. Исследователю в очередной раз приходилось изыскивать особые, «альтернативные» пути достижения цели, и он снова находил достойный выход из положения. Оказывая врачебную помощь людям независимо от их общественного положения, «чудесный доктор»²⁶ контактировал с весьма широким кругом пациентов. При этом он не брал денег за свой труд, но с удовольствием принимал разнообразные посильные дары. Такое поведение Зибольда вполне соответствовало японской традиции, согласно которой благодарность за сделанное добро выражалась в форме подношения подарков. «Знаки благодарности», будь то рукотворные предметы или природные объекты, неиссякаемым ручейком вливались в собрания ученого и ощутимо их пополняли.

Что касается иллюстративных японских ботанических материалов, и прежде всего интересующей нас «рукописной» иллюстрации, то ее покупка исключалась в принципе. Дарение или обмен были для доктора единственными источниками поступления реалистических изображений, имевших хождение среди натуралистов школы *рангаку* в первой трети XIX в. В числе произведений *Рисованной флоры* упомянутые иллюстрации сформировали примерно третью часть всего состава, причем их включение в коллекцию явилось результатом особой селекции, целенаправленного отбора из общего массива собранных Зибольдом иконографических материалов. Совершенно очевидно, что, занимаясь такой работой, ученый ставил перед собой особые задачи, понимание которых представляется необходимым для оценки существа его личной ботанической иконографии.

²⁵ За все шесть лет пребывания в Японии Зибольд мог позволить себе только пять таких экскурсий.

²⁶ Этот «титул» принесли Зибольду результаты его операций по удалению катаракты.

Ботанические заботы Зибольда и формирование *Flora delineationibus*

Для доктора ботаника была любимой областью естественной истории, и ботанические коллекции относились к сфере индивидуальных интересов ученого, составляли базу задуманной им научной работы. В письме от 15 ноября 1824 г., адресованном в Лейден зоологу Конраду Якобу Темминку (1778–1856), первому директору Музея естественной истории, Зибольд просил о помощи в обработке зоологических материалов²⁷ и тут же недвусмысленно сообщал, что «любимой» ботаникой он займется самостоятельно²⁸. Молодой, полный сил и надежд, страстно увлеченный делом, Зибольд лелеял мечту о новой *Флоре Японии*, которая была призвана сказать свое собственное слово.

Само собой разумеется, что будущий труд должен был обогатить науку сведениями о ранее неизвестных японских растениях. Однако решением одной этой задачи замысел доктора не исчерпывался. Его новая книга преследовала, по крайней мере, еще одну очень важную цель. Она должна была представить растительный мир Японии не только ботаникам-профессионалам, но и широкому кругу интересующихся, прежде всего любителям ботанической науки, садоводства и природы вообще. Успех этих планов означал бы, что японская флора вышла наконец «в свет» и что мировое сообщество получило возможность обозреть растительные богатства страны не только с ботанических позиций, но и оценить их эстетические и даже некоторые практические достоинства.

В обоих направлениях перед Зибольдом расстилались равно необъятные, но качественно различные области деятельности. Что касается продолжения научной «переписи растительного населения», т.е. дальнейшего выявления и описания новых для науки растений, то в этой сфере имелся солидный задел, положенный предшественниками, и в первую очередь ботаником Карлом Петером Тунбергом. *Flora Japonica*, принадлежащая упомянутому автору, была для доктора базовой опорой и «первым авторитетом» среди необходимых ему европейских публикаций²⁹. В то же время наличие ботанического задела означало, что поиски нового оказывались возможными только при хорошем знании старого. Это «старое», по мнению Зибольда, составляло $\frac{2}{3}$ от общего числа местных растений, и немецкий натуралист должен был, что называется, «на месте» освоить и уточнить имевшиеся данные. Для доктора пополнение японской флоры начиналось с того, на чем шведский ученый закончил свою деятельность³⁰.

Кемпфер и Тунберг практически исчерпали близлежащие ботанические источники, и успех Зибольда полностью зависел от его личной предприимчивости. Натуралист должен был преодолеть непроходимые препятствия и найти надежный и устойчивый способ получения материалов из удаленных, абсолютно недоступных для иностранца мест. Задача была очень непростой, но и в этом случае доктор нашел замечательное решение. Образно говоря, он начал путешествовать по стране ногами своих друзей: коллег и учеников. Японские студенты Зибольда выполняли специальные задания исследователя (в частности, при написании «дипломных работ») и, обучаясь

²⁷ Конрад Якоб Темминк (Coenraad Jacob Temminck) стал ведущим автором пятитомной *Fauna Japonica*, опубликованной в 1833–1850 гг.

²⁸ “Die Botanik, mein Lieblingsstudium, werde ich allein bearbeiten...” (цит. по: Yamaguchi T., 1997, p. 5).

²⁹ Зибольд прямо говорил об этом в своей работе “Erwiderung auf W.H. De Vrieses’s Abhandlung...” (1837. S. 2).

³⁰ При этом Зибольду приходилось учитывать новые сведения и ботанические обработки соседних регионов, пропущенные Тунбергом по той или иной причине.

ботанике, одновременно поставляли ему необходимый фактический материал. Подобный путь пополнения гербарных коллекций как один из вариантов существует и в наши дни. На начальном этапе биологического образования традиционная практика студентов, независимо от их дальнейшей специализации, включает знакомство с базовыми ботаническими методами и предполагает сбор растений по заданию и под руководством преподавателя. На старших курсах будущие ботаники стремятся участвовать в экспедициях в роли коллекторов и уже всерьез овладевают искусством гербаризации. В Вюрцбурге, в свои университетские годы, Зибольд находился под сильным влиянием одного из учителей, друга своего отца и талантливого анатома профессора Игнаца Долингера (Ignaz Döllinger, 1770–1841). Вместе с этим незаурядным педагогом в компании сокурсников он также собирал гербарий в окрестных лесах. В Японии образцы высокой педагогической культуры, усвоенные юным Зибольдом в семейном кругу и университете, сослужили ему хорошую службу. Надо сказать, что и предшественники исследователя добывали информацию и составляли коллекции, используя помощь местного населения. Это был неизбежный путь, подсказанный самой жизнью, но до Зибольда движение по нему определялось внешними обстоятельствами. Заслуга доктора состояла в том, что ему удалось стать в значительной мере независимым от случая. В прокрустовом ложе конкретной реальности ученый выстроил продуманную, целенаправленную стратегию, одновременно решавшую как вопросы ботанического просвещения и обучения японских натуралистов, так и проблему создания предметной основы для изучения японской флоры на Западе.

Приращение гербарных материалов было важнейшим направлением деятельности ботаника, однако кроме гербария существовал еще один надежный источник ботанических данных. Этот источник, имя которому иллюстрация, в период первого визита Зибольда (и еще несколько последующих десятилетий) в самой Японии был основным. В результате, реалистические изображения нередко дарили первую, иногда на долгое время единственную возможность получения достоверных сведений о растениях. По этой причине иллюстрация не могла остаться вне поля зрения доктора. Планируя основательное научное исследование, он создавал ботаническую базу, стоявшую «на двух китах»: гербарных коллекциях и иконографии.

Для сбора гербария Зибольд использовал разные способы и возможности, включая и самостоятельную гербаризацию как в природе, так и на базе созданного им на Дэсима ботанического сада. Однако, как уже говорилось, злободневная ботаническая иллюстрация, бытовавшая в рукописной форме в научной среде того времени, «произрастала» исключительно в личных собраниях местных натуралистов. Именно от них изображения поступали к Зибольду, и надо отдать должное японским деятелям *рангаку*, которые, как Удагава Ёан (1798–1841), Кацурагава Хокэн (1797–1844) и Мидзутани Сугэроку (1777–1833), щедро делились с доктором своими сокровищами и предоставляли в распоряжение исследователя собственноручно выполненные «портреты» растений. Эти уникальные рукописные материалы Зибольд в той или иной мере непосредственно включал в состав формируемой им личной коллекции (илл. 2–4).

Во избежание сугубо современной оценки подобной ситуации следует вернуться к истории развития японской ботаники и вспомнить, что в те времена самостоятельный интерес к растению как таковому, т.е. вне зависимости от его использования, только начинал пробуждаться. Соответственно, местные натуралисты не ставили перед собой задачу исчерпывающего описания региональной флоры. Небольшие рукописные иконографии, распространенные среди натуралистов *рангаку*, по своему содержанию

183. ヒメハアサナ. *Tulipa latifolia* コダキ
江戸時代の表紙本町の草木図説中の図で、戦いダメージながら
特徴が表れている。

Илл. 2

Изображение тюльпана (в колл. N [586]/966), типичное для японских травников своего времени. Краски, японская бумага, 12×25 см. Из наследия Мидзутани Сугэроку. Совр. назв. *Tulipa latifolia* Makino

Илл. 3

Изображение *Atherurus tripartitus* (в колл. N 122/925) работы [Катсурагава Хокен, са 1820]. Краски, суми; трехслойная японская бумага, 25,0×30,9 см. Совр. назв. *Pinellia tripartita* Schott

200. ヒメワカサナ. *Yoania japonica* Максим
これは、de Vilmorin. 最も古い *Yoania* の手刷りが原典による。
新図は先づヒメワカサナに似ることに注意。

Илл. 4

Изображение *Yoania japonica* Maxim (в колл. N 649/945) работы [Удагава Ёан, са 1820–1826]. Краски, белила, суми; европейская бумага, 23,6×33,4 см. Совр. назв. *Yoania japonica* Maxim. Новый род (*Yoania*) и вид (*japonica*) орхидеи описан К.И. Максимовичем на основе данного изображения и назван в честь японского натуралиста

и масштабу с позиции флориста являлись лишь «кусочками мозаики», которые после соответствующей обработки могли быть включены в общую картину. Составлением этой картины и занимался Зибольд, когда определял, уточнял и, осмысливая в общем флористическом контексте, отбирал необходимые японские иллюстрации из общего состава даров. Объединяя «почерпнутые» и вновь создаваемые изображения, исследователь формировал свою *Рисованную флору*, которая все яснее очерчивала контуры растительного мира Архипелага и оживляла его все выразительнее и красочнее.

Заметим также, что зачастую упомянутые иллюстративные рукописи японских натуралистов играли роль индивидуальных справочных пособий, составляемых владельцами при изучении растений. Нередко этот материал носил рабочий характер и не предназначался для обнародования, тем более «в полном наборе», как целостное произведение (хотя некоторые из иллюстраций впоследствии могли быть использованы в публикациях). Подобные иконографии по-своему документировали процесс изучения флоры, неизбежно включавший определение представляемых объектов и соответствующий обмен информацией. В собраниях Зибольда пример такого рода научно-информационного обмена демонстрируют рукописи с весьма выразительным и вполне исчерпывающим названием *Хондзо сясин*, т.е. *реалистические изображения, или изображения растений как они есть*³¹. Одна из них принадлежит Удагава Ёан, и можно считать доказанным, что это собрание было составлено Зибольдом в ходе многолетней переписки с японским натуралистом³². Последний отправлял западному коллеге ботанические иллюстрации, которые служили обоим основополагающими документами при изучении конкретных таксонов. Изображения, полученные от Удагава, были сохранены Зибольдом под именем отправителя и названием *Хондзо Сясин*. В свою очередь, идентично оформленные собрания иллюстраций обнаружилось в наследии Кацурагава Хокэн и Мидзутани Сугэроку, с которыми доктору также был разрешен обмен корреспонденцией. Все три иконографии названных авторов³³ имеют одно и то же название и состоят из отдельных листов иллюстраций, вложенных Зибольдом в собственноручно надписанные им практически идентичные белые или голубые обложки. Сходная ситуация в отношениях корреспондентов и единообразное оформление позволяют предполагать, что обсуждаемые источники прошли аналогичный путь формирования.

Естественно, что подобные материалы не воспринимались доктором как произведения, содержательная целостность которых должна оставаться неприкосновенной. В итоге их судьба оказалась схожей: часть иллюстраций была включена Зибольдом в состав *Flora delineationibus* и ныне находится в Санкт-Петербурге, а часть осталась в общем массиве и в настоящее время пребывает в Лейдене. Так, в процессе работы с материалами *Хондзо сясин*, описанными под именем Мидзутани (Serr.: N 970, seria altera), нам удалось установить, что из этой рукописи Зибольд перевел в состав *Flora delineationibus* три иллюстрации, в конечном счете оказавшиеся в петербургской коллекции анонимными. Аналогичным образом из иконографии Кацурагава Хокэн (Serr.: N 975[b]) в *Рисованную флору* переместился «портрет» бамбука (*Bambusa pur-*

³¹ Слово *сясин*, подчеркивающее особый, нетрадиционный характер научных изображений, по существу, являлось термином и часто включалось авторами в название ботанических произведений. Заметим, что единственная ботаническая книга дэсимского художника Кавахара Кэйга называлась *Кэйга сясин со* (1836).

³² Факт и содержание переписки доктора Зибольда и Удагава Еан документально отражены в статье профессора Такахаси из университета Окаяма (Takahaši, 2001).

³³ Рукописи хранятся в библиотеке Лейденского университета (Serrurier: N 975[a], N 975[b], N 970, seria altera).

pureus N 41/1048), который по изобразительной манере, по исполнению европейских надписей и другим характеристикам демонстрировал прямую связь с двумя изображениями своих родственников (бамбуков), оставшимися в Лейдене. В свою очередь, собрание Удагава Ёан (Serr.: N 975[a]) недосчиталось 11 иллюстраций, которые доктор счел необходимым включить в петербургское собрание.

Пополняя *Рисованную флору* рисунками из общего массива «даров», Зибольд неизбежно нарушал целостность отдельных источников³⁴ и совокупного наследия того или иного дарителя. Однако в реальной обстановке эпохи, когда ученые рассматривали ботанико-иконографические *документы* прежде всего как фактографическую основу научной работы, такой ход событий был предопределен. Ботаник решал насущные исследовательские задачи и с позиций науки «по праву» оперировал находящимися в его распоряжении *фактами*. Соответственно этому подходу главным критерием ценности изображений являлось их научное содержание, а художественные достоинства, авторская принадлежность и тому подобные «второстепенные детали» отступали на задний план. Зибольд создавал *флору*, недвусмысленно заявив об этом в самом названии иконографии. Этой целью он и руководствовался при отборе материалов для своего частного собрания. Как и *Флора* Тунберга, труд немецкого натуралиста основывался на принципах линнеевской систематики, но впервые в истории японской ботаники Зибольд предпринял попытку составить подобную флору в *иллюстрациях* и, таким образом, сделать ее широко доступной по содержанию и эстетически привлекательной.

Рисованная флора как ботаническое произведение

В наши дни *Рисованная флора* известна как *коллекция* Зибольда, но она не рассматривалась и не оценивалась как ботаническое произведение. Между тем эта уникальная рукопись, при всем ее своеобразии, представляет собой региональную флору, т.е. относится к определенному типу ботанических работ. Главная цель региональной флоры состоит в том, чтобы исчерпывающе отобразить состав растений, естественно произрастающих в той или иной местности, и дать описание каждого вида, рода, семейства и т.д. В описании фиксируются важнейшие характеристики, которые позволяют уверенно «опознать» растение среди «ближайших родственников». Содержание флоры излагается по определенному плану, который соответствует принятой системе классификации и, как правило, *дополняется* иллюстрациями, предназначенными для наглядного пояснения текста и помощи при определении. По такому плану строилась *Флора Японии* Тунберга, не исчерпывающая, но включившая описания более 800 видов и 39 иллюстраций. *Рисованная флора*, по современным определениям, представляет около 720–730 таксонов и по охвату растительного мира имеет равное право именоваться флорой. Другое дело, что описания представлены здесь в изобразительной форме, которая всегда пользовалась особой популярностью среди любителей растений и начинающих ботаников.

При отсутствии профессионального образования составление и использование вербального научного описания вызывает затруднения и даже становится невозможным³⁵. В то же время реалистический «портрет» растения, выполненный с учетом

³⁴ Случаи изъятия иллюстраций из переплетенных лейденских рукописей или складывающихся альбомов нам неизвестны.

³⁵ Создание «словесного ботанического портрета» требует основательной теоретической подготовки, хорошего практического знания объекта и круга его родства, а также владения латинским языком, который до настоящего времени является интернациональным для подобного рода научной документации.

ботанических требований, дает точную и легко воспринимаемую информацию. Он помогает избежать ошибок, почти всегда сопровождающих дилетанта при погружении в «глубины специальности». Качественное изображение может служить тем надежным основанием, которое объединяет усилия любителя и профессионала, позволяя обоим вести внятный, плодотворный и равноправный диалог. В ситуации доктора Зибольда, который при всех своих знаниях не относился к профессиональной элите ботаников-систематиков, иллюстрация оказывалась совершенно незаменимой. Исследователь, обладавший внимательным и острым глазом, воспользовался достоинствами «графического описания», которое стало для него излюбленным способом отражения и закрепления пионерного знания. Для немецкого натуралиста подготовка *Флоры в иллюстрациях* явилась необходимым шагом на пути к созданию научного труда, соответствующего ботаническим стандартам времени³⁶.

В период накопления знаний и становления ботаники исключительная ценность рисунка не ограничивалась «частными случаями»: повсеместно, как в Европе, так и в Японии, иллюстрация была признанным средством документирования и информации. Изображения растений, все более реалистические и точные, сопровождалась определениями (названиями) и составляли основу широко востребованных источников. В Стране восходящего солнца изобразительные «лексиконы» не только ботанических, но и других биологических объектов уже в XVIII в. стали, по существу, традиционными. На рубеже между эпохой травников и ботанической наукой подобные наглядные справочники являлись необходимым скрепляющим звеном в единой цепи познания. Они долгое время оставались злободневными как в профессиональной, так и в любительской среде и навсегда вошли в золотой фонд ботаники. В XIX в. примером подобных произведений могут служить такие известные работы, как *Хондзо дзуфу* (Иллюстрированное описание растений)³⁷, созданная Ивасаки Цунэмаса (Канъэн) (1786–1842), и *Сомоку дзусэцу* (Иллюстрированный определитель растений)³⁸, автором которой является Иинума Ёкусай (1782–1865). Масштабный труд Иинума долгое время служил одним из основных отечественных справочников по японской флоре. В условиях страны, где новая наука рождалась на иноязычной теоретической базе и, как следствие, испытывала языковые трудности понимания и перевода специальной литературы, внятный голос научного изображения звучал особенно убедительно.

Flora delineationibus, использовавшая широкую доступность и точность тщательно подготовленных иллюстраций, открывала линнеевский ряд ботанических произведений, которые представляли флору Японии в изобразительной форме³⁹. «Текстовая часть» рукописи сводилась к необходимому минимуму, т.е. к определениям изобра-

³⁶ В дальнейшем Зибольд осознал необходимость сотрудничества с профессионалом и, несмотря на первоначальное намерение сохранять «ботаническую самостоятельность», по возвращении в Европу продолжил работу над материалами в соавторстве с профессором ботаники Ёзефом Герхардом Цуккарини (Jozeph Gerhard Zuccarini, 1797–1848).

³⁷ Травник в 96 томах, построенный по старой китайской системе классификации, содержит более двух тысяч изображений. Сложная и длительная первоначальная история его обнародования началась в 1830 г. и продолжалась до 1844 г., причем большая часть томов распространялась в рукописной форме. По данным профессора Ю. Кимура, ксилографическое издание полностью было осуществлено только в 1916–1921 гг. (см.: Siebold's Florilegium of Japanese plants, 1993, v. 2, p. 9–10).

³⁸ Тридцатитомный труд Иинума ориентирован на западные стандарты и представляет растения под их японскими и латинскими названиями. Двадцать томов, посвященные травам (1201 вид), были опубликованы на средства автора в 1856–1862 гг. Вторая часть произведения, включавшая деревья, долгое время оставалась в рукописном варианте и была издана лишь спустя столетие, в 1976 г.

³⁹ Упомянутое выше произведение Иинума Ёкусай встает в этом ряду непосредственно за *Flora delineationibus*.

жений⁴⁰, и изредка дополнялась сведениями об авторстве рисунка или краткими фенологическими, историческими и прочими замечаниями. Будучи целостной работой, *Рисованная флора* одновременно служила первоначальным материалом для ботанических исследований Зибольда и его современников. Соответственно этим исследованиям отдельные иллюстрации в той или иной мере привлекались для прояснения научной ситуации и даже непосредственно использовались в публикациях⁴¹. Это обстоятельство затушевывало содержательную самостоятельность *Flora delineationibus*: её иллюстрации получали известность в составе конкретных произведений, по отношению к которым иконография играла роль «материнской почвы».

«Любительский консерватизм» Зибольда в оценке статуса и выборе стандартов иллюстраций

Доктор Зибольд избрал изображение одним из двух главных объектов ботанического коллекционирования и был в этом выборе вполне объективен. Натуралист в полной мере осознавал и ценил документальные достоинства иллюстрации и, с другой стороны, учитывал свои профессиональные ограничения в ботанической области. Однако прежде всего исследователь как никто другой видел преимущества и понимал значение изображения в особых условиях Японии. Для местных натуралистов рисунок являлся неотъемлемой частью отечественного научного инструментария. Он служил общепризнанным и широко распространенным способом «ботанического познания», в то время как гербаризация еще проходила в Японии этап становления и укоренения. Немаловажным было и то обстоятельство, что в климатических условиях страны и бытовой обстановке того времени изображение было более удобно в использовании и менее уязвимо при хранении, перевозке и пересылке, чем засушенные растения.

На западном «ботаническом фоне» позиция Зибольда по отношению к рисунку была определенным исключением. Так, уже для Карла Петера Тунберга (за 50 лет до первого визита Зибольда!) иллюстрация не являлась объектом первостепенной значимости, и это было неудивительно для ученика Линнея, которому слова учителя о превосходстве гербария над изображением (“*Herbaria praestant omni icone*”) служили руководством к действию. С тех давних пор возрастающий объем и углубление научных знаний, иной масштаб и уровень задач все настойчивее требовали от исследователей строгой концентрации внимания и экономного расходования сил и средств. «Гербарный акцент» неуклонно усиливался, и можно сказать, что к началу деятельности доктора вполне утвердился в ботанической среде.

Спустя тридцать лет после Зибольда приоритеты профессии ярко продемонстрировал российский ученый Карл Максимович (1827–1891), работавший в Японии в 1860–1864 гг. В отличие от Тунберга, не обладавшего изобразительным даром, рисунок как ботанико-морфологический метод был освоен Максимовичем с детства. Карл Иванович хорошо «владел карандашом», высоко ценил возможности иллюстрации и, в частности, говорил, что «рисунки лучше всякого описания могут заменить самые экземпляры растений» (Извлечения из протоколов, 1872, с. 305). Академик в библии оставил собственноручные изобразительные «анализы» деталей структуры, которые рассыпаны в его наследии в виде приложений к гербарным листам, на страницах рукописей и книг личной библиотеки. В то же время знаменитый ботаник со-

⁴⁰ В полном варианте иллюстрация сопровождалась латинским, а также китайским и японским названиями, которые нередко приводилось также в латинской транскрипции.

⁴¹ В общей сложности из более чем тысячного состава *Рисованной флоры* были опубликованы около 150 иллюстраций, что заведомо не исчерпало содержания коллекции.

вершенно не включал в состав своих японских коллекций *научно-художественные* иллюстрации. Подобная избирательность, на наш взгляд, объясняется профессиональной целесообразностью действий Максимовича, стремившегося обойтись минимально необходимыми «производственными затратами». Подход к ботаническому изображению, продемонстрированный профессионалами, Тунбергом и Максимовичем, для Зибольда был неприемлем. В его восприятии рисунок не уступал гербарии и в какой-то мере даже выдвигался на первый план. Заметим, что сосредоточенность Карла Ивановича на гербарии не случайно имела следствием подготовку первого профессионального японского ботанического коллектора (сборщика гербария) Сугава Тёносукэ (1842–1925), в то время как Зибольд сыграл ключевую роль научного наставника в становлении первого японского ботанического художника Кавахара Кэйга (1786–с. 1862).

В конце XVIII в. *Флора Японии* Тунберга, несмотря на общественный интерес, увидела свет в экономичной, рассчитанной на специалистов форме. Автор удовлетворился скромным изданием с немногочисленными черно-белыми иллюстрациями, для которых «позировали» гербарные, т.е. засушенные, мертвые образцы. Однако заинтересованное культурное сообщество, в котором профессиональные ботаники составляли лишь очень небольшую часть, не могло довольствоваться «сухими», сугубо научными документами. Для доктора Зибольда, влюбленного в Японию, красота страны была ее неотъемлемым качеством, и мир должен был узнать об этой красоте. Исследователь чувствовал, что прелесть японских растений сама по себе заслуживает представления на мировой сцене. По этой причине особое значение приобретал для ученого стандарт изображения, сохранявший самую тесную связь с искусством. При бесспорном приоритете науки новая *Флора* рисовалась ему в ряду роскошно иллюстрированных изданий уходящей европейской традиции «золотого века ботаники». В своей книге Зибольд хотел видеть *научно-художественные* изображения, позволявшие выполнить долг перед армией любителей ботаники, так долго томившихся в неведении о японских ботанических сокровищах.

Молодой ученый не был (и не мог быть) профессионалом во всех многочисленных естественнонаучных дисциплинах, для которых он собирал разнообразную информацию. Однако «всякая медаль имеет две стороны», и нельзя забывать, что «широкий обзор», свойственный *натуралисту*, замечательно гармонизировал ситуацию запоздалого знакомства Японии с Западом. Зибольд стоял на целостной почве естественной истории, которая удерживала исследователя от движения по единственной дороге, «близкой сердцу» узкого специалиста. Эта почва позволяла сохранить общий баланс, соблюсти определенное равновесие интересов. Что касается ботаники, то, обращая взгляд исследователя на ботаническое *искусство*, «любительство» Зибольда и здесь обернулось привлекательной для общества гранью.

28 гравюр, опубликованных Кемпфером, и 39 скучных «посмертных зарисовок» во *Флоре Японии* Тунберга вкупе с прочими черно-белыми изображениями⁴² отражали лишь каплю в море японских растений. К тому же обе названные «главные книги» давно ушли из круга любительской ботаники и стали почти исключительным достоянием профессиональной сферы. Для Зибольда было бы не слишком сложно превзойти эти публикации по числу и качеству изображений, однако, по мысли исследователя, его работа должна была решительно отличаться самым статусом иллюстраций. Красочные «портреты» растений, выполненные с натуры по законам ботанического

⁴² В 1791 г. в Лондоне были изданы *Icones selectae plantarum*, куда вошли 59 ранее не публиковавшихся практически эскизных иллюстраций из наследия Кемпфера. В 1794–1805 гг. Тунберг опубликовал в Упсале *Icones plantarum japonicarum*, содержащие 50 таблиц.

искусства, наряду со словесным описанием должны были документировать *каждый таксон* задуманной доктором *Флоры*. В этих обстоятельствах иллюстрация покидала второй план и становилась равноправной частью профессионального научного издания. В то же время она делала его привлекательным и содержательно доступным, как минимум, для всех заинтересованных любителей растений. Что касается текста, то и в текстовой части доктор соблюдал принцип «два в одном» и на ботаническом материале продолжал знакомить западного читателя с *Японией*. В его книге классические латинские описания растений были дополнены «нестандартной», преимущественно этноботанической информацией, важной и желанной для всех читателей, интересующихся Страной восходящего солнца.

Мечтая о будущей книге как об открытом празднике знакомства с японскими растениями и *Японией*, ученый не отделял эту мечту от намерения создать профессиональный труд, соответствующий научным требованиям времени. Натуралист ставил перед собой высокие и сложные цели, посильные лишь подлинному энтузиасту, труженику и оптимисту. Его великолепно иллюстрированная *Флора* «перекидывала мост» между современной Зибольду профессиональной ботаникой, все дальше уходившей в специальные сферы, и ее недавним публичным прошлым, когда культурное общество живо интересовалось «новостями с ботанического фронта». Этот мост прочно опирался на оба берега — научный и любительский интерес — и располагался на оживленной «главной дороге», объединявшей разных путников⁴³. Новой флоре суждена была долгая жизнь.

Уникальная сердцевина *Flora delineationibus*: японские изображения европейского типа

Стандартом, образцом для изображений будущей книги была избрана научно-художественная иллюстрация, восхищавшая многие поколения европейцев. Это специфическое искусство, способное объединить достоинства научного документа и декоративно-художественного произведения, вполне отвечало запросам Зибольда. Однако работа в упомянутом жанре требует от исполнителя особого мастерства, одной из основ которого является специальная ботаническая подготовка и практический опыт. Для подобных произведений натурная практика считается общепринятой нормой, но она становится незаменимой при «первом знакомстве», т.е. при изображении ранее неизвестных растительных объектов⁴⁴. Между тем в первой трети XIX в. немногочисленные виды живых японских трав и деревьев были в Европе редкостью. Еще более редкой оказывалась возможность увидеть цветущие и плодоносящие экземпляры, готовые к «ботаническому позированию». Общая ситуация не позволяла надеяться на скорые перемены. Японские экзоты добывались с трудом, а исключительная сложность их доставки оказывалась дополнительным препятствием для распространения на европейском континенте. Несмотря на все усилия, большинство живых растений Архипелага, отправляемых к далеким западным берегам, не выдерживали тягот пути и не добирались до места назначения⁴⁵. Требовались время и

⁴³ Успех издания оправдал надежды автора. *Флора* Зибольда и Цуккарини стала всемирно известной и получила широкое научное и общественное признание.

⁴⁴ Впоследствии доктор с гордостью подчеркивал, что его *Рисованная флора* практически полностью была составлена из работ, выполненных с натуры.

⁴⁵ Так, по данным Зибольда за период с 1829 по 1844 г., он сам и сотрудничавшие с ним коллекторы послали в Нидерланды 733 живых экземпляра, из которых только 231 растение пережило длительного путешествия.

упорный труд исследователей, коллекторов и садоводов, чтобы расширить «японский ассортимент» и, в частности, обеспечить условия для натурной работы западных ботанических художников. Все эти обстоятельства делали неизбежной попытку решить вопрос на месте и заставляли Зибольда задуматься о «портретировании» объектов на их родине.

Выполняя свои ботанические задачи, доктор положил за правило обязательно иллюстрировать растение, если оно было ему незнакомо или представляло какой-то особый интерес. Эта важная установка обеспечивала накопление научной информации, но личные зарисовки Зибольда в большинстве случаев представляли собой непритязательные карандашные скетчи, подобные тем, что сохранились в *Материалах к работе Flora Japonica* (СПб отделение Архива РАН, разряд IV, опись 1, ед.хр. 413). Качественные натурные изображения, способные удовлетворить и ученого, и любителя ботанического жанра, могли выйти только из рук профессионального художника. Между тем в Японии неоткуда было взяться мастеру европейского жанра, а образцы национальной ботанической иконографии наглядно демонстрировали несоответствие западным стандартам и традициям. Так, «восточные рисунки» из состава «даров» прекрасно вписывались в содержание *Рисованной флоры*, но не могли быть непосредственно использованы в европейском научном издании в качестве иллюстраций. Естественно, что в начале пребывания на Дэсима Зибольду казалось очевидным, что для создания задуманных изображений ему необходим западный рисовальщик.

Приезд на остров европейского иллюстратора становился необходимым условием работы и очень заботил Зибольда, который не мог бесплодно тратить в ожидании драгоценное время⁴⁶. В подобных обстоятельствах легко вообразить себе радость исследователя, когда он убедился, что сложная проблема может быть решена местными силами: единственный художник, допущенный на Дэсима, стремился к сотрудничеству и подавал небезосновательные надежды. Работа над созданием «портретной галереи» японских растений началась ранней весной 1824 г., когда Кавахара Кэйга (1786–1862) выполнил первый ботанический заказ натуралиста — иллюстрацию горницета (*Adonis sibirica* N 100/4). Событие было настолько важным для Зибольда, что на обороте рисунка ученый сделал памятную запись, удостоверяющую для потомков момент зарождения уникальной сердцевины *Рисованной флоры*⁴⁷.

Личная ботанико-иконографическая коллекция была для доктора любимым детищем, которому уделялось огромное внимание. Формируя иконографию, ученый не ограничивался обычными рамками деятельности коллекционера и, вне всякого сомнения, являлся интеллектуальным автором своей *Флоры в иллюстрациях*. К тому же сотрудничество с ботаническим художником, служившее ключевым моментом в создании новой японской ботанической иллюстрации, в отношениях Зибольда и Кавахара наполнялось многоплановым содержанием. На протяжении шести лет доктор был основным заказчиком ботанических произведений Кэйга-сан. Зибольд стимулировал творческую направленность художника и определял выбор объекта, но, главное, он успешно выполнял функции ботанического наставника. В меру своих возможностей натуралист *воспитывал мастера жанра*. Как следствие иллюстрации, создаваемые

⁴⁶ Запрос доктора по поводу европейского рисовальщика, отправленный в Батавию уже через несколько месяцев после прибытия в факторию, был удовлетворен только в августе 1825 г., когда незадолго до отправления миссии в Эдо на остров прибыл К.Г. де Вильнёв (Villeneuve, Carl Hubert de, ? — после 1859).

⁴⁷ На обороте иллюстрации доктор Зибольд записал карандашом: “Die erste im Jahre 1824 unter den vom Maler Toioske gezeichnete Pflanze” ([Первое [растение], в 1824 [году] зарисованное среди прочих художником Тойоске). Доктор определил изображенный объект как горницет сибирский, но, по современным представлениям, на «портрете» представлен горницет амурский (*Adonis amurensis* Regel), вид, описанный российским ботаником Регелем в 1861 г., почти через сорок лет после создания иллюстрации.

Кавахара, не были для Зибольда результатом сторонней работы рисовальщика, доставшейся ученому в готовом виде. Заметим, что ботанический сад, основанный доктором на Дэсима, предоставлял ботанику и художнику возможность совместного свободного (и достаточно широкого) доступа к живым объектам и служил прекрасной базой для обучения иллюстратора⁴⁸. В итоге всех усилий уникальный творческий союз увенчался созданием произведений, вошедших в мировой фонд ботанического искусства. Около трех сотен лучших работ Кэйга, включенных в состав *Flora delineationibus*, составляют предмет особого интереса и навсегда останутся примером плодотворного содружества и взаимопонимания «людей из разных миров» (илл. 5).

Произведения Кавахара, ориентированные на европейские стандарты, и дары японских натуралистов, выполненные в восточной традиции, составили основное флористическое содержание коллекции. Они сформировали органичное «двухчастное» тело *Рисованной флоры*, подлинно японское «ядро» собрания. В период второго визита Зибольда в Страну восходящего солнца эта часть *Рисованной флоры* обогатилась работами молодого художника Тококу Симидзу (1841–1907), привнесшего пришедшие ему новые краски (илл. 6).

В итоге более 700 произведений вошли в состав основного корпуса иллюстраций, японских по исполнению и месту рождения растений и их портретов. «Живая плоть» коллекции была японской, но энергию для ее жизни и дальнейшего развития давал «европейский дух», усвоенный уникальным организмом иконографии.

Европейская часть коллекции

Покинув родные пределы, *Рисованная флора* более 30 лет провела вместе с Зибольдом в Европе, где в ее состав влились более чем две сотни иллюстраций, которые, впрочем, часто представляли не новые таксоны, а новые портреты уже «зафиксированных» в коллекции видов растений. Иконография прирастала на континенте работами, большая часть которых предназначалась для публикации в научных трудах исследователя, и прежде всего в его всемирно известной ботанической книге *Flora Japonica*⁴⁹. На базе живых растений и гербарных образцов европейские художники по заказу Зибольда создавали новые самостоятельные произведения, однако при недостатке базовой информации *Рисованная флора* неизбежно включалась в процесс создания «таблиц»⁵⁰. Прежде всего, японские иллюстрации играли в этом процессе роль фактографического материала, который в зависимости от обстоятельств мог использоваться в большей или меньшей степени. Иногда европейцы заимствовали лишь цвет или отдельные мотивы и элементы изображений, однако примерно для пятой части опубликованных таблиц копировались основные фигуры иллюстраций Кавахара Кэйга. В последнем случае японский вариант, как минимум, всегда уточнялся и дополнялся в соответствии с ботаническими требованиями, а также подвергался адаптации для западного восприятия. *Рисованная флора*, сохранившая «исходные» работы дэсимского мастера, многое рассказала об истории подготовки первой богато иллюстрированной японской флоры «нового образца» и, в частности, пополнила список создателей *Flora Japonica*, став прямым свидетельством вклада Кавахара в это прекрасное издание (илл. 7–8).

⁴⁸ В октябре 1825 г. в письме к Х.Г. Ниис фон Эсенбек (Nees v. Esenbeck, Christian Gottfried, 1776–1858), впоследствии опубликованном (Siebold, Ph.Fr. Einige Worte über den Zustand der Botanik auf Japan...), доктор сообщал, что в ботаническом саду на Дэсима выращивается «больше тысячи растений Архипелага...».

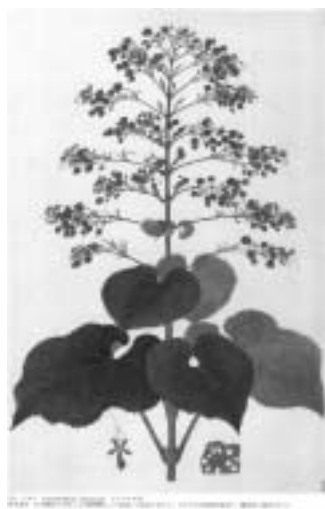
⁴⁹ Из 150 иллюстраций книги в коллекции полностью отсутствуют оригиналы лишь четырех таблиц (№ 46, 71, 137, 144).

⁵⁰ Во *Flora Japonica*, как и во многих ботанических изданиях, иллюстрации именуются таблицами.

Илл. 5

Изображение *Rosa multiflora*
(в колл. N355/370) работы Кавахара Кэйга
[1825–1828]. Краски, белила, суми; евро-
пейская бумага, 24,0×32,7 см. Совр. назв.
Rosa multiflora Thunb. Ex Murrey

Илл. 6

Изображение *Clerodendrum squamatum*
(в колл. N 224/702) работы Тококу Шимицу
[1861]. Краски, белила, суми; европейская
бумага, 38,8×57,5 см. Совр. назв.
Clerodendrum japonicum Sweet

Илл. 7

Изображение *Anemone cernua* (в колл. N 28/6)
работы Кавахара Кэйга [1824–1825].
Краски, белила, суми; европейская
бумага, 23,7×32,4 см. Современное название
Pulsatilla cernua Spreng

Илл. 8

Изображение *Anemone cernua* (в колл.
N 822/8) работы С. Минзингера [ca 1835].
Акварель, серебро, тушь, карандаш; евро-
пейская бумага, 23,5×32,4 см. Современное
название *Pulsatilla cernua* Spreng

Личная ботаническая иконография доктора Зибольда явилась результатом индивидуальной интеллектуальной работы немецкого натуралиста, но, с другой стороны, она была плодом коллективных усилий, исключительным для своего времени примером совместного творчества европейских и японских авторов. «Три составные части» коллекции объединились в едином теле *Flora delineationibus* и образовали целостный организм. В то же время каждая из этих частей — «дозибольдовские» изображения «даров», работы японских профессионалов изобразительного искусства и европейский массив иллюстраций — имела собственное, присущее только ей научное, художественное и историческое своеобразие. В ближайшем будущем каждому из перечисленных «разделов», как и российскому периоду истории *Рисованной флоры*, мы предполагаем посвятить две-три отдельные статьи.

Список литературы

- Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века (Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг.) // Русская старина, октябрь 1895. Т. 84. С. 201–235.
- Грубов В.И., Бородин-Грабовская А.Е. Сотрудничество К.И. Максимовича с японскими ботаниками в изучении флоры Японии // Ботанический журнал. 2001. Т. 86, № 9.
- Извлечения из протоколов // Записки императорской Академии наук. 1872. Т. 21.
- Максимович К.И. Краткий отчет о путешествиях в Амурский край и Японию в 1856–1864 гг. // Журнал Министерства государственных имуществ. 1864, с. 433–452.
- Путешествие по Японии, или описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях. Т. I–II. Санкт-Петербург, 1854.
- Черная Т.А. Ботаническая страница в изучении Японии XIX в. (по материалам коллекции рисунков Ф.Ф. Зибольда) // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. СПб., 1997. С. 151–157.
- Barnes P. Japan's botanical sunrise. Plant exploration around the Meiji restoration // Curtis's Bot. Mag. 2001. Vol. 18, pt 2. P. 117–131.
- Blume C.L. Rumphia, sive commentationes botanicae imprimis de plantis Indiae orientalis. 4 vols. Leiden, 1835–1848.
- Hara Hiroshi. Nomenclatural notes on some Asiatic plants, with special reference to kaempferi Amoenitatum exoticarum // Taxon. 1977. Vol. 26, № 5–6. P. 584–587.
- Kaempfer E. Amoenitatum exoticarum politico-physico-medicae fasciculi V, quibus continentur variae relationes observationes et descriptiones rerum persicarum et ulterioris Asiae. Lemgo, 1712.
- Kaempfer E. Icones selectae plantarum, quas in Japonia collegit et delineavit Engelbertus Kaempfer; ex archetypis in Museo Britannico asservatis... L., 1791.
- Kerlen H. Catalogue of pre-Meiji Japanese books and maps in public collection in the Netherlands. Amsterdam, 1996.
- Körner H. Die Würzburger Siebold: Eine Gelehrtenfamilie des 18. und 19. Jahrhunderts. (Lebensdarstellung deutscher Naturforscher herausgegeben von der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina; N 13). Leipzig, 1967.
- Kouwenhoven A. & Forrer M. Siebold and Japan: His life and work. Leiden, 2000.
- Serrurier L. Bibliothèque Japonaise. Catalogue raisonné des livres et des manuscrits japonais enregistrés à la Bibliothèque de l'Université de Leyde. Leyde, 1896.
- Siebold A. F.Ph.Fr. von Siebold's letzte Reise nach Japan, 1859–1862. Berlin, 1903.
- Siebold Ph.Fr. Einige Worte über den Zustand der Botanik auf Japan, nebst eine Monographie der Gattung Hydrangea und einigen Proben Japanischer Literatur über die Kräuterkunde / Nova Acta Leop., 1828. Bd XIV, Abt. 2. S. 671–696.
- Siebold Ph.Fr. Erwiderung auf W.H. de Vriese's Abhandlung "Het gesag van Kaempfer, Thunberg, Linnaeus en anderen, omtrent den botanischen oorsprong van den stern-anij's des handles gehandhaaft tegen Dr. Ph.Fr. Von Siebold en Prof. J.G. Zuccarini". Leiden; Leipzig, 1837.

- Siebold Ph.Fr.* Flora Japonica sive plantae, quas in imperio Japonico collegit, descripsit, ex parte in ipsis locis pingendas curavit Dr. Ph.Fr. de Siebold. Regis auspiciis edita. Sectio prima continens plantas ornatui vel usui inservientes. Digessit Dr. J.G. Zuccarini, ...centuria prima. Lugduni batavorum, 1835–[1841]; volumen secundum, ab auctoribus inchoatum relictum ad finem perduxit F.A. Cuil. Miquel. [1842–1870].
- Siebold Ph.Fr.* Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japon und dessen Neben- und Schutzländern Jesso mit den südlichen Kurilen, Sachalin, Korea und den Liukiu-Inseln. Vol. I–II, Hrsg. von seinen Söhnen. 2 Aufl. Würzburg; Leipzig, 1897.
- Siebold Ph.Fr.* Synopsis Plantarum Oeconomiarum universi Regni Japonici / Verh. Batav. Genootsh. Kunst. Wet., 1830. N 12. P. 1–75.
- Siebold Ph.Fr.* Voyage au Japon, exécuté pendant les années 1823 à 1830, ou description physique, géographique et historique de l'Empire Japonais, de Jesso, des Iles Kuriles méridionales, de Kourou, de la Corée, des Iles Liu-Kiu, etc. T. 1–2, Atlas. P., 1838.
- Siebold's Florilegium of Japanese plants = Florilegium plantarum Japonicarum Sieboldii: Held in the Library of the Komarov Botanical Institute, a subsidiary of the Library of the Russian Academy of Science, St.Petersburg / Ed. by Yojiro Kimura, Grubov, Valerii. I; Vol. III. Tokyo, 1993.
- Schneider H.* Philipp Franz von Siebold: Der wissenschaftliche Entdecker Japans aus Würzburg, 1796–1866. Würzburg, [cop. 1999]
- Smit P.* The Rijksherbarium and the scientific and social conditions which influenced its foundation // Blumea. 1979. Vol. 25, N 1. P. 5–11.
- Takahashi T.* Yoan Udagawa's works in Siebold's Florilegium of Japanese Plants // Journal of Humanities and Social Science Okayama University. 2001, vol. 11. P. 201–218.
- Tchernaja T.A.* The C.P. Thunberg collection Icones Plantarum Japonicarum (ineditae) and its history in Russia // C.P. Thunberg's drawings of Japanese plants. Tokyo, 1994. P. 353–370.
- Tchernaja T.A.* Japanese Botanical Art and Illustrations from Siebold's Collection. The Treasures of the Library of the Russian Academy of Sciences // The Komarov Botanical Library, St. Petersburg. [Catalogue of the exhibition, 2002–2003. Selected and supervised by T.A. Tchernaja; Essay and comment. by T.A. Tchernaja. Tokyo, 2002].
- Tchernaja T.A.* Philipp Franz von Siebold's Flora Japonica delineationibus ac picturis illustrata and its history in notes and inscriptions on the illustrations Siebold's Florilegium... Vol. II. P. 41–54.
- Thunberg C.P.* Flora Japonica sistens plantas insularum japonicarum... Lipsiae, 1784.
- Von Siebold's Botanical Treasures in Leiden. Leiden, ETI/ NHN, 2000. [CD]
- Von Siebold Nachrichten aus Japan. [Brief von Ph.F. v. Siebold an Ch.G. Nees v. Esenbeck; Deshima 20.12.1827] // Flora oder Bot. Zeitung. 1828. Jg. 11. S. 753–762.
- Vos K. & Forrer M.* Kawahara Keiga. Fotograaf zonder camera = Photographer without a camera. [Catalogue of the exhibition], Rijksmuseum voor Volkenkunde. Leiden, 1987.
- Yamaguchi T.* Von Siebold and Japanese Botany // Calanus. 1997. Special Numbers I.
- Yamaguchi T. & Kato N.* The material of the species dealt in von Siebold's Flora Japonica // Calanus. 1998. Special Numbers II: 1–446.
- Yasuda K.* Siebold and the Russian government: introduction to a newly discovered collection of letters // Siebold's Florilegium... Vol. II. P. 35–40.

Summary

T.A. Tchernaja

Siebold's Collection of Botanical Illustrations

Flora Japonica Delineationibus

I. History of its creation and existence during Siebold's life.

The article sheds some light on how doctor Philip Franz von Siebold created his unique collection of botanical illustrations portraying Japanese plants. A special consideration is given to factors and circumstances that defined peculiarities of the delineations and specific features of the collection as a whole. These peculiar terms had played their part and enriched scientific, artistic and historical content of the collection.

Philip Franz von Siebold, Japan, botanical art, botanical illustration, Kawahara Keiga.

К.Г. Маранджян

**Коллекция японских ксилографов
из собрания отдела Библиотеки Российской академии наук
при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН**

Статья представляет собой каталог японских ксилографов из собрания отдела Библиотеки Российской академии наук при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН. Сам каталог предваряется небольшим введением, в котором приводятся основные сведения об истории и составе коллекции.

Модель, по которой выполнено описание, следующая: шифр, название (иероглифическое написание, транскрипция и перевод названия), автор (если возможно, даты жизни, другие имена, под которыми он известен), язык, редактор (если он указан), художник, выполнивший иллюстрации, издатель, время и место издания, размеры, количество томов, и примечания (имеется ли это издание в сводном каталоге японских источников, имеется ли издание в собрании ИВР РАН, предисловия и заключения, и прочие сведения, представляющие интерес для исследователей).

Ключевые слова: Ботанический институт, каталог, японские ксилографы, рукописи, описание.

Библиотека Санкт-Петербургского Ботанического института была основана в 1824 г. и уже к концу XIX в. получила признание как одна из лучших ботанических библиотек мира. В ее собрании хранится значительное количество японских ксилографических изданий (всего 175 единиц хранения), никак не выделенных в отдельный фонд и до сих пор не описанных японистами. Эта коллекция ксилографов посвящена ботанической тематике, что вполне естественно, имея в виду профиль учреждения, и включает в себя труды наиболее значительных японских ученых-натуралистов XIX в.

Источники формирования коллекции и легенды отдельных ксилографических изданий пока еще мало изучены, однако нет никаких сомнений в том, что большая часть их была приобретена благодаря деятельности известного ученого и путешественника К.И. Максимовича (1827–1891), главного ботаника Императорского ботанического сада, позднее директора Ботанического музея АН (с 1870 г.). Этот исследователь положил начало изучению флоры российского Дальнего Востока и впоследствии уделял особое внимание Японии. Он однократно съездил в Японию, где находился в длительной экспедиции, растянувшейся с 1861 по 1864 г.

К.И. Максимович снискал себе славу лучшего в Европе знатока японской флоры, ученый совершил несколько заграничных поездок для знакомства с главнейшими гербариями Европы, где была представлена японская флора. Он работал в Ботаническом саду в Кью (Англия), посетил Упсалу (Швеция), где просмотрел гербарий Тунберга, был в Лейдене (Нидерланды). К.И. Максимович приобрел часть гербария Ф.Ф. Зибольда, относящегося к японской флоре. По-видимому, вернувшись в Россию после своей длительной поездки в Японию, ученый привез с собой не только ценный гербарий, семена и луковицы растений, но также, по всей вероятности, японскую лите-

ратуру по ботанике. Во всяком случае, описание японской коллекции показало, что это не случайно подобранные книги, а вполне цельное собрание, включающее в себя все наиболее важные и актуальные в то время источники по описанию японской флоры.

Коллекция насчитывает 175 единиц хранения, которые распределены по 17 сочинениям. Восемь наименований изданий имеются также в коллекции ИВР РАН, причем в некоторых случаях в ИВР есть тома, недостающие в коллекции ботанической библиотеки. Кроме того, в коллекции Ботанического института существуют дубликаты, разные издания одних и тех же сочинений и разрозненные тома изданий. Далеко не все сочинения представлены полностью. Некоторые ксилографы, входящие в одно сочинение, зашифрованы под разными шифрами. В каталоге мы приводим их вместе, указывая разные шифры, но включая их в один номер описания.

В состав коллекции также входит одно смешанное многотомное издание, часть томов которого отпечатана ксилографическим способом, а часть представляет собой рукописи, где рамка, титул, название сочинения и наименование издательства, обозначенное на сгибе листов, выполнены ксилографически.

Все ксилографы датируются XIX в., однако одна часть коллекции относится к изданиям конца эпохи Токугава (1603–1867), а другая — уже к эпохе Мэйдзи (1867–1912). Все книги снабжены большим количеством иллюстраций, на которых большей частью изображены описываемые растения (общий вид растения либо его отдельные элементы, такие как семена, листья, плоды, корни и пр.).

Модель, по которой выполнено описание, следующая: шифр, название (иероглифическое написание, транскрипция и перевод названия), автор (если возможно, даты жизни, другие имена, под которыми он известен), язык, редактор (если он указан), художник, выполнивший иллюстрации, издатель, время и место издания, размеры, количество томов и примечания (имеется ли это издание в сводном каталоге японских источников, имеется ли издание в собрании ИВР РАН, предисловия и заключения и прочие сведения, представляющие интерес для исследователей).

Все ксилографы были проверены по электронному сводному каталогу всех японских письменных источников (Нихон котэнсэки согомокуроку), выложенному на сайте Национального института японской литературы¹. В случае, если имеется электронная версия источника, мы также указываем адрес, по которому с ней можно ознакомиться.

Надеемся, что эта публикация познакомит читателей с еще одной коллекцией японских ксилографов, хранящихся в Санкт-Петербурге и до последнего времени практически неизвестных японистам.

Каталог коллекции японских ксилографов из собрания Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН

1) Шифр: I 55 к 138

Название: Новая редакция «Собрания цветов»

新校正・花彙

Транскрипция: Синкосэй / Каи

Автор: 1) Симада Мицufуса 島田 充房

Иначе: 雍南 Ёнан

¹ Этот каталог “Union Catalogue of Early Japanese Books” находится на сайте «Кокубунгаку кэнкюсирё-кан» (国文学研究資料館) <http://www.nijl.ac.jp/>

2) Оно Рандзан (1729–1810) 小野蘭山

Известен также как 職博 Мотохиро, 喜内 Кинай, 衆芳軒 Суюокэн и др. (все эти имена встречаются во введении)

Язык: японский

Редактор: Ямамото Боё (1778–1859) 山本亡羊. Натуралист и ученик Оно Рандзан

Иллюстратор: (?)

Издатель: Бунсэйдо / Даймондзия 文盛堂蔵版 / 大文字屋

Место издания: (Эдо?)

Год издания: 1843 (天保 14)

Размер: 18×26 см

Количество томов: в двух частях и восьми тетрадях (маки), всего 8 книг. Первая часть посвящена описанию трав (4 тетради), вторая — описанию деревьев (4 тетради).

1) 新校正・花彙・草之一	28 л.
2) 新校正・花彙・草之二	25 л.
3) 新校正・花彙・草之三	24 л.
4) 新校正・花彙・草之四	27 л.
5) 新校正・花彙・木之一	28 л.
6) 新校正・花彙・木之二	26 л.
7) 新校正・花彙・木之三	26 л.
8) 新校正・花彙・木之四	30 л.

Примечания: Имеется два введения, первое датировано 1759 г., второе — 1764 г. Также издание снабжено двумя послесловиями, одно из которых датировано 1759 г., а второе подписано Ямамото Боё и датировано 1843 г.

Первоначально книга была написана в 1759 г. Новая редакция книги была выпущена в 1843 г. Один из её авторов, Оно Рандзан, считался одним из наиболее авторитетных натуралистов эпохи Токугава. Его перу принадлежит несколько обширных трудов по ботанике, включая и многотомный «Определитель растений» (Сомоку дзусэцу), также хранящийся в данной коллекции.

«Собрание цветов» перевел французский ботаник П. Саватье (1830–1891), долго живший в Японии. Оно было издано в Париже в 1873 г. и считалось одной из первых японских книг, появившихся в Европе.

Электронная версия более раннего издания выложена на сайте университета Васэда: http://archive.wul.waseda.ac.jp/kosho/ni14/ni14_00710/

2) Шифр: I 55 к 137

Название: Горные и полевые травы в иллюстрациях

絵本野山草 (えほんのやまぐさ)

Транскрипция: Эхон ноямагуса

Автор: Татибана Ясукуни (1715–1792). Художник 橘 保国

Иначе: 後素 Косо

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: Татибана Ясукуни

Издатель: Янагихара Кихэй 柳原喜兵衛

Место издания: 浪華 Нанива (старое название г. Осака)

Год издания: 3-й год Бунка (1806)

Размер: 15,5×22 см

Количество томов: 5 тетрадей.

1) 絵本野山草一	с 14 по 26 л. (первые 13 л. отсутствуют)
2) 絵本野山草二	19 л.
3) 絵本野山草三	23 л.
4) 絵本野山草四	17 л.
5) 絵本野山草五	20 л.

Примечание: на последней странице реклама издания о поэзии. Аналогичное издание имеется в коллекции ИВР РАН (шифр В-30).

3) Шифр: I 55 к 151

Название: Атлас сезонных растений, упоминающихся в поэзии

俳諧季寄図考

Транскрипция: Хайкай киёсэ дзуко

Автор: 梅枝軒来鶯 Байсикэн Райо

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: —

Место издания:

Год издания: 13-й год Тэмпо (1842)

Размер: 16×23,2 см

Количество томов: два тома

1) 俳諧季寄図考・上	73 л.
2) 俳諧季寄図考・下	51 л.

Примечания: Имеется введение, датированное 1842 г. Сплошная пагинация. Текст идет по месяцам, начиная с нового года в первом томе и с шестого месяца во втором.

Во втором томе колофон отсутствует. Ни место издания, ни издатель не указаны.

4) Под этим номером идут два сочинения под разными шифрами, но единым названием. Это две части сочинения, написанные в разные годы разными авторами.

а) Шифр I 55 к 149

Название: Выращивание растений

草木育種

Транскрипция: Сомоку содатэгуса

Автор: Ивасаки Цунэмаса 岩崎常正 (1786–1842). Ботаник, зоолог, энтомолог. Состоял на службе у дома Токугава

(Иначе — Ивасаки Канъэн 岩崎灌園)

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 玉山堂 / 山城屋佐兵衛

Место издания: Эдо

Год издания: 15-й год Бунка (1818)

Размер: 18×25,5 см

Количество томов: 2 книги первой части (всего 2 части — первая и вторая по 2 маки каждая)

1) 草木育種・上	49 л.
2) 草木育種・下	50 л.

Примечания: Имеются три предисловия, первое на японском языке без даты и подписи, второе — на китайском языке и третье — авторское вступление (凡例).

Два тома первой части работы имеются в коллекции ИВР РАН (шифр С-110).

б) Шифр I 55 к 148

Название: Выращивание растений. Часть вторая.

草木育種・後編

Транскрипция: Сомоку содатэгуса. Кохэн.

Автор: Абэ Рэкисай 阿部櫟斎 (1805–1870)

Также: Абэ Ёсито 阿部喜任

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 岡田屋嘉七, 西宮弥兵衛, 小林新兵衛, 山城屋佐兵衛, 須原屋茂兵衛, 須原屋佐助, 須原屋伊八, 英大助

Место издания: Эдо

Год издания: 8-й год Тэмпо (1837)

Размер: 18×25,5 см

Количество томов: 2 книги второй части

1) 草木育種・後編・上	37 л.
2) 草木育種・後編・下	42 л.

Примечание: Имеются авторское вступление (凡例) и еще одно предисловие на японском языке

5) Шифр I 55 к 146

Название: Секреты разведения шелковичных червей

養蚕秘録 (под титулом идет др. название: 扶桑国第一産 Первое производство в Японии)

Транскрипция: Ёсан хироку (Фусококу дайиссан)

Автор: Камигаки Морикуни 上垣守国 (伊兵衛) 1753–1808

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: Хаями Сюнгёсай Иссэй 速水春暁斎一世, Нисимура Тюва 橋西村中和 (1767–1823)

Издатель: 須原屋茂兵衛, 須原屋 / 平左衛門 и др.

Место издания: Киото, Эдо, Осака

Год издания: 3-й год Кёва (1803)

Размер: 17,5×24,5 см

Количество томов: всего три тетради в трех книгах (三卷三冊)

1. 養蚕秘録・上	30 л.
2. 養蚕秘録・中	28 л.
3. 養蚕秘録・下	27 л.

Примечание: Предисловие на китайском языке (序) подписано: 2-й год Кёва (1802), автор 桜井篤忠.

Затем следует авторское вступление (判例), тоже от 2-го года Кёва.

В последнем томе имеется послесловие 跋 от 2-го года Кёва автора 関口源謙 и еще одно послесловие на китайском языке 加藤為貞.

Книга написана простым языком и была популярна в Японии, в 1848 г. вышел ее перевод на французский язык.

Электронная версия сочинения выложена на сайте:

http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko04/bunko04_00659/index.html

6) Шифр I 55 к 133

Название: Методы выращивания фруктовых деревьев

菓木 栽培法

Транскрипция: Кабоку сайбайхо: ?

Автор: Фудзии Тору 藤井徹, под редакцией знаменитого японского ботаника Танака Ёсио (1838–1916) 田中芳男

Язык: японский

Редактор: 坂本徳之 Сакамото Нориюки

Иллюстратор: 加藤竹斎 Като Тикусай (1818–?)

Издатель: 静理園, т.е. издательство самого Фудзии Тору

Место издания: Токио

Год издания: 11-й год Мэйдзи (1878)

Размер: 15×22,3 см

Количество томов: всего 8 тетрадей в 8 книгах

1. 菓木 栽培法・一	39 л.
2. 菓木 栽培法・二	33 л.
3. 菓木 栽培法・三	39 л.
4. 菓木 栽培法・四	34 л.
5. 菓木 栽培法・五	50 л.
6. 菓木 栽培法・六	51 л.
7. 菓木 栽培法・七	44 л.
8. 菓木 栽培法・八	29 л.

Примечания: Имеется авторское предисловие (自序) от 8-го года Мэйдзи (1875), затем авторское вступление (緒言) от 9-го года Мэйдзи (1876), затем идет общее оглавление, в котором названия даны по-японски и на латыни, а иногда еще и на английском языке.

В четвертом томе текст идет до с. 21, затем идут 13 листов, где помещены 74 иллюстрации. В этом же томе на страницах с иллюстрациями № 5, 6, 74 говорится, что в сочинение добавлены еще европейские типы деревьев, выделяются их отличия от японских, сообщается также о ядовитых деревьях.

В восьмом томе текста нет, только иллюстрации, с № 75 по № 184.

7) Шифр I 55 и 68

Название: Словарь названий [мира природы]

物品識名

Транскрипция: Буппин сикимэй

Автор: Мидзутани Тоёбуми 水谷豊文 (1779–1833)

Иначе: Мидзутани Сукэроку 水谷助六 — составление и дополнения Окабаяси Киётацу 岡林清達 (1799–1833) (рукопись)

Язык: японский, китайский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 永楽堂

Место издания: Нагоя

Год издания: 6-й год Бунка (1809); продолжение 8-й год Бунсэй (1825)

Размер: 13×18 см

Количество томов: изначально было два тома самого сочинения и продолжение к нему в двух томах. В коллекции имеются только второй том первой части и первый том второй.

1. 物品識名・坤 104 л.

2. 物品識名拾遺・乾 62 л.

Примечания: В первой части в двух томах была сплошная пагинация, здесь второй том начинается с 88-й с. и кончается 192-й с.

На обложке тома от руки написано: “Mizutani Sukeroku. Buppin sikimei. Lexicon sinico-japonishe de histoire naturalis”.

Во втором томе главки расположены в порядке «ироха» с «И» до «Му».

Это сочинение представляет собой по сути китайско-японский словарь в области естествознания.

8) Шифр I 55 к 136

Название: Серия «Собрание сочинений для поощрения земледелия» — «Как выращивать чай».

勸農叢書・栽茶説

Транскрипция: Ноканосё. Сайтясэцу

Автор: Сугита Хироси 杉田晋

Язык: японский

Редактор: Кинугаса Кококу 衣笠豪谷 (1850–1897), Нэгиси Сэндзин 根岸千仟

Иллюстратор:

Издатель: 有隣堂

Место издания: Токио

Год издания: 17-й год Мэйдзи (1884)

Размер: 15×22,8 см

Количество томов: всего семь томов: шесть тетрадей самого сочинения и еще один дополнительный том с иллюстрациями

1. 勸農叢書・栽茶説・壺 32 л.

2. 勸農叢書・栽茶説・式 31 л.

3. 勸農叢書・栽茶説・三 48 л.

4. 勸農叢書・栽茶説・四 38 л.

5. 勸農叢書・栽茶説・五 38 л.

6. 勸農叢書・栽茶説・六 43 л.

7. 勸農叢書・栽茶説図解 12 л.

Примечания: Введение на китайском языке, еще одно введение (序) от 15-го года Мэйдзи на китайском языке, затем еще один текст, потом авторское вступление (緒言) от 12-го года Мэйдзи, потом вступление (凡例). В шестом томе имеется послесловие на китайском языке от 16-го года Мэйдзи.

На сайте парламентской библиотеки выложена электронная версия шести томов сочинения по адресу: <http://kindai.ndl.go.jp>

9) Шифр I 55 к 142

Название: Сельскохозяйственные работы. Вторая часть

農稼業事・後編

Транскрипция: Нокагёдзи. Кохэн

Автор: Окура Нагацунэ 大蔵永常 (1768–1860) — автор нескольких работ по сельскому хозяйству, теоретик и практик сельскохозяйственного дела

Иначе: 黄葉園主人 Коёэн Сюдзин

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор:

Издатель: 文栄堂

Место издания: Осака

Год издания: (предисловие) 13-й год Бунсэй (1830)

Размер: 15×22 см

Количество томов: имеется только вторая часть сочинения: 5 тетрадей в 5 томах.

Первая часть сочинения была написана другим автором, Кодзима Дзёсуй (児島如水) в 1793 г.

1. 農稼業事・後編・一	14 л.
2. 農稼業事・後編・二	19 л.
3. 農稼業事・後編・三	16 л.
4. 農稼業事・後編・四	20 л.
5. 農稼業事・後編・五	18 л.

Примечание: Имеется предисловие (序) автора от 13-го года Бунсэй.

10) Шифр I 55 к 143

Название: О пользе сельскохозяйственных орудий

農具便利論

Транскрипция: Ногү бэнри рон

Автор: Окура Нагацунэ 大蔵永常 (1768–1860)

Язык: японский

Редактор: Нива Токэй 丹羽桃溪

Иллюстратор: Ёкокава Тодзан 横川陶山

Издатель: 黄葉園蔵板

Место издания: Осака

Год издания: 5-й год Бунсэй (1822)

Размер: 17×24,5 см

Количество томов: три тетради в трех томах

1. 農具便利論・上	32 л.
2. 農具便利論・中	33 л.
3. 農具便利論・下	36 л.

Примечание: Имеется введение (序) на китайском языке от 5-го года Бунсэй за подписью 白河廣瀬典; авторские введение (自序) от 2-го года Бунсэй и вступление (凡例).

11) Под этим номером будут идти три части одного сочинения, идущие под разными шифрами, но составляющие единое целое.

а) Шифр I 55 к 144

Название: О прибыли для крестьянских домов

農家益

Транскрипция: Нокаэки

Автор: Окура Нагацунэ 大蔵永常 (1768–1860)

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор:

Издатель: 中川五兵衛 / 河南四郎兵衛 / 須原茂兵衛

Место издания: Осака, Киото, Токио

Год издания: 2-й год Кёва (1802)

Размер: 18×25,5 см

Количество томов: всего в сочинении было семь томов, три в первой части сочинения, два во второй и два в продолжении (前編三卷後編二卷統編二卷七冊)

1. 農家益・天	26 л.
2. 農家益・地	27 л.
3. 農家益・人	23 л.

Примечание: Имеется предисловие (序) на китайском языке, подписанное (和壬戌仲冬県令掾奥野秀辰), затем предисловие автора тоже от 2-го года Кёва, в третьем томе имеется послесловие на китайском языке (後序).

б) Шифр I 55 к 145

Название: О прибыли для крестьянских домов. Вторая часть

農家益・後編

Транскрипция: Нокаэки. Кохэн

Автор: Окура Нагацунэ 大蔵永常 (1768–1860)

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор:

Издатель: 浪速書林 (на титульном листе) / 文金堂、芳山堂

Место издания: Осака

Год издания: 8-й год Бунка (1811)

Размер: 18×25 см

Количество томов: два тома второй части

1. 農家益・後編・乾	31 л.
2. 農家益・後編・坤	35 л.

Примечания: Имеется предисловие (序) на китайском языке, датированное 文化庚午, т.е. 1810 г., еще одно на китайском языке от 1803 г. и еще одно от 7-го года Бунка (1810). Во втором томе имеется послесловие (後序) от 1803 г.

На сгибе отпечатано: 受和園藏.

в) Шифр I 55 к 153

Название: О прибыли для крестьянских домов. Продолжение

農家益・統編

Транскрипция: Нокаэки. Дзокухэн

Автор: Окура Нагацунэ 大蔵永常 (1768–1860)

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 皇都書肆 (на титульной странице)

Место издания: (?)

Год издания: 7-й год Казэй (1854)

Размер: 17,5×25,5 см

Количество томов: два тома продолжения

1. 農家益・続編乾 28 л.

2. 農家益・続編坤 25 л.

Примечания: Имеется предисловие на китайском языке, подписанное конфуцианским ученым и поэтом 菅晋帥 Кан Токинори (1748–1827) из провинции Бинго.

В сочинении говорится о выращивании лаковых деревьев и производстве воска.

12) Шифр I 55 и 62

Название: Пособие по ботанике

教草

Транскрипция: Осиэгуса

Автор: Тамба Сюдзи 丹波 修治 (1828–1908) и др.

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: Мидзогути Гэкко 溝口 月耕 и др.

Издатель: 博物館蔵版

Место издания: (?)

Год издания: 5–9-й годы Мэйдзи (1872–1876)

Размер: в сложенном виде 9×19 см, в раскрытом виде 38×51 см

Количество томов: всего 31 выпуск (каждый выпуск на отдельном листе), но в со-
брании не хватает последнего листа — 31-го выпуска, посвященного соколиной охоте.

Примечания: На каждом плакатике популярные сведения и иллюстрации.

Электронная версия находится: http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/mu11/mu11_03287/index.html

13) Шифр I 55 к 140

Название: Собрание трав и растений с пестрыми листьями

草木錦葉集

Транскрипция: Сомоку кинъёсю

Автор: Мидзуно Таданори 水野忠敬 или Мидзуно Иссай 水野逸斎

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: Сэкинэ Унтэй 関根雲停 (1804–1877), Ока Унпо 大岡雲峯 (1765–1848)

Издатель: 千鍾房

Место издания: Эдо

Год издания: 12-й год Бунсэй (1829)

Размер: 18,5×26,5 см

Количество томов: всего семь книг — один вводный том (緒巻), три тома первой части (前編三巻) и три тома второй части (後編三巻). Судя по рекламе на последней странице, предполагались еще три тома продолжения и три заключительные книги, т.е. всего 13 книг. Иногда вводный том состоял из двух книг, иногда две тетради были изданы одним томом.

В ботанической библиотеке имеются только вводный том и три тома из второй части

1. 草木錦葉集・緒巻	58 л.
2. 草木錦葉集・後編・四	31 л.
3. 草木錦葉集・後編・五	23 л.
4. 草木錦葉集・後編・六	41 л.

Примечания: На сгибе вводного тома указано, что он дополнительный (附録). Этот том начинается со с. 17.

В четвертом томе имеется предисловие 凡例. Черно-белые иллюстрации.

Аналогичное издание имеется и в коллекции ИВР РАН — шифр С-171, С-172, С-173.

Шифр С-171 — 8 томов (緒巻上下, 前編三巻、後編三巻) — на этих книгах имеется наклейка «Ito Keisuke», что свидетельствует о том, что в свое время эти книги были получены из Ботанической библиотеки, куда они были присланы из Японии Ито Кэйсукэ на имя К.И. Максимовича.

Шифр С-172 — 7 томов (отсутствует первый том первой части).

Шифр С-173 — один вводный том (緒巻), в котором нумерация начинается с 17-го листа, как и в собрании Ботанического института.

14. Шифр I 55 к 132

Название: Ботаника в вопросах

質問本草

Транскрипция: Сицумон хондзо:

Автор: Накаяма Го Сидзэн 中山呉子善

Известен также как Го Кэйси 呉 継志

Язык: китайский

Редактор: —

Иллюстратор: имеются цветные иллюстрации

Издатель: совместное издание Сухарая Мохэ и Сацума Фугаку

須原屋茂兵衛/ 薩摩府学蔵版

Место издания: Эдо

Год издания: 8-й год Тэмпо (1837 г.)

Размер: 18×25,5 см

Количество томов: всего 5 книг (内編四巻外編四巻付録一卷). В каждом томе содержится по две тетради

1) 質問本草内編巻一	49 л.
2) 質問本草内編巻二	58 л.
3) 質問本草外編巻一	48 л.
4) 質問本草外編巻二	57 л.
5) 質問本草付録	27 л.

Примечания: Имеются два предисловия 序 — от 1835 г. за подписью 藤原高猷, от 1834 г. за подписью 菅原利保 и авторское предисловие 例言 от 1789 г. (寛政 1 年).

Также имеются два послесловия (跋) — от 1795 и 1796 гг. (т.е. 寛政 7・8 年).

В тексте встречаются подписи на латыни.

Это сочинение составлено по инициативе даймё княжества Сацума (совр. Кагосима).

Симадзу Сигэхидэ. Интересовавшийся естественными науками князь отправил некоторые виды растений или их изображения в Китай, где некий житель о. Рюкю по имени Го Кэйси записывал ответы китайских ученых, которым он показывал эти рас-

тения или их рисунки. В сочинении имеется описание 160 растений с о. Рюкю и княжества Сацума. Этот проект длился пять лет — с 1781 по 1785 г.

15) Здесь объединены два сочинения, которые должны идти вместе, поскольку изначально составляли одно целое, объединенное в единую папку.

В коллекции Ботанического института эти два сочинения идут под разными шифрами.

Вторая часть сочинения имеется в двух различных изданиях, идущих под разными шифрами.

а) Шифр: I 55 к 141

Название: Характеристика растений

草本性譜 (на внутренней стороне титульного листа написано: «Характеристика растений. Иллюстрированные пояснения к ядовитым растениям») 草本性譜 : 有毒草木図説

Транскрипция: Сомоку сэйфу (Сомоку сэйфу. Юдоку сомоку дзусэцу)

Автор: 舍人清原 重巨 Тонэри Киёхара Сигэнао (1779–1847)

Язык: японский

Редактор: 舍人清原 重光 Тонэри Киёхара Сигэмицу

Иллюстратор: 沼田月斎 Нумата Гэссай, 水谷豊文 Мидзутани Тоёбуми

Издатель: (?)

Место издания: (?)

Год издания: 10-й год Бунсэй (1827)

Размер: 18,6×28,3 см

Количество томов: 3 тома (Небо, Земля, Человек)

1) 草本性譜・天 30 л.

2) 草本性譜・地 32 л.

3) 草本性譜・人 33 л.

Примечания: Двойное название связано с тем, что изначально это сочинение лежало в одной съемной обложке-папке с «Иллюстрированным описанием ядовитых растений».

Имеется авторское предисловие от 1824 г. (6-го года Бунсэй), приведен список цитируемых источников — 46 наименований, список печатей иллюстраторов.

Послесловие 跋 датировано 10-м годом Бунсэй. Подписано Асада Ясукиё (朝田保清), ему принадлежит авторство нескольких иных изданий того времени. Более подробных сведений о нем найти не удалось.

Первый и третий тома этого сочинения имеются в японской коллекции ИВР РАН (шифр С-1, В-123, третий том датирован 1823–1827 гг.).

Послесловие принадлежит кисти кангакуся Хата Канаэ 秦鼎 (?–1831) из Овари (尾張) и датировано 10-м годом Бунсэй.

Аналогичное издание есть в Национальной библиотеке в Австралии, электронная версия выложена на <http://nla.gov.au/nla.gen-vn2059233>

б) Шифр I 55 к 147

Название: Иллюстрированное описание ядовитых растений

有毒草木圖説

Транскрипция: Юдоку сомоку дзусэцу

Автор: 舍人清原 重巨 Тонэри Киёхара Сигэнао (1779–1847)

Язык: японский

Редактор: 舍人清原 重光 Тонэри Киёхара Сигэмицу

Иллюстратор: —

Издатель: 道生軒刊

Место издания: Нагоя

Год издания: 10-й год Бунсэй (1827) (?)

Размер: 18,6×28,3 см

Количество томов: 2

1) 有毒草木圖説・前編 36 л.

2) 有毒草木圖説・後編 33 л.

Примечания: Имеется предисловие 凡例. Затем идут страницы, где для справки приведены оттиски печатей иллюстраторов. Под иллюстрациями идут подписи на латыни.

На обложке есть подпись на немецком языке — Abhandlung uber Japanisch Giftpflanzen mit Abbildungen. В этом сочинении приведено 94 вида ядовитых растений плюс еще дополнительно 28. В создании книги принимали участие еще 39 любителей ботаники, предоставивших свои рисунки плюс к иллюстрациям самого автора. Сам автор — Тонэри Сигэмицу — был воином клана Овари и занимался ботаникой.

Это издание имеется также в собрании ИВР РАН (шифр С-177/два тома; В-124/ только первый том).

в) Шифр I 55 к 152

Дубликат шифра I 55 к 147 (но издания разные)

Название: Иллюстрированное описание ядовитых растений

有毒草木圖説

Транскрипция: Юдоку сомоку дзусэцу

Автор: 舍人清原 重巨 Тонэри Киёхара Сигэнао (1779–1847)

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 菱屋藤兵衛 (名古屋), 河内屋源七郎 (大阪), 等

Место издания: Нагоя, Осака (?)

Год издания: 10-й год Бунсэй (1827)

Размер: 19,4×27,8 см

Количество томов: 2 части в 2 книгах (二編二冊)

1. 有毒草木圖説・前篇 38 л.

2. 有毒草木圖説・後編 33 л.

Примечания: Имеется предисловие на китайском языке. Оно подписано 菅原在経 от 8-го года Бунсэй (1825). В предыдущем издании (шифр I 55 к 147) оно отсутствует. Также есть предисловие 凡例.

Затем идут страницы, где для справки приведены оттиски печатей иллюстраторов.

16) Под этим номером идут два издания одного сочинения и один второй экземпляр.

а) Шифр I 55 к 131

Название: Иллюстрированное описание трав и деревьев. Первая часть. Травы.

草木圖説前篇・草部

Транскрипция: Сомоку дзусэцу. Дзэнпэн

Автор: Иинума Ёкусай 飯沼慾斎 или Иинума Тёдзюн 飯沼長順 (1783–1865)

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 平林莊蔵版 Хэйринсо дзохан / 永樂屋東四郎 Эйракуя Тосиро

Место издания: Нагоя

Год издания: 3-й год Ансэй (1856).

Размер: 18,5×26,5 см

Количество томов: всего 20 тетрадей в 20 книгах, но в коллекции имеется только 15 книг — 1–15-я тетради. Внутри каждой тетради имеется еще деление на классы 綱. 前帙帙—草部二十冊 本之部十冊 後帙草木部 — такой план издания представлен на последней странице 20 маки в разделе «Травы» из коллекции Австралийской национальной библиотеки, где хранятся разрозненные тома из нашего издания.

В целом планировалось издание в сорок томов

1) 草木圖說前篇・草部・卷一・第一帙・一二綱	62 л.
2) 草木圖說前篇・草部・卷二・三四綱	78 л.
3) 草木圖說前篇・草部・卷三	70 л.
4) 草木圖說前篇・草部・卷四・五綱	65 л.
5) 草木圖說前篇・草部・卷五・六綱	90 л.
6) 草木圖說前篇・草部・卷六・六中綱	53 л.
7) 草木圖說前篇・草部・卷七・六七八九綱	95 л.
8) 草木圖說前篇・草部・卷八・十綱	74 л.
9) 草木圖說前篇・草部・卷九・十一十二綱	48 л.
10) 草木圖說前篇・草部・卷十・十三綱	60 л.
11) 草木圖說前篇・草部・卷十一・十四綱	77 л.
12) 草木圖說前篇・草部・卷十二・十五十六綱	64 л.
13) 草木圖說前篇・草部・卷十三・十七上綱	57 л.
14) 草木圖說前篇・草部・卷十四・十七下綱	35 л.
15) 草木圖說前篇・草部・卷十五・十九綱	67 л.

Примечания: Имеется несколько предисловий:

1) 叙 на китайском языке, датировано 2-м годом Ансэй (1855) и подписано 亡羊山世 (Боё Ямасэ?).

2) 序 на японском языке, датировано 2-м годом Ансэй и подписано 伊藤清民.

3) 引 — разновидность краткого вступления на китайском языке, датировано 嘉永 5 (5-й год Казэй, т.е. 1852) и подписано Иинума Тёджюн 飯沼長順.

4) 付言 ふうэн — дополнение от 3-го года Ансэй, подписанное 宇田川興斎 (Утагава Косай (1821–1887), третий сын Иинума, врач, специалист по английскому языку).

5) 凡例 «вступительные замечания» от 2-го года Ансэй, подписанные 長栄 (т.е. его сводный брат 飯沼長栄).

Это сочинение имеется в собрании ИВР РАН (шифр С-123), где хранятся все 20 книг.

Имеется электронная версия некоторых томов этого издания из собрания Австралийской национальной библиотеки. Адрес онлайн версии: <http://nla.gov.au/nla.gen-vn536854>

б) Шифр I 55 к 126 (более позднее издание шифра I 55 к 131)

Название: Доработанное «Иллюстрированное описание трав и деревьев. Травы».

新訂草木圖説・草部

Транскрипция: Синтэй Сомоку дзусэцу. Куса бу

Автор: Иинума Ёкусай 飯沼悠斎 или Иинума Тёджюн 飯沼長順 (1783–1865)

Язык: японский

Редактор: (?)
 Иллюстратор: (?)
 Издатель: 平林莊 Хэйринсо
 Место издания: (?)
 Год издания: 7-й год Мэйдзи (1874)
 Размер: 18×26,5 см
 Количество томов: всего 20 тетрадей в 20 книгах

1) 草木圖説・草部一	60 л.
2) 草木圖説・草部二	78 л.
3) 草木圖説・草部三	70 л.
4) 草木圖説・草部四	65 л.
5) 草木圖説・草部五	91 л.
6) 草木圖説・草部六	53 л.
7) 草木圖説・草部七	95 л.
8) 草木圖説・草部八	74 л.
9) 草木圖説・草部九	48 л.
10) 草木圖説・草部十	59 л.
11) 草木圖説・草部十一	76 л.
12) 草木圖説・草部十二	64 л.
13) 草木圖説・草部十三	57 л.
14) 草木圖説・草部十四	34 л.
15) 草木圖説・草部十五	66 л.
16) 草木圖説・草部十六	63 л.
17) 草木圖説・草部十七	71 л.
18) 草木圖説・草部十八	91 л.
19) 草木圖説・草部十九	23 л.
20) 草木圖説・草部二十	69 л.

Примечания: Вступление на японском и французском языках подписано Танака Ёсио (田中芳男 1838–1916).

В предисловии на французском языке среди прочего говорится: «Monsieur Ono Motoyoshi et moi, avons fait quelques corrections au premier texte, nous avons mis a cote des caracteres katakanas les noms de plantes en caracteres Européens ou suivant la prononciation Anglaise a la suite de chaque espèce nous avons ajoutée en Latin et en Japonais les noms de la famille a laquelle elle appartient» (p. 1).

На самом деле в отличие от первого издания здесь добавлены японские названия в латинской транскрипции «ромадзи», латинские названия и латинские названия семейства.

Далее идут все вступления и предварительные заметки, которые были в издании от 3-го года Ансэй (см. шифр I 55 к 131).

Имеется несколько предисловий:

1) 叙 на китайском языке, датировано 2-м годом Ансэй (1855) и подписано 亡羊山世 (Боё Ямасэ?).

2) 序 на японском языке, датировано 2-м годом Ансэй и подписано 伊藤清民.

3) 引 — разновидность краткого вступления на китайском языке, датировано 嘉永 5 (5-й год Казэй, т.е. 1852) и подписано Иинума Тёджюн 飯沼長順.

4) 付言 фугэн — дополнение от 3-го года Ансэй, подписанное 宇田川興斎 (Утагава Косай (1821–1887), третий сын Иинума, врач, специалист по английскому языку).

5) 凡例 «вступительные замечания» от 2-го года Ансэй, подписанные 長栄 (т.е. его сводный брат 飯沼長栄).

Указано также, что доски принадлежат Иинума Тацуо (飯沼龍夫), т.е. Иинума Ёкусай.

Аналогичное издание имеется в собрании ИВР РАН (шифр С-184)

в) Шифр I 55 к 130 (дубликат I 55 к 126)

Название: Доработанное «Иллюстрированное описание трав и деревьев. Травы».

新訂草木圖説・草部

Транскрипция: Синтэй Со:моку дзусэцу. Куса бу.

Автор: Иинума Ёкусай 飯沼慾斎 или Иинума Тёдзюн 飯沼長順 (1783–1865)

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 平林莊 Хэйринсо

Место издания:

Год издания: 7-й год Мэйдзи (1874)

Размер: 18×26,5 см

Количество томов: имеется 17 томов из положенных 20, отсутствуют 2, 14 и 15-й тома

1) 草木圖説・草部一	60 л.
2) 草木圖説・草部三	70 л.
3) 草木圖説・草部四	65 л.
4) 草木圖説・草部五	91 л.
5) 草木圖説・草部六	53 л.
6) 草木圖説・草部七	95 л.
7) 草木圖説・草部八	74 л.
8) 草木圖説・草部九	48 л.
9) 草木圖説・草部十	59 л.
10) 草木圖説・草部十一	76 л.
11) 草木圖説・草部十二	64 л.
12) 草木圖説・草部十三	57 л.
13) 草木圖説・草部十六	63 л.
14) 草木圖説・草部十七	71 л.
15) 草木圖説・草部十八	91 л.
16) 草木圖説・草部十九	23 л.
17) 草木圖説・草部二十	69 л.

Примечания: Вступление на японском и французском языках подписано Танака Ёсио (田中芳男 1838–1916). В предисловии на французском языке среди прочего говорится: «Monsieur Ono Motoyoshi et moi, avons fait quelques corrections au premier texte, nous avons mis a cote des caracteres katakanas les noms de plantes en caracteres Européens ou suivant la prononciation Anglaise a la suite de chaque espèce nous avons ajoutée en Latin et en Japonais les noms de la famille a laquelle elle appartient» (p. 1).

На самом деле в отличие от первого издания здесь добавлены японские названия в «ромадзи», латинские названия и латинские названия семейства.

Далее идут все вступления и предварительные заметки, которые были в издании от 3-го года Ансэй (см. шифр I 55 к 131).

Имеется несколько предисловий:

1) 叙 на китайском языке, датировано 2-м годом Ансэй (1855) и подписано 亡羊山世 (Боё Ямасэ?).

2) 序 на японском языке, датировано 2-м годом Ансэй и подписано 伊藤清民.

3) 引 — разновидность краткого вступления на китайском языке, датирована 嘉永 5 (5-й год Казэй, т.е. 1852) и подписано Иинума Тёджюн 飯沼長順.

4) 付言 фугэн — дополнение от 3-го года Ансэй, подписанное 宇田川興斎 (Утагава Косай (1821–1887), третий сын Иинума, врач, специалист по английскому языку).

5) 凡例 «вступительные замечания» от 2-го года Ансэй, подписанные 長栄 (т.е. его сводный брат 飯沼長栄).

Указано также, что доски принадлежат Иинума Тацуо (飯沼龍夫), т.е. Иинума Ёкусай.

Аналогичное издание имеется в собрании ИВР РАН (шифр С-184).

17) Шифр I 55 к 125

Название: Ботанический атлас

本草図譜

Транскрипция: Хондзо дзуфу

Автор: Ивасаки Цунэмаса 岩崎常正 (1786–1842) — один из наиболее известных ботаников и энтомологов эпохи Эдо

Псевдоним: 灌園 Канъэн

Язык: японский

Редактор: —

Иллюстратор: —

Издатель: 灌園閣藏 (на сгибе ксилографа)

Место издания: (?)

Год издания: (?)

Размер: 18×27 см

Количество томов: всего должно быть 96 тетрадей.

В коллекции отсутствуют тома — с 1 по 10, 21, с 23 по 40, с 58 по 63, 71, 79–83.

Судя по дополнительной нумерации книг (чернилами), издание состояло из 92 книг (96 маки)

1) 本草図譜卷之十一・芳草部 (ароматные травы)	15 л.
2) 本草図譜卷之十二・芳草部	16 л.
3) 本草図譜卷之十三・隰草部 (болотные травы)	18 л.
4) 本草図譜卷之十四・隰草部	19 л.
5) 本草図譜卷之十五・隰草部	32 л.
6) 本草図譜卷之十六・隰草部	24 л.
7) 本草図譜卷之十七・隰草部	30 л.
8) 本草図譜卷之十八・隰草部	27 л.
9) 本草図譜卷之十九・隰草部	21 л.
10) 本草図譜卷之二十・隰草部	25 л.
11) 本草図譜卷之二十二・毒草部 (ядовитые травы)	28 л.
12) 本草図譜卷之四十一・穀草部 (злаковые травы)	23 л.
13) 本草図譜卷之四十二・穀草部	17 л.
14) 本草図譜卷之四十三・穀草部	31 л.
15) 本草図譜卷之四十四・穀草部	23 л.
16) 本草図譜卷之四十五・菜部 (овощи)	17 л.
17) 本草図譜卷之四十六・菜部	26 л.

18) 本草図譜卷之四十七・菜部	31 л.
19) 本草図譜卷之四十八・菜部	25 л.
20) 本草図譜卷之四十九・菜部	36 л.
21) 本草図譜卷之五十・菜部	29 л.
22) 本草図譜卷之五十一・菜部	25 л.
23) 本草図譜卷之五十二・菜部	26 л.
24) 本草図譜卷之五十三・菜部	19 л.
25) 本草図譜卷之五十四・菜部	21 л.
26) 本草図譜卷之五十五・菜部	26 л.
27) 本草図譜卷之五十六・菜部	23 л.
28) 本草図譜卷之五十七・菜部	25 л.
29) 本草図譜卷之六十三・果部 (фруктовые)	18 л.
30) 本草図譜卷之六十四・果部	21 л.
31) 本草図譜卷之六十五・果部	25 л.
32) 本草図譜卷之六十六・果部	26 л.
33) 本草図譜卷之六十七・果部	23 л.
34) 本草図譜卷之六十八・果部	31 л.
35) 本草図譜卷之六十九・果部	25 л.
36) 本草図譜卷之七十・果部	22 л.
37) 本草図譜卷之七十二・果部	16 л.
38) 本草図譜卷之七十三・果部	18 л.
39) 本草図譜卷之七十四・果部	18 л.
40) 本草図譜卷之七十五・果部	18 л.
41) 本草図譜卷之七十六・果部	18 л.
42) 本草図譜卷之七十八・香木部 (душистые)	19 л.
43) 本草図譜卷之八十四・喬木類 (высокие деревья)	28 л.
44) 本草図譜卷之八十五・喬木類	20 л.
45) 本草図譜卷之八十六・喬木類 -灌木類	22 л.
46) 本草図譜卷之八十七・灌木類 (кустарники)	23 л.
47) 本草図譜卷之八十八・灌木類	24 л.
48) 本草図譜卷之八十九・灌木類	22 л.
49) 本草図譜卷之九十・灌木類	20 л.
50) 本草図譜卷之九十一・灌木類	27 л.
51) 本草図譜卷之九十二・灌木類	28 л.
52) 本草図譜卷之九十三・寓木類 (растения-паразиты)	17 л.
53) 本草図譜卷之九十四・苞木類 (бамбук)	23 л.
54) 本草図譜卷之九十五・苞木類・裸木類 (бамбук, разные деревья)	22 л.
55) 本草図譜卷之九十六・服帛類・器物類	17 л.

Примечания: В 17-й тетради появились карандашные подписи на латыни. В 44-й тетради отсутствуют иллюстрации.

Имеются оттиски печати киноархива — Обата бунко 小幡文庫. Обата бунко — это библиотека Обата Вахэй из княжества Кага, в которой были книги разной тематики — от военных до словарей, книг по чайной церемонии и т.д. Принадлежала Обата Вахэй, который основал 12-й государственный банк в 1877 г.

Еще имеется печать, прочесть которую пока не удалось.

Часть томов отпечатана ксилографическим способом, часть томов имеют ксилографически отпечатанную рамку, в которую вписан рукописный текст.

Аналогичное сочинение есть в коллекции ИВР РАН (шифры С-174, С-168, С-306, С-169, С-170), и что характерно, на некоторых изданиях также имеется штамп Обата бунко (шифр С-174, С-306).

С-168 (6 томов 5–10 маки)

С-170 (6 томов 5–10 маки)

С-169 (6 томов 5–10 маки)

С-306 (25 маки, 26 маки, 27 маки, т.е. тома 21, 22 и 23)

С-174. Имеются 18 книг: 23 маки (том 19)

28 маки (том 24)

29 маки (том 25)

30 маки (том 26)

31 маки (том 27)

32 маки (том 28)

33 маки (том 29)

34 маки (том 30)

36 маки (том 32)

58 маки (том 54)

59 маки (том 55)

60 маки (том 56)

61 маки (том 57)

62 маки (том 58)

79 маки (том 75)

80 маки (том 76)

81 маки (том 77)

82 маки (том 78)

С-306. Имеется три тома: 25 маки (том 21)

26 маки (том 22)

27 маки (том 23)

Так же как и в собрании Ботанического института, часть томов — ксилографические издания, часть — рукописи, вписанные в ксилографически отпечатанные рамки.

Все тома, хранящиеся в ИВР РАН под шифром С-174 и С-306, отсутствуют в собрании Ботанического института. По-видимому, это сочинение на каком-то этапе было разделено на части и одна из этих частей попала в собрание ИВР РАН.

Summary

K.G. Marandjian

The Collection of the Japanese Wood-block Prints from the Russian Academy of Sciences'

Library of the Komarov Botanical Institute

The article contains a catalogue of Japanese wood-block prints from the Division of the Russian Academy of Sciences' Library at the Komarov Botanical Institute (St.Petersburg). The catalogue is supplied with the short introduction which covers the history and the structure of the collection.

Description entries consist of the following elements: library code, title (characters, transcription and Russian translation), author, language, editor, illustrator, publisher, date and place, size, number of volumes, additional remarks (whether it is mentioned in the Union Catalogue of Early Japanese Books, or contained in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts, etc.).

И.О. Волкова

**Литографированные издания на урду
в коммерческом каталоге 1874 г.
издательства Мунши Навал Кишора**

В статье дан подробный анализ коммерческого каталога самого крупного издательства Индии, основанного Мунши Навал Кишором в 1858 г. Материал, представленный в каталоге, позволил автору статьи выявить тематическое разнообразие литературы на урду, которая пользовалась наибольшим спросом у читателя Индии в конце XIX в.

Ключевые слова: литография, каталог, издательство, репертуар, тематика.

Литографский способ печати, изобретенный в 1797 г. в Германии А. Зенефельдером, получил признание и стал активно использоваться не только в Европе, но и на Востоке, в особенности в Иране, Индии, позднее в Средней Азии. В Европе и России литографирование широко применялось для тиражирования живописных работ, но оставалось вспомогательным способом книгопечатания. Издание письменных текстов литопечатанием утвердилось в мусульманских странах, в частности в Индии. Такой способ издания книг явился прямым наследником рукописной традиции, в которой большое значение придавалось искусству каллиграфии. Переписчики, подготовители текста, литографы следовали выработанным на протяжении многих веков способам использования различных видов почерков, правилам художественного оформления и расположения текста на странице и в книге и т.д. В многоязычной Индии успеху литографского способа печати книг также способствовала универсальность его использования для издания произведений на языках с разными алфавитами большим тиражом. Неудивительно, что зародившаяся в 1781 г.¹ наборная печать на столетие была почти полностью вытеснена литопечатным воспроизведением текстов.

Официальным языком Индии был персидский, который после уничтожения в 1858 г.² Могольской империи потерял этот статус и остался лишь показателем образованности. Новые общественные и политические отношения дают толчок использованию урду в письменной культуре. Надо отметить, что на урду и ранее создавались поэтические и, в меньшей степени, прозаические произведения, но доля таких работ по сравнению с трудами на персидском незначительна. Несмотря на преобладающее

¹ 1781 год считается началом книгопечатания на персидском языке в Индии. Печать наборным способом на языке урду началась в 1782 г. с издания краткого резюме статей о войне на трех языках: урду, персидском и английском.

² Несмотря на усиление влияния английской Ост-Индской компании на территории Бенгалии, до 1858 г. правителем Индостана считался Великий Могол. 1 ноября 1858 г. был обнародован манифест королевы Виктории, объявившей о переходе управления Индией к английской короне.

место, которое занимал персидский язык, издания литографским способом начали печататься одновременно как на персидском языке, так и на урду. Первым литографированным изданием на персидском языке была книга по истории Бенгалии, выпущенная в Бенаресе в 1824 г. (Щеглова, 2001, с. 8), а первым литографированным изданием на урду, согласно каталогу Британского музея, стала переведенная с английского языка «Фармакопея» П. Бретона (BL, р. 17)³, изданная в 1824 г. в Калькутте для нужд студентов Национального медицинского института.

Представление о выпускаемой продукции дают нам каталоги Британской библиотеки и библиотеки Индия Оффис, составленные Дж.Ф. Блумхардтом. Помимо них интерес представляют списки названий уже опубликованных произведений, которые издатели помещали на обложках. В последней трети XIX в. отдельные книгоиздатели начали печатать каталоги своих изданий, а также (по заказу книготорговцев) списки продаваемых ими книг. К сожалению, таких каталогов сохранилось крайне мало, что связано с прикладным характером их использования. Одним из таких каталогов является описанный в этой статье каталог крупнейшего издателя Индии — Мунши Наваля Кишора. В отличие от более мелких книгоиздателей он имел достаточный штат переводчиков, переписчиков и литографов для издания литературы, рассчитанной на интересы различных слоев общества. Не будет преувеличением сказать, что, подробно рассмотрев репертуар литографированных произведений, приведенных в каталоге, мы получим представление о тематике литературы, пользовавшейся успехом у читателя Индии конца XIX в.

Хронологические рамки издательского предприятия Мунши Наваля Кишора — 1858–1895 гг. Первое предприятие, которое носило название «Аудх ахбар» (название совпадало с названием газеты, которую он издавал), было открыто в Лакхнау. С 60-х годов действует филиал в Канпуре, в последнее десятилетие XIX в. была открыта литография в Лахоре, впоследствии филиал фирмы существовал в Дели. Таким образом, центром формирования репертуара издаваемой литературы был Лакхнау. В каталогах, имеющихся в нашем распоряжении, в большинстве случаев пишут: (Мунши) Наваля Кишор, опуская «Аудх ахбар». Это относится и к периоду, когда литография носила название «Аудх ахбар», т.е. по середину 1895 г. Такую подмену названия именем владельца и издателя можно считать косвенным доказательством большой известности Мунши Наваля Кишора и его продукции во всей Индии. После кончины Наваля Кишора в 1895 г. продолжателем его дела становится Мунши Праг Нараян, который официально заменил название на «Матба-и Мунши Наваля Кишор».

Коммерческий каталог издательства Мунши Наваля Кишора «Аудх ахбар» за 1874 г. представляет собой аннотированный перечень литературы, которая была выпущена (в основном) этим издательством в Лакхнау и Канпуре и продавалась в магазинах при издательстве. Сам каталог был издан в 1874 г., но годы и точное место выпуска изданий не приводятся. Аннотации в каталоге даны на урду, что говорит о прочном месте, которое этот язык занял в общественной жизни Индии к 1874 г. На оборотной стороне титульного листа помещено оглавление каталога, которое содержит 33 рубрики (последняя не пронумерована). Каталог невелик по объему — всего 116 страниц. Первые пять страниц занимает предисловие, аннотированный перечень опубликованной и продаваемой продукции расположен на с. 6–110, на с. 111–112 дается список работ, намеченных к публикации, с. 113–115 содержат перечень опубли-

³ Здесь и далее в скобках приводятся ссылки на каталоги библиотек, где зафиксированы данные издания.

кованных произведений, на с. 116 помещена реклама предстоящей многотомной публикации трактата по фикху «Хидайа».

Одним словом, собственно каталог продаваемых изданий занимает 105 страниц, т.е. с. 6–110 включительно, и организован в 29 рубрик в форме трехчастной таблицы, содержащей название издания, аннотацию и цену. Как говорилось выше, выходные данные отсутствуют, иногда приводятся имена авторов, переводчиков. Аннотации различаются по объему и степени содержательности. В ряде случаев это подробное описание, содержащее тематическую характеристику и значение книги. Когда речь идет об известном сочинении, издатели ограничиваются кратким замечанием «очень известная книга» или «очень полезная книга» и т.п. Книги на урду и персидском языках тематически разделены, исключение составляют рубрики «Религиозные книги народов Индии на урду, персидском, алфавитом фарси» и «Собрание наук и другие книги о редкостях». Последняя рубрика содержит 6 сочинений (8 изданий) на персидском, две книги на трех языках: урду, персидском, арабском и 13 изданий на урду, часть которых представляет переводы с персидского работ, помещенных в этой же рубрике.

Следуя расположению материала в каталоге, можно выделить следующие разделы: 1) законодательные акты; 2) учебные пособия; 3) труды по суфизму и этике; 4) теология и фикх; 5) словари; 6) художественная литература (проза и поэзия); 7) история; 8) медицина; 9) сборники по наукам и книги о редкостях; 10) Коран; 11) верования индийцев (арабским письмом); 12) карты.

Первый раздел содержит 130 законодательных актов (из них 116 на урду и 14 письмом деванагари) английских и местных властей, касающихся экономической, политической, административной и военной областей жизни Ауда. Они охватывают период с 1843 по 1873 г.

Учебные пособия представлены в семи тематических рубриках, разделенных по языковому признаку. Основные учебники, предназначенные для медресе, объединены в самой большой рубрике (с. 16–23) — 73 издания на урду, 44 книги на деванагари, 15 на персидском. В отдельные рубрики выделены пособия для начального обучения на урду (11; с. 24), учебники для женщин (6; с. 25), по арифметике и другим точным наукам (14; с. 26), грамматики языка урду (10; с. 27), грамматики персидского языка и книги по персидскому стихосложению в разделе «персидские учебные книги» (с. 28), сборники инша на урду (12; с. 29) и персидском языке (56; с. 30–33). Книги по арабской грамматике, логике и метрике собраны в разделе «Книги на арабском языке» (36 названий; с. 49–54).

Книги теологической тематики расположены в пяти рубриках каталога: сочинения о морали и суфизме, работы по исламу и мусульманскому праву, книги на арабском языке, Коран, работы о религиях Индии (с. 34–37; 38–48; 49–54; 91–95; 96–100). Общее количество изданий, содержащихся в рубрике, — 280 (270 наименований), из них на урду 165 книг (164 наименования), 57 — на арабском и 58 (49 наименований) — на персидском.

Словари представлены 14 изданиями (15 наименований; с. 55–56), из них два зафиксированы в каталогах изданий на урду библиотек Британского музея и Индия Оффис.

В раздел «Художественная литература» подготовители каталога поместили 219 изданий: на урду (164) и персидском (55). Это разделы киссе в стихах и прозе на урду (58; с. 57–60); маснави и киссе на персидском языке (36; с. 61–63); диваны, сборники стихов и маснави на урду (106; с. 64–70); диваны и куллийаты на персидском (19; с. 71–72).

Раздел по истории включает 36 (44 издания) наименований работ на урду (с. 73–77) и 20 на персидском языке (с. 78–81); медицинская литература представлена 26 изданиями на урду (с. 82–84) и 26 — на персидском языке (с. 85–87); раздел «Сборники по наукам и другим редкостям» (энциклопедии, работы по космографии и оккультным наукам) объединяет 23 книги: 8 (6 наименований) на персидском, 13 на урду и 2 трехязычные работы — на урду, персидском и арабском языках (с. 88–90).

Последние три раздела каталога — произведения на санскрите и других языках (письмо деванагари) — 92 издания, на английском — 30, раздел «Карты» составляет 15 единиц.

В данной статье будет подробно рассмотрена литература, представленная в каталоге на языке урду.

Учебные пособия на языке урду размещены в 6 рубриках каталога, и их количество составляет 126 изданий.

Из 73 книг (56 наименований) первой рубрики («Обязательные пособия на урду») две были напечатаны в других издательствах Мирута и Лахора, остальные были выпущены в литопечатных заведениях Мунши Навал Кишора в Лахоре и Канпуре.

Самое значительное число книг рубрики посвящено изучению грамматики и правил чтения. Среди них «Начальная грамматика урду» Маулави Карим ад-Дина, автора многих работ учебного назначения по истории, грамматике, составлению писем и т.д. Сохранилось шестнадцать изданий «Начальной грамматики урду» (Ю, р. 170; BL, р. 161). Кроме того, в качестве руководства для изучающих язык предлагаются четыре тома «Кратких правил грамматики языка урду («Рисала кавайд-и урду»), в которой правила синтаксиса и грамматики разбираются на примере рассказов (Ю, р. 169). Катехизис персидской грамматики Мухаммада Мумтаз ал-Хакка был издан в Лакхнау в 1873 г. (Ю, р. 171).

В качестве начальных хрестоматий были изданы «Рассказ о нечестном патавари» Чиранджи Лала, переведенный с хинди Шриалом (BL, р. 325), и две книги: одна анонимного автора — «Полезная книга для детей», вторая была составлена под руководством Киллиана Ханд Форда. Шесть изданий последней хранятся в библиотеке Британского музея (BL, р. 120), одно из которых (Лакхнау, 1873 г.) представлено в издательском каталоге. Для совершенствования навыков чтения предлагается «Вторая книга» анонимного автора, а также сборник, состоящий из двух частей, с краткой характеристикой поэтов, пишущих на урду, с примерами их творчества и со словарем. Составлен сборник инспектором школ Шиванараяном при помощи Мухаммада Хаким ад-Дина и Гхулам Хасараяна (Ю, р. 119). С этой же целью в рубрику включены рассказ Гхулам Хайдар Хана, изданный в 1872 г. в Лакхнау (BL, р. 93), и сборник для школ в Ауде — «Избранное в прозе и стихах» («Мунтахаб-и урду»), составленный Мухаммадом Карим Бакшом (BL, р. 238; Ю, р. 196). Сборник представлен в двух частях. Для обучения в начальной школе правилам каллиграфии издатели поместили в каталоге пособие в трех частях.

В эту же рубрику («Обязательные пособия на урду») попали два тома правил написания писем на урду, составленные Чиранджи Лалом. Каталог библиотеки Индия Оффис дает нам сведения о четырех изданиях этого пособия (Ю, р. 174).

Несмотря на то что в каталоге есть отдельная рубрика «Словари», для обязательного обучения представлены два словаря: словарь персидско-арабских слов с объяснениями на хиндустани Карим ад-Дина и словарь арабско-урду Мухаммада Амант ал-Хака («Аман ал-лугат») (BL, р. 319). Словарь Карим ад-Дина пользовался большой популярностью и печатался во всех крупных центрах литографирования в Индии. В каталоге библиотеки Британского музея (BL, р. 161) зафиксировано четыре

издания этого словаря, в каталоге библиотеки Индия Оффис — шесть (Ю, р. 52). Место и год выпуска совпадают только в одном случае — Канпур, 1874 г. Скорее всего, именно это издание отражено в коммерческом каталоге, так как более ранних публикаций этого словаря в Канпуре или Лакхнау не зафиксировано. Каталог предлагает читателям два варианта книги — один в переплете, другой без.

В эту же рубрику Мунши Навал Кишор включил литературу для изучения математики. Литографируются четыре учебника по арифметике: арифметика для школ в четырех частях — «Мабади ал-хисаб», сохранившаяся в библиотеке Британского музея в семи изданиях (BL, р. 343); четыре тома арифметики анонимного автора (напечатаны в Мируте); учебник по правилам измерения площадей в двух частях, переведенный с хинди Шриалом и Чиранджи Лалом (BL, р. 326), и две части (из четырех) арифметики Айодхапрасада и Бута Мала (BL, р. 41). Здесь же предлагается работа по математике («Мунтаха ал-хисаб») в трех частях Мухаммада Зака Аллаха, третья часть — сборник упражнений (BL, р. 259). Пособия по алгебре представлены сочинением в двух томах, составленным Вамшидхаром совместно с Мохан Лалом (Ю, р. 176). В этой рубрике помещены две части «Тахрир-и Уклидис» («Эвклидова геометрия») (Ю, р. 181; BL, р. 79) и трактат по тригонометрии для начинающих.

В каталоге Мунши Навал Кишора имеются два учебника по естествознанию — анонимного автора и Мухаммада Карим Бакша (BL, р. 23), а также учебник Моти Лала («Панд-наме-йи кашт-каран»), зафиксировано четыре его издания (Ю, р. 1).

Учебные пособия по географии представлены работами, составленными Шиванараяном: «Начальная география» и «География на урду». В библиотеке Индия Оффис сохранилось по четыре издания (Ю, р. 78) этих книг. Здесь же размещена «Краткая география» в трех частях, переведенная Дургпрасадам (BL, р. 75).

Для обучения истории в список включены «История Англии» Мухаммада Нисрат Али — краткое описание правления королевы Виктории (Ю, р. 90); «История Индии», составленная по различным источникам Карим ад-Дином при помощи Рамачандры и Мухаммада Зия ад-Дина. («Вакаият-и Хинд» или «Таврих-и Хинд») (BL, р. 162), и перевод «Истории Британской империи» В.Ф. Колльера (Ю, р. 92), изданный, по-видимому, в Лакхнау в 1873 г. (Ю, р. 92). Надо отметить, что сочинение с таким же названием встречается и в разделе «История».

Часть работ рубрики призвана способствовать нравственному воспитанию. Среди них «Нравоучительные анекдоты и правила поведения» в стихах и прозе Аухада ад-Дина Ахмада (Шефтан), изданные, скорее всего, в Лакхнау в 1872 г. (BL, р. 40); перевод с санскрита анекдотов о царе Бходжа (BL, р. 46; Ю, р. 141); «Диалоги о нравственности и хороших манерах», написанные Аухадом ад-Дин Ахмад Шефтаном специально для женщин (согласно каталогу библиотеки Британского музея, работа была напечатана в Лакхнау в 1873 г.) (BL, р. 40), и произведение Абд Аллаха Хана «Советы женщинам по домашним обязанностям» («Инша-йи муфид ал-ниса»), написанное в форме писем (Лакхнау, 1872 г.) (BL, р. 4).

Каталог предлагает две работы, посвященные политической экономии (Ю, р. 59; BL, р. 183), одна из которых представляет собой перевод с английского лекций д-ра Ватели. Здесь же помещены два тома правил, регулирующих обучение в медресе, написанные пандитом Шиванараяном, инспектором школ в Лакхнау (BL, р. 183), а также ответы на вопросы по грамматике хиндустани для вступительного экзамена в университет Калькутты, составленные Мухаммадом Хусайн Сайидом. В списке содержится книга, изданная в Лакхнау в 1872 г. (BL, р. 222). Для школ, где изучаются предметы на двух языках, включен учебник на английском и хиндустани («Школь-

ные диалоги»). Автор этого учебника — Абд ал-Карим ибн Гулам Мухаммад (BL, р. 13).

Следующая рубрика раздела «Учебные пособия» посвящена литературе на урду для начального обучения. Первая работа, представленная подготовителями каталога, «Алифба-й фарси» — учебник правил сочетания букв персидского алфавита с упражнениями. Зафиксировано пять выпусков этого сочинения (Ю, р. 186). В коммерческом каталоге, скорее всего, помещено издание Лакхнау 1874 г. В список работ для начального обучения также вошли книга для чтения, состоящая из 43 уроков (Ю, р. 190), пособие по правильному написанию букв и труд пандита Радж Бахадура «Нравоучительные советы детям» («Ларкон ка кхела»). Книга выдержала четыре издания: была напечатана как в Канпуре (1874 г.), так и в Лакхнау (1871, 1873 гг.) (Ю, р. 10).

Предлагаются к продаже три словаря. Первый — рифмованный словарь хиндустани, персидских и хинди слов Джагаджива Даса, зафиксированный в каталоге библиотеки Индия Оффис шесть раз (Ю, р. 53), второй — словарь арабских и персидских слов с пояснениями на хиндустани Амира Хусроу. В каталогах отмечено двадцать восемь разных изданий (BL, р. 170; Ю, р. 53). Третий словарь, представленный издательством, — рифмованный словарь персидских и урду слов Аллаха Худай. Известно три издания этого словаря, напечатанных в Лакхнау. В коммерческий каталог могло быть включено издание как 1873, так и 1874 г. (Ю, р. 52).

Следующая рубрика — «Учебные пособия для женщин». В заглавии не указан язык, но по каталогам библиотек удалось установить, что четыре из шести книг, включенных в раздел, написаны на урду. Четыре издания выпущены литографиями «Низами» и «Самар-и хинд». В частности, пользовавшиеся популярностью рассказы для женщин Мухаммад Назир Ахмада были напечатаны в «Самар-и хинд». В библиотеке Индия Оффис сохранилось шесть выпусков этого произведения, изданных в разных городах (Ю, р. 145). Предлагается для чтения «Муфид-и халаик» — трактат Инаят Хусайна Хакима в защиту женского образования независимо от вероисповедания, в каталоге библиотеки Британского музея зафиксировано его издание в Лакхнау 1871 г. (Ю, р. 133). «Мират-и ниса» — сочинение о религиозных, общественных и домашних обязанностях мусульманских женщин, принадлежащее перу Фатимы Биби, напечатано в издательстве «Низами», по-видимому в его канпурском филиале в 1871 г. (BL, р. 83). В числе урдуязычных пособий значится произведение Мухаммада Захир ад-Дина Билграми, посвященное положению мусульманской женщины и необходимости дать ей образование, оно написано специально для женщин и издано в Лакхнау в 1873 г. (BL, р. 258).

В рубрике «Точные науки» собраны руководства по правилам перевода индийских мер длины в английские и наоборот (из двух работ одна составлена С.А. Эбботом) (BL, р. 148), два произведения Говинда Лала (Шаба) по правилам измерения площадей и топографической съемке (BL, р. 103; Ю, р. 182) и трактат анонимного автора в двух частях по обучению топографической съемке (зафиксировано шесть изданий этой работы) (BL, р. 326). Издательство также включило в эту рубрику работу по астрономии Тахаввура Али (Ю, р. 4) и сокращенный вариант географии Шивапраасада, переведенный и переработанный самим автором (BL, р. 321).

В каталог вошло сочинение, которое представляет собой отчет об административном правлении полковника С.А. Эббота с кратким описанием города Лакхнау и его границ, написанное самим издателем — Мунши Навал Кишором и изданное им в Лакхнау в 1863 г. (BL, р. 270).

«Грамматика урду и другие науки» содержит десять пособий.

В список вошел учебник для школ по основам чтения, письма, математике, скорее всего, в каталоге издательства Мунши Навал Кишора приводится издание 1872 г. (Лакхнау), сохранившееся в библиотеке Британского музея (BL, p. 195). Продается первый том грамматической работы, представляющий собой собрание парадигм глаголов. Предлагается грамматическое сочинение — «Тасхил ал-каваид» («Начальная грамматика урду») Маулави Карим ад-Дина, которое было издано в Лакхнау в 1874 г. (в каталоге библиотеки Британского музея отмечено четыре издания — BL, p. 162). Включен в раздел катехизис по грамматике персидского языка, составленный Мухаммадом Мумтаз ал-Хакком и изданный в Лакхнау в 1873 г. (BL, p. 244).

В эту же рубрику попал труд по логике Девипрасада (Будаун). В аннотации к этому произведению говорится об уникальности этой работы (Ю, p. 38; BL, p. 72).

Коммерческий каталог предлагает три трактата по просодии: первый написан Мансур Ахмадом (Лакхнау, 1873 г.) (BL, p. 198), второй — Говипрасадам, известным как Фаза (Лакхнау, 1872 г.) (BL, p. 103), и третий трактат в стихах принадлежит перу Мумина Хусайна, известного как Шафи (BL, p. 263).

Как говорилось выше, в рубрике, которая носит название «Инша, полезные учебные извлечения и др. на урду», представлено всего 12 изданий (9 наименований). По сравнению с персидской частью аналогичного содержания (56 изданий) это крайне мало. Причина такой разницы становится ясна, если вспомнить, что персидский язык на протяжении веков был официальным языком и на нем уже давно сложился целый комплекс руководств по обучению персидскому письму, составлению писем и т.д. Однако современные условия привели к необходимости создания подобных работ и на урду, особенно это касалось написания официальных документов, деловой корреспонденции, составления петиций и т.д. Именно поэтому пять из девяти названий — это пособия по составлению писем и официальной корреспонденции. Это труды Карим ад-Дин Хана, письма Мадхава Рамы и Гулам Имама (Шахид).

Несмотря на то что графика языков персидского и урду одинакова (за исключением нескольких добавочных букв в урду) и учиться каллиграфии можно было и по персидским книгам, каталог издательства предлагает два учебника по каллиграфии, в частности о правилах написания персидских букв почерком насталик Девипрасада и Мухаммада Абд ал-Рахман ибн Мухаммад Рошан Хана. Причем последняя работа издается в пяти томах. Все вышеперечисленные сочинения зафиксированы в каталогах английских библиотек и выдержали большое число переизданий. Так, руководство Карим ад-Дина «Образцы писем и официальных документов на урду» («Инша-йи урду») издавалось двадцать шесть раз (Ю, p. 174; BL, p. 160). Одиннадцать раз печаталась работа анонимного автора с таким же названием, предназначенная для сдачи экзаменов. По издательскому каталогу трудно судить, какая из этих (а может, и несохранившихся) книг предлагалась читателям, — аннотация не дает развернутого описания. Кроме того, в персидской части каталога, озаглавленной «Учебные книги на персидском языке для начинающих и пишущих и др.», помещены пособия, в которых персидский текст снабжен либо переводом на урду («Инша-йи Сафдари» Гулама Сафдара), либо словарем («Кушаиш-наме» Раджа Карана).

В следующий раздел — «Мораль и суфизм — книги на урду» включены двенадцать произведений. Однако суфийская часть представлена всего одним переводом с персидского метафизического трактата — дискуссия о телесном и духовном состоянии человека. Перевод, выполненный Мунши Гокулпрасадам, был издан в Лакхнау в 1873 г. (Ю, p. 246).

Среди трактатов по этике следует отметить трактат персидского автора Джалал ад-Дина Давани (ум. 908/1502–03 г.), его перевод на урду был осуществлен Маулави Амант Аллахом. В английских библиотеках сохранилось несколько изданий этого сочинения: Канпур, 1872 г. (Ю, р. 10) и Лакхнау, 1872 г. (ВЛ, р. 70).

В раздел помещен сборник историй из пуран, составленный Лаладжи, иллюстрирующий общественные и домашние обычаи индийского населения. Произведение переиздавалось несколько раз — в библиотеке Британского музея сохранилось несколько экземпляров разных годов выпуска (ВЛ, р. 144), в частности издание 1874 г. (Лакхнау). В том же году был напечатан перевод с хинди Лаладжи работы Джаганат-ха Шастри (Бхаминивилса) — нравоучительные советы (ВЛ, р. 12). В Лакхнау в 1873 г., согласно каталогу библиотеки Британского музея (ВЛ, р. 82), увидело свет названное в рубрике произведение Мухаммада Факр ад-Дина Хусайна «Тахзиб ал-нуфус» — полезные и назидательные советы отца сыну. Экземпляр этой работы сохранился и в библиотеке Индия Оффис (Ю, р. 12). Несколько изданий выдержал аллегорический рассказ Азиза ад-Дина Ахмада «Жемчужина мудрости» (Ю, р. 143; ВЛ, р. 42). В этом же разделе помещены нравоучительные анекдоты и советы в прозе и стихах Аухада ад-Дина Ахмада (Шефтан) (ВЛ, р. 40), собрание шуток и анекдотов Ихсани Али Хана «Никат-и Ихсани» (Лакхнау, 1873 г.) (ВЛ, р. 126), рассказ Гхулама Хайдар Хана (ВЛ, р. 93) и литографированные в Канпуре в 1874 г. назидательные рассказы в стихах Мухаммада Абу ал-Хасана (Хасан) (ВЛ, р. 216; Ю, р. 153).

Для школ в качестве учебного пособия по чтению рекомендуется книга анонимного автора, содержащая поучительные рассказы (Лакхнау, 1872 г.) (ВЛ, р. 72).

Заканчивается раздел поэтическим переводом Абд ал-Гафура Хана (Нассах) персидского произведения Фарид ад-Дина Атгара «Панд-наме». Согласно каталогам английских библиотек, этот труд был литографирован в Лакхнау в 1874 г. (Ю, р. 9; ВЛ, р. 83).

Раздел теологической литературы на урду с названием «Религиозные книги по исламу, фикху и другое» включает 113 изданий. Основное количество произведений было издано Мунши Наваб Кишором в Канпуре и Лакхнау. Только семь книг литографированы в других издательствах и городах: в Дели (без указания издательства) — одна книга, издательствами «Гульшан-и хинд» и «Асади» — по две, «Самар-и хинд» и «Гулзар-и урду» — по одной.

Литературу, предлагаемую издательством в этом разделе, можно условно подразделить на следующие рубрики: «Коран, молитвенники, правила соблюдения религиозных праздников, направления в исламе», «Агиографические сочинения», «Сочинения по фикху, традиции», «Полемические сочинения» и «Разное».

Коран представлен третьим изданием толкований Мухаммада Икрам ад-Дина первой суры священной книги мусульман («Тафсир-и сура Фатиха»), изданной, по-видимому, в Канпуре в 1872 г. (Ю, р. 256), правилами чтения Корана Мухаммада Хасан Али (Канпур, 1873 г.) (ВЛ, р. 227) и двенадцатью сурами Корана с поэтическими комментариями анонимного автора (зафиксировано семь изданий этой работы) (Ю, р. 256). Предлагается также сборник ответов на трудные вопросы Корана, составленный Лалом Мухаммадом, в который включено произведение о чистых и нечистых животных Мухаммада Джафар Али (Ю, р. 235). В раздел «Кораны на арабском языке» также включены два перевода Корана.

В эту же рубрику можно включить молитвенники, предписания по соблюдению религиозных обрядов и т.д. Среди них молитвенник на арабском языке с переводом и комментариями Мухаммада Кутб ад-Дина (ВЛ, р. 181); приписываемая Хафизу шиитская поэма о молитве и соблюдении религиозных предписаний, переведенная с

персидского Фазил Ханом (Лакхнау, 1874 г.) (BL, p. 83); сборник молитв, составленный Манзур Ахмадом по различным арабским источникам (BL, p. 198); трактат о молитве Маулави Абд Аллаха (сохранилось десять изданий трактата, один из которых выпущен в Лакхнау в 1874 г.) (IO, p. 228); перевод персидского сочинения Кази Сан Аллаха Панипати о молитвах и правилах соблюдения религиозных предписаний (перевод Мухаммада Нур ад-Дина) (IO, p. 230). Следует отметить работу Мухаммада Рамазана «Правила чтения молитв и соблюдения ритуалов на каждый месяц года» (BL, p. 249), произведение Мухаммада Кутб ал-Дина Дихлави о порядке соблюдения ид ал-адха и ид ал-фитр (IO, p. 227), а также описания религиозных ритуалов в соответствии со школой Абу Ханифы, переведенные с персидского Сайдром Абд Аллахом (IO, p. 234; BL, p. 332).

Ряд произведений посвящен догматам веры, правилам поведения мусульманина и теоретическим работам о различных направлениях ислама. Издательство рекомендует: перевод Мир Али персидского трактата с изложением суннитского вероучения Абд ал-Хака Дехлави (IO, p. 249); сочинение о религиозном долге, о философии и этике суфизма, переведенное с персидского Фахр ад-Дином (в каталоге, скорее всего, представлено издание 1873 г., Лакхнау) (IO, p. 229), и работу по суннитской догматике, составленную Субхианом Бакшем по произведениям Гулама Мустафы и другим источникам (BL, p. 140), а также сочинение Мирзы Мухаммад Джафар Хана с описанием шиитской доктрины (IO, p. 245).

В рекомендательный список включены два трактата Абу Ханифы, издания арабского текста с подстрочным переводом и заметками на полях на хиндустани Мухаммада Саид Аллаха (BL, p. 272). Заключают раздел: сочинение Рахман Али о рождении и воскресении из мертвых, основанное на арабских источниках (Лакхнау, 1872 г.) (BL, p. 292), работа о месяце рамазан Абд Аллах Хана («Кисах-и мах-и рамазан»; издание 1873 г., Лакхнау) (IO, p. 131; BL, p. 4) и анонимное произведение «Сорок правил пророка Мухаммада» («Чихал масаил») с цитатами на арабском языке (Лакхнау, 1873 г.) (BL, p. 64).

Агиография представлена сочинениями о жизни Мухаммада, поэмами, восхваляющими его деяния, а также биографиями святых и пророков. Так, раздел включает трактат о жизни Мухаммада («Асрар ал-нубуват»). В аннотации автор не указан (букв. «знаток Корана»), но согласно каталогу библиотеки Индия Оффис, это Мухаммад Захир ад-Дин (IO, p. 70). Работа Мухаммада Насир Али Гияспури посвящена рассказу о семье Пророка (Лакхнау, 1872 г.) (BL, p. 246), произведение Али Хана Умеда (Хадиш) представляет собой краткий отчет о войнах Мухаммада и его сподвижников (IO, p. 125). Сочинение Мухаммада Таки Али Хана «Сурур ал-кулуб» повествует о жизни Мухаммада (BL, p. 254), описание рождения и чудес Мухаммада в работе анонимного автора сопровождается рассказами о традициях (Канпур, 1873 г.) (BL, p. 96).

Значительная часть произведений, посвященных Мухаммаду, — поэтические труды. В список включены поэмы, прославляющие деяния Мухаммада, — Бабар Али Хана (Канпур, 1874 г.) (BL, p. 43), Мухаммада Джамал ад-Дин Хана (Ахмади), Амир Ахмад Амира (Лакхнау, 1872 г.) (BL, p. 32) и Мухаммада Мардан Али Хана (Лакхнау, 1872 г.) (BL, p. 242). В рубрике значатся: «Нур-наме» — поэма о мистическом свете, который появился при рождении Мухаммада (зафиксировано шестнадцать изданий этой поэмы, скорее всего, в каталоге Мунши Навал Кишора помещено издание 1874 г., Лакхнау) (IO, p. 131); «Арз-и бахар» — поэма, воспевающая рождение Мухаммада (BL, p. 96), а также «Вафат-наме» — поэма, написанная на смерть Мухаммада (сохранилось десять изданий) (IO, p. 133).

В коммерческом каталоге представлено сочинение Мухаммада Захир ад-Дина Билграми, посвященное битве при Карбале и смерти Хусайна. В английских библиотеках сохранилось несколько изданий этой работы, два из которых могли быть отражены в рассматриваемом каталоге Мунши Навал Кишора — Лакхнау, 1874 г. (Ю, р. 72) и Канпур, 1874 г. (ВЛ, р. 257). В перечень изданной продукции включены перевод Мухаммада Фахр ад-Дина «История пророков от Адама до Мухаммада» (Лакхнау, 1874 г.) (Ю, р. 424), поэтическая история о халифах Шахида (Гхулам Имам) (издана, скорее всего, в Канпуре, 1873 г.) (ВЛ, р. 95) и рассказ в стихах Мухаммада Садик Хусайна о четырех первых халифах. Ряд сочинений посвящен мусульманским святым: о жизни и чудесах Абд ал-Кадира Джилани повествует произведение Мухаммада Касима Маулави, составленное по различным источникам; чудеса Абд ал-Хамида описаны Маулави Гхулам Мустафой (Маргуб) (Ю, р. 123); история мученичества Хусайна и Хасана нашла отражение в труде Абд ал-Азиза Дехлави (арабский текст с подстрочным хиндустани переводом), издан, вероятнее всего, в Лакхнау в 1873 г. (ВЛ, р. 5).

Каталог издательства «Аудх акбар» представляет следующие работы по фикху: перевод, выполненный Маулави Мухаммад Султан Ханом, арабского трактата Шах Аллаха ибн Ахмада Насафи о положениях мусульманского права (Ю, р. 36, 38); «Музик ал-хакк» — собрание решений на основе мусульманского права, составленное Курбан Али (Ю, р. 37); сочинение Мухаммада Кутб ал-Дина Дехлави об обязанностях мужа и жены, написанное по арабским источникам с приложением молитв на арабском языке и подстрочного перевода на хиндустани (ВЛ, р. 240), и книгу сходной тематики Мухаммад Аббаса об обязанностях мужа и жены, заключении брака и разводе (издание 1873 г., Лакхнау) (ВЛ, р. 26).

Религиозные обязанности правоверного, соблюдение традиций и т.д. трактуются в нескольких предложенных сочинениях. В их числе перевод с персидского Сайда Ибрахим Хусайна «Катехизис религиозных обязанностей» (издание 1874 г., Лакхнау) (Ю, р. 228); трактат о традициях Хасана ибн Мухаммад (Риза ад-Дин) Сагхани, переведенный с арабского Кумаром Али Хасаном (ВЛ, р. 114); стихотворное изложение Мухаммада Хана (ибн Ибрахим Джалил Хан) заповедей и установлений ислама (возможно, Канпур, 1870 г.) (Ю, р. 258). В этот же раздел включены такие работы, как «Избранное из тысячи религиозных правил, произнесенных Мухаммадом» Абд Аллаха ибн Саламу в переводе с арабского Мухаммада Абд Аллаха (издание 1874 г., Лакхнау) (Ю, р. 241) и «Собрание высказываний Мухаммада» Мухаммада ибн Абд Аллах (Вали ад-Дин Абу Абд Аллах) Хатиба в переводе с арабского Мухаммада Кутб ад-Дина, том первый (Ю, р. 258; ВЛ, р. 207).

Не оставлены вниманием издателя и труды полемического характера. Среди них сочинение анонимного автора в поддержку мусульманской религии, направленное против индуизма (ВЛ, р. 258), и сочинение Дж. Давенпорта в защиту Мухаммада и Корана, переведенное с английского Инаят ал-Рахман Ханом (ВЛ, р. 70).

Предлагаются два сочинения, посвященные описанию мусульманских святынь — Мекки и Медины: «Путешествие в Мекку и Медину» Мухаммада Зардар Хана (издание — Лакхнау, 1873 г.) (Ю, р. 93) и «Настольная книга о святых городах Мекке и Медине» Мухаммада Абд ал-Гаффара (вероятно, издание 1871 г., Лакхнау) (ВЛ, р. 213).

В раздел включены эсхатологические произведения: поэма о дне воскресения Фаиз ал-Хакка (отмечено девять переизданий; в каталоге, очевидно, помещен выпуск 1873 г., Лакхнау) (Ю, р. 247), перевод Аббас Али ибн Насира Али арабского сочинения Мухаммада Абу Хамида о создании человека, смерти и воскресении (Ю, р. 250) и поэма на день всевышнего суда Мухаммада Али Мухаммада (Ю, р. 123).

Переходим к обзору рубрик, содержащих работы светской тематики. Первая из них — «Лексиконы: урду, персидские и арабские» включает в себя четырнадцать изданий пятнадцати словарей. Дело в том, что на полях словаря «Гийас ал-лугат» традиционно помещался другой глоссарий к литературным произведениям индийских авторов, современников составителя словаря Сирадж ад-Дин Арзу (ум. в 1169/1756 г.) «Чираг-и хидайат».

Раздел открывает словарь Замин Али (Джалал), представляющий собой организованный в алфавитном порядке список орфографических ошибок персидского и арабского языков. Сохранилось несколько изданий этого словаря: Лакхнау, 1873 г. (Ю, р. 55) и Лакхнау, 1875 г. (BL, р. 356). Предлагается урду-персидский словарь Аухада ад-Дин Билграми «Нафаис ал-лугат», словарь хиндустани слов и фраз с объяснениями по-персидски. Зафиксировано только два выпуска этого словаря (Канпур, 1869 и 1878 г.) (Edwards E.M.A., 1922, р. 137; BL, р. 40). Остальные словари описаны выше в рубрике «Обязательные пособия на урду».

Представляя издания раздела «Художественная литература. Рассказы в прозе и стихах», необходимо отметить, что три четверти произведений этого раздела — переводы, в основном с персидского и, в меньшей степени, с других языков. Однако переводы зачастую представляют собой совершенно новые сочинения, о чем более подробно будет сказано ниже. Также следует заметить, что, хотя в XIX в. появились новые прозаические работы, все же поэзия, которая прошла значительно более долгий путь и каноны которой были уже полностью сформированы, оставалась более привычной формой выражения мыслей. Этим объясняется тот факт, что значительное количество трудов рассматриваемого раздела представляют собой поэтические повествования или рифмованную прозу.

Проза на языке урду сложилась в XIX в. Немаловажную роль в ее формировании сыграли преподаватели колледжа «Форт Вильям» и авторы, сотрудничавшие с ним.

В каталоге издательства Мунши Навал Кишора представлен ряд сочинений, написанных или переведенных служащими этого колледжа. Самой популярной работой, созданной для обучения английских служащих языку урду, является произведение Мир Амана Дехлави «Бхаг-о-бахар» («Сад и весна»). Надо отметить, что до переезда в Калькутту и поступления в отдел литературы колледжа Мир Аман не был известен ни как поэт, ни как прозаик. Но благодаря этому труду, созданному по просьбе Джона Гилкрайста в качестве учебного пособия по изучению языка, его имя навсегда вошло в историю литературы урду. Работа представляет собой переложение «Истории четырех дервишей», приписываемой Амиру Хусроу (ум. в 1325 г.), оно написано простым разговорным языком, и исследователи сходятся во мнении, что его можно рассматривать как самостоятельное произведение. О его популярности говорит большое количество сохранившихся переизданий. Так, в библиотеке Индия Оффис (Ю, р. 136) хранятся 44 издания, опубликованные в разные годы в городах Индии и Англии (первое относится к 1804 г.). Из них 36 — это текст на урду (к сожалению, в каталоге нет указания на вид печати), пять книг напечатаны алфавитом деванагари, одна — латинским алфавитом, включены четыре разных перевода на английский язык, перевод на французский и гуджарати. В библиотеке Британского музея (BL, р. 168) также сохранилось много изданий этого произведения как на урду (17 на урду, из них 2 были набраны латинским алфавитом), так и в переводе на другие языки: английский (6), гуджарати (1). Две литографии, выпущенные в издательствах «Мунши Навал Кишор»⁴ и «Фатх ал-Карим»⁵, находятся в фонде ИВР РАН. В каталоге отмечен перевод

⁴ Шифр в библиотеке ИВР РАН — I uЛ/ 26.

⁵ Шифр в библиотеке ИВР РАН — Hd III 179.

другого сотрудника колледжа — Даяшанкар Насима «Гулзар-и Насим» («Цветник Насима»). Перевод представляет собой стихотворную версию персидского сочинения «Гул-и Бакавали» Иззат Аллаха (Иззатуллах Бангали), который изложил на фарси индийскую народную сказку. Сохранилось тринадцать переизданий этой работы (Ю, р. 155). В каталоге также зафиксирован прозаический перевод, выполненный с брэд-жа преподавателями колледжа Мирзой Али Казимом (Джаван) и Лалу Жи Лалом, — «Сингасан баттиси» («Тридцать два рассказа царского трона»). Автором оригинального текста был Сундара Кавишвара, и его вариант носил название «Тридцать два рассказа о царе Викрамадитья». Сохранилось шесть изданий в библиотеке Индия Оффис (Ю, р. 150) и одно в библиотеке Британского музея (BL, р. 344), вышедшее в Лакхнау в 1868 г. Читателям предлагается также поэтическая версия этих рассказов, выполненная Шадила Чхаманом (Ю, р. 164).

Одним из наиболее плодотворных писателей колледжа «Форт Вильям» был Саид Хайдар Бахш Хайдари (ум. в 1823 г.). Его прозаическое произведение «Тота кохани» («Сказки попугая») — сборник дидактических новелл, обрамленных вступительной повестью о купце и его легкомысленной жене, пытающейся изменить мужу, отмечен в каталоге «Аудх акхбар». Вариант Саид Хайдара, написанный в 1801 г., представляет собой популярное переложение с персидского на простой разговорный язык известной книги Мухаммада Кадири «Тути-наме». Оно переиздавалось несколько раз: Д. Форбс выпустил его в Лондоне в красивом оформлении, а Г. Смол перевел на английский язык. Но, несмотря на его популярность, сохранилось всего два издания — одно в библиотеке Британского музея (Калькутта, 1804 г.) (BL, р. 237) и в ИБР РАН — иллюстрированная версия, опубликованная в издательстве «Мунши Навал Кишор» в Канпуре в 1910 г.⁶ Другое произведение того же автора — «Араиш-и махфил» («Украшение компании») создано по указанию Дж. Гилкрайста в 1802 г. и является наиболее известной из работ Саида Хайдар Бахш Хайдари. В «Араиш-и махфил», основанном на сильно измененном в сравнении с персидским варианте, в очень занимательной форме описывается семь вымышленных путешествий знаменитого араба Дани Хатиматаи. Книга публиковалась много раз, и в библиотеке Индия Оффис сохранилось двадцать два ее издания (Ю, р. 135). С колледжем «Форт Вильям» сотрудничали и два других писателя, переводы которых нашли отражение в каталоге издательства: Халел Али Хан Ашк и Мирза Мухаммад Исмаил Тапиш. Перу первого принадлежит перевод с персидского, озаглавленный «Дастан-и Амир Хамза» (в Индия Оффис сохранилось восемь изданий — Ю, р. 139), перу второго — стихотворный перевод персидской истории «Бахар-и даниш» Инаятлаллаха Канбу.

В конце XVIII — начале XIX в. постепенно формируются две прозаические школы: делийская и лакхнауская. В каталоге издательства отражены произведения представителей обеих школ.

Раздел открывается двумя переводами — прозаическим и поэтическим — «Тысячи и одной ночи». Краткий прозаический перевод выполнил Тотарам Шаян, а поэтический начал Асгар Али Хан Насим (т. 1), закончили же Тотарам Шаян (т. 2, 3) и Мунши Шади Лал Чхаман (т. 4). Насим, представитель делийской школы, изложил в стихах сказки «Тысячи и одной ночи» по заказу издательства «Мунши Навал Кишор пресс» (Хусейн, 1961, с. 129). Четыре тома перевода печатались в Лакхнау с 1861 по 1868 г. и сохранились как в библиотеке Британского музея (BL, р. 36), так и в Индия Оффис (Ю, р. 153). Тотарам Шаян, кроме того, сделал поэтический перевод персид-

⁶ Шифр в библиотеке ИБР РАН — Hd III 183.

ского романа «Дастан-и Амир», также представленный в коммерческом каталоге (Ю, р. 165).

Издательский каталог предлагает читателям четыре перевода знаменитой поэмы мусульманина Малика Мухаммад Джайси (XVI в.), написанной им на хинди, — «Падмават». Все книги — переводы на урду: две переведены Зия ад-Дин Ибратом и Гхулам Али Ишратом (в Индия Оффис сохранилось четыре выпуска) (Ю, р. 159), одна — перевод Мухаммада Касим Али (Ю, р. 159). Отмечена в каталоге «Фисана-и аджаиб» («Повесть о необыкновенном») — произведение принадлежит перу Мирзы Раджаб Али Бег Сурура (1787–1867), которого считают первым прозаиком Лакхнау (Хусейн, 1961, с. 122). Несмотря на то что в каталоге рядом с названием стоит пометка «проза», повесть написана рифмованной прозой, ее отличает сложный стиль и язык (в отличие от языка Мир Аммана, автора «Бхаг-о бахар»). Хотя значительное место здесь занимает элемент фантастики, «Фисана-и аджаиб» приводит большое количество сведений о культуре Лакхнау того времени. Книга печаталась с иллюстрациями, в каталоге библиотеки Индия Оффис отмечено семнадцать ее изданий (Ю, р. 139). Издатели продают другое произведение с таким же названием, но с пометкой «поэтическое», к сожалению, имя автора в каталоге не приведено.

В каталог включено сочинение другого представителя лакхнауской школы XVIII в. — Мир Гулям Хасана (1736?–1786). Он прославился своим маснави «Сехр ул-баян» («Магия повествования»), которое иногда называют просто «Маснави Мир Хасана» или историей о принце Беназире. Благодаря этой поэме Мир Хасана признали мастером маснави. Сюжет неоригинален, но он позволил автору, изменившему его в соответствии со своим замыслом, лучше осветить жизнь Лакхнау своего времени — описать праздники, свадьбы и другие события.

Издательский дом Мунши Навал Кишора предлагает покупателям «Наль и Даман», поэтический перевод с персидского известной поэмы Абу-л Файза Файзи (Файази) (жил в XVI в. при дворе Акбара), в основе которой был сюжет из Махабхараты о Нале и Дамаянти. Сохранилось несколько изданий этого произведения в библиотеках Индия Оффис, Британского музея и Института восточных рукописей (Ю, р. ; BL; р. 153)⁷. Отмечено в каталоге также популярное сочинение «Нау тарз-и мурасса» («Новый орнаментированный стиль»), написанное в 1775 г. Мухаммадом Хусейном Ата-хан Тахсином на основе персидского варианта истории четырех дервишей.

Тему известной арабской легенды о возлюбленных Лейле и Меджнуне использовали многие индийские писатели, только в каталоге библиотеки Индия Оффис (Ю, р. 156) насчитывается шесть поэм с названием «Лейла о Маджнун» разных авторов. Издательство «Мунши Навал Кишор» предлагает читателям версию Мир Мухаммад Таки Мира (1725–1810).

Знаменитый сюжет любви Фархада и Ширин представлен в каталоге произведением Саида Абд ал-Вахида Хана Мискина. Известно шесть изданий этого сочинения (Ю, р. 154; BL, р. 15). В каталог включена краткая версия «Шахнаме» Фирдоуси, автором которой является Мунши Лал Мулчханд. В библиотеке Индия Оффис (Ю, р. 116) хранится одиннадцать изданий этой книги.

По меньшей мере двадцать шесть раз перепечатывалась повесть «Кисса-и Шах и Рум» («История султана Турции») (Ю, р. 161). Она также входит в список прозаических произведений, продаваемых издательством. В каталоге отмечен популярный перевод персидского переложения «Калилы и Димны» Хусайном Ваизом Кашифи (ум. в 910/1504–05 гг.) «Анвар-и Сухайли» («Свет звезды Коноп»). Перевод выпол-

⁷ Шифр в библиотеке ИВР РАН — Hd III 3.

нен в 1835 г. Факир Мухаммад Ханом Гойя (ум. в 1850 г.) и назван автором «Бустан-и хикмат» («Цветник мудрости»). В ней варьируются сюжеты из «Панчатантры» и «Хитопадешы» (Ю, р. 138; BL, р. 123).

В рассматриваемом разделе каталога помещено произведение Мухаммада Абу ал-Хасана «Гулзар-и Ибрахим», рассказывающее об Ибрахиме Адхаме, царе Балкха (сохранилось шесть изданий) (Ю, р. 155). В каталог включена повесть Нимчанда Кхатри — переложение персидского оригинала, выполненное им в 1837 г. и названное «Кисса-и гуль о санобар» («История цветка и сосны») (Ю, р. 148).

Коммерческий каталог предлагает покупателям рассказы как в стихах, так и в прозе, как переведенные с персидского, так и написанные на языке урду. Из числа авторов поэтических рассказов следует отметить Рахмана Шаха («История сына торговца и дочери визиря Газани») (BL, р. 292), Гафура («История рыбака») (Ю, р. 161), Илахи Бакш Маулави («Любовная история») (BL, р. 128) и Ахмада Али Шивараджпури («История о святом Мансуре») (Ю, р. 162; BL, р. 21). Прозаические работы принадлежат Саид Гулам Хайдар Хану (BL, р. 93; Ю, р. 140), Амиру Хафиз ад-Дину Дехлави (Мани), Мухаммаду Зухур Али (Зухур) (Ю, р. 163), Мухаммаду Джафар Али (Шиван) и Мухаммад Хайдар Али Хану.

Издательство выпустило две книги известного поэта конца XVIII — начала XIX в. Назира Акбарабади (подлинное имя Вали Мухаммад; 1740–1830 гг.): «Банджарах-наме» («История торговца зерном») (Ю, р. 153; BL, р. 349) и «Джоги-наме» (Ю, р. 112; BL, р. 350), а также сборник произведений Гулам Али Азада, содержащий комическую поэму «Война крыс и котов» и «Историю котов-пилигримов в Мекку» (BL, р. 141).

Раздел «Художественная литература. Диваны, сборники стихов и маснави на урду» открывает книга «Бахаристан-и сухан» («Цветущий сад слов»), в которой в параллельных колонках представлено творчество поэтов лакхнаушской школы конца XVIII — начала XIX в. Насиха (Имам Бахш — ум. в 1838 г.), Атиша (Ходжа Хайдар Али — ум. в 1846 г.) и Абада. В каталоге представлены и другие работы этих авторов. Среди них «Диван-и Насих» (Ю, р. 105) и «Куллият-и Атиш» (Ю, р. 94).

В этом разделе каталога к продаже предлагаются диваны таких известных поэтов XIX в., как Галиб (ходжа Мирза Асадуллахан; 1796(7)–1869 гг.) и Заук (Шейх Мухаммад Ибрагим Заук; 1789–1854 гг.) — представителей делийской школы, и последователя другого направления в поэзии, школы Лакхнау, — Амира Ахмада (Амир Минаи; 1828–1900 гг.). Сочинения этих мастеров публиковались многократно в разные годы и в разных городах, о чем свидетельствует большое число сохранившихся книг в библиотеках Индия Оффис и Британского музея. Наибольшей популярностью пользовался «Диван-и Заук»: в каталоге библиотеки Индия Оффис отмечено одиннадцать изданий этой работы (Ю, р. 106).

Из числа других авторов диванов, представленных в коммерческом каталоге, следует назвать Сайида Фазл Расул Хана (Васити), Канхая Лала (Ашик), Хусайн Бега (Джарар), Карамат Али Хана (Шахиди), Шаха Нияз Ахмада (Нияз), Кази Мухаммад Абд ал-Хакка (Садик), Мунанвар Хана (Гхафил), Мухаммада Абд ал-Гхани (Файда), Наваба Сайд Мухаммад Хана (Ринг), Лутф Али Хана (Лутф), а также Факира Мухаммад Хана (Гойя), диван которого был выпущен в литографском издательстве «Низами». Помимо диванов в каталоге издательства «Мунши Навал Кишор» представлен перечень из девяти продаваемых куллийатов, один из которых, «Куллийат-и Атиш», мы упоминали выше. В других куллийатах собраны работы таких известных поэтов, как Шах Тураб Али, Вали Мухаммад Назир Акбарабади (1740–1830), Махди Али Кхан Заки, представителей делийской школы — Амир Аллах ибн Абд ал-Самад

Таслим, Мир Мухамад Таки Мир (1725–1810) и Мухаммад Момин Хан Момин (1800–1851); Мирза Мухаммад Рафии Сауда (1713–1781), который считается мастером касыд, и Абу Зафар Сирадж Мухаммад Бахадур Шах. «Куллийат-и Назир» интересен своим отражением жизни Индии, один из его разделов содержит поэмы, посвященные божествам Кришне, Вишну, Шиве, Баладеву и др. Этот куллийат переиздавался много раз, что зафиксировано в каталоге Индии Оффис (Ю, р. 95 — десять изданий). Продаются четыре тома собрания стихов Бахадур-шаха «Куллийат-и Зафар». Бахадур-шах — последний могольский шах, отрекся от престола в 1857 г. и провел жизнь пленником до конца своей жизни (ум. в 1868 г.) в Рангуне. По слухам, «Куллийат-и Зафар» содержал пять томов, но последний том погиб в огне во время восстания 1857 г. В каталоге Индии Оффис отмечено пять разных изданий этого труда (Ю, р. 96).

Каталог Мунши Навал Кишора предлагает читателям маснави Наваба Гус Мухаммад Хан Вали Джадараха, Анвара Хусайна (Тасили), Маулави Насир ад-Дин Ахмада, Хакима Галиб Хасайна, а также маснави Джавахир Лала, восхваляющее администрацию Рамакришна Симха.

Издатели продают любовную поэму Канхая Лала (Талиб) — (BL, р. 328) и стихи на каждый месяц года Сундар Кали (Ю, р. 102). Для продажи представлены сборник газелей персидских и хиндустани поэтов (BL, р. 193), сборник избранных произведений поэтов хиндустани, с персидской аннотацией, которую составил Мунши Мухаммад Ибрагим (Ю, р. 195), а также сборник поэм Мухаммад Хусайн Хана (Тахсин) во славу Мухаммада.

Завершает этот раздел каталога иллюстрированная драма «Индра сабха» («При дворе Индры»), написанная Ага Хасаном (Амант) в 1853 г. «Индра сабха» занимает особое место в литературе урду как первая драма на этом языке. Индуистский бог Индра изображен в ней в виде персидского или могольского шаха, а апсары превращаются в фей в одежде мусульманок (Ю, р. 29).

Раздел содержит 105 наименований произведений, из них значительное место отведено поэтическим произведениям, относящимся к жанру васохт. Предлагается купить собрание сочинений в двух томах или купить каждое произведение отдельной книгой. Список авторов, чьи работы можно купить отдельными книгами, состоит из пятидесяти двух имен, в их числе как признанные мастера, чьи маснави и куллияты также продаются издательством, так и малоизвестные писатели XVIII–XIX вв. Надо отметить, что большая часть работ (40 произведений) принадлежит последним. Среди известных авторов XVIII в. продаются четыре васохта наваба Рампура Юсуф Али-хана (Назим), один принадлежит представителю делийской школы — Мирзе Мухаммад Рафи (Сауда) (1713–1781), один — Мирзе Мазхар Джанеджану (Мазхар) (ум. в 1791 г.), который писал в основном на персидском языке, и один — самому знаменитому поэту той эпохи Мир Мухаммад Таки Миру (1725–1810). Другие васохты были написаны поэтами, творившими в конце XVIII и в XIX в. Это Амир Минаи (Мунши Амир Ахмад), Афатаб Алдавалах Ходжа Асар Бахадур (Калак), Ага Хасан (Амант), ходжа Хайдар Али (Атиш), Момин Хан (Момин), Саид Мухаммад Хан (Ринд), Заки и Шаук.

Раздел коммерческого каталога «История» насчитывает 36 наименований произведений, количество издательских единиц несколько больше — 44.

Хотя этот раздел и озаглавлен «Книги по истории на языке урду», в список, помещенный в каталоге, включены также книги по географии. Среди них сочинение Мухаммада Мардан Али Хана, носящее название «История, география и другая полезная информация». Издание этой книги 1863 г. (Лакхнау) находится в библиотеке Британ-

ского музея (BL, p. 242). Произведение Рамчандра «Чудеса природы», опубликованное в Лакхнау в 1873 г. (скорее всего, оно и отмечено в издательском каталоге), хранится в библиотеке Индия Оффис (IO, p. 69). В списке приведен перевод, выполненный Враджабхушана Лалом с английского языка, «Путешествия к мысу Доброй Надежды в 1839 г.». Издательская фирма Мунши Навал Кишора предлагает своим читателям сочинение Дад Хана (Сайах) — краткий отчет о путешествии автора по разным городам в 1872 г. с приложением стихов известных поэтов Лакхнау и Канпура (Лакхнау 1872 г.) (BL, p. 68). В каталог включено произведение Мухаммад Хаят Хана по истории, географии и о торговых отношениях Афганистана. Книга напечатана с цветными иллюстрациями и имеет оглавление на английском языке. Коммерческий каталог также представляет три тома «Краткой географии», написанной помощником инспектора школ Дургпрасадом (BL, p. 75).

Покупателям предлагается сочинение Рамчандра «Биографии великих людей Древнего Рима, Греции и современности» (IO, p. 69; BL, p. 294); перевод с английского книги Т.Д. Форсайта «Миссия в Йокагаму» (IO, p. 93, BL, p. 87); работа Кишорилала «Отчет о Канадже и его правлении» (BL, p. 172); пособие Мухаммад Тахира «История пророков», составленное по персидским и арабским источникам (BL, p. 252); «История Александра Македонского» Сикандари Гокулапрада, изданная в Лакхнау в 1873 г. (BL, p. 101). В разделе содержатся труды по истории Китая, истории торговых отношений с Россией и истории Англии анонимных авторов, а также перевод «Истории Британской империи» В.Ф. Колльера, напечатанный в Лакхнау в 1873 г. (IO, p. 92), и «Всеобщая история» Хадим Али ибн Карам Али, представленная им в виде таблиц.

В списке помещены переводы с арабского исторических сочинений, связанных с именем Вакиди аль-Вакиди Абу Абдаллах Мухаммад ибн Омар (747/48–823/24), — предания о походах и завоеваниях первых мусульман, происходивших при жизни Мухаммада. В аннотации к «Магази ал-Расул» (араб. «Китаб ал-Магази»), достоверно принадлежавшему Вакиди, сказано, что это первый из четырех трудов Вакиди, опубликованных издательством. Действительно, продаются также «Футух ал-Шам» и «Футух ал-Миср» («Завоевание Сирии» и «Завоевание Египта»), объединенные в одном томе, и «Футух ал-Аджам» («Завоевание Персии»). Имена переводчиков не приводятся, но, согласно каталогу библиотеки Британского музея (BL, p. 211), где отмечен трехтомник работ Вакиди, изданный в Лакхнау в 1874 г., первая и четвертая части были переведены Башарат Али Ханом, вторая — Инаят Хусайном, третья — его племянником Мадхи Хусайном. В библиотеке Индия Оффис (IO, p. 87) также сохранился этот сборник, но более позднего по времени издания (Лакхнау 1887 г., Канпур 1889 и 1893 гг.).

Остальные книги раздела посвящены истории Индии. Среди них «Краткая история Индии с раннего периода до аннексии Ауда в 1856» Тотарам Шаяна (BL, p. 336), отчет об индийском восстании (IO, p. 69; BL, p. 157), составленный по английским источникам, «История Пенджаба» Мунши Тулсирама и одноименный труд Девипрасада, посвященный истории сикхов (IO, p. 90), а также история Горакхпура анонимного автора и перевод с персидского Гокулпрада сочинения Гхулам Хусайн Хана, посвященного истории Делийского султаната (IO, p. 88; BL, p. 94).

В разделе «Медицина» представлено 23 наименования (25 изданий).

Из них два словаря: словарь Мухаммада Нур Карима в двух томах, составленный им по арабским и персидским источникам, и словарь лекарственных веществ Ихсан Али Хана, переведенный с фарси. Обе книги сохранились в библиотеках Индия Оффис и Британского музея. Словарь Карима представлен полностью только в Британ-

ском музее (Лакхнау 1865 г.?) (BL, p. 248), в Индия Оффис имеется лишь второй том (Лакхнау 1875 г.) (Ю, p. 42). Словарь Ихсани, выпущенный в Канпуре, находится в обеих библиотеках в двух изданиях — 1874 и 1878 гг. (BL, p. 126).

Остальные произведения представляют собой труды по медицине различного назначения, начиная от популярных пособий (работа Камар Али — Лакхнау, 1867 г.) (BL, p. 155) до руководств по ветеринарии.

Каталог предлагает читателям два издания трактата в стихах о лошадях Мухаммада Махди Мунши с многочисленными иллюстрациями этого произведения — цветными и в черно-белом исполнении (Лакхнау, 1871 г.) (BL, p. 242). Работа в стихах Саадат Яр Хана Рангин (ум. в 1835 г.) о болезнях лошадей выдержала три переиздания (Лакхнау 1849 г., 1869 г. и Канпур 1874 г.) (Ю, p. 63). Надо заметить, что поэтическое наследие Рангина довольно значительно, некоторые исследователи называют именно его родоначальником жанра рехти (стихи, написанные от лица женщины), но в каталоге «Аудх акхбар» его творчество представлено только вышеобозначенной поэтической работой в разделе «Медицина».

Далее надо отметить два медицинских трактата (в одном томе) Фазл Али, переиздававшихся четыре раза (Ю, p. 42); перевод с персидского работы по медицине Гхулам Имам Хакима (BL, p. 94); руководство по медицине Ихсан Али Хана (три издания — Лакхнау 1864, 1870, 1876 гг.) (BL, p. 126) и Итрат Хусайна (Ю, p. 43); перевод с персидского двух трудов по медицине ученого XVII — XVIII вв. Мухаммада Акбара Арзани (ум. в 1722 г.) (первый переведен Мухаммадом Хусайном; второй — Мухаммадом Нур Каримом) (Ю, p. 45, 40; BL, p. 218). В библиотеке Британского музея (BL, p. 264) сохранился предлагаемый читателям каталога небольшой трактат по медицине Мушариф Хусайна (издание Лакхнау, 1868 г.).

В каталоге зафиксировано несколько пособий по медикаментам: фармакопея Музаффера, известного как Шифаи, в переводе с персидского (Мухаммад Хади Хусайн Хан), которая находится в Индия Оффис (Ю, p. 43) (издание 1873 г., Лакхнау); четыре руководства по составлению лекарств (переводы с персидского): Зака Аллах Хана (переводчик — Мухаммад Хади Хусайн Хан), два трактата Мухаммада Акбара Арзани (в переводе Вахида Али и Мухаммада Нур Карима), а также сочинение Мухаммада Ихсан Али Хана. Они выдержали не одно переиздание, что зафиксировано в каталогах английских библиотек, и издавались как в Лакхнау, так и в Канпуре. Первая работа сохранилась в двух изданиях: Лакхнау, 1871 г. и Канпур, 1876 г. (Ю, p. 44), трактат Арзани в переводе Вахида Али — в четырех: Лакхнау, 1867 и 1868 гг. и Канпур, 1873 и 1876 гг. (Ю, p. 43; BL, p. 218). Руководство по составлению лекарственных препаратов Арзани в переводе Карима представлено изданиями, выпущенными в Лакхнау в 1870 и 1872 гг. (Ю, p. 41; BL, p. 218), а сочинение Ихсани — двумя выпусками: Лакхнау, 1872 г. (BL, p. 126) и Лакхнау, 1876 г. (Ю, p. 43).

Сборник молитв и высказываний Мухаммада, составленный Ихрам ад-Дином, рекомендуется как средство для поддержания здоровья (Ю, p. 45).

Мунши Навал Кишор представляет труд по симптомам и лечению болезней, написанный Раджаб Али Куреши, издававшийся как в Лакхнау, так и в Канпуре (1871 и 1874 гг. соответственно) (Ю, p. 44), а также вниманию читателей предлагается работа Мухаммада Ихсана Али Хана по терапии (Ю, p. 42). В библиотеке Британского музея (BL, p. 251) сохранился рекламируемый издателями сборник медицинских предписаний Мухаммада Шариф Хана, который был переведен с персидского Мухаммадом Хади Хусайн Ханом.

Издательство предлагает к продаже работу Мухаммада Вали (Масиха) по лечению холеры (Ю, p. 40), изданную в Канпуре в 1872 г., и трактат о греческой системе лече-

ния болезней в сопоставлении с английской системой, написанный Хайдаром Али Ханом (Ю, р. 42).

Раздел «Собрание наук и другие книги о редкостях» содержит двадцать три издания: тринадцать изданий на урду, восемь на персидском языке (шесть наименований) и два издания на урду, персидском и арабском. Из них три книги были опубликованы в литографских заведениях «Гулзар-и Аудх» и «Самар-и Хинд».

Ряд произведений раздела — оригиналы персидских произведений и их переводы на урду. Издательство предлагает перевод арабской космографии Закарийа Казвини (XIII в.) «Аджаиб ал-махлукат» («Чудеса сотворенного»), популярной в персидском варианте. Работа была напечатана в издательстве «Гулзар-и Аудх». В английских библиотеках сохранились два издания — Лакхнау, 1869 и 1877 гг. (Ю, р. 56; ВЛ, р. 355).

В разделе помещен перевод с персидского популярного сочинения XVIII в. аналогичного содержания Амин ад-Дин Хана — «Малумат ал-афак». Перевод под названием «Матла ал-аджаиб» был выполнен Мухаммад Махди Али Ханом. В работе приводится космографическое и географическое описание стран семи климатов, описание диковинок мира, а также даются сведения о должностях и титулатуре в империи Моголов. В каталогах отмечено издание 1873 г., Лакхнау (Ю, р. 81; ВЛ, р. 31).

Предлагается читателям перевод «Матла ал-улум ва маджма ал-фунун» Ваджид Али Хана: энциклопедия наук и искусств была написана в 1261–62/1845–46 гг. и издана Мунши Навал Кишором в Лакхнау (1866 и 1870 гг. — Edwards, 1922, р. 307). Перевод Заин ал-Абидин Хана зафиксирован в каталоге библиотеки Индия Оффис (Лакхнау, 1874 г.) (Ю, р. 54).

Изречения по разным случаям «Рийаз ал-фирдаус» на урду, персидском и арабском языках собрал Маулави Мухаммад Хасан Хан Шахджахапури, публикация вышла в Лакхнау в 1867 г. (Edwards, 1922, р. 487). В этом же разделе находится другое трехязычное сочинение — собрание пословиц «Хазинат ал-амсал», составленное Сайид Хусайн-шах Хакикат в 1215/1800–01 гг. и напечатанное в Лакхнау в 1873 г. (Edwards, 1922, р. 272; Щеглова, 1975, с. 560).

Издательство Мунши Навал Кишора, как и другие издательства, публиковало работы по оккультным наукам (значение амулетов, гадание на песке и прочее). В разделе два труда по астрологии и шесть руководств по гаданиям и значениям талисманов, два из них — компиляции европейских материалов.

В каталог в качестве редких книг включены впечатления о путешествии в Англию в 1837 г. Йусуф Хана Камалпуша (издание — Лакхнау, 1873 г.) (Ю, р. 93; ВЛ, р. 354) и трактат о музыке Маулави Мухаммада Усман Хана.

Раздел «Верования индийцев, напечатанные арабским письмом» состоит из двух рубрик: «Религиозные книги народов Индии на урду, персидском, алфавитом фарси» и «Религиозные книги жителей Индии». Первая рубрика представлена двадцатью шестью изданиями (двадцать пять наименований), вторая — пятнадцатью, в общей сложности в него включено сорок одно издание. Необходимо отметить, что принцип деления издателем этого раздела на отдельные главы не вполне понятен, так как все они содержат одинаковые по содержанию материалы. В основном представлены переводы Махабхараты, Рамаяны, пуран. Более того, во второй рубрике наименования отдельных произведений повторяются, а аннотации некоторых сочинений содержат указание на воспроизведение текста буквами арабского алфавита.

В отношении первой рубрики следует сказать, что только в одном случае в аннотации указан язык произведения — это перевод на персидский поэтической работы Мунши Джахин Лала «Гимн Бенаресу» («Каши-и астут»). Язык тринадцати сочине-

ний этой рубрики удалось определить, используя сведения, приведенные в каталогах английских библиотек.

Учитывая вышесказанное, будем рассматривать главы как единое целое, не проводя деления.

Первое издание списка — иллюстрированный рассказ о Кришне (восьмой аватар Вишну) анонимного автора.

Рамаяна представлена пятью работами. Среди них адаптированный рассказ в стихах Мунши Шанкар Даяла Фархата и стихотворный перевод Амант Рай Дехлави. Адаптированный перевод, скорее всего, увидел свет в Лакхнау в 1873 г. (Ю, р. 119; ВЛ, р. 310). Включены три перевода Рамаяны («Рамачаритаманаса» — «Море подвигов Рамы») Тульси Даса: один выполнен Фархатом (он отмечен в каталоге Индия Оффис, но указанное издание было выпущено на год позже рассматриваемого каталога, в 1875 г. — Ю, р. 122) и два — анонимными авторами.

В издательстве «Аудх акхбар» были литографированы переводы знаменитого индийского эпоса — Махабхараты. Тотарам Шаян сделал сокращенный перевод персидской версии Махабхараты, сохранилось его два издания, выпущенных в Лакхнау — 1870 и 1874 гг. (Ю, р. 121). Другой перевод представляет собой адаптированный вариант Махабхараты, выполненный Лала Рамом (Сахая).

Не оставлены без внимания издателя переводы пуран. Три перевода выполнены Мунши Шанкар Даял Фархатом: «Шива-пураны» (по-видимому, издание 1873 г., Лакхнау) (Ю, р. 225; ВЛ, р. 310), «Ганеша-пураны» (скорее всего, канпурское издание 1868 г.) (Ю, р. 223; ВЛ, р. 310) и эпизод из «Сурья-пураны» (издание 1874 г., Лакхнау) (Ю, р. 120). Четвертая работа — перевод «Бхагават-пураны» Джганнатха Хушгара (возможно, канпурское издание 1870 г.) (Ю, р. 221; ВЛ, р. 146). Еще одно произведение, основанное на эпизоде из Бхагават-пураны — рассказе о Кришне и его друге Судаме, было написано Гирдхари Лалом и получило название «Судаме чаритра» («Рассказ о Судаме»). В библиотеке Индия Оффис сохранилась литография 1877 г., Лакхнау (Ю, р. 122). Мунши Навал Кишор продает два разных издания этой работы. Кроме того, предлагаются стихотворный перевод (с хинди) Фархата сочинения Лаллуджи Лала «Премсагар» («Океан любви»), созданный на основе «Бхагават-пураны» — (ВЛ, р. 310; Ю, р. 122), «Премсагар», записанный арабским алфавитом, и стихотворный вариант «Сурья-пураны».

Коммерческий каталог представляет произведение Шанкар Даял Фархата «Тысяча имен Шивы», которое сохранилось в библиотеке Британского музея (издание 1874 г., Лакхнау) (ВЛ, р. 310).

Издательство публикует трактат Карадха Лала — «знатока суфизма», в котором он проводит анализ шаштр, описывает передаваемые ими знания и их значение.

В этот же раздел попал и краткий очерк Мунши Лаладжи о жизни раджи Аудха Умапати (издание — Лакхнау, 1873 г.) (Ю, р. 69; ВЛ, р. 182) и перевод Туласи Рама произведения Набхаджи «Бхагатмала», написанного на хинди. В «Бхагатмала» описана жизнь святых, исповедовавших вишнуизм, согласно каталогам библиотек Индия Оффис и Британского музея, работа была литографирована в Лакхнау в 1873 г. (Ю, р. 222; ВЛ, р. 337).

Здесь же находится и сочинение Макхана Лала, посвященное кастовой системе Индии и теологическим проблемам, написанное в форме катехизиса (Ю, р. 74, 224; ВЛ, р. 195).

Начиная с 1858 г. языком официального общения становится урду, что нашло свое отражение и в коммерческом каталоге Мунши Навал Кишора, в который включены 116 законодательных актов на этом языке.

Возросшую роль языка урду в жизни общества также характеризуют представленные в каталоге учебные пособия — 126 против 12 книг на персидском языке. Однако интерес общества к классическому образованию, включающему в себя изучение языка Корана и персидского, еще достаточно велик. В каталог помимо учебников (12) персидского языка включены 36 учебных пособий по арабскому языку.

Анализ литературы, размещенной в каталоге, позволяет сделать ряд выводов относительно интересов читателей XIX в.

Наибольший объем в урдуязычной продукции занимали сочинения теологического содержания, главным образом переводные работы с персидского и арабского. Среди переводов отмечены как сочинения, созданные на персидском, так и произведения, изначально написанные на санскрите, а позднее переведенные на персидский язык.

Немалая роль отводилась художественным произведениям, преимущественно поэтическим. Говоря о литографированных поэтических произведениях, надо отметить, что доля переводных работ по этой теме невелика. Издавали преимущественно работы, написанные на урду. Это объясняется уже сложившимися поэтическими канонами литературы на этом языке. Практически все поэты были двуязычными и свободно писали как на персидском, так и на урду. Проза, напротив, отмечена значительным (примерно три четверти от общего количества изданного) числом переводной литературы, в основном переводами с персидского языка. Произведения же, написанные на урду, — это по большей части переложения персидских сочинений известных авторов.

Также следует отметить высокий спрос, которым пользуется учебная литература. Наряду с традиционными учебными пособиями по персидскому и арабскому языкам, словарями и т.д. появляются учебники по обучению языку урду.

Говоря о каталоге, хочется обратить внимание на его большое значение как одного из историко-культурных источников по изучению индомусульманского общества Индии. В статье был проведен анализ каталога только с точки зрения репертуара, бытовавшего в кругах читающего населения Индии. За пределами данного исследования осталась, в частности, экономическая политика книгоиздательства.

Список сокращений

- BL — *Blumhardt J.F.* Catalogue of Hindustani Printed Books in the Library of the British Museum. L., 1889.
 IO — *Blumhardt J.F.* Catalogue of the Library of the India Office. (Hindustani books). L., 1900. Vol. 2, pt. 2.

Список литературы

- Хусейн С.Э. История литературы урду. М., 1961.
 Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ч. 1–2. М., 1975.
 Щеглова О.П. Персоязычная литографированная книга индийского производства (XIX в.). СПб., 2001.
Blumhardt J.F. Catalogue of Hindustani Printed Books in the Library of the British Museum. L., 1889.
Blumhardt J.F. Catalogue of the Library of the India Office (Hindustani books). Vol. 2, pt. 2. L., 1900.
Edwards E.M.A. A Catalogue of the Persian Printed Books in the British Museum. L., 1922.

Summary

I.O. Volkova

Urdu Lithoprinting Books in Munshi Naval Kishor's Commercial Catalogue 1874

The article is dedicated to the analysis of Munshi Naval Kishor's commercial catalogue. His publishing house, organized in 1858, became the most popular in India. Contents of this catalogue give the opportunity to understand the interests of Indian readers at the end of XIX century.

Владимир Святославович Воробьев-Десятовский

(1927–1956)

Владимир Святославович Воробьев-Десятовский вошел в историю отечественного востоковедения как выдающийся специалист в области палеографии и письменного наследия народов Южной и Центральной Азии.

Лингвист и полиглот, он одновременно был глубоким знатоком культуры Индии и ее буддийского ответвления, распространившегося в I тыс. н.э. в Тибет и оазисы Восточного Туркестана. Благодаря исключительным природным дарованиям и обширной научной эрудиции, В.С. Воробьев-Десятовский внес большой вклад в систематизацию и описание индийских и центральноазиатских коллекций рукописей и старопечатных изданий, хранящихся в фондах ИВР РАН. Работая в этом направлении, он сумел возродить отечественную академическую традицию палеографических исследований, оборвавшуюся в 1900-х гг.

В.С. Воробьев-Десятовский принадлежал к поколению, опаленному в годы ранней юности огнем Великой Отечественной войны. Он родился 02.10.1927 г. в Москве, в интеллигентной семье, приверженной идеалам образованности и неукоснительного трудолюбия. Детство будущего ученого прошло в Северной столице. Первые впечатления о Востоке он приобрел в Туркмении, в Ашхабаде, куда переехал вместе с матерью после гибели отца, репрессированного в 1934 г. В 17-летнем возрасте В.С. Воробьев-Десятовский, еще не окончив среднюю школу, ушел на фронт.

Воюя в рядах Советской армии, будущий ученый участвовал в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков. Школьный аттестат зрелости он получил в Ленинграде после демобилизации.

Выбор профессии дался В.С. Воробьеву-Десятовскому нелегко, так как наряду с интересом к культуре Востока и восточным языкам он обладал выраженными математическими способностями. Поступив в 1946 г. на индийское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета, он пытался в течение всего следующего года совмещать востоковедное обучение с занятиями математикой. Но окончательный выбор был сделан им все же в пользу индианистики.

В годы студенчества В.С. Воробьев-Десятовский наряду с освоением обязательной образовательной программы изучал индоарийские языки Передней Азии, классический тибетский язык (т.е. язык переводов с санскрита буддийских канонических и постканонических текстов), среднеиндийские языки, в частности пали, и ряд новоиндийских языков. Успехи В.С. Воробьева-Десятовского в изучении санскрита были столь значительными, что ему, первокурснику, доверили преподавание этого предмета студентам первого и второго курсов. Основательный и исключительно трудоспособный, он с целью методического оснащения своих занятий с младшими товарищами перевел с немецкого языка на русский учебное пособие Ф. Кильхорна по грамматике санскрита.

Дипломное исследование В.С. Воробьева-Десятовского «Историческое развитие личных местоимений первого и второго лица в языках Центральной Индии», блестяще защищенное им в 1951 г., соответствовало области лингвистических интересов его научного руководителя — акад. А.П. Баранникова (1890–1952).

Однако еще за год до окончания университета молодой исследователь погрузился в изучение коллекции манускриптов из Южной и Юго-Восточной Азии, он включился на общественных началах в деятельность Сектора восточных рукописей — единственного подразделения Института востоковедения АН СССР, оставленного в Ленинграде

после перевода основной части данного учреждения в 1950 г. в Москву. В ведении Сектора (ныне — ИВР РАН) находились собрания Азиатского музея, на базе которого в 1930 г. был образован ИВ АН СССР, и указанная коллекция исторически именовалась «индийским фондом». После каталогизации индийского фонда, произведенной Н.Д. Мироновым в 1910-х гг., его изучением как самостоятельной проблемой никто до В.С. Воробьева-Десятовского не занимался.

В 1951 г. В.С. Воробьев-Десятовский в качестве дипломированного специалиста был зачислен в штат Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР. Перед ним поставили задачу разбора, систематизации и описания не только индийской, но также тибетской и многоязычной центральноазиатской коллекций. Его первым плановым заданием явилось изучение собрания тибетской эпиграфики на дереве, поступившего в Азиатский музей от С.Е. Малова (1880–1957). В.С. Воробьев-Десятовский классифицировал эту коллекцию, выполнил ее системный обзор и подготовил к изданию ряд наиболее репрезентативных документов.

Затем ученый приступил к ресистематизации индийского фонда — сверил его состав с каталогом Н.Д. Миронова и произвел первичную атрибуцию более сотни не определенных прежде рукописей, список которых в настоящее время хранится в архиве ИВР РАН. Результаты данного обследования, завершеного в 1954 г., были представлены В.С. Воробьевым-Десятовским в статье «Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР» (Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.–Л., 1954, с. 129–143). В ней излагалась история собрания и давалась тематическая характеристика его состава, причем особое внимание уделялось жанрам тех письменных памятников, которые презентуют типологическую специфику культуры Индии и зоны ее влияния в Юго-Восточной Азии.

Работа в области палеографии расширила круг лингвистических исследований В.С. Воробьева-Десятовского, заинтересовавшегося истоками формирования языков Северной Индии. В том же 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Историческое развитие личных местоимений в индоарийских языках». Публикация этого труда осуществилась в 1956 г. уже после кончины ученого.

Продолжая свою деятельность в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР, В.С. Воробьев-Десятовский обратился к сложнейшей проблеме изучения памятников центральноазиатской письменности, доставленных в Азиатский музей отечественными экспедициями 1900–1910-х гг., а также добытых российским генеральным консулом в Кашгаре Н.Ф. Петровским (1837–1908).

Исследование этих памятников имело первостепенную научную значимость — оно раскрывало культурно-цивилизационную целостность духовной жизни народов, населявших оазисы Восточного Туркестана в I тыс. н.э. В тот исторический период Восточный Туркестан как ключевой субрегион Центральной Азии являлся территорией продвижения буддийской ветви культуры Индии и средоточием диалога различных религиозно-идеологических традиций, соприкасавшихся друг с другом на Великом шелковом пути. Изучая в этом аспекте памятники центральноазиатской письменности, В.С. Воробьев-Десятовский возродил проблематику исследований классика отечественного востоковедения — акад. С.Ф. Ольденбурга (1863–1934).

В.С. Воробьев-Десятовский произвел инвентаризацию центральноазиатского фонда и составил его первичное описание. Он выявил и подготовил к изданию уникальные тексты из состава данной коллекции — вновь обнаруженные листы рукописей «Кашьяпапариварты», выступающих важным источником исследования роли неиндоевропейского субстрата в развитии индоарийских языков. Ученый также начал готовить к публикации вновь найденные им листы сакской рукописи «Сказание о Бхадре».

Вся эта работа базировалась на предшествующем этапе его палеографических исследований (подготовке слоговых таблиц) и лексикографических изысканий. Промежуточные ее итоги нашли отражение в опубликованном в 1958 г. труде В.С. Воробьева-Десятовского «Памятники центральноазиатской письменности» (Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М.–Л., 1958, с. 280–308).

Проявил себя В.С. Воробьев-Десятовский и как исследователь, переводчик и комментатор классических образцов индийской словесности на санскрите и пракритах. В последний год его короткого жизненного пути вышел в свет выполненный им комментированный перевод с санскрита на русский язык драмы Шудраки «Мриччхакаттика» («Глиняная повозка»).

Ныне, характеризуя личность ученого, принято говорить о его хобби — любимом занятии, не связанном с профессией. Но В.С. Воробьев-Десятовский не имел хобби, он всего себя отдавал науке и посвящал свое личное время изучению коллекций индийских рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и в фондах библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного университета. Наряду с этим он по собственной инициативе проводил архивные изыскания, исследуя обстоятельства жизни и деятельности Г.С. Лебедева, предтечи российской индианистики, и И.П. Минаева, основателя санкт-петербургской индианистической научной школы.

Немало сил вложил В.С. Воробьев-Десятовский в университетскую подготовку молодых востоковедных кадров. На восточном факультете он читал курсы по теоретической грамматике языков хинди и пали, возродил преподавание тибетского языка и тибетологических дисциплин, совмещая данную деятельность с академическими исследованиями.

Как зрелый ученый В.С. Воробьев-Десятовский успел поработать в науке весьма непродолжительное время — неполных пять лет. Он ушел из жизни 02.07.1956 г. молодым, не дожив до 30-летнего возраста. Каждая из выполненных им работ несет в себе несомненные признаки гениальности, запечатленные в опережающем время полете научной мысли и золотом стандарте профессионального мастерства. Имя В.С. Воробьева-Десятовского по праву стоит в одном ряду с именами классиков отечественной индианистики и буддологии — И.П. Минаева, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского.

Далеко не всем исследовательским планам В.С. Воробьева-Десятовского было суждено реализоваться. И все же в нашей стране дело изучения центральноазиатского письменного наследия не угасло с его уходом. Подобно эстафете, эта плодотворная инициатива перешла к коллеге и вдове ученого — М.И. Воробьевой-Десятовской, труды которой в области буддийской палеографии получили заслуженную международную известность.

Е.П. Островская

Нинель Александровна Дулина

(1925–2006)

Нинель Александровна Дулина родилась 2 июля 1925 г. в городе Новая Ладога, откуда в трехлетнем возрасте вместе с матерью переехала в Ленинград. Летом 1941 г. она закончила восемь классов средней школы, в годы Великой Отечественной войны жила и работала в осажденном городе. После снятия блокады Неля (так называли

ее друзья и близкие) продолжила учебу в вечерней школе рабочей молодежи, десятый класс которой окончила в 1945 г., и сразу поступила на турецкое отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета. 5 мая 1949 г. Н.А. Дулина была арестована органами МГБ, осуждена по ст. 58–12 и 81–1 УК РСФСР к шести годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях и к поражению в правах сроком на три года. О нелепых обстоятельствах этого политического ареста она сама написала очерк в сборник «Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет» (СПб., 2005, с. 161–175). Впоследствии Н.А. Дулина была полностью реабилитирована, заслуженные ею медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией» были ей возвращены и в 1958 г. она была восстановлена на четвертом курсе турецкого отделения востфака ЛГУ, который успешно закончила в 1960 г. Диплом по специальности «страновед-востоковед», знание турецкого, французского, английского, азербайджанского языков, а также репутация глубоко порядочного и ответственного человека, стремившегося к научному творчеству, послужили достаточным основанием для принятия Н.А. Дулиной в штат сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР.

В должности старшего научно-технического сотрудника Н.А. Дулина зарекомендовала себя как добросовестный и дисциплинированный работник, принимала активное участие в научной и общественной жизни института, своевременно выполняла плановые задания. В 1962–1963 гг. участвовала в сборе библиографии по теме «История просвещения в Турции» совместно с А.Д. Желтяковым и Ю.А. Петросяном; в 1964–1965 гг. занималась обработкой фондов библиотеки ЛО ИВ АН, составила системный каталог турецкого фонда (около 4000 книг). С 1966 г. являлась членом коллектива авторов, который под руководством А.Н. Кононова составил и подготовил к печати «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов». Осенью 1969 г. Н.А. Дулина была избрана по конкурсу на должность младшего научного сотрудника и приступила к разработке самостоятельной научной темы «Османская дипломатия в 30–40-е годы XIX века и Мустафа Решид-паша». В последующее десятилетие Нинель Александровна кропотливо и обстоятельно изучала исторические документы и источники по вышеуказанной теме исследования и в 1979 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Османская дипломатия в период турецко-египетского конфликта 1831–1841 гг.». После опубликования двух монографий в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука»: «Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.)» (М., 1980) и «Танзимат и Мустафа Решид-паша» — Н.А. Дулина получила должность старшего научного сотрудника. До конца 1988 г. Нинель Александровна продолжала трудиться в стенах нашего института (ныне — Институт восточных рукописей Российской академии наук), участвовала в подготовке к печати «Тюркологических сборников», в редактировании выпусков сборника «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы», составляла рецензии на труды отечественных и зарубежных коллег, делала переводы с турецкого и французского языков, выступала с докладами и сообщениями на различных научных мероприятиях. Список ее научных трудов насчитывает более двадцати наименований.

Человек непростой судьбы, сумевший выстоять в очень трудных бытовых и психологических обстоятельствах, Н.А. Дулина, неизменно доброжелательная, со спокойной приветливой улыбкой, всегда была готова отозваться теплом на доброе к ней отношение. Будучи на пенсии, она не прекращала работать по специальности дома, интересовалась новыми достижениями тюркологии, приходила в библиотеку и книж-

ный салон восточного факультета СПбГУ. Нинель Александровна прожила долгую, хорошую, хоть и нелегкую жизнь, все сознательные годы которой она посвятила востоковедной науке. К сожалению, некоторые материалы из ее архива так и остались неопубликованными.

Т.Ю. Евдокимова

Галина Дмитриевна Иванова

(1927–1999)

Галина Дмитриевна Иванова, ученица Николая Иосифовича Конрада (1891–1970), являла собой образец русского интеллигента. Никогда не повышала голос, никуда не спешила и не стремилась засвидетельствовать почтение очередному «историческому деятелю». Родилась Галина Дмитриевна 6 июля 1927 г. в Ленинграде в семье служащих. Отец, Дмитрий Владимирович, возглавлял отдел коммунальных предприятий Леноблисполкома, а мать, Ольга Петровна, была бухгалтером артели. Во время Великой Отечественной войны Г.Д. Иванова была эвакуирована в г. Энгельс Саратовской области. В 1944 г. она окончила полную среднюю школу и поступила на японское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета, который был эвакуирован из Саратова. Еще студенткой летом 1946 и 1947 гг. она была послана на практику на Южный Сахалин, освобожденный от японской оккупации. В 1949 г. она с отличием окончила восточный факультет и сразу же поступила в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. В декабре того же года была командирована в Китай, откуда вернулась в июне 1950 г.

В связи с длительной командировкой срок окончания аспирантуры был перенесен на 1953 г.

Ее научным руководителем в аспирантуре был один из родоначальников отечественного востоковедения — Н.И. Конрад. 23 февраля 1953 г. Галина Дмитриевна защитила диссертацию на тему «Котоку Дэндзиро как публицист (К истории прогрессивной японской публицистики начала XX в.)». С сентября 1953 по июль 1959 г. работала ассистентом на кафедре японской филологии восточного факультета ЛГУ, она вела занятия по разговорному японскому языку и читала спецкурсы «Демократические писатели послевоенной Японии» и «Творчество современного прогрессивного писателя Исикава Тацудзо». Ею было подготовлено учебное пособие «Хрестоматия образцов японской послевоенной прогрессивной литературы». В 1959 г. Галина Дмитриевна перешла на научную работу в Ленинградское отделение Института востоковедения, и в том же году вышла из печати ее первая монография «Котоку — революционер и литератор». А в 1962 г. ей было присвоено звание младшего научного сотрудника. С 1963 по первый квартал 1965 г. включительно занималась обработкой Сахалинского фонда, в соавторстве с О.П. Петровой и В.Н. Гореглядом подготовила к печати второй выпуск «Описания японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг» (М., 1964).

Галина Дмитриевна до конца жизни работала в Институте. За это время она стала одним из ведущих специалистов в области литературы и общественной мысли Японии 1900–1920 гг. Ее исследовательская работа была высоко оценена в Японии: вышло

несколько благожелательных рецензий на ее книгу «Дело об оскорблении трона», на японском языке были опубликованы некоторые главы из этой книги. Она была лично знакома со многими известными историками и литературоведами в Японии, где ее хорошо знали и уважали. Она не порывала связей с кафедрой японской филологии востфака ЛГУ, неоднократно выступала официальным оппонентом на защите кандидатских диссертаций.

В 1972 г. Г.Д. Иванова приняла участие в работе I Международной конференции японоведов, на которой выступила с докладом.

Галина Дмитриевна известна как высокопрофессиональный переводчик художественной литературы, в частности произведений Мори Огай. В ее переводе вышли также сочинения Исикава Тацудзо «Похититель велосипедов» (сборник «Рассказы писателей Востока»), Сига Наоя «Серая луна», Исикава Тацудзо «Пережиток прошлого», Кита Морио «Муж и карманник», Кисаба Дзюн «Цветы зла», Ханива Сакураку «Все, что осталось» (сборники «Восточная новелла», «Красная ракушка»), Абэ Кобо «Вторжение» (сборник «Современная восточная новелла»), Фудзимори Сэйкити «Старик».

Завершая плановую тему «Арисима Такэо в кругу современников», Галина Дмитриевна открыла для себя новое направление научной деятельности — русские в Японии в конце XIX — начале XX в. Она одной из первых стала собирать материал и публиковать статьи о Л.И. Мечникове (1838–1888), Н.К. Судзиловском-Русселе (1850–1930), Р.А. Кебере (1848–1923), И.Д. Касаткине (архиепископ Николай) (1836–1912) и других эмигрантах. Эти незаурядные люди оставили глубокий след в истории российско-японских культурных связей. Кроме того, сами эмигранты публиковали статьи в дореволюционной России, Швейцарии и других европейских странах. Галина Дмитриевна предполагала защитить по этой теме докторскую диссертацию. Она успела опубликовать монографию «Русские в Японии XIX — начало XX в.» и статью «Японцы в российском Приморье (1900-е гг.)» в сборнике «Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 10». Кроме того, она планировала сделать перевод «Летописи воспоминаний» Токутоми Рока, а также написать научно-популярную книгу «Киото — тысячелетняя столица Японии». Но неизлечимая болезнь нарушила творческие планы. 9 августа 1999 г. она ушла из жизни, оставив глубокий след в сердцах коллег, последователей, учеников и друзей, завещав им свои книги и статьи.

Незадолго до смерти, в 1998 г., во время празднования 100-летия кафедры японской филологии восточного факультета СПбГУ Г.Д. Иванова выступила с последним в своей жизни публичным докладом «Сиракаба — литературное объединение и журнал (1910–1923 гг.)». До самых последних дней своей жизни она продолжала работать.

Галиной Дмитриевной было написано около 50 научных работ, в том числе девять монографий. Шесть из них были изданы:

1. Котоку — революционер и литератор. М., 1959.
2. Дело об оскорблении трона. Демократическое движение в Японии 90-х годов, его герои и литература. М., 1972.
3. Краткая история литературы Японии. Курс лекций (в соавторстве с Д.П. Бугаевой и Е.М. Пинус). Л., 1975. Ею были написаны разделы по Новому и Новейшему времени.
4. Мори Огай. М., 1982.
5. Мори Огай. Дикий гусь. Танцовщица. Перевод, вступительная статья, комментарий. М., 1992.
6. Русские в Японии XIX — начало XX в. М., 1993.

Еще три книги ждут издателя:

1. Арисима Такэо в кругу современников (рукопись объемом 15 а.л.).
2. Литература и идеология Японии Нового времени (рукопись объемом 20 а.л.).
3. Идеино-художественная жизнь Японии периода Тайсё (рукопись объемом 15 а.л.).

Мори Огай. Избранные произведения. СПб., 2002. Вступительная статья в этой книге «Мори Огай и его время» написана Галиной Дмитриевной.

Отрадно, что ее работы продолжали выходить и после кончины.

В.Ю. Климов

Анна Зиновьевна Розенфельд

(1910–1990)

Анна Зиновьевна Розенфельд родилась в г. Александровка (совр. Запорожье). В 1932 г. окончила Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ). В 1939 г., после защиты диссертации по теме «Говоры Каратегина» ей была присвоена ученая степень кандидата филологических наук, а в 1966 г. она стала доктором филологических наук.

За время своей долгой и весьма плодотворной научной и педагогической карьеры Анна Зиновьевна работала во многих академических учреждениях — в Институте востоковедения АН СССР (1937–1941, 1945–1950), Институте языка и литературы Тадж. ФАН СССР (1941–1943, 1953–1955). С 1947 по 1985 г. она была преподавателем Восточного факультета ЛГУ (доцентом с 1958 г. и профессором с 1968 г.). В 1943–1945 гг. Анна Зиновьевна работала сотрудником пресс-бюро Посольства СССР в Иране. Помимо русского и украинского языков владела таджикским, персидским, английским и немецким. Ею издано около 200 работ, в том числе множество монографий. Она была награждена медалями СССР.

Сфера научно-педагогической деятельности А.З. Розенфельд отмечена особым разнообразием, а ее интересы с трудом поддаются строгой классификации. Однако в них четко выделяются три главных направления: научная деятельность, педагогическая и литературно-переводческая (естественно, все три тесно перекликались между собой).

Среди научных достижений Анны Зиновьевны следует особо отметить ее вклад в изучение таджикского языка и диалектологии. С Таджикистаном ее связывало многое, и прежде всего глубокий интерес и любовь к этому краю, его языку и культуре — любовь, которая передавалась каждому беспристрастному ее слушателю, будь то студент, аспирант или коллега. В области диалектологии Анна Зиновьевна считала себя представительницей школы видного ленинградского ираниста и исследователя иранских языков и диалектов — И.И. Зарубина. Значительное место в ее трудах занимали говоры Южного и Юго-Восточного Таджикистана, основательно изученные ею и описанные в серии монографий и статей, среди которых назовем «Дарвазские говоры таджикского языка» (Труды ИЯз, 1956), «Говоры Каратегина» (Сталинабад, 1960), «Ванджские говоры таджикского языка» (Л., 1964), «Бадахшанские говоры таджикского языка» (Л., 1971). Собранные фольклорные материалы на дарвазском диалекте

вошли в сборник на таджикском языке: «Намунаҳои фольклори Дарвоз (Образцы дарвазского фольклора)» (Душанбе, 1962).

Итогом многолетней работы А.З. Розенфельд в области таджикской диалектологии явился ценнейший труд — «Таджикско-русский диалектный словарь (Юго-Восточный Таджикистан)» (Л., 1982), содержащий 6000 слов. Его основу составили полевые записи, которые Анна Зиновьевна вела на протяжении пятидесяти лет. Словарь включает в себя также лексику из публикаций по диалектологии, этнографии и фольклору Бадахшана, Ванджа, Дарваза, Каратегина, Куляба. Учитывая неразрывную лингвистическую связь между Южным и Юго-Восточным Таджикистаном, с одной стороны, и Афганистаном — с другой, он является незаменимым справочным трудом по диалектологии не только Таджикистана, но и Афганистана, а также Ирана. Однако интересы Анны Зиновьевны в области иранского языкознания не ограничивались лишь исследованием отдельных таджикских говоров или групп говоров, но включали в себя и разработку общетеоретических проблем. Из-под ее пера вышли и такие труды, как «Материалы к исследованию сложно-составных глаголов в современном таджикском литературном языке. Очерки по грамматике таджикского языка, вып. 1» (Сталинабад, 1953), «Глагол: (Очерки по таджикской грамматике). Вып. 1» (Сталинабад, 1954), «Таджикско-персидские языковые отношения: Словообразовательные суффиксы» // Востоковедение. Вып. 5 (Л., 1977) и др.

А.З. Розенфельд являлась также крупным специалистом по таджикской и персидской литературах. Она подготовила полный научный перевод (с послесловием и комментарием) крупнейшего памятника таджикской литературы XX в. — романа С. Айни «Воспоминания» в четырех томах. Основоположнику новеллистического жанра в Иране известному писателю Садеку Хедаяту (1903–1951) Анна Зиновьевна посвятила целый цикл работ — переводов, творческих характеристик, библиографических обзоров. Состояние и тенденции развития художественной прозы 40-х годов прошлого столетия она описала в нескольких статьях, предметом особого исследования выделив интереснейшую проблему влияния русских и советских писателей — Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького на процессы становления персидской художественной прозы. Анна Зиновьевна выступила пионером в разработке вопроса русско-персидских литературных связей. Эта тематика нашла отражение в таких работах, как «А.П. Чехов и современная персидская литература» (в Сборнике памяти акад. И.Ю. Крачковского. Л., 1958), «Проза Пушкина на персидском языке: Переводы „Капитанской дочки“» (Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991) и др. Интересные наблюдения о взаимовлиянии персидской и европейской литератур легли в основу ее статьи об истории сюжета «Сердце матери».

На педагогической деятельности, которой Анна Зиновьевна Розенфельд посвятила всю свою жизнь, следует остановиться особо. Она самозабвенно служила на ниве преподавания на восточном факультете и относилась к этому с необычайным трепетом, будучи педагогом с большой буквы. Про Анну Зиновьевну можно было сказать, что «она родилась, чтобы преподавать». Студенты ее никогда не утомляли; строгая и чрезвычайно требовательная, она их очень любила. У нее была даже тетрадь, в которой она на протяжении нескольких десятилетий отслеживала судьбу каждого из них. Многим своим ученикам Анна Зиновьевна помогала в устройстве на работу по окончании университета. Широта ее профессиональных и человеческих познаний позволяла ей вести самые разные курсы — от таджикского языка, диалектологии и литературы до художественного перевода. Последнее, несомненно, было обусловлено ее громадным опытом литературного перевода и необычайно тонким чутьем русского языка.

Анна Зиновьевна Розенфельд ушла из жизни в 1990 г. Ее, чрезвычайно активную и глубоко вовлеченную в жизнь общества, очень печалило за год до смерти, что она утратила способность читать и поэтому не могла следить за литературой, которой в годы перестройки зачитывалась вся страна. Вскоре после ее кончины распался СССР. Казалось, вместе с ней ушла в прошлое целая эпоха, с которой было неразрывно связано ее самозабвенное служение науке и людям. Ученики и коллеги Анны Зиновьевны помнят ее всегда.

Ю.А. Иоаннесян

Ольга Ивановна Смирнова

(1910–1982)

Иранист О.И. Смирнова родилась 14(27) июня 1910 г. в Петергофе в семье военноморского врача (ум. в 1930 г.), мать работала преподавателем. В 1928 г. О.И. Смирнова окончила ленинградскую школу № 34 и поступила на чертежные курсы. С 1929 г. она в качестве вольнослушательницы посещала лекции ученых-востоковедов А.А. Фреймана, А.А. Ромаскевича и В.В. Бартольда на Восточном факультете ЛГУ. В 1930–1934 гг. училась в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) на отделении лингвистики, цикл иранский. По окончании ЛИФЛИ О.И. Смирнова некоторое время (1934–1935 гг.) работала в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа над ближневосточным нумизматическим материалом под руководством заведующего Отделом А.А. Быкова. В марте 1935 г. О.И. Смирнова была принята на работу в Иранский кабинет Института востоковедения АН СССР в Ленинграде на должность младшего научного сотрудника. С того времени и до конца жизни (за исключением нескольких лет вынужденной эвакуации военной поры) вся ее научная деятельность была связана с нашим академическим учреждением.

Первые годы работы молодого сотрудника Иранского кабинета были отмечены разнообразием научных направлений и особым напряжением сил. Под руководством А.А. Фреймана О.И. Смирнова занималась подборкой материалов для иранского этимологического словаря, под руководством А.А. Ромаскевича вместе с другими коллегами участвовала в подготовке к изданию перевода и критического текста «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, в коллективном труде «Материалы по истории туркмен и Туркмении». К юбилею поэта Низами О.И. Смирнова была занята подготовкой к публикации его произведений, одновременно проводила выборку материалов для таджикско-русского словаря. С 1938 г. началась ее работа над дешифровкой и подготовкой к изданию согдийских монет из коллекции Государственного Эрмитажа.

С середины сентября 1941 г. до марта 1942 г. О.И. Смирнова работала сиделкой в подшефных госпиталях. В марте 1942 г. она была эвакуирована на Северный Кавказ. С августа 1942 г. по февраль 1943 г. находилась на оккупированной противником территории. После освобождения Северного Кавказа некоторое время работала преподавателем средней школы. В августе 1943 г. по вызову от Института востоковедения АН СССР, эвакуированного в Ташкент, вернулась на работу в Иранский кабинет. Там в сентябре 1943 г. она приступила к дешифровке и подготовке к изданию согдийских монет собрания Художественного музея. В 1944–1945 гг. О.И. Смирнова и Н.Д. Мик-

лухо-Маклай работали по совместительству в Институте по изучению восточных рукописей АН Узбекской ССР, принимая участие в подготовке каталога восточных рукописей. В должности и.о. старшего научного сотрудника О.И. Смирнова работала над описанием персидских рукописей собрания этого института и подготовкой к изданию критического текста «Истории Бухары» Наршахи.

В 1945 г. О.И. Смирнова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Согдийские нумизматические материалы как источник истории Средней Азии предисламского периода». Краткое изложение диссертации было напечатано в журнале «Советское востоковедение» за 1949 г. В послевоенные годы ее научные интересы были сосредоточены на двух главных направлениях: изучении истории Согда и классической текстологии. Для решения первой задачи она исследовала согдийские и куфические монеты, согдийские хозяйственные документы с горы Муг, сведения средневековых арабских и персидских хроник о мусульманских завоеваниях в Средней Азии. О.И. Смирнову по праву можно считать основателем новой отрасли нумизматики — согдийской. Она — автор «Каталога монет с городища Пенджикент» (1963), «Сводного каталога согдийских бронзовых монет» (1981), многочисленных аналитических статей, посвященных характеристике монетных собраний и кладов. Ее занятия текстологией реализовались в переводе и критическом издании 1-го тома «Сборника летописей» Рашид ад-Дина (1952), подготовке к изданию первых трех томов «Шах-наме» Фирдоуси (вышли в 1961–1963 гг.) и «Истории Бухары» Наршахи.

О.И. Смирнова умерла в январе 1982 г. Она оставила после себя более 80 научных работ и не менее десятка учеников, работающих в среднеазиатских республиках бывшего СССР и в России.

А.И. Колесников

С.М. Прозоров

Научное исламоведение в контексте исламского образования в России

Будучи сотрудником специализированного востоковедного академического института, я вот уже более сорока лет занимаюсь «классическим» исламоведением. Кроме того, на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета много лет читал со студентами-магистрантами оригинальные арабо-исламские тексты разных жанров и школ и два спецкурса лекций по составленным мной программам — «Введение в исламоведение» и «Ислам как идеологическая система». И в течение всего этого времени мое отношение к исламу не зависело от идеологической конъюнктуры в стране. Это дает мне моральное право высказать некоторые соображения о проблемах научного академического исламоведения и исламского образования в России.

Прежде всего необходимо внести ясность в содержание понятия «научное», или «академическое», исламоведение. Его отличают:

- 1) широта источниковедческой базы, опора на оригинальные арабографичные сочинения, контекстно-исторический подход к содержащимся в них сведениям;
- 2) владение понятийным аппаратом ислама, передающим специфику и общие принципы этой религиозной системы;
- 3) методологический подход к изучению ислама как самодостаточной идеологической системы, общие принципы которой лежат в основе многообразия форм их истолкования.

Крупнейшие представители российской школы научного исламоведения — В.В. Бартольд (1869–1930), А.Э. Шмидт (1871–1939), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Е.Э. Бертельс (1890–1957), И.П. Петрушевский (1898–1977).

Академическое исламоведение не занимается критикой ислама, тем более атеистической пропагандой, его задача — предоставлять российскому обществу непредвзятую информацию об исламе и духовных ценностях и ориентирах его последователей.

Научное исламоведение и исламское образование в России могут и должны быть союзниками в преодолении невежества в обществе в отношении ислама. Алгоритм здесь простой: вера без знаний слепа, а невежество — питательная среда для фанатизма, для нетерпимости по отношению к инакомыслящим. Чем меньше человек знает, тем легче его убедить в истинности внушаемой ему мысли. Пропаганда «исключительности», «совершенства» ислама провоцирует несведущих мусульман к конфронтации с теми, кто не разделяет их взглядов.

Идеализация ислама за счет искажения его истории не может принести тех плодов, на которые рассчитывают официальные или самозванные «защитники» ислама. Пример с комментариями к недавно опубликованному переводу Корана на русский язык, в котором утверждается, что текст «Священного Корана» был отредактирован самим Мухаммадом. При этом сохраняется традиционная версия об «Османовой» редакции

Корана. Автора этих комментариев не смущает абсурдная ситуация, чтобы халиф решился «править» текст, отредактированный самим Пророком.

Абсолютизируя толерантность ислама, его «защитники» умалчивают о том, что сам Мухаммад менял свое отношение к иноверцам, в частности к иудеям. История распространения ислама знает немало примеров далеко не толерантного отношения властей не только к внешним «врагам», но и к инакомыслящим внутри мусульманской общины (например, к му'тазилитам, аш'аритам, хариджитам и т.д.).

В последние два десятилетия в России изданы комментированные переводы Корана на русский язык, подготовленные последователями ислама, незнакомыми с переводческими традициями российской арабистики и научного исламоведения. В основе идеологической позиции авторов таких переводов и комментариев лежит идеализация ислама, идея его превосходства как самой совершенной и универсальной религии. Эти задачи мусульманские авторы решают не только путем внесения в коранический текст дополнений в виде соответствующих определений, но и путем недопустимой подмены текста Корана его расширенным толкованием.

В результате такого вмешательства стирается грань между сакральным текстом Священного Писания и его целенаправленной интерпретацией, которая на протяжении веков менялась в зависимости от объективных и субъективных факторов. В мусульманской экзегетике находили отражение новые реалии мусульманского мира, историко-культурные традиции мусульманских народов, региональная специфика, приверженность авторов разным богословско-правовым школам и течениям ислама и т.д.

Идеология не существует сама по себе, ее формируют и реализуют люди, и «что посеешь, то и пожнешь». Стремление «обелить», «подправить» ислам ссылкой на «ошибочное» толкование отдельных *айатов* Корана средневековыми мусульманскими богословами тоже лукавство и претензия на то, что нынешние толкователи Священного Писания знают истинный смысл его содержания. При этом они «забывают» (сознательно или по невежеству), что мусульманская экзегетика существует уже более 13 веков, в ходе которых представители ее многочисленных школ написали тысячи томов, посвященных толкованию Корана. И, как известно, ни одна из экзегетических школ не стала господствующей в исламе и признанной во всем мусульманском мире.

Идеализация ислама как самой совершенной и толерантной религии и фактическое противопоставление его другим религиям не способствуют сложению позитивного образа последователей ислама в немусульманской среде и созданию атмосферы реальной толерантности в российском обществе. Конфронтационная позиция проповедников ислама (выражения вроде «враги ислама», «злопыхатели ислама» и т.п.), их претензии на «избранность» и «превосходство» ислама над другими религиями и верованиями (например, размещенный на сайте tatarlar.spb.ru лозунг: «Самая Великая и Истинная Вера во Вселенной это — Ислам! Все татары — часть этой Великой Веры!») порождают в российском обществе тенденцию к отчужденности и разобщенности, провоцируют межэтническую и межконфессиональную напряженность.

Плохую службу в деле просвещения российского общества в отношении ислама оказывает наводнившая книжный рынок печатная продукция на темы ислама, в которой трудно ориентироваться даже более или менее «продвинутому» читателю. К этому следует добавить публикации в Интернете и СМИ. Создается впечатление, что в России «исламоведов» больше, чем мусульман. Авторами этих публикаций и интервью часто выступают носители ученых званий и важных титулов, не являющиеся в сущности профессиональными исламоведами, но бойко и безапелляционно пишущие и

рассуждающие об исламе. Свою лепту в это неблагоприятное дело вносят конъюнктурные политологи, ангажированные публицисты, невежественные «защитники» ислама.

Представители российского научного (академического) исламоведения и мусульманские ученые, служители исламского культа должны исходить из интересов российского общества в целом, заключающихся в том, чтобы их научная и практическая деятельность способствовала комфортному сосуществованию россиян независимо от их вероисповедания и образа жизни. Идеализация ислама и фактическая фальсификация его истории, равно как и антиисламская истерия, не отвечает интересам российского общества.

В качестве одного из шагов на пути возможного сотрудничества представителей академического исламоведения и мусульманских ученых в области исламского образования в России предлагаю свою авторскую программу спецкурса «Ислам как идеологическая система». Количество лекционных часов и семинарских занятий может варьироваться в зависимости от подготовленности аудитории, но для облегчения восприятия концепции этой программы целесообразно использовать ее после прочтения курса «Введение в исламоведение»¹.

Предлагаемая программа не имеет юридического статуса, но она может способствовать формированию более широкого и непредвзятого взгляда на ислам среди студентов, а через них и в российском обществе в целом².

Ислам как идеологическая система

Цели и задачи спецкурса: дать магистрантам конкретное и комплексное представление об исламе, понимание механизма его функционирования как идеологической системы; ознакомить с понятийным аппаратом ислама, с многообразием форм бытования этой религии.

Каждая тема рассматривается не изолированно, не как сумма сведений и фактов, а как составная часть (элемент) идеологической системы ислама.

Спецкурс предусматривает проведение 2–3 *контрольных семинаров* для проверки усвоения материала лекций и умения его излагать. В конце каждой лекции — *экспресс-вопросы* (основные понятия, ключевые слова), на которые студенты должны кратко ответить в письменной форме, *экзаменационные вопросы* (3–4) и *обязательная литература* по теме. По завершении курса лекций магистрантам предлагается 30–35 *экзаменационных вопросов*. Общее лекционное время — 24–28 часов.

Общий план спецкурса

Вводная часть (2 часа)

Основные темы лекций:

I. Специфика ислама как религии (2 часа)

II. «Божественный закон» (*аши-Шари‘а*) и мусульманское богословие (*ал-‘илм ал-илахи*): общая характеристика, структура (2 часа)

¹ *Прозоров С.М.* Классическое исламоведение (Введение в исламоведение). Программа спецкурса лекций для студентов восточного факультета СПбГУ. СПб., 2009, 95 с.

² Разные аспекты этой проблемы рассмотрены в опубликованных мной статьях: Целевая комплексная программа «Ислам в России» // *Oriens/Vосток*. 2004, № 2. С. 107–114; Методологические подходы к переводу Корана на русский язык // Шигабутдин Марджани: наследие и современность / Материалы международной научной конференции. Казань, 15–17 мая 2008 г. Казань, 2008. С. 73–76; Научное исламоведение или апология ислама? (несколько слов об издании комментированного перевода Корана на русском языке) (<http://islamica.orientalstudies.ru/rus/index>) (22.02.2008).

- III. Экзегетика (*'илм ал-Кур'ан ва-тафсирихи*) (2 часа)
- IV. «Наука о Предании» (*ас-Сунна ва- 'илм ал-хадис*) (2 часа)
- V. Методология права (*'илм ал-усул*) (2 часа)
- VI. «Наука о религиозных обязанностях» (*'илм ал-фикх, ал-аркан ал-хамса*) (2 часа)
- VII. Догматика (*'илм ал- 'ака'ид, 'илм ал-калам*) (2–4 часа)
- VIII. Господствующие идеи ислама (2–4 часа)
- IX. Суфизм (*'илм ат-тасаввуф*) как форма истолкования и бытования ислама (2–4 часа)
- X. Ислам как образ жизни мусульман (2 часа)

Тема I. Специфика ислама как религии

Краткий план лекции:

1. Теократический характер правления Мухаммада
2. Три стадии развития ислама
3. Ислам единый, ислам региональный

Экзаменационные вопросы:

Специфика догматико-правовой системы ислама и ее отражение в богословии
Единство и многообразие ислама

Обязательная литература:

Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.

Тема II. «Божественный закон» (*аши-Шари'а*) и мусульманское богословие (*ал- 'илм ал-илахи*): общая характеристика, структура

Краткий план лекции:

1. Понятийный аппарат ислама как религии
2. Зарождение и формирование мусульманского богословия (*ал- 'илм ал-илахи*)
3. Структура мусульманского богословия
4. Специфика ислама и ее отражение в мусульманском богословии
5. Ислам и католицизм

Экспресс-вопросы:

ал-а'мал, ал-ахкам, ал-ахкам аш-шар'ийа, ад-дин ал-ислами, ал-икрар би-л-лисан (би-л-каул), 'илм ал- 'ака'ид, ал- 'илм ал-илахи, 'илм ал-калам, 'илм ал-Кур'ан ва-тафсирихи, 'илм ал-усул, 'илм ал-фикх, 'илм ал-фуру', 'илм ал-хадис, ал-иман, ал-ислам, ал-и'тикад, ал-ихсан, ал-ма'рифа, мутакаллим(ун), 'улама', усул ад-дин, факих/фукаха', *аши-Шари'а/Шари'ат*.

Экзаменационные вопросы:

1. Зарождение и формирование мусульманского богословия
2. Структура мусульманского богословия
3. Специфика ислама и ее отражение в мусульманском богословии
4. Ислам и католицизм

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.

Тема III. Экзегетика (*‘илм ал-Кур’ан ва-тафсирихи*)

Краткий план лекции:

1. Начало и причины зарождения «науки о толковании Корана» (*‘илм ат-тафсир*)
2. Становление жанра историко-филологического толкования Корана (*ат-тафсир*)
3. Зарождение символично-аллегорического (эзотерического) направления в «науке о толковании Корана» (*ат-та’вил*)
4. Классификация коранического текста и попытка компромисса между «буквалистами» и «рационалистами»
5. Эзотерическое толкование Корана
6. Реформистская экзегетика рубежа XIX–XX вв.
7. Роль мусульманской экзегетики в формировании догматико-правовой системы ислама

Экспресс-вопросы:

айат, ал-‘амма, асхаб ал-хадис, ахл ал-батин, ахл аз-захир, ал-‘илм, ‘илм ат-тафсир, ‘илм ал-фикх, ‘илм ал-хадис, куссас, ас-сунна, ат-та’вил, ат-тафсир, ал-хасса

Экзаменационные вопросы:

Мусульманская экзегетика (*‘илм ат-тафсир*) как отрасль богословия

Мусульманская экзегетика: эзотерическое толкование Корана (*ат-тафсир*)

Мусульманская экзегетика: эзотерическое толкование Корана (*ат-та’вил*)

Школы эзотерического толкования Корана

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Р. Белл, У.М. Уотт. Коранистика. Введение. М.–СПб., 2005.

Тема IV. «Наука о Предании» (*ас-Сунна ва-‘илм ал-хадис*)

Краткий план лекции:

1. «Наука о Предании» как отрасль мусульманского богословия
2. Ас-Сунна — легитимный способ и норма толкования Корана
3. Ас-Сунна как источник исламского вероучения
4. Ас-Сунна — источник мусульманского права
5. Ас-Сунна и формирование религиозного культа
6. Ас-Сунна — оружие в идеологической борьбе
7. Место ас-Сунны в духовной жизни и в быту мусульман

Экспресс-вопросы:

ал-асхаб/ас-сахаба, асхаб ар-ра’й, асхаб ал-хадис, иджаза, ‘илм ал-хадис, иснад, матн, мусаннаф, муснад, мухаддис, ас-сунна, табакат, усул ал-хадис, ал-хабар/ал-ахбар, хадис/ахадис

Экзаменационные вопросы:

«Наука о предании» (*‘илм ал-хадис*) как отрасль мусульманского богословия

Ас-Сунна как источник исламского вероучения и права

Место ас-Сунны в духовной жизни и в быту мусульман

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991 (статья: ас-Сунна).

Ислам. Историкографические очерки. М., 1991 (раздел «Хадисы и хадисная литература»).

Хрестоматия по исламу. Составитель и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1994.

Тема V. Методология права ('илм ал-усул)

Краткий план лекции:

1. 'Илм ал-усул как одна из отраслей мусульманского богословия
2. Систематизация и классификация источников права (усул ал-фикх). «Послание» (ар-Рисала) аш-Шафи'и (ум. в 820 г.). Четыре источника права (ал-усул ал-арба'а): ал-Кур'ан, ас-Сунна, ал-кийас («аналогия») и ал-иджма' («согласие»)
3. 'Илм ал-усул и догматика ('илм ал-ака'ид)
4. 'Илм ал-усул и «наука о религиозных обязанностях», вероучение ('илм ал-фикх, ал-аркан ал-хамса)
5. Роль богословско-правовых школ (мазхабов) в узаконении региональной специфики бытования ислама

Экспресс-вопросы:

ал-аркан ал-хамса, ал-иджма', ал-иджитihad, 'илм ал-усул, 'илм ал-фикх, ал-кийас, мазхаб, ал-усул ал-арба'а, усул ал-фикх, фуру' ал-фикх

Экзаменационные вопросы:

Методология права ('илм ал-усул) как одна из отраслей мусульманского богословия
Систематизация и классификация источников (усул ал-фикх) мусульманского права
Роль богословско-правовых школ (мазхабов) в узаконении региональной специфики бытования ислама

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М., 1986.

Тема VI. «Наука о религиозных обязанностях» ('илм ал-фикх)

Краткий план лекции:

1. 'Илм ал-фикх как одна из отраслей богословия (ал-фикх-право, «практическая» религия, аркан ал-ислам, ал-аркан ал-хамса, ислам)
2. Два уровня исламского вероучения. Практика и письменная фиксация единообразия в исполнении религиозных предписаний
3. 'Илм ал-фикх и экзегетика
4. 'Илм ал-фикх и «наука о Предании»
5. 'Илм ал-фикх и догматика. Аш-Шахада («символ веры») — «корень» главных догматов ислама
6. Роль 'илм ал-фикх в идеологической системе ислама: догматико-правовой, этический и социально-политический аспекты
7. Роль 'илм ал-фикх в единении исламского мира

Экспресс-вопросы:

ал-джihad, аз-закат, ал-'ибадат, 'илм ат-таухид, 'илм ал-фикх, ас-салат, ас-саум, ат-та'ат, усул ал-фикх, фуру' ал-фикх, ал-хаджж, аш-шахада

Экзаменационные вопросы:

«Наука о религиозных обязанностях» ('илм ал-фикх) как одна из отраслей мусульманского богословия

Практика и письменная фиксация единообразия в исполнении религиозных обязанностей

Роль 'илм ал-фикх в идеологической системе ислама

Роль 'илм ал-фикх в единении исламского мира

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Тема VII. Догматика (*'илм ал-'ака'ид*, *'илм ал-калам*)

Краткий план лекции:

1. Догматика как одна из отраслей богословия

1.1. Спекулятивная система догматов (*ал-усул ал-хамса*) и догматическое богословие

1.2. *Усул ад-дин* («основы веры») — учение об общих принципах веры и методология догматического богословия

1.3. Учение о единобожии (*'илм ат-таухид*) как идейный стержень догматики

2. Догматика и народные верования

2.1. *'Илм ат-таухид* и обожествление человека

2.2. *'Илм ат-таухид* и вера в потусторонние силы

2.3. Мухаммад — «печать пророков» (*хатам ал-анбийа'*) и последующие выступления претендентов на пророческую миссию

2.4. Эсхатология в богословской литературе и в народных представлениях (воскресение, божий суд, заступничество, рай и ад)

2.5. Мессиянские идеи и махдистские движения: суннитский *ал-махди* и ши'итский *ал-ка'им*

Экспресс-вопросы:

ал-'адл, 'азаб ал-кабр, ал-'акида/ал-'ака'ид, ал-амр би-л-ма'руф ва-н-нахй 'ан ал-мункар, ал-аслах, ал-ахира, ахл ал-калам/ахл ан-назар, ахл ат-таухид ва-л-'адл, ал-ва'д ва-л-ва'ид, ал-васийа, ал-вилайа, ал-джанна, джаханнам, 'илм ал-'ака'ид, 'илм ал-калам, 'илм ат-таухид, йаум ад-дин, йаум ал-кийама, йаум ал-хашр, йаум ал-хисаб, ал-ка'им, ал-калам, ал-кийама, ал-ма'ад, ал-манзила байна-л-манзилатайн, ал-махди, ал-мизан, му'джиза, мутакаллим, ан-нар, ан-нубувва, ар-радж'а, ас-са'а, ас-сират, ас-сират ал-мустахим, ат-танасух, ат-таухид, усул ад-дин, ал-усул ал-хамса, хатам ал-анбийа', аш-шафа'а

Экзаменационные вопросы:

Догматика (*'илм ал-'ака'ид*, *'илм ал-калам*) как одна из отраслей богословия

Основные догматы (*ал-'ака'ид*) ислама

Догматика и народные верования

Обязательная литература:

Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.

Хрестоматия по исламу. Сост. и отв. редактор С.М. Прозоров. М., 1994 (раздел IV. «Догматика. Идейные расхождения в исламе»).

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Тема VIII. Господствующие идеи ислама

Краткий план лекции:

1. Специфика ислама как религии. Теократическое правление Мухаммада

2. Природа верховной власти: раскол (ши'иты, сунниты, хариджиты, догматико-правовые школы, идейные течения), предопределивший идейную борьбу и расхождения в исламе

3. Вера

3.1. Предопределение (*ал-джабр*) или свобода воли (*ал-кадар*)?

3.2. Проблема «истинной» веры (*ал-иман*) и греха (греховности)

4. Единобожие (*ат-таухид*): единство и единственность Аллаха
 - 4.1. Природа божества. Божественная сущность (*аз-зат*) и божественные атрибуты (*ас-сифат*). Антропоморфный (*ат-ташбих*) или абстрактный, трансцендентальный (*ат-та'тил*) Творец? Дуализм исма'илитов (Мировой Разум и Мировая Душа)
 - 4.2. Божественная справедливость (*ал-адл*)
 5. Идея пророчества. Пророческие циклы.
 6. Природа Священного Писания
 - 6.1. Сотворенность (*махлук*) / несотворенность (*гайр махлук*) Корана
 7. «Правоверие» (*ад-дин ал-кавим*) и «заблуждение» (*ад-далал/ад-далала*) в исламе — концентрированное отражение господствующих идей в исламе и расхождений по ним
 8. Мессиянские идеи: суннитский *ал-махди*, ши'итский *ал-ка'им*
 9. Потусторонний мир: рай и ад, воскресение, переселение душ (метемпсихоз)
- Экспресс-вопросы:
- ал-'адл, ал-ахира, ал-бид'а, ад-далал/ад-далала, ал-джабр, ад-дин ал-кавим, аз-зат, ал-имама/имамат, ал-иман, ал-кадар, ал-ка'им, ал-кийама, ал-махди, махлук/гайр махлук, ас-сифат, ат-танасух, ат-та'тил, ат-таухид, ат-ташбих, ал-хилафа/халифат

Экзаменационные вопросы:

Мусульманские концепции верховной власти

Проблема веры: «правоверие» и «заблуждение» в исламе

Предопределение или свобода воли?

Идея единобожия: сущность и атрибуты Аллаха

Обязательная литература:

С.М. Прозоров. Ислам как идеологическая система. М., 2004.

Хрестоматия по исламу. Составитель и отв. редактор С.М. Прозоров. М., 1994.

Тема IX. Суфизм (мусульманский мистицизм, 'илм ат-тасаввуф) как форма истолкования и бытования ислама

Краткий план лекции:

1. Многоликость суфизма:
 - а) «умеренный», монотеистический суфизм;
 - б) «крайний», пантеистический суфизм;
 - в) суфизм «трезвый» и суфизм «опьяняющий».
2. Суфийский «гносис» (*ал-ма'рифат*, *ал-'ирфан*):
 - а) суфийские практики («упражнения»/*рийада*, «уединение»/*хаула*);
 - б) теория «озарения» (*ал-ишрак*);
 - в) экстаз как способ духовного общения (единения) с Богом.
3. Суфизм как особый, мистический путь (*ат-тарика*) познания Бога:
 - а) «состояния» (*ал-ахвал*), «привалы» (*ал-маназил*) и «стоянки» (*ал-макамат*) (лестничные пролеты и площадки многоэтажного дома);
 - б) *ал-фана'* и *ал-бака'* как высшая ступень на пути познания Божественной Истины.
4. Мусульманский мистицизм в идеологической системе ислама:
 - а) суфизм и Священное Писание (экзегетика, 4 уровня коранического текста, трансы как способ раскрытия сокровенного смысла Корана, Коран как закодированная Вселенная);

- б) суфизм и мусульманское Предание;
 - в) суфизм и мусульманское право;
 - г) суфизм и догматика (единобожие);
 - д) суфизм и исламский культ (нормативные предписания).
5. Влияние суфийских учений на религиозную практику мусульман.
- а) учение об «угодничестве» («святости», *ал-валайа*), культ «божьих угодников» («святых», *ал-аулийа*), иерархия «святых»;
 - б) культ пророка Мухаммада (образ «совершенного человека», обладание сверхъестественными знаниями, пророческие чудеса, обожествление).
6. Роль суфиев в формировании регионального ислама.

Экспресс-вопросы:

ал-аулийа', ал-ахвал, ал-бака', ал-валайа, вахдат ал-вуджуд, завийа, аз-зухд, 'илм ат-тасаввуф, ал-инсан ал-камил, ал-'ирфан, ал-ишрак, ал-карамат, кутб, ал-макамат, ал-маназил, ал-ма'рифат, ал-махабба, риджал ал-гайб, ар-рийада, ас-сабр, силсила, ат-таваккул, ат-тарика, ал-факр, ал-фана', ал-хасса, хаула

Экзаменационные вопросы:

Суфизм как особый, мистический путь (*ат-тарика*) познания Бога
 Мусульманский мистицизм в идеологической системе ислама
 Влияние суфийских учений на религиозную практику мусульман
 Роль суфиев в формировании регионального ислама

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
 Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. М.–СПб., 2004.

Тема X. Ислам как образ жизни мусульман

Краткий план лекции:

1. Исламский культ
 - 1.1. Мечеть как исламский культовый храм
 - 1.2. Мечеть как общественное заведение и место обучения
 - 1.3. Богослужение
 - 1.4. Пятничная проповедь (*ал-хутба*)
 - 1.5. Религиозный этикет
2. Система образования
3. Праздники
4. Обряды
5. Семейный этикет

Экспресс-вопросы:

азан, джаназа, ду'а, 'ибадат, лахд, мадраса, мактаб, минбар, михраб, мударрис, мусалла, нафила/навафил, никах, хатиб, хитан, ал-хутба

Экзаменационные вопросы:

Мечеть как исламский культовый храм
 Система образования в исламе
 Мусульманские праздники

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
 Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1973.

И.В. Кульганек,
Т.А. Пан

53-я сессия Постоянной международной алтаистической конференции

25–30 июля 2010 г. в Петербурге в Институте восточных рукописей РАН прошла 53-я сессия Постоянной международной алтаистической конференции (Permanent International Altaistic Conference). Это международное научное сообщество было организовано на XXIV Международном конгрессе востоковедов в Германии в 1957 г. и с тех пор ежегодно проводит свои научные сессии в различных странах мира. Петербургская сессия была третьей в истории ПИАК, проведенной в России (после конференций в Москве в 2005 г. и Казани в 2007 г.). Как и все сессии ПИАК она была посвящена исследованиям в области различных аспектов алтаистики: тюркологии, монголоведения, тунгусо-маньчжуроведения, японистики, корееведения, т.е. востоковедения, включающего исследования по гуманитарным проблемам народов Дальнего Востока, Центральной Азии, Сибири и Евразии. Основной темой очередной, 53-й сессии была «Тайны алтайского мира в книжных коллекциях, музеях и архивах» с целью осветить те материалы, которые еще не введены в научный оборот.

Выбор Института восточных рукописей РАН в Петербурге в качестве места проведения конференции закономерен: в его архивах и рукописных фондах хранятся бесценные материалы по истории и культуре народов алтайского мира. Кроме того, решение провести очередную сессию в городе на Неве свидетельствует о признании больших заслуг и авторитета российских, и в частности петербургских, востоковедов. В предыдущие годы за выдающиеся достижения в области алтаистических исследований целому ряду петербургских ученых (В.И. Цинциус, А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, А.М. Щербак, Л.П. Потапов, С.Г. Кляшторный) была вручена Золотая медаль ПИАК, учрежденная в 1962 г. Университетом Индианы в США.

Главным организатором 53-й сессии ПИАК являлся Институт восточных рукописей РАН, соорганизаторами выступили Государственный Эрмитаж и Фонд восточных культур. Значительную помощь в организации проведения конференции оказал Российский музей этнографии и Генеральное консульство республики Турция в Санкт-Петербурге. Финансовая поддержка была оказана Российским государственным научным фондом, техническая — компаниями «Океан Трейдинг Компани-П», «МБГ» и «The city guides a maps „All you need“».

В работе 53-й сессии приняли участие ученые из Америки, Англии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Китая, Монголии, Норвегии, Польши, России (Владивосток, Кызыл, Москва, Санкт-Петербург, Улан-Удэ), Румынии, Тайваня, Турции, Франции и Японии. Было заслушано 80 докладов.

Пленарное заседание, проходившее в зале театра Государственного Эрмитажа, открыли президент 53-й сессии ПИАК, заведующая Отделом Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН Т.А. Пан и генеральный секретарь ПИАК, профессор

Свободного университета (Freie Universität) Германии Барбара Кельнер-Хайнкеле. С приветственным словом в адрес конференции выступили директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский, генеральный консул Республики Турция в Санкт-Петербурге Немец Чинар, директор Фонда восточных культур В.Н. Блондин. М.Б. Пиотровский сообщил участникам конференции о своем решении предоставить им свободное посещение всех залов Эрмитажа на время работы ПИАК и выразил уверенность, что эта конференция будет столь же успешной, как и предыдущие. С докладом об истории создания Азиатского музея / Института восточных рукописей РАН, о современном состоянии его рукописных фондов, архивов и работе научного коллектива выступила директор Института восточных рукописей РАН И.Ф. Попова. Согласно установленному порядку проведения ПИАК пленарное заседание завершилось так называемым Confession, во время которого каждый участник собрания (более 100 человек) в течение одной минуты представлял себя и свои научные достижения за прошедший год.

Работа сессии проходила по секциям «Религии, верования», «Уйгуроведение, руника», «Монголоведение», «Историография», «Лингвистика», «Коллекции, архивы, археология». Рабочим языком конференции был английский. Было заявлено 93 доклада, прочитано 69 докладов. Из них иностранными коллегами было прочитано 49 докладов, российскими — 20. Большинство докладов вызвали заинтересованные обсуждения и обмен мнениями со стороны коллег. Среди участников были как постоянные члены ПИАК (В.М. Алпатов, Е.В. Бойкова, Т.А. Пан, С.Г. Кляшторный, И.В. Кормушин, Б.Р. Дугаров — из России; А. Шаркози, М. Добрович — из Венгрии; Дж. Стари — из Италии; Б. Келнер-Хайнкеле, О. Корф, Э. Таубе, П. Циме, Х. Валрайвенс, К. Загастер, С. Рашман — из Германии; Ж. Легран — из Франции; Э. Триярский — из Польши; М. Татар — из Норвегии), так и востоковеды, для которых эта конференция стала первой (Д.А. Носов, Н.С. Яхонтова, Н.Г. Пчелин, М.Л. Меньшикова, Л.Ю. Тугушева — из России; Сеченчогт, У Инчжэ, Чжан Дэцзин — из Китая; А. Карлссон — из Швеции).

В секции «Религии, верования», которой руководили Б. Келнер-Хайнкеле и А. Шаркози (Будапешт, Венгрия), были сделаны следующие доклады.

Э. Триярский (Варшава, Польша) рассказал о бурятском шаманизме и буддизме в мемуарах известного польского журналиста, писателя и политического деятеля XIX в. Агатона Гиллера, находившегося в ссылке в Сибири и оставившего после себя интересные исследования по этнографии бурят. Дж. Стари (Венеция, Италия) посвятил свой доклад мистериям «раскрашенных туманов», своеобразному феномену, отмеченному только в ранних маньчжурских хрониках как небесное благословение в войне против местных соседних племен. Д. Функ (Москва, Россия) в докладе «Шорский героический эпос: исследования эпических текстов, записанных самими рассказчиками» остановился на текстах двух рапсонов (С. Тоброков и В. Такнагашев), живших в Южной Сибири в XX в. и принадлежавших к одной из малых народностей, насчитывающей на сегодня 14 тыс. человек. Доклад Ф.А. Туран и Н. Шаман Дагана (Анкара, Турция) «Космическое дерево и отражение его в анатолийском турецком искусстве» был посвящен «дереву жизни». Докладчики остановились на использовании этого символа как элемента архитектуры, а также в народных промыслах и миниатюре. Доклад Б. Келнер-Хайнкеле «Экология. Османские рукописи о ботанике и сельском хозяйстве» был посвящен отражению в османских рукописях вопроса об устройстве садов, парков, разбитых на громадных территориях от Китая до Турции и Индии.

Большой интерес вызвали доклады историографической секции, руководимой Ж. Леграном (Париж, Франция). На этой секции турецкими коллегами было прочи-

тано несколько докладов. Так, доклад В. Дениза (Анталия, Турция) был посвящен недостаточно изученному архитектурному объекту турецкого периода на территории современного Казахстана — Ак Кезене. Доклад И. Бошкурта (Мерсин, Турция) был посвящен записям турецких историков Шерри и Эвкафа, по которым составлен 250-томный каталог по всем аспектам жизни турецкого общества начиная с 1571 г., т.е. времени завоевания Кипра. Картам алтайского мира разного времени, хранящимся в настоящее время в Тифлисе, Баку, Казани, Москве и Санкт-Петербурге, посвятил доклад К.В. Нериманоглу (Стамбул, Турция). На этой же секции были прочитаны доклады: Ф. Гюрером (Анкара, Турция) о неизданной работе В.И. Вербицкого об алтайских инородцах; И.В. Герасимовым (Санкт-Петербург) — об исламе в Республике Монголия и китайской провинции Внутренняя Монголия; Х. Валрайвенсом (Берлин, Германия) — о маньчжурском военачальнике Гэмчугжабе, получившем награды в Цяньлунский период правления в Китае.

На секции «Уйгуроведение, руника» из российских ученых выступили С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), рассказавший о согдийской верхушке енисейского кыргызского государства, и И.В. Кормушин (Москва), сообщивший об одной рунической надписи конца VII в. из Монголии. Л.Ю. Тугушева (Санкт-Петербург) в своем докладе о влиянии письменной формы слова на его произношение рассмотрела ранние средневековые тексты и обратила внимание на то, что корреляция между уйгурской письменной системой и фонетической системой тюркских языков при чтении слов не всегда передает их оригинальные фонетические формы. Она представила ряд примеров подобного отклонения.

Иностранцами учеными были представлены несколько докладов. С. Рашман (Берлин, Германия) рассказала о находках, связанных с «Сутрой Золотого света» и анализом рукописей, находящихся в Турфанском музее, коллекциях Санкт-Петербурга и Берлина. П. Циме посвятил свой доклад содержанию и структуре одного поэтического текста юаньского периода, находящегося в коллекции Н.Н. Кроткова в ИВР РАН и представляющего собой необычную поэтическую поэму, главными персонажами которой являются женщина и монах. Р. Туран и Г. Кибрик (Анкара, Турция) доложили о символике элемента «туг», появившегося в гуннское время, позднее получившего распространение в уйгурском, караханидском, сельджукском, османском государствах и широко используемого в современном тюркском мире.

Лингвистическая секция работала под руководством М. Добровича (Будапешт, Венгрия) и И.В. Кормушина (Москва). Ученые заслушали и обсудили 15 докладов. Ряд их был посвящен проблемам многоязычных рукописей и словарей, например доклад М. Балка (Берлин, Германия) касался универсального словаря немецкого монголоведа энциклопедиста Х. Констена; О. Корф (Берлин, Германия) свое выступление сосредоточил на пятиязычных словарях; Д. Шанг говорил о двух способах обозначения имен существительных в казахском языке; Сеченмунх (Хух-Хото, КНР) — о проведенном им сравнительном анализе пяти наименований домашнего скота в алтайских языках; Й. Сайто (Япония) — об окончаниях в монгольском языке. Ряд докладов касался этнолингвистических проблем, например доклад Ш. Динга (Пекин, КНР) был посвящен изучению языковой модели жителей Китая, говорящих на эвенском языке. Этнолингвистическим материалам Е.Р. Шнейдера, хранящимся в Санкт-Петербурге, был посвящен доклад А.Х. Гирфановой (Санкт-Петербург). О синтаксисе уйгурского языка и произношении слов, написанных киданьским письмом, рассказал Л. Тохти (Пекин, Китай). О родстве монгольского и классического маньчжурского языков, их типологическом сходстве, а также этнографических причинах их сближения говорила Л.М. Горелова (в совместном докладе с М.Р. Орлов-

ской, Москва); о согласных звуках маньчжурского языка был доклад Х. Гуана (Пекин, КНР).

Многочисленной по количеству участников была секция «Монголоведение», руководителями которой были А. Кампи (Блумингтон, США), Е.В. Бойкова (Москва, Россия), Ж. Легран (Париж, Франция). На секции было представлено 15 докладов. А. Кампи в своем докладе об уникальной дипломатической корреспонденции и отчетах, касающихся Монголии и США, находящихся в настоящее время в Национальном архиве и Библиотеке Конгресса Вашингтона, более подробно остановилась на материалах периода пребывания американского консульства в Калгане на севере Китая в 1915–1927 гг., составляющих 5 томов записей старомонгольским письмом, ряд которых касается секретных документов о последнем теократическом правителе Монголии — Восьмом Богдо-гегене. Т. Наками (Токио, Япония) рассказал о харачинской версии рукописи сочинения «Эрдэнийн товч» («Драгоценная история»), копию с которой снял в 10-х годах XX в. и перевел на китайский язык служащий Южно-Маньчжурской железнодорожной компании во Внутренней Монголии Ван Гуочин. В докладе автор остановился на личности переводчика и его друга Лувсанчойдана, оба принадлежали к союзу «Дворец правых знаменосцев». Доклад Улан Дорджигин (Пекин, Китай) «Рукописные копии „Тайной истории монголов“ в Китайской национальной библиотеке» был посвящен характеристике четырех рукописей, их хранению, современному местонахождению, истории их издания. Р. Поп (Бухарест, Румыния) сделала подробный анализ первой монгольской антологии монгольской литературы, составленной в 1959 г. монгольским академиком Ц. Дамдинсурэном и названной им «Сто лучших образцов монгольской литературы». А. Шаркози (Будапешт, Венгрия) в докладе «Словарь Суматиратны», посвященном уникальному монгольско-тибетскому словарю, представляющему собой сочинение на 1000 страницах и имеющему 40 000 статей (изданному Б. Ринчином в 1959 г.), оригинал которого считается для науки утерянным. Монгольским фольклорным материалам в архиве Северо-Вестфальской академии наук, гуманитарных исследований и искусств в Дюссельдорфе в Германии посвятил свой доклад К. Загастер (Бонн, Германия). Он рассказал об истории создания монгольской части архива, выделенной в 1994 г. В. Хайсигом и Ф. Шоттом. Докладчик особо отметил, что каталог фольклорных монгольских материалов находится в настоящее время в печати.

На секции «Монголоведение» фольклорным исследованиям были посвящены выступления двух российских участников: И.В. Кульганек (Санкт-Петербург) рассказала о материалах, хранящихся в Архиве востоковедов ИВР РАН, содержащих афористическую поэзию, Д.А. Носов (Санкт-Петербург) сделал сообщение о сказках из рукописной коллекции ИВР РАН. Новым поступлениям монгольских рукописей в коллекции ИВР РАН был посвящен доклад Н.С. Яхонтовой (Санкт-Петербург); о коллекциях Крымова рассказала Е.В. Бойкова (Москва); по поводу восточных коллекций в Болгарии выступил А. Федотов (София, Болгария). Й. Реккель (Гёттинген, Германия) посвятил сообщение гёттингенской коллекции произведений словесности алтайских народов. Э. Таубе (Берлин, Германия) рассказала о центральноазиатских фольклорных мотивах, имеющих реальные связи с археологическими находками у разных народов. Литературоведческим аспектам были посвящены доклады: В.М. Яковлева (Москва) — о неизвестных источниках юмористических произведений; Б.Р. Дугарова (Улан-Удэ) — о сочинении «Намтар» (биография) тибетского монаха Миларайбы, хранящемся в Бурятии.

Заинтересованное обсуждение вызвали доклады о музейных коллекциях и археологических находках в алтайском мире. З. Анайбан (Москва) рассказала о находках в

кургане «Аршан-2», находящихся в Национальном музее Тувинской республики; Н.Г. Пчелин (в совместном докладе с М.Л. Рудовой) — об искусстве портрета во фресковой живописи в Центральной Азии в X–XI вв.; М.Л. Меньшикова сообщила о неизвестном портрете одного из членов цинской императорской семьи в собрании Эрмитажа; М. Татар (Осло, Норвегия) — о костюме, головном уборе и посохе шамана, находящихся в этнографическом музее в Осло. Доклад С. Татар (Будапешт, Венгрия) был посвящен образу Золотой Тары из частной коллекции в Будапеште.

28 июля 2010 г. участники 53-й сессии ПИАК посетили Российский этнографический музей и познакомились с постоянной экспозицией музея, а также с выставками по Центральной Азии и сибирскому шаманизму. Профессиональный интерес вызвало посещение Особого хранения музея, где представлены произведения ювелирного искусства изучаемых регионов. 29 июля участники конференции были приглашены в Отдел реставрации и хранения Государственного Эрмитажа «Старая деревня», где им была предложена обзорная экскурсия и показано специальное хранилище турфанских фресок, с историей приобретения и реставрации которых познакомил сотрудник Эрмитажа Н.Г. Пчелин. Участники конференции посетили также главную мечеть Санкт-Петербурга.

Работа конференции была отражена в средствах массовой информации. Ей были посвящены информационные блоки на ТВ-100 и НТВ, а также на ряде интернет-сайтов, в том числе на сайте администрации Санкт-Петербурга.

На традиционно проводимом в последний день работы конференции организационном заседании (Business meeting) было названо имя ученого, которого ПИАК награждает Золотой медалью Университета Индианы в 2010 г. По решению Комитета медаль «За научные заслуги в развитии мировой алтаистики» получил ученый из Республики Южная Корея профессор Сеульского университета Сун Бэгнин. Был выбран новый Комитет по присуждению награды за 2011 г. В его состав вошли генеральный секретарь ПИАК Б. Келнер-Хайнкеле, президент 53-й сессии ПИАК Т.А. Пан и постоянные участники ПИАК — Р. Поп (Румыния), Х. Валрайвенс (Берлин, Германия) и К. Загастер (Бонн, Германия). На заседании было объявлено о месте проведения следующей сессии ПИАК. 54-я конференция состоится в Индианском университете в Блумингтоне, США, ее президентом станет профессор Индианского университета А. Кампи.

Прошедшая 53-я сессия Постоянной международной алтаистической конференции дала возможность представить результаты исследований российских и зарубежных востоковедов достаточно широкой международной аудитории. Научный диалог специалистов свидетельствует о высоком уровне современных исследований алтаистов, работающих в разных гуманитарных областях по изучению Центральной, Восточной, Южной, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

Сессия продемонстрировала достижения российских ученых, показала, что по широте и глубине затрагиваемых проблем российские специалисты находятся на мировом уровне. Организаторы 53-й сессии смогли познакомить участников конференции с ценнейшими материалами, относящимися к культуре народов алтайской общности и хранящимися в фондах петербургских музеев. Многоаспектное исследование истории и культуры этих народов имеет большое общечеловеческое значение и направлено в первую очередь на взаимопонимание представителей разных культур и их позитивное сосуществование.

М.И. Воробьева-Десятовская,
Е.П. Островская

**Четвертые Востоковедные чтения
памяти О.О. Розенберга**

15–16 ноября 2010 г. в ИВР РАН прошла ежегодная буддологическая конференция (учрежденная в 2007 г.) — Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. В этом году данное научное мероприятие осуществлялось при финансовой поддержке Президиума РАН.

В организации Чтений-2010 наряду с сотрудниками ИВР РАН приняла участие кафедра теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, где ведется подготовка дипломированных специалистов по истории культуры Востока, включая изучение восточных языков.

В Чтениях-2010 участвовали сотрудники ИВР РАН, ученые вузов Элисты, Самары и Санкт-Петербурга, студенческая молодежь. Были прочитаны 18 докладов и проведена дискуссия, посвященная деятельности санкт-петербургской буддологической школы в 1920-х — начале 1930-х годов.

Традиционной для конференции являлась тематика, связанная с жизнью и деятельностью О.О. Розенберга и историей санкт-петербургской буддологической школы. Вкладу О.О. Розенберга в преодоление европоцентризма в изучении культуры Востока и буддийского письменного наследия посвящался доклад Т.В. Ермаковой «О.О. Розенберг о диалоге культур Европы и Азии».

Путь О.О. Розенберга в изучении китайских переводов трактата «Энциклопедия буддийской канонической философии» Васубандху (IV–V вв.) рассматривался в докладе Е.П. Островской «Прологомены к „Абхидхармакоше“: теоретический вклад О.О. Розенберга».

В сообщении М.П. Биткеева «Методология исследования дхарм О.О. Розенберга в контексте учения о причинности и спасении» обсуждалась перспектива привлечения европейского историко-философского понятийного аппарата для интерпретации буддийских «сотериологических» концепций.

Значительный интерес аудитории вызвали доклады и сообщения, посвященные исследованию буддийских письменных памятников.

В докладе В.Ю. Климова «Правила, регламентирующие поведение японских адептов буддийской школы „Истиной веры чистой земли“ во второй половине XV в.» была дана новая интерпретация письменных источников, характеризующих социальные и религиозно-нравственные позиции одной из ведущих буддийских школ средневековой Японии.

Е.Ю. Харькова прочитала доклад «О трех „великих редакциях“ переводов буддийских текстов на тибетский язык», в котором раскрывались исторические этапы рецепции буддизма в Тибете. Особое внимание она уделила анализу взглядов на эту проблему буддийского ученого XX в. Муге Самтэна Гьяцо, автора первого в истории

тибетского этноса трактата о культуре («Краткий очерк десяти наук»). В докладе был также представлен выполненный автором перевод уникального государственного документа, излагающего кодифицированные в средневековом Тибете принципы передачи буддийской санскритской терминологии лингвистическими средствами тибетского языка.

В сообщении С.Х. Шомахмадова «Некоторые наблюдения над текстом неатрибутированной авадамы из коллекции Ф.Н. Петровского» высказывались гипотезы по вопросу жанровой квалификации одной из буддийских рукописей, добытых в Центральной Азии, — так называемой «Авадамы о гонге», хранящейся в фондах ИВР РАН.

Доклад М.И. Воробьевой-Десятовской «Космос и развитие буддийской философии» был посвящен сравнительному анализу космологической проблематики в буддийской мыслительной традиции Индии, Китая и Японии. Автор доклада уделил внимание также философским воззрениям современного общества «Сока Гаккай Интернешнл», доктрина которого базируется на концепциях, зафиксированных в мега-тексте «Саддхарма-пундарика-сутра» (I в. до н.э. — I в. н.э.).

На конференции были подняты проблемы сравнительной философии и культурологической компаративистики.

С.Л. Бурмистров в докладе «Понятие мистицизма в историографии индийской философии» проследил основные тенденции в развитии европейских и индийских теоретических интерпретаций психотехнического аспекта религиозно-философских систем древней и раннесредневековой Индии.

В докладе И.К. Москвиной «Государственный контроль перемещения культурных ценностей в странах ЕС и России: опыт культурологической компаративистики» проводилось сравнение юридических квалификаций той совокупности культурологических понятий, посредством которой характеризуются историко-культурные ценности и произведения искусства, перемещаемые из страны в страну с целью выставочной деятельности или купли-продажи.

Э.Э. Чистякова в докладе «Влияние восточной эстетики на европейскую художественную культуру XVIII–XX вв.» воссоздала диахронную панораму проникновения эстетических образов и художественных идей народов Дальнего и Среднего Востока в страны Западной Европы и Россию.

А.С. Колесников и Ю.Н. Стрижак, выступившие с докладом «Персоналии диалога культур России и Востока: Э.Э. Ухтомский», раскрыли вехи жизненного пути, круг интересов и направления деятельности одного из предтеч евразийства, старшего современника О.О. Розенберга, князя Э.Э. Ухтомского.

В докладе П.Д. Ленкова «К феноменологии нирваны» обсуждалось введение германским религиоведом Р. Отто понятия «нуминозное» в аспекте применимости этого теоретического конструкта в буддологии.

Е.А. Островская, автор доклада «Транснациональный подход к анализу этнорелигиозных конфликтов (Центральноазиатский узел)», изложила собственную концепцию, направленную на выявление феноменов геополитического соперничества мировых и региональных супердержав в зонах локальных этнических и этнорелигиозных конфликтов. Под этим углом зрения были проанализированы аспекты конфликтного противостояния в Центральной Азии, известные как «тибетская проблема» и «уйгурский вопрос». Рассматривались история формирования транснациональных коммуникативных сетей тибетского буддизма и уйгурского национализма и их текущая консолидированная активность в пространстве глобального гражданского дискурса.

Доклад Б.Л. Четырковой «Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов» посвящался социологическому анализу буддизма как символического

ресурса этнической самоидентификации. Интерпретируя хранящуюся в Архиве востоковедов ИВР РАН экспедиционную документацию монголоведа-буддолога А.М. Позднеева и данные современных социологических опросов, проведенных в Калмыкии и Монголии, Б.Л. Четырова показала, что в отличие от монголов калмыки, исторически претерпевшие утрату родного языка как основы конструирования этничности, считают именно буддизм доминантным ресурсом этнической самоидентификации.

Были представлены на конференции и результаты архивных изысканий. С.И. Марахонова в докладе «Петроградский дневник япониста С.Г. Елисеева из Архива востоковедов ИВР РАН» проанализировала подневные записи современника О.О. Розенберга ученого-япониста С.Г. Елисеева. Отметим, что петроградский дневник С.Г. Елисеева, эмигрировавшего в 1919 г., вызвал живой интерес участников конференции в аспекте реконструкции той драматичной социокультурной ситуации, которая в годы Гражданской войны подтолкнула ряд отечественных ученых-востоковедов к выезду за рубеж.

Т.В. Ермакова в докладе «Документы по деятельности акад. Ф.И. Щербатского в конце 1920-х — 1930-х годах» раскрыла историю создания первого специализированного буддологического научно-исследовательского учреждения — Института буддийской культуры АН СССР и основные направления его работы.

По итогам Четвертых востоковедных чтений памяти О.О. Розенберга запланирована публикация сборника докладов, статей и архивных материалов.

Ю.В. Болтач

Четвертые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»

(пос. Хужир — пгт. Агинское и национальный парк
«Алханай», 3–10 августа 2010 г.)

Конференция «Доржиевские чтения» была впервые проведена в 2004 г. в ознаменование 150-летия со дня рождения Хамбо-ламы Агвана Лобсана Доржиева (1854–1938) — выдающегося бурятского буддиста, ученого и общественного деятеля, основателя Санкт-Петербургского дацана «Гунзэчойнэй». Продолжая традиции, заложенные Агваном Доржиевым и буддологами школы Ф.И. Щербатского, организаторы конференции наметили ее основной задачей расширение и укрепление контактов между представителями академической науки и традиционными буддийскими учеными. По уже сложившейся традиции эта конференция каждый раз проходит в местах, исторически связанных с именем Агвана Доржиева.

Четвертые Доржиевские чтения были организованы под эгидой Буддийской традиционной Сангхи России, Санкт-Петербургского благотворительного общественного фонда «Общество бурятской культуры *Ая-Ганга*», Института восточных рукописей РАН и Администрации Агинского Бурятского округа Забайкальского края. Заседания конференции прошли на о. Ольхон и в национальном парке «Алханай» — в издревле почитаемых бурятами сакральных местах, культ которых (во многом благодаря усилиям Агвана Доржиева и его учителя Намнанэ-ламы) к настоящему времени принял преимущественно буддийский характер.

После регистрации, состоявшейся в Иркутском дацане, участники конференции переехали на место первого заседания — п. Хужир (о. Ольхон). На открытии конференции с приветствиями выступили д.ф.н. И.В. Кульганек (ИВР РАН), Б.Б. Бадмаев (Джампа Доньёд лама, Санкт-Петербургский дацан «Гунзэчойнэй»), Б.Б. Батоев (Беликто лама, Иркутская община Буддийской традиционной Сангхи России), а также представители администрации и культурно-просветительских учреждений п. Хужир. На пленарном заседании прозвучали доклады о социальных функциях обновленного буддизма в современной Бурятии (к.филос.н. Д.Д. Амоголонова, ИМБТ СО РАН) и о документах к истории постройки Санкт-Петербургского дацана (П. Н. Шумкова, СПбГМИСР).

Доклады, представленные на филологической секции, были посвящены духовному наследию буддийской культуры в становлении бурятской литературы (д.ф.н. Е.Е. Балданмаксарова, БГУ), эпитетам буддийской тематики в словаре Суматиратны (к.ф.н. Н.С. Яхонтова, ИВР РАН), *сургалу* «Восемнадцать драгоценных правил» (Н.В. Ямпольская, Бернский университет), буддизму в монгольских народных афоризмах (д.ф.н. И.В. Кульганек, ИВР РАН), роли и характеру сновидений в буддийских жизнеописаниях (К.В. Алексеев, СПбГУ; данный доклад вызвал чрезвычайно

интересный комментарий со стороны настоятеля Иркутского дацана Б.Б. Батоева), коллекциям письменных памятников в Кобдоском и Убсунурском аймаках Монголии (к.ф.н. Э.У. Омакаева, КИГИ РАН), буддийским мотивам в монгольской поэзии (д.ф.н. Л.С. Дампилова, ИМБТ СО РАН), «Ламриму» в монгольской литературной традиции (А.А. Сизова, СПбГУ), *намтару* Намнанэ ламы, составленному Агваном Доржиевым (к.и.н. Д.Г. Чимитдоржин, Агинский дацан «Дэчен Лхундублинг») и первой опубликованной переводческой работе Г.Ц. Цыбикова (к.б.н. П.И. Крылов, СПбГМИСР).

На секции культурологии, этнографии и искусствоведения были сделаны доклады о традиционной культуре в современном мегаполисе как маркере этничности (М.Г. Банаева, МЭФИ), о фольклоре и религии в современной обрядности калмыков (д.ф.н. Е.Э. Хабунова, КГУ; к.ф.н. Э.У. Омакаева, КИГИ РАН), о дарах Далай-ламы к 300-летию дома Романовых (Е.И. Нератова, РЭМ), о проблемах искусствоведческого анализа объектов современного буддийского искусства (к.иск. В.В. Деменова, УрГУ), о буддийских культовых предметах в монгольских коллекциях МАЭ РАН (к.и.н. Д.В. Иванов, МАЭ РАН), об индийском буддизме в коллекциях МАЭ РАН (д.и.н. М.Ф. Альбедиль, МАЭ РАН), о сотериологической функции практик *чань* на примере сакральной живописи (Н.А. Субангулова, УГТУ-УПИ) и об озере Байкал в открытках начала XX в. (Т.Ю. Евдокимова, ИВР РАН).

Участникам конференции была предложена обширная культурная программа, включавшая в себя осмотр Хужирского краеведческого музея, посещение ступы Просветлений на о. Огой и концерт бурятской музыки, а также экскурсию на мыс Хобой — уникальный памятник природы Ольхона.

Затем участники конференции переехали ко второму месту заседаний — в Агинский Бурятский округ Забайкальского края, где их ожидала гостеприимная встреча, организованная администрацией Агинской буддийской академии. Встретившись с ректором В.Л. Чимитдоржиевым (Бабу-ламой), участники Доржиевских чтений провели круглый стол с преподавателями, учащимися, краеведами, административными работниками и представителями общественности поселка Агинское. После официального приема, устроенного администрацией поселка Агинское, участники конференции отправились в национальный парк «Алханай».

В программу второго заседания были включены доклады по секциям философии и истории. Заседание открылось сообщением о сравнительном анализе методологии традиционной тибето-бурятской медицины и современной европейской медицинской науки (В.Л. Чимитдоржиев, Агинская буддийская академия). Затем прозвучали доклады о роли буддийских монахов в глобализирующемся обществе (Лобсан-Норбу Шастри, Центральный университет тибетологии, Варанаси), о религиозно-культурной идентичности буддистов Бурятии (к.соц.н. Н.Ц. Хантургаева, ВСГТУ), об особенностях рецепции буддийских идей в российской культуре конца XIX — начала XX в. (к.филос.н. Т.В. Бернюкевич, ЧитГУ), о влиянии тибетского буддизма на современный бурятский шаманизм (к.и.н. В.А. Беляева, Щецинский университет), о двух документах о путешествии в Тибет I Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Заяева (к.и.н. Ю.В. Болтач, ИВР РАН), об участии забайкальских казаков в центральноазиатских экспедициях XIX — начала XX в. (к.и.н. О.Н. Полянская, БГУ), об истории иркутских дацанов (Е.В. Асалханова, ИрГТУ), о Хамбо-ламе Агване Доржиеве и его сподвижниках из Аги (к.г.н. Ш.С. Дашидондоков, Агинская буддийская академия), о религиозных терминах в бурятских летописных текстах (к.ф.н. Л.Б. Бадмаева, ИМБТ СО РАН), а также об особенностях национально-культурного движения в Санкт-Петербурге на примере деятельности СПб БОФ «Общество бурятской культуры *Ая-Ганга*»

(И.Н. Селиванова, СПб союз журналистов). Члены агинского общественного клуба краеведов «Алтан жаса» сделали сообщения о символике агинских бурят и возрождении агинской породы лошадей (Б.Ц. Батомункин), о конструкции бурятской юрты (У.Ц. Оротова), о начальном этапе истории хори-тумат (Б.Ж. Бальжинимаев) и XIX Пандито Хамбо ламе Жамбал Доржо Гомбоеве (Д.Ш. Эрдынеев). Сотрудники Агинского национального музея им. Г.Ц. Цыбикова выступили с докладами о состоянии буддизма в Агинском округе (Г.Ц. Баиров) и важности сохранения традиционных духовных ценностей для современного общества (Б.Б. Жамсаранов). В заключительной дискуссии приняли участие преподаватель Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» Р.Д. Содномов (Радна-лама) и другие представители Буддийской традиционной Сангхи России.

После завершения заседаний участники конференции осмотрели достопримечательности национального парка «Алханай», а на пути в Улан-Удэ побывали в Читинском дацане «Дамба Брайбунлинг», где встретились с настоятелем Б.Б. Цымпиловым (Баир ламой). В Улан-Удэ прошло официальное закрытие конференции, после чего для всех желающих была организована трехдневная экскурсия в Монголию, включавшая посещение дацана «Гандантэкчелин» и дворца Богдо-гэгэна, а также поездку на место исторического монастыря Манджушри-хит.

По многочисленным просьбам Санкт-петербургских и московских ученых, которые подали заявки на конференцию, но не смогли лично поехать в Бурятию, оргкомитет принял решение провести дополнительное заседание конференции, которое состоялось 29 сентября в ИВР РАН. На этом заседании были представлены доклады о памятниках культуры Центрального Тибета (к.и.н. Е.Ю. Харькова, независимый исследователь), о сложении текста *Nagaropamasūtra* (д.и.н. М.И. Воробьева-Десятовская, ИВР РАН) и о традиционном буддийском искусстве в современном Непале (к.п.н. Н.И. Неупокоева, независимый исследователь). Участникам заседания был показан вновь созданный музей ИВР РАН, а также продемонстрированы уникальные материалы из рукописного фонда Института.

За шесть лет, прошедших со времени проведения первых Доржиевских чтений, эта конференция из локального научного события превратилась в международный научный форум, привлекающий внимание не только отечественных, но и зарубежных ученых. На ее заседаниях обсуждаются актуальные темы, связанные с жизнью и деятельностью Агвана Доржиева, с отношениями между буддизмом, государством и обществом в современном мире, с модернизацией и традиционализмом буддизма в условиях процесса глобализации, с проблемами возрождения буддийской традиции в России, а также с научными экспедициями в буддийские регионы, полевыми исследованиями, хранением и изучением буддийского рукописного, книжного и архивного наследия. Конференция открывает путь к взаимообогащающему конструктивному диалогу между традиционными буддийскими учеными и представителями академического востоковедения, а также глубоко заинтересованными в изучении и сохранении национальной духовной культуры представителями местной интеллигенции. Участие в Доржиевских чтениях предоставляет ученым из различных регионов уникальную возможность непосредственного знакомства с историческими местами, хранящими память о развитии буддизма на территории нашей страны. Предложенная организаторами концепция конференции в целом представляется весьма перспективной, и поэтому было бы в высшей степени желательно дальнейшее сохранение традиции проведения этого научного мероприятия.

О.А. Воднева

**Ежегодная научная сессия ИВР РАН
«Изучение письменного наследия народов Востока
как основа классического востоковедения»**

состоялась 29 ноября — 1 декабря 2010 г. На семи секциях было заслушано 86 докладов, из них четыре доклада — на пленарных заседаниях

В работе Сессии приняли участие исследователи из Санкт-Петербурга (Государственный Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Независимый русско-арабский культурный центр, Библиотека АН, Петербургский центр библеистики и иудаики, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская национальная библиотека), Москвы (Институт востоковедения РАН, Институт проблем экологии и эволюции РАН), Великого Новгорода (Новгородский государственный университет), Казани (Институт востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета), а также Калмыкии (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН), Дагестана (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН), Абхазии (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии). В рамках Сессии были проведены заседания, посвященные юбилейным и памятным событиям: 80-летию со дня рождения М.И. Никитиной (1930–1999), 100-летию со дня рождения И.Д. Амусина (1910–1984), памяти В.В. Кушева (1927–2001).

На двух пленарных заседаниях выступили к.и.н. А.К. Аликберов, д.и.н. Ю.Л. Кроль, д.и.н. С.Г. Кляшторный, д.и.н. М.И. Воробьева-Десятовская.

Д.и.н. Ю.Л. Кроль в докладе «К вопросу о теме вина в культуре Дальнего Востока» раскрыл значение этого культа в истории древнего и средневекового Китая. Д.и.н. М.И. Воробьева-Десятовская в докладе «В.В. Григорьев — географ, историк» осветила вклад российского ориенталиста Василия Васильевича Григорьева (1816–1881) в изучение ландшафта, культуры и истории Центральной Азии.

По сложившейся традиции заседания Сессии проходили по отделам.

Доклад д.и.н. Е.И. Кычанова «Период многих письмен в Китае (X–XIII вв.)» был посвящен проблеме многоязычия малых народов в истории средневекового Китая, изобретению новых письмен на территории Китая — киданьского, тангутского, чжурчжэньского и письма пагба-ламы в XII в. Этой актуальной проблеме китайские ученые сейчас уделяют большое внимание.

Средневековому Китаю был посвящен доклад д.и.н. В.М. Рыбакова «Подкуп избирателей по-тански: манипулирование общественным мнением как уголовное преступление по законам китайской династии Тан», основанный на анализе статьи уголовного кодекса «Тан люй шу и», предписывающей наказания для чиновников, которые самоуправно побуждали подведомственное местное население ставить в свою честь хвалебные памятные стелы.

В докладе В.П. Зайцева «Неизвестная рукопись из китайского фонда ИВР РАН» были представлены результаты анализа языка и письма рукописи, показаны пути дальнейшего ее исследования.

К.М. Богданов в докладе «Проблема выявления тангутских текстов из собрания ИВР РАН, напечатанных методом подвижного (наборного) шрифта» показал, что в XII в. наборный шрифт широко использовался в тангутском государстве, в отличие от сопредельного китайского государства.

Периоду династии Цин XVIII в. был посвящен совместный доклад к.и.н. Т.А. Пан и к.и.н. Н.Г. Пчелина о четырех портретах маньчжурских генералов, хранящихся в запасниках Государственного Эрмитажа. Н.Г. Пчелин осветил роль европейских художников-иезуитов в создании дворцовых портретов в период правления императора Цяньлуна, Т.А. Пан остановилась на целях создания портретов выдающихся военачальников, участвовавших в военных кампаниях по завоеванию Восточного Туркестана в 1755–1759 гг.

В докладе Д.В. Киселева «Русская дипломатическая разведка в Маньчжурии в конце XIX — начале XX в. (по материалам Архива внешней политики Российской империи)» были изложены события истории Китая Нового времени, когда России удалось сформировать сеть представительств, находившихся под общим руководством миссии в Пекине.

К.и.н. Р.Н. Крапивина сделала доклад «Об изучении IV главы Абхисамаяаланкара („Украшение из постижений“)\», в котором показала значение этого текста при обучении пути махаяны.

К.и.н. К.Г. Маранджян рассказала о коллекции японских ксилографов из собрания отдела БАН при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН.

Т.А. Черная рассказала о выдающемся ботанике, основателе японской коллекции Ботанического института, в докладе «Карл Иванович Максимович — исследователь флоры Дальнего Востока».

К.и.н. В.Ю. Климов в докладе «Письменный памятник „Житие высокоумного Рэннэ“» дал характеристику памятника, указал время его создания и показал влияние внутривосточной обстановки на его содержание.

Доклад Д.Г. Кикнадзе «Монах глазами простого народа по рассказам „Удзи сюй моногатари“, XIII в.» касался восприятия буддийского монашества простыми мирянами, разделения монахов на типы «праведный подвижник, целитель и чудотворец» и «монах-грешник, псевдомонах».

Хранящимся в фонде ИВР РАН японским описаниям о. Хоккайдо и его населения был посвящен доклад В.В. Щепкина. Сравнивая содержание двух рукописей, докладчик проследил изменения представлений японцев об айнах на протяжении XVIII в.

Ф.В. Кубасов выступил с докладом «Свиток с изображением Кусуноки Масасигэ из коллекции цесаревича Николая Александровича Романова в собрании МАЭ РАН».

Специальное заседание Отдела Дальнего Востока было посвящено памяти Марианны Ивановны Никитиной (1930–1999), которой в 2010 г. исполнилось бы 80 лет. Заседание прошло совместно с преподавателями Центра корееведения Восточного факультета СПбГУ. О научной работе М.И. Никитиной рассказала д.и.н. А.Ф. Троцевич, остановившись на значении научного открытия М.И. Никитиной о Женщине-солнце, родоначальнице корейцев. О преподавательской деятельности М.И. Никитиной рассказала старший преподаватель Восточного факультета СПбГУ А.А. Гурьева. В докладе А.Ф. Троцевич «Корейские любовные истории XV–XVI вв. (типы персонажей и модели поведения)» была показана разница представлений о любви в европейской и дальневосточной культурах.

Доклад к.и.н. Ю.В. Болтач был посвящен культу гор в Корее и Бурятии и основан на полевых этнографических материалах, типах сакральных объектов, формах их почитания, а также продемонстрировал процесс буддизации этого культа.

Одно из заседаний Отдела Древнего Востока было посвящено 100-летию со дня рождения крупного ученого — библеиста и кумраниста И.Д. Амусина (1910–1984), сотрудника отдела в 1960–1974 гг.

В докладе д.филос.н. И.Р. Тантлевского «Вклад И.Д. Амусина в интерпретацию кумранских пешарим (комментариев на пророческие книги)» были проанализированы работы этого известного российского кумраниста, посвященные комментариям на книги пророков Наума (4QpNah), Осии (4QpHos A) и Исаяи (4QpIsA).

Доклад д.и.н. С.М. Якерсона «Подношение вельможе. О вновь обнаруженном фрагменте Псалмов в собрании ИВР РАН» был посвящен фрагменту Книги Псалмов на древнееврейском языке (шифр: D 105). По мнению докладчика, анализ палеографических и кодикологических особенностей текста достаточно убедительно позволяет датировать отрывок второй половиной XIII — началом XIV в. и локализовать регионом Ашкеназ (Германия, Северная Франция). Исключительно интересной представляется дальнейшая история фрагмента и в первую очередь период его бытования в Крыму в середине XIX в.

К.А. Битнер в своем докладе «Значение кумранских текстов для понимания „Песен раба Господня“ в книге Исаяи» показал, что человек, который переписывал большой кумранский свиток пророка Исаяи (1Q Isa a), был не только переписчиком, но и редактором, и экзегетом.

В докладе А.Г. Маштаковой «Новое исследование о Мелхиседеке» была рассмотрена проблема происхождения апокрифа в монографии К. Бётриха «История Мелхиседека» (Christfried Boetrich. Geschichte Melchisedeks // Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit. Neue Folge. Bd. 2. Lief. 1. 2010).

Главный вывод, сделанный д.и.н. Ю.Б. Циркиным в докладе «Финикия и проблема предэллинизма», состоит в следующем: в Передней Азии, в частности в Финикии, еще до завоевания Александром Македонским финикийское общество начинает входить в общесредиземноморский мир, в котором ведущую роль играла Греция.

В докладе д.ф.н. И.Т. Каневой «Вставные предложения (на материале литературных текстов новошумерского периода, XXII в. до н.э.)» было показано, что необычная позиция вставных предложений — перед основным — связана с опущением поясняемого члена основного предложения, выраженного личным местоимением.

В докладе к.ф.н. Г.Х. Каплан «К употреблению претерита и перфекта в младовавилонских текстах» приведены новые данные, подтверждающие факт влияния разговорного аккадского языка I половины I тыс. до н.э. на письменные памятники этого периода.

Доклад М.А. Рединой «К вопросу о Bīt PN в касситских хозяйственных документах» был посвящен рассмотрению термина Bīt PN «дом имярек», часто встречающегося в касситских текстах: кудурру, письмах, а также хозяйственных документах.

Л.О. Смирнова в докладе «Вступительная часть текстов призм Ашшурбанипала» выделила компоненты и особенности каждого фрагмента.

М.М. Юнусов в докладе «Ранние источники по истории Финикии» представил краткий обзор эпиграфических и археологических данных по истории Восточного Средиземноморья с XV по X в. до н.э. — монументальные надписи египтян, Амарнский архив, записи египетских путешественников, угаритские хозяйственные документы, анналы ассирийских царей, образцы первых текстов на финикийском языке.

В рамках проведения Сессии в Отделе Ближнего и Среднего Востока состоялось заседание, посвященное памяти выдающегося ираниста В.В. Кушева (1927–2001). В докладе к.и.н. О.А. Водневой «В.В. Кушев и коллекция рукописей на пушту ИВР РАН» были отмечены достижения ученого в области изучения рукописного наследия пуштунов.

К.ф.н. Ю.А. Иоаннесян в докладе «Владимир Васильевич Кушев (1927–2001)» отметил, что В.В. Кушев впервые в отечественной науке исследовал особенности рукописной книги на языке пушту, раскрыл ряд важных аспектов истории сложения письменности этого языка, становления и развития его литературной формы.

Д.и.н. О.П. Щеглова в докладе «Принципы публикации текста классических произведений в персоязычных литографированных изданиях в Иране и Индии» на примере литографских публикаций суфийской поэмы «Маснави» Джалал ад-Дина Руми во второй половине XIX в. показала способы осуществления изданий в Иране и Индии. По данным О.П. Щегловой, иранские издатели поэмы большее внимание обращали на текст памятника и дополняли его конкордансом стихов, индийские публикаторы в большей степени стремились разъяснить значение стихов устаревших слов.

В докладе А.И. Колесникова «Новые публикации иранских ученых о сасанидском Иране» сделан обзор новых публикаций молодых иранских историков, живущих и работающих за рубежом, Т. Дарьяи и П. Пуршариати. Их научные интересы сосредоточены на исследовании проблем доисламского (сасанидского) Ирана.

Доклад д.ф.н. З.А. Юсуповой «Письменные памятники как источник изучения курдского языка» был посвящен результатам сравнительно-синхронного описания языка двух литературных памятников на диалекте горани — «Диван» Маулави (XIX в.), «Диван» Вали-Девана (XVIII в.), позволившим сделать вывод: грамматический строй и лексика обоих памятников в целом идентичны, что подтверждает статус горани как литературного языка.

В докладе д.и.н. С.А. Французова «Хадрамаут на расулидской карте начала XIV в.» рассмотрена карта «страны аш-Шихра и Хадрамаута», представленная в справочнике по налогообложению Йемена за полный год, который был составлен в правление султана ал-Малика ал-Му'аййада Да'уда б. Йусуфа (1296–1321). Напрашивается вывод о том, что эффективный контроль Расулидов ограничивался хадрамаутским побережьем, а внутренние районы этой области лишь формально признавали их власть, посылая установленные подати, но не допуская расулидских сборщиков налогов и иных представителей на свою территорию.

В своем докладе «Содержание среднеперсидских и парфянских манихейских фрагментов из Центральноазиатского фонда ИВР РАН» д.ф.н. О.М. Чунакова рассказала об истории сложения фонда и о посвященных ему публикациях К. Залемана и В. Зундермана. Фрагменты Центральноазиатского фонда ИВР РАН могут быть использованы для изучения взаимосвязи и взаимовлияния разных версий и для реконструкции манихейских сочинений.

Доклад к.ф.н. Э.С. Русиновой «Первый европеец в Аравии (XVI в.)» посвящен описанию путешествия на Восток итальянца Лодовико ди Вартемы (ок. 1470 — 1517), который в 1502 г. покинул Европу и после долгих приключений посетил Мекку и Медину.

Б.Д. Халатян в докладе «Ибн ал-Азрак ал-Фарики и его сочинение „История Май-афарикина и Амида“» подробно описала структуру и содержание сочинения выдающегося арабского историка раннего средневековья, привела некоторые факты из его биографии.

В докладе к.ф.н. Л.Ю. Тугушевой «Формант (V)γ, (V)γ (V)z в древнетюркских текстах» был рассмотрен один из важнейших классификационных признаков древних тюркских языков.

Доклад к.и.н. Д.В. Рухлядева «Коллекция эстампажей А.В. Адрианова в Рукописном собрании ИВР РАН» посвящен изучению коллекции эстампажей из Минусинского края, Хакасии и Тувы выдающегося русского исследователя Сибири, археолога, этнографа, собирателя древних памятников письменности А.В. Адрианова (1854–1920).

В докладе Д.А. Носова «Структура повествования монгольской народной волшебной сказки» были представлены итоги исследования устных сказок монголоязычных народов с использованием разработанной В.Я. Проппом «тридцатиоднофункциональной» схемы повествования.

К.и.н. А.В. Витол в докладе «Турецкое пророчество Дж. Савонаролы» сообщил данные о европейских планах «мщения за взятие Константинополя в 1453 г.».

Доклад к.ф.н. Н.С. Яхонтовой был посвящен сопоставлению монгольского сочинения «Сутра, дающая счастье» из собрания ИВР РАН (шифр Е 75) со знаменитой «Сутрой Золотого блеска». По мнению Н.С. Яхонтовой, сочинение «Сутра, дающая счастье» состоит из двух частей, из которых первая (значительно меньшая по объему) является сокращенным вариантом первой главы средней версии «Сутры Золотого блеска», тогда как вторая часть отношения к «Сутре Золотого блеска» не имеет.

К.филос.н. Т.В. Ермакова в докладе «Дискуссия о бурято-монгольских дацанах 1932 г. (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН)» на основе архивных материалов восстановила методологические предпосылки и политический контекст изучения буддийских монастырей Бурятии в 1930-х годах.

К.ф.н. В.П. Иванов в докладе «Прана в практиках индийских недвойственных тантр» раскрыл понимание термина «прана» (жизненная энергия) в традиционных практиках ортодоксальных индийских школ, провозглашавших абсолютное тождество индивидуального сознания — атмана и Брахмана — вселенского Абсолюта.

В докладе И.Р. Катковой «Малайские письма из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН» была дана характеристика важнейшей части коллекции Н.П. Лихачева и представлен палеографический анализ документов из состава данного собрания.

В докладе к.и.н. С.И. Марахоновой «Новые архивные материалы С.Г. Елисеева» были представлены неизвестные ранее документы по преподавательской деятельности выдающегося япониста.

Д.филос.н. Е.П. Островская в докладе «Понятие „абхидхарма“ в интерпретации Васубандху (IV–V вв.)» проанализировала термин «абхидхарма» в аспектах буддийской религиозной доктрины, культовой практики и санскритской комментаторской традиции.

Доклад Е.В. Столяровой «Титулатура Вишну в ведийских источниках» был посвящен изучению раннего этапа формирования номенклатуры имен индуистского бога Вишну.

К.и.н. Е.Ю. Харькова в докладе «Три редакции переводов с санскрита тибетских буддийских текстов» показала, что в период стандартизации переводческой деятельности в Тибете был разработан образец передачи санскритской терминологии путем морфологического конструирования новых слов и транскрибирования.

В докладе к.и.н. С.Х. Шомахмадова «История изучения „Аджитасена-вьякараны“» были кратко изложены ключевые моменты в истории изучения текста «Аджитасена-

вьякарана-нирдеша-нама-махаяна-сутра», относящегося к так называемым прото-махаянским сутрам: история обнаружения обеих версий (хотанской и гильгитской), а также основные вехи в исследовании данного памятника буддийской нарративной литературы.

На заключительном заседании директор ИВР РАН д.и.н. И.Ф. Попова подвела итоги, отметила активное участие в Сессии аспирантов, соискателей и молодых ученых Института.

Украшение из постижений. I–III главы. Изучение пути махаяны в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Перевод с тибетского, предисловие, введение и комментарии Р.Н. Крапивиной. — СПб.: Наука, 2010. — 738 с.

«Украшение из постижений» (санскр. *Abhisamayalankara*, тиб. *Mngon rtogs rgyan*) принадлежит к числу ключевых текстов индо-тибетского буддизма. Значимость данного сочинения очевидна из того, что его авторство традиционно приписывается бодхисаттве Майтрее, а также из того, что этот трактат принят в качестве базового учебного пособия по курсу *праджняпарамиты* в классической монастырской системе образования. По своему содержанию этот памятник представляет собой комментарий к «Двадцатипяти тысячной Праджняпарамита-сутре», в котором систематически излагается учение о пути махаяны и последовательно намечаются основные этапы его йогического освоения. Текст «Украшения из постижений» отличается крайней лаконичностью формы при предельной глубине и насыщенности содержания, и поэтому на протяжении тысячи с лишним лет своего существования он неоднократно комментировался различными деятелями индийского, тибетского и монголо-бурятского буддизма. Кроме того, с начала XX в. «Украшение из постижений» стало предметом изучения буддологов европейской школы: Ф.И. Щербатского, Е.Е. Обермиллера, Э. Конзе и др.

В монографии Р.Н. Крапивиной гармонично сочетаются академический европейский и традиционный тибетский подходы к исследованию текста. Книга, представляющая собой первый том из запланированной трехтомной серии, охватывает три из восьми глав «Украшения из постижений». Помимо обычных элементов классической источниковед-

ческой работы (публикации тибетского текста памятника в сопровождении комментированного русского перевода, обширной исследовательской статьи, библиографии и русско-тибетско-санскритского глоссария) монография включает в себя русский перевод тибетского устного комментария к «Украшению из постижений» — тридцати трех лекций традиционного буддийского ученого *геше-лхарамбы*¹ Чжамьяна Кенцэ (1927–2006) из Гоман-дацана монастыря Дрэпун², которые были прочитаны им для группы европейских слушателей, уже имеющих теоретическую подготовку в области буддийской логики и теории познания³. Зафиксировав и опубликовав текст этих лекций, Р.Н. Крапивина сделала достоянием науки уникальные сведения, которые раньше были доступны лишь узкому кругу носителей буддийской образованности, сохранявших и поддерживавших устную комментаторскую традицию — исторически гораздо более мощную и информативную, чем традиция письменная. Перевод лекций снабжен подробным субкомментарием, включающим в себя расшифровку упоминаемых в тексте лекций специальных

¹ *Геше-лхарамба* — высшая ученая степень в буддийской системе образования.

² Дрэпун — крупнейший монастырь-университет традиционного Тибета. После 1959 г. часть его преподавателей и учащихся бежала в Индию. В заново отстроенном монастыре они сохранили и продолжили традиции классического буддийского философского образования.

³ Обучение в тибетских монастырских школах традиционно начиналось именно с курса логики и теории познания, после чего учащиеся переходили к курсу *праджняпарамиты*, основанному на тексте «Украшения из постижений». Перевод упомянутых лекций *геше-лхарамбы* Чжамьяна Кенцэ по логике см.: Ум и знание. Традиция изучения теории познания в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Автор-составитель, переводчик с тибетского Р.Н. Крапивина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

терминов, а также детальные библиографические отсылки.

Книга Р.Н. Крапивиной может представлять значительный интерес для буддологов, философов, культурологов, а также всех интересующихся историей и философией буддизма.

Ю.В. Болтач

«Повесть о втором советнике Хамамацу (Хамамацу-Тюнагон моногатари). Дворец в Мацура (Мацура-мия моногатари)». Перевод, предисловие и примечания В.И. Сисаури — М.: Издательство «Наталис», 2010. — 364 с.

За последнее десятилетие наше представление о японской литературе эпохи Хэйан очень расширилось и подверглось серьезному переосмыслению. Если раньше единственной художественной вершиной эпохи считался знаменитый роман «Гэндзи моногатари», то сегодня мы получили возможность познакомиться с другими отнюдь не менее интересными произведениями того периода. Мы имеем в виду, конечно, выполненные В.И. Сисаури великолепные русские переводы таких памятников, как «Уцухо-моногатари» (2004), «Сагоромо моногатари. Такамура моногатари» (2007) и, наконец, вышедший в этом году перевод еще двух повестей — «Хамамацу-Тюнагон моногатари» и «Мацура-мия моногатари». Эти сочинения показали, что творение прославившейся в веках придворной дамы Мурасаки Сикибу генетически было связано с другими произведениями повествовательного жанра *моногатари*, ничуть не уступавшими ему ни занимательностью, ни качеством литературного материала. Причем сначала переводчик представил перевод «Повести о дупле (Уцухо-моногатари)», предшествовавшей «Повести о Гэндзи», а затем обратился к позднехэйанским текстам, испытывавшим на себе влияние повествования о блистательном принце.

До сих пор эти повести были почти неизвестны не только рядовому читателю, но и специалистам. Справедливости ради скажем, что их названия были упомянуты в книге «Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций» В.Н. Горегляда, однако в ней автор скорее стремится познакомить читателей с неизвестными ему сочинениями,

ограничившись кратким пересказом их содержания и не рассматривая их в контексте литературного процесса.

«Повесть о втором советнике Хамамацу», приписываемая кисти дочери Сугивара Такасуэ, представляет особый интерес для исследователей, поскольку в некотором роде является хрестоматийным текстом, в котором сквозь все повествование проходит мотив зыбкости грани между сном и бодрствованием. По словам известного американского исследователя У. ЛаФлёра, для буддистов «наше обычное противопоставление двух типов сознания, четко разделенного на категории реальности и сновидения, было неадекватным, иллюзорным само по себе»¹. Размытость границы между сном и явью, откровения, полученные в сновидении, полноценность реальности, воспринимаемой бодрствующим сознанием и во сне, отражали утонченные философские споры в хэйанских буддийских кругах о соотношении иллюзорного и действительного. Конечно, «Хамамацу моногатари» далеко не единственное произведение, в котором в художественной форме снимается противопоставление двух миров. Мотив реальности, уподобленной «мимолетному сну» (на художественном языке оппозиция *уцуцу* и *юмэ*), в изобилии встречается в хэйанской прозе и поэзии, но именно в этом произведении он становится столь важным композиционным элементом повествования, решительно уничтожая все грани между разными измерениями существования.

Еще одна особенность «Хамамацу моногатари», выделяющая эту книгу из прочих дошедших до нас сочинений той поры, — описание путешествия и жизни в Китае главного героя. Конечно, реальное путешествие на материк было сопряжено со многими опасностями, и позволить его себе мог далеко не каждый. Более того, постоянного сообщения и регулярных контактов не было (во всяком случае, такая картина вырисовывается из истории второго советника Хамамацу, страдающего от невозможности связаться сначала со своими близкими на родине, а потом с оставшейся в Китае возлюбленной). Любопытно, что автор повести, конечно в самом Китае не бывавший, предлагает своим читателям образ Китая, увиденный через ки-

¹ ЛаФлёр У. Карма слов. Буддизм и Япония в средневековой Японии. М., 2000. С. 12.

тайскую поэзию и живопись. Не случайно в примечаниях переводчик не раз указывает на «нереальность» географической траектории и самого героя и иных персонажей. Как и в случае с японской поэзией, читатели имеют дело с воображаемой «культурной» географией, сложившейся на основе художественной традиции. Ничего удивительного в этом феномене нет — широко известно, что и в самой Японии существует устоявшийся набор таких географических точек, восхищение которыми обязательно для любого культурного и пишущего человека. Отсюда, кстати происходит и традиция «повторных» путешествий поэтов, отправляющихся в путь по стопам своих знаменитых предшественников по поэтическому цеху.

Для большинства читателей повести образ заморского Китая, знакомого по стихам популярного в Хэйан (IX–XII вв.) Бо Цзюйи (772–846), был весьма далек от реальности и в большой степени был обязан воображению, так что он вполне мог претендовать на статус своего рода «зазеркалья», притом что никто не подвергал сомнению факт безусловного существования Китая. В этом смысле путешествие в Китай главного героя можно уподобить путешествию в страну сновидений, обладающей не меньшей реальностью, чем знакомый и осязаемый наяву мир. Если взглянуть на повествование о втором советнике Хамамацу в этой перспективе, то вся повесть представляет собой одну огромную метафору, рассказывающую о жизни человека, протекающей в двух плоскостях «сновидения» и «реальности».

Второе произведение, включенное в книгу, — «Дворец в Мацура» не может не заинтересовать читателя хотя бы потому, что его автором считается один из самых почитаемых японских поэтов, исследователей и теоретиков литературы, Фудзивара Тэйка (1162–1241). Это сочинение относится к позднейхэйанским текстам и содержит в себе элементы, предвосхищающие литературу новой эпохи, когда в центре литературных произведений оказываются не любовные перипетии придворных аристократов, а воинские доблести и заслуги представителей воинского сословия. Конечно, пока что героем «Дворца в Мацура» по-прежнему остается аристократ Удзитада, совершающий путешествие в Китай, но в отличие от советника Хамамацу,

встретившего в Китае не только новое воплощение своего отца, но и новую возлюбленную, наш герой проявляет себя в заморской стране как доблестный воин. Картина военного противостояния сторонников императрицы и повстанцев кажется нам одной из кульминационных в повести и явно вызывает у современного читателя ассоциации с более поздними воинскими повествованиями *гунки*, характерными для XII–XIII вв. Как пишет В. Сисаури, «Мацура-мия моногатари» испытала на себе большое влияние «Повести о дупле» и «Повести о советнике Хамамацу» (путешествие в Китай, любовь к китайской императрице, избранность героя и передача ему тайной музыкальной традиции и пр.), и в то же время автор рисует сцены не только военных действий, но и справедливого правления китайской императрицы, «в идеальном портрете» которой исследователь видит «скрытую критику современных автору правителей» (с. 27). Не оспаривая эту точку зрения, добавим, что в этом описании можно усмотреть и элементы «исторических повествований» (*рэкиси моногатари*), получивших распространение в конце эпохи Хэйан.

Правильнее было бы сказать, что эта повесть показывает, как постепенно начинает меняться модус японской литературы, постоянно колеблющейся между двумя полюсами — лирическим и историческим, попеременно сменяющими друг друга.

Выход новой книги переводов В. Сисаури завершает знакомство отечественной аудитории с наиболее значительными памятниками хэйанской литературы и требует корректировки принятого в нашей науке понимания особенностей литературного процесса в Хэйан и пересмотра отношения к роли и месту романа «Гэндзи моногатари» в контексте современных ему *моногатари*.

Надо признать, что этот прорыв в изучении раннесредневековой литературы Японии стал возможен сегодня благодаря усилиям одного человека — блистательного переводчика и исследователя В.И. Сисаури. Профессиональный японист по образованию, большую часть своей жизни он был вынужден преподавать русский язык, но не потерял интереса к японистике, занимаясь изучением японской словесности вне академической среды. Выполненные им переводы отличаются великолепным русским слогом, тщательностью и

точностью в передаче смысла оригинального текста; при этом он никогда не утаивает от читателей непонятные места, специально оговарив их в сносках. Они сопровождаются подробными комментариями, высокое качество поэтических переводов, глубина аналитических размышлений, высказанных в предисловиях к представленным повестям. Рецензируемая книга читается легко и увлекательно, не оставляя у читателя ощущения архаичности текста и уничтожая огромную временную дистанцию, отделяющую нас от той эпохи.

Есть единственное замечание, которое хотелось бы адресовать переводчику. В повестях прозаический текст перемежается со стихотворениями, как правило написанными в жанре *танка*. Однако на с. 170 и с. 245 приведены стихотворения, число строк которых превышает принятые для перевода танка пять. И если во втором случае в примечании оговаривается, что это «роэй» (обозначение музыкального жанра) и мы понимаем, что здесь приводится стихотворение на китайском языке, хотя переводчик не объясняет значение термина (а ведь совсем не обязательно, что

читателями будут профессиональные японисты!), то в первом случае совершенно непонятно, почему стихотворение содержит шесть строк. Без сомнения, эти мелкие упущения легко устранить, что, как мы надеемся, и будет сделано при переиздании. К сожалению, общее впечатление от этой замечательной книги несколько портит большое количество опечаток, по-видимому пропущенных по недосмотру издательства. Хотелось бы надеяться, что в следующем издании этот недостаток будет исправлен.

Вклад, внесенный В. Сисаури в отечественную японистику, столь велик, качество выполненных им переводов столь отменно, что его по праву можно считать одним из наиболее выдающихся переводчиков и интерпретаторов литературы периода Хэйан. Не сомневаюсь, что имя В. Сисаури уже вошло в историю японоведения наравне с именами таких выдающихся ученых и переводчиков литературы, как А.Е. Глускина, Н.И. Конрад, В.Н. Маркова и др.

К.Г. Маранджян

Олег Федорович Акимушкин

(17.02.1929 — 31.10.2010)

Конец 2010 г. выдался очень тяжелым для мировой иранистики в целом, а для российской и петербургской в частности. Один за другим в Санкт-Петербурге ушли из жизни трое замечательных людей, оставивших глубокий след не только в науке, но и в памяти своих коллег, учеников, родных и близких. Одним из них был Олег Федорович Акимушкин...

О.Ф. Акимушкин родился в г. Пенза 17 февраля 1929 г. В 1930 г. его родители, мать — Михайлова Ольга Ивановна (1905–1979) и отец — Акимушкин Федор Семенович (1900–1977), переехали в Ленинград. Отец поступил в Политехнический институт и впоследствии стал ведущим специалистом в стране в области котлотурбиностроения. Мать долгие годы проработала на киностудии «Ленфильм» на разных административных должностях.

Великую Отечественную войну встретил в городе. Эвакуироваться семья просто не успела из-за начавшейся блокады Ленинграда. Летом 1942 и 1943 гг. он, как и большинство школьников, участвовал в разного рода общественных работах и в ноябре 1943 г. был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В 1948 г. началась студенческая жизнь Олега Акимушкина. Он поступил на первый курс иранского отделения Восточного факультета ЛГУ. Трудно сказать, чем можно было объяснить такое решение. Но в 1947–1948 гг. многие тогдашние мальчишки хотели стать дипломатами. В те годы на уроках истории в школе очень много говорилось о дипломатии и ее роли в истории. По-видимому, это и повлияло на выбор О. Акимушкина. В 1953 г. он окончил университет, получив диплом «с отличием» (так называемый «красный диплом»). Его дипломная работа была посвящена вопросам литературы Ирана XIX в. Ученым советом факультета он был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения. Но в 1953 г. в аспирантуру Института был огромный конкурс, проходивший в Москве, который О.Ф. Акимушкин не прошел, несмотря на успешно сданные экзамены.

Однако в декабре 1953 г. ему предложили место лаборанта в Секторе восточных рукописей Института востоковедения. Сама судьба распорядилась так, что эта вакансия определила вектор его дальнейшей научной работы, связав его с восточными рукописями, всестороннему изучению которых он отдал все свои годы работы в Институте. Уже через полгода он был привлечен к участию в крупном коллективном проекте, касавшемся сбора материала из восточных источников по истории киргизов и Киргизии. Для него этот проект был непосредственно связан с комментированным переводом извлечений по теме проекта из персидских хроник XV в., хранящихся в рукописной коллекции Института (полностью прочитано 9 хроник, из них отобрано к переводу 5). В этот же период он впервые приступил к переводу хроники по истории Кашгарии *Тарих-и Махмуд Чурас*, которая спустя годы легла в основу его кандидатской диссертации.

Но подлинной школой для молодого ученого стало участие в следующем коллективном проекте, охватывавшем всю ираноязычную рукописную коллекцию Института. Университетское образование не давало подготовки для работы над средневеко-

выми рукописями, поэтому ему все пришлось начинать буквально с нуля! Основной задачей проекта поначалу было составление аннотированного списка, который уже затем трансформировался в краткий каталог персидских и таджикских рукописей («Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Краткий алфавитный каталог». Под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. Ч. 1–2. Москва: Наука, 1964. Репринт: N. Y.: N. Ross Publishers, 1998. Vol. I–II). Реализация этого проекта вместе с составлением указателей заняла у авторского коллектива почти пять лет (1957–1962). Конечно, практическая работа в научном коллективе дала возможность О. Акимушкину впитать опыт своих старших и маститых коллег. Прежде всего это касается О.И. Смирновой (1910–1982) — в области персидской текстологии и перевода, И.П. Петрушевского (1898–1977) и Н.Д. Миклухо-Маклая (1915–1975) — в области палеографии и манускриптологии. Однако выбранный с самого начала правильный алгоритм в работе обеспечил ему приобретение собственного, а потому более ценного опыта и навыков. Он сразу занялся библиографией и методично продолжал заниматься ею всю жизнь, составляя не только личные картотеки опубликованных работ разных авторов, но и учитывая многие интересные с разных точек зрения рукописи в мировых собраниях (имена каллиграфов, места и даты переписки, заметки владельцев, приписки о стоимости рукописей и т.д.). Эти картотеки очень помогли ему в дальнейшем. О.Ф. Акимушкиным было подготовлено более одной трети каталога и указателей. Затем свыше восьми месяцев у него ушло на несколько редакторских корректур всего каталога и включенного в него Дополнения.

Наряду с работой над каталогом О.Ф. Акимушкин занимался описанием рукописей сборников стихов и альбомов с миниатюрами, писал статьи и рецензии, выполнял обязанности ученого секретаря Иранского кабинета и ученого секретаря Института по международным научным связям, а также в составе правительственной делегации вместе с В.В. Кушевым (1927–2001), в будущем ученым-афганистом мирового уровня, успел более полугодя проработать в Афганистане (сентябрь 1960 — апрель 1961), следуя обычной практике тех времен, когда молодые ученые по различным контрактам и от разных организаций выезжали в качестве переводчиков на работу в страны изучаемого языка для обретения навыков языкового общения. Для молодых переводчиков эта была очень тяжелая и ответственная поездка с представителями ряда министерств СССР, которые обследовали материальные ресурсы Афганистана, занимаясь планированием экономики этой страны. Переводить надо было сразу, на слух, а именно такой разговорной практики в университетском курсе обучения было чрезвычайно мало. Оба успешно справились с этой задачей. Потом были и другие поездки уже в Иран, как в качестве переводчика, так и с научными целями для изучения рукописей в различных собраниях. Но, по словам самого О.Ф. Акимушкина, это были «цветочки» по сравнению с тяжестью работы в Афганистане.

При таком огромном объеме просмотренных и каталогизированных рукописей, когда каждая из них досконально изучалась со всех сторон, неудивительно, что специализация по персидской рукописной книге и всему, что с ней связано, начиная от переплета и бумаги и заканчивая каллиграфией и изящными миниатюрами, стала одной из первых, с которой началось формирование в дальнейшем непревзойденного специалиста в стране и авторитетного эксперта за ее пределами. Помимо статей, посвященных средневековым персидским миниатюрам, каллиграфам и переплетчикам, библиотекам, структуре книжных мастерских-скрипториев и т.д., из коллективных работ того времени, в которых О. Акимушкин участвовал как уже сформировавшийся профессионал, стоит отметить:

«Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии XVI–XVIII вв.», совместно с Т.В. Грек, Л.Т. Гюзальяном, А.А. Ивановым (М.: ГРВЛ, 1962).

«Персидская миниатюра XIV–XVII вв. в ленинградских собраниях», совместно с А.А. Ивановым (М.: Наука, 1968).

А также большой раздел в изданном позже труде «Персидская рукописная книга» (который был подготовлен в рамках одноименного коллективного проекта «Рукописная книга в культуре народов Востока»), где отражен весь опыт, накопленный им в ходе изучения и исследования рукописей (М.: Наука, 1987. С. 330–406).

Именно исследование персидских рукописей, включая их содержательную часть, стало тем фундаментом, на котором происходило становление О.Ф. Акимушкина как крупного специалиста в области истории, истории культуры и литературы Ирана, Центральной Азии, Восточного Туркестана. С 1966 г. на Восточном факультете ЛГУ О.Ф. Акимушкин начал читать курсы лекций: «Мусульманская палеография», «История персидской рукописной книги», «История Тимуридов» и вести спецсеминар «Источники эпохи Тимура».

В 1970 г. О.Ф. Акимушкин успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме, над которой начал работать еще в конце 50-х годов и по которой спустя шесть лет после защиты им была опубликована монография — Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. «Хроника» / Критический текст, перевод с перс., комментарии, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина (М.: Наука, 1976), — впоследствии переведенная на английский и уйгурский языки, а совсем недавно переизданная (СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010). Не лишним будет сказать, что оба оппонента на защите диссертации отметили, что она заслуживает присуждения докторской, а не кандидатской степени, настолько тщательно она была выполнена (и это при отсутствии научного руководителя).

В связи с повышением интереса в обществе к проблемам ислама в конце 1980-х годов в Институте была создана межсекторальная группа по исламоведению, куда вошел и О.Ф. Акимушкин. Ее усилиями был подготовлен и издан первый в стране энциклопедический словарь-справочник «Ислам» (М.: ГРВЛ, 1991), в котором ему принадлежит несколько десятков статей по иранскому суфизму. В них отражена история, теория и практика суфийских братств, функционировавших на территории Ирана, Турции, Центральной Азии, Афганистана и Индии. Позднее этой же группой под руководством С.М. Прозорова был инициирован международный проект «Ислам на территории бывшей Российской империи», в котором О.Ф. Акимушкин также принял активное участие и результатом которого стало издание одноименного словаря (М.: Восточная литература, 2006. Т. 1). В последние годы благодаря широкому и активному участию О.Ф. Акимушкина в подготовке и сопровождении выставок образцов каллиграфии и миниатюры рукописного собрания, имевших колоссальный успех в странах Европы и в США, еще более возрос авторитет Института в качестве мирового центра востоковедения, хранилища сокровищ духовной и материальной культуры народов Востока.

За годы работы в Институте О.Ф. Акимушкин опубликовал свыше двухсот семидесяти научных работ, в том числе шесть монографий, редактировал ряд востоковедных исследований, входил в состав редколлегий научных журналов и книжных серий в СССР, России и за рубежом. Выступая в качестве ответственного или научного редактора в какой-либо монографии, он неизменно проявлял характерную для него деликатность, вмешиваясь в авторский текст лишь по фактическим вопросам там, где текст того требовал, и всегда оставляя за автором право выбора стиля изложения и интерпретации материала. Последний, но далеко не полный перечень его работ опубли-

ликован в книге «Средневековый Иран: Культура. История. Филология» (СПб.: Наука, 2004), которая представляет собой сборник ранее изданных статей. Они были подобраны им самим и с годами не утратили научной ценности, так как по большей части основывались на глубокой проработке рукописного материала.

В течение последних десятилетий О.Ф. Акимушкин читал на Восточном факультете СПбГУ курс оригинальных лекций по исламскому мистицизму. Для университетов страны это был вообще первый опыт такого рода лекций, который и сейчас немногие в состоянии качественно повторить. Одновременно он преподавал персидский язык, занимался со студентами нескольких кафедр, готовил в Институте аспирантов, успешно защищавших диссертации. Ряд его бывших аспирантов ныне плодотворно работают в научных учреждениях Санкт-Петербурга, Москвы, республиках Средней Азии и Закавказья.

Более тридцати лет он заведовал Сектором Среднего Востока, а также возглавлял Группу курдоведения. При этом следует особо подчеркнуть его чуткое отношение к молодым сотрудникам Сектора, которые могут по праву называться его учениками. Предоставляя им максимально широкие возможности для научного творчества, он тонко и деликатно направлял их действия в нужное русло. Без такого бережного и уважительного отношения многим из них не удалось бы найти своего места в науке. Забота о молодых коллегах и о преемственности в иранистике всегда оставались в центре его внимания.

В последние годы жизни О.Ф. Акимушкин приложил немало усилий к тому, чтобы завершить давно начатую работу над трактатом Кази Ахмада «О каллиграфах и художниках» (XVII в.), собирая рукописи этого сочинения, выясняя их редакции, делая его перевод и аккумулируя из разных источников сведения об упомянутых в нем мастерах. К счастью, он закончил ее незадолго до своей кончины, и есть надежда, что этот труд в скором времени будет издан, став достойным и крупным событием в биографии талантливого ученого и замечательного человека, но уже посмертно.

Перечитывая строки биографии О.Ф. Акимушкина, невольно ловишь себя на мысли о том, что главное условие реализации таланта заключается не только и не столько в благоприятной среде, куда он попадает или которая для него создается, но прежде всего в постоянной жажде, насущной потребности и порой рационально не объяснимой мотивации к творческой работе — в каком-то глубинном интересе к тому, что до него никто еще не делал и мало кто знал. А иначе говорить о нераскрывшемся таланте или потенциальной гениальности, которые не подтверждены никаким творчеством, просто не имеет смысла. Можно вести речь только о реализовавшемся таланте, который оставляет после себя нечто такое, что будет востребовано еще спустя много времени после его ухода из жизни, и именно так переживает самого себя. Научная жизнь и творчество О.Ф. Акимушкина — яркий тому пример.

А.А. Иванов, А.А. Хисматулин

Михаил Николаевич Боголюбов

(1918–2010)

25 ноября 2010 г. завершил свой земной путь Михаил Николаевич Боголюбов. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения литературы и языка РАН М.Н. Боголюбов является крупнейшим отечественным специалистом в области сравнительно-исторического изучения иранских языков.

М.Н. Боголюбов родился 24 января 1918 г. в Киеве в семье видного богослова, профессора Университета святого Владимира и настоятеля университетской церкви протоиерея Николая Михайловича Боголюбова (1872–1934). Большую роль в судьбе М.Н. Боголюбова сыграли его старшие братья — Николай Николаевич (1909–1992), ставший известным физиком и математиком, академиком, директором Объединенного института ядерных исследований в Дубне, и Алексей Николаевич (1911–2004), математик, историк науки, академик Украинской академии наук. По совету братьев в 1936 г. М.Н. Боголюбов поступил на иранское отделение в Ленинградский институт философии, литературы и истории (ЛИФЛИ), бывший подразделением Ленинградского университета. Учителями М.Н. Боголюбова были классики отечественного востоковедения: А.А. Фрейман, И.И. Зарубин, И.Ю. Крачковский, В.И. Беляев и другие. В 1941 г., после окончания университета, М.Н. Боголюбов был призван в армию и в течение четырех лет войны преподавал персидский язык в Высшей школе Красной армии, а с 1944 г. преподавал в Московском университете. В 1945 г. М.Н. Боголюбов поступил в аспирантуру к члену-корреспонденту АН СССР А.А. Фрейману и вернулся в Ленинград на восстановленный Восточный факультет ЛГУ, где проработал до последнего дня.

Уже в студенческие годы определились основные направления научных исследований М.Н. Боголюбова — сравнительно-историческое языкознание, изучение древне- и среднеиранских языков. В начале XX в. благодаря археологическим находкам в Центральной Азии и Китайском Туркестане, иранистика обогатилась новыми материалами на ранее неизвестных среднеиранских языках, прежде всего согдийском и хорезмийском. Дешифровке и интерпретации текстов на этих языках посвящены многие труды М.Н. Боголюбова. Он принимал участие в публикации согдийских документов, обнаруженных в 1933 г. на горе Муг в Таджикистане, и собирал материалы по ягнобскому, потомку согдийского языка, в труднодоступной высокогорной долине реки Ягноб в верховьях Зеравшана, опубликовал несколько работ о другом среднеиранском языке Центральной Азии — хорезмийском. На согдийских текстах основывались его кандидатская («Связка 3-го лица единственного числа в согдийском языке, ее историческое развитие и типологические параллели», 1948) и докторская («Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы», 1956) диссертации. Интерес к согдийской письменности, в основе которой лежит арамейское семитическое письмо, привел М.Н. Боголюбова к исследованию папирусов и надписей на арамейском языке. Работа с авестийскими текстами, содержащими в том числе древнеиранские астрономические и календарные термины, побудила М.Н. Боголюбова обратиться к индологическому материалу — все направления его научных исследований логически связаны между собой. М.Н. Боголюбов — автор более 200 научных

работ (список его работ за 1947–1987 и 1987–1998 гг. опубликован И.М. Стеблин-Каменским в сборнике Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 14. Л., 1988; 8–18 и Вып. 21. СПб., 1999, 11–13, за 1999–2010 гг. — на сайте www.orientalstudies.ru). Статьи М.Н. Боголюбова, небольшие по объему, но совершенные по форме, свидетельствующие о широкой эрудиции, проницательности и образцовой исследовательской мысли автора, содержат важные наблюдения и открытия в области индоевропейского языкознания, изучения иранских письменных памятников, исторической грамматики и этимологии иранских языков и имеют важное значение не только для иранистики, но и для широкого круга научных дисциплин. Под редакцией и с предисловиями М.Н. Боголюбова вышло более полусотни монографий и сборников статей, периодических и серийных изданий по востоковедению и филологии, причем редактором он был строгим и взыскательным.

М.Н. Боголюбов обладал незаурядным административным и организаторским талантом. В течение 35 лет — с 1960 по 1995 г. — М.Н. Боголюбов был бессменным деканом Восточного факультета ЛГУ–СПбГУ, а с 1995 г. до последних дней — Почетным деканом. Благодаря авторитету, продуманному и твердому руководству М.Н. Боголюбова и его глубокому пониманию цели и смысла университетского образования в годы утилитарного подхода к науке Восточный факультет не только сохранил, но и приумножил славу петербургского востоковедения, развивая прежние и осваивая новые научные направления. При М.Н. Боголюбове были созданы новые отделения по филологии и истории стран Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Бирма, Камбоджа, Таиланд, Индонезия, Филиппины), возрождены афганистика, маньчжуристика, кавказоведение, а факультет стал признанным мировым центром востоковедного образования.

М.Н. Боголюбов был заместителем академика-секретаря Отделения литературы и языка Российской академии наук, руководил Восточной комиссией Русского географического общества, входил в совет экспертов Российского гуманитарного научного фонда, работал в различных ученых советах, ответственных комиссиях и комитетах, участвовал, организовывал и вел многочисленные научные сессии и международные симпозиумы. В течение 50 лет М.Н. Боголюбов возглавлял Диссертационный ученый совет на Восточном факультете, при этом внимательно читал все представляемые к защите работы. С 2007 г. Школа сравнительно-исторического изучения азиатских и африканских языков, возглавляемая М.Н. Боголюбовым, входила в официальный реестр ведущих научных и научно-педагогических школ Санкт-Петербурга. В 2001 г. М.Н. Боголюбову было присвоено звание почетного профессора СПбГУ, а с 2008 г. он был председателем Коллегии почетных профессоров. М.Н. Боголюбов являлся иностранным членом Грузинской академии наук.

Но все-таки главным делом своей жизни М.Н. Боголюбов считал преподавание и говорил в своих интервью, что ему необходимо «живое общение со студентами». На протяжении 65 лет М.Н. Боголюбов на Восточном факультете СПбГУ (ЛГУ) читал курсы по современным и древним иранским языкам — персидскому, таджикскому, афганскому, среднеперсидскому, согдийскому, древнеперсидскому и авестийскому, по исторической грамматике иранских языков и по персидской классической поэзии. В 1981–1991 гг. он заведовал кафедрой иранской филологии (почти одновременно, в 1987–1989 гг. — кафедрой монголо-тибетской филологии, в 1990–1997 гг. — кафедрой истории Древнего Востока). Все известные ныне иранисты, кандидаты и доктора наук, среди которых и сотрудники Института восточных рукописей РАН, где М.Н. Боголюбов работал по совместительству в 1958–1961 гг., являются его учениками. Научная и педагогическая деятельность М.Н. Боголюбова получила признание и за рубежом, где он неоднократно выступал с лекциями (в том числе в Пенсильван-

ском университете (США), Академии языка и литературы в Тегеране (Иран) и где были переведены и изданы его труды.

Заслуги М.Н. Боголюбова в научной, общественной и педагогической деятельности неоднократно отмечались государственными и правительственными наградами, как отечественными, так и зарубежными. В числе этих наград орден Трудового Красного Знамени (1975), орден Дружбы народов (1981) и орден Почета (1998), он лауреат премии им. С.Ф. Ольденбурга РАН (2000), премии Фонда содействия отечественной науке «Выдающийся ученый Российской академии наук» (2007). В 2006 г. Указом президента РФ ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», а научным сообществом Исламской Республики Иран — почетное звание «Личность, остающаяся (в веках) (chehre-ye māndegār)». М.Н. Боголюбов — кавалер японского ордена Восходящего солнца с золотыми лучами и шейной лентой (2009).

Но никакое перечисление многочисленных трудов и заслуг М.Н. Боголюбова не может передать истинный масштаб его уникальной личности. Он необыкновенно легко (возможно, и благодаря отличному музыкальному слуху) усваивал языки любого строя — будь то японский, древнееврейский или грузинский. У М.Н. Боголюбова, как и у его братьев, были незаурядные способности и интерес к точным наукам, он внимательно следил за новинками в компьютерной области и в последние годы материалы для занятий со студентами готовил самостоятельно в программе PowerPoint — у него были все восточные шрифты, современные и те, что используют при изучении мертвых языков. Обладая ярко выраженным артистизмом, М.Н. Боголюбов проводил свои занятия увлеченно и эмоционально, заражая энтузиазмом своих учеников.

Характерными чертами М.Н. Боголюбова были необыкновенная ответственность, обязательность, серьезный и честный подход к любому делу, внимание и уважение к другим, которое проявлялось, в частности, в том, что он никогда и никуда не опаздывал. При этом он обладал сильным характером, проявляя твердость и принципиальность в деловых вопросах. М.Н. Боголюбов был сдержанным и сильным человеком, он никогда не выказывал своих переживаний, а они у него, безусловно, были: в 2003 г. не стало его супруги, верной спутницы жизни Аллы Александровны. В семейной жизни М.Н. Боголюбов был счастлив. Он очень гордился успехами своих сыновей — Николая Михайловича, доктора физико-математических наук, и Алексея Михайловича, япониста, кандидата исторических наук, успехами внучки Ольги Николаевны, кандидата психологических наук, и внука Михаила, студента Факультета международных отношений, с особой нежностью говорил о правнучке Асе. М.Н. Боголюбов был человеком глубоко верующим.

Высокий, стройный, представительный, интеллигентный, всегда элегантно одетый — обаяние М.Н. Боголюбова было неотразимым. Он будто не чувствовал своего возраста: и в работе, и в жизни он был устремлен вперед, с юношеским энтузиазмом следил за новостями в науке, компьютерных технологиях, за происходящими в мире событиями и с удовольствием делился ими с окружающими. М.Н. Боголюбов обладал невероятной работоспособностью и жизненной энергией, до последнего дня вел занятия на факультете и писал статьи. Вот почему, несмотря на то что М.Н. Боголюбов прожил долгую, яркую, насыщенную событиями жизнь и реализовал свои многочисленные таланты, его уход кажется неожиданным и преждевременным.

М.Н. Боголюбов ушел из жизни, но продолжает жить в памяти и в работах своих благодарных учеников.

Александр Михайлович Кабанов

(15.02.1952 — 23.01.2011)

Петербург потерял последнего япониста, принадлежащего к блестящей плеяде ученых-энциклопедистов, ушедших в историю, — А.М. Кабанова. Он оставил после себя огромное количество публикаций, связанных с разными аспектами изучения Японии. Его живой, любознательный ум всегда занимали самые, казалось бы, несовместимые темы — от дзэн-буддизма до деятельности секты «Аум синрикё» в России, от айнского фольклора до неизвестных рукописей из коллекции Института восточной рукописи, от стихотворного наследия монаха XV в. до сочинений модных сегодня японских писателей. Как он сам написал в своей биографии для сайта Института, «сферой научных интересов были: чань-буддизм, дзэн-буддизм (особенно литература годзан), китайско-японские историко-культурные связи, японский эзотерический буддизм, синтоизм, язык и культура айну и о-вов Рюкю, народная литература периода Токугава, культурная и социальная антропология».

Широченный разброс тематики отнюдь не означал дилетантизма в их освещении, все публикации А. Кабанова основаны на блестящем знании источников и научной литературы и, как правило, касаются глубинных пластов культуры, открывая новые и часто неожиданные перспективы для дальнейшего изучения.

Он родился в Дедовичах Псковской области. В 1974 г. окончил Восточный факультет ЛГУ (специальность — история Японии), несколько лет проработал в агентстве по авторским правам и в 1978 г. был принят в штат ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР на должность старшего лаборанта. В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Поэзия Пяти монастырей (*годзан бунгаку*) в XIV–XV вв. и ее место в японской литературе» (научный руководитель — В.Н. Горегляд). С 1985 г. А.М. Кабанов — старший научный сотрудник Сектора Дальнего Востока ЛО ИВ АН (с 2010 г. ИВР РАН). Подчеркнем, что он был одним из российских японистов, взявшихся за исследование буддизма. Выбранная им тема для диссертации не только была новаторской для нашей науки, но и требовала одинаково совершенного знания японского и китайского языков. Вышедшая в издательстве «Гиперион» небольшая книжечка «Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей» (СПб., 1999), куда вошли блестящие переводы поэзии дзэнских монахов, поистине образец высокопрофессиональной работы, когда за казалось бы кратким комментарием кроется трудоемкая и кропотливая работа высшей пробы. Надеюсь, что и неопубликованная рукопись книги «Иккю Содзюн. Собрание стихотворений „Безумного облака“ (Кёунсю)» тоже будет наконец издана.

А.М. Кабанов всегда брался за архисложные темы — будь то поэзия дзэнских монахов на китайском языке или исследование эзотерического буддизма, смело прокладывая дорогу для следующих поколений ученых. Его всегда интересовали неординарные, даже эксцентричные личности — не случайно ему принадлежит книга об ученом, изобретателе и литераторе Хирага Гэннай («Хирага Гэннай. Похождения весельчака Сидокэна». СПб., 1998), наверно потому, что он и сам был незаурядной личностью.

А.М. Кабанов был не только великолепным исследователем, но и превосходным переводчиком с японского, китайского и английского языков. Благодаря ему россий-

ские читатели познакомились с творчеством не только дзэнских монахов, но и современных японских писателей, начиная от Мисима Юкио и кончая Мураками Рю. Однако он не ограничивался исключительно переводами художественной литературы, ему принадлежат также переводы научной литературы, например классическая история дзэн-буддизма Г. Дюмулена («История Дзэн-буддизма. Индия и Китай», СПб., 1994) или же выдержавшее не одно издание знаменитое исследование Ван Гулика «Сексуальная жизнь в древнем Китае» (СПб., 2004) и многие др.

Изданные книги А.М. Кабанова большей частью представляют собой переводы классических текстов, которые неизвестно с чьей легкой руки перестали считаться «научными исследованиями». На мой взгляд, точный и мастерски выполненный перевод с комментарием классических текстов представляет значительно большую ценность, чем недолговечные рассуждения исследователей, часто весьма быстро устаревающие и теряющие интерес для читателей. Умение вписать переводимый текст в контекст культуры, показать их внутренние связи, вскрыть те ассоциативные ряды, которые только и позволяют понять глубинные пласты культуры, сделать этот текст понятным современным читателям, не привнося в него сегодняшние акценты и смыслы, — все эти задачи требуют от исследователей огромного профессионализма и умения работать с материалом. Огромная эрудиция, отличная начитанность, превосходная интуиция, свободное ориентирование в пространстве культуры Дальнего Востока (и не только!), великолепное владение словом и были сильными сторонами А.М. Кабанова. Не сомневаюсь, что переводы А.М. Кабанова уже вошли в золотой фонд нашей японистики и будут востребованы еще очень долгое время.

Еще одним любимым делом его жизни было руководство в 1990–1999 гг. японским отделением негосударственного Восточного института, соучредителем которого он и являлся: преподавал там японский язык, историю, религию, культурную антропологию, много возился со студентами, читал с ними произведения классической и современной японской литературы, старался помочь им в их дальнейшей карьере и жизни. Многие его ученики сейчас разбросаны по миру, продолжая заниматься японистикой.

По счастью, его еще при жизни оценили западные японисты, и доклады Саши привлекали особое внимание на многочисленных конференциях, где бы они ни проходили. В наших пенатах все обстояло сложнее — он плохо вписывался в наш академический ландшафт, но смею надеяться, что спустя некоторое время его имя по праву займет достойное место среди самых выдающихся японистов нашего времени.

К.Г. Маранджян

Ираида Анатольевна Смирнова (1928–2010)

Отечественное курдоведение понесло невосполнимую утрату — не стало Ираиды Анатольевны Смирновой, чья жизнь — пример верного служения науке, безмерной работоспособности и бескомпромиссности в отстаивании своих научных убеждений.

И.А. Смирнова родилась в 1928 г. в г. Сычевке Смоленской области. В 1951 г. окончила Московский институт востоковедения (Ближневосточный факультет), специальность — афганский язык (пашто). С 1952 по 1957 г. работала редактором в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей (Москва). В 1957 г. по предложению К.К. Курдоева (высоко оценившего работу Ираиды Анатольевны по редактированию большого «Курдско-русского словаря (курманджи)»), она поступила в аспирантуру при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Здесь она познакомилась со своим коллегой и будущим супругом К.Р. Эйюби (курдом по национальности), с которым долгие годы плодотворно работала в области курдского языка и литературы. По окончании аспирантуры была зачислена в штат Института на должность младшего научного сотрудника. В 1962 г. она вместе с Керимом Рахмановичем перешла на работу в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (с 1992 г. — Институт лингвистических исследований РАН), где и трудилась до последнего дня своей жизни. В 1964 г. И.А. Смирнова защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Образование сложных глаголов в южном диалекте курдского языка (сорани)». Данное исследование открыло в истории отечественного курдоведения новую страницу — изучение южнокурдских диалектов, бытующих на территории Иранского и Иракского Курдистана. Докторскую диссертацию на тему «Категория числа имени в современных иранских языках (значение и функционирование форм)» защитила в 1981 г.

Область основных научных интересов И.А. Смирновой включала направления: современная и историческая грамматика и фонетика курдского языка, диалектология, а также язык литературных памятников. Ее первая книга (в соавторстве с К.Р. Эйюби) посвящена систематическому описанию диалекта мукри (Иранский Курдистан). Позднее ею были исследованы южный диалект сынэи и северный — заза, что в ту пору стало весьма актуальным, поскольку в эти годы в специальной литературе была предпринята попытка отторжения этих диалектов (как и ряда других диалектов) от курдского языка. В своем последующем обобщающем труде — «Историко-диалектологическая грамматика курдского языка» — на широком языковом материале группы южных и северных диалектов она убедительно доказала (на синхронно-историческом уровне) курдскую принадлежность этих диалектов.

В своей научной деятельности И.А. Смирнова не ограничивалась сугубо курдской проблематикой. Многие ее публикации носят общеиранистическую направленность, а также затрагивают проблемы теории грамматики индоевропейских языков. В 2005 г. благодаря ее усилиям вышел в свет подготовленный ею к печати значительный труд ее учителя — широко известного ираниста В.С. Соколовой (1915–1993), содержащий первый опыт морфологической транскрипции и близкий к тексту перевод «Авесты» — древнейшего памятника иранской культуры. Незавершенная рукопись этой работы

была передана И.А. Смирновой после кончины Валентины Степановны, согласно ее воле. Надо ли говорить о том, какой гигантский труд потребовался для публикации этого уникального памятника¹.

Ираида Анатольевна постоянно вела большую редакторскую работу, граничащую с авторской. Одной из таких работ была и книга К.Р. Эйюби «Диван газелей курдского поэта Маляе Джизири» (1994), представляющая собой фактически совместный перевод стихов средневекового курдского поэта, жившего на рубеже XVI–XVII вв. Насколько мне известно, позднее она подготовила находящуюся в печати большую работу по грамматическому описанию языка этого литературного памятника (на северокурдском диалекте — курманджи).

И.А. Смирнова много занималась переводами с курдского и персидского языков. Ею, в частности, долго готовился перевод с персидского на русский язык книги Махмуда Педрама «Тамадуне Махабад» (Тегеран, 1994). Книга содержит описание двадцати пяти памятников разных эпох (включая доисторические времена), находящихся на территории Мукринского Курдистана. Дальнейшая судьба этой работы неизвестна.

Основные научные труды И.А. Смирновой.

1. Курдский диалект мукри. Л., 1968 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
2. Морфологическая структура слова в курдском языке (глагол и существительное) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
3. Формы числа имени в иранских языках. Л., 1974.
4. Фонетика курдского языка. Диалект мукри. Л., 1985 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
5. К вопросу о диалектном составе курдского языка // Лингвистические исследования. М., 1986 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
6. К происхождению глухих придыхательных в курдском языке (курманджи) // Лингвистические исследования. М., 1987 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
7. Особенности отражения древнеперсидского вокализма в курманджи // Лингвистические исследования. Л., 1988 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
8. К этимологии личных и указательных местоимений в курдском языке // Лингвистические исследования. М., 1990 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
9. К реконструкции общекурдского вокализма // Дიაхрония языковых систем. Тверь, 1992 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
10. К типологии исторического развития форм времени в курдском языке // Лингвистические исследования. СПб., 1993 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
11. Курдский диалект заза. М., 1998 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
12. Историко-диалектологическая грамматика курдского языка. СПб., 1999 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).
13. Курдский диалект сынэи. СПб., 2001 (в соавторстве с К.Р. Эйюби).

Труды И.А. Смирновой хорошо известны как в нашей стране, так и за ее пределами, в частности в Курдистане, куда она в последние годы неоднократно ездила для участия в международных конференциях.

З.А. Юсупова

¹ Авеста. Пер. В.С. Соколова. Сост. и ред. И.А. Смирнова. СПб., 2005. Заметим, что издание книги было осуществлено при финансовой поддержке «Института Курдистана и Передней Азии».

АВТОРЫ ППВ-14

Болтач Юлия Владимировна — к.и.н., н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Воднева Оксана Анатольевна — к.и.н., ученый секретарь ИВР РАН

Волкова Ирина Олеговна — главный библиотекарь отделения Библиотеки РАН при ИВР РАН, н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН

Воробьева-Десятковская Маргарита Иосифовна — д.и.н., зав. Сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Галамбош Имре — научный сотрудник и менеджер по международным контактам «Международного дунхуанского проекта» (IDP) Британской библиотеки

Гасимова Аида — профессор кафедры арабской филологии Бакинского государственного университета

Гуревич Изабелла Самойловна — к.ф.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Евдокимова Татьяна Юрьевна — м.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Иванов Анатолий Алексеевич — к.и.н., в.н.с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа

Иоаннесян Юлий Аркадьевич — к.ф.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Канева Ирина Трофимовна — д.ф.н., в.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН

Кикнадзе Диана — ассистент кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ, соискатель Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Климов Вадим Юрьевич — к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Колесников Алий Иванович — д.и.н., в.н.с., зав. Сектором Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Кульганек Ирина Владимировна — д.ф.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Маранджян Карина Генриховна — к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Мелони Джорджо — аспирант Пекинского университета языка и культуры

Михайлова Юлия Дмитриевна — профессор факультета международных отношений Хиросимского университета, Япония

Мусаэлян Жаклина Суреновна — к.ф.н., м.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Надилов Ильнур Ильбарисович — к.и.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Островская Елена Петровна — д.филос.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Пан Татьяна Александровна — к.и.н., зав. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН

Полосин Валерий Вячеславович — к.и.н., с.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН

Прозоров Станислав Михайлович — к.и.н., зам. директора по научной работе ИВР РАН

Рыбаков Вячеслав Михайлович — д.и.н., и.о. в.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Хисматулин Алексей Александрович — к.и.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Черная Тамара Александровна — главный библиотекарь отдела БАН при Ботаническом институте РАН, куратор рукописного фонда отдела

Чунакова Ольга Михайловна — д.ф.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Шомахмадов Сафарали Хайбуллоевич — к.и.н., н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Щепкин Василий Владимирович — м.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Юсупова Зара Алиевна — д.ф.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Якерсон Семен Мордухович — д.и.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

**К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»**

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

Организации и учреждения РАН, а также их сотрудники могут приобрести очередные номера журнала в Издательской фирме «Восточная литература», указав в заявках свои реквизиты.

Просим направлять свои заказы и письма по адресу:

127051, Москва, Цветной бульвар, д. 21, стр. 2, тел.: (495) 625 47 25, факс: (495) 621 95 48,
e-mail: vostlit@gmail.com

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 127051, Москва, Цветной бульвар, 21 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 07.07.2011. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 25,2

Усл. кр.-отт. 26,0. Уч.-изд. л. 34,1. Тираж 500 экз. Изд. № 8463. Зак. №

Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6